Гуманитарный университет

Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках

Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета 5–6 апреля 2007 года

Том второй

Правовая жизнь и правовые ценности: истоки, проблемы, перспективы

Человеческий капитал как фактор экономического роста

Ценности повседневности в управлении человеческими ресурсами

Ценности повседневности как базис сферы туризма и услуг

Влияние информационных технологий на повседневную жизнь человека

Современная одежда между идеалами и повседневностью: проблемы проектной культуры нового века

Екатеринбург
2007

УДК 1
ББК 87. 6
Ч 39

Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 5–6 апреля 2007 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. – 2007. – Т. 2: Правовая жизнь и правовые ценности: истоки, проблемы, перспективы. Человеческий капитал как фактор экономического роста. Ценности повседневности в управлении человеческими ресурсами. Ценности повседневности как базис сферы туризма и услуг. Влияние информационных технологий на повседневную жизнь человека. Современная одежда между идеалами и повседневностью: проблемы проектной культуры нового века. – 624 с.

ISBN 5-7741-0085-5

В сборнике представлены правовые и экономические аспекты изучения и проявления повседневной жизни людей, ее ценностей, а также воплощение ценностей повседневности в практиках юриспруденции, управления, маркетинга, моделирования и конструирования швейных изделий, сервиса и туризма, интернет-технологий.

Рекомендуется специалистам и студентам социально-гуманитарных наук, всем интересующимся проблемами повседневности и ее ценностей.

УДК 1
ББК 87. 6

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос.наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. истор. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. экон. наук С. А. Мицек
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
д-р псих. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. тех. наук, доцент А. В. Агеносов

ISBN 5-7741-0085-5

© Сборник Гуманитарный ун-т, 2007
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2007

Содержание

Раздел первый
Правовая жизнь и правовые ценности: истоки, проблемы, перспективы 17

С. И. Архипов
Природа правоотношений собственности 18
А. А. Баландин
Гарантии прав и свобод человека и гражданина в российских конституционных проектах (конец XVIII–первая четверть XIX века) 25
В. А. Беседина
Правосознание личности и нормы права 32
С. Г. Бывальцева
Проблемы реализации правозащитной функции прокуратуры 36
А. А. Великий
Право и экономика: проблемы ценностного соотношения 40
Т. Ю. Венцель
Защита экологических прав на международном и национальном уровнях: международно-правовые стандарты и их реализация в современной России 44
Ю. О. Вербицкая
Предпринимательская деятельность организации и распределение прибыли в ней – критерий разделения на коммерческие и некоммерческие организации? 48
Ю. В. Волкова
О понятии корпоративного права 52
Е. И. Волкова
Характер истины, устанавливаемой в процессе осуществления судом познавательно-оценочной деятельности 56
И. А. Воронин
Правовые и социальные практики студенческого труда за рубежом 59
С. Я. Гаген
Особенности правовой культуры поздней Византии (1261–1453) 62

О. Ю. Герасименко
Рациональность потребителя:
противоречия права и экономики 65
С. И. Глушкова
Права человека и гражданина
в правовой жизни современной России 69
Г. А. Горкушенко
Три аспекта познания юридической ответственности 77
А. А. Давлетов
Принципы уголовно-процессуальной
деятельности: главный критерий 81
Н. Н. Давыдов
Значение права в цифровую эпоху 87
С. А. Денисов
Избирательное правоприменение
в административной правовой системе 90
С. А. Дьяконова
Язык права как социокультурная ценность 94
Л. Г. Егина
Формирование правовой культуры школьников 98
Е. Р. Ергашев
Принцип законности в прокурорском
надзорно-охранительном праве 102
Е. А. Зорина
Ценность жизни как правовая
и экономическая категория 107
О. М. Зуев
Проблемы законности
нормативных актов и права человека 111
Ж. В. Ивашевская
Образование: социальная ценность
или услуга (правовой аспект) 115
Р. Е. Качанов
Понятие судебного нормоконтроля
как ценности гражданского общества
и правового государства 120
О. А. Колоткина
Право личности на безопасность
как общечеловеческая и правовая ценность 124
О. А. Коробкина
Принцип равенства сторон 128

О. Г. Кочебаева
Доступ к праву 133
Е. П. Криеф-Семитко
Проблемы становления правового государства в России..... 136
С. Е. Кузахметова
Профессиональная тайна – гарантия неприкосновенности
частной жизни в сфере защиты информации 151
С. Н. Кулешова
Особенности аномии современного
российского общества: социокультурный аспект 155
В. О. Лобовиков
Право и жизнь, закон и благодать (Правовой нигилизм,
«философия жизни» и модальная логика норм с точки
зрения алгебры естественного права) 158
Е. С. Мазанова
Правовая жизнь: проблемы
правосубъектности (истоки, опыт, перспективы)..... 162
А. Л. Малхасьян
Общеправовые ценности мусульманского права 168
Н. А. Мальцева
Правовое регулирование института
обязательств из неосновательного обогащения
в российском гражданском праве и во французском
гражданском праве: сравнительно-правовой анализ 171
И. В. Маморцев
Основы синергетической методологии
в теоретическом правопознании 175
А. Ю. Маракулин
Возмездность сервитутов
в современном гражданском праве России 178
В. А. Муравский
Методологическое значение
категории «актуальное право» 181
А. Л. Мышинский
Учение И. А. Ильина о праве
и неокантианское учение о ценностях 187
О. А. Мясникова
«Договор дороже денег» – почему? 191
Р. А. Насибуллин
Критика учения о верховенстве права в русской
дореволюционной науке государственного права 193

А. Л. Непрозванных
Правовые проблемы развития
российского парламентаризма 200
А. А. Озеров
Мониторинг в правотворчестве 205
И. В. Пашинская
Процессуальная форма и правовая процедура:
проблемы разграничения 211
М. А. Пискунов
Понятие принципов права 215
И. А. Протасова
Формирование нравственно-правовых
ценностей личности в процессе семейного воспитания 218
Е. С. Резник
«Жизнь» как правовая ценность 222
Е. А. Рыболова
Проблема ценности личности
на фоне многовековой истории доносительства 225
А. П. Семитко
Французская кухня и политкорректность: может
ли благотворительность нарушать права человека? 229
М. В. Снегирева
Целесообразность принятия закона
о предотвращении насилия в семье 249
П. Ю. Соболев
Теоретико-правовые аспекты гендерных исследований 253
Е. С. Соколова
«От варварства к цивилизации»:
образ императорской России в политико-правовых
концепциях французского просвещения 257
Н. Ю. Старикова
Становление охранительной функции правовой культуры
(на примере архаических мифов) 261
Н. Ю. Старикова
Становление регулятивной функции правовой культуры
(на примере архаических мифов) 265
Т. В. Сысоева
Объективная сторона убийства,
совершенного в состоянии аффекта 271

М. Фейар
Защита прав инвалидов на жизнь: французский опыт 276
А. И. Холобудовская
Русское учение о праве собственности
конца XIX–начала XX в.в. 280
Е. А. Холобудовская
Значение электронных средств правового
информирования в формировании правовой
культуры российского общества 290
Г. В. Цуба, Т. В. Филипповская
Теневая экономика:
экономические экстерналии и правовая ничтожность 295
Д. А. Ягофаров
Ценность категории оптимального в праве и проблемы
оптимизации образовательного нормотворчества 299
И. Д. Ягофарова
Категория «мера» и ее место
в правовой жизни и правовых исследованиях 311

Раздел второй
Человеческий капитал
как фактор экономического роста 317

Л. М. Адиева
Образование как главный фактор
инвестиций в человеческий капитал 318
А. А. Аношкин
Корпоративная культура в исследовательских
проектах Гарвардской Школы Бизнеса 322
К. А. Бармина, Е. Б. Мицек
Мотивация и компенсация труда работников 326
А. А. Воротников, Г. В. Дорощенко
Трудовые ресурсы как фактор
экономического роста агропромышленного комплекса 330
С. Г. Гартман
Влияние человеческого капитала
на финансовые результаты деятельности организации 334
П. Глазков, Т. В. Филипповская
Риски развития человеческого капитала
в современной России 338

Н. А. Гончарова
Кризис человеческого капитала в России 342
С. Ю. Лисовец
Проведение оценки персонала как метод оценки человеческого капитала организации 345
Е. А. Лукашова
Человеческий капитал: социально-экономическая интерпретация 348
Г. С. Лушникова
Человеческий капитал – основной фактор экономического роста 351
В. В. Миннуллина
Место и роль системы ипотечного кредитования в социально-экономической политике 355
С. А. Мицек
Проблемы равновесия на рынке труда в России 360
Н. П. Неклюдова
Трудовая иммиграция населения и проблемы сохранения и накопления человеческого капитала в России 363
К. В. Патырбаева
Человеческий капитал и организации в глобальной инновационной экономике 367
К. И. Плотникова
Инвестиции в человеческий капитал 371
С. И. Пономарева, Л. А. Пьянова
Человеческое богатство и экономический рост в условиях постиндустриализации ... 375
Н. Г. Протас
Исследование развития человеческого капитала в регионах Сибирского федерального округа 378
А. А. Субачев
Влияние самоуправления на человеческий потенциал организации 382
В. М. Танаев
Человеческий капитал в экономике: типологическая парадигма 385
Т. В. Филипповская
Противоречивость экстерналий образовательного менеджмента 391
И. Е. Якимова
Старая теория и социальный мир 394

Раздел третий
Ценности повседневности в управлении человеческими ресурсами 399

И. С. Бусыгина, В. Н. Задорожный
Черты российского менталитета в российском бизнесе 400
Е. Ф. Власова
Корпоративная культура как фактор социальной адаптации новых работников 407
Е. Г. Дьякова
Переход к информационному обществу и сохранение ценностей повседневности: роль институтов гражданского общества 412
М. Е. Иванова
Организационная культура как форма отражения социальных ценностей 417
Ю. Б. Казакевич
Проблемы управления имиджем организации 420
Г. В. Клименков, Т. В. Филипповская
Качество жизни как категория стратегического менеджмента и основа подготовки управленцев 422
Н. В. Лазуренко
Социальная защита детства в контексте управления человеческими ресурсами (на материалах г. белгорода) ... 426
В. П. Лимушин
Ответственность как системообразующий элемент модели человесеского капитала: управленческо-аксиологический аспект 430
В. П. Лимушин
Вспоможение как смыслообразующая ценность деятельности Свердловского отделения СТД РФ (ВТО) по возвращению традиций организации 434
Л. А. Можаева
Профессиональная культура в практиках повседневности.. 441
Б. В. Орлов
Корпоративные ценности в аспекте брендинга 445
О. Е. Попкова
Социокультурные предпосылки профессиональной успешности личности в условиях повседневных практик ... 450

С. А. Поспелова
Власть и лидерство в организации 454
Т. В. Прикуль
Поколение NEXT 457
Ф. И. Семяшкин
Сущность и содержание планирования карьеры 460
В. М. Танаев
Ценности «повседневности» в управлении человеческим ресурсом (типологический подход) 464
И. В. Тесленко
Профессионализм глазами современного работодателя 469
Н. В. Фатеева
Общество потребления и производства возможностей 473
О. В. Фролов
Управленческая оценка результатов трудовой деятельности персонала организации как аксиологический феномен 476
И. Г. Шевелева
Проблема трудовой мотивации работников государственных организаций 480

Раздел четвертый
Ценности повседневности как базис сферы туризма и услуг 483

Е. А. Батюта
Социокультурный смысл новейших потребительских практик 484
О. С. Кособокова
Изменение стереотипов в потребительском поведении россиян 489
А. Е. Бойко
Эволюция ценностей повседневности как базис для развития туризма 491
Н. Л. Девятова
Парки: между повседневностью и праздником 494
С. Ю. Каменский
Ценность археологического наследия как товара 496
С. А. Рыбин
Деловой туризм как феномен повседневных практик 500

Ю. Н. Голубчиков
Режиссура имиджа России как фактор развития национального туризма 503
А. В. Щербакова
Ценность общения как фактор формирования субкультуры туризма 507
В. В. Беляков
Валеологические аспекты активного туризма 510
А. В. Калитвянская
Проблемы развития туризма в ООПТ 513
С. В. Кощук
Праздник повседневного шоппинга 517
Н. Б. Лагарева
Особенности организации производственной практики «Туристические ресурсы» студентов специальности «Социально-культурный сервис и туризм» 520
М. В. Логиновских, А. М. Логиновских
Постсоветские праздники начала XXI века 523

Раздел пятый
Влияние информационных технологий на повседневную жизнь человека 527

А. В. Агеносов
Персональный компьютер в нашей жизни, или Upgrade1 ящика Пандоры 528
Д. О. Голованов
Разработка web-системы автоматизированного управления информацией 532
О. А. Иванов, Т. В. Филипповская
Экстерналии ценовой дискриминации и дискриминации социальной 534
А. А. Майоров, Д. М. Бакеев
Интерактивные учебные пособия для проведения занятий по математике 538
К. М. Маршания
Влияние Интернет-технологии в образовательном процессе 542
Т. Н. Сиротинская
Информационные технологии в деятельности и повседневной жизни человека 544

Е. Л. Шорох
Особенности использования информационных технологий для CRM-систем 547
Е. Ю. Щербина
Влияние информационно-технологической революции на модель современного специалиста 551

Раздел шестой
Современная одежда между идеалами и повседневностью: проблемы проектной культуры нового века 555

О. А. Бакеркина
Избыток предложений рынка моды и дефицит независимых специалистов 556
И. В. Баранова
Экология проектирования и экология производства современной одежды 559
Ф. Г. Васюк
Особенности проектирования современной одежды экологической направленности 562
Е. Ю. Жарникова
Анализ методик оценки конкурентоспособности швейных изделий 564
Т. В. Захарова, Л. В. Лухтан
К вопросу о проектной культуре модельера-конструктора.. 570
Л. Б. Лаврова
Формообразование одежды в условиях современных тенденций проектирования 574
Л. В. Мержиевская
Инновационные тенденции формотворчества в образном моделировании костюма 578
Н. А. Оносова
Рынок одежды больших размеров: спрос и предложение ... 582
Е. М. Пичугова
Проблемы построения графических разверток поверхности одежды в условиях САПР.....587
Н. С. Попова
Формирование рациональной структуры промышленной коллекции на основе потребительского спроса 591

И. Н. Ревега
Методика группировки моделей коллекции одежды по признакам однородности на основе выявленных потребительских предпочтений 596
И. Н. Ревега
Проектирование одежды на основе группировки моделей исследуемого ассортимента по признакам однородности и потребительским предпочтениям 600
И. Н. Ревега, Ж. А. Ким
Исследование особенностей развития рынка товаров швейной промышленности 603
Л. В. Росновская
Проблемы проектирования одежды в контексте диалога «проектировщик – потребитель» 605
Л. В. Степанченко
«Умные» ткани, «интеллигентная» синтетика: проблемы комфорта и экологизации современных материалов 611
Н. В. Страхова, О. Н. Макарова
К вопросу об истории моделирования одежды в СССР.....616
Н. Г. Сумина
Конструкция одежды: функциональность, эргономичность, комфортность 619

Раздел первый

Правовая жизнь и правовые ценности: истоки, проблемы, перспективы

*С. И. Архипов**

Природа правоотношений собственности

В российской и зарубежной юридической науке правоотношения собственности традиционно рассматриваются в рамках конструкции абсолютного правоотношения, где определена лишь одна сторона (собственник), которой противостоит неопределенное число обязанных лиц. Абсолютный характер отношений собственности обычно объясняется их вещной природой, рассматривается как следствие их вещности, то есть *непосредственной связи с вещью*[1]. На наш взгляд, такой подход принципиально не соответствует представлениям о социальной природе права, о праве как форме взаимодействия людей. Поскольку вещь не обладает волей, то право не способно воздействовать на нее; право есть отношение произвола к произволу, при этом, как справедливо отмечал И. Кант, не принимается во внимание даже материя произвола[2]. Субъект, конечно, может воздействовать на вещь, в частности, осуществлять ее переработку, изменять ее предназначение, совершенствовать ее, может вещь уничтожить, выбросить, не использовать ее вовсе и т. д., но для права это не будет иметь значения, по крайней мере до тех пор, пока это не касается других лиц. Как только действия лица начинают затрагивать права, законные интересы других субъектов права, то отношение к вещи становится внешним отношением, то есть отношением лица к лицу. В этом смысле, пока отношение лица к вещи является непосредственным отношением, оно не есть правовое, напротив, как только оно затрагивает волю других лиц, оно перестает быть непосредственным отношением, становится правовым. Господствующее в юридической литературе представление о собственности, вещном праве покоится на натурфилософском отношении к миру, оно объясняется

* ***Сергей Иванович Архипов*** – д-р юрид. наук, профессор Гуманитарного университета, доцент УрГЮА

[1] См.: *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. Вып. II: Вещное право. СПб., 1896. С. 58.

[2] См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

© С. И. Архипов, 2007

тем, что правовая наука еще до конца не самоопределилась, еще не утратила «чувственность», свойственную периоду научного взросления, не стала еще до конца социальной наукой; она по-прежнему озирается на естественные науки, заимствуя у них субъект-объектное восприятие действительности. Современное вещное право, по крайней мере как оно мыслится многими правоведами, – еще не право лица, а право вещи, природное право.

Вещное право отнюдь не является «непосредственным» правом, не оформляет отношение лица к вещи; как всякое право, оно регулирует отношение лица к лицу. Вещь «крепится» к лицу не усилием его воли, также не посредством физических или биологических связей, технологических зависимостей; вещно-правовая связь имеет рациональный характер, природу и пролегает через правопорядок. Вещное право основывается на отношении государства, а через него – и других лиц, к уполномоченному субъекту – обладателю вещного права. В вещно-правовой связи нет ничего непосредственного, она – социальная связь, выражающая вторую природу права, связь, определяемая всей системой правопорядка. Для возникновения вещного права совершенно недостаточно того отношения лица к вещи, когда оно в своем сознании привязывает вещь к себе. Принципиальное значение имеет здесь то, как правовое сообщество относится к вещи и претендующему на нее лицу. В этом суть вопроса. В своем «непосредственном» отношении лицо может трижды мыслить себя собственником вещи или, например, обладателем права хозяйственного ведения, оперативного управления, но пока правовое сообщество в лице государства не признает его таковым, до тех пор никакого вещного права у лица не возникнет.

Что касается абсолютного характера отношений собственности, то Л. И. Петражицкий по этому поводу иронично заметил, что настоящим бедствием для современной юриспруденции в области учения о праве собственности и иных абсолютных прав является ужасающее размножение субъектов; из-за покупки кем-либо булавки или карандаша происходит революция среди всех людей и народов на Земном шаре, так как «все» обязаны по отношению к собственнику булавки; ко всем отправляются (в воображении юристов) запреты, все должны возыметь соответствующую волю, все люди попадают в «житейское отношение» к купившему булавку и прочее[3]. Критическое отношение к конструкции абсо-

[3] См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб., 1910. Т. 2. С. 406–407.

лютных – вещных отношений высказывал также Келер. По его мнению, каждое вещное право «подобно сильному электрическому току, пробегает по всему человечеству», «всякое вновь возникающее право собственности, всякий вырытый кусок металла, всякая пойманная рыба производят юридическое потрясение, доходящее до северного полюса»[4]. В советской литературе негативно оценивал данную конструкцию Д. М. Генкин, называя ее искусственной[5]. Действительно, идея рассматривать собственность как абсолютное правоотношение является неконструктивной, малопригодной в практическом отношении. Что можно извлечь из нее, когда собственнику как уполномоченному лицу противостоит бесконечное количество субъектов, которые даже не знают о его существовании и о своей обязанности? На наш взгляд, правоотношения собственности, вещные правоотношения не следует втискивать в конструкцию абсолютных правоотношений, их необходимо рассматривать в качестве относительных правоотношений, определенных по составу и конкретизируемых по содержанию. Кто является обязанной стороной в данных правоотношениях? С нашей точки зрения, таким обязанным лицом является государство, представляющее собою правопорядок (подчеркнем – не казну как частноправовой феномен, а именно публичный правопорядок), оно и его органы обеспечивают закрепление, всеобщую правовую защиту прав и интересов уполномоченного лица, гарантирует его права. В этом смысле правоотношение собственности, иные вещные правоотношения есть особая форма имущественно-правового диалога собственника (другого уполномоченного лица) с государством, в котором он от имени всех иных лиц определяет условия признания, обеспечения, защиты прав уполномоченного лица на вещь. Если рассматривать эти отношения сквозь призму традиционного деления права на частное и публичное, то их следует признать *публично-правовыми, а не частноправовыми, как принято считать*, поскольку они основываются не на договоре, а на законе и в них реализуется общий интерес. Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняет, почему никак не связанные с собственником правовыми обязательствами лица становятся обязанными перед ним, должны соблюдать его права. Объяснение кроется в том,

[4] *Kohler.* Gesammelte Beitrage zum Civilprocess. 1894. S. 5–6. Цит. по: *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. С. 61.

[5] См.: *Генкин Д. М.* Право собственности в СССР. М., 1961. С. 36–39.

что стороной этих отношений является государство как всеобщая правовая корпорация, выражающая публичный интерес. Другие лица (обязанные по отношению к обладателю вещного права) должны не нарушать права собственника не в силу приобретения им вещи по договору, а в силу требования закона и стоящего за ним государства. Государство, в свою очередь, не просто «дарует» права собственнику (иному обладателю вещного права), а требует от него взаимности: уплаты налогов, осуществления иных социальных функций, реализации законных прав третьих лиц. В вещных правоотношениях третьи лица сами не вступают в правовую связь с обладателем вещного права, их интересы реализуются через государство, которое является стороной данного отношения. Такая конструкция, как представляется, раскрывает феномен вещного права, объясняет различия, существующие между обязательственными и вещными правами.

Именно связь лица с правопорядком, на наш взгляд, позволяет разграничить отношения собственности, а также иные вещно-правовые отношения от других, в частности обязательственных отношений. В литературе выдвигаются разные критерии (статический, динамический и др.) для их разграничения, но не один из них не позволяет корректно их разграничить. Проблема усложняется тем, что нередко возникновению вещно-правового отношения предшествует заключение гражданско-правового договора, например, о сервитуте или о передаче имущества учредителем (например, образовательного учреждения) в оперативное управление создаваемому юридическому лицу. В этом случае особенно заметно, что традиционные воззрения на природу вещно-правовых отношений не позволяют установить четкую границу между обязательственным и вещным правом. Отстаиваемое же нами представление о вещном праве как публичном праве позволяет решить эту задачу. Пока правопорядок в лице государства не осуществляет государственную регистрацию прав ограниченного пользования земельным участком (сервитут), оперативного управления, хозяйственного ведения и других в качестве вещных прав или иным образом не обеспечивает им публично-правовое признание (например, путем прямого указания в законе), они, по нашему мнению, будут иметь только обязательственный характер. Вещного права как такового в этом случае еще не возникает и лишь тогда, когда государство опосредствует частноправовые отношения, опубли-

чивает их, тогда и формируется вещное правоотношение, появляется вещное право.

В истории правовой мысли можно обнаружить идеи, подводящие к выводу о том, что отношение собственности и иные вещно-правовые отношения есть публично-правовые отношения лица (правообладателя) с государством. Так, в свое время Р. Иеринг усомнился в том, что право собственности существует исключительно ради управомоченного лица и что сущность собственности выражается в неограниченной власти собственника и всякое ограничение этой власти есть захват оной, противоречащий самой идее института. По его мнению, такое воззрение является совершенно ошибочным, идея собственности не может заключать в себе ничего такого, что бы противоречило идее общества, единственно верною представлялась ему общественная теория собственности[6]. Из публично-правового понимания природы отношений собственности исходил также Л. Дюги, он утверждал, что индивидуальная собственность перестает быть индивидуальным правом, чтобы сделаться *общественной функцией*[7]. Собственник, по его мнению, должен выполнять определенную общественную роль, объем права собственности должен быть определен законом и применяющей его судебной практикой соответственно той социальной роли, которую он должен выполнять, «он не может претендовать на другое право, кроме как только на возможность свободно, полно и совершенно выполнять социальную функцию собственника»[8]. Публично-правовая природа отношений собственности нашла выражение и в работах М. Ориу, полагавшего, что вещные права поддерживаются общей дисциплиной и общими процедурами, обязательными непосредственно для всех; права эти не вытекают из юридических отношений между отдельными лицами, они предшествуют этим отношениям, будучи поддержаны дисциплиной и процедурами института государства, вытекающими непосредственно из первичного факта существования института и из первичного факта существования правительственной власти[9]. По его мнению, в публичном

[6] См.: *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 376, С. 379, 382.

[7] См.: *Дюги Л.* Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства. СПб., 1909. С. 13.

[8] См.: *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 905.

[9] См.: *Ориу М.* Основы публичного права. М., 1929. С. 165.

праве институты и «сложившиеся положения» прямо ведут к понятию вещей и вещного права. С публично-правовой точки зрения оценивал вещное право А. Вагнер, свобода и собственность, по его мнению, слишком односторонним образом рассматривались со стороны права, причем упускались из виду сопряженные с ними обязанности. С признанием же оборотной стороны обоих учреждений теряется их исключительно частный характер, они получают характер общественный; собственность выходит из области чисто частного права и подводится под точку зрения публичного, становится тем, чем она должна быть: социально-юридическим учреждением[10]. В российской дореволюционной юридической литературе публично-правовой аспект права собственности, иных вещных прав также не остался незамеченным. Например, на изначально публично-правовой характер земельной собственности в России (основанной на общинном, родовом строе) обращал внимание И. А. Покровский[11]. На наличие непосредственной связи между вещно-правовыми отношениями и государством, публичной властью указывал К. П. Победоносцев[12], другие дореволюционные юристы. В советской юридической литературе Д. М. Генкиным была высказана идея, что у собственника создается правоотношение с государством, которое предоставляет ему своей властью возможность независимо от других лиц владеть, пользоваться и распоряжаться вещью[13]. Однако автор данной идеи проявил непоследовательность в свои суждениях, утверждая, что государство не может быть обязанным лицом по отношению к собственнику, поскольку оно суверенно, само устанавливает нормы объективного права. Право собственности, согласно представлениям Д. М. Генкина, существует вне правоотношений, что, на наш взгляд, разрушает предложенную им конструкцию правоотношения собственности как отношения лица

[10] *Wagner A.* Lehrbuch der Pol. Qek. Grundleg. S. 303, 501. Цит. по: *Чичерин Б.* Собственность и государство. С. 143.

[11] *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 194–195.

[12] См.: *Победоносцев К.* Курс гражданского права. Ч. 1. С. 100, 130, 659–661 и др.

[13] См.: *Генкин Д. М.* Рецензия на монографию: В. Кнапп. Собственность в странах народной демократии (правовой режим собственности в Чехословацкой республике). М., 1954 //Советское государство и право. 1955. № 6. С. 129.

к государству. Не случайно, как представляется, в более поздних работах он отказался от этой идеи.

Итак, правоотношения собственности, а равно иные вещно-правовые отношения, нельзя рассматривать в качестве «непосредственных» отношений, существующих между лицом и вещью, они, как и другие правоотношения, являются отношениями между лицами; также их не следует рассматривать в качестве абсолютных правоотношений, они не абсолютны, а относительны; собственнику вещи, иному управомоченному лицу (правообладателю) корреспондирует не бесконечное множество частных лиц, не знающих о существовании правообладателя, а государство, представляющее собою правопорядок; вещные правоотношения имеют публично-правовую природу и основаны на законе.

А. А. Баландин*

Гарантии прав и свобод человека и гражданина в российских конституционных проектах (конец XVIII–первая четверть XIX века)

Первые конституционные проекты в России появляются во второй половине XVIII века. Одним из первых был конституционный проект известного дипломата и общественного деятеля той поры Н. И. Панина (1718–1783). После дворцового переворота в 1762 г., приведшего на российский престол Екатерину II, он представил императрица проект манифеста об учреждении Императорского совета, который должен был ограничить власть монарха. Автор предлагал ввести разделение властей, наделить законодательной властью Сенат, а императору оставить власть исполнительную, ввести элементы западного государственного устройства по примеру шведского, создать прочную законодательную базу для эффективного функционирования власти и ограничения ее произвола[1]. Гарантировать политическую свободу он предлагал только для дворян: «Панин предлагал основать политическую свободу сначала для одного дворянства в учреждении верховного Сената, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц»[2]. Манифест Н.И. Панина не сохранился, анализ его мы можем проводить только по другим источникам, письмам современников, мемуарам и т. п. Однако после его смерти на основе сохранившихся бумаг П. И. Панин написал в 1784 году:

---

* ***Александр Алексеевич Баландин*** – соискатель кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] См.: *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 77–79.

[2] *Фонвизин М. А.* Обозрение проявлений политической жизни в России //Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 126.

© А. А. Баландин, 2007

«Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ними рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не переменяемые на все времена никакой властью». В этом документе были перечислены следующие *гарантии прав граждан* Российской империи: собственности (пункт 21), правосудия (пункт 32). Причем эти гарантии должны были действовать независимо от сословной принадлежности[3].

Конституционные идеи высказывал в своей записке 1799 года канцлер князь А. А. Безбородко (1747–1799). Он предлагал создать законосовещательный орган, состоящий из представителей всех сословий, *гарантировать крестьянам неприкосновенность движимого имущества*[4].

Большое внимание конституционным идеям и проектам во второй половине XVIII века уделяли С. Е. Десницкий, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков. Они видели в конституции гарантию от произвола неограниченной власти монарха, гарантию прав и свобод личности. Их идеи оказали большое влияние на конституционные проекты первой четверти XIX века.

В 1801г. Александр I высказал идею о заимствовании из Великой Хартии Вольностей и Хабеас Корпус Акта основных положений и согласовании их с обычаями России. Был подготовлен проект А. Р. Воронцова (1741–1805) «Грамота Российскому народу», основная идея которого заключалась в том, что неограниченная самодержавная власть дает обещание соблюдать законность, причем без каких-либо конкретных гарантий. Тем не менее, в «Грамоте» прописаны *гарантии справедливого судебного разбирательства:* допускается отвод судей по гражданским делам, такое же право ст. 12 представляет обвиняемому[5]. П. А. Строганов и Н. Н. Новосильцев подвергли этот проект изменениям с учетом положений французской Декларации прав человека и гражданина. Предусматривались гарантии охраны прав личности и собственности, закреплялась свобода мысли и слова, вероисповедания.

Следующий этап развития конституционных взглядов связан с деятельностью М. М. Сперанского. В своем конституционном проекте 1809 года он формулирует мысли об ограничении самодержавия, провозглашает принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную власть. Сперанский рассматривает гарантии гражданских прав, подразделяя их на общие (никто не может быть наказан без суда; никто не обязан нести личную службу иначе, как по закону; всякий имеет право на приобретение движимой и недвижимой собственности; никто не должен нести никаких повинностей иначе, как по закону или добровольному волеизъявлению) и особенные, принадлежащие главным образом дворянам (право быть изъятым из общей очередной военной службы; право приобретать населенную недвижимость)[6].

Несомненный интерес представляет собой проект русской конституции, подготовленный на основе польской 1815 года членами «Негласного комитета» в окончательном варианте в 1820 г., получившей название «Государственная Уставная грамота Российской империи». Она устанавливала гарантии свободы личности и собственности, равенство граждан перед законом, провозглашала идею народного представительства[7].

Все вышеуказанные проекты были разработаны государственными деятелями, они содержали предложения о либерализации власти и управления на началах законности, многосословности, выборного представительства, однако на практике так и остались проектами. Но российское общество жаждало перемен, что способствовало появлению оппозиционных организаций, объединившихся в общества, которые составили основу движения декабристов. Результатом деятельности их тайных обществ явилось создание конституционных проектов преобразования России.

Как известно, декабристы планировали после восстания создать временное правительство, которое должно было осуществлять революционные преобразования в стране. В него они намеривались ввести крупных государственных деятелей того времени, желавших, по их мнению осуществления перемен в России и одобривших бы их программу: М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова и др.[8]

---

[3] См.: *Грацианский П. С.* Указ. соч. С. 79–80.

[4] Там же. С. 80–81.

[5] Там же. С. 83.

[6] См.: *Сперанский М. М.* План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809г.) / http://constitution.garant.ru/DOC-3848894htm

[7] См.: Государственная уставная грамота Российской империи Н. Н. Новосильцева / http://constitution.garant.ru/DOC-31000.htm

[8] См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 7.

Так, в «Манифесте к русскому народу» С. П. Трубецкого был кратко изложен план действий временного правительства: «Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части управления, то есть все министерства, совет, комитет министров, армии, флот. Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.
2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.
3. Образование внутренней народной стражи.
4. Образование судной части с присяжными.
5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.
6. Уничтожение постоянной армии.
7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение»[9].

Манифест также провозглашал отмену крепостного права, равенство всех сословий перед законом, гражданские свободы (свободу печати, совести, занятий), гласность судопроизводства, введение суда присяжных, свободу экономической деятельности: «Объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, както: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться с друг другом перед судом»[10]. Таким образом, Манифест провозглашал гарантии экономической, политической свободы, гарантии правосудия, собственности.

Сравнивая конституционные проекты Сперанского и декабристов, мы находим много общего, но имеются и существенные различия:

1. По крестьянскому вопросу:

Общее. М. М. Сперанский, как и декабристы, исходил из естественно-правовой доктрины права человека на свободу.

[9] Восстание декабристов. Материалы и документы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 107–108.

[10] Восстание декабристов. Материалы и документы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 107.

Различие. Однако он предлагал медленный путь смягчения личного рабства: «Введите установительные законы, то есть свободу политическую, и затем постепенно приступите к вопросу о свободе гражданской, то есть к свободе крестьян. Вот настоящий ход дела. В сем порядке последний вопрос едва ли в десять или в двадцать лет приспеет к разрешению»[11]. В тоже время проекты декабристов были более радикальны (П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой) провозглашали освобождение крестьян первым делом новой власти.

2. По политической организации власти:

Общее. Конституционные проекты Сперанского и декабристов имели общие основы организации власти. Они провозглашали разделение властей, представительное правление.

Различие. Проект Пестеля в вопросе организации верховной власти был республиканским. «Русская правда» П. И. Пестеля содержала программу постепенной замены самодержавного управления демократической, республиканской системой управления, построенной на принципах народного представительства снизу доверху, которое бы основывалось на конституции как на единой законной основе. Он считал, что гарантом прав граждан должно выступать правительство[12]. Конституция Муравьева значительно ограничивала власть монарха: лишала его законодательной власти, давала лишь право вето. В *отличие* от Пестеля он, как и авторы Декларации прав человека и гражданина 1789 г. во Франции, считает высшей ценностью отдельного индивида.

Сперанский в своем «Плане» сохранял за монархом высшую исполнительную власть, законодательную инициативу, право утверждения законов. Представительным органом в его проекте была однопалатная выборная Государственная Дума, она могла протестовать при нарушении правительством «коренных законов» и не предоставлении им узаконенных отчетов.

В Конституции Муравьева представительным органом было Двухпалатное Народное вече, а у Пестеля в «Русской правде» однопалатное Народное вече, и они обладали всей полнотой законодательной власти. Исполнительная власть, по проекту Пестеля,

[11] Письмо М. М. Сперанского к А. А. Столыпину 1818 г.; *Семенова А. В.* Указ. соч. С. 24.

[12] См.: *Пестель П. И.* Русская правда / http://constitution.garant.ru/DOC-32000.htm

принадлежала думе из пяти человек, а по Конституции Муравьева императору как высшему чиновнику Российского государства. Манифест Трубецкого не содержал никаких положений об организации центральных органов власти его автор, перекладывал решение этого вопроса на Учредительное собрание.

3. По гражданским и политическим правам:

Общее. Сперанский, так же как и декабристы, в своем «Плане государственных преобразований» распространяет «права гражданские общие», то есть «безопасность лица и имущества» на все население.

Различие. По Сперанскому политические права представляются только владельцам движимого и недвижимого имущества, за исключением помещичьих крестьян, мастеровых и домашних слуг. Таким образом, он лишает избирательных прав большую часть населения.

Конституционные проекты декабристов провозглашают уничтожение сословий и равенство всех русских перед законом. Манифест в своих статьях утверждает равенство всех сословий. В «Русской правде» Пестеля не упоминается о имущественном цензе для получения избирательных прав однако Н. М. Муравьев придает имущественному цензу большое значение.

Проект Пестеля был более радикален: все сословия упразднялись и сливались в единое «Гражданское сословие», то есть все они должны были иметь равные права. Всем гражданам российского государства в его проекте гарантировалась личная свобода, то есть неприкосновенность личности, право собственности, свобода печати, вероисповедания, экономическая свобода. Принимать участие в выборах органов власти мог любой гражданин независимо от имущественного положения.

Таким образом, в области гарантий политических прав проект Н. М. Муравьева значительно отличается от проекта П. И. Пестеля. *Во-первых*, вступление в гражданство, которое подразумевало под собой пассивное избирательное право, ограничивалось большим числом условий: помимо возрастного ценза (21 год) и обязательного условия оседлости гражданин должен был исправно платить налоги, быть психически здоровым, несудимым, не находиться в исправительном учреждении: через двадцать лет после принятия Конституции планировалось введение образовательного ценза. При этом в его проекте также упразднялись все сословия, гарантировались свобода мысли, слова, передвижения, вероисповедания, право петиций. Однако с исчезновением одних привилегий появляются другие: имущественные активное и пассивное избирательное право ограничивались имущественным цензом, чем выше была должность, тем больше имущественный ценз[13].

Особенность проекта Конституции Муравьева заключается, прежде всего, в том, что принятие конституции связано с утверждением конституционной монархии, только в случае несогласия на это императорской фамилии должно было вводиться республиканское правление; в его конституции гораздо шире представлен перечень прав и свобод, таких как свобода союзов, собраний, передвижений, петиций.

В Манифесте С. П. Трубецкого, несмотря на краткость, содержатся положения, которые декларируют свободу печати, слова, вероисповедания, а также гарантии судебной защиты: это уничтожение военных и иных чрезвычайных судов, введение института присяжных, а также гласность судопроизводства.

Как мы видим, декабристы начали разработку важной проблемы института гарантий прав граждан: «правительство для народа» как гарант прав граждан (Пестель) или принцип разделения властей (Муравьев), гарантии судебной защиты, введение суда присяжных, гласность судопроизводства (Муравьев, Трубецкой). В соответствии с идеями западноевропейских и русских просветителей декабристы впервые представили в российских конституционных проектах полный перечень прав человека – политических, личных (гражданских), экономических. Однако они гарантировали права человека только законом, уделяли недостаточно внимания необходимости обеспечения гарантий самой законной власти, забывая о важнейшем принципе правового государства – принципе разделения властей.

Проблемы гарантий прав и свобод, поставленные в конституционных проектах декабристов, были позднее развиты представителями либеральной и радикальной традиций в русской политико-правовой мысли.

---

[13] См.: *Муравьев Н. М*. Конституция / http://constitution.garant.ru/DOC-5400htm.

В. А. Беседина*

Правосознание личности и нормы права

Нормы права должны быть государственным регулятором типовых общественных отношений. Например, должны регулировать имущественные правоотношения при осуществлении сделок. Регулятивная функция – важнейшая функция правовых норм, при этом регулятивная функция права отлична от аналогичной функции других социальных институтов – семьи, морали, религии и иных. Это отличие заключается, прежде всего, в обязательности исполнения правовых предписаний, наступлении санкции за невыполнение правовой нормы физическим или юридическим лицом. Нормы права регулируют общественные отношения, устанавливают правопорядок[1]. Ему должны следовать и органы власти, и граждане, и организации. Действие права выражается в обязывании, запрете, разрешении, в наказании правонарушителей. В то же время сама норма, чтобы стать регулятором поведения личности, должна ею быть воспринята[2]. Новое российское общество, как и другие государства постсоветского типа, характеризуется размытым общественным сознанием населения. Противоречия наблюдаются и при восприятии правовых норм[3].

Особые противоречия наблюдались в правовом сознании молодежи в первые периоды реформ – создания социально-правовых институтов (бифуркации) до 2002 г. и адаптации (2002–2006 годы).

Так, норма соблюдения права собственности других лиц воспринималась многими молодыми людьми скептически. Опрос 1070 студентов пяти петербургских вузов, проведенный А. В. Соколовым, И. О. Щербаковой, показал, что многие из них даже не готовы

* ***Валентина Алексеевна Беседина*** – канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права СПГУВК (г. Санкт-Петербург).

[1] *Малько А. В.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. С. 164–176.

[2] *Хайруллина Ю. Р.* Социализация личности: теоретико-методологические подходы: Автореф. дис. д-ра социол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998. С. 23–30.

[3] *Сырых В. М., Зенков В. Н., Глазырин В. В.* Социология права. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2004. С. 80–83.

© В. А. Беседина, 2007

соблюдать элементарную норму права и морали «не укради». Были выявлены группы студентов, в которых этой заповеди следуют всего 5–6 %. 65–70 % респондентов уверены в том, что «не родился еще человек, который, занимаясь распределением благ, позабыл бы о себе». Лишь 42 % уверены в том, что «человек выше доллара»[4]. Эти данные коррелируют с результатами других исследований. Так, в ходе опросов молодежи в 1996–2001 году группой исследователей под руководством проф. В. Т. Лисовского задавался вопрос «Как вы относитесь к участию в криминальных группировках?». Каждый 10-й респондент ответил: «Сегодня это вполне нормальный способ зарабатывать деньги»; каждый 5-й (!) – «Если жизнь прижмет, можно временно этим заняться»[5]. Несмотря на то что 70 % категорически отвергли данную установку, значительная часть молодежи оказалась склонной к девиантному поведению, поведению криминальному.

По данным О. И. Карпухина, в 2000 г. каждый пятый опрошенный признался в том, что за последние два-три года стал жертвой преступления. Однако возможность помощи правоохранительных органов воспринимается ими скептически. Если права молодых респондентов были нарушены, они, как правило, обращались не в правоохранительные органы, а к друзьям – 36,7 %. Одна треть – 30,3 % – предпочли защищать свои права самостоятельно и только 15,8 % пострадавших респондентов обратились в милицию или прокуратуру[6]. Противоречивое отношение к социально-правовым институтам выражает в целом скептическое отношение молодежи к существующей правовой системе, это объясняется как неэффективностью деятельности данной правовой системы, так и недостаточной развитостью самого правового сознания молодежи. Обратим внимание на то, что особую размытость правового сознания молодых россиян показали исследования первых периодов развития нашего общества – бифуркации и адаптации.

[4] *Соколов А. В., Щербакова И. О.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 121.

[5] *Лисовский В. Т.* «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 113.

[6] *Карпухин О. И.* Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 126.

В целом, результаты исследований свидетельствуют о том, что российские законы не воспринимаются молодежью автоматически, норма права регулирует поведение личности опосредованно, через механизмы правосознания личности, которые весьма противоречивы у молодого поколения.

Правосознание является одной из форм общественного сознания. Предметом отражения правосознания является право, правовая действительность. Правосознание является совокупностью взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций, переживаний, которые выражают отношение людей к праву.

У каждого человека имеется определенное правосознание. Оно может быть высоким, низким, развитым, незрелым, правильным, искаженным.

Социологи констатируют низкий уровень правосознания россиян, размытость нравственных и правовых норм, которым они следуют, противоречивость поступков и ориентаций. Одной из форм адаптационного поведения явилась коррекция норм поведения и ценностных ориентаций населения к изменяющимся условиям. Пока что социологи наблюдают амбивалентность моральных воззрений – она выражается в несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности и реальным уровнем моральных требований к себе.

Постепенно в общественном сознании укрепляется понимание необходимости наведения порядка в стране, а следовательно, укрепления права. Возрастает стремление населения к моральному, правовому и социальному порядку[7]. Откликаясь на послание Президента РФ в 2005 г., в последнем периоде цикла адаптации респонденты в качестве главных целей общества называют повышение эффективности государственного управления, преодоление бюрократизма (41 %). Более трети отметили необходимость оздоровления образа жизни россиян, преодоления алкоголизма и наркомании (37 %). Почти столько же (35 %) важным для страны сочли реализацию на практике ценностей свободы, демократии и справедливости и улучшение морально-нравственного климата в обществе. Около трети опрошенных выделили две взаимосвязанные задачи: обеспечение доступности и качества медицинских услуг (34 %) и обеспечение необходимых условий для роста рождаемости и воспитания детей (32 %). 31 % считает важным довести зарплаты бюджетников до среднего уровня по стране. Настроения россиян в 2005 г. показывают, что они стремятся к порядку во власти, развитию морально-нравственных устоев, демократии и высокому качеству жизни[8]. Постепенно общество все более осознает необходимость права и соблюдение нравственных и правовых норм. В 2006 г. значение ценностных ориентаций на право среди молодежи значительно возросло – по данным нашего исследования – при 3-бальной системе – соблюдение закона оценивается молодыми респондентами в 2,65 балла, знание закона – в 2,7 балла, противостояние преступности – в 2,6 балла.

По результатам исследования автора (2002–2004), средневзвешенная качества «правопослушности» равна 1,9, «знание права» 2,3 при 3-бальной системе оценки важности. В целом, это показатели невысокой правовой культуры и уровня правосознания данной социальной группы[9]. В 2006 г., как было указано выше, эти показатели возросли.

Таким образом, все же можно отметить тенденцию возрастания ценности права для личности в российском обществе.

[7] *Бойков В. Э.* Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 49.

[8] Послание Президента России Федеральному Собранию в фокусе общественного мнения: Пресс-выпуск ВЦИОМ. 11 мая 2005 г. № 205.

[9] *Беседина В. А.* Генезис и тенденции изменений социально-правовых институтов современной России. СПб: СПбГУВК, 2004. С. 60.

*С. Г. Бывальцева**

Проблемы реализации правозащитной функции прокуратуры

Конституция Российской Федерации устанавливает, что Россия является демократическим федеративным правовым государством. Конституцией признаются и гарантируются такие общеевропейские правовые ценности, как защита прав и свобод человека и гражданина, правовой демократии, правовой экономики, гражданского общества и правового государства, всеобщего мира на основе международного правопорядка, и т. д.

Вместе с тем, необходимым условием для существования правового государства является наличие в нем механизма, обеспечивающего реализацию и защиту прав и свобод граждан, поддержание и укрепление законности и правопорядка в стране. Эта идея также нашла отражение в Конституции Российской Федерации, где в статье 2 закреплено, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Несомненно, большая роль в государственно-правовом механизме защиты прав граждан отведена судам. Однако было бы неправильно утверждать, что решение возникающих проблем с нарушением законов и прав граждан должно осуществляться исключительно путем обращения пострадавших в суд. В этой связи нельзя не согласиться с С. Кехлеровым, который отмечал, что в демократическом обществе должна быть «многоканальная» система охраны и защиты прав человека и акцент на судебную форму защиты не должен повлечь сворачивание усилий прокуратуры в этом направлении[1].

Ситуация в сфере соблюдения прав человека и гражданина продолжает оставаться неблагоприятной: многочисленные нарушения трудовых прав граждан, издание нормативных актов, нарушающих права неопределенного круга лиц, нарушения жилищных прав, связанные с незаконной приватизацией жилых помещений и их куплей-продажей, нарушения, связанные с усыновлением, – и наряду с этим загруженность судов, недоступность для многих граждан услуг адвокатов ввиду отсутствия необходимых средств.

* ***Светлана Геннадьевна Бывальцева*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры правоохранительных органов и прокурорского надзора УрГЮА (г. Екатеринбург).

[1] См.: *Кехлеров С.* Судебный надзор: за и против. Законность. 2005. № 5. С. 7.

© С. Г. Бывальцева, 2007

Одним из действенных способов обеспечения защиты прав граждан является осуществление прокуратурой надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Значительное количество незаконных актов отменяется во внесудебном порядке по протесту прокурора, нередко до того, как были нарушены чьи-либо права, а такие правовые акты выявляются преимущественно именно в ходе прокурорских проверок; многие дела в суде о признании правовых актов незаконными возбуждаются по инициативе прокуроров. Зачастую прокуратура способна отреагировать на ситуацию с нарушением закона более оперативно, чем это было бы в случае судебного разбирательства, и, что немаловажно, без материальных затрат. Кроме того, большинство российских граждан все еще не готово отстаивать свои права самостоятельно, и перестройка правосознания населения в этом отношении идет очень медленными темпами.

Ввиду исключительной важности соблюдения прав граждан и усиления правозащитной функции органов прокуратуры Законом о прокуратуре данный вид надзора выделен в отдельное направление. В частности, ст.1 Закона среди видов надзорной деятельности прокуратуры Российской Федерации называет и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина посвящена отдельная глава Закона о прокуратуре.

Данная глава во многом дублирует положения главы 1 раздела 3 Закона о прокуратуре «Надзор за исполнением законов», что, вероятно, и приводит к отрицанию самостоятельности данного надзорного направления. В частности, А. Х. Казариной высказано мнение о том, что наличие в Законе о прокуратуре специальной главы,

посвященной охране прав и свобод человека и гражданина, «не ведет к появлению новой самостоятельной отрасли надзора», а лишь «отражает…усиление правозащитной функции прокуратуры»[2].

С этим нельзя согласиться, в первую очередь потому, что надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина имеет собственный предмет надзора, определяемый ст. 26 Закона о прокуратуре, охватывающий соблюдение только тех прав и свобод человека и гражданина, которые не входят в предмет других направлений надзорной деятельности, а также дополнительные полномочия (рассматривать и проверять заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина, предъявлять и поддерживать в суде иск в интересах пострадавших и др.). Это направление является исключительно важным в государственном механизме охраны прав и свобод человека и гражданина.

К сожалению, полномочия прокурора были существенно урезаны, и особенно ощутимо это коснулось рассматриваемой сферы. Так, если раньше прокурор мог обратиться в суд с заявлением в защиту прав любого гражданина, то по новому ГПК РФ прокурор может это сделать только в случае, когда гражданин по уважительным причинам (состояние здоровья, возраст, недееспособность и др.) не может самостоятельно обратиться в суд (ст. 45 ГПК РФ). В этой связи нельзя не согласиться с К. Амирбековым, который отмечает, что если на прокурора возложен надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, то ГПК РФ должен предусматривать право прокурора на обращение в суд с заявлением в защиту интересов любого гражданина, или же прокурор должен надзирать за соблюдением прав и свобод только тех лиц, которые в силу отмеченных в ст. 45 ГПК РФ причин сами не в состоянии обратиться в суд за защитой своих прав[3]. Иначе прокурор не может в полной мере осуществить свою функцию по надзору за соблюдением прав граждан, поскольку, обнаруживая нарушение права гражданина, не входящего в категорию, указанную в ст. 45 ГПК РФ, прокурор имеет право на применение только какого-либо из

[2] Цит. по.: Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / Под ред. А. А. Чувилева. М., 2001. С. 117.

[3] *Амирбеков К.* Общий надзор в условиях реформирования судопроизводства // Прокурорский надзор [Интернет- журнал под ред. Е. Н. Рябова]: http://nadzor.pk.ru/analit/show.

актов реагирования, а обратиться в суд в случае его отклонения и восстановить нарушенное право он уже не может.

Законодатель не разъясняет, какое состояние здоровья будет являться достаточно уважительной причиной для констатации прокурором факта невозможности обращения гражданина в суд самостоятельно. Должны ли это быть такие серьезные и (или) длительные расстройства здоровья, как слепота, глухота, невозможность самостоятельно передвигаться, либо это могут быть и менее тяжелые или временные заболевания; относятся ли к этим заболеваниям и состояниям психические расстройства, и какие? Отсутствие точного перечня причин и заболеваний может привести к необоснованным отказам со стороны прокуратуры в подаче таких исков и со стороны суда в их принятии. Значительно ограничены также права прокурора в надзорной инстанции.

Представляется, что для эффективного осуществления надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина следует проанализировать нормы, касающиеся правозащитных полномочий прокуратуры, и внести необходимые изменения для устранения препятствий защиты конституционных прав и свобод граждан.

А. А. Великий*

Право и экономика: проблемы ценностного соотношения

Актуальное для сегодняшнего дня и, с нашей точки зрения, важное наблюдение состоит в том, что экономическая теория обеспечивает единый подход к различным областям права, который, как правило, отсутствует в традиционном правовом анализе. Экономический анализ права может рассматриваться либо как попытка понять то, что должно быть, либо как попытка объяснить то, что есть, и предсказать, что будет[1].

Однако при попытке оценить экономический анализ права поражает, как экономисты пытаются перевести обсуждение с вопросов равенства, законности, справедливости и других подобных вещей на вопросы эффективности. Еще одно наблюдение заключается в том, что экономический анализ часто обнаруживает в основе юридических правил, которые обычно рассматривались как полностью вытекающие из требований справедливости, аргументы эффективности. Третье наблюдение заключается в том, что анализ действительных правовых проблем и реальных случаев вынуждает экономиста принимать во внимание некоторые сложности реального мира, которые иначе он никогда бы не заметил, и тем самым дает ему возможность проводить более глубокий и адекватный анализ.

Существуют две принципиальные точки зрения в рассмотрении соотношения понятий «экономика» и «право». Одни ученые считают, что никакое из них не является приоритетным. Первичными факторами развития и функционирования общественных отношений (в том числе производственных, правовых) выступают интересы людей. В определенных случаях интересы получают ре-

* ***Андрей Александрович Великий*** – студент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Фридмен Д.* Право и экономическая теория / Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 458–469.

© А. А. Великий, 2007

ализацию, прежде всего, в праве и лишь затем претворяются в другие сферы социальных связей. Здесь можно говорить о приоритете права перед экономикой. Например, в эпоху буржуазных революций в Западной Европе сначала принимались законы, а потом на их базе формировались новые экономические отношения. Но бывает и наоборот, когда интересы сначала претворяются в новые производственные отношения, а затем закрепляются в праве. Здесь уже можно говорить о приоритете экономики над правом.

Согласно второй точке зрения, экономика определяет право. Последнее является надстроечной категорией и зависит от базиса (способа производства). Однако эта доминирующая роль проявляется лишь в конечном счете, ибо право, опираясь на экономику, может оказывать и обратное воздействие на нее, стимулируя либо сдерживая развитие производственных отношений.

С одной стороны, существует аргумент Р. Познера[2], согласно которому общее право по ряду причин имеет тенденцию к обеспечению экономической эффективности. Анализ того, какие из юридических правил эффективны, таким образом, дает объяснение существующих юридических правил, и в свою очередь существующие юридические правила служат проверкой теорий о том, какие правила эффективны. С другой стороны, существует подход, связанный с теорией общественного выбора, которая рассматривает изданные законы, административное и, возможно, даже общее право как порождения политического рынка, на котором группы интересов преследуют частные цели государственными средствами.

Можно привести пример, когда экономисты учатся у юристов, когда взаимодействие права и экономической теории выливается в создание новой экономической теории. Это касается теоремы Р. Коуза. Мы знаем, что одним из спорных моментов с точки зрения права является оценка возникновения внешнего эффекта, связанного с именем А. Пигу: внешний эффект возникает там, где действия одной стороны причиняют другой такие расходы, которые первая не должна компенсировать. Это ведет к неэффективному результату, поскольку первая сторона, принимая решение, игнорирует издержки второй.

[2] *Познер Р.* Экономический анализ права: В 2 т.: пер. с англ. / Под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004.

Решение такой коллизии называется «налогом Пигу». Так, железнодорожная компания объявляется несущей ответственность за нанесенный ущерб и может либо платить, либо перестать наносить ущерб – в зависимости от того, какой вариант связан с меньшими издержками. Первый шаг анализа Р. Коуза – это вывод о том, что у проблемы внешних эффектов нет общего решения. Второй шаг Р. Коуза состоял в том, что он отметил: как этот аргумент, так и традиционный анализ внешних эффектов игнорируют возможность соглашений между сторонами. На заключительном этапе рассуждений оказывается, что неэффективные результаты все же имеют место на практике и что причиной этого являются трансакционные издержки. Выводом из всех этих рассуждений является теорема Коуза, которая гласит, что в мире с нулевыми трансакционными издержками любое начальное определение прав приведет к эффективному результату. И для правоведов становится интересным закон о привлекательной опасности – один из примеров того, как метод Р. Коуза освещает разнообразные правовые вопросы.

При анализе аварий и преступлений существенный вклад экономической теории должен заключаться в том, чтобы ввести в рассмотрение элемент рационального выбора в ситуациях, где действия людей обычно рассматриваются как нерациональные или невыбираемые. Отметим, что экономический анализ преступности начинается с предположения о том, что решение стать преступником является рациональным, подобно решению выбрать любую другую профессию.

Рассмотрим автомобильные аварии. По оценке Д. Фримена[3], Пелтцман продемонстрировал, что большая надежность автомобиля приводит к большей рискованности вождения и уменьшению показателя смертности в авариях. Такой взгляд на аварии важен при анализе законов, предназначенных для их предотвращения, таких как, например, установление предела скорости, а также законов, определяющих, кто должен платить за аварию, если она произошла. С экономической точки зрения эти два вида законов являются своего рода альтернативными инструментами для достижения одной и той же цели – снижения числа аварий.

[3] Право и экономическая теория // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 458–46.

Еще одна область права, в которой применение экономического анализа более привычно, – это антитрестовское законодательство. Важный вклад экономического анализа состоит в демонстрации того, что некоторые элементы антитрестовского законодательства могут базироваться на неправильном понимании способов получения и удержания фирмами монопольной власти. Так, на основе анализа материалов антитрестовского дела против «Стандард Ойл» Макги пришел к выводу, что «разорительное ценообразование» в данном случае было мифом: Рокфеллер поддерживал свое монопольное положение, покупая конкурентов, причем обычно по высоким ценам[4].

Следовательно, правоведам следует более внимательно относиться к утверждению Д. Фридмена о том, что экономический анализ права включает три различные, но связанные области. Первая – использование экономической теории для того, чтобы предсказать последствия юридических правил. Вторая – использование экономической теории для того, чтобы определить, какие юридические правила экономически эффективны, и рекомендовать, какими они должны быть. Третья – использование экономической теории для того, чтобы предсказать, какими будут юридические правила. В первом случае речь идет прежде всего о приложении теории цены, во втором – об экономической теории благосостояния, а в третьем – о теории общественного выбора.

Из трех областей, перечисленных выше, наименее дискуссионной является первая – использование экономического анализа для предсказания последствий действия альтернативных юридических правил. Во многих случаях результат такого анализа показывает, что последствия действия правил радикально отличаются от тех, какие мог бы ожидать неэкономист.

Как видим, в повседневной практике экономический анализ радикально меняет основы оценки правового регулирования, заменяя очевидную, но недостаточно глубокую аргументацию другим, гораздо более сложным комплексом вопросов.

[4] *Фридмен Д.* Указ. соч.

*Т. Ю. Венцель**

Защита экологических прав на международном и национальном уровнях: международно-правовые стандарты и их реализация в современной России

Охрана окружающей природной среды – одна из наиболее актуальных проблем современности. Последствия недостаточного внимания к проблеме могут быть катастрофическими. Речь идет не только о благополучии человечества, но в целом о его выживании. Особенно тревожно, что деградация природной среды может оказаться необратимой.

Заинтересованность России в формировании, развитии и эффективном применении международного экологического права обусловлена опасностью нарастающего глобального экологического кризиса и ответственностью России, наряду с другими странами мира, за его предотвращение. В современном мире человек, не задумываясь о своем пагубном влиянии все больше вмешивается в окружающую среду, что нарушает ее состояние во всем мире. Все страны вынуждены предпринимать совместные усилия, чтобы сбалансировать существование людей на Земле.

Последние десятилетия XX – начало XXI вв. поставили перед народами мира много острых и сложных проблем, которые получили название «глобальные». Эти проблемы охватывают весь мир, все человечество, создают угрозу для его настоящего и будущего и требуют для своего решения объединенных усилий, совместных действий всех государств и народов. С начала 70-х годов неуклонное ухудшение состояния природной среды заставило широкую общественность задуматься о разрушительном воздействии человека на природу. Такое осознание жизненной важности для человечества здоровой окружающей среды и решительные действия

* ***Татьяна Юрьевна Венцель*** – студентка юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Т. Ю. Венцель, 2007

многочисленных природоохранных организаций привели с течением лет к принятию целого ряда законов о защите и сохранении природной среды. Забота об окружающей среде обусловила появление во многих государствах кодификации норм по ее охране, что привело к принятию многочисленных актов по защите окружающей среды в целом.

На данный момент обеспечение экологической безопасности – не менее (если не более) важная задача, чем обеспечение военной и экономической безопасности государств, личной безопасности граждан.

Цель данной работы – рассмотреть общие вопросы взаимодействия международного и национального права при регулировании отношений в области охраны окружающей среды. В процессе работы предпринята попытка проанализировать: 1) насколько совершенны на сегодняшний день международные стандарты по защите экологических прав, выполняются ли они; 2) какой опыт других стран по защите экологических прав можно использовать в современной России; 3) насколько эффективна защита экологических прав; 4) какие меры (законы) необходимо принять для охраны окружающей среды.

Сегодня мы наблюдаем хищническое отношение к природе. Одни пользуются плодами природы варварским образом, потому что борются за свое выживание, другие решили заработать большие деньги и не останавливаются ни перед чем. Правоохранительное законодательство необходимо переосмыслить и сделать так, чтобы в области окружающей природной среды оно реально работало и оказывало реальное воздействие на сохранение и развитие природы и чтобы правила поведения физических и юридических лиц содействовали такому развитию.

Для достижения этих целей необходимо предпринять следующие шаги: во-первых, важно развивать экологическое образование населения. Основы экологической культуры должны закладываться уже в школе. Существенную роль в экологическом просвещении, а также создании системы общественного экологического контроля способны сыграть неправительственные организации. Также необходимо развитие университетского образования с учетом в нем экологического фактора. Дискуссия по этому поводу, начатая в Бюллетене Центра экологической политики России «На пути к устойчивому развитию», может послужить хорошей основой для консолидации университетских сил в экологическом секторе

высших учебных заведений, создания и совершенствования образовательных курсов, лоббирования экологических интересов в Министерстве науки и образования РФ.

Во-вторых, существует необходимость приведения норм экологического права Российской Федерации в соответствие с нормами международного права, что предполагает освоение и восприятие российской наукой и правом наиболее эффективных международных концепций и идей в области охраны окружающей среды.

В-третьих, для конструктивного взаимодействия органов государственной власти РФ и ее субъектов, органов местного самоуправления, предпринимателей и общественных объединений нужно применять основные положения новой экологической концепции РФ, в частности: 1. Постоянное и неуклонное увеличение доли средств государственного бюджета, направляемых на охрану окружающей среды и природных ресурсов, что способствует повышению уровня устойчивости экосистем природных зон России и обеспечивает людям, социальным группам и обществу в целом право на проживание в чистой природной среде; 2. Поэтапное формирование экологического механизма защиты окружающей среды и природных ресурсов, обеспечивающего устойчивое их воспроизводство; 3. Поэтапное формирование нормативно-правового механизма, соотносящего развитие всех сфер общественного производства, его отраслей, отдельных предприятий и всех членов общества с реальным состоянием природных ресурсов и условиями окружающей среды; 4. Решение вопросов рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды на основе широкой информированности населения о состоянии природы, экономики, здравоохранения при организующей деятельности всех органов государственной власти и общественных организаций. Данные положения должны стать основой обеспечения комплексного решения проблем сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей среды; явиться базой для разработки долгосрочной государственной политики, обеспечивающей устойчивое экономическое развитие страны при соблюдении экологической безопасности общества. Со стороны законодательной власти необходимо безотлагательное обновление ФЗ «Об охране окружающей среды» и превращение его в закон прямого действия по основным моментам экологической защиты граждан.

Особо следует отметить проблему правового регулирования прав и обязанностей граждан и общественных организаций в сфере

обеспечения экологической безопасности[1]. И только при полном понимании каждым гражданином содержания своего права на благоприятную окружающую среду и активной позиции гражданского общества возможно действительное обеспечение экологической безопасности в стране.

Особенно хотелось бы отметить опыт Свердловской области, где действуют Уральский Экологический Союз и Общество Охраны природы.

На международном уровне единственной международной экологической организацией является Международный Социально-экологический союз, рожденный в СССР. На данный момент МСоЭС – это более 10 тысяч человек из 19 стран Европы, Азии и Северной Америки (Азербайджан, Армения, Беларусь, Великобритания, Грузия, Испания, Израиль, Казахстан, Киргизия, Литва, Молдова, Норвегия, Палестина, Россия, Соединенные Штаты Америки, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина).

Главная идея создания МСоЭС – собрать вместе людей, которым «не все равно», что будет с Землей, ее природой и культурой, людьми, нашими детьми и внуками.

---

[1] См.: *Шестаков А. С.* Право человека на экологическую безопасность // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 153 .

Ю. О. Вербицкая*

Предпринимательская деятельность организации и распределение прибыли в ней – критерий разделения на коммерческие и некоммерческие организации?

Гражданский кодекс Российской Федерации[1] определяет некоммерческие организации как юридическое лицо, которое в качестве своей основной цели не имеет извлечение прибыли и не распределяет прибыль между своими участниками (п. 1 ст. 50). Аналогичное определение содержится в п. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ[2].

Насколько совершенно это определение, сказать весьма сложно. Сравнение с предшествующим законодательством не представляется возможным, так как Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.[3] и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.[4] не содержали определение некоммерческой организации, в обоих кодексах юридические лица вообще не делились на коммерческие и некоммерческие. Можно предположить, что нынешнее понятие некоммерческой организации было заимствовано, как и множество других норм в ГК, из Гражданского германского уложения (оно же в свою очередь – рецепция из римского частного права)[5], § 21 которого содержит

* ***Юлия Олеговна Вербицкая*** – студентка факультета подготовки бакалавров права УрГЮА, начальник юридического отдела ООО «Газстрой» (г. Екатеринбург).

[1] Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

[2] Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. ст. 145.

[3] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие гражданского кодекса РСФСР» // «Известия ВЦИК». № 256. 12.11.1922.

[4] Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении гражданского кодекса РСФСР» // «Ведомости ВС РСФСР». 1964. № 24. ст. 406.

[5] HTTP://ADVOCAT-OTVET. №AROD.RU/LAWS/GGU.DOC.

© Ю. О. Вербицкая, 2007

определение некоммерческого союза как союза, не преследующего извлечение прибыли в качестве цели своей хозяйственной деятельности, однако ничего не говорит о невозможности распределения прибыли между участниками такого юридического лица.

Представляется, что указание на запрет распределения прибыли между участниками такой организации является в некоторой степени лукавством российского законодателя. Не будем рассматривать пока что прямое дозволение, касающееся потребительских кооперативов, предусмотренное п. 5 ст. 116 ГК РФ, затронем вопрос возможности распределения полученной прибыли в остальных некоммерческих организациях. Поскольку любая некоммерческая организация в силу ч. 2 п. 3 ст. 50 ГК все же может заниматься предпринимательской деятельностью, но только для достижения своих уставных целей, то вполне возможно появление прибыли. Возникает вопрос, на что пойдет доход? Должен пойти на общественно полезные цели, так как сама некоммерческая организация создается именно для достижения таких целей в силу п. 2 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях». Но, как правило, для нормального функционирования, например, общественной организации требуется надлежащее управление ею. Управление – это трудовая деятельность, а бесплатный труд в России прямо запрещен ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации[6]. Следовательно, оплата труда работников организации – это тоже цель, направленная на достижение общественных благ. Таким образом, имеется вполне законный способ распределить полученную прибыль: заключить с самой некоммерческой организацией трудовой договор и получать солидную заработную плату (Трудовой кодекс Российской Федерации[7] устанавливает, что должен быть только минимальный размер оплаты труда, максимального предела нет). Конечно, не исключаются примеры энтузиазма, когда собирается группа граждан и создает, к примеру, общественный фонд поддержки котят, подвергнутых пыткам подростков, затем собирает денежные средства на этих котят, оплачивает только фактически понесенные расходы, а себе не присваивает ни копейки, но такие случаи бескорыстного поведения, к сожалению, очень редки.

Итак, два основных отличительных признака, содержащихся в российском законодательстве, отличающих некоммерческие ор-

[6] Российская газета. 1993. № 237. (25 декабря).

[7] Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

ганизации от коммерческих, – это отсутствие основной цели деятельности как извлечение прибыли и невозможность распределения прибыли между участниками. Второй признак, как выяснилось, является не чем иным, как введение в заблуждение: хотя и не с такой легкостью, как, например, в хозяйственном обществе, но все же прибыль распределить возможно.

Далее необходимо разобрать признак отсутствия в качестве основной цели получения прибыли. В настоящее время существует множество ярких примеров, подтверждающих обратное. В соответствии с ч. 2 ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации[8] (далее ЖК РФ) собственники помещений в многоквартирном доме могут в качестве способа управления многоквартирным домом выбрать управление специализированной управляющей организацией. Законодательством не предусмотрено, в какой организационно-правовой форме могут существовать управляющие организации. В настоящее время в Российской Федерации ведут свою деятельность как коммерческие, так и некоммерческие управляющие организации (например, управляющая организация фонд «Радомир», осуществляющая свою деятельность в г. Екатеринбурге[9]). По своей сути почти все эти организации являются коммерческими, так как созданы для получения прибыли, но с формально-юридической точки зрения такая деятельность не будет противоречить закону, потому как в соответствии с п. 2 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» некоммерческие организации могут создаваться для достижения различных социально-полезных целей, в том числе и для управленческих, что и соответствует наименованию «управляющая организация». Ничего не мешает включить в устав общественно полезные, высокие цели, а затем осуществлять деятельность по их достижению, пусть она даже и будет предпринимательской.

В науке существует мнение о том, что деление организаций на коммерческие и некоммерческие бессмысленно. Сложно с этим согласиться, так как в реальной действительности существует потребность оградить многие общественные организации, учреждения от недобросовестного использования средств руководством таких организаций. В частности, в последнее время возмущение в среде молодежи вызывает использование вузами имущества не

[8] Российская газета. 2005. № 1. (12 января).

[9] http://www.uralfirm.ru/catalog/card/66.50052.

по назначению, в том числе расположение на территории вузов саун, баров, вместо недорогих столовых и т. д.[10] В отношении учреждений вопрос о возможности самостоятельно распоряжаться доходами, полученными от предпринимательской деятельности, до сих пор остается спорным[11]. Помимо этого отмечается, что необходимость деления организаций на коммерческие и некоммерческие «диктуется еще и потребностями исключения нередких, к сожалению, ситуаций, в которых государственные органы или благотворительные и общественные организации участвуют в коммерческой деятельности, сопряженной с большим предпринимательским риском, при этом зачастую не обладая необходимым имуществом и должной степенью ответственности»[12].

Таким образом, гражданское законодательство содержит такие признаки некоммерческих организаций, которые очень часто не соответствуют реальной ситуации: любая некоммерческая организация может как заниматься предпринимательской деятельностью, так и распределять прибыль между своими участниками, хотя процесс этот, конечно, более сложный по сравнению с коммерческими юридическими лицами. Да, в законе написано, как должно быть, но на самом деле в большинстве случаев складывается иная ситуация. И это неудивительно, ведь, как справедливо отмечает Б. М. Гонгало, «всегда будет разрыв между должным и сущим. Но чем меньше он будет, тем чаще будут торжествовать идеи частного права»[13].

[10] См.: Реакция. Реальность в ощущениях № 36 (66). С. 12–13.

[11] *Уруков В. Н.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности государственных образовательных учреждений // Право и экономика. 2005. № 8.

[12] *Беляев К.П.* Состояние и перспективы законодательства о некоммерческих организациях // Арбитражные суды: теория и практика правоприменения: Сборник статей к 75-летию Государственного арбитража – Арбитражного суда Свердловской области / Отв. ред., сост. И. В. Решетникова, М. Л. Скуратовский. Екатеринбург: Институт частного права, 2006. С. 243.

[13] *Гонгало Б. М.* Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки. Вып. 3. С. 97. Екатеринбург: Институт частного права, 2005.

Ю. В. Волкова*

О понятии корпоративного права

В последнее время вопросы, связанные с корпоративным правом, корпоративным управлением и корпоративным законодательством, вызывают большой интерес. Имеет ли какое-либо обоснование существование этих понятий в российской правовой действительности?

1. Термин «корпорация» происходит от латинского выражения «corpus habere», обозначающего права юридической личности. Некоторые характерные черты этого понятия появились благодаря древнеримским юристам и конструкции римского *universitas*. Под *universitas* понимался самостоятельный субъект права, который существовал и действовал независимо от физических лиц, его составляющих. В постримскую эпоху все теории, определяющие правовую природу конструкции «юридическое лицо» (корпорация), сводились лишь к теориям фикции, суть которых заключалась в том, что корпорация (юридическое лицо) являлась фиктивным правовым лицом (*persona ficta*), созданным соответствующей властью[1]. Таким образом, корпорация исторически возникла и получила дальнейшее развитие как синоним юридического лица. На определенном этапе исторического развития персональные объединения (товарищества) перестали отвечать требованиям экономического оборота. Усложняющиеся хозяйственные связи потребовали создания такого объединения, которое в определенной степени было бы обособлено как от состава участников, так и от их воли. Поэтому смысл термина «корпорация» заключается в том, что он означает создание нового самостоятельного субъекта права, созданного в результате объединения капиталов[2]. Таким образом, корпорация рассматривается как собирательное понятие, под которым понимаются предпринимательские объединения капитала, имеющие различные организационно-правовые формы. В узком смысле под корпорацией понимаются такие формы предпринимательского объединения капитала, как акционерное общество и его модификации. Необходимо отметить, что границы современных корпораций четко не выражены, размыты. Производственные корпоративные структуры ищут взаимодействия с финансовыми структурами, закладывая основы будущих финансово-промышленных корпоративных структур. Объединение корпораций с банками и другими финансовыми структурами дает немало преимуществ и последним.

2. Сегодня нет единой позиции относительно того, что понимать под корпоративными отношениями. Одни считают, что корпоративные отношения – это отношения организационные. Эта концепция была выдвинута О. А. Красавчиковым[3], известным российским цивилистом. Но корпоративные отношения в силу своей неоднородности следует рассматривать как категорию собирательную и можно дать следующее определение: корпоративные отношения – это система отношений, складывающихся между участниками объединения (акционерами) и обособленным от акционеров аппаратом управления (менеджментом), а также между менеджментом и другими заинтересованными лицами такого объединения (работниками, партнерами, государственными органами и пр.) и являющихся результатом компромисса интересов объединения, его участников и менеджмента.

3. Корпоративные отношения регулируются нормами корпоративного права, которое можно рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, как объективно сложившуюся систему правовых норм, регулирующих определенный круг общественных отношений. Во-вторых, как систему нормативно-правовых актов различной отраслевой принадлежности, являющихся источниками корпоративного права. В-третьих, как самостоятельную науку и, наконец, в-четвертых, как научную дисциплину. С. С. Алексеев называет корпоративное право модным и разрастающимся институ-

* ***Юлия Викторовна Волкова*** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Кашанина Т. В.* Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности: Учеб. для юрид. вузов и факультетов. М.: Инфра-М: Кодекс, 1995.

[2] *Шейнин Л.* Кооперация и ее отражение в Гражданском кодексе России: (вопросы корпоративного права) // Юридический мир. 2005. № 6. С. 66–71.

[3] Антология уральской цивилистики. 1925–1989: [Сб. ст.] / Каф. гражданского права Урал. гос. юрид. академии; Урал. отд-ние Рос. школы частного права. М.: Статут, 2001.

© Ю. В. Волкова, 2007

том гражданского права[4]. И. В. Редькин понимает под корпоративным правом комплексный институт законодательства Российской Федерации, преимущественно гражданско-правовой направленности[5]. По мнению Н. Н. Пахомовой, корпоративное право есть не институт, а подотрасль гражданского права[6]. Очень распространено определение корпоративного права как системы общих и специальных норм гражданского права, регулирующих правовое положение предпринимательского объединения в форме корпорации. Понятие корпоративного права рассматривается в литературе как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании корпоративное право – это право и персональных, и капитальных объединений, создаваемых для достижения определенных совместных целей. Из широкого понимания корпоративного права исходит Т. В. Кашанина, рассматривая его как право хозяйственных товариществ и обществ[7]. По ее мнению, «корпоративное право – это система правил поведения, которые разработаны в организации, основанной на объединении лиц и капиталов, выражают волю ее коллектива и регулируют различные стороны деятельности данной организации». Если корпоративное право – это совокупность общих и специальных норм частного права и корпоративных норм, опосредующих корпоративные отношения, то корпоративное законодательство – это совокупность нормативных актов, содержащих нормы разных отраслей права (частного и публичного), регулирующих отношения внутри корпорации и вовне[8]. Корпоративное право шире, чем корпоративное законодательство, так как корпоративное право включает корпоративные нормы, которые могут быть и не выражены в каких-либо нормативно-правовых актах.

---

[4] Теория государства и права: Учебник для вузов / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Г. В. Игнатенко и др.; Отв. ред. В. Д. Перевалов; Науч. консультант С. С. Алексеев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2004.

[5] *Редькин И. В*. Аффилированные лица по законодательству РФ: правовое регулирование, теория и практика // Юридический мир. 1998. № 11 / 12. С. 33–38.

[6] *Пахомова Н. Н*. Проблема корпоративного управления в России (экономико-правовой аспект) / Уральская государственная юридическая академия // Международное публичное и частное право. 2004. № 5. С. 8–10.

[7] *Кашанина Т. В*. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): Уч. для вузов. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 1999.

[8] Разработка концепции развития корпоративного законодательства // Рынок ценных бумаг. 2005. № 8. С. 35–38.

4. В российской юридической практике понятие «корпорация» как таковое отсутствует. Сложную структуру современных хозяйствующих субъектов отражают юридические термины «холдинг», «финансово-промышленная группа», «ассоциация», а также «концерн», «консорциум», «трест», «синдикат», «картель». Вместе с тем, ни одно из рассмотренных понятий не трактует сущности и экономической роли именно корпорации. Профессор Лондонского университета У. Э. Батлер[9] исследовал этот вопрос с точки зрения существования корпорации в России в качестве возможной формы хозяйственного общества для ведения предпринимательской деятельности и сделал вывод о том что, несмотря на то, что у российского открытого акционерного общества и американской корпорации имеются некоторые общие черты, можно говорить лишь о совместимости этих моделей, но не их эквивалентности[10].

Современный этап развития российской экономики характеризуется укреплением политической стабильности, улучшением социально-экономического положения в стране, накоплением управленческого опыта руководителями предприятий. Одной из существенных тенденций на этом фоне становится распространение сложно структурированных форм организации бизнеса корпораций, переориентация которых на новые принципы хозяйствования сопряжена с ключевыми изменениями в производстве, управлении и финансовой деятельности. Вступление России в мировое экономическое сообщество, а также осуществление Российской Федерацией сотрудничества с государствами членами Европейского союза требуют принятия органами государственной и законодательной власти комплекса организационных мер. Основной из них является сближение отечественного законодательства с системой западных правовых норм, в рамках которого использование понятия корпоративного права в языке отечественной правовой науки и юридической практики становится насущной необходимостью.

---

[9] *Butler, W. E*. Russian Company and Commercial Legislation. Oxford University Press, 2003.

[10] *Батлер У. Э*. Основные черты российского открытого акционерного общества и американской корпорации: [Существуют ли корпорации в России в качестве возможной формы хозяйственного общества] // Государство и право. 1998. № 7. С. 79–86.

Е. И. Волкова*

Характер истины, устанавливаемой в процессе осуществления судом познавательно-оценочной деятельности

Истина в применении права – это и процесс, и результат. Как процесс она представляет собой совокупность знаний, поэтапно получаемых правоприменителем в ходе познания фактических обстоятельств дела. Как результат – это итоговое, окончательное знание[1]. Истина представляет собой качественную характеристику знаний человека о реальности (о том, что находится за рамками человеческого сознания), поэтому она является единством двух сторон, ее составляющих, – субъективной и объективной. Знания человека о реальности могут быть истинными или ложными, но они всегда будут субъективными. Реальность в каком-либо ее проявлении может быть познана человеческим разумом или не познана, но она всегда будет объективной[2].

При установлении судом обстоятельств дела могут возникнуть три ситуации, когда объективно возможно: 1) достоверное установление наличия того или иного существенного для дела факта; 2) достоверное установление отсутствия факта; 3) установление вероятности наличия или отсутствия факта[3].

Ученые, провозгласившие тезис «достоверность несмотря ни на что», отрицают правомерность вероятного установления фактов в правосудии. Они указывают, что в принципе могут быть познаны любые обстоятельства объективной действительности, и что нет преступления, которое нельзя было бы раскрыть[4].

Представленные в абстрактной форме, эти утверждения выглядят достаточно убедительными. На практике органы правосудия не так уж редко сталкиваются с объективной невозможностью достоверного установления тех или иных фактов[5], то есть постичь истину по каким-либо причинам не удается. Но вероятность – это знание проблематичное, истинность которого не доказана, и представляется, что недоказанное знание и знанием уже не назовешь. Как бы ни был значителен круг преград на пути установления истины в деятельности органов правосудия, это ни в коей мере не отменяет необходимость ее достижения – общее требование, обязывающее суд всемерно стремиться к выявлению действительных обстоятельств дела, составляет основу всей правоприменительной деятельности субъекта судебного познавательно-оценочного процесса.

А. Т. Боннер считает, что мобилизация органов следствия и суда на достоверное установление всех фактов, исключение случаев необоснованного осуждения невиновных в определенных ситуациях при невозможности или нецелесообразности установления истины в суде толкает органы правосудия на получение во что бы то ни стало признания обвиняемым своей вины, фальсификацию доказательств[6]. Однако «истина должна быть достигнута не любой ценой, а лишь соразмерными средствами, не ущемляющими без необходимости права личности»[7].

С. В. Курылев допускал возможность достижения судом не только достоверных суждений относительно фактических обстоятельств, но и вероятного установления всех фактов, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела[8].

---

* ***Е. И. Волкова*** – аспирантка кафедры международного права и государствоведения Белгородского государственного университета (г. Белгород).

[1] *Пьянов Н. А.* Проблема содержания истины в применении нормы права // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности: Сборник научных трудов. Иркутск: ИГУ, 1985. С. 11

[2] *Аверин А. В.* Судебная достоверность как содержание судебной истины // Право и политика. 2004. № 5. С. 86.

[3] *Курылев С. В.* О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 1. С. 64.

© Е. И. Волкова, 2007

[4] *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / Отв. ред. Б. С. Никифоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 68–69; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. С. 46.

[5] *Курылев С. В.* Указ. соч. С. 64–65.

[6] *Боннер А. Т.* Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец, 2000. С. 113.

[7] *Орлов М.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 52.

[8] *Курылев С. В.* Указ. соч. С. 69, 71.

С точкой зрения С. В. Курылева о возможности вероятного установления обстоятельств гражданских дел был категорически не согласен Н. И. Ткачев. В частности, автор полагал, что если гражданский спор разрешается с учетом распорядительных актов сторон, то суд основывает решение на истинных фактах. При этом он исходил не из вероятности правомерности исковых требований, а из законности распорядительных действий ответчика или обеих сторон[9].

Из всего сказанного следует вывод, что понятие истины в познавательно-оценочном процессе является неопределенным, среди ученых всегда будут разногласия относительно ее характера. Однако следует согласиться с А. А. Моховым и говорить не об объективной истине, а о судебной истине как единственно возможном выводе, который получает суд (в том числе и при проверке законности решения в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях) в условиях дискретности доказательственной информации[10]. Однако употребление термина «судебная истина» не означает отказа от принципа объективной истины. Напротив, представляется, что необходимым признаком подлинного правосудия является построение судебного процесса таким образом, чтобы он в наибольшей степени способствовал установлению объективной истины, постановлению судебного решения или приговора, соответствующего действительным обстоятельствам дела.

Судебная истина, на достижение которой направлены все силы суда, не лежит на поверхности, она выясняется шаг за шагом. Ее нужно обнаружить, а для этого необходимо проделать большую и сложную работу по установлению всех обстоятельств, относящихся к правовому конфликту. Однако отрицание возможности достижения истины в ходе судебного процесса, нацеливание практики не на ее достижение, а на установление максимальной вероятности того или иного юридического события дезорганизует познавательно-оценочную деятельность суда, приводит ее к грубейшим нарушениям законности. Достижение истины в суде возможно только в том случае, если познание ее будет происходить последовательно, по определенным правилам, компетентными органами и должностными лицами.

[9] *Ткачев Н. И.* Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам / Под ред. И. М. Зайцева. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 55–56.

[10] *Мохов А. А.* Принцип судебной истины и проблемы его реализации в гражданском судопроизводстве России // Право и политика. 2002. № 12. С. 91.

И. А. Воронин*

Правовые и социальные практики студенческого труда за рубежом

Реализация идей Болонского процесса предполагает не только создание условий для миграции студентов, но и нормативно-правовое обеспечение внутри каждой страны функционирования рынка студенческого труда. Как будущему социологу, хотелось бы попытаться дать оценку готовности властных и общественных структур Великобритании к подобной деятельности. Основанием для такого анализа стали личные наблюдения во время летней поездки в эту страну.

Первое противоречие, с которым сталкивается студент-иностранец в Великобритании, связано с тем, что нормативно его интересы защищены, но на практике принятые нормативы систематически нарушаются.

По контракту студенты должны работать не больше 6 дней в неделю, на самом же деле многие работают без выходных по 5–6 недель. Фермеры объясняют это тем, что много работы, а отдохнуть можно и дома.

Однако, если возникают серьезные проблемы, можно обратиться в службу «HOPS», которая и занимается трудоустройством студентов в Великобритании, а также следит за тем, чтобы не было нарушений со стороны работодателей. И в большинстве случаев помощь бывает даже действенной, оперативной. Можно рассчитывать на новое место трудоустройства (всегда можно получить перевод на другое место работы), или агентом службы будут приняты быстрые меры для того, чтобы пресечь нарушения. Здесь возможно даже увольнение менеджера, применение судебных санкций к фермеру и т. д.

Второе противоречие связано с предположением: любые миграционные процессы должны быть поддержаны двусторонним соглашением между странами – поставщиками рабочей силы и при-

* ***Иван Анатольевич Воронин*** – студент социологического факультета Гуманитарного Университета (г. Екатеринбург).

© И. А. Воронин, 2007

нимающей стороной**.** И если британская сторона, хоть и с нарушениями, выполняет принятые на себя обязательства, то российская сторона (как и страны СНГ) вовсе не берет на себя никаких обязательств. Пока «трудовые студенческие десанты» организуются на уровне туристических агентств. А их единственное требование к студенту – произвести оплату программы и предоставить нужные документы. Единственное, что берут на себя агентства, занимающиеся отправкой студентов для работы за рубеж, – снабжение подробной информацией о том, как добраться от аэропорта до места пребывания в Великобритании.

Следствием становится то, что более 70 % российских студентов, находящихся в Великобритании, совершенно не владеют английским языком. Большинство слабо знакомо с нормативно-правовыми актами, регламентирующими работу студентов в чужой стране. Существенным недостатком является низкий уровень личной культуры приезжих (воровство, пьянство, драки с местными жителями, конфликты, «раздутые на пустом месте»). Часто испытываешь стыд за своих соотечественников, которые не только не знают языка и традиций страны, в которую приехали, но и не проявляют элементарного уважения к местным жителям. Общая манера поведения большинства русскоязычных студентов, характеризующаяся агрессивной жестикуляцией, крикливой и задиристой речью провоцирует конфликт. Сами студенты объясняют свое поведение патриотической, с их точки зрения, позиции: «Знай наших!»

Однако это не мешает многим ребятам по истечению срока визы пытаться на любых условиях остаться в Великобритании нелегально. Что, в свою очередь, также приводит к недопониманию и конфликтам, как с работодателями, так и с местным населением. Сами местные жители объясняют негативное отношение к временным мигрантам-студентам еще и тем, что в стране слишком много эмигрантов из разных стран, которые, работая за бесценок, заняли почти все рабочие места, тем самым лишая коренных жителей работы. И действительно, студенты являются очень выгодной рабочей силой для британских работодателей. Они соглашаются на такую работу и зарплату, на которую никогда не согласятся жители Великобритании. Особенно это касается молодежи из Польши, Латвии, Украины.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что студент-иностранец, приехавший на временную работу в Великобританию,

в глазах жителей уравнен с эмигрантами, чрезмерное присутствие которых создает целый комплекс межнациональных проблем. Эти проблемы обострились из-за беспорядков во Франции. Жители Британии боятся повторения беспорядков у них на родине. Например, в городах Шотландии на стенах зданий муниципалитета начали появляться надписи: «Сегодня Франция, завтра Шотландия?»

Получается, что идеи Болонского процесса и попытка согласованных действий европейских правительств по принятию решений, связанных с миграцией студентов, пока слабо реализуются. И особенно остро сегодня стоит вопрос об уровне нашей культуры, способности с уважением относиться не только к жителям другой страны, но и к самим себе. Здесь оказывается почему-то бессильной власть образования. Наученные в школе читать, мы оказались в вакууме уважения к человеку-гражданину. А этот вакуум, образовавшийся на территории целой страны, не мог не искалечить души молодежи. Желание в связи с этим найти ответ на еще один традиционно российский вопрос: «Что делать?» – это ориентир для новых наблюдений и начинающих, и профессиональных социологов.

*С. Я. Гаген**

Особенности правовой культуры поздней Византии (1261–1453)

Из могучей империи, определявшей судьбы мира, Византия в XIV в. превратилась в незначительное государство, территория которого продолжала сокращаться, а экономика фактически была поставлена под контроль купечества итальянских морских республик. В этой ситуации бывшая имперская идеология и связанное с ней право в значительной степени утратили свой былой авторитет. Византиец XIV в. желал с комфортом устроиться в своем погибающем государстве, интересуясь, главным образом, конкретными материальными проблемами. Симптоматично, что в это время в Византии представители всех слоев общества занялись предпринимательством.

«Прагматический» подход к жизни и соответствующую ментальность приобрели даже те, кто ранее презирал «торгашество» и «материальное», а именно аристократы и клирики всех рангов, включая монашество, ибо монастыри фактически превратились в аналоги современных фирм, которые занимались абсолютно всем, что могло принести прибыль. В городах активно формируется «средний слой» (mesoi), обладающий значительными капиталами и быстро приобретающий влияние в обществе. «Прагматизм», реалистический взгляд на вещи, рационализм, стремление «жить здесь и сейчас» охватили все стороны византийского общества, что прямо отразилось на правовой идеологии и судебной политике.

Качество правовой жизни этого нового общества торговцев и предпринимателей, или, в более широком смысле, людей, мыслящих «прагматически», в значительной степени отличалось от такового в предыдущую эпоху расцвета империи, когда наивысшими добродетелями были служба государству и служение обществу.

В общеисторической перспективе можно говорить о начавшемся эпохальном процессе смены «социоцентрической» модели

* ***Сергей Яковлевич Гаген*** – канд. истор. наук, преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© С. Я. Гаген, 2007

правовой культуры на «персоноцентрическую». Он был характерен не только для Византии, именно в это время «на обширных пространствах совершается решающий переход от домашней экономики к экономики рыночной», а в философии Возрождения появляется идея личности.

В качестве общего итога следует отметить, что палеологовское время является особым этапом в развитии византийской правовой культуры. Наиболее существенные черты правовой культуры того времени следующие:

1. Систематизация законодательства осуществляется через неофициальную инкорпорацию церковных и светских нормативных актов, которую осуществляют практикующие юристы при полном отсутствии государственного контроля за их деятельностью.

2. Выдвижение торговой Фессалоники на роль второго центра юридической мысли в государстве привело к децентрализации юридического образования и проникновению в правовую культуру духа «прагматизма» и «рационализма».

3. Прекращение централизованных государственных испытаний юристов привело к исчезновению единых стандартов юридической профессии.

4. Произошел почти полный отказ власти от законотворчества как промульгации законов для всех (leges generales) и сосредоточение на издании специальных законов, дарующих привилегии немногим (leges speciales).

5. Раздача привилегий, которая часто сопровождалась дарованием иммунитетов, то есть запрета государственным чиновникам вступать на территорию иммуниста, привела к тому, что многочисленные правовые споры между получателями привилегий и прочим населением был вынужден рассматривать сам император лично. Этот факт привел к тому, что многочисленные и часто противоречивые распоряжения и решения императора, которые по византийской правовой традиции имели силу закона, фактически парализовали деятельность его же чиновников. Возросшее же количество сделок привело к тому, что население империи стало обращаться в суд церкви, как более действенную судебную инстанцию, фактически полностью игнорируя императорское судопроизводство.

Владельцы собственности, полученной от императора, оказались в сложном положении, ибо правовой титул их собственности не мог быть описан в категориях римского права и права Юсти-

ниана, а, следовательно, в глазах остального населения (в том числе и их самих), обладавшего римской правовой культурой, таковая собственность была незаконной, а поэтому она фактически устранялась из делового оборота.

Таким образом, в поздней Византии мы обнаруживаем интереснейший феномен. Деятельность официальной власти, а именно императора, фактически противоречит устоявшейся правовой культуре государства. Императоры палеологовской династии действовали по образцу государей феодальной Европы, пытаясь создать себе социальную опору в лице крупных собственников, но действовали византийские императоры, во-первых, в поле римско-византийской культурной традиции, совершенно чуждой правовым представлениям феодального общества, а во-вторых, в условиях рыночной экономики и возросшей деловой активности населения, которую нельзя регулировать правовыми механизмами феодализма. В результате центральная власть теряла свою легитимность не только среди простого населения, но и среди получателей привилегий, которые сами, являясь носителями римско-византийской правовой культуры, не воспринимали свои привилегии как законные. Если говорить современным языком, крупные собственники в Византии постоянно опасались «пересмотра итогов приватизации», от которого их мог спасти только правовой титул их собственности, соответствующий византийской правовой культуре. Обществом поздней Византии оказалось востребовано не только римское право, но и вся тысячелетняя византийская правовая традиция, которая получила новую жизнь в законах Арменопула (1345) и многочисленных правовых сборниках. Государственная власть не только самоустранилась от процесса законодательной деятельности, но фактически препятствовала ему, пытаясь навязать обществу совершенно чуждые для отечественной правовой культуры механизмы правового регулирования, которые начали устаревать уже и в Европе, из которой их пытались заимствовать.

О. Ю. Герасименко*

Рациональность потребителя: противоречия права и экономики

В повседневном употреблении термин «рациональность» означает полное использование информации, здравый смысл и т. п. В интерпретации экономистов понятие предполагает такие свойства, как транзитивность и полнота (всеохватность) предпочтений, то есть максимизацию чего-либо[1]. С точки зрения К. Д. Эрроу, рациональность является свойством, присущим не только отдельному индивиду. И объясняющую силу, и само значение гипотезе рациональности придает окружающий социальный контекст. Гипотеза рациональности наиболее правдоподобна в совершенно идеальных условиях. Эти условия предполагают, что способность людей к обработке информации и расчету находится на уровне значительно выше возможного и не может рассматриваться как результат обучения и адаптации.

Американский экономист О. Уильямсон предполагает классифицировать выявленные с течением времени разновидности рациональности как, соответственно, ее сильную, полусильную и слабую форму[2].

Полная рациональность, как теоретическое допущение, предполагает, что человек наилучшим из возможных образом использует всю имеющуюся информацию и достигает наивысшего разрыва между достигнутыми результатами и произведенными затратами (максимум выгоды при минимуме затрат). «Человек экономический» соответствует именно предпосылке о полной рациональности, или, как выражаются экономисты, строгой форме ра-

---

* ***Ольга Юрьевна Герасименко*** – студентка юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Эрроу К. Д.* Экономическая теория и гипотеза рациональности // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, П. Ньюмена. М., 2004. С. 246–253.

[2] Курс экономической теории / Под общ. ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. Киров: АСА, 2002. С.19.

© О. Ю. Герасименко, 2007

циональности. Гипотеза о полной рациональности, как мы видим, основана на очень сильных допущениях абстрактного характера. Поэтому в экономической науке с середины 1950-х гг. стали разрабатываться и иные поведенческие гипотезы.

Так, ограниченная рациональность, то есть полусильная форма рациональности, по Г. Саймону, отражает невозможность при принятии хозяйственных решений использовать всю полноту имеющейся информации из-за трудностей в ее сборе и анализе, а также ограниченности познавательных способностей человека. Человек – не счетная машинка, не компьютер, способный обработать всю имеющуюся у него информацию. Ограниченная рациональность означает, что человек сознательно стремится к достижению наилучшего варианта, но не имеет при этом всей полноты информации. Другими словами, хотя люди ведут себя рационально, их способность получать и обрабатывать информацию ограничена способностями человека рационально «перерабатывать» полученную информацию и получать ее в полном объеме. В данном случае решения принимаются отчасти на основе опыта, интуиции и пр., а чистый выигрыш (т. е. разница между общими выгодами и общими издержками принятого решения) при этом меньше.

В условиях ограниченной рациональности человек уже не максимизирует полезность (доход, богатство, наслаждение), а лишь занимается поиском первого доступного ему уровня удовлетворения индивидуальных потребностей. Здесь сама процедура поиска удовлетворительного результата оказывается в центре внимания при исследовании экономического поведения.

Можно предположить, что мы видим условия, позволяющие практическую идентификацию права и экономики. На уровне ограниченной рациональности, теоретически, доминируют не экономические, а правовые нормы. Как отмечали А. Алчиан, Р. Нельсон, С. Уинтер, Ф. Хайек, в случае органической рациональности, то есть ее слабой формы, особое внимание уделяется соблюдению формальных и неформальных правил поведения, которым следует человек. Рациональность выбора может быть ограничена либо юридическими запретами («по газонам не ходить»), либо традициями – выбрасывать окурки из автомобиля на остановке у светофора в цивилизованных странах не принято, а иногда и наказуемо. Гипотеза органической рациональности предполагает, что взаимодействие людей рационализируется формальными и неформальными, например, моральными правилами поведения, сложившимися в ходе эволюции институтами человеческого общества.

Ф. Хайек подчеркивал: моральные нормы и традиции, а не интеллект и расчетливый разум позволили людям подняться над уровнем дикарей[3]. Люди под страхом возможного наказания или общественного осуждения поступают рационально даже в том случае, когда они не стремятся сознательно рационализировать свое поведение.

Значит, речь идет о доминанте права. Однако реалии нашей жизни свидетельствуют о том, что не всегда эта доминанта реализуется на практике. События весны прошлого года с ажиотажным спросом на сахар, соль, спички привели к социальным катаклизмам. Особенно это коснулось тех областей, где эти товары являются привозными. Например, в Нижне-Вартовске пачка соли стала стоить 27 вместо привычных 7 рублей[4].

Получается, что и продавцы, и потребители в указанной ситуации вели себя нерационально. Продавцы «обрушили» рынок сахара, соли и спичек, так как люди, запасшись ими, надолго прервали свои экономические отношения по поводу покупки этих товаров. Если источником ажиотажного спроса стала информация от производителей, то это тем более нерационально.

Кому понадобилось вызывать такую странную и нерациональную реакцию потребителей, причины которой многие авторы усматривают не в экономике и праве, а в области социальной психологии?

Нам же интересен другой вопрос. При достаточно активном освещении итогов демонстрации потребителями нерационального спроса на соль, сахар и спички, средства массовой информации мало рассказывали о нормативно-правовых мерах, принятых властью для исправления сложившейся ситуации. Например, городская администрация Тобольска оперативно отреагировала на необоснованное повышение цен на соль и сахар, предупредив недобросовестных предпринимателей о том, что к ним за создание искусственного ажиотажа вокруг продуктов первой необходимости буду применены меры, предусмотренные законом. Однако за время, прошедшее с момента продуктовой коллизии, потребители так и не увидели результатов собственно правовой экспертизы той си-

---

[3] Курс экономической теории / Под общ. ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. Киров: АСА, 2002. С. 22.

[4] *Федотов В.* Уральцев тоже потянуло на сладкое и соленое // Экономика и жизнь. 2006. Март. № 9.

туации ни в Тобольске, ни в других городах. «Создатели» ажиотажного спроса остались вне рамок нормативно-правовой оценки.

И здесь можно говорить уже о том, что в обществе отсутствует фидуциарное, то есть доверительное отношение между гражданами и властью. Это приводит к тому, что рациональность потребителя с точки зрения экономики весьма слаба. А слабость рациональности именно в том, что отсутствует действенная правовая оценка причин, ослабляющих эффективность функционирования «экономического человека» в социуме. Думается, что это связано прежде всего с тем, что властные структуры до сих пор еще не научились оценивать как социальные экстерналии принимаемых экономических решений, так и правовые рамки государственного контроля, способного развивать фидуциарные отношения в обществе.

С. И. Глушкова*

Права человека и гражданина в правовой жизни современной России

Изучение ситуации с правами человека в современной России демонстрирует существенную поляризацию между правовым идеалом и правовой реальностью.

Ограничение избирательных прав гражданина (что означает существенное сужение сферы политической активности и самодеятельности гражданина), отсутствие необходимых экономических гарантий права на жизнь (что резко ограничивает сферу гражданской свободы и независимости гражданина), нестабильность механизмов защиты социальных и экономических прав – все это и многие другие факторы свидетельствуют о дисбалансе в правовой реальности. Дисбаланс выражается в перевесе сферы негативных правовых явлений (бесправие, злоупотребления, деформации, правонарушения) над сферой позитивных юридических начал. При этом факты бесправия и злоупотребления позволяют судить об определенном «откате» в российском обществе в области прав человека от соблюдения международных, европейских и национальных (т. е. собственных) стандартов. В этом смысле международные и региональные стандарты являются факторами, в определенной степени сдерживающими нарушения прав человека и гражданина в России.

Одним из важных шагов в деятельности правозащитного сообщества, а также представителей всех институтов прав человека (в частности, Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, Общественной палаты РФ, Совета при Президенте по развитию институтов гражданского общества и прав человека, др.) в связи с этим должно быть лоббирование – в органах законодательной,

* ***Светлана Игоревна Глушкова*** – д-р полит. наук, доцент, зам. декана юридического факультета, директор Центра прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, приглашенный профессор Университета Париж-X (Франция).

© С. И. Глушкова, 2007

исполнительной и судебной власти – требований: 1) подписания и ратификации всех международных и европейских стандартов по правам человека; 2) соблюдения этих стандартов чиновниками всех уровней (важно для этого преодолеть ведомственный правовой нигилизм, в том числе информировать чиновников о содержании международных, европейских и национальных стандартов); 3) обеспечения информированности граждан о подписанных и ратифицированных Россией стандартах в области прав человека.

В правовой жизни современной России все более ощутимым становится **дефицит прав человека**. При этом данный дефицит, как и **дефицит демократии** (К. Дж. Маккензи), с каждым реформированием или введением инновации чувствуется все острее и болезненнее. Это позволяет западным и российским специалистам в поисках четкого обозначения российской модели демократии именовать ее либо «делегированной демократией», либо «опекаемой демократией», либо «ограниченной демократией», либо «стойкой, но не утвердившейся демократией»[1].

В постсоветской России в настоящее время достаточно четко отражаются **тенденции кризиса либеральной демократии** западной политической модели, в которой демократия и свобода связаны друг с другом настолько, что в языке политической культуры подчас являются синонимами. Но в современном мире демократия и свобода все более расходятся, между ними увеличивается дистанция, в частности, «демократия расцветает, а свобода – нет»[2]. При этом расцветает не только «либеральная демократия», но и другие ее типы: «нелиберальная демократия», «антилиберальная демократия», «полудемократия» и т. д. Демократия (основой которой, по мнению С. Хантингтона, являются открытые, свободные и справедливые выборы) для сохранения ее истинной сущности должна подтверждаться развитием традиций конституционного либерализма. Основными элементами последнего являются «верховенство закона, право частной собственности и, во все большей мере, разделение властей», свобода слова и собраний. Ибо на протяжении большей части современной истории власть в Европе и Северной Америке характеризовалась и отличалась от других правительств в мире не демократичностью, а конституционным либерализмом. «Западную модель правления» точнее всего характеризует не массовый плебисцит, а беспристрастность суда. Конституционный либерализм и демократия в современном мире дополняют друг друга, что часто ведет к смешению и отождествлению этих понятий. Но можно достичь высокого уровня конституционного либерализма, и в то же время не иметь демократии[3]; страна может быть демократической, но нелиберальной. Так, исследуя российский режим, который он расценивает как нелиберальную демократию, где «перемешаны выборность и авторитаризм», Ф. Закария делает следующий важный прогноз: если Россия продолжит идти по своему пути, «скатываясь к выборной автократии, при которой свободы, гарантированные в теории, будут все чаще нарушаться на практике, а коррупция встроена во всю политико-экономическую систему, то страна вполне может остаться демократической, но нелиберальной»[4]. Для того чтобы избежать этого, российскому обществу необходимо учитывать основные уроки исторического опыта демократизации: 1) делать упор на реальное хозяйственное развитие; 2) строить эффективные политические институты.

Российское общество пока не обрело достаточного позитивного опыта либеральных преобразований. Либерализм в консервативной по сути России не был идеей фикс, «болезнью», которой переболело все общество. Болезни были другие: известная ленинская «болезнь левизны в коммунизме», а потом, по этой аналогии (но уже устами других), и «правизны», космополитизма. Во всех этих российско-советских явлениях проявилась четкая тенденция к монополизации политической и правовой культуры радикальными идеологиями. Отсутствие достаточного опыта либеральных преобразований, демократических традиций и сегодня делает российское общество легко подверженным таким монополизациям.

Для каждого региона современной России можно выделить наиболее проблемные вопросы, связанные с соблюдением и защитой прав человека и гражданина. Это зависит, в первую очередь, от национальной и конфессиональной составляющих, уровня социально-экономического развития региона, геополитических факторов. Однако можно выявить целый ряд сфер, проблемы прав че-

[1] См.: Политология: проблемы теории / Отв. редактор В. А. Гуторов. СПб., 2000. С. 343.

[2] *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами. М., 2004. С. 6.

[3] *Закария Ф.* Указ. соч. С.10.

[4] Там же. С. 90–91.

ловека в которых являются доминирующими для любого региона и нуждаются в урегулировании в правовой жизни России.

1. **Сфера гражданской безопасности**: ежегодно в России около 2 млн. человек становятся жертвами преступлений. В связи с этим особенно востребованным является обеспечение государством права человека на получение квалифицированной юридической помощи. Данная помощь нужна не только лицам, подозреваемым или обвиняемым, но и потерпевшим. В то время как «следственная практика свидетельствует о слабой заинтересованности следователей в активном участии потерпевшего при расследовании уголовного дела… Постановление о признании лица потерпевшим выносится с явной задержкой или вообще не выносится. В результате пострадавший слишком поздно становится обладателем прав, обеспечивающих доступ к правосудию»[5].

2**. Сфера гендерного равенства**: для установления «паритетной демократии» в России необходимо установление паритетного представительства мужчин и женщин в органах законодательной и представительной, исполнительной власти, судах и иных правоохранительных органах. Вопросы равных возможностей мужчин и женщин нуждаются в урегулировании в правовой жизни современной России.

3. **Сфера толерантного диалога**: в последние годы наблюдается рост насилия в российском обществе на почве нетерпимости и ксенофобии. В 2005–2006 гг. имели место факты угроз, нападений, избиения людей, погромы, поджоги культурных сооружений и домов верующих различных конфессий.

Среди них можно отметить следующие факты, например, в 2005 г.: погром в Центре русской духовности в Москве, поджоги молитвенных домов христиан веры евангельской в Ленинградской и Читинской областях; появление антисемитских надписей, лозунгов и свастики на стенах синагог в Москве, Владимире, Петрозаводске, Сыктывкаре, Самаре; осквернение еврейских могил в Москве и Казани; др. В 2006 г. российское общество было шокировано чередой убийств православных священников, их семей, поджогами церквей и домов священников. Все эти грубые нарушения свободы совести и свободы вероисповедования являются серьезными факторами риска для нашего общества. И поиск путей урегулирования напряженности в этой сфере должен быть направлен на установление толерантного диалога и предоставление равных возможностей представителям всех конфессий. Опасными в связи с этим являются попытки государственных чиновников установить «доминирующую» религию, конфессию, ввести в школах обязательное изучение основ православия. Любые подобные курсы должны быть отнесены к дополнительному образованию (в воскресных школах, Домах культуры, Домах мира и дружбы и т. д.).

4. **Сфера национальных отношений**

В соответствии с данными Аналитического доклада Московского бюро по правам человека (за 2005 г.) в России действует около 10 000 скинхедов (в основном в Московской области и Санкт-Петербурге), 150 экстремистских группировок, 7 партий и движений, которые используют ксенофобию и/или расизм в качестве идеологии. Среди таких партий и движений можно отметить следующие: Русское национальное единство (РНЕ), Национально-державная партия России (НДПР), Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), Национально-народная партия (ННП), Партия свободы (ПС), Русский общенациональный союз (РОС)[6].

Среди фактов нарушений прав человека и гражданина со стороны националистических организаций нужно отметить такие, как: составление различных списков «врагов русского народа», в которых фигурируют как правозащитники, так и ученые; взломы сайтов правозащитников, которые выступают против фашизма; организация 4 ноября (в День народного единения) «Русского марша» под лозунгами «Россия против оккупантов» (в 2005 г.) и «Россия для русских» (в 2006 г.); попытки создания правыми радикалами парамилитаристских формирований; погромы, участие в террористических актах, др. Особенно тревожной тенденцией является рост националистических взглядов среди населения. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (за 2005 г.), число поддерживающих лозунг «Россия для русских!» составило 16 % населения, по сведениям «Левада–Центра» – в той или иной степени его поддерживали 58 % российских граждан[7].

5. **Сфера гуманного и уважающего достоинство обращения**

В ежегодных докладах Московской Хельсинской группы, Международной Амнистии, аналитических материалах Нижегородского

[5] *Мирза Л. С.* Доступное правосудие для граждан // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 21.

[6] См.: *Габидулина Ю.* Положение национальных меньшинств // Права человека в Российской Федерации. М., 2006. С. 92.

[7] См.: Там же. С. 93.

комитета против пыток, Правозащитного центра г. Казани, Фонда «Общественный вердикт» отражены факты применения пыток и жестокого и унижающего обращения и со стороны сотрудников правоохранительных органов. Наряду с этим в 2004–2005 гг. появились случаи массового насилия: г. Благовещенск (декабрь 2004 г., рейды сотрудников правоохранительных органов, в ходе которых было задержано более 1000 человек, преимущественно подростки); с. Рождествено, Тверская область (февраль 2005 г.); с. Ивановское, Ставропольский край (июнь 2005 г.)[8].

Наглядно положение дел в области прав человека демонстрируют Уполномоченные по правам человека, функционирующие в 34 субъектах РФ, российский Уполномоченный В. П. Лукин. В частности, он отмечал в своем докладе за 2005 г. нарушения прав человека в современной России в следующих сферах:

• массовые нарушения прав человека при реализации федерального закона № 122-ФЗ;

• отсутствие возможности у большинства населения «воспользоваться услугами платного здравоохранения ввиду его дороговизны», получить квалифицированную медицинскую помощь в системе государственного здравоохранения;

• нарушения прав наиболее уязвимой категории граждан – лиц, страдающих психическими расстройствами; в частности, нарушения их прав «на наивысший достижимый уровень психического здоровья и на получение адекватной психиатрической помощи»;

• нарушение прав человека сотрудниками правоохранительных органов: рукоприкладство, сокрытие преступлений от регистрации, бездействие и волокита при рассмотрении обращений граждан;

• нарушение права на безопасность журналистов (избиение В. Найхина, арест Е. Масловской, др.), давление региональной власти на местную прессу;

• нарушение прав иностранных граждан, беженцев, вынужденных переселенцев (например, нарушение прав турок-месхетинцев в Краснодарском крае); др[9].

[8] См.: *Шепелева О.* Пытки и жестокие, бесчеловечные и унижающие достоинство виды обращения // Права человека в Российской Федерации. М., 2006. С. 121–122.

[9] См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г. М., 2006. С. 10–34.

Остаются до сих пор неразрешенными важнейшие проблемы российского общества в области прав человека: 1) Россия не ратифицировала протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; а также не исключила в Уголовном кодексе смертельную казнь из числа видов наказания. Все это при каждом громком уголовном процессе возрождает политические и правовые дискуссии о возможности сохранения смертной казни, что, ставит под сомнение в общественном сознании ценность человеческой жизни, естественное право человека на жизнь; 2) Россия не ратифицировала Европейскую социальную хартию, в которой закреплены социальные и экономические права граждан стран-членов Совета Европы, а также контрольные механизмы защиты этих прав Советом Европы.

Особые опасения в современной России вызывает нарушение права на жизнь и безопасность, что, например, было достаточно полно представлено в Докладе Международной Амнистии за 2004 г. «Права человека в современном мире». Среди факторов нарушения прав человека в России, в частности права на жизнь и безопасность, были названы следующие: 1) преступления расистского характера, жертвами которых стали иностранные студенты, беженцы, правозащитники; 2) жестокое обращение со стороны сотрудников милиции по отношению к задержанным; 3) условия содержания во многих камерах предварительного заключения оцениваются как жестокое, негуманное и унижающее достоинство обращение; 4) отсутствие в России закона о домашнем насилии оставляет безнаказанными многих виновников гибели и инвалидизации женщин и детей[10].

В 2005–2006 гг. многие из этих фактов нарушений прав человека вновь повторились. Среди причин подобных нарушений можно отметить прежде всего: 1) несовершенство законодательной базы; 2) нестабильность в социально-экономической и политической сферах; 3) несоблюдение российскими чиновниками международных и европейских стандартов в области прав человека, в частности в пенитенциарных учреждениях; 4) слабый контроль институтов гражданского общества над государственной политикой, властью; 5) несоблюдение со стороны государства всего комплекса гарантий прав и свобод человека и гражданина.

[10] См.: Доклад Международной Амнистии // Права человека в современном мире. М., 2005. С. 220–223.

Указанные сферы, к сожалению, не все, где распространены нарушения прав человека и гражданина в современной России. Однако уже на основании этого можно сделать вывод о нестабильности и противоречивости ситуации с реализацией в России прежде всего гражданских прав человека.

В связи с этим особую ценность в настоящее время приобретает право на жизнь как «естественная, неотъемлемая от человека возможность защиты неприкосновенности жизни и свободы распоряжения ею, гарантированная нормами внутреннего законодательства и международно-правовыми актами»[11].

Рассмотрение положения с правами человека в России все более убеждает в том, что «ценность всех без исключения прав и свобод человека состоит в возможности их полноценной реализации»[12]. Поэтому для обеспечения юридической безопасности общества, правовой защищенности человека и гражданина в настоящее время необходимо не только наличие средств правовой защиты, но и эффективного механизма восстановления нарушенных прав человека и гражданина. Именно в этом заключается ценность юридической безопасности, которая не сводится лишь к нейтрализации факторов риска, угрозы опасных источников нарушения прав человека и гражданина[13].

Однако ценность прав человека, признаваемая сегодня в российском обществе, не имеет достаточного социально-экономического и правокультурного фундамента, а также всего необходимого арсенала ресурсов и институтов прав человека. Поэтому Россия испытывает в настоящее время не только дефицит демократии и прав человека, но и дефицит человеческой жизни, ценность которой была утрачена в XX веке в череде реформ, путчей и революций. Возрождение гуманизма и утверждение толерантности в правовой и политической культуре современного общества призвано вновь вернуть человеческой жизни статус ценности повседневности, а также ценности правовой и политической жизни общества.

---

[11] Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф. М. Рудинского. М., 2006. С. 79.

[12] Там же. С. 341.

[13] См.: *Фомин А. А.* Юридическая безопасность и правовая защищенность: соотношение и взаимосвязь // Российское право. 2005. № 11. С. 105, 107.

Г. А. Горкушенко*

Три аспекта познания юридической ответственности

Много- и разнообразные аспекты и проблемы юридической ответственности всегда вызывали, вызывают и будут вызывать повышенный интерес правовой науки. Особое внимание привлекает специфика этой разновидности социальной ответственности в различных сферах общественной жизни. Для выявления этих особенностей представляется объективно необходимым обратиться к самому понятию и сложной природе юридической ответственности.

Юридическая ответственность как социально-правовая ценность. Социальная ценность юридической ответственности заключается не только в предупредительном и охранительном воздействии, но и в том, чтобы вызвать активные социально полезные виды правового поведения. Ведь именно такого рода поведение свидетельствует об осознании ответственности человека за порученное дело, за исполнение возложенных на него обязанностей. Поэтому и эффективность правового регулирования во многом определяется разработкой мер активной юридической ответственности. Активную юридическую ответственность следует понимать как точное и добросовестное исполнение индивидом своих юридических обязанностей, которое сопровождается его сознательностью и чувством долга перед обществом.

Особенности юридической ответственности заключаются не только в ее содержании, но и в социальном назначении, в характере тех целей, достижению которых она служит.

Социальный смысл юридической ответственности состоит в том, чтобы защищать общество от противоправных, вредных деяний. В свое время, и совершенно справедливо, К. Маркс подчеркивал, что «наказание есть не что иное, как средство самозащиты

---

* ***Геннадий Александрович Горкушенко*** – аспирант Гуманитарного университета, юрисконсульт ООО «УралИНКО-Антикризисное управление» (г. Екатеринбург).

© Г. А. Горкушенко, 2007

общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия».

Эта общая цель осуществляется различными путями в зависимости от степени и характера причинения вреда. Уголовно-правовая ответственность способствует пресечению преступных деяний, гражданско-правовая ответственность обеспечивает восстановление общественных отношений в случае их нарушения, административная и дисциплинарная – решает обе задачи в сфере своего действия.

Юридическая ответственность всегда должна строиться в соответствии с принципом справедливости.

Справедливость в юридической ответственности выражается в следующих требованиях: правонарушитель подлежит ответственности только за свое собственное виновное противоправное деяние; меры юридической ответственности не должны унижать и оскорблять человеческое достоинство; наказание должно быть соразмерным деянию; за одно правонарушение наступает одна ответственность.

Чтобы юридическая ответственность была справедливой, она во всех случаях должна осуществляться в строгом соответствии с предписанием закона.

Социальная роль правовой ответственности, как и права в целом, определяется тем, что зачастую именно и только наличие ответственности за те или иные антиобщественные поступки побуждает людей к определенному (позитивному) варианту поведения, будучи стимулом к правомерному поведению и антистимулом к совершению правонарушений.

Юридическая ответственность как разновидность юридической обязанности. Одни авторы понимают под юридической ответственностью обязанность отвечать (или дать отчет) за свои противоправные действия, другие – обязанность претерпевать определенные лишения. Иными словами, ответственность определяется через категорию «обязанность». Юридическая обязанность как абстрактная категория юридической науки и практики есть мера должного поведения, обеспеченная государством. Юридическая ответственность как разновидность обязанности, следовательно, выступает и как мера должного поведения субъектов, принудительно обеспеченная. Юридическая ответственность есть разновидность обязанности, наступающей при наличии определенных деяний или их результатов, отрицательно оцениваемых законодателем и очерченных в нормах права. Такая обязанность выступает как мера определенных неблагоприятных для субъекта лишений, ограничений личного и имущественного характера.

Один из наиболее глубоких исследователей проблем юридической ответственности С. Н. Братусь в своих рассуждениях приходит к выводу, что по своему характеру общая обязанность всех и каждого удерживаться от причинения имущественного вреда другому лицу приравнивается к обязанности не совершать правонарушения. В случае нарушения этой обязанности возникает другая, уже не пассивная, а активная обязанность возместить ущерб конкретному лицу – потерпевшему, восстановить нарушенное равновесие, привести имущественное положение потерпевшего в такое состояние, в каком оно находилось до нарушения права. Добровольное исполнение этой обязанности способствует прекращению возникшего правоотношения. Если исполнения не произойдет, то эта обязанность реализуется принудительным способом.

В современном правопонимании трактовка юридической ответственности как обязанности представляется несколько неудачной. Исходя из такой трактовки, пришлось бы признать, что правовая ответственность существует и тогда, когда правонарушитель не установлен или избегает применения к нему санкций и не претерпевает никаких лишений за свое противоправное поведение. При таком понимании ответственности ее суть ставится в зависимость от применения принудительных мер воздействия, что создает неверное представление, будто без наказания нет и ответственности.

Поэтому, представляется, что нельзя смешивать юридическую ответственность с такой правовой категорией, как «обязанность». Последняя имеет самостоятельное значение. Вместе с тем юридическую ответственность можно рассматривать как особый вид обязанности – обязанность претерпевать меры государственного принуждения за совершенное правонарушение.

Юридическая ответственность как мера государственного принуждения. Юридическая ответственность есть необходимость лица подвергнуться мерам государственного принуждения за совершенное правонарушение. Юридическая ответственность устанавливается государством, опирается на государственное принуждение, применяется специально уполномоченными органами, связана с возложением новой дополнительной обязанности, выражается в определенных отрицательных последствиях

личного, имущественного и организационного характера, является формой реализации санкции правовой нормы в конкретном случае применительно к конкретному лицу, возлагается в процессуальной форме, наступает только за совершенное правонарушение.

Для правовой практики очень важно выявить соотношение и взаимосвязь юридической ответственности и государственного принуждения, их общие и отличительные черты. Проявляется такая связь, прежде всего, в том, что юридическая ответственность устанавливается государством и является специфическим способом (методом) внешнего принудительного воздействия в отношении лиц, виновно отступивших от властных требований, выраженных в юридических нормах. Юридическая ответственность применяется исключительно в ответ на виновные действия и в силу этого, как правило, связана с наиболее жесткими ограничениями для правонарушителей.

Государственно-принудительная природа правовой ответственности проявляется и в том, что она установлена санкциями правовых норм, может быть реализована только посредством властной, принудительной деятельности государства и его органов. Хотя некоторые гражданско-правовые санкции, предусматривающие ответственность, могут быть осуществлены добровольно, без применения реальных мер принуждения со стороны компетентных органов государства. Однако это не свидетельствует об отсутствии правовой обеспеченности. Добровольное исполнение виновным вынесенного решения или возмещение причиненного им ущерба не меняет принудительной сущности данных мер. У государства всегда остается право на принуждение виновного лица к исполнению ограничений, предусмотренных соответствующими санкциями.

А. А. Давлетов*

Принципы уголовно-процессуальной деятельности: главный критерий

Одной из значительных и по существу еще нерешенных проблем уголовно-процессуальной науки остается проблема принципов уголовного судопроизводства. Возникшая в советское время, она оказалась в центре идеологической составляющей юридической науки и потому приобрела не столько правовую, сколько политическую трактовку. Считалось, что «принцип – это элемент коммунистического мировоззрения, руководящая идея в области уголовного процесса…»[1].

Такому подходу способствовали не только всеобщая идеологизированность науки советского периода, но и внесение в УПК РСФСР 1960 г. (раздел «Общие положения», глава первая «Основные положения») ряда статей декларативно-политического характера: неприкосновенности личности, жилища, охраны личной жизни и тайны переписки, осуществления правосудия только судом, независимости судей и др.

В уголовно-процессуальной науке феномен принципов за 40 лет действия последнего УПК РСФСР был изучен довольно обстоятельно. Однако отойти от «идеологизированной концепции» исследователи не могли, так как это просто не дозволялось. По сути, научная дискуссия свелась к двум основным вопросам: а) о нормативном или не нормативном характере принципов; б) о системе принципов. В итоге в советской теории уголовного процесса превалирующей стала точка зрения о нормативности принципов, тогда как об их системе позиции юристов существенно разошлись. Предлагались различные перечни положений с количеством от 7 до 20, претендующих, по мнению авторов, на роль принципов уголовного процесса.

---

* ***Ахтям Ахатович Давлетов*** – д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Томин В. Т.* О понятии принципа советского уголовного процесса. Труды ВШ МООП РСФСР, М., 1965. Вып. 12. С. 194.

© А.А. Давлетов, 2007

Разработчики нового УПК РФ были свободны от идеологических установок и потому имели возможность научно-обоснованно подойти к проблеме закрепления в Общей части Кодекса принципов уголовного судопроизводства. Здесь было три варианта. Первый – сохранить подход советского законодателя, то есть изложить общие положения, не указывая, какие из них относятся к принципам. Второй – вообще не формулировать в Общей части УПК РФ нормы, претендующие на роль принципов уголовного процесса. И наконец, закрепить ряд положений, прямо заявленных как принципы уголовного судопроизводства.

Авторы УПК РФ избрали последний внешне самый простой путь – выделили в Кодексе специальную главу, именовали ее «Принципы уголовного судопроизводства», изложили в ней 14 статей (ст. 6–19) и объявили их принципами современного отечественного уголовного процесса. Казалось бы, проблема разрешилась на законодательном уровне и дискуссии по этой теме уже неуместны.

Однако, хорошо известно, что волевое субъективное усмотрение лишь в том случае воспринимается адресатом и успешно функционирует, если согласуется с объективным положением вещей. Поэтому правомерен вопрос: действительно ли положения главы второй УПК РФ являются принципами уголовного процесса?

Слово «принцип» означает основное, исходное начало чего-либо, кого-либо: науки, теории, той или иной человеческой деятельности, отдельного человека и т. д. Отсюда следует, что первым условием выявления принципов является определение того объекта, о принципиальности которого идет речь.

Термин «уголовный процесс» охватывает четыре области человеческой деятельности и используется, соответственно, в разных значениях: как наука, как отрасль права, как уголовно-процессуальная деятельность (возбуждение, расследование и рассмотрение уголовных дел) и как учебная дисциплина. Все они осуществляются людьми, характеризуются собственными закономерностями, обладают исходными положениями и поэтому могут рассматриваться с точки зрения принципов. Следовательно, можно говорить о принципах уголовно-процессуальной науки, уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальной деятельности, а также о принципах преподавания уголовного процесса как учебной дисциплины.

В юридической литературе некоторые авторы различают принципы уголовного судопроизводства как науки и как отрасли права.

«Теоретические, основополагающие идеи уголовного процесса, разрабатываемые учеными, играют роль принципов науки. Принципы уголовного процесса (отрасли права) – это правовые положения, выступающие в уголовно-процессуальной деятельности в качестве общеобязательных требований закона»[2]. А. В. Кудрявцева и Ю. Д. Лившиц правильно указывают на функциональное значение таких принципов. «Научные принципы, – отмечают они, – будучи абстрактными идеями о должном, обращены к законодателю, тогда как после закрепления в нормах права они обращаются к правоприменителю»[3].

Однако на этом юристы останавливаются, полагая, что то или иное положение, став принципом права (точнее принципом в праве), превращается в принцип уголовно-процессуальной деятельности. Тем самым ставится знак равенства между принципами уголовного судопроизводства как отрасли права и как области правоприменительной практики.

Такой подход методологически уязвим и потому вызывает возражения. Достаточно отметить, что каждый из указанных видов деятельности осуществляется особым субъектом. В науке это – ученый, в праве – законодатель, а в уголовно-процессуальной деятельности – правоприменитель: следователь, прокурор, судья. Каждый из этих субъектов «принципиален» по-своему, так как он руководствуется специфическими, присущими лишь данной области деятельности, отправными положениями. Если таковыми в науке являются теоретические идеи, из которых исходит ученый, то в праве – это юридические нормы, определяющие сущность и специфику уголовно-процессуального права, на которых базируется законодатель. В самой же уголовно-процессуальной деятельности в качестве ее принципов выступают те свойства, которые на общем (принципиальном) уровне характеризуют данный вид практики и которыми руководствуется в своей работе правоприменитель. Другими словами, если мы ведем речь о реальной, конкретной деятельности, то ее принципами не могут быть абстрактные научные идеи, а также общеправовые (конституционные) положения, обращенные к законодателю для формирования той или иной отрасли права. Поскольку уголовный процесс – деятельность юридическая,

---

[2] *Кудрявцева А. В., Лившиц Ю. Д.* О понятии принципа в уголовном процессе. Правоведение. 2001. № 4. С. 163.

[3] Там же.

урегулированная нормами права, то ее принципами являются такие общие положения, которые, во-первых, закреплены нормативно, то есть содержатся в уголовно-процессуальном праве, а во-вторых, действительно выполняют роль ведущих положений, то есть определяют суть и специфику данной деятельности.

С советских времен хорошо известно суждение Ф. Энгельса, на которое ссылаются все исследователи принципов: «Принципы – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»[4].

Смысл этой методологической установки материалистической диалектики в том, что принципы заранее, извне не привносятся, они объективно существуют в конкретном явлении и «извлекаются» из его глубины (сущности), проявляясь вовне в реальной деятельности субъекта. Иными словами, принципы – это не абстрактное и не желаемое, а конкретное и действительное. Так, сколько бы тот или иной человек не заявлял о своих добродетелях, сколько бы «табличек» о своих достоинствах на себя не навешивал, о его принципах судят не по ним, а по делам и поступкам. Поэтому принцип – это не лозунг на фасаде дома, а его внутренняя опора, фундамент, на котором стоит строение и который определяет надежность всей конструкции.

Таким образом, направление выявления принципов не «сверху вниз», а «снизу вверх», то есть не от идеи, предварительно заданной как качество предмета, а от самого предмета, из которого выводятся его сущностные (принципиальные) свойства. Именно такой смысл заложен в словах Ф. Энгельса, о том, что «принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них».

Это методологическое условие по идеологической причине игнорировалось в советское время. Философское определение принципа как «основы», «исходного положения», «отправной идеи» было истолковано как предварительная политическая установка, как идейный «лозунг на входе». Какие положения служили тогда исходными при разработке систематизированного законодательства, например, уголовно-процессуального кодекса? Ответ очевиден – нормы Конституции и господствующие классовые идеи. Вот их,

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1967. Т. 20. С. 34.

не мудрствуя лукаво, и записали советские отцы-законодатели в Общей части Кодекса. А уж затем политизированные ученые объявили эти лозунги принципами уголовного процесса.

Обратимся к положениям УПК РФ, объявленным принципами современного отечественного уголовного судопроизводства. Ясно, что они призваны охарактеризовать не данную отрасль права и тем более не науку уголовного процесса, а саму уголовно-процессуальную деятельность, так как все нормы Кодекса обращены к тем, кто эту деятельность осуществляет.

Размещение этих положений в исходной главе Общей части УПК РФ, да еще под рубрикой «Принципы уголовного судопроизводства» придает им статус «фасадных лозунгов». Однако, если такой призыв реализован в ткани закона и воспринят практикой его применения, если он действительно стал одним из исходных правил, которым руководствуется в своей деятельности следователь, прокурор, судья, то появляется основание говорить о принципе. Если же то или иное положение осталось декларацией, не получило реального воплощения, так и не став руководством к действию, то речи о принципе уголовно-процессуальной деятельности быть не может.

Значительная часть главы II УПК РФ выражает идею уважения личности, ее неприкосновенности, охраны прав и свобод человека, неприкосновенности жилища, сохранения тайны обмена информацией (ст. 9–13 УПК РФ). Если исходить из них, то, например, следователь должен строить расследование преступления таким образом, чтобы никак не нарушить указанные конституционные права и свободы личности. В действительности же этого нет. Любому следователю известно, что в случаях, предусмотренных законом, ему дано право «прикосновенности» личности, жилища, путем задержаний, выемок, обысков и т. д. Поэтому руководящим, то есть принципиальным, для него является не неприкосновенность личности или жилища, а «прикосновенность» к ним в рамках, определенных законом.

Такое несовпадение желаемого и действительного произошло потому, что конституционные положения, определенные как общегосударственные принципы и обращенные к законодателю как исходные условия разработки отраслевого права, были «напрямую» перенесены в область уголовного судопроизводства и объявлены его принципами. Безусловно, конституционные права и гарантии распространяются и на уголовный процесс однако, в силу специфики

этого вида юридической деятельности ее характеризует не соблюдение конституционных идей, а исключения из них. Принципиальность уголовного процесса заключается не в том, чтобы названные положения правого общества вообще не нарушались, а в том, чтобы отступлений от них было ровно столько, сколько необходимо для решения задач, стоящих перед правоприменителем.

Изложенное приводит к выводу о том, что положения Конституции РФ, непосредственно перенесенные в УПК РФ в качестве принципов уголовного процесса, таковыми не являются. В уголовно-процессуальной деятельности действуют иные общие правила, призванные, с одной стороны, обеспечивать жизнеспособность и эффективность уголовного судопроизводства, а с другой, выступающие как продолжение (преломление) конституционных идей в специфике данной области юридической практики.

В то же время некоторые положения второй главы УПК РФ действительно являются принципами уголовного судопроизводства. Так, в ст. 17 УПК РФ закреплены правила оценки доказательств по внутреннему убеждению. Эти нормы пронизывают всю уголовно-процессуальную деятельность, относятся ко всем правоприменителям, подтверждаются всеми «рабочими» нормами Особенной части УПК, реализуются в решениях по всем уголовным делам и, в итоге, выражают одну из принципиальных (сущностных) свойств уголовного процесса как специфической отрасли правовой деятельности.

Н. Н. Давыдов*

Значение права в цифровую эпоху

С каждым днем становится все более очевидным, насколько важно сегодня понимать правовую материю. Ведь как только начинает равиваться какая-либо сфера человеческой жизни, автоматически, в эту сферу начинает проникать право. Если вдуматься, то такое объединение является обыкновенным следствием: человек попадает в новые обстоятельства, и у него появляется необходимость защититься на новой ступени развития. С началом нового века происходит резкий скачок в сфере информационных технологий и очень важно, чтобы также быстро человек научился себя защищать.

Развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на сферу права и его объекты. Одним из таким объектов все чаще становится интеллектуальная собственность, причем в киберпространстве. На сегодняшний день многие специалисты в самых различных сферах (юридическая наука, образование, программирование и др.) обращают пристальное внимание на вопросы о защите авторских прав, связанных с так называемой «цифровой эпохой». Главная проблема состоит в том, что электронную информацию очень легко копировать и распространять, а это вызывает неизбежный конфликт между потребителями и правообладателями.

На интернет-сайте www.ifap.ru, который принадлежит международной организации ЮНЕСКО, размещены результаты опроса правообладателей и потребителей, посвященного проблеме соблюдения авторских и смежных прав в отношении объектов интеллектуальной собственности, выраженных в цифровой форме. Опрос проводился в рамках исследовательского проекта «Право и общество в цифровую эпоху», который образовался в начале 2006 года. В принципе всю эту проблему можно охарактеризовать простым и понятным сегодня словом – «пиратство». Почему же на сегодняшний день столь успешен «пиратский бизнес»? Чтобы

---

* ***Николай Николаевич Давыдов*** – студент юридического факультета Гуманитарного Университета(г. Екатеринбург).

© Н. Н. Давыдов, 2007

понять это, достаточно посмотреть, как обычный российский потребитель характеризует производителя «пиратских» копий. Безусловно, в большинстве ответов отмечается, что «пират» – это обыкновенный вор. Но много и тех, кто считает, что «пират» – это человек, который делает продукты интеллектуальной собственности доступнее для покупателей[1]. Наталкивает на размышления и то, что говорят о «пиратстве» непосредственно правообладатели. Интересно, что тезис о том, что «пиратские» копии плохого качества и это наносит ущерб имиджу правообладателя, считают основным только 13 % респондентов[2].

Вероятно, что причины развития «пиратства» на территории России самым прямым образом связаны с различным пониманием смысла нелегального рынка, с одной стороны – потребителями, с другой стороны – правообладателями. Но это далеко не единственная причина. Также конфликт возникает из-за того, что у двух рассматриваемых сторон полярные цели. «Очевидная разница в целях – максимизация прибыли у правообладателей и минимизация расходов у потребителей»[3]. Таким образом, для того чтобы как-то ликвидировать спрос на некачественную продукцию, необходимо обеим сторонам найти компромисс в вопросе цены. И еще одна немаловажная причина: очень часто происходит так, что потребитель не отличает качество нелегальной продукции от настоящей, то есть проблема выбора во время покупки его не мучает. В совокупности, искоренение этих трех причин будет являться значительным шагом к уничтожению «пиратства» в России.

Сегодня с «пиратством» начинают бороться самыми оригинальными способами: 23 октября 2006 года МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех» со своими партнерам по реализации социально-значимых проектов – Светским клубом и фондом ветеранов спецслужб «Вымпел-регион» – выступили с необычной инициативой: не уничтожать под гусеницами бульдозеров контрафактные аудио- и видеодиски, конфискованные у «пиратов», а пускать их на благотворительные цели. Первым шагом в этом направлении стала передача части конфискованного у «пиратов» тиража контрафактных DVD «Детские сказки» детским библиотекам Ставрополя, Подмосковья, Краснодарского края и многим другим. Видеодиски с мультфильмами были переданы библиотекам представителями «Вымпел-региона», который защищает интересы правообладателя – компании VOX Video[4]. Этот материал размещен на сайте под заголовком «Пусть пираты займутся благотворительностью!».

[1] См.: *Наумов В.* Проблемы правовой культуры и экономика интеллектуальной собственности в России. 2006. С. 7.

[2] См.: Там же. С. 7.

[3] См.: Интеллектуальная собственность в киберпространстве / Сост. Е. Альтовский 2006. С. 5.

Одним из важных вопросов сегодня является взаимодействие права и Интернета. В данной ситуации Интернет – прямой доступ ко многим законодательным базам данных (КонсультантПлюс, Гарант и др.), с которыми может познакомиться абсолютно любой пользователь всемирной паутины. И, конечно, стоит обратить внимание на первый электронный журнал в России – «Российское право в Интернете» (его адрес rli.consultant.ru). О значении такого журнала рассуждает академик РАН О. Е. Кутафин: «Наша задача состоит в том, чтобы посредством издания журнала произошло насыщение Интернета научной юридической мыслью. Причем статьи, которые будут помещаться на страницах журнала, как правило, посвящены самым актуальным и самым насущным злободневным вопросам»[5].

В сегодняшней ситуации, характеризуемой бурным развитием информационных технологий, необходимо понять одну вещь: защищать свои права необходимо, и делать это возможно с помощью электронной информации. То есть, иными словами, с развитием всемирной паутины появляется правовой парадокс: сегодня у людей есть возможность защищать с помощью Интернета и электронной информации свои права, связанные опять же с Интернетом и электронной информацией.

[4] См.: www.ifap.ru / пресс-центр.

[5] См.: rli.consultant.ru / главная.

*С. А. Денисов**

Избирательное правоприменение в административной правовой системе

Административной называется правовая система, реализующая в первую очередь интересы обособленных от общества управленческих групп, составляющих государственный аппарат[1]. Реализация права в таких правовых системах зависит только от воли управленцев. Влияние общества на их поведение минимально. Вследствие этого к норме права подходят как к инструменту, который может применяться в одних случаях и не применяться в других.

1. Для административных правовых систем характерно неравенство субъектов права. Люди разделяются по их месту в государственном аппарате, приближению к властным субъектам или полезности для государственного аппарата. Неравенство может открыто закрепляться в правовых нормах (кастовые и сословные общества) или скрываться. Тогда оно реализуется через неравное применение нормы права к разным субъектам. Так, отдельные субъекты могут обеспечиваться большей защитой от правонарушений. Например, по ходатайству руководства партийного отделения «Единой России» г. Екатеринбурга правоохранительные органы возбудили уголовное дело в отношении А. Каленова за порчу агитационных плакатов этой организации. Порча плакатов иных организаций не пресекается или содержит состав лишь административного правонарушения[2].

Неравенство может заключаться в отказе от применения юридической ответственности к отдельным субъектам. Например, прокуратура прекратила уголовное дело в отношении жены бывшего губернатора Саратовской области, которая присвоила себе два коттеджа на сумму около 3 млн. руб[3]. Рядовые граждане получают наказание в виде лишения свободы на длительные сроки за хищения в гораздо меньших размерах.

Формирование органов власти в административных государствах осуществляется на основе личной преданности чиновников руководителю организации или государства. В свою очередь, в обмен на лояльность подчиненных, руководитель проявляет небеспристрастное отношение к ним, опекает их, в частности защищает от юридической ответственности за совершаемые ими правонарушения.

2. Для удержания населения в повиновении управленцы часто применяют прием зарегулированности общественных отношений. В этих условиях большинство субъектов права идут на нарушение их. Управленческий аппарат сам не мешает массовым правонарушениям. Они становятся обычной практикой. Но в случае необходимости применить репрессии к тому или иному человеку или организации, сделать это легко, на законных основаниях. В практике это получило название «приговорить жить по закону». Например, в 2003 г. в России был введен в действие ГОСТ Р42044-2003 «Наружная реклама на автомобильных дорогах и территориях городских и сельских поселений», который поставил вне закона 90 % всех рекламных конструкций в России. Естественно это не привело к сносу этих рекламных сооружений[4]. Просто должностные лица стали применять ГОСТ очень избирательно. Большинству рекламных компаний, близко связанных с администрацией территорий или прямо находящихся в собственности лиц, опекаемых бюрократией, было позволено его нарушать. Санкции стали применяться к тем рекламным компаниям, которые почему-либо оказались не в дружбе с государственными чиновниками.

При массовости правонарушений государственные органы просто не в состоянии применять норму ко всем нарушителям. Ее применяют к тем, кто «попал под руку».

3. Применение нормы права к отдельным субъектам часто носит показательный характер. Показательное правоприменение

* ***Сергей Алексеевич Денисов*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Денисов С. А.* Административизация правовой системы. Екатеринбург, 2005. С. 440–542.

[2] *Истомина М.* Он не собирается скрываться от суда // Коммерсантъ. 2006. 23 декабря. С. 12.

[3] Раскаяние в особо крупных размерах // Коммерсантъ-Власть. 2005. № 20. С. 28.

[4] *Бордюг Т., Соболев С.* News Outdoor попала под ГОСТ // Коммерсантъ. 2006. 19 декабря. С. 1, 11.

© С. А. Денисов, 2007

может иметь значение общей превенции в борьбе с правонарушениями. Оно может являться политическим мероприятием. Так, для того, чтобы запугать население страны, посеять страх, репрессивные органы в сталинский период отправляли в места лишения свободы всех, кто по какой-то причине попал под подозрение в нелояльности существующему строю и вождю.

Посредством избирательного применения права к отдельным субъектам государственная бюрократия создает видимость бурной деятельности по решению каких-то общественных проблем. Так, для того, чтобы снять с себя ответственность за недостатки в развитии экономики, сталинское государство провело ряд показательных дел по обвинению старых специалистов во вредительстве. Административное государство не может серьезно бороться с коррупцией. Но оно вынуждено привлекать к ответственности часть коррупционеров для обозначения этой борьбы. Обычно «козлами отпущения» становятся чиновники нижнего и среднего уровня.

По отдельным показателям правоприменения может осуществляться оценка деятельности органов власти. Для того, чтобы создать видимость хорошей работы по раскрытию преступлений, в органах милиции России осуществляют сокрытие от учета фактов преступлений. Уголовные дела по ним не возбуждаются.

4. Избирательное правоприменение осуществляется в ходе борьбы за власть. Лица, успешно совершившие государственный переворот, к ответственности не привлекаются. Победителей не судят. Проигравших ждет привлечение к ответственности за реальные или мнимые правонарушения.

Юридическая ответственность применяется к членам оппозиции. Так, в Киргизии, пока Президентом страны являлся А. Акаев, представители оппозиции привлекались к уголовной ответственности и находились в местах лишения свободы[5]. После того, как Акаев был лишен власти, члены оппозиции вышли из мест лишения свободы и инициировали привлечение к ответственности родственников А. Акаева.

5. Избирательное правоприменение используется в качестве инструмента оказания давления на соседние страны. Так, в ходе конфликта с Грузией и Молдавией российское руководство задействовало Роспотребнадзор, который вдруг обнаружил, что поставляемые в страну продукты из Грузии и Молдавии некачественны, и наложил запрет на их поставку и продажу в России[6].

[5] *Березовский В.* С «народного генерала» сорвали погоны // Российская газета. 2001. 24 января. С. 15.

6. Возможности избирательного правоприменения связаны со свободой усмотрения, которая предоставляется должностным лицам в административных правовых системах. Норма не предусматривает ясных условий для принятия того или иного решения. На характер правоприменения влияет коррупция, типичная для административных правовых систем, которая может иметь системный характер. Возможность различного решения одинаковых дел обеспечивается противоречивостью норм права. Отсутствие единообразного применения права подчас обосновывается ссылками на целесообразность.

Для избирательного правоприменения свойственна своя технология (порядок прохождения стадий правоприменения). Сначала решается вопрос, к какому субъекту надо применить норму права (выбирается «жертва») и какое решение должно иметь место, а затем уже ищутся основания для применения норм права (собирается компроментирующий материал).

7. Избирательное правоприменение играет решающее значение для поддержания власти государственной бюрократии в обществе. С его помощью государственный аппарат избавляется от лиц, которым чужды бюрократические ценности. Избирательное правоприменение позволяет бюрократии устранять оппозицию, бороться с инакомыслием. В экономической сфере, ставя предпринимателей в неравное положение, бюрократия обеспечивает привилегии тем, кто связан с ней, и устраняет с экономического поля тех, кто выступает против нее. Таким образом, бюрократия становится экономически господствующим классом общества. Избирательное правоприменение обеспечивает привилегированное положение бюрократии[7].

Необходимо обращать внимание на специфику правоприменительной деятельности чиновников и органов власти в административных правовых системах в неменьшей степени, чем на идеальные принципы правоприменения, прописанные в учебниках.

[6] *Арсюхин Е., Кобылкина И.* Вода без газа // Российская газета. 2006. 6 мая. С. 1, 2.

[7] *Мальцева Л.* Мэр дому твоему // Российская газета. 2006. 16 ноября. С. 6.

*С. А. Дьяконова**

Язык права как социокультурная ценность

Стабильность и порядок в отношениях между людьми в значительной мере зависят от упорядоченности и устойчивости права. Как разумный инструмент управления обществом, право во всех своих проявлениях существует в языковой форме – «форма права не может выступать иначе как знаковая форма, источником и воплощением которой служит определенный язык»[1]. Идеи, направляющие правовое регулирование, могут быть восприняты и осознаны только в том случае, если их обозначить словесно. Следовательно, язык и право имеют фундаментальное значение и принадлежат к числу величайших ценностей бытия человека.

Проблема *язык и право* может в полной мере считаться вечной. Ее разработку начинали еще древнегреческие философы и юристы Древнего Рима, впервые обратившие внимание на то, что слова закона не тождественны его «силе и власти» – содержанию, значению, смыслу. Еще в V в. до н. э. древнегреческий мудрец Демокрит говорил, что «предписания законов искусственны»[2], то есть поступки и состояния человека оцениваются в соответствии с абстрактной моделью поведения, закрепленной в законе. Чем совершеннее будет такая модель, чем лучше продумано типовое построение правомочий, обязанностей и ответственности субъектов в данной правовой системе, тем большие возможности откроются для того, чтобы удовлетворить интересы человека, предоставить ему эффективную правовую защиту.

* ***Светлана Алексеевна Дьяконова*** – ст. преподаватель, аспирант факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Грязин И.Н.* Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983. С. 29–30.

[2] Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 53.

© С. А. Дьяконова, 2007

В правовой сфере слово никогда не бывает «пустым звуком». За каждым словом в тексте правовой нормы стоит строго определенное юридическое понятие со своим особым содержанием, за различными юридическими обозначениями всегда «стоят реальные люди, их деятельность, благополучие, а подчас и жизнь»[3]. О недопустимости хотя бы малейшей неточности в высказывании предупреждал еще во II в. н. э. знаменитый римский юрист Гай[4]. Наставления Гая актуальны и в современную эпоху. Недостаточно четкая статья закона или даже слово могут вызвать серию юридических ошибок и серьезные негативные последствия. Всем известна фраза «Казнить нельзя помиловать», в которой в зависимости от постановки запятой противоположно меняется смысл[5].

Ясная словесная форма является обязательной предпосылкой высокого качества законов и необходимым условием внедрения четких юридических начал в жизнь общества, она задает ту рамку, что «позволяет с относительной точностью устанавливать пределы юридического пространства, своего рода поле и ориентиры права»[6]. Речевому воплощению основных функций права (волеизъявления и регулирования отношений между людьми, учреждениями, странами, между гражданами и государством) способствует такая стилевая черта, как точность, не допускающая инотолкования. Точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания (толкования) – идеал законодательных текстов, способствующих «безотказной» реализации регулировочной функции права[7]. Язык законов должен отвечать и другим требованиям стиля официальных документов – он должен быть стандартизирован (иметь шаблонную форму), носить долженствующе-предписывающий характер изложения (констатирующий и предписывающий подстили) и неличный характер речи. Бесспорно, огромную ценность в этой связи приобретает технико-юридическое совершенство правовых норм. «Нелеп и опасен такой порядок жизни, когда смысл права выражается слишком сложно, запутанно и

[3] *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М., 2000. С. 341.

[4] *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 75.

[5] Помимо этой, ставшей уже хрестоматийной, формулы можно привести немало аналогичных, например: «Договориться нельзя приказать», «Весело нельзя грустно» и т. п.

[6] *Сандевуар П.* Юридические процедуры во французском праве. М., 1994. С. 34.

[7] *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.

непонятно»[8]. Действительно, к удачной правовой формуле, к ясной и лаконичной норме есть все основания относиться «как к настоящей научной ценности, как к большому приобретению ума»[9]. Искусство законодателя состоит в том, чтобы правильно перевести социальные потребности на язык права и сотворить «юридический мир» – ту самую «словесно-символическую реальность, в пределах которой определена равная мера свободы субъектов, предписаны формы должного поведения и установлены принципы решения спорных вопросов»[10]. Эта цель нормотворчества достижима только при условии соблюдения законодательной техники, то есть «системы правил, предназначенных и используемых для познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала и подготовки текста закона»[11].

В условиях высокой интенсивности правотворческого процесса в современной России и активизации правотворческой деятельности субъектов РФ на первый план выходит проблема качества юридических документов, принимаемых на региональном и местном уровнях. Министерство юстиции РФ, Генеральная прокуратура, иные органы государственной власти регулярно представляют данные о состоянии законности в сфере издания правовых актов. Эти данные неутешительны, хотя процедура принятия и основные требования, предъявляемые к содержанию и структуре нормативно-правовых актов субъектов Федерации, как правило, регулируются «законами о законах», регламентами соответствующих органов. Нарушений в этой сфере слишком много, что чаще всего объясняется игнорированием элементарных правил юридической техники. В качестве основных нарушений исследователи обычно отмечают: отсутствие унификации по структуре и стилю изложения; противоречие действующему законодательству; отсутствие единства терминологии; декларативность, отсутствие механизма действия, реализации принимаемых норм; многословность и мелкотемье[12]. Не единичны нарушения общих принципов словесной организации нормативных текстов: корректности, стабильности языкового выражения и информативности[13]. Хотя лингвистическое качество правовых норм в последнее время заметно улучшилось, проблема правового языка, единого языкового поля российского законодательства по-прежнему остается острой.

[8] *Ильин И. А.* О сущности правосознания / Соч. в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 160.

[9] *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист. М., 1924. С. 17.

[10] *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2007. С. 31.

[11] *Тихомиров Ю. А.* О правилах законодательной техники // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 111.

[12] *Шугрина Е. С.* Техника юридического письма. М.: Изд-во «Дело», 2001. С. 7.

В данной ситуации исследователей права не могут не интересовать вопросы развития отечественных систем права и законодательства, качество нормативно-правовых актов, роль юридической техники в его обеспечении. Однако слишком узок круг разработчиков теоретически и практически важной проблемы, лежащей на стыке юриспруденции и лингвистики. В правоведении языковые проблемы права нашли отражение в работах А. А. Ушакова, А. Ф. Черданцева, И. Н. Грязина, Н. Н. Ивакиной. О языке правовых актов в связи с законодательной техникой писали С. С. Алексеев, Н. А. Власенко, Д. А. Керимов, М. И. Ковалева, А. С. Пиголкин, С. В. Поленина и др. Ряд исследований посвящен языку отдельных отраслей законодательства в работах В. М. Савицкого, А. Е. Черноморца, В. А. Семеусова и др. Отдельные аспекты юридической техники рассмотрены в ряде статей и научно-методических пособий. Среди них отметим работы Т. В. Губаевой, А. Э. Жилинского и др. В более прикладном плане о важности юридической техники рассуждают и зарубежные специалисты[14]. Между тем общетеоретических исследований по данной проблематике пока недостаточно. Труды указанных авторов являются лишь составной частью многогранного вклада, который в перспективе могут и должны внести ученые-юристы в совершенствование правовых основ государственной и общественной жизни, в обеспечение законности и правопорядка.

[13] См.: *Баранов В. М.*, *Сырых В. М.* Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 392–395; Российское законодательство: проблемы и перспективы. С. 390–395; *Ивакина Н. Н.* Русский язык российского права // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 26–28; *Надеев Р.* Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 20–22.

[14] См., напр.: *Charrow Veda R., Erhardt Myra K., Charrow Robert P.* Clear & Effective Legal Writing. Little, Brown and Company. 1995.; Laurel Currie Oates, Anne Enquist, Kelly Kunch. The Legal Writing Handbook. Research, Analysis and Writing. Little, Brown and Company. 1993.

*Л. Г. Егина**

Формирование правовой культуры школьников

Модернизация российского образования актуализировала проблемы правовоспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях (лицеях, гимназиях, школах), которые являются одним из важнейших факторов гуманизации общественных отношений, формирования новых жизненных установок личности.

Актуальность развития правового воспитания в общеобразовательных учреждениях определяется особой доминирующей ролью правовой культуры в процессе социализации личности. В современном обществе правовая культура выступает важнейшим компонентом общей культуры человека.

В то же время нельзя не отметить, что правовая культура человека учитывает уровень правовых знаний индивида, отношение его к правовой ценности, к закону, уровень правовой установки на соблюдение юридических предписаний. О правовой культуре личности можно судить по ее поведению в правовой сфере[1].

Правовая культура школьника – это часть его общей культуры, совокупность соответствующих правовых знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, осознание социальной ценности права как формы культуры, выполнение норм права, форма правового развития, обеспечивающая его правомерную деятельность.

Выпускник общеобразовательного учреждения должен обладать такими качествами, как уважение закона, уважение прав своих и чужих, толерантность, убежденность в неразрывности прав и обязанностей, умение ориентироваться в правовом поле.

* ***Людмила Георгиевна Егина*** – соискатель (Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт педагогической юриспруденции, г. Екатеринбург).

[1] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА. М., 1998. С. 334.

© Л. Г. Егина, 2007

Известно, что в культуре человека преобладают три компонента:

- интеллектуальный (когнитивный);
- практический (поведенческий);
- аффективный (ценностно-смысловой)[2].

Мы считаем, что правовая культура школьников характеризуется также наличием интеллектуальной, практической и аффективной (эмоционально-психологической) составляющих.

Формирование интеллектуального компонента правовой культуры школьников осуществляется, прежде всего, на основе освоения знаний о системе права, действующего законодательства, правовых предписаний, закрепленных в нормативных правовых документах общеобразовательного учреждения.

Формирование практического (поведенческого) компонента правовой культуры школьников осуществляется в правовом пространстве школы, где применяются полученные правовые знания, где формируется правовая социализация детей: они на практике используют свои права, соблюдают права других участников образовательного процесса, а также защищают свои права и законные интересы в случае их нарушения. В этом случае мы рассматриваем правовую культуру через призму становления личности, которая начинает осознавать, а затем требовать и создавать правовые способы защиты своей зарождающейся свободы и автономии[3].

Формирование эмоционально-психологического компонента правовой культуры школьников осуществляется на основе уважения к праву, развития правового сознания, установки на правомерное поведение, отрицательного отношения к нарушению правовых норм, прав человека, преодоления правового нигилизма.

К сожалению, мы вынуждены согласиться с мнением Р. С. Байниязова, что проявление нигилизма в отношении социальной ценности права – специфическая черта российской ментальности. Правовые (юридические) ценности в российском обществе не воспринимались и, как показывает практика, сложно воспринимаются в настоящее время в качестве необходимых для его существова-

[2] См.: *Габдулхаков В. Ф.* О технологии формирования толерантной личности // Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал. №1(13). 2004. С. 64.

[3] *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Дис. … д-р. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С.13.

ния. Напротив, нередкое нарушение правовых предписаний, скрытое, а порой откровенное попирание права, непонимание и нежелание понять фундаментальные ценности правового бытия – все это проявление правового нигилизма[4].

Анализ деятельности учреждений общего образования в Российской Федерации, проведенный через приказы, методические письма Министерства образования и науки Российской Федерации, Федеральной службы по контролю и надзору в сфере образования и науки по вопросам нарушения действующего законодательства в сфере образования, свидетельствует о проявлении правого нигилизма всеми участниками образовательного процесса, в том числе и школьниками, и в системе общего образования.

В зависимости от полноты формирования правосознания школьников мы предлагаем выделять три уровня правовой культуры: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень правовой культуры школьника проявляется в правомерном поведении, знании и соблюдении прав человека как в школе, так и за ее пределами, активном участии в социально-правовой деятельности.

Средний уровень правовой культуры школьника характеризуется устойчивым правомерным поведением, но не участием в социально-правовой деятельности. Обучающиеся этого уровня знают свои права и обязанности, правила поведения в школе и соблюдают их.

Для низкого уровня правовой культуры школьников свойственен неустойчивый тип правового поведения, со слабым знанием норм морали и права. Обучающиеся этого уровня часто нарушают правовые нормы, права других школьников.

Как показывают результаты нашего исследования, для большой группы школьников (более 85 %) наиболее характерны средний и низкий уровень правовой культуры. Это свидетельствует об острой необходимости активизации правового воспитания в школе, систематической и плановой работы по повышению правовой культуры школьников на всех ступенях общего образования. При этом основным вопросом является не только расширение правовых знаний обучающихся, но и культивирование правовых ценностей, выработка основ правовой культуры, навыков правомерного поведения, активной социально-правовой деятельности.

Результаты формирования правовой культуры школьников могут быть обеспечены только в процессе систематического, поэтапного воспитательного воздействия на личность, личностно-ориентированного подхода.

[4] *Байниязов Р. С.* Правосознание и русский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–40.

Е. Р. Ергашев*

Принцип законности в прокурорском надзорно-охранительном праве

Законность означает требование строгого и неукоснительного соблюдения всех предписаний правовых норм.

Буцковский Н. О., видный юрист конца XIX века, писал: «Первое условие успеха в судебном преобразовании (имеется в виду судебная реформа 1864 года – прим. авт.), как и во всяком другом, есть, конечно, добросовестное осуществление нового порядка, неуклонное от истинного пути никакою тенденциею, ни либеральною, ни ретроградною. Но чтоб идти неуклонно по этому истинному пути, исполнители должны руководствоваться не своею волею, а волею законодателя. Поэтому успеху судебного преобразования немало может содействовать выяснение тех вопросов, относительно которых можно усомниться, в чем именно состояла воля законодателя. Если подобные вопросы нередко представляются в применении законов, которых начала давно уже известны и усвоены обществом, то как же не возникать таким вопросам при практической разработке той части законодательства, которая основана на совершенно новых у нас началах судоустройства и судопроизводства»[1].

Принцип законности – важнейший принцип правового государства, он пронизывает все сферы регулируемых правом общественных отношений. Это категорическое требование, предъявляемое государством ко всем государственным органам, должностным лицам, учреждениям, предприятиям, организациям, гражданам, о строгом и точном соблюдении всех правовых предписаний.

---

* ***Евгений Рашидович Ергашев*** – канд. юрид. наук, зав. кафедрой правоохранительных органов и прокурорского надзора УрГЮА, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры (г. Екатеринбург).

[1] *Буцковский Н.* О деятельности прокурорского надзора вследствии отделения обвинительной власти от судебной. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. С. 1, 2.

© Е. Р. Ергашев, 2007

Законность в большей степени относится к прокуратуре, вся ее деятельность должна быть пронизана духом законности.

Применительно к прокурорским органам законность – это такое начало, в силу которого все действия прокуратуры должны соответствовать целям и строгому смыслу правовых предписаний. Ст. 3 Закона РФ «О Прокуратуре РФ» определяет принцип законности. Организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации и полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации. Следовательно, прокуратура осуществляет свои полномочия только в соответствии с законами, действующими на территории Российской Федерации.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что принцип законности в деятельности органов прокуратуры имеет двойную направленность: внешнюю и внутреннюю. Внешняя направленность определяет назначение прокурорского надзора. Внутренняя направленность относится к правовым средствам осуществления прокурорского надзора[2]. А. Ф. Козлов не согласен с подобным мнением и полагает, что нужно говорить о двух сторонах проявления принципа законности: внешней и внутренней[3] . Однако он не аргументирует свое мнение. Представляется, что мнение о двойной направленности принципа законности неверно, поскольку принцип законности – есть основное руководящее начало, закрепленные в нормах права положения, которые определяют социальную сущность всей прокурорской деятельности, в том числе и надзорной, основополагающие моменты ее организации и функционирования. В связи с чем принцип не имеет и не может иметь направленности, он может лишь проявляться в правовых нормах.

Внешняя сторона проявления принципа законности – это отношения прокуратуры как с поднадзорными, так и с неподнадзорными субъектами. Прокуроры вступают в правовые отношения с различными органами власти и управления. Эти отношения по существу являются законоохранительными, поскольку возникают и развиваются по поводу нарушения закона. В рамках их происходит

---

[2] *Добровольская Т. Н.* Вопросы теории и практики прокурорского надзора. М., 1976.

[3] *Козлов А. Ф.* Прокурорский надзор в РФ Екатеринбург УрГЮА С. 1999.

выявление правонарушений и принимаются меры по их устранению. Принципом законности определяется и критерий оценки действия субъектов, все действия оцениваются с точки зрения соответствия или несоответствия нормам права. Никакие иные критерии не принимаются.

Прокурорский надзор обязан в качестве государственной правоохранительной деятельности, осуществляемой от имени Российской Федерации под руководством законодательной власти, действовать практически во всех сферах общественных отношений, за отдельными исключениями. Прокурорский надзор по вполне понятным причинам не распространяется на саму законодательную власть, Президента, Правительство и некоторые другие органы, например на Конституционный Суд. Очевидно, законность в деятельности Правительства РФ должна обеспечивать законодательная власть, сохраняющая за собой обязанность по выполнению указанной функции[4]. Эти отношения возникают и развиваются только по поводу соблюдения законных и подзаконных актов. В ходе прокурорского надзора прокурор должен основываться только на одном критерии, данным критерием является соответствие закону, т. е. законность.

В законе заложены целесообразность и справедливость. В практике возможны ситуации, когда действующий закон не соответствует вновь сложившимся правоотношениям – устаревает либо не отражает местных условий. Но эти доводы прокурором не принимаются, закон действует до тех пор, пока не будет отменен либо изменен официально.

Установление режима законности требует совершенного законодательства. Несовершенство законов либо иных актов создает условия для их нарушения. Прокуроры же обязаны выявлять не только сами правонарушения, но и недостатки в самом законодательстве и принимать меры по их устранению.

В соответствии со ст. 9 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор, при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих правовых актов, вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об

[4] *Ломовский В. Д.* О понятии и назначении прокурорского надзора в современных условиях // Закон и право. 2001. № 2. С. 28.

изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Внутренняя сторона проявления принципа законности касается отношения прокурора к своим собственным действиям. Он должен сам строго руководствоваться законом. Все без исключения действия прокурора должны быть правомерными. Прокуроры не могут и не должны совершать какие-либо правонарушения. Прокуроры не имеют право на ошибки.

К внутренней стороне законности относится также и инициативность прокуроров при выявлении и устранении правонарушений. Прокурорский надзор, как и иная деятельность, должен осуществляться инициативно, поскольку несвоевременное выявление нарушений законности и непринятие предусмотренных законом мер по их устранению способствует совершению аналогичных правонарушений.

Некоторые ученые инициативность прокуроров в выявлении и устранении правонарушений законов выделяют в качестве самостоятельного принципа[5]. Однако, как правильно отмечал Г. И. Бровин, инициативность прокуроров не может быть самостоятельным принципом в связи с тем, что невыявление либо несвоевременное выявление и реагирование прокурора на выявленные нарушения законности, по сути, является его упущением по работе – правонарушением, допущенным самим прокурорским работником. В связи с чем инициативность прокурора при осуществлении им функций прокуратуры не может считаться самостоятельным принципом прокурорского надзорно-охранительного права, так как полностью охватывается принципом законности[6].

Прокурорский надзор – деятельность правоприменительная, имеющая свою специфику. Прокуроры, толкуя и применяя нормы права, не сами выносят решения, а обращаются к компетентным органам либо должностным лицам, применяя при этом специфический инструмент, предусмотренный законом, – акты прокурорского реагирования. Принцип законности выступает в качестве требования законности к прокурорам и выражается на практике в тре-

[5] Прокурорский надзор в СССР: Учеб. / Под ред. М. П. Малярова. М., 1969. С. 25–26.

[6] *Бровин Г. И.* Система прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Свердловск, 1979. С. 136.

бовании глубокого знания закона, применяемого прокурором; в надлежащей квалификации правонарушения и всех связанных с ним последствий; в полноте установления обстоятельств правонарушения; в обязанности прокурорского реагирования на каждое конкретное правонарушение; и наконец, в контроле за исполнением требований прокурора.

Е. А. Зорина*

Ценность жизни как правовая и экономическая категория

В повседневности под словом «ценность» понимают положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом. «Ценность» определяется не просто свойствами объектов, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях[1].

Экономическая ценность какого-либо предмета выражается в том, сколько кто-либо готов заплатить за него, или, если этот предмет уже есть у данного индивида, в количестве денег, которые последний потребует за отказ от владения им. Причем эти суммы не всегда одинаковы[2].

По Т. К. Шеллингу, ценность жизни равна ценности предотвращения смерти[3]. «Ценить человеческую жизнь» означает предотвращать смерть, а не порождать новых людей, которые могли бы никогда не появиться на свет. Автор говорит о ценности предотвращения смерти, поскольку именно так проблему «ценности жизни» до сих пор понимают экономисты.

В праве иной подход. По мнению Р. Познера[4], суды решили неприятную проблему оценки жизни в основном путем игнорирования ее. Компенсация в случае смерти обычно сводится к ком-

---

* ***Елена Александровна Зорина*** – студентка юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 1462.

[2] *Познер Р.* Экономический анализ права. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 13–14.

[3] *Шеллинг Т. К.* Ценность жизни // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, П. Ньюмена. М., 2004. С. 860– 869.

[4] *Познер Р.* Указ. соч. С. 269–271.

© Е. А. Зорина, 2007

пенсации денежного убытка оставшихся в живых родственников (в некоторых штатах США – к компенсации стоимости имущества умершего) плюс медицинских расходов и любых болей и страданий, испытанных жертвой перед смертью.

Денежный убыток оставшихся в живых близких представляет собой утраченные заработки жертвы минус ее расходы на жизнь. Оценка в данном случае аналогична оценке в случае нетрудоспособности, за исключением того, что, поскольку личные расходы жертвы (на питание и т. д.) исчезают в результате смерти, а не нетрудоспособности, они вычитаются из суммы компенсации в случае смерти, но не вычитаются в случае нетрудоспособности. Имплицитно принимается допущение, что погибший человек не получал полезности от жизни.

Очень часто, когда человек погибает или становится нетрудоспособным, проигрывают не только его близкие, но и работодатель. Работодатели инвестируют средства в обучение своих работников, надеясь их вернуть за счет повышения производительности труда работающих. Человеческий капитал, создаваемый таким образом, является столь же реальным активом работодателя, сколь и его оборудование, и его утрата связана со столь же реальными издержками.

Некоторые иностранные суды косвенно признали это, присуждая компенсации работодателям при причинении ущерба работникам. Суды, руководствующиеся общим правом, обычно присуждали такие компенсации, но теперь они этого не делают, ошибочно рассматривая подобные компенсации как подразумевающие, что работодатель является собственником труда работника.

Особенно трудной проблемой является оценка жизни ребенка. В данном случае речь не идет об оценке утраченных заработков. Можно воспользоваться минимальной оценкой убытков родителей, которая может быть основой для расчета компенсации. Сюда относятся их инвестиции денег и времени (последнее приводится к денежной форме посредством концепции рыночных альтернативных издержек) в воспитание ребенка до момента его смерти. Предполагается что, родители не выступали бы по отношению к ребенку в роли инвесторов, если бы «ожидаемая ценность» ребенка для них была бы меньше издержек инвестиций. Этот метод оценки становится менее надежным по мере того, как ребенок вырастает, поскольку родители компенсируют все большую часть своих инвестиций в форме неосязаемых услуг (ребенок весел, сообразителен, ласков), оказываемых им ребенком. С другой стороны, чем старше ребенок, тем легче предсказать его перспективный рыночный заработок.

По мнению Р. Познера, проблема оценки в случае смерти может быть решена, если разделять ex ante (перед фактом) и ex post (после факта) изменения полезности, вызванные рискованной деятельностью[5]. Если я неосторожно веду машину, я создаю риск для жизни многих людей. Из исследований дополнительных премий к заработной плате, которых требуют работники, занятые рискованной деятельностью, и даже из добровольного выбора людей между безопасностью и издержками, проявляющегося в готовности покупать индикаторы дыма, пользоваться автомобильными ремнями безопасности и т. д., мы кое-что знаем об издержках, с которыми люди косвенно связывают несение рисков получения увечья или смерти.

Эти исследования можно использовать для оценки издержек моего опасного вождения, за которое я могу понести ответственность независимо от того, нанес ли я этим вред кому-либо. Компенсация ущерба, которую я должен буду выплачивать, не должна быть большей в случае, если моя машина действительно сбила кого-либо насмерть, так как по гипотезе жертва учитывала бы риск, если бы ей заплатили *ex ante* издержки моего опасного вождения; поэтому ее близкие, равно как и все остальные, кому нанесло вред мое вождение, будут иметь право на получение компенсации в размере этих издержек – и не более того.

Р. Познер отмечает, что сумма ущерба ex ante, подсчитанная таким образом, не будет равна сумме ущерба пострадавшего, подсчитанной в системе общего права. Кроме того, существуют, по-видимому, непреодолимые практические трудности введения предлагаемого метода оценки ущерба в систему, в которой инициатива поиска правового возмещения принадлежит жертве. Многие из жертв опасного поведения при применении подхода ex ante даже не подозревают об опасности, и родственники погибшего не будут иметь стимула подавать в суд, если все, что они смогут получить, это ex ante – премия за несение риска погибшим и обычно небольшая сумма.

---

[5] *Познер Р.* Экономический анализ права. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 270.

Как видим, разница подходов экономистов и правоведов к ценности жизни весьма существенная и, с нашей точки зрения, недостаточно исследованная. Впрочем, и сами экономисты жизнь социума оценивают чаще ex ante, чем ex post. Статистические данные свидетельствуют: среди причин смертности на первом месте стоят болезни сердечно-сосудистой системы (56,7 %), на втором – убийства, самоубийство, отравление, транспортные аварии (14,3 %). Более трети умерших – граждане трудоспособного возраста[6]. Е. Павлюкова утверждает, что государство делает вид, что заботится о своих гражданах, принимает решения, программы по улучшению благосостояния пенсионеров, увеличению оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, обеспечивает семьи жильем, но насколько они воплощены в жизнь и соответствуют реальному уровню жизни – практически никто сказать не берется.

И все-таки основной «оценщик» ценности жизни прежде всего сам человек. Ценность жизни (цель, смысл ее) – это осмысление жизни во всей ее сути и во всех планах. Это умение видеть, что в ней подлинное, а что мнимое, рационально определить не только основные жизненные задачи и цели, но и реальные средства их осуществления. То есть согласовать внутри себя экономический и правовой контексты постоянного личностного роста, самосозидания, стремления к физическому, интеллектуальному, эмоционально-чувственному и духовному совершенствованию, помощь близким и нуждающимся.

[6] *Павлюкова Е.* Европейская рождаемость и африканская смертность // Экономика и жизнь. 2006. Май (№ 19).

О. М. Зуев*

Проблемы законности нормативных актов и права человека

Коренные изменения общественной жизни в нашей стране требуют совершенствования правового регулирования во многих сферах. Задача любого демократического государства состоит в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, которая не может быть достигнута без обеспечения законности и правопорядка. Тем не менее, нарушение законов в различных их проявлениях существовало и объективно существует в каждом государстве. Одним из видов таких нарушений является принятие и применение незаконных нормативно-правовых актов. При этом имеются в виду акты, правовые по форме, но не по содержанию, так как содержат элементы произвола субъектов правотворчества и правоприменителей.

Закон, если он является препятствием для власти, при определенных условиях может быть ею фактически приостановлен ad hoc, обойден, дополнен частным исключением (антиконституционная система привилегий, освобождение от ответственности чиновников, попустительство коррупции и злоупотреблению служебным положением). Вместе с тем, среди значительной части населения бытует мнение, что для того, чтобы решить почти любую проблему, достаточно принять соответствующий закон. При этом у законодателя не всегда вызывает озабоченность несоответствие содержания нормативного акта публичным интересам, потребностям населения, общественному мнению, социально-историческим условиям и опыту других государств. В результате чего возникают ситуации, когда принятые законы не вызывают уважения, не усваиваются и фактически не исполняются гражданами.

До настоящего времени в России не преодолены последствия всплеска «реформаторского» нормотворчества начала 90-х годов прошлого столетия, когда не было редкостью противоречие от-

* ***Олег Михайлович Зуев*** – зам. председателя коллегии областной гильдии адвокатов (г. Екатеринбург).

© О. М. Зуев, 2007

дельных законов Конституции друг другу; игнорирование законодателями субъектов Федерации федеральной Конституции и провозглашение приоритета законодательства субъектов над федеральным; наличие нарушающего законодательство правотворчества местных органов власти.

Остаются проблемы и с реализацией Конституции РФ, ряд положений которой не нашел подтверждения правоприменительной практикой. В первую очередь это касается института основных прав и свобод человека и гражданина. Признание, соблюдение и защита государством права на жизнь, на охрану здоровья, на благоприятную окружающую среду, носят пока только декларативный характер. Конституционные нормы, определяющие статус судебной власти, до сих пор не реализованы в полной мере. Независимость судей, подчинение их только Конституции РФ и федеральным законам не стало еще незыблемым принципом российского правосудия. Нормативные акты, признанные Конституционным Судом РФ неконституционными, утрачивают силу (ст. 125 Конституции РФ), однако еще имеют место случаи, когда, несмотря на решения Конституционного Суда, такие акты продолжают применяться.

В настоящее время значительная часть положений законодательства о государственной службе и местном самоуправлении «повисла в воздухе» и полуофициальным или неофициальным путем лишена юридической силы. Старые законы большей частью уже не действуют, а новые еще не полностью вступили в силу. Общественные отношения в этой сфере регулируются по иным нормам общеобязательного характера, созданным практикой государственной жизни.

Разрешение данных проблем имеет особое значение на пути становления правового демократического государства в России. Естественно, что полностью исключить принятие и применение незаконных нормативно-правовых актов невозможно. Но необходимо добиваться такого состояния, чтобы комплексная работа по их обнаружению, нейтрализации и устранению не отражалась на стабильности общественных отношений.

Во много раз превышая количество законов, именно подзаконные акты подвергают общественную жизнь детальному регулированию. Поэтому от того, насколько они соответствуют закону, зависит, будут ли нарушены права граждан и организаций или нет.

Законность правовых актов в юридической литературе освещается с разных сторон, начинает просматриваться и подход отдельных ученых к комплексному решению проблемы, но данный вопрос требует еще более серьезного углубленного решения. Назрела необходимость определить понятие законности правовых актов, проанализировать последствия принятия незаконных нормативно-правовых актов, то есть их воздействие на общественные отношения, признание таких актов незаконными, привлечение к ответственности за их принятие, а также выявить причины принятия незаконных актов и определить меры по их нейтрализации и пресечению в будущем.

Незаконные акты следует, на наш взгляд, рассматривать как самостоятельный регулятор общественных отношений, способный привести к крупным негативным последствиям и поэтому неизбежно являющийся объектом общетеоретического анализа. Многообразие незаконных нормативных актов, имеющихся в действующем российском законодательстве, само по себе свидетельствует о необходимости осуществления общеправового подхода.

Итоги всестороннего анализа могут быть плодотворными и практически ценными лишь тогда, когда удастся создать и заставить работать юридический механизм реализации ответственности за принятие незаконного акта либо недопущения его издания, в том числе механизм оперативного принятия решений по устранению незаконного акта и его последствий.

Незаконный нормативно-правовой акт, по нашему мнению, следует рассматривать как акт, принятый субъектом правотворчества с нарушением содержательных и процедурно-процессуальных требований, противоречащий закону или акту более высокой юридической силы.

Законность должна проявляться в законном характере самих нормативно-правовых актов, то есть в непротиворечии принципу приоритета прав и свобод человека и гражданина, в недопущении противоречия актов меньшей юридической силы актам большей, при условии соответствия актов субъектов Федерации федеральному законодательству и т. д. *Законность нормативно-правовых актов есть составляющая режима законности* и заключается в том, что разработка и принятие правовых актов должны осуществляться с соблюдением правовой процедуры, не выходить за пределы компетенции принимающих их органов и при обязательном соблюдении требования соответствия правовых актов Конституции страны и действующему законодательству.

По нашему мнению, сущность и содержание законности в какой-то степени проявляется и в законодательстве, которое адекватно воплощает правовые принципы, общечеловеческие идеалы и ценности, насущные потребности и интересы человека, объективные тенденции социального прогресса. Именно поэтому законность проявляется в законном характере самих нормативно-правовых актов.

Устойчивость, постоянство закона, а значит, и его действенность зависят, главным образом, от того, как он воспринимается общественностью, отдельными социальными группами, конкретными лицами, насколько соответствует их требованиям. Авторитет закона, уважение к нему, которое испытывают члены общества, измеряется прежде всего тем, насколько точно он отражает жизненно важные проблемы каждого гражданина и всего общества в целом, насколько действенно защищает их интересы.

Ж. В. Ивашевская*

Образование: социальная ценность или услуга (правовой аспект)

Термин и само одноименное понятие «образовательные услуги» все более активно внедряется и в сознание субъектов правоотношений в сфере образования, и в собственно образовательно-правовую практику. Между тем отношение к ним далеко не однозначное как в научных кругах, так и, что особенно подчеркнем, среди представителей практического образования. Обратим внимание на некоторые особенности этого явления, которое вполне можно определить как своеобразный правовой феномен.

В п. 8 ст. 41 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» категория «образовательные услуги» используется *лишь* в отношении *платной* деятельности образовательного учреждения. Некоторые авторы признают образовательную услугу в качестве объекта образовательных отношений[1]. Иными словами, образовательная услуга понимается как деятельность по передаче знаний и умений для удовлетворения тех или иных образовательных потребностей. В этой связи возникает вопрос, который для многих имеет исключительный не просто научный, но и жизненный интерес: образование – это действительно социальная (и в том числе правовая) **ценность** или оно есть простая социальная **услуга**? И это, думается, не риторический вопрос. Представляется, что перспективы развития российского образования в целом и всех его уровней сегодня зависят от ответа на этот принципиально важный вопрос. Ответу на этот вопрос должен

---

* ***Жанна Валерьевна Ивашевская*** – аспирант Гуманитарного университета, ст. преподаватель Северо-Казахстанского Государственного университета им. М. Козыбаева (Казахстан, г. Петропавловск).

[1] *Кванина В. В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования: Монография. М.: Изд-во «Готика», 2005.

© Ж. В. Ивашевская, 2007

предшествовать ответ на другой: а что является целью образовательной деятельности: оказание услуги по передаче знаний, умений и навыков или же сами знания, навыки, умения, которые будут иметь обучающиеся после окончания процесса обучения на соответствующем уровне (ступени) образования?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Известно, что образование как элемент (причем, важнейший) социокультурного пространства всякого общества рассматривается и как общественное благо, и как фундаментальное право человека, в последнем случае – и как одна из социальных гарантий. Между тем признание образования как некой услуги, пусть и социально значимой, ставит его наряду, например, с жилищно-коммунальными услугами[2], что вряд ли обоснованно.

Хотя многие и не хотят этого признавать, но образование не является областью экономики. Ведь в самом широком смысле образование – это формирование человеческой Личности как результата социализации индивида и подготовки его к жизни и деятельности в обществе. Уже в силу этого образование само по себе является жизненно важной функцией всякого социума, самоценной самостоятельной сферой, фундаментальным социальным институтом. В этом смысле образование выступает условием существования и функционирования общества и практически всех его институтов. Поэтому цели, назначение, функции образовательной деятельности (точнее, деятельности общества и его структур в сфере образования) состоят вовсе не в том, чтобы производить прибыль для частных лиц или групп. Образование выполняет по отношению к человеку и обществу и культурные, и социальные, и экономические, и гражданские, и этические функции. Оно необходимо для каждого человека и для всего общества, все сферы которого, экономика в первую очередь, нуждаются в нем и во многом зависят от него. Оно обеспечивает преемственность общества, сохранение и передачу от поколения к поколению знаний, выработанных в течение веков, норм и опыта, накопленных человечеством за всю свою историю. Оно формирует потенциал, который позволяет обществу идти вперед, создавать новое, изменяться, в том числе в области экономики. Образование – один из главных носителей цивилизационных особенностей народов, обеспечивающий

[2] *Борисенков В. П.* Стратегия образовательных реформ в России (1985–2005 гг.) // Педагогика. 2006. № 7. С. 14.

историческую устойчивость и непрерывность цивилизаций. В каждом случае оно отмечено и пропитано определенной культурой и воспроизводит ее в новых поколениях.

Образование является одним из основных прав человека, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека (ст. 26). Как таковое, оно гарантировано конституциями большинства государств и является всеобщим достоянием (в частности, ст. 43 Конституции РФ, ст. 30 Конституции Республики Казахстан). Однако, как показывает и анализ литературы, и сама образовательная практика, право на образование нередко смешивается с субъективным правом личности, выступающей субъектом образовательных правоотношений. Насколько такое отождествление обоснованно? Ответ на этот вопрос непосредственно связан с отношением к образованию как правовому феномену.

В общеправовой теории под субъективным правом традиционно понимается предусмотренная и гарантируемая нормами права мера дозволенного (возможного) поведения участников общественных отношений. Исходя из этого всякий индивид, на которого распространяется конституционное право на образование, имеет возможность обучаться в том или ином учебном заведении, то есть реализовывать тем самым свое право на образование; но он может и не получать образование исходя из собственных потребностей и интересов. Но на современном этапе развития науки и техники, не обладая элементарными навыками, умениями и знаниями, человек просто-напросто не сможет полностью реализовать себя в социальной среде. Даже не умеющий читать и писать имеет (не может не иметь!) представления о минимально необходимых правилах поведения в обществе. Тем самым, необходимость существования человека в конкретном обществе влечет за собой необходимость знать правила, по которым это общество функционирует. Решить эту задачу возможно только при помощи образования. Образование превращается из права человека в острую социальную (и даже индивидуальную) необходимость. Без определенной специализации и квалификации индивидуум не реализуется как профессионал, не сможет удовлетворить личные потребности, не сможет быть полезным для общества в целом. Каждое государство, стремящееся к социальному прогрессу, всегда должно заботиться о высоком уровне образования своих граждан. Для этого создаются благоприятные условия для развития личности. В

некотором роде право личности на образование превращается в его социальную обязанность.

Понимание же образования как предмета купли-продажи лишает его духовности и меняет, извращает его сущность, назначение и цели, подменяет его моральную, политическую и юридическую ценность. Пока же, распространяя на сферу образования чисто рыночные отношения и оставляя развитие образования и определение его задач и содержания главным образом частной предпринимательской инициативе, движимой в основном стремлением к прибыли, современная глобализация, трактуемая нередко в сугубо меркантильном смысле, толкает образование по пути, который может увести его от основного назначения и главной цели и привести к подчинению конъюнктуре мирового рынка. Она создает, таким образом, серьезную угрозу извращения его сущности. Если образование рассматривается как коммерческая услуга, рыночная категория, меняется положение, касающееся доступа к нему, особенно к его высшим уровням. Утверждение образования как коммерческой услуги, можно сказать, реабилитирует несправедливую привилегию денег.

Зачастую, говоря об образовании, оперируют такой экономической дефиницией, как «рынок образования». Образование воспринимается как предмет торговли, что неизбежно приводит к его «товаризации». В таком контексте учащиеся и студенты становятся «потребителями» или «клиентами» образования, а процесс обучения и образования стал «продуктом», который они «потребляют»[3].

Согласно ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществлять определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Но в образовательных отношениях у получающей образование стороны (услугополучателя) существует обязанность усвоить необходимый объем знаний, приобрести необходимые для профессиональной деятельности умения, навыки. Следовательно, обучающийся (скажем, студент) получает документ о том или ином образовании не за то, что посетил все занятия, прослушал все лекции, а за то, что достиг требуемого

[3] *Тангян С. А.* Образование: право человека или коммерческая услуга? // Педагогика. 2006. № 9. С. 4.

стандартом уровня образования, то есть выучил, усвоил материал, научился применять его к конкретным жизненным ситуациям. Тем самым деятельность студента, направленная на овладение определенными знаниями, никак не вписывается в условия договора на оказание платных услуг. Сторона, получающая услуги (обучающийся), сама должна участвовать в процессе их производства (обучаться, учиться). Мало того, обучающийся еще должен доказать, что уровень знаний, полученный им в процессе обучения, соответствует требованиям образовательного стандарта, для чего ему необходимо пройти определенные контрольные процедуры (сдачу зачетов, экзаменов, тестов и т. п.). Причем, если определенный уровень знаний не подтверждается, договор на оказание платных услуг расторгается в одностороннем порядке (стороной, производящей эти услуги, – администрацией образовательного учреждения).

Одно из главных действующих лиц процесса образования – тот, кто его получает (учащийся, студент) и свои образовательные действия, усилия купить не может. Как результат процесса, полученное образование навсегда остается с ним, оно не может отчуждаться, а значит не может продаваться. Следовательно, понятие «образование» нельзя совмещать с понятием услуги или товара, который можно продать или купить.

Р. Е. Качанов*

Понятие судебного нормоконтроля как ценности гражданского общества и правового государства

Понятие нормоконтроля вообще и судебного нормоконтроля в частности совсем недавно появилось в российской правовой науке, но уже достаточно глубоко укоренилось. Связано это с тем, что в российском законодательстве и на практике процедура нормоконтроля начала реализовываться по историческим меркам также недавно – чуть больше 15 лет назад, когда стали зарождаться первые органы конституционного контроля: Комитет конституционного надзора СССР и Конституционный Суд РСФСР (в последствии – Конституционный Суд Российской Федерации). Соответственно, и научное освоение данных институтов и функций, ими осуществляемых, в контексте российского государства и права началось по мере их возникновения и функционирования.

Изучение того или иного института немыслимо без его определения. Эта аксиома в полной мере может быть отнесена и к понятию судебного нормоконтроля.

Стоит отметить, что в существующих работах не удалось найти ни одного определения понятия «судебный нормоконтроль», которое бы отражало его юридическую природу, онтологические черты и особенности. В большинстве же случаев авторы, анализируя в том или ином аспекте это понятие, как правило, не задаются целью его определить, по всей видимости, относя его к разряду «общеизвестных», что представляется совершенно несправедливым, неправильным и, более того, не соответствующим действительности.

Так, по мнению А. А. Белкина судебный нормоконтроль представляет собой *сравнительно-текстуальную судебную деятельность*, которая имеет единую природу, так как присуща не единственному суду, а всей системе судов[1].

* ***Роман Евгеньевич Качанов*** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Р. Е. Качанов, 2007

Судебный нормоконтроль, который осуществляет Конституционной суд РФ, С. А. Кажлаев определяет как осуществляемый судом контроль за соответствием Конституции правовых актов, издаваемых другими ветвями власти (проверка конституционности федеральных законов и иных нормативных правовых актов)[2].

Яценко В. Н. полагает, что «судебный нормоконтроль – это не разрешение спора сторон, а *содержательное сопоставление конституционных нормативных текстов, текстов иных источников права и текстов норм в актах более низкого уровня»*[3].

А. Л. Бурков, полагая, что «в юридической литературе относительно определения судебного нормоконтроля не существует принципиальных противоречий», понятие судебного нормоконтроля отождествляет с нормой части 1 статьи 251 Гражданского процессуального кодекса РФ, указывая, что «под судебным нормоконтролем понимается рассмотрение судами дел по заявлениям граждан, организаций, прокуроров с требованием о признании нормативного акта, принятого и опубликованного в установленном порядке, противоречащим закону полностью или в части (часть 1 статьи 251 ГПК РФ)»[4].

На наш взгляд, имеющиеся на сегодняшний день в правовой науке определения понятия «судебный нормоконтроль» «страдают» излишним позитивизмом и не могут отвечать современным тенденциям развития судебного нормоконтроля как неотъемлемого фактора и одновременно ценности гражданского общества и правового государства. Так, все вышеуказанные определения сводятся исключительно к текстуальному сопоставлению, другими слова-

[1] *Белкин А. А.* Дело о полномочиях судов (Комменарий к постановлению Конституционного Суда от 16.06.98) // Уголовное право. 2000. № 1.

[2] *Кажлаев С. А.* О нормотворчестве Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 26.

[3] *Яценко В. Н.* Некоторые особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 4. С. 22.

[4] *Бурков А. Л.* Судебная защита прав граждан от незаконных нормативных актов. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. (Судебная практика и права человека. Вып. 2). С. 11–12.

ми, авторы считают, что суд в процессе нормоконтроля берет два нормативных текста и начинает их сравнивать (сопоставлять) и в случае выявления их неоднородности (неодинаковости) отменяет текст, содержащийся в акте, который имеет меньшую юридическую силу.

Представляется очевидным, что такие взгляды на судебный нормоконтроль незаслуженно упрощают это сложное правовое явление, фактически сводя его к элементарной автоматической (технической) операции суда (операции сравнения).

Единственное определение понятия «судебный нормоконтроль», так или иначе отвечающее, по нашему мнению, современным представлениям о его сути как фактора правового государства и гражданского общества, имеется даже не в научной работе, а в Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по Постановлению Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 г. № 1-П[5].

По мнению А. Л. Кононова, «судебный нормоконтроль представляет собой *оценку правомерности оспариваемых норм, их соответствия общим основам и принципам права»*. Поясняя данное определение, А. Л. Кононов указывает на то, что «природа судебного нормоконтроля как в конституционном, так и в административном судопроизводстве одинакова, так как *общим критерием позитивных норм здесь должны выступать основные метафизические начала индивидуальной свободы, справедливости, формального равенства, составляющие суть идеи права*. Более конкретно эти идеи выражены в Конституции Российской Федерации. Основные права и свободы человека и гражданина сформулированы здесь именно как *надпозитивные правовые ценности,* определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Конституция Российской Федерации прямо отсылает также к международным стандартам прав человека. Общепризнанные принципы и нормы международного права признаются частью правовой системы Российской Федерации. *Общие принципы права, в том числе воплощенные в Конституции Российской Федерации, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки правомерности всех нормативных актов».*

[5] Российская газета. 2004. № 18. (03 февраля).

Определение, предложенное А. Л. Кононовым, соединяет в себе как позитивистское, так и естественно-правовое начала судебного нормоконтроля и, по нашему мнению, наиболее соответствует сложившимся представлениям о его сути как института гражданского общества и правового государства, в котором только и может существовать, реально и эффективно функционировать судебный нормоконтроль.

Соглашаясь в целом с характеристикой судебного нормоконтроля, предложенной А. Л. Кононовым, необходимо отметить следующее.

Большинство авторов, определяя понятие «судебный нормоконтроль» как текстуально-сравнительную (текстуально-сопоставительную) деятельность суда, упускают из виду, что нормативный акт может быть проверен не только по содержанию, но и по форме, а также по порядку его принятия и введения в действие (проверку, не связанную с проверкой нормативного акта по содержанию, можно назвать *формальной стороной проверки*).

Также абсолютно все авторы связывают судебный нормоконтроль исключительно с судебной проверкой *нормативных актов*, тем самым забывая, что в качестве объектов судебного нормоконтроля могут выступать и иные источники позитивного права. Так, в нашей стране, как на теоретическом, так и на законодательном и правоприменительном уровнях, признаются по меньшей мере три вида источников права: нормативный правовой акт, *нормативный договор, правовой обычай* (относительно судебного прецедента как вида источников российского права мнения ученых расходятся).

Ограничение возможности граждан и их объединений оспаривать в суде другие виды источников права, помимо нормативных актов, означало бы необоснованное ограничение права граждан на судебную защиту и таким образом противоречило бы статье 46 Конституции РФ (право на судебную защиту), статьям 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на справедливое судебное разбирательство, включая право на суд, и право на эффективные средства правовой защиты), а также другим международным обязательствам России в области прав человека.

О. А. Колоткина*

Право личности на безопасность как общечеловеческая и правовая ценность

В современных условиях в связи с появлением все большего числа источников опасности, отрицательно воздействующих на различные объекты – личность, общество и государство, особое значение приобретает категория «безопасность», ценностный характер которой для личности и общества более чем очевиден. Между тем именно этот – ценностный – аспект еще не получил, представляется, должного отражения в правовой науке. Да и в юридической практике, особенно в деятельности органов правосудия и правоохранительных органов, эта сторона изучения проблематики безопасности не получила пока еще должного всестороннего отражения и глубокого понимания.

Обратим внимание на некоторые аспекты этой проблемы.

Прежде всего отметим, что познание категории «безопасность» может носить субъективный и объективный характер. Субъективность познания сводится к возможности различного восприятия категории «безопасность» разными субъектами. Объективность заключается в реальной сложности и многогранности самого явления безопасности как социального феномена и, соответственно, в возможности многовариантного определения ее понятия и характеристики различных сторон[1].

* ***Оксана Анатольевна Колоткина*** – ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного и международного права НОУ ВПО Уральского института коммерции и права, соискатель кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] Заметим, что роль понятия, по мнению Д. А. Керимова, заключается не только в извлечении определенных следствий их существующих понятий, но и в их синтезе, соединении научных данных, добытых в разные исторические периоды и различными науками (См.: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 166).

© О. А. Колоткина, 2007

Безопасность в ее философском смысле, полагает В. А. Бачинин[2], имеет явно выраженный антропоцентрический характер, она замкнута на человеке и составляет одно из важнейших условий его нормальной жизнедеятельности и реализации его сущностных сил – витальных, социальных, духовных.

Согласно словарю Роббера, термин «безопасность» начал употребляться еще с 1190 г. и означал состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности[3]. Однако в этом значении он не вошел прочно в лексику народов Западной Европы и использовался до XVII в. редко. В XVII–XVIII в. обозначается новый рубеж в понимании сущности безопасности. Еще Т. Гоббс[4] отмечал, что большинство людей стремятся не к счастью, свободе, справедливости, а прежде всего к безопасности и готовы принести свою свободу к алтарю сильного государства в надежде, что оно обеспечит безопасность их жизни и собственности. Дж. Локк[5], развивая также основные постулаты договорной теории происхождения государства, объясняя естественную потребность членов общества в объединении в сообщество, признает, что люди отказываются от своей естественной свободы и надевают на себя узы гражданского общества, чтобы находиться в состоянии большей безопасности. К. Маркс отмечал: «Безопасность есть высшее социальное понятие гражданского общества, понятие полицейское, что все общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому его члену неприкосновенность его личности, его прав и собственности»[6]. По мнению К. Маркса, право личности на безопасность, наряду с правом на равенство, свободу, собственность, не выходит за пределы эгоистического человека, индивида, ушедшего в свои частные интересы, потребности. Иными словами, «интерес… сцепляет друг с другом членов гражданского общества»[7].

[2] *Бачинин В. А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 107.

[3] См.: Экономическая и национальная безопасность: Учебник / Под ред. Е. А. Олейникова. М.: Изд-во «Экзамен», 2004. С. 13.

[4] См.: Правовая мысль: Антология / Авт.-состав. В. П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 186–187.

[5] Там же. С. 192.

[6] *Маркс К.* К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения М.-Л., 1928. Т. 1. С. 384–387.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 134.

Безусловно, в основе любой человеческой деятельности лежат интересы, которые, с одной стороны, вытекают из основных общественных потребностей, а с другой, эти потребности отражаются в сознании людей, что трансформирует их в интерес, направленный на социальные отношения. Г. Гегель в этой связи говорил, что все поступки (действия) людей «вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов»[8]. Таким образом, личностный интерес в безопасности человека основывается, наряду с естественными правами, на коренной потребности человека, которая суть потребность чувствовать себя и быть в безопасности. Уместно заметить, что практически во всех странах в XVII–XVIII вв. утверждается точка зрения, основанная на договорной теории происхождения государства, что суть государства сводится к обеспечению общего благосостояния и безопасности. В таком контексте само понятие «безопасность» получает в это время новую интерпретацию. Безопасность человека (личности) уже сводится, с одной стороны, к состоянию спокойствия, при котором отсутствует реальная опасность, с другой, в этом понятии находят отражение материальные, экономические, политические условия, и, что особенно важно, соответствующие органы и организации, способствующие созданию (обеспечению) ситуации личного спокойствия.

Относительно безопасности конкретной личности интересным представляется высказывание французского философа П.-А. Гольбаха (1723–1789), который под безопасностью понимал «уверенность каждого члена общества в том, что он сможет распоряжаться своей личностью и своим имуществом, пользуясь охраной законов до тех пор, пока будет верно выполнять принятые им по отношению к обществу обязательства»[9]. Впервые нормативное закрепление естественной потребности человека в безопасности можно встретить в п. 2 Французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. В этом документе была отражена естественно-правовая концепция, где в числе основных естественных прав были выделены право на свободу, собственность, *безопасность,* сопротивление угнетению. Другими словами, можно констатировать, что в данном документе фактически впервые было

[8] *Гегель Г. В. Ф.* Соч. М.; Л., 1935. Т. 8. С.20.

[9] См.: Правовая мысль: Антология / Авт-состав. В. П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 242.

определено ключевое место права личности на безопасность в системе естественных прав человека.

Современные международно-правовые стандарты по правам человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.) не содержат четко обозначенного права личности на безопасность. В то же время, анализ конституционных норм европейских государств указывает на наличие обособленного права на безопасность. К государствам, где оно существует можно отнести Австрию, Княжество Андорру, Болгарию, Испанию, Кипр, Португалию, Словению, Турцию, Финляндию. В конституционных нормах этих государств безопасность зачастую сводится к личной свободе.

В Конституции РФ право на безопасность как самостоятельное право не входит в перечень основных конституционных прав и свобод, хотя оно фактически содержится во всех этих правах и свободах (право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право не подвергаться пыткам, насилию, право частной собственности и т. д.). Иначе, право на безопасность представляет собой универсальное, комплексное право, выступающее своеобразным, но исключительно важным смысловым, идеологическим и ценностным ядром практически всех конституционных прав и свобод личности.

О. А. Коробкина*

Принцип равенства сторон

Важным элементом в системе государственного регулирования общественных отношений является правотворчество. Издание норм права естественно влечет за собой необходимость их использования. «Без процесса реализации право утратило бы смысл, поскольку предписания, содержащиеся в нормативных актах, относятся к сфере должного; а действительность, сущее – это то, каким образом и насколько полно правовые нормы претворены в жизнь».

Наделение участников общественных отношений правами и обязанностями, превращение их в субъектов правоотношений и т. д. – все это юридические свойства действия правовой нормы. Но кроме юридических свойств теория права выделяет еще и социальные свойства действия правовой нормы – реализацию права. Осуществление права приобретает исключительное значение при развитой юридической форме, в условиях обширного законодательства. Проблемы реализации права всегда были в центре внимания современной юридической науки, но это не делало их проще. Наоборот, проникновение в суть данного процесса, всесторонний анализ ставили перед учеными все более трудные задачи.

Формирование правового государства предполагает уважение закона, права, строгое соблюдение юридических норм. В данной связи теоретические проблемы реализации права приобрели особую практическую значимость. Необходим анализ правореализующей деятельности в самых разных аспектах, ибо путь от создания закона до воплощения его предписаний в фактическое поведение людей весьма сложен, зависит от множества факторов.

Наличие множества определений права следует рассматривать как явление положительное, так как существует возможность взглянуть на право сквозь призму веков, увидеть право не только в

---

* ***Ольга Александровна Коробкина*** – ведущий юрисконсульт по работе с финансовыми и государственными органами ООО «Омега Спиритс» (г. Екатеринбург).

© О. А. Коробкина, 2007

статике, но и в динамике. Однако мы сталкиваемся с трудностями вследствие, отсутствия единого, целенаправленного процесса познания права и его практического использования. Отрицательный момент заключается также в том, что рассматривается только та часть содержания права, которая прописана в нормативно-правовых актах.

Право строится и функционирует на основе определенных принципов, некоторые выражают его сущность и социальное назначение, главные свойства и особенности права, придающие ему качество государственного регулятора меры свободы и справедливости в общественных отношениях.

Принципы права выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на которой покоятся и реализуются не только нормы, институты или отрасли права, но и вся его система. Принципы права служат основным ориентиром всей правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов. От степени их соблюдения в прямой зависимости находится уровень слаженности, стабильности и эффективности правовой системы. Имея общеобязательный характер, принципы права способствуют укреплению внутреннего единства и взаимодействия его отраслей и институтов, правовых норм и правовых отношений, субъективного и объективного права.

Принципы права не являются произвольными по своему характеру, а объективно обусловлены экономическим, социальным, политическим строем общества, существующим в той или иной стране, социально-классовой природой государства и права, характером господствующего в стране политического и государственного режима, основными принципами построения и функционирования политической системы того или иного общества.

Принцип юридического равенства сторон выделяют как развивающий важнейшие принципы справедливости и свободы такие исследователи, как С. А. Алексеев, В. К. Бабаев, В. Н. Синюков и другие. Этот принцип в наибольшей степени выражает общесоциальную сущность права, стремление к поиску компромисса между участниками правовых связей, между личностью и обществом, гражданином и государством.

Принцип требует соответствия между действиями и их социальными последствиями. Должны быть соразмерны труд и его оплата, нанесенный вред и его возмещение, преступление и наказание. Законы отражают эту соразмерность, если отвечают принципам права.

Принцип равноправия граждан является развитием принципа справедливости и одной из характерных черт демократии. Равноправие как политико-правовой принцип и юридическую категорию необходимо отличать от понятия равенства. Последнее является материальной основой равноправия. Равенство – более широкое понятие, поскольку не все элементы социального равенства получают закрепление в праве. Следовательно должно обеспечиваться не фактическое равенство (это утопия в условиях современного общества), а равенство всех перед законом, создание равных стартовых позиций (ст.19 Конституции РФ). Помимо равенства перед законом и судом принцип равноправия подразумевает равенство прав и свобод человека и гражданина, а также равные права и свободы мужчины и женщины.

В Конституции Российской Федерации принцип равенства сформулирован следующим образом:

1. Все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Правовое государство обеспечивает равенство прежде всего посредством провозглашенного в ст.19 Конституции РФ основного права. В требовании равенства всех перед законом выражено элементарное понятие справедливости: с одной стороны, каждый в равной мере должен выполнять установленные правопорядком обязанности, а с другой – каждый в равной мере может требовать защиты установленных этим правопорядком прав.

Принцип равноправия подлежит соблюдению всеми государственными органами независимо от функций и уровней государственной деятельности. Не существует области государственной деятельности, являющейся исключением. Объектом защиты ст.19 является одинаковое, справедливое, корректное, уважающее достоинство обращение государственных органов с человеком.

Правом, вытекающим из статьи 19, наделяется каждый человек. Часть 2 поясняет, что оно распространяется и на иностранных граждан, даже если они не проживают постоянно на территории Российской Федерации.

Требование равенства перед законом мужчин и женщин относится ко всем государственным органам. Разница в половой принадлежности граждан не может служить критерием для различного отношения к ним в правовом отношении со стороны государства.

Если неравенство полов перед законом объясняется биологическими различиями, оно допускается. Так, особые положения в отношении беременных женщин и кормящих матерей не только оправданны с конституционной точки зрения, но и необходимы и поощряемы. Связь между биологическими различиями и конкретным правовым неравенством должна быть определена достаточно точно, иначе возникнет опасность того, что требование равенства перед законом опять окажется иллюзорным.

Права человека в современном мире – мощный пласт общечеловеческой культуры. Без его освоения невозможно оценивать всю систему сложных политических, социально-психологических, социальных, экономических, международных отношений. Права человека – высшая ценность, и как таковая она является критерием «человеческого измерения» противоречивых процессов, происходящих сегодня как в России, так и в мире. Только овладение культурой прав человека дает ориентир личности в оценке существующих политических режимов, гуманитарной и социальной деятельности государств, правовой и нравственной культуры политических лидеров, правосознания народа. Понимание прирожденного характера прав и свобод, принадлежащих человеку, освобождает его от чрезмерной зависимости от государства, позволяет ему отстаивать свои права в случае посягательств.

Сегодня в России все еще отсутствует подлинное уважение к человеку и его правам. И это понятно, поскольку деформация правосознания, происходившая десятилетиями, глубоко укоренившееся пренебрежение к правам и свободам создают условия незащищенности индивида, недоверия к действиям властей.

В этой связи первостепенной задачей является обучение культуре прав человека, которое должно распространяться и на должностных лиц, и на всех людей, проживающих на территории страны. Статья 2 Конституции РФ провозгласила: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и

защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Принцип, содержащийся в данной статье, к сожалению, еще далек от воплощения. Права человека не заняли достойного места в нашей жизни, их нарушение носит массовый характер (систематические невыплаты зарплаты и пенсий, нарушение прав беженцев и вынужденных переселенцев, нарушение прав военнослужащих, возрастающая безработица и др.). В России не гарантирован прожиточный минимум, призванный обеспечить достойное существование человека, значительная часть населения находится за чертой бедности.

Права человека по своей природе консенсуальны и основаны на принципе «моя свобода не должна наносить ущерба свободе других». Та тяжелая ситуация в сфере прав человека, которая создалась сегодня в России, – закономерный результат и предшествующего исторического опыта, и тех ошибок и просчетов, которые были допущены в последние годы. Выдающийся юрист П. И. Новгородцев в работе «Восстановление святынь» писал: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ». Поэтому «нужно понять, что для создания новой России нужны новые духовные силы, нужны воспрянувшие к новому свету души».

Знания о правах человека дают представление о важнейшем элементе современной и, в частности, правовой культуры. Они ставят целью не только воспитывать людей, формировать правильные представления о правах человека как необходимом условии его свободы и равенства, но и создавать правовое общество, в котором права человека являются священными и неотъемлемыми, а уважение и защита прав человека – основа всего уклада государственной и общественной жизни.

О. Г. Кочебаева*

Доступ к праву

Необходимость обращения к данной теме обусловлена ситуацией, которая складывается в российском обществе в настоящее время, когда человек, обладая достаточно широким набором прав, закрепленных в законодательстве, не может реализовать свои права на практике, зачастую не потому, что нет механизма их реализации, а потому, что существуют определенные факторы, в силу наличия которых индивид не получает доступ к своим правам (правовая неграмотность, неправомерные действия государственных органов, невозможность воспользоваться судебным механизмом защиты своих прав и т. д.).

Доступ к праву – это совокупность объективных (субъективных) факторов действительности, вследствие которых гражданин (лицо, человек) имеет гипотетическую, фактическую и практическую возможность свободно и беспрепятственно осуществить свое право либо права, а также осуществлять установленные законом обязанности.

Хочется подчеркнуть: что бы человек ни вкладывал в понятие права, как бы он ни стремился к его реализации на практике, индивид либо организация не могут реализовать свои законные права до тех пор, пока они не будут обладать реальной возможностью свободно реализовать свои права и обязанности.

Степень свободы и степень приложения усилий для реализации права является критерием доступности права, гарантией защищенности прав граждан, так как отсутствие возможности (как фактической, так и закрепленной в правовых нормах) реализовать свои права есть ущемление тех самых прав индивида. Гарантом данной защиты должно выступать государство в лице его органов (законодательных, исполнительных, судебных), а также общество.

Причины данной незащищенности заключается в следующем.

---

* ***Ольга Геннадьевна Кочебаева*** – начальник юридического отдела ОАО «УРСА Банк» (г. Екатеринбург).

© О. Г. Кочебаева, 2007

Первым элементом доступа к праву является законодательное закрепление данной возможности, что является фундаментом, основой для выстраивания вертикали, обеспечивающей правовую защищенность человека. И в этом огромную роль играет государство и его органы, так как все предшествующие 10 лет и по сей день, в связи со стремительным изменением общественных и экономических отношений, изменением приоритетов государства и общества, Россия переживает, если можно так выразиться, законодательный бум. Принимаются сотни и даже тысячи новых законодательных актов, в сотни действующих вносятся существенные изменения. Значительная доля этих законов, большинство из них, затрагивают права граждан. Поэтому насколько эффективно в вышеуказанных нормативных актах будет закреплен реальный механизм доступа к прописанным в них правам и насколько они (нормативные акты) будут соответствовать действующим правоотношениям и, что немаловажно, готовности индивидов применять их на практике, будет зависеть, смогут ли лица получить и использовать доступ к праву и будут ли их права должным образом защищены.

Вторым элементом доступа к праву является исполнительная деятельность государственных органов.

Только юридически грамотного закрепления прав граждан и механизма их реализации недостаточно для реального обеспечения доступа к праву. И огромную роль в реализации закрепленных в нормативных актах прав индивидов играют государственные органы в лице их должностных лиц. Право только тогда будет реально доступным, когда граждане не только будут его знать, но будут уверены, что даже в случае незнания своих прав, в какой-либо области правоотношений, при обращении в суд или государственные органы им окажут помощь (пояснят, разъяснят, научат… и т. д.) Это приобретает особую актуальность в условиях, когда нормативные акты постоянно меняются и действует презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности».

Третьим элементом доступа к праву является судебная деятельность государства.

Данная деятельность является частью гарантий, что индивид при возникновении неправомерных препятствий сможет получить в судебном порядке гарантированную защиту своих прав и законных интересов.

Четвертым, не менее важным элементом доступа к праву является правовая культура как составляющий элемент практической возможности реализации права каждым из граждан. Правовая культура – это качество правовой жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод человека, а также знание, понимание и соблюдение права каждым отдельным членом общества. Именно каждым, ибо насколько каждый отдельный субъект общественных отношений знает, а самое главное – соблюдает право, тем самым способствуя доступу к праву, тем выше уровень правовой защищенности индивидов.

Право предполагает возможность доступа к нему, без этого оно не сможет реализовать свою сущность, выполнить возложенную на него миссию. Кроме того, доступ к праву должен быть законодательно закреплен, что подразумевает наличие в законодательстве норм права, позволяющих субъекту свободно использовать свои права и обязанности, в том числе механизмы защиты нарушенных прав и механизмы принуждения государства для создания условий индивиду и организации для выполнения возложенных на них обязанностей. Также государством и обществом должны быть созданы условия для успешной практической реализации доступа к праву любым индивидом, независимо от его умственных, физических либо финансовых возможностей. Следовательно, чем выше уровень доступа к праву в каждом конкретном государстве и обществе, тем выше уровень правовой защищенности личности, тем комфортнее и увереннее индивид чувствует себя в государстве и обществе. Таким образом, доступ к праву является условием для успешной реализации прав индивидом и выполнения им обязанностей, возможностью свободного перехода от социальных, общественных отношений к правовым и составляет отдельную правовую категорию.

*Е. П. Криеф-Семитко**

Проблемы становления правового государства в России[1].

«Живя как члены общества и будучи зависимы от него,
для удовлетворения большинства наших потребностей,
различных форм сотрудничества с другими,
ясно, что мы можем эффективно достигать своих целей
только если ожидания, на которые мы можем рассчитывать
от действий других, на которых покоятся наши планы,
соответствуют тому, что эти действия будут эффективны.
Это соответствие замыслов и ожиданий
относительно поведения других является формой,
в которой порядок проявляет себя в общественной жизни».
Friedrich A. HAYEK, Droit, legislation et libertй tome 1,
Regies et ordre, PUF1995.

Ситуация, складывающаяся сегодня в некоторых странах, образовавшихся после распада СССР, далеко не однозначна. С одной стороны, все не так уж плохо, но и хорошего ничего нет. Именно та ситуация, когда для преодоления трудностей необходимо желание приложить максимум усилий. Постсоветским странам предстоит преодолеть серьезный экономический кризис, а также, столкнувшись с такой тяжелой задачей, как становление правового порядка, найти способы и механизмы ее разрешения. Вопросы становления правового государства в странах бывшей советской империи являются, по нашему мнению, определяющими в исключительно важной проблематике.

Итак, основное – это изучение ситуации в России. В этой перспективе мы предлагаем начать с констатации факта (I), затем исследуем специфические проблемы, связанные со становлением правового государства в России (II).

* ***Екатерина Павловна Криеф-Семитко*** – директор Центра сравнительного правоведения Гуманитарого университета, почетный профессор ГУ и УрГЮА, профессор Университета Париж-12 (Франция).

[1] Перевод с французского Ю. Б. Гонгало.

© Е.П. Криеф-Семитко, 2007

I. Констатация факта

Крушение коммунизма и распад СССР показали, насколько сложно осуществлять реформы, необходимые для становления демократии. Практические трудности, которые замедляют введение юридических (правовых) способов регулирования, необходимых для установления демократической системы в России, имеют, по нашему мнению, две первичных и взаимодополняющих причины: они являются плодом недоразумения (А) и недоверия (В).

А. Недоразумение

Революция – даже если ее не называют таковой, которая привела к падению коммунизма на Востоке, характеризовалась поворотом стран советского блока к Западу. Как и для царя Петра Великого, поворот России[2] к Западу представлялся необходимым[3]. Петр Великий, создавая Санкт-Петербург, хотел открыть окно в Европу, и эта политическая воля, которую обессмертил русский поэт Пушкин в своем произведении «Медный всадник», позволила России совершенствоваться.

В настоящее время открытость Запада не является, собственно говоря, плодом политической воли, это следствие естественного результата либерализации средств массовой информации. Народы Востока получили в результате информацию о том, что происходит на Западе. Неожиданно информированные русские обоснованно потребовали то, чего не имели и очень хотели: свободу. Свободу, которой они были лишены в течение десятилетий, тогда как на Западе она была общим уделом, почти обычным для населения.

Если вспомнить, это было то же требование, что воодушевило революцию 1789 года. И хотя в России выступление не было таким же, как выступления французских революционеров 1789 года, и та, и другая революции имели целью установление правового государства. Это означает «юридический порядок, исключающий анар-

[2] Основное в источниках и сведениях, которые мы могли собрать, касается России.

[3] По этому вопросу см., в частности: L. Levy. L'URSS et Europe. La documentation franзaise, coll. Problemes politiques et sociaux, n° 659 du 21 juin 1991; URSS, a dislocation du pouvoir, Ouvrage collectif sous la direction de F. Barry et M. Lesage, La documentation franзaise, coll. International, 1991; URSS, Le reveil de la Grande Russie , Le nouvel Observateur, Document n°11, octobre-novembre 1990.

хию и частное правосудие»[4]; в еще более точном значении, это «правовой порядок, в котором соблюдение прав реально гарантировано субъектам права, в частности, против произвола»[5].

Французская революция была вскормлена веком просветителей: произведениями Монтескье о принципе разделения властей, работами Руссо об общественном договоре и еще многими другими. Французские революционеры точно знали, что нужно было ожидать от правового государства. Так что эта Революция была в высшей степени революцией права. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть Декларацию прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года. Эта декларация провозглашает, что человек имеет естественные неприкосновенные и священные права, которыми являются свобода, равенство и собственность. По своей сути, это великие фундаментальные принципы всякой демократии, опирающиеся на правовое государство. Это значит, что не следует слишком идеализировать Французскую революцию, которая одно время даже была синонимом диктатуры и террора[6].

В России же Революция, которая привела к крушению коммунизма, как нам кажется, в основном была «вскормлена» экономической мыслью, сформировавшейся под воздействием телевизионной информации, – на Западе ситуация лучше, так это по причине рыночной экономики и капитализма. В действительности же более глубокой причиной процветания Запада является Правовое государство, основанное на важных принципах справедливости. Именно Правовое государство позволило рыночной экономике процветать, а не рыночная экономика позволила воздвигнуться Правовому государству.

Первое следствие такого ошибочного восприятия действительности русским народом и некоторыми его руководителями – это перепутывание в их умах понятий правового государства и абсолютной свободы делать все, что угодно. Они явно обмануты. Они провозгласили, что падение советского государства приведет их

[4] Vocabulaire juridique Henri Capitant, Paris 1987, par Gerard Cornu, V° Etat, IV- dedroit (1).

[5] Vocabulaire juridique Henri Capitartt, Paris 1987, par Gerard Cornu, V Etat, IV-dedroit (2).

[6] См.: P. Pactet, Institutions politiques. Droit constitutionnel, 10e ed., Masson 1991. P. 268; J.-J. Chevalier, Histoire des institutions et des regimes politiques de la France de 1789 a nos jours, 7e ed. par G. Conac, Paris 1986.

ipso facto к государству западного образца; что достаточно утвердить капитализм и рыночную экономику, чтобы сразу ситуация на Востоке стала идентичной той, которая существует на Западе. Однако рыночная экономика не провозглашается, она устанавливается либо не устанавливается в зависимости от того, позволяют ей самовыражаться или нет.

В результате всей этой ситуации русский народ все же увидел то, чего не видел ранее на Востоке: изобилие пищи, магазины, переполненные красивейшими изделиями, предметами роскоши; красивые девушки на пляжах, туристы на каникулах, интересные фильмы на телевидении, и т. д. Одним словом, прекрасная жизнь!

Вот только оборотной стороны этой медали народ не заметил, не понял, да и не очень-то пытался понять. А вместе с тем безработица и сокращение рабочих мест и на Западе распространяются также быстро. Кроме того, в России не используются средства и не действуют мотивы, которые позволили бы достичь уровня относительного благосостояния западных стран: работа, соблюдение закона, соблюдение данного слова, стремление к полезному и справедливому[7], риск предпринимательства.

И вот несколько лет спустя после появления рыночной экономики мы задаем вопрос: что осталось от мечты? В России констатируют, что треть населения живет отныне ниже порога бедности. «Две большие волны массовой приватизации полностью дезорганизовали уже хаотическую экономическую жизнь и позволили маленькому слою технократов старого режима присвоить жемчужины отечественной промышленности»[8].

Бедность повсюду[9], гангстеры и секты распространяются в геометрической прогрессии, преступность терроризирует население, как следствие – большая часть народа находится в состоянии глубокой подавленности[10].

Это недоразумение, имеющее в своей основе смешения представлений о Правовом государстве и желание абсолютной свободы, понятий абсолютной свободы и капитализма, капитализма и

[7] О полезном и справедливом см.: J. Ghestin, Traite de droit civil. La formation du contrat, LGDJ 3e ed. 1993, n°223 et s.

[8] Cf. I. Ramonet, «On va la Russie?», Le Monde diplomatique, novembre 1996. P. 1.

[9] Cf. I. Ramonet, loc. cit.

[10] Cf. I. Ramonet, loc. cit.

избытка благ, привело русский народ к глубокому смятению, что частично является причиной второго тормоза для установления правового порядка. Речь идет о недоверии.

B. Недоверие

Русский народ, кажется, не отвергает демократический режим. Хотя некоторые и хвалят достоинства советской системы, в сущности, они по-настоящему не желают поворота вспять. В действительности, они хотят, чтобы их страна наконец вырвалась из царства произвола и хаоса, которые отметили своей печатью всю общественную жизнь. Общество требует порядка, но порядка, основанного на справедливости и гарантированности недавно приобретенных свобод. Может быть до конца не осознавая этого, русский народ стремится к Правовому государству. Однако одного стремления, конечно, необходимого на пути к правовому государству, недостаточно. Правовое государство должно строиться терпеливо и размеренно путем постепенных адекватных реформ. Его становление невозможно без учета интересов общества, его особенностей, а также опасений. Невозможно проводить реформы без народа или против него, но только с ним.

Однако, и это самое малое из того, что можно сказать, лидеры новой демократии не учли народные стремления. Они применили шоковую терапию, не беспокоясь о социальных последствиях. Политические деятели одновременно с властью отняли и мечты. По правде говоря, они просто продолжили мыслить и действовать так, как научились и привыкли при социализме, в рамках коммунистической идеологии, пожертвовав при этом всем для своей новой идеологии; отбросив идею необходимого числа основных ценностей, посредством которых все могли бы понимать друг друга; предпочтя реализм, уже не социалистический, но современный.

В итоге, доверяет ли народ лидерам, их установкам, всегда очень амбициозным обещаниям, которые никогда не выполняются? Сам законодатель не доверяет... себе самому. О чем это говорит? Возьмем, к примеру, экономическую политику. Российская власть задает себе вопрос, как либерализовать экономику, отпустить цены, не устанавливая контроль, который позволил бы избежать злоупотреблений и обеспечить защиту более слабых. Это абсурд, потому что это невозможно.

Как либерализовать экономику и избежать дикого соперничества – это проблема любой демократической страны, однако не непреодолимая. Гарантировать экономическую свободу и повысить нравственность общественных отношений в деловом мире можно. Так, во Франции ордонанс от 1 декабря 1986 года о свободе цен и конкуренции предусматривает свободу, а также санкции в случае антиконкурентных приемов, нечестной конкуренции[11]. И это не вызвало каких-либо затруднений.

Конечно, контроль за коммерческой практикой мало-помалу устанавливается и в России, но по сути является только теоретическим, потому что неприменим широко из-за отсутствия эффективной судебной системы и ясно выраженной политической воли. Политическая власть остается относительно боязливой, быть может, просто не понимания, что Правовое государство – не синоним абсолютной свободы. Свобода не может быть единственным основанием удовлетворительного правового порядка. Свобода без равенства неизбежно ведет к отрицанию той же функции права. Еще нельзя забывать, что и то и другое не может развиваться без братства. Братство обеспечивает необходимую связь в конструкции правового государства. Действительно, свобода без братства – это оправдание злоупотреблению правом. Равенство без братства – это распространение противозаконных условий или злоупотребление слабостью другого. Короче говоря, республиканская трилогия 1789 – следствие не пустых слов. Они имеют смысл, который можно понять, только если рассматривать их как образующие неразрывную целостность, и именно они составляют одновременно основание и режим правового государства.

II. Правовое государство

Робинзон на своем острове не нуждался в праве, и, как это подчеркивает Ф. Жестаз, «как бы он ни предпочитал излишек необходимому, Робинзон желает все-таки создавать этот излишек, но никогда этого не достигнет, несчастный»[12].

Но как только появился Пятница, тотчас понадобилось установить условия, которые урегулировали бы повседневную жизнь обоих: Ubi societas, ibi jus («Где общество, там и право»). Иначе

---

[11] О праве конкуренции см., в частности: M. Pedamon, Droit commercial, Commergants et fonds de commerce, Concurrence et contrats du commerce, Dalloz 1994; n°446 s. J. Azema, Le droit frangais de la concurrence, 2e ed. Paris 1989; Y. Serra, Le droit frangais de la concurrence, Paris 1993; L. Vogel, «Droit de la concurrence La pratique en 500 decisions», Contrats-Concurrence-Consommation, J-CL, n° hors serie, mars 1997.

[12] Ph. Jestaz, Le droit, Dalloz, coll. Connaissanee du dfoit, p.&

говоря, именно общественная жизнь порождает потребность в праве[13]. Оно призвано урегулировать общественные отношения[14]. Дать каждому долю, которая возвращается ему. Это и есть идеал справедливости[15]. Падение же советской системы, ее норм и влияния имело прямым следствием развитие беззакония, преступности, более открытой, чем ранее, и имеющей тенденцию развиваться[16]. «Старые нормы исчезли прежде, чем другие заменили их»[17]. Это политика «пробелов», которая может найти свою легитимность только в абсолютной свободе; «эта пустота подсказывает, что все позволено»[18]. Но речь идет о свободе, общественно неприемлемой, потому что она не объединяет в братство. И все-таки право, раз оно должно гарантировать свободы, в действительности защищает их, только если они вписываются в коллективные братские и равные отношения. Это означает, что юридический пробел иногда является социальной добродетелью. Внеправовая сфера[19] должна быть сохранена, чтобы защитить общество от правового тоталитаризма. Но вне этой сферы право – необходимость[20].

В этом русские демократы убеждены. Они знают, что, если бы не было такого обстоятельства, Россия вечно оставалась бы в стороне от цивилизации, к которой она стремится. Это убеждение – «хорошая вещь», но при условии, что оно не будет благим пожеланием. Это основание, по которому были предприняты многочисленные реформы. Однако реформы сами по себе недостаточны. Как правильно подчеркнула госпожа Карэр Д'Анкосс, чтобы установить Правовое государство, нужно также время[21]. Реформы и время, таким образом, являются двумя взаимодополняющими и неразъединимыми условиями.

[13] Cf. H. Roland, L. Boyer, Adages du droit frangais, LITEC, 3 erne ed. 1992, n°435. P. 937.

[14] Cf. G. Cornu, Droit civil, Introduction-Les personnes-Les biens, Paris 1988, n°23.

[15] О справедливом и несправедливом см., в частности: H.J.L. Mazeaud, Legons de droit civil, tome 1, vol. 1, Introduction a I'etude du droit, 10eme ed. par F. Chabas, Paris 1991, n°8; M. Villey, Philosophie du droit, Definitions et fins du droit, Dalloz 1975. P. 51 et s.

[16] Cf. H. Carrere d'Encausse. Op.cit. P. 353.

[17] H. Carrere d'Encausse, loc.cit.

[18] H. Carrere d'Encausse, loc.cit.

[19] Об этом понятии см.: J. Carbormjer, Flexible droit, LGDJ 1983, p. 7 et s.

[20] Cf. H. Roland, L.Boyer, op.cit., n°435. P. 937.

[21] Cf. H. Carrere d'Encausse. Op. cit. P. 357.

А. Время реформ

С некоторых пор переход России к рыночной экономике привел ее руководителей к инициированию глубоких политических и экономических изменений. Так, частная торговля заменила торговлю государственную, предприятия сделали объектом быстрой приватизации, и т. д. Наконец, коллективная сельскохозяйственная собственность была разрушена. Здесь речь идет о важных реформах, необходимых для превращения России в страну рыночной экономики. Но их осуществление всегда длительно и затруднено. Тем более что в России их не сопровождали никакие достаточные юридические ограничения.

Как подчеркивает госпожа Карэр Д'Анкосс: «Это в первую очередь общие экономические и социальные издержки программы, которые российское общество обнаружило за несколько месяцев: падение производства, галопирующая инфляция, сложность для России в возвращении долгов по причине убыточности экспорта сырья, прежде всего энергии»[22]. Отсюда и недоразумение, о котором мы упоминали.

Немаловажно также сосредоточение в руках нескольких аппаратчиков старого режима наиболее важных промышленных предприятий. Преимущества, вытекающие из такой концентрации источников быстрого и легкого обогащения, порождают разрастающуюся и мощную мафиозную систему[23]. Следствие – недоверие народа к своим руководителям.

Основная причина проблем становления Правового государства заключается, по нашему мнению, в том, что никакое достаточное правовое ограничение не сопровождало предпринятые реформы. А экономическая реформа может быть эффективной только при условии, что она вписывается в рамки закона; это позволяет ей развернуться. Право должно если не предшествовать, то по крайней мере сопутствовать всякой экономической реформе. Для большей наглядности мы предлагаем взять два примера. Первый будет относиться к проведению эффективной реформы, второй – к проблеме, вызванной развитием мафиозной системы.

[22] H. Carrere d'Encausse, op.cit, n°358.

[23] Cf. I. Ramonet, art.prec.p.1; K.S.Karol, La Russie otage d'un capitalisme mafieux, Le Monde diplomatique, aout 1997. P. 11.

а) Первый пример

Разрушение коллективной сельскохозяйственной собственности в принципе должно было привести к перераспределению земель с 1991 года. Но условия, в которых это перераспределение имело место, были далеки от того, чтобы признать их удовлетворительными. По этому поводу госпожа Карэр Д'Анкосс отмечает: «Чтобы убедить крестьян взять земли, предоставленные в их распоряжение, нужно сначала гарантировать им всеобщее право собственности. Крестьяне, или то, что от них осталось, хранят память о резких, прямо противоположных переменах советской политики: военный коммунизм, потом НЭП, который проложил дорогу к губительной коллективизации, когда те, кто были участниками возрождения сельского хозяйства, заплатили за это страшной ценой». Для того, чтобы успокоить их, а значит и для того, чтобы экономическая реформа реально состоялась, нужно было, чтобы российское законодательство гарантировало основные права крестьян. Российский парламент очень долгое время колебался по поводу провозглашения права частной собственности. Нужно было дождаться Конституцию от 12 декабря 1993 года, чтобы наконец право собственности было признано естественным конституционным правом, защищаемым тем же актом, что и свободы. Так, ст. 35 российской Конституции 1993 года провозглашает: «...каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им...». Она уточняет, кроме того, что никто не может быть лишен своего права собственности иначе, как по решению суда, и что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Это признание частной собственности должно было в принципе избавить от всякого недоверия. Но оно долго оставалось не реализованным на практике, потому что способы приобретения собственности регулируются российским Гражданским кодексом. А когда он был опубликован (в декабре 1994 г.), законодатель отнес регулирование вопросов земельной собственности к предмету нового Земельного кодекса, который удалось принять лишь 25 октября 2001 г. Ясно, что в таких условиях никто не рисковал строить что-либо на земле, которая ему не принадлежит.

б) Второй пример

Большому числу российских предприятий удается уклоняться от уплаты налогов, и налоговая инспекция не в силах воспрепятствовать этому мошенничеству. Иначе говоря, эти предприятия имеют возможность с полной безнаказанностью нарушать закон[24]. Одна из основных причин этого положения дел заключается в чрезвычайно сложном характере налогового законодательства. Оно образует непроходимые дебри[25]. Налог, часто очень тяжелый, произвольно нацелен против той или иной категории лиц. Кроме того, чиновники еще не перестроились с советских методов работы[26]. Помимо этого, судебная система в целом неэффективна, потому что слишком сложна по своей организации.

В действительности, Правовое государство может вписаться в реальность только если экономические и правовые реформы вписываются в рамки разделения властей так, как это предполагал Монтескье. Поэтому нужно создать судебную систему, в которой суды смогут отправлять правосудие эффективно, стало быть, независимо. Без удовлетворительной и независимой судебной системы российский народ никогда не сможет вновь обрести доверие к власти. Можно сказать: «Советская правовая практика была так извращена, что все третьи лица систематически находились под подозрением, у советских судей было обычным делом принимать по телефону решения, которые они должны были вынести. Даже сегодня российское правосудие не для всех; оно существует для тех, кто думает и верит, что есть смысл прибегать к нему, имея в руках необходимые средства»[27].

Создание судебной системы совершенно необходимо, но все же этого недостаточно. Нужно также содействовать разделению между властью и финансовым миром, властью и деловыми кругами, преследуя случаи коррупции, взяточничества, незаконного получения выгоды или вмешательства, как это делается во Франции. Отсюда становится понятным, до какой степени представляется необходимым сопровождать всякую экономическую или политическую реформу правовыми ограничениями, покоящимися на фундаментальных принципах. Конечно, право часто кажется отстающим от действительности, и во Франции мы не избегаем этой проблемы, но речь не идет о фатальности, и в целом право должно

---

[24] Уклонение от налогов оценивается в 50 %, cf. G. Jobin. Op.cit. P. 85.

[25] О налоговой системе и ее недостатках см. G. Jobin. Op.cit. P. 85 et s.

[26] Cf. M. Jego, «L'instabilite fiscale et le vide juridique freinent lesinvestissements etrangers», Le Monde 29 mars 1997. P. 2.

[27] G. Jobin. Op.cit. P. 76.

сопровождать социальные изменения, чтобы общество не потонуло в хаосе. В связи с этим нужно начать с установления простых и довольно общих правовых границ, чтобы иметь как можно более широкое поле применения. Затем следует совершенствовать систему по мере наблюдения за ее эволюцией. Это означает, что правовые реформы сами по себе являются недостаточными. Праву нужны время и некоторая стабильность установлений, которые приведут к тому, что Правовое государство, наконец, будет установлено.

B. Право во времени

Правовое государство «питается» прошлым и относительной стабильностью юридических норм.

а) Усвоение истории

История права необходима позитивному праву[28]. Вот почему, по нашему мнению, российский народ должен хорошо усвоить свою историю. В связи с этим русские реформаторы, вдохновляясь, конечно, образцами западного мира, все же не забывают свою собственную правовую культуру[29].

Это – к счастью, так как усвоение истории народом и политическими лидерами позволяет создать коллективное правовое сознание. А именно от развития правосознания всех участников будет зависеть, по нашему мнению, рост эффективности правовой системы и приход к власти Правового государства.

Французские граждане, в большинстве своем, рассматривают право, главным образом, как основной и вездесущий элемент общественной жизни. В России история права (именно как права), в действительности, отягчена грузом памяти о советском прошлом, а точнее, марксистско-ленинской идеологией. Действительно, эта доктрина нацелена на истощение государства и права. Она считает, что государство и право рождаются из существования классов, так что они являются необходимым инструментом угнетения. Как следствие – они должны быть временными. Именно так пролетариат должен понимать государство и право, чтобы сокрушить буржуазию и классы, но в то же время он готовит исчезновение государства и права. Так, например, советский закон 1919 г. закреплял:

[28] Cf. J. Ghestin et G. Goubeaux, Traite de droit civil, Introduction generate, LGDJ 1983, n°IO2.

[29] Cf. H. Carrere d'Encausse. Op.cit. P. 355.

«Пролетариат разрушает государство как принудительный орган и право как функцию государства»[30]. Эта доктрина никогда не была по-настоящему отвергнута, хотя и обсуждалась. В конечном счете акцент был смещен на идею, которая, не будучи полной противоположностью, по крайней мере временно, сильно отличалась: идею социалистической законности. Именно в смысле этой новой идеи ст. 4 советской Конституции от 7 октября 1977 г. провозглашала: «Советское государство и все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан». Известно, каково было в действительности толкование этого текста и почему право было в глазах советских граждан инструментом угнетения.

Таким образом, марксистско-ленинская концепция права, согласно которой государство и право являлись лишь инструментами принуждения, угнетения в руках господствующего класса, чтобы поддерживать эксплуатацию подвластного класса, применялась и к самому советскому праву. Попросту говоря, господствующим классом была уже не буржуазия, а коммунистическая партия.

Это безусловное отрицание права советским государством неминуемо породило и поддерживало правовой нигилизм. Это закономерное основание того, что российский народ находит в своем прошлом доказательство: право было чем-то другим, нежели одним только средством принуждения.

Россия далека от того, чтобы быть несведущей в вопросе о реформах, устанавливающих Правовое государство. Эта страна своим прошлым показала склонность принять и осуществить их, даже если и временно. Так, например, Александр II предпринял большое число важных реформ, в том числе реформ законодательной системы, чтобы создать то, что тогда определялось как государство, основанное на законе. «Система, которая была установлена в 1864 году, передала все преступления, включая политические, в подведомственность регулярных судов, где процессы были гласными и отчеты о них должны были полностью публиковаться в официальной правительственной газете. Введение суда присяжных, несменяемости судей, критериев компетентности председательствующего на их заседании, право на защиту – все это представляло значительный судебный и политический прогресс, способ-

[30] Cf. Rene David, «Legalite socialiste ou deperissement du droit ?», in Le droit compare, droits d'hier, droits de demain, Economica I982. P. 215 s.

ствующий развитию в большей части общества гражданского сознания, неизвестного до тех пор»[31].

К несчастью, система, установленная побуждением Александра II, не имела времени принести все свои плоды. Как подчеркивает госпожа Карэр Д'Анкосс, «...терроризм побудил сторонников абсолютизма затормозить реформы и после убийства Александра II ограничить «радиус» их действия»[32].

Таким образом, право и Правовое государство вписаны в историю России. Достаточно того, что народ это подтвердил, почерпнул в этом свое убеждение о возможности Правового государства в России. Но для этого ему нужно время – фактор, предполагающий некоторую стабильность норм.

б) Необходимая стабильность права

Ж. Рипер справедливо утверждал, что в принципе всякий человек разумен, если он уважает порядок, царящий в обществе, к которому он принадлежит, понимает необходимость правовых норм и добровольно подчиняется предписаниям, в них содержащимся. Только всеобщее исполнение и следование этим нормам может дать ему необходимую безопасность для спокойной жизни[32]. Если автор и хотел что-то этим сказать, так только то, что стабильность юридических норм обосновывает в уме каждого человека полезность его действия, потому что ничего не может быть предвидено, если не принято во внимание сущее.

Иначе говоря, «длительное существование законов обеспечивает машинальное их исполнение, потому что привычка порождает добровольное подчинение. Норма права со временем становится правилом жизни… Право, которое обретает свою ценность в преемственности, одновременно черпает там свою легитимность»[34]. Вот почему «революция тем более опасна, а позднее – ненавидима, что революция разрушает установки и уничтожает права»[35]. Советская же революция была глубоким переворотом, который разорвал преемственность права. И таким образом, она разрушила даже понятие права. Сегодня – аналогичный разрушительный порыв, который оживляет руководителей России. Результаты неизбежно рискуют оказаться идентичными тем, что последовали за революцией 1917 года, даже если нынешняя революция противоположна предшествующей. Русский народ еще полон постулатами советской культуры, отрицательной по отношению к праву. Для рядового советского человека, как и для советских юристов, право часто сводилось к бюрократии, даже если в теории это было не так[36]. Нужна была такая формулировка, без которой ничего бы не вышло.

[31] H. Carrere d'Encausse. Op.cit. P. 356; N.V. Riasanovsky. Op.cit. P. 408 et s.
[32] H.Carrere d'Encausse, loc.cit.
[33] G. Ripert, Les forces creatrices du droit, LGDJ, 1955. P. 1.
[34] G. Ripert. Op.cit. P. 2.
[35] G. Ripeert. Op.sit. P. 7.

Трудно разрушить менталитет, состояние духа, но что все же вселяет надежду, так это желание народа вспоминать свою историю[37]. Нужно, таким образом, оставить ему время вновь изучить историю своей страны, так же как и право, предшествующее советской эпохе.

Таким образом, именно путем усвоения своей истории, поиска справедливого, убеждения в том, что право необходимо, установления эффективной судебной системы, некоторой продолжительности существования норм права – кроме того, нужно время и для других изменений, чтобы приспособить их нормы к новым обстоятельствам – Россия сможет дойти до Правового государства и таким способом присоединиться к народам, которым она так стремится подражать.

Вместо заключения мы предложим две цитаты. Первая извлечена из произведения М. Горбачева, озаглавленного «Перестройка», которое было написано еще на заре перестройки: «Закон, забота о законности – не просто элементы, которые способствуют углублению нашей демократии и ускорению общественного прогресса, это инструменты восстановительной работы и необходимые гарантии ее необратимости»[38].

Вторая цитата извлечена из работы «Как кончается демократия», которую написал и опубликовал в 1983 году Жан-Франсуа Ревель: «Чем ближе мы приближаемся к концу века, тем больше коммунистический империализм становится главной проблемой нашего времени. Это тяжкая угроза мировой свободе, которая имела наибольшую продолжительность в XX веке и длится по сей день. Другие тоталитарные режимы, фашизм, диктатуры подверглись

[36] M. Lesage, Le droit sovietique. PUF. coll. Que sais-je? 1975. P. 73 et s.
[37] Cf. H. Carrere d'Encausse. Op.cit. P. 356.
[38] M. Gorbachev, Perestoyka, Vues neuves sur notre pays et le monde, Flammarion, 1987. P.155.

разрушению или искоренению временем... Только коммунистический тоталитаризм одновременно долговечен и неизменен»[39].

Сегодня, спустя не так уж много лет после написания этого текста, железный занавес исчез, коммунистический тоталитаризм разрушен. Потому что ничто не вечно, потому что ничто не неизменно там, где человеческий разум проявляет свое воображение и свой гений; никогда не надо отчаиваться. Рискуя показаться наивными, потому что слишком оптимистичны, мы думаем, что можно будет через несколько лет увидеть Россию, преуспевшую в своей революции. Франции тоже нужно было время. Следовательно, надо дать его и России. С точки зрения истории, то есть вечности, что такое несколько десятков лет, как не пылинки времени?!

[39] J. F. Revel, Comment les democraties finissent, Grasset 1983. P. 403.

С. Е. Кузахметова*

Профессиональная тайна – гарантия неприкосновенности частной жизни в сфере защиты информации

Генеральная Ассамблея ООН 17 декабря 1979 года приняла без голосования резолюцию и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Приложение 16). Согласно Кодекса «сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного». В комментарии к статье 4 разъясняется, что лица, обладающие полицейскими полномочиями, «получают информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является полностью неправомерным»[1].

В Российской Федерации отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и обеспечение защиты информации, урегулированы Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Закон впервые за-

* ***Светлана Евгеньевна Кузахметова*** – старш. преподаватель кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета ФГОУ ВПО Астраханского государственного технического университета (г. Астрахань).

[1] Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г.) // Советская юстиция. 1991. № 17. С. 22.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.

© С. Е. Кузахметова, 2007

крепляет принцип неприкосновенности частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия как принцип правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации и раскрывает понятие профессиональной тайны. Под профессиональной тайной понимается информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности, подлежащая защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации.

Ранее принятое законодательство употребляет термин профессиональная тайна[3], однако понятие его не раскрывает. Профессиональная тайна, несомненно, является гарантией неприкосновенности частной жизни в сфере защиты информации. Законодательное оформление одного из ключевых понятий в сфере неприкосновенности частной жизни является показателем прогрессивного развития правотворческой деятельности, поскольку способствует расширению возможностей защиты прав человека в случае пробелов в праве, регулирующем те или иные отношения. На наш взгляд, приведенное определение профессиональной тайны сужает указанные возможности и поэтому представляется нам не достаточно проработанным. Принцип неприкосновенности частной жизни в сфере информации до принятия Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» гарантировался правовым закреплением тайны информации о частной жизни лица в различных ее проявлениях, связанных с доверением тайны личной жизни иным лицам. По различным причинам и в силу разных обстоятельств граждане доверяют свои личные тайны представителям определенных профессий, необходимым атрибутом которых является сохранность этих тайн (адвокатам, депутатам, врачам и другим медицинским работни-

[3] Ч. 4 ст. 82 Части первой Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ от 6 августа 1998 г. № 148–149; ст. 155 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954; ст. 11 Федерального закона от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» // СЗ РФ от 7 августа 1995 г., № 32, ст. 3198 и др.

кам, психологам, нотариусам, налоговым инспекторам, журналистам, органам опеки и попечительства, банкам, священнослужителям и др.). Из особого характера некоторых видов профессиональной деятельности, справедливо отмечает И. В. Смолькова, и формируется межотраслевой институт профессиональной тайны.

Если подходить к институту профессиональной тайны с самых общих позиций, то определяющим в нем является принадлежность к той или иной профессии, осуществление тех или иных профессиональных функций. Однако среди различных видов профессиональных тайн выделяется отдельная категория, в основе которой лежат личные тайны, защищенные от разглашения правовыми запретами, адресованными тем, кому эти тайны по необходимости доверены[4].

Тем не менее, и в этой сфере возникают некоторые вопросы, связанные с неэффективностью формулировок понятий тех или иных видов профессиональных тайн в действующем законодательстве. В связи с этим, для исключения нарушения прав человека, необходимо более содержательное определение на законодательном уровне понятия – «профессиональная и служебная тайна».

В русском языке слово «тайна» имеет два смысловых значения: «все скрытое, неизвестное, неведомое», а также «нечто скрытно хранимое, что скрывают от кого-либо»[5]. В самом широком ее толковании А. А. Фатьянов определяет тайну как сферу объективной реальности, скрытую от нашего восприятия либо понимания. С одной стороны, это все то, что на данный момент не осознано человеческим интеллектом, с другой – это нечто уже известное, но с определенной целью скрытое от других людей.

Федеральными законами устанавливаются условия отнесения информации к сведениям, составляющим адвокатскую, аудиторскую, коммерческую, служебную и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение. Справедливо отмечает И. В. Смолькова, что от того, насколько гарантировано сохранение тайн частной жизни граждан, как глубоко государство может проникать в содержание этих тайн и какие основания для этого необходимы, зависит степень свободы личности в государстве, демократизм и

[4] *Смолькова И. В.* Тайна и уголовно-процессуальный закон. М.: Луч, 1997. С. 86.

[5] *Трунов И. Л., Трунова Л. К.* Соблюдение адвокатской тайны с позиции защиты прав граждан // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 42.

гуманность политического режима[6]. Анализ некоторых положений законодательства, например, о налоговой, адвокатской и медицинской тайне позволяет сделать вывод о необходимости теоретической доработки как ранее, так и вновь принятых нормативно-правовых актов для исключения возможности нарушения неприкосновенности частной жизни. Однако также логично предположить, что для достижения указанной цели возможен и более «короткий путь», то есть доработка собирательного понятия «профессиональная или служебная тайна» как гарантии неприкосновенности частной жизни в сфере информации.

Учитывая особенности субъектов – получателей информации, а также то, что изменения, происходящие в процессе жизни общества, опережают их законодательное регулирование, во избежание нарушения принципа неприкосновенности частной жизни в сфере информации нами предлагается следующая формулировка пунктов 5 и 6 статьи 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «5. Информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими служебных (и) или профессиональных обязанностей или организациями, а также органами власти при осуществлении ими определенных видов деятельности (служебная или профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации или информация касается частной (личной) жизни».

В заключение хотелось бы отметить, что сложившийся на базе принципа «что не запрещено законом – разрешено» менталитет российского гражданина позволяет допускать нарушение естественных неотъемлемых прав и свобод человека, поэтому считаем, что более подробная формулировка положений, на которых базируется неприкосновенность частной (личной) жизни позволит предупредить нарушения принципа неприкосновенности частной жизни в сфере информации.

---

[6] *Смолькова И. В.* Тайна и уголовно-процессуальный закон. М.: Луч, 1997. С. 85.

С. Н. Кулешова*

Особенности аномии современного российского общества: социокультурный аспект

Дезорганизация, дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей, взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения значительного количества индивидов, то есть все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия, фиксируется, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания (1, с. 370).

Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности. Конечно, и прежние этапы развития нашего социума нельзя считать стерильными в этом отношении. Вероятно, можно указать целые периоды в истории России, когда криминализация общества достигала высокого уровня (2). Но общество всегда имело потенциал сдерживания избыточной криминальной активности, понижало ее уровень до социально приемлемого. Скажем, в начале 50-х годов минувшего века большинством людей даже карманная кража воспринималась как чрезвычайное происшествие, чего, естественно, нельзя сказать применительно к нынешним условиям функционирования социума (3). Кроме того, надо иметь в виду, что преступный социальный мир долгое время воспринимался массовым сознанием как сугубо негативный, находился на периферии социальной жизни.

Что касается современной ситуации, то аномия в решающей мере выступает в форме криминализации социума. Разумеется, любое нарушение моральной и правовой регуляции вызывает нарастание числа преступных поведенческих актов индивидов. Еще Дюркгейм тесно увязывал аномичное состояние общества с ростом

---

* ***Софья Николаевна Кулешова*** – аспирант дневной формы 2-го года обучения Ставропольского государственного университета (г. Ставрополь).

© С. Н. Кулешова , 2007

в нем преступности. Вместе с тем, происходящее ныне в российском обществе едва ли вписывается в простые параметры усложнения криминогенной обстановки.

Под криминализацией мы понимаем не только и не столько увеличение числа зарегистрированных преступлений и лиц, которые их совершили, а более сложный социальный феномен. С одной стороны, криминализация, конечно, связана с нарастанием числа преступлений и количества лиц, вовлеченных в противоправную деятельность. Но сводить только к таким статистическим параметрам это социальное явление, на наш взгляд, нельзя. Как нельзя и излишне изолированно рассматривать все социальные феномены: невозможно, к примеру, отделять экономические неурядицы, социальные катастрофы целых регионов страны, растущую обездоленность многих подростков и молодежи от значительного влияния криминалитета, то есть преступного социального мира, на все происходящее в обществе. Криминализация общества – это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный социальный мир уже не находится на социальной обочине, он на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани (4).

Кроме того, криминализация означает появление таких поведенческих актов, которые прежде лишь в единичных случаях фиксировались в нашей стране либо не отмечались вовсе. Речь идет, к примеру, о заказных убийствах, криминальных взрывах, захвате заложников, открытом терроре против тех представителей власти, которые не согласны жить по законам преступного социального мира. Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира, что связывается нами с все большим вовлечением в антисоциальные действия молодежи, подростков, с разрушением позитивных социализирующих возможностей общества.

С другой стороны, криминализация проявляется и в духовной сфере. Связываем мы это, прежде всего, с растущим нигилизмом относительно права, механизмов его действия. Право как ценность, регулятор поведения все больше замещается анархистским своеволием, целесообразностью, утрачивает свою привлекательность. Разумеется, и в советский период истории право не являлось атрибутивным свойством нашей социокультурной системы. Тем не

менее, сейчас даже непрочные барьеры на пути неправового сознания стираются.

Непроявленность среднего слоя, основы стабильности и социально позитивной активности любого общества, декомпозиция социальной структуры российского социума в целом, что фиксируется исследователями (1, с. 375), выражается, на наш взгляд, и в том, что роль среднего класса в современных российских условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наемного труда и т. д.), к сожалению, ни по своему статусному, ни по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нем. Сказанное позволяет нам определить криминализацию современного российского общества как весьма специфичную форму такого социального феномена, как аномия.

Литература

1. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996. С. 370, 375.

2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

3. *Гуров А. И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 161.

4. *Кривошеев В. В.* Особенности аномии современного российского общества // www.sosium-rusf

В. О. Лобовиков*

Право и жизнь, закон и благодать (Правовой нигилизм, «философия жизни» и модальная логика норм с точки зрения алгебры естественного права)

Важной формой нигилизма в отношении модальных понятий «долг (должное)», «обязательность (обязанность)», «право как закон (юридический)» является так называемый правовой нигилизм. Он резко отрицательно относится к юридическим понятиям и объективным юридическим явлениям, обозначаемым перечисленными модальными словами. Юридической обязанности (долгу) и праву (=закону, если стоять на позициях легизма) как явлениям отрицательным правовой нигилизм противопоставляет благодать (=давание добра, или делание добра, т. е. добродеяние) как явление положительное. Получается, что правовой нигилизм – абсолютная противоположность легизма и юридического позитивизма, т. е. другая крайность, а именно – естественно-правовой экстремизм. Отрицание (небытие) закона для а рассматривается в правовом нигилизме как положительная ценность (т. е. благодать) для а, а создатели закона для а – как враги для а. Доктрина правового нигилизма известна с древних времен. Существует (и весьма популярна) интерпретация христианства как правового нигилизма. В этой интерпретации Христос (=Благодать) противопоставляется законникам (закону). Творя молитву «Отче наш», верующие просят Христа (и всех христиан) об избавлении от долгов, т. е. от необходимости соблюдения закона (исполнения долга). В христианской версии правового нигилизма прощение (избавление от) долгов рассматривается как прощение (избавление от) грехов, т. е. долг рассматривается как грех.

Чтобы рассмотреть правовой нигилизм с точки зрения алгебры естественного права, введем в ее язык следующие символы.

* ***Владимир Олегович Лобовиков*** – д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФиП УрО РАН (г. Екатеринбург).

© В. О. Лобовиков , 2007

Пусть За обозначает ценностную функцию от одной переменной «закон для а». Ба – «благодать (=давание добра, или делания добра, т. е. добродеяние) для а». Аа – «противоположность (для) а». Na – «небытие а». Za – «невозможность а». Ра – «рабство (чего, кого) а». La – «свобода для (чего, кого) а». На – «необходимость (нужность) для а». Оа – «обязанность, обязательство (чего, кого) а». Да – «долг (чего, кого) а». Са – «средство (для) а». Па – «программирование (чего, кого) а». Уа – «управление (чем, кем) а». Ка – «контроль над (чем, кем) а». Ua – «ограничение, стеснение (чего, кого) а». Ьа – «смерть (чего, кого) а». Жа – «жизнь (чего, кого) а». Га – «грех (чего, кого) а». Ба – «болезнь (чего, кого) а». Ма – «мучение, бремя для (чего, кого) а». Va – «насилие над а». Sa – «осуждение (чего, кого) а». Ха – «скрытое а». Иа – «убийство (кого) а». Перечисленные функции точно определяются следующей ниже ценностной таблицей.

Таблица 1 (Часть 1)

а	За	Ба	Аа	Na	Za	Ра	La	На	Оа	Да	Са	Па
х	п	х	п	п	п	п	х	п	п	п	х	п
п	х	п	х	х	х	х	п	х	х	х	п	х

Таблица 1 (Часть 2)

а	Уа	Ка	Ua	Ьа	Жа	Га	Ба	Ма	Va	Sa	Ха	Иа
х	п	п	п	п	х	п	п	п	п	п	х	п
п	х	х	х	х	п	х	х	х	х	х	п	х

Подробное изложение основ алгебры естественного права, а также строгое определение отношения формально-аксиологической эквивалентности «=+=» см. в монографии[1]. На уровне искусственного языка алгебры естественного права доктрина правового нигилизма может быть промоделирована следующими формально-аксиологическими уравнениями.

1) За=+=АБа: закон для (чего, кого) а – противоположность благодати для (чего, кого) а.

2) Ба=+=АЗа: благодать для (чего, кого) а – противоположность закона для (чего, кого) а.

3) За=+=NБа: закон для (чего, кого) а – небытие благодати для (чего, кого) а.

[1] *Лобовиков В. О.* Математическая логика естественного права и политической экономии. Екатеринбург, 2005.

4) Ба=+=NЗа: благодать для (чего, кого) а – небытие закона для (чего, кого) а.

5) За=+=ZБа: закон для (чего, кого) а – невозможность благодати для (чего, кого) а.

6) Ба=+=ZЗа: благодать для (чего, кого) а – невозможность закона для (чего, кого) а.

7) Ба=+=ZРа: благодать для (чего, кого) а – невозможность рабства (чего, кого) а.

8) Ба=+=NРа: благодать для (чего, кого) а – небытие рабства (чего, кого) а.

9) Ба=+=La: благодать для (чего, кого) а – свобода для (чего, кого) а.

10) За=+=На: закон для (чего, кого) а – необходимость для (чего, кого) а.

11) На=+=За: необходимость для (чего, кого) а – закон для (чего, кого) а.

12) За=+=Оа: закон для (чего, кого) а – обязанность, обязательство (чего, кого) а.

13) Оа=+=За: обязанность, обязательство (чего, кого) а – закон для (чего, кого) а.

14) За=+=Да: закон для (чего, кого) а – долг (чего, кого) а.

15) Да=+=За: долг (чего, кого) а – закон для (чего, кого) а.

16) За=+=СПа: закон для (чего, кого) а – средство (для) программирования (чего, кого) а.

17) За=+=СУа: закон для (чего, кого) а – средство (для) управления (чем, кем) а.

18) За=+=СКа: закон для (чего, кого) а – средство (для) контроля над (чем, кем) а.

19) За=+=ULa: закон для (чего, кого) а – ограничение свободы, стеснение (чего, кого) а.

20) За=+=NLa: закон для (чего, кого) а – небытие свободы (чего, кого) а.

21) За=+=Ра: закон для (чего, кого) а – рабство (чего, кого) а.

22) За=+=Na: закон для (чего, кого) а – небытие (чего, кого) а.

23) За=+=Ьа: закон для (чего, кого) а – смерть (чего, кого) а.

24) Жа=+=NЗа: жизнь (чего, кого) а – небытие закона для (чего, кого) а.

25) За=+=Га: закон для (чего, кого) а – грех (чего, кого) а.

26) За=+=Ба: закон для (чего, кого) а – болезнь (чего, кого) а.

27) За=+=Ма: закон для (чего, кого) а – мучение для (чего, кого) а.

28) За=+=Va: закон для (чего, кого) а – насилие над а.

29) За=+=Sa: закон для (чего, кого) а – осуждение (чего, кого) а.

30) За=+=ХИа: закон для (чего, кого) а – скрытое убийство (чего, кого) а.

На первый взгляд, противостояние позитивистско-легистской юриспруденции и правового нигилизма на уровне теории зашло в тупик: выхода нет; какой-то из двух концепций необходимо пожертвовать ради логической непротиворечивости теории и успеха в практической деятельности. Однако, по моему мнению, можно и нужно логически непротиворечиво синтезировать обе концепции в рамках единой научной теории права. Для достижения указанной цели необходимо перейти к рассмотрению юридических модальностей как функций от двух переменных. Этому служит следующая ниже таблица.

Таблица 2

а	в	Зав	Дав	Оав	Нав	Vав	Уав	ав	Пав
х	х	п	п	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п

Символ Зав обозначает «закон в для а». Дав – «долг в для а». Оав – «обязательность в для а». Нав – «необходимость в для а». Vав – «насилие в над а». Уав – «управление (чье) в (чем, кем) а». Кав – «контроль в над а». Пав – «программирование (чем, кем) в (чего, кого) а».

В том конкретном отношении (частном случае), когда в=х, правовой нигилизм является вполне обоснованным, имеет право на существование. Зах=+=За=+=Ьа. Но в том (другом) конкретном отношении (частном случае), когда а=п, правовой нигилизм ложен: истинна его противоположность. Зпв=+=Жв=+=Бв: закон (чего, кого) в есть жизнь (чего, кого) в и благодать (чего, кого) в. Абсолютное противопоставление закона и жизни (закона и благодати) оказывается несостоятельным. Итак, с точки зрения алгебры естественного права, позиция «философии жизни» в отношении морали, права, закона, долга и т. п. явлений должна быть подвергнута основательной коррекции – существенному уточнению. После соответствующего уточнения обе обсуждаемые (якобы несовместимые) концепции могут быть объединены в неком синтезе – общей теории права (как ее частные случаи).

Е. С. Мазанова*

Правовая жизнь: проблемы правосубъектности (истоки, опыт, перспективы)

Проблема субъекта права является центральной в юридической науке. Как определить, кто может быть субъектом права, какими качествами должно обладать лицо, чтобы стать субъектом права?

В догме права законодатель определяет субъекта права формально-юридически через праводееспособность. Субъект права в текстах законодательных актов определяется в качестве формальной способности (возможности) лица иметь права и обязанности (правоспособность), дополняемой способностью самостоятельно, своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя и исполнять обязанности (дееспособность).

До сих пор продолжают оставаться спорными такие вопросы, как соотношение правосубъектности с правоспособностью и дееспособностью, правовая природа и сущность правоспособности и дееспособности, их содержание, возникновение и прекращение.

Римское право не различало категорий правоспособности и дееспособности и оперировало единым понятием правоспособности. Правоспособным признавалось лицо, обладающее свободой, гражданством и семейной самостоятельностью. Полностью правоспособными являлись только свободные, самостоятельные римские граждане. Гражданская честь, вероисповедание, пол, возраст, состояние здоровья, родство, место жительства и иные обстоятельства оказывали влияние на полноту правоспособности[1]. Отрыв правоспособности от дееспособности происходит в эпоху буржуазных революций. С целью устранения феодальных, сословных и иных различий между членами гражданского общества провозглашается принцип равной правоспособности. Обойти необходимость постепенного наделения субъекта возможностью совершения определенных юридически значимых действий невозможно, поэтому категория дееспособности получает самостоятельное значение и начинает существовать в отрыве от правоспособности.

Русскому дореволюционному законодательству были известны оба термина – правоспособность и дееспособность. Однако дореволюционное законодательство уклоняется от решения вопроса о соотношении данных элементов.

В советской юридической литературе правосубъектность и правоспособность как понятия идентичные впервые рассматривал Венедиктов А. В., полагая, что государство наделяет лиц «правоспособностью или, что то же самое, правосубъектностью, то есть способностью иметь права и обязанности». Впоследствии Венедиктов А. В. уточнил свою точку зрения по поводу идентичности рассматриваемых категорий и признал, что в одних отраслях они идентичны, а в других не совпадают и термин «правосубъектность охватывает правоспособность и дееспособность в их неразрывном единстве»[2].

Братусь С. Н. рассматривал правоспособность и правосубъектность как равнозначные понятия по отношению ко всем субъектам права: «Правоспособность – необходимое условие для правообладания, то есть необходимая предпосылка субъективного права. Правоспособность как возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности – абстрактная, то есть общая возможность, принадлежащая всякому и каждому. Иначе говоря, правоспособность – это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом. Правоспособность как самостоятельная категория имеет значение и ценность лишь в качестве выражения абстрактной, то есть общей возможности быть носителем прав и обязанностей. Правоспособность – это право быть субъектом прав и обязанностей. Правоспособность и правосубъектность – равнозначные понятия»[3].

По мнению Мицкевича А. В., правосубъектность служит предпосылкой конкретных взаимоотношений между лицами, предопре-

---

* ***Екатерина Сергеевна Мазанова*** – помощник нотариуса нотариальной конторы Метелевой О.П. (г. Екатеринбург).

[1] *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. СПб., 1907. С. 22–32.

© Е. С. Мазанова , 2007

[2] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 615.

[3] *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 5, 6.

деляет содержание поведения лица или организации в различных жизненных ситуациях. «В содержание правосубъектности входят… юридические возможности иметь эти права и нести обязанности, возникающие у данного субъекта прав тогда, когда он вступает в конкретные правовые отношения. Способность иметь права и нести обязанности, или возможность участвовать в правовых отношениях, получила в юридической науке название правоспособности»[4].

Своеобразную позицию по вопросу соотношения указанных понятий представил в своих работах Кечекьян С. Ф. По его мнению, правосубъектность идентична правоспособности, а дееспособность является особым видом правоспособности[5].

Согласно другой концепции правосубъектность рассматривается как обобщающее понятие, составными элементами которого являются правоспособность и дееспособность в своем единстве. «Правосубъектность состоит из способности к обладанию правами и обязанностями и способности к самостоятельному их осуществлению»[6].

Действительно, правосубъектность есть предусмотренная нормами права способность (возможность) быть участником правоотношений. Правоспособность – это предусмотренная нормами права способность (возможность) лица иметь субъективные права и юридические обязанности. Дееспособность – предусмотренная нормами права способность и юридическая возможность лица своими действиями приобретать права и обязанности, осуществлять и исполнять их. Исходя из формального определения понятий правосубъектности и правоспособности можно поставить между ними знак «равно». Однако правоспособность есть абстрактная возможность обладания субъективными правами и обязанностями, а под правосубъектностью надо понимать то, какими качествами должны обладать субъекты права в целом, а не то, какое качество необходимо иметь отдельному субъекту для того, чтобы быть признаваемым законом участником правоотношений. Так может ли гражданин, обладающий только правоспособностью и не достигший возраста наступления дееспособности, быть полноценным субъектом

[4] *Мицкевич А. В.* Субъекты советского права. С. 14, 15.

[5] *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. 1958 г. С. 85.

[6] *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права: Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 145, 146.

права? Может, так как отсутствие у него дееспособности может быть восполнено действиями его законных представителей. Таким образом, в качестве обобщающей категории правосубъектность означает единство право- и дееспособности.

Однако понимание правосубъектности как простой совокупности двух самостоятельных ее структурных элементов правоспособности и дееспособности порождает целый ряд вопросов. В связи с этим интересна концепция понятия правосубъектности, предложенная Архиповым С. И. Правосубъектность обычно рассматривается как юридическое свойство лица, общественно юридическое состояние, которое по своей природе неотъемлемо от лица. Чтобы это свойство возникло у лица, необходимо соответствующее признание со стороны законодателя. До того, как лицо станет субъектом права, законодатель адресует ему, а равно другим возможным субъектам права, совокупность своих нормативно-правовых формальных требований, соблюдение которых обеспечит ему вхождение в правовое сообщество. Лицо, ставшее субъектом права, оказывается связанным общей родовой связью, объединяющей его со всей системой правопорядка, с иными субъектами права. Данная связь является родовой в том отношении, что ею определяется сама принадлежность лица к правовому сообществу, к кругу субъектов права. Эта связь, установленная на основании норм, регулирующих правосубъектность, именуется правосубъектной[7]. Правосубъектная связь основывается на равенстве участвующих в ней субъектов, но это равенство распространяется только на их правоспособность. Она не предполагает одинакового объема отдельных прав, обязанностей или ответственности, а также не предполагает одинакового объема их субъективной дееспособности. Последнее означает не законодательное ограничение их дееспособности, а лишь зависимость дееспособности лица от степени зрелости его правовой воли, сознания и других факторов.

Правосубъектная связь не является для субъекта права статической, неизменной, она изменяется вместе с ним, преобразуется. Правоспособность и дееспособность могут быть рассмотрены именно в качестве двух важнейших этапов, стадий развития этой связи: первой стадии – правоспособности – соответствует появление еще не оформленной в смысле воли, правосознания готовности к самостоятельному выполнению правовых функций лично-

[7] *Архипов С. И.* Субъект права. СПб., 2004. С. 125.

сти. Это субъект права, представляющий собой только чистую правовую форму, правовую оболочку, лишенную правового содержания – волевых решений лица. Его воля замещается волей других субъектов права, действующих от его имени на основании закона. Данный субъект права в юридическом смысле является существующим, реальным субъектом, как правовая реальность, но не действительным, не способным принимать самостоятельные правовые решения, осуществлять их своими действиями, то есть неполноценным субъектом права. Вторая стадия развития правосубъектной связи – это стадия достижения правовым лицом состояния дееспособности, правовой зрелости. Она предполагает готовность (способность) лица самостоятельно осуществлять функции субъекта права. Это переход от абстрактной возможности быть субъектом права к действительности, к лицу, готовому самостоятельно осуществлять правовую деятельность, творить право, приобретать и реализовать свои права и обязанности, нести юридическую ответственность.

В результате несовершенства законодательства, недостаточной проработки вопросов правосубъектности, правоспособности и дееспособности в теории, на практике возникают проблемы с применением указанных понятий. Так, одной из самых непростых задач, которые нотариусу приходится решать при совершении нотариальных действий, является установление дееспособности гражданина. Дееспособность определяется им документально (путем проверки документов, удостоверяющих личность участников сделки, в которых указан их возраст) и визуально (путем беседы с участниками сделки, собственной оценки адекватности их поведения и т. п.). К сожалению, определить действительные намерения участников сделки, разъяснить им смысл и правовые последствия заключаемой сделки далеко не всегда возможно. Причиной этого служит несовершенство действующего законодательства, в котором отсутствует какой бы то ни было механизм определения дееспособности, не имеется правовых оснований для выполнения ряда необходимых для этого действий.

Задачей теории права является разработка общего понятия правосубъектности, общего понятия правоспособности, общего понятия дееспособности, применимых для всех субъектов права, независимо от отрасли права. Так, в юридической литературе существование дееспособности юридического лица вообще было подвергнуто сомнению на том основании, что дееспособность –

качество, свойственное лишь живым людям. Теории, в частности теория фикций, отвергающие наличие дееспособности у юридических лиц, основаны на непонимании природы субъекта права вообще. Право- и дееспособность – не природные, а общественные свойства индивида, нет никаких оснований отказывать в дееспособности и социальным образованиям. Законодатель должен предусмотреть все необходимые и достаточные условия, при наличии которых лица становятся способными быть субъектами права, определить природу правоспособности, определить и закрепить условия приобретения дееспособности.

А. Л. Малхасьян*

Общеправовые ценности мусульманского права

Говоря об общеправовых ценностях в мусульманском праве, необходимо определить, какое значение имеет сам термин «право» в контексте мусульманской правовой семьи.

Термин «право» в мусульманской правовой семье достаточно часто интерпретируется как ценность. В нем весьма отчетливо представлены идеи свободы, равенства, порядка, добра и справедливости, взятые в единстве. При этом прослеживается непосредственная связь с самим человеком как носителем права. Тем самым, можно сделать вывод, что право – это, скорее всего, некий интегральный феномен, истоки которого в самом человеке. В таком своем качестве право представляет собой известную систему ценностей, принципов, норм, взятых в единстве с живой деятельностью людей и всех других социальных субъектов. Именно живая деятельность людей и их сообществ формирует и реализует эти ценности, принципы, нормы с учетом многообразия жизни, реальных ситуаций, фактов, особенностей людей[1].

Право порой сводится к закону, исходящему от государства, – к фикху, в единстве с деятельностью по его осуществлению, но оно, конечно же, шире, богаче, разнообразнее закона.

Весьма специфическое ценностное представление о праве мы обнаруживаем в исламе.

В мусульманском мире к праву относятся как к ценности, различая, однако, в нем божественное, естественное начало (шариат) и писаное, человеческое начало (фикх). Отсюда – то, что относится к области творения человека (его рассудка, разума), есть относительная ценность, а порой и вовсе не ценность; а то, что относится

---

* ***Андраник Леонидович Малхасьян*** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Самигуллин В. К.* ХОКУК (начала мусульманского права): Учеб. пособие. Уфа: Гилем, 2005. Ч. II. С. 22.

© А. Л. Малхасьян, 2007

к области божественного, естественного начала, – абсолютная ценность.

Мусульманское право в части шариата (правовых суждений и предписаний, содержащихся в Коране и Сунне – основных источниках мусульманского права) рассматривается как данное человеку раз и навсегда, как пригодное «для всех времен и народов», как нечто вечное и универсальное. В силу этого основополагающие, базисные его ценности те же вечные и неизменные, абсолютные общечеловеческие ценности, которые не признаются сторонниками узкоклассового подхода, но которые ныне положены в основу многих международных правовых договоров и национальных правовых систем целого ряда государств. К таковым ценностям относятся Истина, Благо, Равенство, Свобода, Добро и Справедливость, Честность, Солидарность и другие ценности равного и подобного достоинства.

Далее, переходя от теории к непосредственному рассмотрению общеправовых ценностей в мусульманском праве, необходимо отметить, что данные ценности выражены в непосредственных правах человека, точнее сказать, правоверного мусульманина, ибо основным субъектом МП может быть только мусульманин. Это обусловлено связью права с жизнедеятельностью людей. При этом, раскрывая общеправовые ценности, а вместе с тем и права, в которых они выражены, необходимо отметить, что они располагаются по степени их значимости с точки зрения ценностей ислама. Попробуем выстроить такую иерархическую «лестницу» правовых ценностей.

Первой и самой важной общеправовой ценностью является жизнь и само право на жизнь. В мусульманском праве человеческая жизнь священна и неприкосновенна, и должны выполняться все условия для ее защиты, тем самым подтверждая значение данной правовой ценности.

Следующим по значимости в исламе является право на свободу. Человек рождается свободным, и не должно быть никакого ограничения данного права, кроме случаев, когда этого требует применение Закона, то есть в части применения шариата, основанного на Коране и Сунне. Данное право касается как одного человека, так и целого народа.

Право на равенство и недопущение никакой дискриминации является следующей общеправовой ценностью мусульманского права. В мусульманском праве это означает, что все люди равны перед Законом и имеют право на равные возможности и на одинаковую защиту Закона. Право на равенство включает в себя равную

плату за равный труд. Никому по религиозному признаку, расе, происхождению, языку и полу нельзя отказать в возможности работать.

Одной из важных ценностей мусульманского права является справедливость, а тем самым и право на справедливость. Любой человек имеет право на то, чтобы с ним обходились в соответствии с Законом и только с ним. Каждый человек наделен этим правом, при этом он обязан протестовать против несправедливости. Он имеет право защищаться, если ему предъявлено обвинение, и добиваться справедливого решения независимого суда. Каждый мусульманин имеет право и долг отказаться выполнять приказ, противоречащий Закону, от кого бы ни исходил этот приказ.

Право на убежище также входит в систему общеправовых ценностей мусульманского права. При этом данное право выражает моральную сторону, говоря о том, что каждый угнетаемый человек имеет право на убежище и пристанище независимо от расы, религии, пола.

Общеправовая ценность свободы совести, мысли и слова, выраженная в идентичном праве, имеет особую ценность в настоящее время. Данное право гарантирует человеку выражение его мыслей и убеждений в рамках, предусматриваемых Законом. Всякий мусульманин имеет право и обязан защищаться и бороться против притеснений в рамках, установленных Законом. Никто не должен ни презирать, ни осмеивать религиозные убеждения других лиц, ни способствовать общественной враждебности по отношению к ним.

Система общеправовых ценностей в мусульманском праве обширна, но нельзя не отметить еще одну ценность – образование. Само право на образование гарантирует человеку получение образования в зависимости от его природных возможностей. После получения образования человек самостоятелен в выборе профессии и карьеры.

Делая выводы относительно системы общеправовых ценностей в мусульманском праве, можно с уверенностью говорить о том, что данная система развивается, и с течением времени она дополнится новыми ценностями, которые будут актуальны в будущем. Система ценностей отнюдь не статична, она, как и само мусульманское право, постоянно прогрессирует и совершенствуется. Тем не менее, общеправовые ценности мусульманского права – Истина, Благо, Равенство, Свобода, Добро и Справедливость, Честность, Солидарность – имеют равное значение как для мусульманского права, так и для других правовых систем, но при этом их содержание, конечно, может быть различным. В данной статье речь шла об общеправовых ценностях. Можно выделить и особые ценности в мусульманском праве, но это тема более глубокого исследования.

Н. А. Мальцева*

Правовое регулирование института обязательств из неосновательного обогащения в российском гражданском праве и во французском гражданском праве: сравнительно-правовой анализ

Институт обязательств из неосновательного обогащения построен как в российском гражданском праве, так и в гражданском праве Франции по модели римских condictiones (титулы 4–7 книги XII, титулы 1–4 книги XIII Дигест Юстиниана).

Понятием «неосновательное обогащение» в российском гражданском праве охватываются все случаи неосновательного обогащения лица при отсутствии установленных законом или сделкой оснований для этого, при этом не имеет значения ни характер поведения приобретателя (правомерное или неправомерное), ни природа юридических фактов, вызвавших возникновение этого обязательства (сделки, события или поступки).

В силу этого можно отметить, что российский иск из неосновательного обогащения очень близок по своей природе и содержанию к римской condictio sine causa (общей кондикции), поскольку именно condictio sine causa давалась в силу одного факта неосновательного обогащения за чужой счет без ближайшего определения условий иска (вне зависимости от конкретных обстоятельств неосновательного обогащения). И можно предположить, что российский (а первоначально советский) законодатель при разработке норм о неосновательном обогащении брал за образец именно эту разновидность римских condictiones.

Во французском же гражданском праве существуют две формы неосновательного обогащения: уплата недолжного (Le paiement de l'indu) и собственно обязательства из неосновательного обога-

* ***Наталья Алексеевна Мальцева*** – преподаватель права в Университете Париж-X.

© Н. А. Мальцева, 2007

щения (L'enrichissement sans cause или action «de in rem verso»), которые различаются по условиям и последствиям предъявления иска.

Важно отметить, что уплата недолжного в российском гражданском праве является лишь одним из целого множества случаев неосновательного обогащения, порождающих обязательство лица вернуть неосновательно приобретенное или сбереженное им имущество.

Французский законодатель, закрепляя номы о le paiement de l'indu (Art.1376–1381 Code Civil), вероятнее всего заимствовал римскую condictio indebiti, которая давалась при наличии трех условий: факт платежа (любого имущественного предоставления); несуществования долга, погашение которого имелось в виду лицом, совершающим платеж; и извинительного заблуждения, ошибки, вследствие которых был осуществлен платеж.

Со второй формой неосновательного обогащения во французском гражданском праве сложилась особая ситуация. Она не закреплена на законодательном уровне, другими словами, в Гражданском кодексе Франции отсутствуют нормы, посвященные этому институту. Механизм l'enrichissement sans cause, или action «de in rem verso», был создан Кассационным судом 15 июня 1892 года при рассмотрении дела *Boudier* как правовое средство защиты нарушенных имущественных прав, соответствующее принципу справедливости. Данный институт, аналогично российскому институту обязательств из неосновательного обогащения, близок по своей природе к римской condictio sine causa.

Проанализировав институт обязательств из неосновательного обогащения в российском гражданском праве и во французском гражданском праве, можно сделать вывод, что, несмотря на определенную специфику правового регулирования этого института в той и другой стране, в его основе всегда лежит один и тот же фактический состав:

1) одно лицо приобретает или сберегает имущество за счет другого;

2) имущество приобретается или сберегается без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований.

Эта совокупность фактов была основанием предъявления того или иного кондикционного иска еще в римском праве, что в очередной раз подтверждает предположение о заимствовании современным законодателем института condictio из римского права и включении его в законодательство своей страны.

При этом важно обратить внимание на определенные различия, существующие в содержании института обязательств из неосновательного обогащения в российском гражданском праве и в гражданском праве Франции.

В российском гражданском праве в предмет требования по иску из неосновательного обогащения наряду с утраченной вещью или денежной суммой входят также полученные от них за определенный период плоды и приращения. Другими словами, в российском гражданском праве акцент ставится на недопущение неосновательного обогащения на стороне одного лица за счет другого в любом виде. Поэтому сумма реального обогащения, которая истребуется потерпевшим, как правило, больше стоимости изначально утраченного. Важно отметить, что такое правило полностью соответствует принципу справедливости.

Обратимся к французскому институту обязательств из неосновательного обогащения. В случае с le paiement de l'indu обогатившееся лицо, действовавшее добросовестно, обязано вернуть только вещь или денежную сумму (первоначальное обогащение). Проценты или доходы, полученные от них (последующее обогащения), могут быть взысканы, только если они были получены после вынесения судебного решения. Недобросовестный приобретатель, помимо недолжно уплаченного или переданного, обязан возместить доходы, полученные им со дня платежа или передачи вещи. Это совпадает с позицией российского законодателя по данному вопросу.

Однако если речь идет о l'enrichissement sans cause, то действует правило о том, что потерпевший может взыскать по иску из неосновательного обогащения только наименьшую сумму из двух сумм: суммы обогащения и суммы, на которую уменьшилось в связи с обогащением имущество потерпевшего. Чаще всего сумма, изначально утраченная потерпевшим, меньше реального обогащения лица, неосновательно обогатившегося, которое может включать в себя плоды и приращения. И по французскому гражданскому праву, четко следуя вышеуказанному правилу, возможным будет лишь взыскание суммы, которую потерпевший реально утратил, на которую он «обеднел».

Такая ситуация исключает возможность истребования плодов и приращений, полученных за время владения предметом первоначального обогащения. Однако еще в римском праве было провозглашено правило: «Согласно природе справедливо, чтобы ник-

то не обогащался в ущерб другому лицу»[1], где речь шла о невозможности обогащения как за счет переданной вещи, так и за счет ее приращений («…ребенок, который родился от рабыни, или то, что присоединено в силу намыва, даже и плоды, которые добросовестно извлек тот, кому произведено исполнение, объемлются кондикцией»)[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что римский институт кондикционного обязательства был заимствован законодателями России и Франции не только в разных объемах, но и трансформирован ими в современный институт обязательств из неосновательного обогащения с определенными особенностями с учетом специфики правовых традиций России и Франции.

[1] DJ XII. VI. 14.
[2] DJ XII. VI. 15.

И. В. Маморцев*

Основы синергетической методологии в теоретическом правопознании

В настоящее время в юридической науке разработка теоретических проблем, связанных с применением синергетики, находится, можно сказать, в зачаточном состоянии. Тому свидетельство – отсутствие четкого представления о содержании категорий синергетики, ее принципах и познавательных механизмах. В этой связи не удивительно, что практико-познавательный потенциал синергетики как одного из методологических инструментов правопознания остается также нереализованным.

Между тем использование юридической наукой методологического (и методического) арсенала синергетики имеет большое теоретическое значение. Прежде всего, синергетика позволяет увидеть анализируемые теоретико-правовые проблемы под другим углом, что способствует выявлению новых свойств, качеств изучаемых правовых явлений. Выработка новых дефиниций, уточнение уже существующих обогащает понятийно-категориальный аппарат.

Синергетика – теория, возникшая из исследований процессов переноса энергии. Термин «синергетика» (от др.-греч. Synergeia – содействие, соучастие) впервые употребил в своих лекциях в университете Штутгарта известный немецкий ученый Г. Хакен для обозначения нового направления междисциплинарных исследований. Термин прижился в немецкоязычных странах и в России. Синергетика открыла пути преобразования неустойчивости в устойчивость, вскрыла механизмы, делающие такой переход неизбежным, проанализировала диапазон и иерархию детерминирующих факторов, обусловливающих фазовые переходы, и дала всем названным процессам математическое описание.

* ***Илья Викторович Маморцев*** – магистр частного права, аспирант Гуманитарного университета, юрист ООО «Бизнес и Право» (г. Екатеринбург).

© И. В. Маморцев, 2007

В обобщенном виде синергетика занимается изучением проблем самоорганизации сложноорганизованных систем, взаимоперехода порядка и хаоса в процессе развития систем. Теория самоорганизации носит междисциплинарный характер, ее основной чертой является то, что она опирается на сходство математических моделей, игнорируя различную природу описываемых ими систем. В результате, положения синергетики применяются в самых разных областях знания: в физике, химии, биологии, медицине, психологии, экономике[1]. Как указывает Г. Хакен, синергетика применима везде, где речь идет о конструктивных кооперативных процессах[2].

Появившись в середине XX века как новое направление научных исследований, синергетика в наши дни переживает период своего становления (особенно это касается применения постулатов синергетики в гуманитарном знании). Этим во многом объясняется, что пока еще не выработана однозначная и общепринятая интерпретация как самого направления (синергетика – теория самоорганизации, теория диссипативных структур, теория динамического хаоса, теория устойчивости, которая устанавливается через неустойчивость), так и предмета синергетики, отсутствует единогласие и в трактовке ее понятий и принципов. Все это не может не отражаться в попытках приложения идей синергетики и ее познавательного инструментария в сфере теоретической и практической юриспруденции.

Правовая (юридическая) синергетика тоже находится на стадии становления, большинство понятий и принципов не имеет общепринятой однозначной интерпретации. Как справедливо отмечается в литературе, «на данном этапе использование понятий и принципов синергетики в правовых исследованиях имеет (преимущественно – И. М.) мировоззренческое значение, что предопределяет ведущую роль мировоззренческой функции синергетики, а также возможность ее отождествления со стилем научно-правового мышления»[3].

Сущность синергетики выражают ее категории (понятия) и принципы. С помощью понятий описывается механизм самоорганизации, особенности перехода порядка и хаоса в процессе развития системы. Основными понятиями синергетики являются: *флуктуация, бифуркация, энтропия, негэнтропия, диссипативная система, системный кризис.* В числе основных ее принципов – *нелинейность, иерархичность, неустойчивость, гомеостатичность, незамкнутость, наблюдаемость, динамическая иерархичность.*

Возможность применения понятий и принципов синергетики в познании правовой действительности заключена в самой природе права. Право представляет собой сложное системное социальное образование. В числе элементов правовой системы называют позитивное право, правовые отношения, правовое сознание и правовую культуру, юридическую практику, правовые учреждения и иные компоненты социального сознания и бытия. Очевидно, что каждый из этих компонентов вполне можно рассматривать в качестве сложноорганизованной системы.

Необходимость обращения к потенциалу синергетической методологии в процессе исследования правовых явлений обусловлена существованием целого ряда теоретико-правовых проблем, перспективное решение которых требует дополнения традиционного диалектико-материалистического метода познания *теорией самоорганизации.* Применение, в частности, идеи и понятия нелинейности развития способствует более глубокому анализу и пониманию таких феноменов, как демократия, права и свобода человека, либерализм.

---

[1] См.: *Грунина В. А*. Синергетические основы правового регулирования: Автореферат канд. дисс. Владимир, 2006. С. 9.

[2] См.: Синергетике – 30 лет: Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 60.

[3] См.: *Грунина В. А.* Указ. соч. С. 6.

*А. Ю. Маракулин**

Возмездность сервитутов в современном гражданском праве России

После принятия Гражданского кодекса РФ в 1994 году в российском законодательстве, через несколько десятилетий после отказа от применения дореволюционных норм, вновь появился термин сервитут. В новых условиях, как и в XIX веке, число статей закона, посвященных особому гражданско-правовому институту, являлось ничтожно малым в сравнении с зарубежным опытом. Но и это являлось шагом вперед по сравнению с социалистической эпохой, когда необходимость сервитутных прав отрицалась и научными кругами советского гражданского права, и законодателем.

Законодательные новации в данной сфере, наряду с признанием значимости возрождения норм о сервитутах, вызвали недоумение по поводу возможности придания возмездного характера данным отношениям, что нашло отражение в работах российских юристов[1]. Право собственника обремененного сервитутом участка требовать с сервитуария «соразмерную плату за пользование участком»[2] никак не соответствует традиционным, идущим от римского права, представлениям о данном правовом институте.

Установление сервитута, как правило, не позволяет приобрести какие-либо дополнительные возможности экономического характера, что требовало бы эквивалентного вознаграждения. Наоборот, сервитут направлен на преодоление дисбаланса интересов, вызванного недостатками господствующего участка из-за ограниченности природных ресурсов и более выгодного положения в сравнении с ним участка служебного. Вознаграждение, которое выплачивает сервитуарий, не имеет встречного предоставления, связанного с хозяйственной деятельностью получателя платежа. Обычно, по

* ***Александр Юрьевич Маракулин*** – ст. преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Черноморец А. Е.* Некоторые теоретические проблемы права собственности в свете Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. № 1.

[2] Ст. 274 ГК РФ.

© А. Ю. Маракулин, 2007

законодательству многих стран, собственник господствующего участка принуждается к возмещению ущерба, который вызван недобросовестным осуществлением прав, и в этом случае выплаты являются вполне обоснованными.

Нововведение «взламывает» систему деления имущественных прав на вещные и обязательственные. В соответствии с нормами законодательства сервитутное правоотношение приобретает сложный смешанный характер. Требования сервитуария основаны исключительно на вещном праве абсолютного характера, которое порождает правоотношение пассивного типа, поскольку собственник обязан воздержаться от создания препятствий в пользовании выгодами его имущества. Собственник служебного участка приобретает, с одной стороны, вещные, а с другой стороны, обязательственные требования. В первом случае он вправе добиваться, чтобы не было причинения вреда его имуществу, следовательно, возникает правоотношение пассивного типа. Во втором случае он вправе получить платеж, и правоотношение приобретает активный характер. Все это усложняет юридическую квалификацию складывающихся между субъектами связей.

За вещными правами традиционно признается свойство следования. Возникает вопрос о том, насколько будут связаны новые собственники соседних участков соглашением их предшественников. Ясно, что параллели с правилами договора аренды неуместны, поскольку арендные отношения как обязательственные носят срочный характер, а сервитутные как вещные – бессрочный. Если стороны не достигнут соглашения, то спор передается на рассмотрение суда, а условия для изменения договора в одностороннем порядке жестко определены в 451 статье Гражданского кодекса.

Закон не дает ответа на вопрос о последствиях неисполнения установленной договором обязанности. Можно предположить, что, как и иное обусловленное платежом предоставление, сервитут подлежит прекращению в связи с нарушением плательщика. Но это приводит нас к смешению вещного права сервитута с обязательственным правом аренды. Кроме того, закон называет исключительные основания прекращения данного вещного права, и связаны они в соответствии с 276 статьей с отпадением оснований, по которым он был установлен, или когда собственник из-за обременения не может пользоваться земельным участком в соответствии с назначением. При отсутствии достаточно подробных норм возможные споры можно было бы решать исходя из теоретических пост-

роений, но законодательные положения никак не соответствуют представлениям, сложившимся в цивилистике.

По сути, норма о возмездности сервитута вступает в противоречие с теми основными началами законодательства, которые закреплены в 1 статье ГК. Если учесть, что сервитут может устанавливаться не только на соседний участок, но и на другой участок, то, видимо, участок земли одного собственника может обременяться сервитутами нескольких лиц на условиях соразмерной платы с каждого. Основаниями для установления сервитута являются необходимость прохода, прокладки линий передач и трубопроводов, то есть обеспечение свободы передвижения и перемещения товаров, что является основой правового государства и гражданского общества. По сути, плата за проход превращается в своеобразный таможенный сбор.

Представляется, что норма о возмездности сервитута является ошибочной. Если законодатель стремился компенсировать потери в сфере экономических интересов собственника служебного участка, вызванные установлением сервитутного обременения, возможно, следовало бы установить налоговые льготы для тех, кто предоставляет право ограниченного пользования своим земельным участком.

В. А. Муравский*

Методологическое значение категории «актуальное право»

Право как многоаспектное явление имеет три грани: право-идея (естественное право), право-закон (позитивное право), право-реальность (актуальное право). Эти явления не изолированы друг от друга и являются тремя взаимосвязанными формами существования нормы-инварианта. Неизменность норме придает ее социальная основа – то общественное отношение, которое она призвана урегулировать. В то же время существует вариабельность нормы, поскольку три вышеуказанных проявления права имеют функциональные различия – право как идея, предшествующая позитивному праву, предопределяет объективность и обоснованность нормы; закон является основным способом ее выражения; актуальное право обеспечивает адаптацию нормы и слияние юридического и социального в новый феномен.

«Высвечивание» наряду с естественным и позитивным правом права актуального имеет огромное познавательное и методологическое значение. Прежде всего, понятие актуального права позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения права и закона. В рамках данной проблемы благодаря актуальному праву появляется иной аспект в виде соотношения закона и реального права, которые различаются между собой как с точки зрения формы, так и содержания. Различие в отношении формы между законом и актуальным правом заключается в том, что источником актуального права не может рассматриваться сам закон, его текст, поскольку актуализация права проявляется в его обычно-правовой адаптации к социальным условиям при одновременном воздействии на данные условия. Потому источник актуального права – это текст закона плюс правовой обычай, созданный в ходе его применения, интерпретирующий, либо корректирующий, либо дополняющий его. Если актуальное право создается вне текста закона и в

* ***Виктор Андреевич Муравский*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© В. А. Муравский, 2007

качестве источника содержания нормы выступает неправовой носитель нормативной информации (норма морали, религии, традиции, положение правовой доктрины, юридическая норма другого государства или норма международного права), то источником актуального права является данный носитель плюс правовой обычай его применения, как интерпретирующий данный носитель, так и придающий ему юридическую силу (функция opinio iuris). В связи с этим все источники реального права следует классифицировать как конститутивные, возникающие на основании текста закона и санкционированные, создаваемые на основании неправового нормативного положения. Общим моментом, однако, является то обстоятельство, что в обоих случаях при создании нормы актуального права правовой обычай придает ее свойства нормативному положению, выраженному вовне, объективированному тем или иным образом. Потому не может рассматриваться в качестве источника права правосознание, в частности так называемое «революционное правосознание». Тезис о правосознании как источнике права представляет собой простое заимствование современной правовой наукой социалистического варианта психологической теории права Л. Петражицкого, не включающей в атрибутивный состав источника права его внешнее выражение. Данный, вариант психологического учения о праве был разработан М. Рейснером[1]. В международном праве в качестве санкционированного источника выступает правовая доктрина, общие принципы права, свойственные цивилизованным народам, религиозные нормы ислама, если они регулируют отношения международно-правового характера между арабскими государствами.

Специфическое содержание актуального права обнаруживается в различии между положениями закона и реальными нормами, которое становится возможным вследствие необходимости интерпретации положений закона, в результате которой при реализации нормы отдается предпочтение только одному логическому варианту содержания нормы из числа всех вариантов толкования, извлекаемых интерпретаторами текста закона. В качестве причины расхождения содержания актуального права и текста закона можно указать также на нереализуемые или изменяемые практикой положения законов или на противоправное «верховенство» в правовой жизни подзаконных или неконституционных норм. Еще одна причина – нередко встречающаяся нереализованность в системе правовых отношений общества целей, установленных действующим позитивным правом, но не относящихся к числу положений актуального права.

[1] См.: *Рейснер М.* Право. Наше право, чужое право, общее право. Л., 1925.

Благодаря актуально-правовому подходу к пониманию права появляется возможность иначе посмотреть на принцип разделения властей. Основой данного принципа является отнюдь не простое разделение труда в государственном аппарате, как это принято считать в теории государства и права. Не следует оправдывать данный принцип и необходимостью демократизации государственной жизни, которая обеспечивается рассредоточением полномочий между высшими государственными органами. Подлинная первопричина принципа разделения властей заключается в онтологии правовой системы общества. Рассматриваемый принцип, прежде всего, должен обеспечить осуществление нормоцикла – взаимодействие трех стадий, форм существования нормы-инварианта – естественно-правовой, позитивной и актуальной. В каждом государстве должна существовать система органов, обеспечивающих: перевод естественного права в закон (законодательная власть); осуществление положений закона на основе презумпции соответствия их естественному праву, что предполагает их точное выполнение (исполнительная власть); коррекцию закона с помощью актуального права на основе положений естественного права (судебная власть). Однако в таком совершенном виде разделение властей существует только в условиях рационализации и демократизации общественной жизни (Древние Афины, правовое государство), в остальных же случаях разделение властей в системе правящих органов производится в самом общем виде, призванном обеспечить как выполнение нормотворческих положений, так и их коррекцию практикой правоприменения.

В соответствии с этим краткая история разделения властей выглядит следующим образом. На Древнем Востоке содержание закона, изданного монархом, адаптировалось к реальным отношениям благодаря обычно-правовому нормотворчеству, осуществляемому в рамках сельской общины, которая производила нормоприменительную и судебную деятельность. В Афинском полисе существовал специальный судебный орган – гелиэя, который имел право как рассматривать дела в случае отсутствия законодательных норм, так и окончательно оформлять текст закона, принятого народным собранием. В Древнем Риме актуализацию права, кор-

ректирующего и пересматривающего текст закона, осуществляли преторы и связанные с ними непрофессиональные судьи. В Средние века разделение правотворческой и правоприменительной власти принимало многообразные формы и выражалось в разграничении власти между католической церковью и государством, в партикулярном характере права, праве монарха приостанавливать действие нормативных актов в отношении отдельных лиц или на определенный период времени. В Новое время принцип разделения существует уже не как реальная норма права, но как идея и положение позитивного права (Конституция США 1787 г. и Декларация прав человека и гражданина Франции 1789 г). В новейшее время это положение приобретает общепризнанный характер и существует в виде позитивной и реальной нормы, даже в тех странах, правовая идеология которых напрямую и не признает его в качестве основополагающей нормы государственной жизни (Англия, Германия).

Рассматривая право и как актуально-правовое явление, можно получить новое представление о волевом характере права. Традиционная точка зрения гласит, что право выражает волю либо определенного класса, либо государства, либо общества в целом. Но когда мы говорим, что закон выражает волю государства, то имеем в виду волю в чисто формальном – юридическом или политическом – смысле. Подход к государству в данном контексте, то есть как к единому юридическому или политическому актору, представляет сбой юридическую фикцию, которая возможна и необходима только потому, что государство персонифицируется в лице какого-либо государственного органа. Если в соответствии с этим право и выступает в качестве явления, выражающего волю государственного органа, то происходит это лишь в определенном количестве случаев, только тогда, когда мы рассматриваем право как закон. Но при избрании актуально-правового аспекта изучения права воля, выраженная в нем, оказывается в социологическом спектре рассмотрения и обнаруживается в качестве воли индивида, поскольку в процессе реализации правовых норм происходит их обычно-правовая адаптация к общественным отношениям, сущностью которой является создание обычаев на основе массы правоотношений, стороны которых как раз и отбирают стихийным путем из всех вариантов толкования единственный, получающий их молчаливое признание. Если самым грубым, приблизительным образом суммировать однонаправленные действия участников всей массы правоотношений, то можно выделить в праве суммарную (но не общую) волю как государства, так и гражданского общества одновременно. Таким образом, под определенным углом зрения субъектом правотворчества является не только государство, но и гражданское общество.

Вследствие этого иначе выглядит и проблема взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Та роль, которую играет гражданское общество в процессе практического правообразования, дает возможность говорить о существовании особого вида контроля с его стороны за деятельностью государства. Данный контроль имеет универсальный характер и существует в любом обществе. С этой точки зрения «диктатура закона» – это нонсенс. Говорить о диктатуре закона можно лишь приписывая государству тоталитарный характер и игнорируя автономию воли и мотивации поступков индивида. Право не может рассматриваться в терминах диктата и насилия, а принимает очертания явления, выражающего соглашение между государством и гражданским общество и имеющего компромиссный характер.

Вышеуказанное положение позволяет сделать вывод, что насилие, принуждение не является общим свойством права, а носит частный характер. Актуальное право существует и вне принудительных мер государства, если его нормы выражают резистенцию и самостоятельную позицию гражданского общества, которые могут противоречить содержанию закона, но тем не менее признаются государством. Поэтому о праве можно говорить не только как о явлении, определяющем субординацию отношений между личностью и государством, но и имеющем одновременно и координационный характер. Например, мусульманское право до сих пор запрещает при кредитовании взимание процентов, а также инвестирование средств в табачную и алкогольную отрасли, но, тем не менее, исламские банки дают деньги в долг, замаскировав их как «плату за услуги», и инвестируют средства клиента, куда он захочет[2]. Подобные явления не могут рассматриваться в качестве простых фактических отношений, имеющих противоправный характер, но неизбежно, постольку поскольку они известны государству, существуют с его ведома, допускаются им и действуют в качестве основного регулятора отношений в правовой сфере общественных отношений, принимают нормативно-правовой характер, то есть молчаливо санкционируются государственной властью.

---

[2] См.: *Хмелев М.* Банкиры в чадре // Известия. 2006. 25 окт. С. 8.

Вместе с тем стихийно-ситуационный способ формирования норм актуального права, его индивидуально-волевое содержание придают ему иррациональный характер и нарушают логическое единство правовой системы государства. Актуальное право как результат стихийного социально-правового отбора логических норм нормативных актов, определяющегося взаимодействием множества факторов, от которых зависит содержание реальных юридических норм, теряет централизованный характер и состоит из различных противоречащих друг другу и основным принципам права положений. Вследствие этого в действующем праве встречаются парадоксальные с точки зрения формальной и политической логики нормо-сочетания. Например, политический режим современной России, который, как и в любом государстве, определяется целой совокупностью норм, устанавливающих круг лиц, обладающих властью, принципы организации и деятельности органов государства, объем прав и обязанностей личности, носит весьма противоречивый характер и включает в себя одновременно признаки авторитарного, олигархического и демократического государства.

А. Л. Мышинский*

Учение И. А. Ильина о праве и неокантианское учение о ценностях

Программа исследования права великого русского философа и правоведа Ивана Александровича Ильина (1882–1954) включала в себя три важнейших, выражаясь языком Ильина, «рассмотрения»: (1) собственно «юридическое», (2) психологическое, (3) социологическое и историческое. В психологическом «рассмотрении» исследуется не право как таковое, а субъективное переживание правовых ценностей, «преломление» ценностей в индивидуальном сознании. В социологическом и историческом рассмотрении исследуется, каким образом правовые ценности переживаются совокупностью взаимодействующих психик в синхронном (социологическое) и диахронном (историческое) аспектах. Исследуется, каким образом правовые ценности могут служить ориентирами для возникновения, функционирования и развития общественных отношений. Собственно «юридическое» исследование правовых ценностей (1) предшествует осуществлению остальных частей программы (2 и 3).

Вторая часть программы осуществляется в исследовании «О сущности правосознания». От описания «здорового правосознания» индивидуума, то есть от гносеологических и феноменологических проблем, Ильин постепенно переходит к «онтологии» права. Здесь право есть объективная и абсолютная ценность. («Предмет», по слову Ильина). Право занимает место в том же ряду абсолютных ценностей, что Истина, Благо и Красота.

Третья часть программы посвящена социологическому и историческому «инобытию» правовых ценностей. Это правовые ценности, воплощенные в формах государственного устройства и формах правления. Эта часть программы должна была осуществиться

---

* ***Алексей Леонидович Мышинский*** – канд. филос. наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© А. Л. Мышинский, 2007

в монографии «О монархии и республике». К сожалению, эта работа Ильиным не была закончена.

Начиналась же реализация этой программы с большой статьи «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» 1910 года. О ней и пойдет сейчас речь. Сам Ильин говорит о «юридическом» исследовании правовых ценностей как о «нормативно-логическом» исследовании. Термины «нормативный», и особенно «нормативизм», в употреблении Ильина требуют оговорки. В современной отечественной историко-правовой литературе концепция нормативизма зачастую отождествляется с именем Кельзена. Сейчас мы можем прочесть, например, что нормативист Кельзен «определяет право как совокупность норм, осуществляемых в принудительном порядке» (Лейст). Нормативистская (нормативная) концепция – это «учение, отождествляющее право с установлениями (предписаниями), одобренными государственной властью» (Гойман-Калинский и др.). Но работа Ильина была опубликована раньше работы Кельзена «Основные проблемы государственно-правовой науки». В России в начале XX века термины «нормативный» и «нормативизм» имели иное значение, нежели сейчас. В 1910 году, например, Б. А. Кистяковский определял «нормативное понятие права» так: «Это понятие, имеющее дело … с правом как совокупностью идей, присущих нашему сознанию … не подлежит сомнению, что оно извлекает и обобщает … этические и логические элементы в праве, а потому правильнее было бы его признать этико-логическим понятием права».

Если принять неокантианскую концепцию об объективном существовании ценностей, а норму понимать как соотнесение явления с ценностью, то нормативное понимание права – такое же древнее, как размышления о сущности права вообще. Оно господствовало в греческой философии со времен Платона и Аристотеля, признававших основной целью права справедливость. Но в правовых учениях нормативное понимание права первоначально скрывалось под видом своеобразного «двойника» позитивного права. Это было учение о естественном праве со всеми его разновидностями, поскольку все эти учения имели теоретический, а не практический характер. В учении Руссо об «общей воле» нормативное понятие права сливается с понятием права вообще. Но затем нормативное понятие права разрабатывается философами, особенно благодаря Канту. Ведь, как известно, именно Кант впервые употребил термин «ценность» в собственно философском

смысле. Высшим пунктом этой разработки является учение Гегеля об объективном духе . В неокантианской философии оно снова находит себе поддержку, притом в обоих ее главных разветвлениях, как трансцендентально-эмпирическом (Виндельбанд, Риккерт), так и в трансцендентально-рационалистическом (Коген). Нормативное понимание права получает свое обоснование как в учении о нормах, противопоставляемых естественным законам, то есть в учении о должном, на котором зиждется вся культура, в противоположность сущему, неизбежно необходимому, безраздельно господствующему в природе, так и в учении Когена об «этике чистой воли» . В конце развития первого из указанных течений неокантианской философии нормативное понимание права приобретает основу в понятии «культурного блага» и идеальное обоснование в идее «чистой ценности». Далее мы излагаем вполне неокантианское учение Ильина о ценностях, сохраняя особенности его лексики и примеры.

Ильин пишет, что юрист должен исследовать два различных предмета. Во-первых, это *закон* в качестве правила (нормы), как отвлеченное предписание о должном. Во-вторых, это *жизненное явление*, то предусмотренное, то не предусмотренное этим правилом. Закон есть *мысль о юридически верном и правильном;* эта мысль выражена в словах. Слова записаны или напечатаны на бумаге; в мыслях и словах выражено правило внешнего, общественного поведения. В этом правиле указано, *каким людям* (обозначенным общими родовыми признаками) какие именно *внешние поступки предписываются, дозволяются* или *воспрещаются* («должно», «можно» и «нельзя»). Смысл закона всегда приблизительно таков: «в случае, *если* окажется человек с такими-то состояниями, свойствами и поступками, то надлежит признать за ним такие-то полномочия, обязанности и запретности». *Если... – то...* А что такой человек действительно есть, фактически «имеется», – и кто он, и где он, и когда он, и как его зовут, – об этом в законе обыкновенно *ничего* не говорится, и это «если» может никогда и не осуществится.

С другой стороны, *жизненное явление, исторический факт* – возникает *не* на основании правового закона, *не* в силу правовой нормы, а в силу «естественных причин». Это «происходит по «законам» дурной или благой человеческой природы, а не нормам правовым или государственым. Нормы «распоряжаются»; стараются предусмотреть возможное и урегулировать его, снабдить могущее наступить явление (например, *состояние* сумасшествия,

свойство – мужской пол, *поступок* – удар, подпись, волеизъявление или *событие природы* – действие огня, воды, бури т. д.) определенными *юридическими последствиями*. А события, «не спросясь у норм», возникают, развиваются, длятся и кончаются по законам «причинной необходимости», независимо от того, были они предусмотрены правовыми нормами и «уловлены» ими с их «юридическими последствиями» или нет.

Правовые нормы имеют юридическое значение **независимо** от явлений и фактов; а поток явлений «слагается и несется, образуя живую жизнь, независимо от правовых законов». Есть состояния и деяния, *предусмотренные* законом, например, вот эта кража, эта покупка земельного участка, это заседание парламента, это монаршее повеление. Но есть состояния и деяния, *не предусмотренные* законом, например, обратная кража чужой украденной вещи, у самого вора, для возвращения ее собственнику; или кража помещиком своей собственной курицы у захвативших имение коммунистов; или отречение Императора от престола, не предусмотренное русскими основными законами. Далее, есть много деяний и явлений, предусмотренных законами и *подпавших юридической квалификации* (например, убийца был разыскан, судим и наказан); но есть много явлений и деяний, хотя и предусмотренных законом, но *не подпавших* под юридическую квалификацию; или *еще* не подпавших, например, убийца еще не обнаружен и давность еще не истекла, или *уже* не подпавших, например, убийца умер и унес тайну своего преступления в могилу.

Поэтому правовые ценности не зависят от реальной общественной жизни. Они коренятся, в конечном счете, в Божестве как носителе Истины и Блага. Эмпирическая данность **никак** не может повлиять на подлинные правовые ценности. Если эти ценности у разных народов расходятся, то причина тому – искажение этих ценностей в коллективном сознании одного народа и адекватное их отражение у другого народа.

О. А. Мясникова*

«Договор дороже денег» – почему?

Многие помнят, как в детстве, играя со своими сверстниками, мы часто повторяли: «Первое слово – дороже второго!», и простой смысл этой поговорки был всем понятен без объяснений. С возрастом мы чаще используем другое выражение – «Договор дороже денег». Смысл этих утверждений один и тот же: дал обещание (слово) – выполняй! Но все-таки почему во втором случае «дороже денег», как это понять?

В современное динамичное время часто возникают непредвиденные обстоятельства, которые ***вынуждают*** нас отступить от данного обещания, заставляют нарушить какой-либо договор, и эти обстоятельства, как правило, сулят нам материальную и даже моральную выгоду, большую, чем те обстоятельства, которые возникли бы при исполнении договора. Самое главное, что этими обстоятельствами мы оправдываем себя перед самим собой и перед другими. Следует добавить, что эти обстоятельства должны убедить окружающих (и не только заинтересованных лиц), что каждый поступил бы точно так же.

Например, нам предложили гораздо большую сумму за выполнение той же работы (услуги), и даже заплатив неустойку, мы остаемся в выгоде. В таких случаях и в подобных им вполне разумно и даже необходимо расторгнуть договор, то есть как раз необходимо отказаться от того самого «первого слова».

Наверное поэтому современное законодательство предусматривает целый ряд оснований, которые дают нам право изменять и расторгать договоры. Согласно ст. 451 ГК РФ могут иметь место, *причем одновременно*, 4 вида условий, при которых соглашения могут быть расторгнуты по решению суда. Во-первых, в момент договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет. Например, стороны не могли допустить, что произойдет радикальное изменение климата. Во-вторых, одна

---

* ***Ольга Алексеевна Мясникова*** – юрист, работник Центра досуга и культуры (г. Пенза).

© О. А. Мясникова, 2007

из сторон не могла преодолеть изменения обстоятельств при той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась по характеру договора и условиям оборота. В-третьих, если исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Например, в результате резкого роста цен, вызванного радикальным изменением климата, цена договора оказалась гораздо ниже, чем рыночная стоимость предполагаемой сделки. В-четвертых, если из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона. Примером может служить то обстоятельство, что в России не предполагалось, не прогнозировалось радикального изменения климата, однако риск такого изменения обстоятельств очень весом для определенных видов бизнеса, связанных с низкими температурными режимами в зимние месяцы.

Таким образом, указанный перечень условий, действующих именно одновременно, позволяет законным (справедливым) образом расторгнуть заключенный договор, выплатив при этом издержки, оговоренные в нем. Если же не соблюдается одновременность действия указанных четырех условий, то мы обязаны исполнить его, вспоминая поговорку «Договор дороже денег». Хотя, конечно, мы можем произвольно нарушить заключенный договор, но должны понимать полноту и степень юридической и моральной ответственности за несоблюдение своего слова. При произвольном нарушении договора ответственная сторона лишается морального и делового доверия, без которого продолжение успешного бизнеса в данном сообществе очень затруднительно.

Поэтому мы утверждаем, что *договор должен быть дороже денег*, ибо благодаря этому реализуются материальные интересы членов сообщества и сохраняется его морально-правовое единство.

Р. А. Насибуллин*

Критика учения о верховенстве права в русской дореволюционной науке государственного права

Вопрос о том, ограничена ли суверенная власть государства правом, вызывал в русской дореволюционной науке государственного права споры. По этому вопросу сложились два направления. Ученые первого направления (теории первенства права) считали, что суверенная власть юридически ограничивается правом, над государством находится право, которое его поэтому сдерживает и ограничивает. Учение о суверенитете права признавали Ф. Ф. Кокошкин[1], А. И. Елистратов[2], Н. И. Палиенко[3], А. С. Алексеев[4], Б. А. Кистяковский[5].

Ученые второго направления считали, что суверенная власть юридически неограниченна, то есть она юридически может принуждать ко всему тому, что считает необходимым. Юридическая неограниченность не означает фактической неограниченности. Юридически неограниченная власть фактически всегда ограни-

---

* ***Рафил Ахнафович Насибуллин*** – канд. истор. наук, старш. преподаватель кафедры истории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

[1] *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. СПб., 1912. С. 204.

[2] *Елистратов А. И.* Очерк государственного права (конституционное право). 2-е изд., перераб. М., 1915. С. 6.

[3] *Палиенко Н. И.* Суверенитет. Ярославль, 1903. С. 411. В дальнейшем Н. И. Палиенко переменил свое мнение: *Палиенко Н. И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 321.

[4] *Алексеев А. С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. М., 1910. С. 67. Цит. по: *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора (по изданию 1913 г.). М., 1999. С. 292; Он же. Начало верховенства права в современном государстве // Вопросы права. 1910. Кн. II. С. 16.

[5] *Кистяковский Б. А.* Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 358–359.

© Р. А. Насибуллин, 2007

чена моралью, обычаем, религией, способностью подвластных выполнять ее решения, интересами самосохранения. Юридическую неограниченность суверенитета, верховной власти признавали Б. Н. Чичерин[6], Г. Ф. Шершеневич[7], А. С. Ященко[8], В. В. Ивановский[9], М. В. Вишняк[10]. Многие русские государствоведы, признавая необходимость ограничения правового государства правом, признавая верховенство закона, тем не менее считали, что только исполнительные и судебные органы безусловно подчинены в своей деятельности праву, связаны им. Законодательные же органы власти в своей деятельности не ограничены законом, то есть они могут принять любой по содержанию закон. Юридическую несвязанность верховной законодательной власти признавали А. А. Жилин[11], В. М. Гессен, Н. И. Лазаревский[12].

По мнению А. А. Жилина, суверенная государственная власть ограничена фактически, социально, моральными воззрениями (называемыми некоторыми учеными естественным или философским правом), а в некоторых случаях нормами действующего права. В этом отношении она ограничивается, с одной стороны, международным правом, с другой – внутригосударственным правом[13]. А. С. Ященко отмечал, что суверенная власть и в международном праве вполне юридически независима, так как не существует международно-правовых органов, которые могли бы принуждать суверенные государства к соблюдению международного права, что в случае международных споров суверенное государство применяет единственное международно-правовое принуждение – войну[14]. А если бы и существовали такие органы, то снова возникал бы вопрос, какими внешними гарантиями можно уберечь от произвола международную власть[15]. Внутри страны, отмечал А. А. Жилин, государственная власть может ограничиваться обычным правом, создаваемым путем долговременного применения и привычки известными общественными организациями, но с формально-юридической точки зрения государственная власть может устранить и изменить любой обычай[16].

Проблемы взаимоотношений власти и права в правовом государстве ставил С. А. Котляревский в работе «Власть и право. Проблема правового государства» (1915), в которой он утверждал, что конституционное государство – реальность, а правовое государство – понятие метаюридическое, скорее идеал, к которому следует стремиться: «В конце концов правовое государство выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности»[17].

С. А. Котляревский критиковал столь распространенную среди русской либеральной интеллигенции веру в возможность совершенного государства как государства, построенного на абсолютном господстве права. Он указал принципиальные препятствия для осуществления этой возможности как в существе самого государства, так и в несовершенной природе человека. С. А. Котляревский признал существование в современном государстве двух противоположных начал – права и власти, воплощающей в себе силу, – которые неразрывно связаны между собой и вместе с тем находятся в постоянной борьбе[18].

По его словам, «государство неразрывно связано с принуждением и насилием, которые вытекают из стихии силы, составляющей его основное ядро; оно в самых высших своих формах все

[6] *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Общее государственное право. М., 1894. Ч. 1. С. 62, 64.

[7] *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права (по изданию 1910–1912 гг.): В 2 т. Вып. 1. М., 1995. Т. 1. С. 184–186.

[8] *Ященко А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 195.

[9] *Ивановский В. В.* О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения // Журнал министерства юстиции. 1916. № 4. С. 118–120.

[10] *Вишняк М. В.* Идея суверенитета в политической доктрине прежде и теперь // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I). С. 47–48.

[11] *Жилин А. А.* Учебник государственного права. Пг., 1916. Ч. I: Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. С. 82.

[12] *Гессен В. М.* Теория правового государства // Политический строй современных государств: Сб. статей. СПб., 1905. Т. I. С. 132; *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. Т. I: Конституционное право: 3-е изд. СПб., 1913. С. 104.

[13] См.: *Жилин А. А.* Указ. соч. С. 82.

[14] См.: *Ященко А. С.* Указ. соч. С. 214.

[15] См.: *Алексеев Н. Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 603–604.

[16] См.: *Жилин А. А.* Указ. соч. С. 82–83.

[17] *Котляревский С. А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 350.

[18] Там же. С. 27.

же рассчитано на глубокие несовершенства человеческой природы»[19]. Далее он замечал, что «в этом, между прочим, внутреннее противоречие идеи “совершенного государства”. Государство может быть таковым лишь при совершенных членах государственного союза (при совершенных праведных людях – Н. Р.), но последние не нуждались бы в государстве»[20].

Это непреходящее значение силы для государства определяет и роль права в нем. Он считал, что «право никогда не может служить самоцелью. Никогда оно также не может вытеснить основной стихии государства – силы. Слабость власти – есть смертный грех государства, который менее прощается его руководителям, чем жестокость и произвол»[21]. Правовое государство никогда не перестанет быть организацией силы, оно лишь «все явственнее оказывается не только организацией силы, но и организацией права»[22]. Государство «глубокими корнями связано со стихией насилия и эгоизма; лишь в известных пределах может в нем воплотиться верховенство права, в меньших – господство справедливости, а в еще меньших – справедливости высшей, расширенной до благости»[23].

Безраздельное господство права в государстве невозможно, так как власть как сила служит самосохранению государства[24]. С. А. Котляревский приводил целый ряд случаев, когда государственная власть должна действовать, подчиняясь крайней необходимости, а потому она вынуждена отступать от строгого соблюдения принципов права. К таким институтам крайней необходимости он относил чрезвычайно-указное право[25], исключительное (чрезвычайное) положение[26], необходимость обеспечения внешней безопасности и обороны[27]. Таким образом, «нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства, обеспеченного в своем существовании, там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже

[19] *Котлянский С. А.* Указ. соч. С. 414, 388.
[20] Там же. С. 414, сноска 3.
[21] Там же. С. 33.
[22] Там же. С. 42.
[23] Там же. С. 404; *Кечекьян С.* Литературное обозрение // Журнал министерства юстиции. 1916. № 10. С. 327.
[24] *Котляревский С. А.* Указ. соч. С. 354, 386.
[25] Там же. С. 355 и сл.
[26] Там же. С. 361–365.
[27] Там же. С. 365.

достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность, может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) – опасным качеством, если оно не уравновешивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма»[28].

Доктрину первенства права критиковали и консервативные мыслители. Н. М. Карамзин отмечал, что право без власти и людей есть ничто. Важны люди, а не законы. Именем закона в России правит бюрократия. «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя (читай президента – Н. Р.) – не боятся и закона!»[29].

Либерально-консеравтивный государствовед Н. Н. Алексеев, признавая идейную власть права над людьми, также отмечал, что отвлеченные принципы не могут заменить людей – исполнителей[30]. Правящее меньшинство, в конституционном государстве это руководители ведущих партий, прикрываясь авторитетом права, диктуют правовые повеления другим людям. По его мнению, «славянофилы с глубокой ясностью прозрели ту истину, что в конечной основе своей всякая власть связывается только нравственными узами… Нет такой внешней силы, которая могла бы принудить суверенных носителей власти к исполнению их государственных обязанностей». Верховные органы власти «могут принуждать только сами себя. Самого же себя можно принуждать только духовно и нравственно», «гарантировать, чтобы ведущий слой действовал не по произволу, можно в конце концов только духовно-религиозно или нравственно»[31].

Православно-консервативная государственно-правовая концепция служит, по нашему мнению, хорошим мерилом для оценки

[28] *Котлянский С. А.* Указ. соч. С. 373.
[29] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102, 48. См.: Митрополит Филарет (Дроздов). О государстве. 2-е изд. Тверь, 1992. С. 12–13; *Казанский П. Е.* Указ. соч. С. 296.
[30] См.: *Алексеев Н. Н.* Указ. соч. С. 466.
[31] Там же. 602–603, 605. См. славянофильское учение о государстве: *Владимиров Л. Е.* Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное

учений о правовой связанности государства[32]. Согласно этой концепции государство и право не являются абсолютными ценностями, абсолютным совершенством, они не имеют оправдания в самом себе. Существование государства и права обусловлено наличием

учение. М., 1904. И. С. Аксаков отметил, что славянофилы «не против правового порядка вообще, то есть не против юридических норм и форм, но не следует питать к ним никакого суеверия, придавать им какое-то самостоятельное преувеличенное значение или вводить их в те области, где им не место… Дело в том, что сила не в правовом порядке, а в той общественной, духовной, нравственной почве, в которую упирается порядок своими корнями и которая их питает… Г. Градовский, например, видит обеспечение свободы слова только во внешнем законе. Почему же и не быть внешнему закону! Мы и сами его желаем, но закон сам по себе еще не составляет гарантии. Ученый профессор забыл, что в Англии, например, внешний закон о печати – самый драконовский изо всех европейских и до сих пор воскрешает разглашение в печати парламентских прений. Но нравы переросли внешний закон, и никто никогда не решится «правовой», существующий и поныне «порядок» приводить в исполнение. Стало быть, сила не в самом «правовом порядке», а в жизни, в нравах, в том начале, которое одно истинно могущественно и животворно» (*Аксаков И. С.* Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. С. Аксакова // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 483). См. статью А. Д. Градовского: *Градовский А. Д.* Славянофильская теория государства (письмо в редакцию) // Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 464.

[32] См.: Православное учение о государстве и праве излагается в основном по: *Назаров М. В.* Вождю Третьего Рима. М., 2004. С. 9–13, 31–33, 46–49; *Платонов О. А.* Право // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. М., 2000. С. 687–688; Церковь и Мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 39–55, 63–67; *Кураев А.* Православие и право. Сретенский монастырь, 1997. См.: Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. СПб., 1992; 1994; Он же. Об истинном монархическом миросозерцании. Статьи и проповеди. СПб., 1994; *Боханов А. Н.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; *Величко А. М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999; *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти (по изданию 1912 г.). М., 2002; *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора (по изданию 1913 г.). М., 1999; Митрополит Филарет (Дроздов). О государстве. 2-е изд. (по изданию 1883 г.). Тверь, 1992; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Источники и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность (по изданию 1905 г.). СПб., 1992; *Хомяков Д. А.* Православие, Самодержавие, Народность. М., 2005; Церковь о государстве. Д. А. Хомяков, А. В. Карташев, М. Зызыкин, архим. Константин (зайцев) / Составлено

в мире греха, зла и необходимостью его сдерживания. Определенный минимум зла в обществе неизбежен, так как разумный человек обладает свободой воли, правом выбирать между добром и злом, то есть он может использовать свою свободу как для совершения добра, так и для зла. Причина зла в мире в злоупотреблении человека богоданной свободой, когда человек нарушает законы Божии[33]. Назначение православного христианского государства состоит в ограничении зла и поддержке добра, в ограждении личности и общества от опасных проявлений греха. «Власть является ценной, когда служит правде и справедливости»[34]. Существование права также является симптомом неблагополучия, так как если бы все человеческое общество состояло из безгрешных праведников, не было бы никакой почвы для существования права. Право создается человеческим обществом, является продуктом исторического развития, поэтому несет на себе печать ограниченности и несовершенства. Законы представляют собой несовершенный компромисс интересов различных социальных групп, ибо создаются грешными людьми в яростной борьбе. При этом закон, сочиненный правящим классом для простых людей, может стать средством их утеснения. Он провоцирует грех, обиду и преступление. Русские юридические пословицы так и говорят: «Не будь закона, не было бы и греха»; «Где закон, там и обида»; «Где закон, там и преступление»; «Закон – дышло, куда пошел, туда и вышло»; «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет». К тому же даже полезные законы исполняются грешными судьями, и здесь тоже возможны злоупотребления: «Законы святы, да законники супостаты»; «Не бойся закона – бойся судьи»; «Кто законы пишет, тот их и ломает»; «Что мне законы, были бы судьи знакомы». Несмотря на это, даже несовершенное право подлежит, согласно Божественной воле, исполнению не за страх, а за совесть.

А. Тускаревым. М., 1993; *Царевский А. А.* Значение православия в жизни и исторической судьбе России (по изданию 1898 г.). Л., 1991; *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998 и др.

[33] Проблема зла глубоко раскрыта в кн.: *Зеньковский В. В.* Основы христианской философии. М., 1996. С. 398–410. См. также: *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия (по изданию 1913 г.). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000; *Назаров М. В.* Вождю Третьего Рима. М., 2004. С. 9–13; *Несмелов В. И.* Наука о человеке: В 2 т. (по изданиям 1898 и 1906 гг.). СПб., 2000 и др.

[34] *Вышеславцев Б. П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 689.

*А. Л. Непрозванных**

Правовые проблемы развития российского парламентаризма

Сегодня по своей социально-политической сущности и форме государственного устройства Россия в соответствии с ее Конституцией определяется как светское социальное демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления. Но соответствуют ли продекларированные демократические принципы практическим реалиям?

В настоящее время в развитии российской государственности явно просматривается автократическая тенденция, основы которой были заложены еще в Конституции 1993 года. Она привела к тому, что президент, обладая огромными полномочиями, возвышается над всеми ветвями власти. В нынешней России становлению системы основных институтов публичной власти с доминирующим положением института президентства способствуют и принятые в последние годы меры по укреплению вертикали исполнительной власти, изменению статуса и порядка формирования Совета Федерации и Государственной Думы, изменению порядка наделения полномочиями губернаторов и др.

В то же время Конституция Российской Федерации предусматривает ряд парламентских гарантий, защищающих демократию в России от легального формирования авторитарного режима и произвола президентско-исполнительной ветви власти (верховенство законов над указами президента, согласование с парламентом важнейших для государства кадровых назначений, бюджетный контроль, право вотума недоверия правительству и некоторые др.).

Таким образом, в стране формируется так называемая управляемая демократия с мягким авторитарным режимом. Причем формируется вполне легитимно, в условиях многопартийности, выборности, идейного плюрализма и открытого политического про-

* ***Александр Леонидович Непрозванных*** – канд. социол. наук, директор Каменск-Уральского представительства, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© А. Л. Непрозванных , 2007

тивоборства. Это формирование идет в сложных, зачастую противоречивых политических, экономических, этнонациональных и межконфессиональных условиях, когда субъекты федерации разноплановы и характеризуются различными уровнями развития демократических институтов, научно-техническим, экономическим потенциалом.

Основная проблема развития парламентаризма в России – это нарушение принципа разделения властей, их формально правовая и реальная несбалансированность, чего в демократическом государстве быть не должно. Такое положение опасно тем, что может привести к конфликту между ветвями власти, центром и регионами, не только парализовать систему сдержек и противовесов, но и нарушить единство самой власти.

Проблемы развития российского парламентаризма тесно связаны с правами человека как главной ценности, которую он должен обеспечивать. Так, изменение порядка избрания депутатов Государственной Думы и формирования Совета Федерации напрямую повлияло на систему прав российских граждан. Статья 32 Конституции РФ закрепила право каждого гражданина избирать и быть избранным в органы власти. Сегодня с отменой выборов по мажоритарной системе граждане фактически утратили право быть избранными, так как они не могут выдвигаться по пропорциональной системе. Для того чтобы быть избранным, гражданину сначала необходимо определить свою партийную принадлежность, поскольку только у партий есть право выдвигать. Более того: российского гражданина поставили перед необходимостью выбрать какую-то из политических партий, но как быть, если он испытывает антипатию ко всем? Таким образом, вместо конструктивного участия в выборах гражданин может вообще не пойти на выборы. Существующая ранее смешанная система выборов в Государственную Думу плюсы и минусы мажоритарной и пропорциональной избирательных систем компенсировала их сочетанием. В настоящее время такой баланс нарушен.

Сегодня выборы стали сплошь коррупционными, основанными на деньгах, без которых невозможно выиграть и которые надо впоследствии отрабатывать. Кроме того, поскольку партиям предусмотрены компенсации их расходов из государственного бюджета, избирателей еще и заставили оплачивать эти расходы на выборах, что плохо сочетается с логикой демократии и свободы личности.

Есть вопросы и по порядку формирования Совета Федерации. За последние годы он менялся неоднократно. Сначала депутаты Совета Федерации напрямую избирались народом. Затем эта палата стала формироваться из руководителей исполнительных и законодательных органов субъектов федерации. В настоящее время депутатов Совета Федерации делегируют исполнительные и законодательные органы субъектов федерации. Сегодняшний, третий вариант формирования палаты также несовершенен, ведь члены Совета Федерации стали полностью зависимы от тех, кто их делегировал в палату. Их в любое время могут сместить, часто без объяснения причин. В эту палату зачастую попадают политики, либо вытесненные из региональных структур власти, либо обеспечившие себе места при помощи денег и связей.

Изменение принципов формирования Совета Федерации привело к изменению механизма представительства интересов в рамках этого института, который стал по преимуществу носить внутриэлитарный характер, игнорирующий запросы широкого круга граждан. Понятно, что эти изменения осложняются и усугубляются общей неразвитостью демократических институтов, низким авторитетом либерально-гражданских ценностей среди российских граждан.

Динамика политического процесса в России свидетельствует не об органическом сближении представительных и исполнительных органов власти, которое должно быть ориентировано на выполнение общественных запросов и защиту гражданских потребностей, а об искусственном подчинении парламента, выступающего в виде ненужного и мешающего власти органа, мало подконтрольного бюрократическим структурам, являющимся носителем иных целей. Административное поглощение парламента является важнейшим инструментом выдавливания гражданских потребностей из спектра интересов органов власти.

Реформа партийной системы привела практически к ликвидации возможностей для создания общественно-демократических, а также региональных партий, базирующихся на непосредственной связи с населением и ориентированных на выражение их интересов. Оставшиеся на партийном рынке партии оказались теми официально признанными властью представителями народа, с которыми она планирует договариваться дальше на своих условиях. Обязательным механизмом сохранения в парламенте только нужных для власти партий стал и переход на формирование его состава по пропорциональному принципу, и разрешение высокопоставленным государственным чиновникам вступать в партии и возглавлять партийные структуры, что способствует не только кадровому, но и структурно-функциональному срастанию аппаратов партий и государственной администрации.

Исполнительная власть стремится контролировать не только сферу деятельности партий, но обеспечить контроль над гражданским обществом, в том числе и молодежными организациями. Формирование Общественной палаты, инициирование создания юношеских объединений («Наши», «Идущие вместе» и др.) демонстрируют ее желание укрепить созданный режим и предотвратить политически опасные действия граждан посредством использования механизмов формализации политической активности населения.

В нынешней структуре исполнительной власти особое значение приобретают СМИ как специфическая медиакратическая форма организации власти. Она включает в себя, прежде всего, деятельность подконтрольных власти телеканалов, в ведении которых находится все медиаполитическое пространство. В ее задачи входит обеспечение необходимых решений, результатов голосования и других политических побед.

Итогом такой политики президентско-исполнительной власти стал резко снизившийся уровень и характер представительства в парламенте гражданских интересов. Состав «избранников народа» ярко демонстрирует влияние и режиссуру власти в подборе для этой структуры исключительно лояльных сторонников действующего режима. В таком парламенте любая оппозиция исполняет роль марионеточной, в лучшем случае, маргинальной структуры, голос конструктивной оппозиции всегда потонет в хоре голосов безликого и послушного большинства. Фактическое устранение оппозиции сочетается с ростом влияния главной на сегодня «партии власти» – «Единой России», явно превращающейся в бюрократический придаток президентско-исполнительной власти.

Увеличивающийся отрыв от интересов широких социальных слоев, представительство одних интересов и групп граждан и непредставительство других, качественное снижение внутреннего плюрализма и конкуренции свидетельствуют о все более плотном встраивании парламента в административный аппарат государства и его способности передавать для принятия политических решений только часть социальных потребностей граждан.

Таким образом, административная и политическая реформы в стране привели к деинституциализации российского парламента как общественно-государственного образования. Он качественно изменил и свои функции, и свое место в системе организации власти, реально утратил свою политическую самостоятельность. От его статуса противовеса исполнительной власти осталась функция уравновешивания взаимоотношений внутри правящей элиты, а соотношение исполнительной и законодательной ветвей власти в политической системе России стало неравномерно, вопреки мировой практике. Вследствие этого ключевые решения в стране принимаются вне контроля общественности и на существенно деформированной базе социальных потребностей. Трансформация представительной функции парламента и его качественное сближение со структурами исполнительной власти в значительной мере изменили его общественно-политическую природу, хотя он при любых обстоятельствах должен оставаться общественно-государственным институтом.

Учитывая продолжающееся встраивание парламента в государственно-административные структуры, затруднительно говорить о его демократическом перерождении в ближайшей исторической перспективе. Но политическая жизнь не определяется только действиями властей, и потому всегда есть надежда на демократическое обновление российского парламента. Чтобы парламентаризм в России на деле обеспечивал российским гражданам реализацию правовых ценностей, нужны соответствующие поправки к действующей Конституции, изменения в федеральном законодательстве. В демократических странах считают, что без полноценного парламента не может быть полноценной демократии. Это актуально и для России.

А. А. Озеров*

Мониторинг в правотворчестве

Не обязательно быть юристом, чтобы понять, что наше законодательство далеко от идеала. На данный момент существует большое количество нормативно-правовых актов, которые противоречат друг другу, содержат ошибки и всячески затрудняют процессы реализации права и правоприменения. Нередки также случаи, когда разрабатываемые законы и иные акты не решают проблему, ради которой, собственно, создавались, а наоборот, еще больше усугубляют ситуацию. За примером далеко ходить не надо, возьмем, например, национальный проект «Доступное жилье» и принятый в рамках указанного проекта Федеральный Закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[1]. В этом законе были установлены очень жесткие требования для строительных компаний. Стремление законодателя защитить права дольщиков, выраженное в увеличении обязанностей и соответственном уменьшении прав застройщиков, привело к тому, что более мелкие строительные компании были либо поглощены крупными, либо ушли с рынка. Таким образом, уменьшение количества застройщиков привело к дефициту строящегося жилья. А когда спрос существенно превышает предложение, растут цены – один из основных законов экономики. В итоге и без того сложная ситуация с жильем обернулась кошмаром.

Также хотелось бы привести следующий пример из реальной практики. Всем известно о возможности делать замечания к протоколу судебного заседания, эта возможность установлена АПК РФ, и принимаются указанные замечания в течение трех дней.

* ***Александр Андреевич Озеров*** – юрисконсульт ООО «ЮКФ «Ваш юрист» (г. Екатеринбург).

[1] Федеральный Закон от 30.12.2004 № 214 - ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» / Российская газета. 2004. № 292. (31 декабря).

© А. А. Озеров, 2007

Вроде бы все просто: получил протокол, составил замечания и отдал в канцелярию либо отправил по почте, но: чтобы получить протокол, необходимо за три дня записаться на ознакомление. Таким образом, своевременно сделать замечания к протоколу судебного заседания очень затруднительно.

И таких примеров бесконечное множество.

Из сложившейся ситуации может быть только один выход – создание системы мониторинга правотворчества. Актуальность создания подобной системы вытекает из самой континентальной правовой системы, на основе которой построено наше право. Например, в странах англо-саксонской правовой системы, в частности Англии, США, в силу больших полномочий мониторинг осуществляет судебный корпус. В России о мониторинге поговаривают уже давно, неоднократно проводились конференции, на которых обсуждалась сложившаяся ситуация и возможности разрешения этой проблемы. По сути, работа по созданию системы мониторинга была инициирована в 2002 году Советом Федерации Федерального собрания, когда была проведена первая научно-практическая конференция «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики». Сейчас данная конференция стала ежегодной, а также периодически проводятся различные семинары и круглые столы с привлечением специалистов и экспертов в различных областях права. В настоящий момент пройден путь от теоретического осмысления до развертывания полномасштабной системы мониторинга правового пространства страны[2]. И это, несомненно, радует, поскольку проведение всех этих мероприятий свидетельствует о глубокой заинтересованности государственных органов в решении сложившихся проблем.

И все же давайте разберемся, что же такое мониторинг правотворчества.

В Юридической Энциклопедии[3] мониторинг определяется как система наблюдений, оценки, прогноза состояния и динамики какого-либо явления, процесса или иного объекта с целью его контроля, управления его состоянием, охраны, выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным предположениям. Более узкое, но тем не менее очень похожее определение содержит толковый словарь СПС Гарант. Здесь под Мониторингом понимается постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным предположениям.

[2] *Глазкова Л.* Видит ли закон простого человека // РФ Сегодня. 2006. № 14 (Интернет версия).

[3] Юридическая Энциклопедия: 5-е изд., доп. и перераб. / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 502.

Хотелось бы отметить, что мониторингу в РФ уделяют большое внимание, он закреплен во многих законах и иных НПА. Так, мониторинг осуществляется в области отношений с соотечественниками[4], в области земельных отношений[5], в области охраны атмосферного воздуха[6] и многих других.

На настоящий момент в России более 500 000[7] действующих нормативно-правовых актов, и сейчас как никогда остро встал вопрос создания системы мониторинга правовых актов и самого процесса правотворчества. В докладе Совета Федерации ФС РФ «О состоянии законодательства РФ» мониторинг законодательства и правоприменительной практики определен как систематическая, комплексная деятельность органов власти, научного сообщества, институтов гражданского общества и общественных организаций по оценке, анализу, обобщению и прогнозу состояния законодательства и практики его применения[8]. Исходя из указанных определений и тех определений, которые содержатся в Земельном Кодексе РФ, в ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» и других актах, можно предложить следующее определение понятия мониторинг правотворчества.

Мониторинг правотворчества – это система наблюдения по оценке, прогнозу состояния и динамики законодательства и правотворчества, с целью повышения качества принимаемых законов, контроля и управления, а также выявления их соответствия желаемому результату и другим законам и нормативно-правовым актам.

[4] Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», ст. 25 // Российская Газета. 1999. № 103 (01июня).

[5] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001г. № 136-ФЗ, ст. 67/ Российская газета. 2001. № 211-212 (30 октября).

[6] Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», ст. 1 // Российская Газета. 1999. № 91 (13 мая).

[7] Система Гарант: Платформа F1(по состоянию на 23.09.2006).

[8] Доклад Совета Федерации Федерального собрания РФ 2005 года «О состоянии законодательства в РФ». М.: Совет Федерации, 2006. С. 337.

Таким образом, целью мониторинга является повышение качества принимаемых законов, осуществление контроля, управления, выявления соответствия желаемому результату и другим нормативно-правовым актам и в конечном счете защиты и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Задачей мониторинга является решение экономических, социальных и других вопросов, остро стоящих в настоящее время перед государством, посредством приведения законодательства в качественно новую, стройную и взаимосогласованную систему.

Теперь хотелось бы поговорить о **субъектном составе системы мониторинга**. Условно выделяют две группы субъектов: конституционные и инициативные[9]. К первой группе относятся: Президент РФ, Правительство РФ и органы исполнительной власти, Федеральное Собрание РФ, Счетная палата РФ, органы прокуратуры, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, Уполномоченный по правам человека в РФ.

Ко второй группе относятся институты гражданского общества, экспертные советы при высших органах государственной власти, научные и другие организации и объединения, политические партии.

Мониторинг как правовое явление достаточно многообразен, поэтому целесообразно его классифицировать. Осуществлять классификацию можно по различным основаниям.

По субъектам, осуществляющим мониторинг:

1. Государственный, то есть осуществляемый государственными органами различных ветвей власти.

2. Общественный, то есть осуществляемый научными организациями, объединениями и экспертами в данной области.

По уровням, на которых осуществляется мониторинг.

1. Федеральный, то есть осуществляемый органами государственной власти на федеральном уровне.

2. Региональный, то есть осуществляемый на уровне субъектов Федерации.

3. Муниципальный, осуществляемый органами муниципальной власти в муниципальных образованиях.

По основаниям наблюдения:

[9] Доклад Совета Федерации Федерального собрания РФ 2005 года «О состоянии законодательства в РФ». М.: Совет федерации, 2006. С. 342.

1. Динамический, когда в качестве основания для наблюдения выступают данные о динамике развития законодательства и правотворческого процесса.

2. Статический, когда в качестве основания для наблюдения выступают данные о состоянии законодательства и процесса правотворчества в отрыве от развития.

По глубине исследования:

1. Информационный, направленный на сбор, накопление и распространение информации.

2. Основной, направленный на исследование и выявление новых проблем.

3. Проблемный, направленный на выявление закономерностей и возможных опасностей уже известных проблем в области правотворчества.

Но все указанное выше – теория. Что же необходимо сделать, чтобы в России была наконец создана устойчивая система мониторинга правотворчества?

Во-первых, для реализации поставленной задачи необходимо упорядочить саму систему нормотворочества, эту цель преследуют подготовленные в Совете Федерации три основополагающих закона: «О Федеральном Собрании – Парламенте РФ», «О нормативных правовых актах в РФ», «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов». Председатель Комиссии СФ по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации и один из энтузиастов проведения конференции Геннадий Бурбулис убежден, что предусмотренное в них комплексное регулирование законодательной и иной нормативно-правовой деятельности не только позволит улучшить принимаемые законы, но и ознаменует собой новую эпоху в российском правотворчестве[10]. Также необходим единый нормативно-правовой акт, законодательно закрепивший мониторинг правотворчества как систему. В созданном нормативно-правовом акте могли бы найти отражение положения, определяющие понятие мониторинга, субъектов, осуществляющих его, способы, методы и порядок его осуществления.

Во-вторых, для создания устойчивой системы мониторинга необходимо кадровое обеспечение. Вопрос кадрового обеспечения неоднократно поднимался на мероприятиях инициированных Советом Федерации Федерального Собрания. Предлагались как ва-

[10] *Глазкова Л.* Указ. соч.

рианты обучения новых специалистов, так и варианты целенаправленного переобучения государственных и муниципальных служащих[11].

В-третьих, необходимо постоянно привлекать научное сообщество, проводя конференции, семинары, дебаты и прочее. Также привлечение возможно на постоянной основе путем создания институтов, лабораторий на базах высших учебных заведений. Хотелось бы отдать должное тем мерам, которые применяются сейчас, а именно привлечение к решению этой проблемы ученых, экспертов и специалистов в области права посредством проведения конференций, семинаров. Уже сейчас разрабатываются возможные варианты создания системы мониторинга, способы внедрения ее в правовую жизнь страны.

В-четвертых, координирующую и ситемообразующую роль в создании и функционировании системы мониторинга сыграет издание вестника «Мониторинг права». В настоящее время такой вестник создан, разработана его структура, поступают статьи от различных представителей органов государственной власти, научного и экспертного сообщества[12].

В-пятых, необходимо создание органа или центра, который осуществлял бы мониторинг как вновь создаваемых актов, так и всего законодательства. Создание такого органа должно строиться на началах взаимодействия органов государственной власти и представителей гражданского общества. Целью его создания будет получение объективных данных о состоянии законодательства, разрабатываемых актах, обеспечение их независимой оценки, разработка предложений по их систематизации, исправлению и приведению к взаимному соответствию.

В заключение хотелось бы сказать, что создание устойчивой системы мониторинга правотворчества и законодательства необходимо нашему государству как один из важнейших правовых инструментов для решения экономических, социальных и других назревших проблем. Однако внедрение мониторинга в правовую жизнь страны должно происходить осмысленно, дабы в итоге получилась реально действующая система, а не скомканная пародия.

---

[11] Доклад Совета Федерации федерального собрания РФ 2005 года «О состоянии законодательства в РФ». М.: Совет федерации, 2006. С. 346.

[12] Там же. С. 349.

И. В. Пашинская*

Процессуальная форма и правовая процедура: проблемы разграничения

Процессуальная форма и правовая процедура являются самостоятельными гарантиями реализации прав, свобод и интересов участников правоотношений и представляют собой программу юридического поведения, направленную на достижение социально-полезного результата.

Из анализа существующей литературы можно сделать вывод, что данные термины весьма схожи, и на данном этапе, когда однозначно не решены вопросы относительно понятия и содержания как юридической формы, так и правовой процедуры, необходимо провести разграничение данных категорий, чтобы не допустить их конкуренции в будущем.

Ряд исследователей определяет понятие правовой процедуры методом исключения четырех процессуальных форм (конституционной, гражданской, административной и уголовной)[1]. В этом случае процесс противопоставляется процедуре и тем самым лишается процедурных средств. Вместе с тем, в науке процессуальная форма понимается не только как судопроизводство, а характеризуется более широким подходом в понимании данного термина и не ограничивается исключительно участниками судебного процесса, а включает и иных уполномоченных субъектов. Принципиальное отличие второй интерпретации термина в отождествлении процессуальной формы и системы процедур.

П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев под процессуальной формой понимают «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результа-

---

* ***Иннеса Викторовна Пашинская*** – ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета АГТУ (г. Астрахань).

[1] *Рассахатская Н. А.* Гражданская процессуальная форма: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 16.

© И. В. Пашинская, 2007

та»[2]. Содержание вышеприведенного понятия перекликается с понятием «макропроцедуры» – системы микропроцедур, которая в наиболее общем виде устанавливает порядок осуществления юридической деятельности, направленной на достижение конечного результата реализации норм права и основанных на них материальных правоотношений[3].

Анализ имеющейся литературы показал, что некоторые авторы ограничивают сферу действия процессуальной формы областью правотворчества и правоприменения[4], другие – судопроизводством[5], ряд ученых, наоборот, находит ее во всем многообразии правовых форм деятельности и др.[6] Во всех случаях это правила, требования, условия, порядок осуществления деятельности. На наш взгляд, наиболее верно подметил суть этого института И. М. Зайцев: «Форма – это правовая конструкция нормативного упорядочения деятельности и соответствующих документов»[7]. Процессуальная форма – это универсальный порядок оформления, способ выражения любой юридической деятельности, разумеется, с уче-

---

[2] Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976. С 13.

[3] *Лазарева О. В.* Правовая процедура / Под ред. М. И. Байтина. Саратов, 2004. С. 38.

[4] «Процессуальная форма … проявляется в регламентированном правовом порядке совершения правотворческих операций и правоприменительных действий». *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т.1. М. С. 313, 336–337.

[5] «Содержание юридической процессуальной формы составляют совокупность единых, предусмотренных процессуальными нормами требований, предъявляемых к требованиям участников процесса». *Погребной И. М.* Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. Харьков, 1982. С.7.

[6] Процессуальная форма рассматривается как фактическая сторона процессуальной деятельности и нормативная форма ее опосредования во всем разнообразии ее проявлений (правотворческой, правоприменительной, учредительной, контрольной, надзорной, процессуальной). *Беляев В. П.* О процессуальной форме юридической деятельности // Юрист. 2005. № 8. С. 47–51; «Правовая форма – это специфическая организационная форма деятельности органов государтсва, должностных лиц и иных управляющих субъектов…» Правовые формы деятельности в общенародном государстве / Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 9.

[7] *Зайцев И. М.* Понятие и содержание юридического процесса // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 441–442.

том специфических особенностей той или иной юридической деятельности.

Проблема определения понятия «правовая процедура» также не лишена внимания. Так, О. Лазарева представляет правовую процедуру как особый нормативно-установленный порядок осуществления юридической деятельности, обеспечивающий реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями[8]. Однако вопрос о понятии юридической процедуры до конца не решен, поскольку не сняты противоречия между сторонниками так называемых «узкого» и «широкого» пониманий процесса. Первые понимают процесс как судопроизводство (Н. Г. Салищева, Н. П. Полянский, В. М. Савицкий и др.), что ограничивает, истощает понятие юридического процесса. Сторонники второй точки зрения отождествляют процесс и процедуру (В. Н. Протасов, А. И. Ким, О. В. Лучин, Ю. И. Мельников и др.), что, по выражению С. С. Алексеева, приводит к обескровливанию, выхолащиванию этого богатого и содержательного понятия.

Наиболее отвечающим современным правовым реалиям представляется широкое понимание, хотя за время своего существования не нашел подкрепления ни в нормах права, ни в сознании людей тезис о тождественности «процесса» и «процедуры». Так, во всей нормативно-правовой базе мы легко выделяем уголовный процесс, а внутри него – процедуру возбуждения уголовного дела, процедуру предварительного следствия, процедуру допроса и др.; гражданский процесс составляют процедура вынесения судебного приказа, или процедура подачи искового заявления, юридическая процедура обеспечения прав и свобод человека и гражданина, медиации и др.; внутри судебного процесса мы можем выделить судебную процедуру; распространены процедуры, не зафиксированные в самостоятельных процессуальных документах: процедура ратификации, согласительная процедура, консультационная процедура или процедура банкротства.

Юридическая процедура представляет собой порядок действий при реализации правовых норм. Внутри юридического процесса может находиться множество различных юридических процедур. Юридическая процедура – это гарантия обеспечения прав, свобод

---

[8] *Лазарева О. В.* Правовая процедура / Под ред. М. И. Байтина. Саратов, 2004. С. 38.

и интересов участников правоотношений, представляющая собой программу юридического действия, направленного на достижение необходимого, социально-полезного результата, модель которого заложена в норме права.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что процессуальная форма и юридическая процедура имеют некоторое сходство:

• они закреплены в нормах права;

• являются юридическими гарантиями соблюдения прав и свобод человека и гражданина;

• упорядочивают, регламентируют юридическую деятельность;

• направлены на достижение конкретного материально-правового результата;

• их невыполнение влечет юридическую ответственность, указанную в санкции соответствующей статьи.

Но несмотря на определенную близость этих понятий, они имеют отличия:

• процессуальная форма является категорией более широкой и обобщенной, по сравнению с юридической процедурой, так как устанавливает общие закономерности, принципы процессуальной деятельности;

• процессуальная форма – это внешняя сторона, оформление юридической деятельности в реальных действиях субъектов права, в документах, тогда как процедура является одним из составляющих внутреннего содержания процессуальной формы – порядком осуществления конкретного юридического действия;

• понятие процессуальной формы восходит из классических процессов, ведь впервые эта категория начала разрабатываться именно процессуалистами. Процессуальная форма носит юрисдикционный характер[9] и наиболее ярко она проявляется именно в судебном процессе. Процедура уверенно используется в любом направлении правовой деятельности;

• сравнивая различные определения, можно констатировать, что процессуальная форма регулирует исключительно процессуальные отношения, регламентируется процессуальными нормами и действует в процессуальной сфере, юридическая процедура же опирается как на материальные, так и на процессуальные нормы.

---

[9] *Пелевин С. М.* Еще раз о «едином гражданском процессуальном праве» // Правоведение. 1998. № 1. С. 83.

М. А. Пискунов*

Понятие принципов права

Принципы есть отражение важнейших сторон практической деятельности субъектов общественных отношений: «Не природа и общество сообразуются с принципами, а наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [1, с. 37].

Общелингвистический смысл термина «принцип» дан в словаре Ожегова С. И. [2]. Принцип – это основное, исходное положение теории, учения, мировоззрения, убеждения, взгляда на вещи либо основной особенности в устройстве чего-нибудь.

В принципах права могут выражаться экономические, политические, нравственные устои существующего общественного строя. Это группа общесоциальных принципов, таких как демократизм, гуманизм и др. [3]. К другой группе принципов, именуемых специально-юридическими, относятся принципы юридического равенства, ответственности за вину, единства юридических прав и обязанностей, законности [3].

Общесоциальные и специально-юридические принципы могут действовать эффективно лишь во взаимодействии друг с другом.

Принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни. Они аккумулируют в себе наиболее характерные черты права, определяя его юридическую природу. Принципы права лежат в основе деятельности правового государства, всех органов государственной власти. Руководствуясь ими, государство обеспечивает социально- экономические, политические и личные права и свободы своих граждан, гарантирует выполнение ими юридических обязанностей [4].

Исторически принципы права появились значительно позже его норм, первоначально существовавших в виде обычая. Для обычая норма служила характеристикой фактического положения ве-

---

* ***Максим Авенирович Пискунов*** – директор ООО Научного-производственного предприятие «Технокон» (г. Екатеринбург).

© М. А.Пискунов, 2007

щей: «От фактического к нормативному – вот процесс, вот линия развития, в рамках которых формируется право и результатом которых являются нормы» [5].

Принципы права позволили придать правовому регулированию научность и значительно повысили его результативность. Они обладают высшей степенью абстрактности по сравнению с конкретными юридическими нормами, способствуют юридическому закреплению существующих социальных отношений и дают возможность сознательно и планомерно воздействовать на деятельность людей.

Внутренняя функция принципов права состоит в том, что они воздействуют на систему юридических норм, обеспечивая ее непротиворечивость и согласованность.

Внешняя функция принципов права заключается в непосредственном регулировании поведения субъектов общественных отношений, в том числе при пробелах в законодательстве и при противоречии конкретных норм общим началам законодательства.

Принципы права подразделяются на виды в зависимости от того, на какую область правовых норм они распространяются. Существует три основные группы принципов права: общие, межотраслевые, отраслевые.

1. Общие принципы – это основные начала, которые определяют наиболее существенные черты права в целом, его содержание и особенности как регулятора всей совокупности общественных отношений. Они распространяются на все правовые нормы и с одинаковой силой действуют во всех отраслях права независимо от характера и специфики регулируемых ими общественных отношений.

К числу общих принципов права относятся:

- Принцип социальной свободы.
- Принцип социальной справедливости.
- Принцип демократизма.
- Принцип гуманизма.
- Принцип равноправия.
- Единство юридических прав и обязанностей.
- Принцип ответственности за вину.
- Принцип законности.

Общие принципы тесно связаны между собой [4].

Кроме того, общеправовые принципы можно разделить на морально-этические, или нравственные, и организационные. Первая

группа образует нравственную основу права, его духовный фундамент. Вторая группа общих принципов составляет организационно-процедурную основу права, ориентированную на обеспечение его роли как особого, государственного регулятора общественных отношений, выполнение правом его специфически юридических функций. Согласно концепции единства естественного и позитивного права морально-этические (нравственные) принципы современного российского права составляют естественные законы, символизирующие основные фундаментальные права человека и гражданина, закрепленные в провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека.

2. Межотраслевые правовые принципы – это принципы, которые выражают особенности нескольких родственных отраслей права. Например, гласность судебного разбирательства при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

3. Отраслевые правовые принципы – это принципы, характеризующие наиболее существенные черты конкретной отрасли права. Например, принципом гражданского права является равенство сторон в имущественных отношениях [4].

Вывод: принципы права – это закрепленные в различных его источниках или выраженные в устойчивой юридической практике общепризнанные основополагающие идеи, адекватно отражающие уровень познания общесоциальных и специфических закономерностей права и служащие для создания внутренне согласованной и эффективной системы юридических норм, а также для непосредственного регулирования общественных отношений при пробелах и противоречиях в праве.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20.

2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1998. – С. 597.

3. *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. – М.: Юрид. лит., 1978.

4. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права: Учеб. пособие для высших учебных заведений / Под. ред. профессора В. Г. Стрекозова. – М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 2002.

5. *Неновски Н.* Право и ценности. – М.: Прогресс, 1987.

*И. А. Протасова**

Формирование нравственно-правовых ценностей личности в процессе семейного воспитания

Особую роль в процессе первичной правовой социализации личности играет семья. Институт, посредством которого ценности культуры передаются от одного поколения к другому. Семья, по сравнению с другими социальными институтами, быстрее и эффективнее приобщает ребенка к социальной жизни, оказывая на него психолого-педагическое воздействие. Семья и ближайшее окружение, какими бы недостатками они ни обладали, – утверждал американский философ, социолог и педагог Дж. Дьюи, – всегда будут главными агентами воспитания, образования, под чьим воздействием «постоянно формируются общие установки и усваиваются идеи, образующие основу характеров». Самая дурная семья, писал философ и педагог В. В. Зеньковский, оставляющая много ран в душе ребенка, во многих отношениях несоизмеримо лучше самой прекрасной, но не семейной воспитательной среды. «Семья решительно незаменима». Семья, по образному выражению педагога, окружает ребенка в ранние годы «тесной социальной оболочкой». Именно в семье дети приобретают первый социальный опыт, учатся «социальному ориентированию; в ней развертываются первые социальные замыслы ребенка, приобретается вкус к социальному сближению».

В современной отечественной литературе (Э. А. Абашин, Ю. П. Азаров, И. П. Гришин, И. В. Гребенников, С. И. Голод, В. М. Дружинин, И. Ф. Дементьева, Ю. А. Королев, А. М. Прихожан и др.) семейную социализацию рассматривают, с одной стороны, как подготовку к будущим семейным ролям, а с другой – как процесс формирования социально компетентной, зрелой личности, наделенной определенной системой ценностей, в том числе правовых.

* ***Ирина Анатольевна Протасова*** – канд. педаг. наук, доцент кафедры права и методики его преподавания УрГПУ (г. Екатеринбург).

© И. А. Протасова, 2007

Семья как социально-психологическая целостность оказывает стимулирующее воздействие на личность посредством прямого (нормативного) и косвенного воздействия. Нормативное влияние предписывает определенные образцы, модели поведения, что позволяет действовать в соответствии с принятыми в данной социокультурной среде и усвоенными личностью стереотипами. Однако более значимым, по мнению многих западных исследователей, является косвенное воздействие семьи на процесс становления личности ребенка, его политической и правовой культуры (К. Витек, У. Гуд. Р. Кеннинг, Л. Руссель, В. Сатир, Р. Флетчер и др.). В работах современных отечественных авторов также признается, что на развитие ребенка в семье в большей мере влияет сама семейная ситуация, взаимоотношения родителей, стиль семейной жизни, нежели целенаправленное воздействие взрослых воспитателей. Внутрисемейные отношения, нравственно-психологический климат семьи стоят на первом месте в ряду факторов ранней социализации личности.

Характеризуя действие таких механизмов семейного воспитания, как подражание, имитация и идентификация, педагог А. С. Макаренко писал, обращаясь к родителям: «Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома». Для ребенка нравственно-правовые ценностные ориентации, закон персонифицированы в фигурах родителей. Именно от них он узнает, каким образом следует себя вести в различных ситуациях, имеющих правовой характер, копирует модели социального поведения. Однако степень и глубина усвоения образцов поведения, нравственно-правовых установок в значительной мере зависит от отношения ребенка к близким ему людям – носителям определенных ценностных ориентаций. При положительном эмоциональном отношении к родителям ребенок усваивает (в соответствии с механизмом эмоционального переноса) не только конкретное содержание процесса общения, но и отношение взрослых к предметам, явлениям, их образ мышления, мировоззрение, а также привычки, вкусы и даже походку. При этом, естественно, перенимаются и те нравственно-правовые ценности, носителем которых является тот или иной человек. При негативном отношении ребенка к родителям отвергаются не только они сами, но и та система ценностей, носителями которых они являются, что в последующем может при-

вести к переориентация ребенка на людей с другой, часто противоположной, системой ценностей и идеалов.

Процесс правовой социализации не сводится к формированию у растущей личности представлений о должном, нормативном поведении; параллельно этому у него вырабатываются представления о его собственных правах. Причем в ходе общения с родителями, сверстниками, взрослыми ребенок вначале апеллирует к неким нравственным нормам, к чувству справедливости, которые ощущает, но еще не может четко сформулировать. В наиболее концентрированном виде сфера нравственно-правовых отношений ассоциируется у него с понятием справедливости в ситуации столкновения должного и желаемого. Поведение взрослых в таких ситуациях весьма поучительно. Известно, отмечает Е. В. Татаринцева, что некоторые воспитатели детских садов, родители, учителя младших классов не всегда считают нужным или просто не желают «разбираться в конфликтах детей, несправедливо строго относятся к одним и незаслуженно ласково к другим. В глазах детей это не что иное, как ярко запоминающиеся уроки беззакония, произвола, больно ранящие обижаемого ребенка». При повторении подобной фрустрирующей ситуации, делает вывод автор, накапливающаяся у ребенка раздражительность провоцирует новые конфликты, а впоследствии может найти выход в правонарушении. В более старшем возрасте приходит понимание того, что права ребенка зафиксированы определенными законами и традициями общества, которым взрослые (родители, учителя) обязаны подчиняться независимо от того, нравится это им или нет.

Особая роль в семейной социализации личности отводится тем социальным условиям, в которых протекает данный процесс. Отмечается, что явления политического, экономического, демографического, социально-психологического характера, происходящие в обществе, главным образом детерминируют поведение человека, определяют его сущность и характер. При соответствующих условиях именно они вызывают такое негативное явление, как рост количества так называемых неблагополучных (кризисных) семей или семей социального риска, где родители по тем или иным причинам не создают условия, способствующие успешной социализации личности ребенка.

В криминологической виктимологии (М. А. Алемаскин, С. В. Басурин, В. И. Белослудцев, А. И. Долгов, Г. М. Маньковский С. Л. Сибиряков, Д. А. Шестаков и др.) обращается внимание на

то, что в большинстве случаев криминогенным фактором, обусловливающим противоправное (делинквентное) поведение несовершеннолетних, является кризисная неблагополучная родительская семья. Именно она чаще всего и наиболее интенсивно формирует личность, способную совершать преступления. Отмечается, что в кризисных семьях широко наблюдается рост различных проявлений жестокости по отношению к детям, некорректных, унижающих человеческое достоинство приемов воспитания.

Ряд исследований указывают на то, что процесс правовой социализации детей из кризисных семей совершенно иной, чем детей из благополучных семей. Проживая в дисфункциональных семьях, они сталкиваются с множеством травмирующих ситуаций, стрессов, насилием (психическим, физическим, сексуальным), и эти ситуации не проходят для них бесследно, оставляя в психике ребенка глубокий след. Дети из неблагополучных семей, встречаясь с препятствиями на пути развития, часто прибегают к психологической защите в виде различных видов отклоняющегося поведения, в том числе делинквентного, как усвоенного с раннего детства стереотипа поведения. Эти дети в играх и повседневной жизни прибегают к темам насилия, повторяют их многократно, пренебрегая запретами и социально-правовыми нормами. В будущей взрослой жизни они становятся носителями правовой антикультуры, правового инфантилизма и нигилизма.

Е. С. Резник*

«Жизнь» как правовая ценность

Понятие «человек» неразрывно связано с понятием «жизнь», которое, в свою очередь, обладает множеством граней, а следовательно, имеет множество определений. В рамках различных наук и научных направлений представлениями о приоритетности тех или иных аспектов Жизни предопределяются содержательные характеристики, которые медики, философы, социологи и психологи считают необходимым отразить в рамках определения. Тем не менее, Жизнь объективно не меняет своего содержания в зависимости от уровня развития общества в целом и научных подходов в частности.

Многоаспектность самой Жизни порождает, в том числе, серьезные правовые проблемы. Прежде всего, эти проблемы связаны с отсутствием единого понимания Жизни как юридической категории и с неопределенностью ее временных границ. Вследствие этого российское законодательство предусматривает меры защиты и регулирует общественные отношения по поводу того, что не определено ни по содержанию, ни по времени.

В частности, как в законодательстве России, так и в законодательствах других государств содержатся положения, которые защищают интересы человека до его рождения, несмотря на то, что нерожденный ребенок субъектом права не признается. Так, согласно ст. 1116 Гражданского кодекса РФ наследниками могут быть, в том числе, дети наследодателя, зачатые при его жизни и родившиеся живыми после его смерти. Статья 17 Семейного Кодекса РФ, воспроизводя норму, содержавшуюся в КоБС, устанавливает существенное ограничение прав мужа, которое касается предъявления требования о расторжении брака. По-разному решаются вопросы относительно допустимости или необходимости полного отказа от эвтаназии, прерывания беременности и т. д.

---

* ***Елена Сергеевна Резник*** – магистр частного права, зам. декана юридического факультета по практике Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Е. С. Резник, 2007

Более того, анализ действующего российского законодательства свидетельствует не только о наличии противоречий, но и о значительном отставании правового регулирования от быстро развивающихся общественных потребностей, в том числе вызванных стремительным развитием наук (трансплантологии, фармакологии, реаниматологии, генетики, эмбриологии). Предлагаемые законодателем формулировки не позволяют решить актуальные вопросы, а в некоторых случаях имеет место правовой вакуум, например, в сфере использования репродуктивных технологий и их последствий. Отсутствие соответствующей правовой регламентации свидетельствует не о том, что воздействия права в указанной сфере не требуется, а наоборот, о недостаточном уровне правовой регламентации. Нельзя также не отметить, что несовершенство законодательства дает возможность различным субъектам для злоупотреблений своими правами и нарушения прав других.

Таким образом, представляется необходимым изменить подход к Жизни и, соответственно, к праву на Жизнь. В частности, Жизнь должна рассматриваться как совокупность биохимических процессов, протекающих в организме, определяющая его развитие, размножение, питание, отношение с внешней средой, возникающая в момент слияния мужской и женской половых клеток и образования единого ядра и прекращающаяся в момент гибели всего головного мозга (смерть мозга).

Исходя из предложенного понимания право на Жизнь, как субъективное право каждого человека, представляет собой вытекающую из природы человека, обеспечиваемую государством меру свободы индивида определять в своих интересах собственное поведение по сохранению и распоряжению Жизнью, а также требовать от третьих лиц определенного поведения или воздержания от него. Соответственно, главным критерием, который в дальнейшем позволит определить правомочия, составляющие основное право, и решить многие другие вопросы, является воля управомоченного лица.

Что касается содержания основного права, то к его элементам, имеющим частноправовую направленность, вследствие приоритета воли управомоченного лица (реальной или разумно предполагаемой) следует отнести правомочия на сохранение Жизни (в том числе, на рождение и спасение Жизни) и распоряжение Жизнью (поставление Жизни в опасное положение, самоубийство и прекращение Жизни в форме эвтаназии (пассивной и активной). На основании изложенного необходимо признать, что человек имеет право родиться, то есть прерывание беременности представляет со-

бой узаконенное лишение Жизни, а также право самостоятельно решать вопрос о прекращении своей Жизни в форме эвтаназии, безусловно, при определенных условиях, с соблюдением жестких требований к процедуре.

В целом, обращаясь к естественно-правовой теории, утверждающей идею, что «человек обладает прирожденными правами, которыми он наделяется самой природой и которые только фиксируются в государственных законодательных актах»[1] , следует признать, что «независимость» естественного права на Жизнь от законодателя носит условный характер. Идеализировать ситуацию и говорить, например, о том, что в догосударственный период истории человечества существовало право на Жизнь в современном значении, то есть имели место правовые возможности, обеспечивающие «реализацию» и охрану Жизни, безосновательно. Соответствующие правовые возможности появляются, когда человечество достигает определенного уровня развития и когда появляется механизм, позволяющий их реализовать.

Подводя итог, следует отметить, что право на Жизнь, в отличие от самой Жизни, связано с нормативным регулированием, в то время как Жизнь, в понимании совокупности биохимических процессов, с момента возникновения до прекращения самообусловлена и зависит только от определенных внешних факторов, к которым не относится правотворчество в любых формах. Нельзя не согласиться с точкой зрения о том, что право на Жизнь, как и любое другое субъективное право, приобретает ценность только в государстве.

Таким образом, несмотря на то, что сама Жизнь человека, как совокупность биохимических процессов, не изменяется с течением времени, тем не менее, меняется отношение к ней и, следовательно, представления относительно набора правомочий, составляющих основное право, а также подходы к регулированию соответствующих отношений. При этом нельзя забывать, что Жизнь – это безусловная и, по большому счету, единственная ценность, которой обладает человек, что, в свою очередь, требует от законодателя не решения сиюминутных проблем, а взвешенного подхода, результатом которого должен стать механизм, обеспечивающий максимально возможный уровень защиты интересов конкретного человека.

[1] *Иоффе О. С.* Цивилистическая доктрина промышленного капитализма. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 83.

Е. А. Рыболова*

Проблема ценности личности на фоне многовековой истории доносительства

Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22). Это конституционное положение нашло отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет двуединую цель защиты прав и законных интересов личности от преступлений и, одновременно, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Защита основных ценностей и норм общества, к которым относятся в первую очередь права человека, соответствует стандартам, содержащимся в международно-правовых актах. Властные участники осуществления правосудия призваны последовательно и неотступно применять предусмотренные законом меры для отказа в преследовании и наказании невиновных, заглаживания вреда и реабилитации незаконно пострадавших.

Вся история взаимоотношений власти и общества в России строилась на недоверии и попытках со стороны государства установить жесткий контроль за жизнедеятельностью его членов. В этой связи создавались различные механизмы, которые помогали властным структурам осуществлять наблюдение за населением и получать необходимую информацию о проступках, предполагающих наказание. Одной из наиболее ранних и довольно устойчивых технологий массового контроля выступает доносительство. Данное явление, пройдя через различные исторические эпохи, эволюционируя, изменяя роль и функцию, моральный статус, приобрело свою специфику.

Истоки института доносительства берут свое начало еще в период междоусобицы, когда интриги держали русских князей в постоянном напряжении. Чтобы обезопасить себя, необходимо бы-

* ***Елена Анатольевна Рыболова*** – канд. истор. наук, ассистент кафедры Российской истории (г. Белгород).

© Е. А. Рыболова, 2007

ло вовремя узнать о заговоре. С этой целью в процессе укрепления Московского государства великие князья, стремясь закрепить переходивших к ним служилых людей, включали в «укрепленные грамоты» положения не только о верности, но и об обязанности доносить о замыслах против князя. Донос, таким образом, становился формой проявления лояльности новому правительству.

Позднее доносительство было закреплено законодательно. Соборное уложение 1649 г. включило уже традиционную норму о доносе, дополнив ее наказанием за недонесение. Причем обязанность политического доноса лежала и на всех родственниках изменника[1]. В тот период закон о доносе распространялся только на государственные преступления. К их числу, согласно уложению, относили преступления против жизни и здоровья государя, измену, например, бегство за рубеж, сдачу врагу крепости ее комендантом, заговор или переворот[2].

Петр I резко раздвинул рамки преступлений, называемых государственными. При нем явно наметилась тенденция подводить под государственные преступления всякие, совершаемые вопреки государственным законам поступки, начиная с должностных преступлений и казнокрадства и заканчивая неявкой на смотр и службу и рубкой заповедных лесов. Каждый был обязан, под страхом наказания, донести о совершенном или готовящемся преступлении. Даже священник, не донесший на прихожанина, мог подвергнуться за это смертной казни.

Превращение доноса во всеобщую традицию стало следствием, во-первых, создания в 1711 г. государственной системы доносительства в лице специальных государственных чиновников – фискалов. «Принципы его деятельности, освященные авторитетом государства, стали образцом, моделью поведения простых подданных. Само существование института фискальства должно было воодушевлять доносчиков всех мастей»[3]. Во-вторых, нормой стало материальное поощрение за донос, являющийся теперь не только формой проявления лояльности, но и способом обогащения. В-третьих, государственным органам предписывалось самым тщательным образом относиться к доносам и содействовать доносчикам.

[1] Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 21.
[2] *Анисимов Е.* Россия без Петра. СПб., 1994. С. 303.
[3] *Там же.* С. 378–385.

В XIX веке возникает идея воспитания доносчика с юных лет. Проект подготовки шпионов предлагал Александру II отставной офицер и бывший агент Третьего отделения И. Липранди. Он указывал на необходимость начать работу в самом юном возрасте, с гимназии: обратить внимание на гимназистов, которые доносят на товарищей, поощрять их, помогать им после вступления в университет, а после окончания учебы брать как опытных и образованных агентов в полицию. Александр II отверг проект[4]. Возможно, такой ответ императора связан с тем, что в среде знатных и образованных людей XIX века слово «донос» все же имело негативную моральную окраску.

В период революции негативное отношение к доносу закрепляется и даже усиливается. В дискуссии о партийной этике 20-х гг. были перечислены «болезни» партийной среды. Такой «болезнью» считались случаи сведения счетов путем доносов[5].

Культуру доносительства ожидал новый расцвет в сталинскую эпоху, когда брошенный однажды лозунг: «Каждый гражданин – сотрудник НКВД» многим не казался диким. В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в обыденном языке. Казенный язык предпочитал заменять этот глагол другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» и т. п., однако содержание не изменялось. Общественная мораль XX века, несмотря на усилия властей, по-прежнему осуждала доносительство[6].

Таким образом, донос становится частью российской политической культуры еще в Древней Руси, не единожды закрепляется законодательно на протяжении столетий. Как результат, нет ничего особо странного в том, что средний россиянин не испытывает доверия к власти как таковой. В этой ситуации нельзя сильно винить и российскую власть за то, что она пытается контролировать такое общество, в котором слабо было сформировано чувство гражданской ответственности. Другое дело, что подавление любых ростков реального гражданского общества, успешно практиковавшееся на протяжении разных исторических эпох, также не спо-

[4] *Геллер М.* Машина и винтики. М., 1994. С. 198.
[5] Партийная этика. Дискуссии 20-х гг. М., 1989. С. 12.
[6] *Кимерлинг А. С.* Донос как форма политического присвоения: историческая проекция / Пермский государственный технический университет. http://www.auditorium.ru/

собствовало возникновению и утверждению уважительного отношения к личности.

Однако с провозглашением демократических постулатов в нашем обществе пока мало что изменилось. Можно было бы заключить, что прошло слишком мало времени, чтобы говорить о привитии нашим соотечественникам представлений о ценности личности и ее правах. Но, как показывает практика, и в демократической Америке широко практикуется доносительство, в результате чего любого чиновника, обвиненного в недемократичности или отсутствии политкорректности, могут просто уволить или не продлить трудовой контракт. Кроме того, во многих демократических странах существуют доносы, которые государство поддерживает. Есть так называемые «охотники», которые добровольно за определенное вознаграждение сообщают в налоговое ведомство о сокрытии доходов. Причем общественное мнение достаточно терпимо, а иногда и с пониманием относится к подобному занятию.

Поэтому можно заключить, что проблема ценности личности решается не только с распространением правовой и политической грамотности среди граждан, а и с утверждением четких нравственных законов в современном обществе. Только в этом случае, признав в том числе опасность моральной чумы доносительства, преодолев ее, отказавшись от двойных стандартов, возможно создать общество, безоговорочно признающее ценность личность и ее права.

А. П. Семитко*

Французская кухня и политкорректность: может ли благотворительность нарушать права человека?

Франция славится своей прекрасной, тонкой кухней – это факт общеизвестный. Здесь есть свои традиционные блюда: лягушачьи лапки, улитки, жирная гусиная или утиная печень – «фуагра», необыкновенное многообразие сыров, вина, хлеба и прочего. Выдающиеся повара занимают в общественном сознании место почти такое же, как известные спортсмены или звезды эстрады, проводятся конкурсы среди лучших представителей этой профессии, об их жизни и деятельности широко повествуют средства массовой информации и т. д., и т. п. Отличается Франция и своей особенной политической и правовой «кухней». Может ли последняя влиять на первую – вопрос, который возникает после ряда событий и соответствующих судебных решений, ставших достоянием французской и европейской общественности в конце 2006 – начале 2007 года. Сохранится ли, другими словами, все это богатство французской кухни, ее многообразие и специфика (как и вся французская культура в целом) под напором современных политических и правовых реалий?

Вопрос этот – не праздный в контексте более общей проблемы культурных оснований права и правовых систем. Так, например, французский сыр с плесенью противоречит представлениям институтов Европейского Союза о вкусной и здоровой пище и потому эти институты не раз уже требовали запретить его производство во Франции; требуют изменить поддерживающую строгие нормы французского виноделия систему обозначения происхождения вин в силу ее сложности для не французского потребителя; против на-

---

* ***Алексей Павлович Семитко*** – декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), ассоциированный профессор университета Клермон-Ферран (Франция).

© А. П. Семитко, 2007

сильственного откармливания гусей и уток для получения сверхжирной печени выступают защитники прав животных; есть и некоторые другие серьезные вызовы для французской культуры в целом со стороны современной глобализующейся мультикультурной политики и права.

Французская политико-правовая «кухня» привела уже сегодня к тому, что основательно изменилось меню всех публичных учреждений – в особенности школ, вузов, больниц, тюремных заведений. В них сегодня стараются избегать приготовления пищи с использованием продуктов, не приемлемых для лиц других вероисповеданий: теперь из меню исключают свинину, так как она противопоказана ряду нехристианских конфессий (главным образом, речь идет о мусульманах, так как для правоверных иудеев важен не только запрет (или дозволение) продукта, но и способы приготовления дозволенных продуктов питания, поэтому просто исключение запрещенной для них свинины из меню не делает пищу кошерной, то есть не делает ее приемлемой для правоверного иудея). Если свинину все-таки включают в меню указанных заведений (так как это мясо является традиционным для Франции, весьма распространенным и наиболее дешевым), то при этом обязательно готовятся другие блюда, приемлемые, в частности, и для мусульман.

Хорошо известно, что Франция, хотя и является по своим культурным корням страной христианской, тем не менее – государство светское, где давно провозглашена свобода совести (впервые в 1789 г.) и затем проведено отделение церкви от государства (в 1905 году был принят специальный закон), поэтому кажется, что религиозные продуктовые запреты или дозволения – это личное дело каждого человека, свободно и добровольно избравшего то или иное вероисповедание. Однако нет – политико-правовая корректность, всесторонняя борьба с дискриминацией, имеющие в основе своей (для данного случая) исключительно моральное требование проявлять особую заботу о религиозных чувствах верующих, приводят к тому, что французская публичная кухня претерпела и продолжает претерпевать серьезные изменения.

Другим примером влияния политико-правовой «кухни» на кухню обычную является принятый в тех же публичных учреждениях «рыбный» день – не в пятницу и среду, что является традиционным для христиан, а в четверг, ибо этот день недели является религиозно нейтральным, а значит политически и юридически корректным, ибо лишен какой бы то ни было коннотации с христианскими обы-

чаями. Ведь если кормить людей рыбой в пятницу, кто-то может подумать (и если он – верующий нехристианин, то его религиозные чувства могут быть, как считают политически корректные государственные деятели, ущемлены), что это явное предпочтение для христиан, которых пока еще в Европе большинство, и потому дискриминация всех остальных – не христианских – вероисповеданий. То, что государство во Франции – светское, и то, что у каждой религии свои пищевые запреты и дозволения, которые при этом принимаются самими верующими свободно и добровольно, а потому и не должны бы, собственно, волновать светское государство, вызывать у него какое-либо беспокойство (разумеется, одинаково по отношению ко всем конфессиям, ибо угодить всем, как будет показано ниже, просто невозможно) – этот факт, кажется, ни для кого уже не важен. Установление «рыбного» дня в религиозно нейтральный день недели – вот типичное решение, характерное для светского государства, которое пытается быть политически и юридически корректным. И такое решение, как представляется принимающим его, никого не обижает, никого не дискриминирует, однако приводит к изменению культурных образцов и норм, исторически сложившихся в данной стране, в данной социокультурной общности.

С другой стороны, остается открытым вопрос о том, почему в одном случае из меню исключают свинину либо предоставляют на выбор нечто иное, а в другом случае – по средам и пятницам – никто и не думает наряду с иными блюдами включать в меню рыбу, для того чтобы проявить уважение к религиозным чувствам лиц христианского вероисповедания, создав и для них возможности принимать постную пищу в указанные дни недели (и для того, чтобы быть «симметричным», то есть одинаково толерантным к разным религиям: для одних исключаем из меню свинину, а для других предоставляем возможность принимать постную пищу в постные дни). Более предпочтительной – одинаково не дискриминационной – была бы поэтому ситуация симметричного и адекватного молчания государства по поводу пищевых запретов и дозволений любых религиозных учений. Если же государство будет защищать только какое-то одно учение, то уже сама по себе такая практика представляет собой дискриминацию по отношению к остальным. А может быть те, кто составляют большинство, не нуждаются в повышенной защите (хотя лица, соблюдающие рыбный пост по средам или хотя бы только по пятницам, вряд ли составляют большинство в странах, имеющих христианские корни)?

В конце 2006 – начале 2007 года во Франции принято несколько административных и судебных решений, которые представляют несомненный интерес с точки зрения проблемы социокультурных оснований права и прав человека.

Благотворительная организация «Солидарность французов» (в дальнейшем «СФ») уже несколько лет организует в зимнее время пункты горячего питания для поддержки бедных, бездомных соотечественников, в особенности в рождественские праздники (подобные организации действовали не только в Париже, но и в Страсбурге, Ницце, других городах). Цель ее, таким образом, состоит в помощи лицам, которые на официальном языке называются лицами «без определенного места жительства»[1]. Организация предлагает им традиционный галльский суп из свинины, который является частью привычной для Франции кулинарной культуры и продуктом питания большинства населения, обычно используется для вспомоществования бедным. Последнее связано с тем, что свинина – это наиболее распространенный, привычный и наиболее дешевый (из мясных изделий) продукт, однако содержит большое количество энергии, калорий, необходимых нуждающимся людям в холодное зимнее время.

Мэр города Парижа, член Социалистической партии Франции, Бертран Деланное, городской Совет Парижа, префектура городской полиции, Министерство внутренних дел, Высшая властная инстанция (самостоятельный и независимый административный орган во Франции, созданный по закону № 2004-1486 от 30 декабря 2004 г.) по борьбе с дискриминацией и, в конце концов, Государственный совет Франции обвинили данную благотворительную организацию в создании угрозы публичному порядку по причине наличия у ее организаторов дискриминационных интенций, мотивов и запретили устраивать пункты горячего питания для бедных. Коммунистическая партия Франции также осудила подобную практику и потребовала распустить данную благотворительную организацию, и поэтому в настоящее время власти изучают вопрос о запрете ее деятельности и о возможности ее ликвидации.

Дискриминация, по утверждениям властей, состоит в том, что бесплатная раздача бедным и бездомным людям галльского супа

[1] Аббревиатура названия данной организации – SDF («Solidaritй des Franзais») – полностью совпадает с французской же аббревиатурой обозначения лиц «без определенного места жительства» («sans domicile fixe»).

из свинины исключает из числа возможных его потребителей лиц мусульманского и иудейского вероисповедания, которое не позволяет их адептам употреблять в пищу еду, приготовленную на основе свинины.

Более подробное описание фактов и их юридическая квалификация содержатся в постановлении высшего административного суда страны – Государственного Совета Франции[2], – и в прессе приводились не только выдержки из этого решения, но и всевозможная дополнительная информация (не будем рассматривать попытки властей запретить эту благотворительную деятельность в предыдущие годы и в других городах Франции)[3]. Так, 28 декабря 2006 года префект полиции г. Парижа запретил благотворительной ассоциации «СФ» производить раздачу супа по указанным выше основаниям. Ассоциация обжаловала этот запрет в административный суд (трибунал) Парижа, который 2 января 2007 г. приостановил упомянутое выше распоряжение главы полицейского ведомства, поскольку не получил от последнего каких-либо доказательств фактической дискриминации ассоциацией каких бы то ни было лиц, и расценил, что запрет бесплатной раздачи бедным и бездомным горячего супа, приготовленного из свинины, ущемляет фундаментальные права и свободы. Тогда Министерство внутренних дел обжаловало решение административного суда Парижа в Государственный совет Франции, который и вынес 5 января 2007 г. окончательное решение по данному вопросу.

Министерство в своем обращении в Государственный совет указало, что раздача «галльского супа» бедным в общественных местах носит дискриминационный характер, унижает человеческое достоинство, так как исключает лиц тех вероисповеданий, религиозные предписания которых не позволяют употреблять в пищу свинину. По этой причине решение префекта полиции г. Парижа, запретившее раздачу супа, не посягало на фундаментальные права и свободы, как утверждает это благотворительная организация «СФ», но, напротив, судья административного суда Парижа со-

[2] См.: http://www.conseil-etat.fr/ce/jurispd/index_ac_ld0656.shtml

[3] Практически вся основная французская пресса (и даже франкоязычная бельгийская, алжирская и др.) откликнулась короткими заметками на данное событие. См.: Le Mond, Le Figaro, L'Express (выпуски от 6 января 2007 г.), Liberation от 5 января 2007 г., L'Humanitй от 8 января 2007 г., 20 minute от 2 и 5 января 2007 г. и т. д.

вершил юридическую ошибку, приняв решение с противоречивой мотивацией и не учтя угрозы публичному порядку, исходящей из целей деятельности этой организации.

Благотворительная ассоциация «СФ» в своем ответе указала, что запрет префекта полиции на ее благотворительную деятельность посягает на фундаментальные права и свободы, поскольку ее деятельность не запрещена никакими законами или регламентами. Кроме того, полицейское ведомство не представило в суд никаких доказательств дискриминационной деятельности ассоциации, которая не отказывала в раздаче супа каким бы то ни было лицам, к ней обращающимся; ни одна мусульманская или иудейская организации не протестовала против раздачи галльского супа бедным, и потому, с точки зрения представителя «СФ», нет и не было никакой угрозы публичному порядку. По этим причинам запрос Министерства внутренних дел является беспредметным. В выступлении адвоката «СФ» было заявлено, что если мусульмане отказывались есть суп из свинины, им предлагалась другая пища и что, с другой стороны, если кто-то не желает есть свинину, он всегда может обратиться за помощью к благотворительным мусульманским организациям, которые имеются в городе и также помогают бедным, готовя для них соответствующую их религиозным обрядам пищу.

Государственный совет отметил противоречивость мотивации суда нижестоящей инстанции, заключающуюся в том, что, с одной стороны, эта инстанция указала на потенциальную возможность дискриминации, поскольку не все лица могут воспользоваться раздачей супа, а с другой стороны, указала, что запрет префекта полиции серьезно и явно не законно нарушает фундаментальные права и свободы, так как деятельность ассоциации «СФ» не несет угрозы публичному порядку. Госсовет посчитал, что оспариваемый приказ префекта полиции г. Парижа является правомерным на том основании, что он исходит из учета возможных «рисков появления реакций» у тех или иных лиц (они, естественно, не названы в решении, но понятно, что они могут возникнуть главным образом у лиц мусульманского и в меньшей степени других вероисповеданий, которые не едят свинину, а также у любых других лиц, кто посчитает такую практику дискриминационной) в отношении акций по раздаче супа, которые **изначально были задуманы «СФ» с дискриминационными целями**. Буквально в тексте постановления Госсовета от 5.01.2007 г. № 300311 написано следующее: «Имея в

виду, что оспоренный приказ принимает во внимание риски реакций на то, что было задумано как демонстрация, способная нанести ущерб достоинству частных лиц предоставляемой им помощью и привести тем самым к нарушению публичного порядка». Ассоциация же полагала, что поскольку фактов какой-либо дискриминации установлено не было и поскольку те, кого власти имеют в виду, с жалобами в суд или административные органы не обращались, а само ожидание или опасение возможных реакций со стороны не названных в решении лиц – это конструкция совершенно гипотетическая, весьма искусственно созданная властями, то нет оснований для ограничений прав и свобод ассоциации.

Надо сказать, что **фактов** дискриминации, действительно, установлено не было, не было и жалоб на действия ассоциации, хотя понятно, что последнее может иметь самые разные основания: например, то, что у потенциальных заявителей есть свои собственные благотворительные ассоциации, которые готовят и распространяют пищу для бедных с соблюдением всех религиозных правил и они полагают естественным наличие подобных (основанных на своих культурных и религиозных основаниях) практик у других организаций; либо то, что потенциальные заявители не знали о фактах распределения супов на основе свинины (что весьма маловероятно, так как пресса широко описывала подобные акции из-за конфликта с властями, которые уже давно пытаются их запретить); либо потенциальные заявители не видели угрозы унижения достоинства своих единоверцев подобными практиками; либо, если все же считали наоборот (то есть думали в унисон с властями), попросту проигнорировали эти факты, и т. д. и т. п. Дискриминационный характер был, однако, установлен судебными и административными властями на основании анализа мотивов, мыслей и задумок «СФ», которые выводились самым различным образом – из отдельных фраз, содержащихся на сайте организации, из ее политических пристрастий, из того, что кто-то может что-то подумать про такую деятельность, и т. д., и т. п.

Итак, поскольку Госсовет констатировал, что в акциях «СФ» имеется угроза публичному порядку, то он и запрет этих акций префектом полиции посчитал «не являющимся серьезным и явно незаконным посягательством на реализацию этой ассоциацией своих фундаментальных прав и свобод». На этом основании Госсовет отменил решение административного суда г. Парижа, которым приостанавливалось распоряжение префекта полиции о запрете бла-

готворительной деятельности «СФ». Подчеркнем еще раз, что дискриминационный характер этой деятельности был установлен Госсоветом (вслед за префектом полиции) не на основании фактов, а исходя из доведенных до сведения публики при помощи сайта ассоциации «оснований, целей и мотивов» этой деятельности.

Не давая общей оценки итоговому решению высшего административного суда Франции, хотел бы пока обратить внимание читателя на следующие два момента. Первый состоит в том, что, отклоняя выводы административного суда нижестоящей инстанции, Госсовет дает своими лапидарными формулировками глубокую и весьма многослойную характеристику сложившейся ситуации, а именно: он говорит, что префект полиции – в противоположность тому, что констатировала нижестоящая инстанция, – не совершил «серьезного и явно незаконного посягательства на свободу манифестации», и тем самым дает читателю основание думать, что некоторое (не очень большое и не слишком серьезное, а также не явно незаконное) ограничение свободы в результате распоряжения префекта все же было, но Госсовет, взвесив разные ценности, приоритеты, права и свободы, отдает все-таки предпочтение общественному порядку и спокойствию, мирясь с определенным ограничением прав и свобод благотворительной ассоциации «СФ».

Второй момент – и мне он представляется несколько странным – заключается в том, что Госсовет не приводит в своем решении «основания, цели и мотивы» ассоциации «СФ», которые рассматриваются в качестве дискриминационных в заявлении Министерства внутренних дел. Из текста одного только решения высшего административного суда совершенно не ясно, о чем идет речь. А речь идет о размещенной на сайте указанной организации фразе – «без супа нет десерта, … наши прежде остальных». Этим самым, посчитали в МВД, «СФ» прямо демонстрирует свои пристрастия и оказывает избирательную помощь одним в ущерб другим, а значит, является дискриминационным по своим мотивам и интенциям. Пресса указывала, что организация хотела продемонстрировать французским властям, что в то время, когда государство оказывает большую помощь многим странам мира, в своей собственной стране есть французы, которые нуждаются в неменьшей помощи, защите и заботе. Указанная организация протестует против того, что основная помощь во Франции оказывается фактически вновь прибывающим, и довольно большим, потокам эмигрантов из стран, главным образом, неевропейской культуры и не христианского вероисповедания (что, с их точки зрения, не всегда идет на пользу отечеству), а помощь коренным французам минимальна, да еще и воспринимается как расизм и дискриминация. Короче говоря, данная организация квалифицируется в обычном политическом лексиконе как крайне правая, выступающая за защиту традиционной культуры Франции, сокращение иммиграции, поддержку прежде всего коренного населения страны, о котором, с ее точки зрения, многие забыли. Если у других религиозных и культурных сообществ, ассоциаций и землячеств имеются соответствующие организации и институты, оказывающие помощь их членам, то надо создавать подобные организации и для «своих», для «наших», то есть для коренных французов, считает «СФ», и т. д. и т. п. Сама французская пресса квалифицирует «СФ» как ассоциацию, «близкую» к крайне правым.

Понятно, что если речь идет о фактах дискриминации, расизма, разжигания социальной, религиозной и прочей вражды и ненависти (чего в данном случае не было), то необходимо жестко и бескомпромиссно применять к виновным соответствующие статьи Уголовного кодекса (и тогда данным вопросом занимались бы специалисты уголовного права, а не теории права и прав человека). Если же в рамках установленной законодательством свободы кто-то выступает за то, чтобы правительство направляло основные потоки помощи внутрь страны, а не во вне, чтобы власти сократили (или, напротив, увеличили) потоки иммиграции, если кто-то не согласен с тенденциями в развитии политики, культуры и языка своей страны и выносит свои мнения на публичное обсуждение, то лишать этих людей слова – абсолютная дискриминация, и в данном случае по политическим и прочим мотивам. Если кто-то открыто демонстрирует, что хочет помогать прежде всего «своим», а не чужим, можно ли считать это дискриминацией и нарушением прав того человека, в помощи которому в случае запрета подробной организации отказывается?

Одним словом, требуется установить, действительно ли в данном случае имела место дискриминация, о которой говорят французские административные власти и высшая судебная инстанция, или все это только слишком преувеличенная «политическая и юридическая корректность», которая, не имея никаких четких оснований для применения уголовного или административного законодательства, вынуждена ограничиваться туманными формулировками, умолчаниями и натяжками. Достаточно ли одного только «строя

мыслей», то есть любви к «своим» и не любви к «чужим», чтобы обвинить активистов благотворительного движения в дискриминации и нарушении прав тех, кого они не любят. Может ли закон, именно закон, а не религия и не мораль, обязать возлюбить всех, и не только своего ближнего, но и своего дальнего, как самого себя? Можно ли говорить о том, что ассоциация «СФ» злоупотребляет своими правами и свободами, и т. д.?

Начнем с вопроса о том, является ли, на самом деле, раздача супа на основе свинины фактическим исключением, то есть дискриминацией лиц другого вероисповедания, запрещающего употребление в пищу указанного продукта?

Коран (сура 5, стих 3) устанавливает следующее правило: «Вам запрещены мертвечина, кровь, мясо свиньи и то, над чем не было произнесено имя Аллаха (или что было зарезано не ради Аллаха)... Если же кто-либо вынужден будет пойти на это (*на употребление запрещенных продуктов*) от голода, а не из склонности к греху, то ведь Аллах – Прощающий, Милосердный»[4].

Как можно видеть, ислам, в порядке исключения, дозволяет употреблять в пищу свинину тем людям, которые находятся в затруднительном положении (без крова, без достаточного питания). Именно на помощь таким лицам – находящимся в тяжелых условиях – и была направлена деятельность ассоциации «СФ». Следовательно, утверждение властей о том, что голодающие мусульмане исключаются из лиц, имеющих возможность воспользоваться благотворительностью, фактически является ошибочным. Здесь есть и вторая сторона вопроса, которая тоже не в пользу властей: если внимательно прочитать цитируемый отрывок, то можно видеть, что Коран запрещает еще и все то, «над чем не было произнесено имя Аллаха». Это означает, что любая пища, приготовленная не мусульманами, является не дозволенной для правоверных, потому что не мусульмане не могут произносить имя Бога, в которого они не веруют. Получается, что ассоциация, объединяющая атеистов, христиан-католиков или иных не мусульман, никогда не сможет готовить пищу «халаль» (так в исламе называется, в частности, дозволенная правоверным пища) и, следовательно, вменение ей властями в обязанность готовить такую пищу будет неисполнимым абсурдом. Запрет на приготовление для бедных пищи, которая содержит свинину, есть проявление скорее политкорректности (излишней сервильной предупредительности и боязливости в отношении возможных ответных террористических действий представителей других вероисповеданий и культур), так как, с одной стороны, Коран предусмотрел ситуации, в которых голодающему мусульманину дозволяется употребление свинины (рассмотренная Госсоветом ситуация как раз такая), а с другой стороны, в светском государстве есть свои культурные, кулинарные и прочие традиции, которые складывались веками, и частная, не публичная организация, наверное, не обязана учитывать в своей деятельности все многообразие имеющихся в обществе вероисповеданий, привязанностей и вкусов других частных лиц.

[4] Коран / Перевод смыслов и комментарии Э. Р. Кулиева. М.: УММА, 2006. С. 111.

Что касается упомянутых властями правоверных иудеев, которые как будто бы тоже подвергаются дискриминации со стороны «СФ», то это – явное недоразумение и полное незнание и непонимание политиками, государственными органами и должностными лицами иудейских религиозных правил. Дело в том, что пищевые запреты у правоверных иудеев гораздо более строгие, чем у мусульман, и допустимая (кошерная, то есть правильная) пища – это не только конкретные продукты, но и способы их приготовления и употребления. Можно, несколько упрощая ситуацию, сказать, что правоверный христианин может принимать (исключая, разумеется, дни специальных постов) любую пищу, приготовленную правоверным мусульманином и правоверным иудеем (последнему, правда, запрещено делить любую пищу с неиудеями), второй может принимать любую пищу, приготовленную третьим, но никак не наоборот. Строгость пищевых запретов возрастает в направлении от правоверных христиан к правоверным иудеям. Поэтому указанная ассоциация, даже если бы она этого сильно захотела, была бы просто не в состоянии приготовить какую бы то ни было пищу, которую мог бы употребить правоверный иудей, ему могут помочь только свои собственные благотворительные ассоциации и землячества (в противном случае, нарушающий пищевые запреты человек не может считаться правоверным иудеем)[5].

Получается, что требовать от ассоциации «СФ» заведомо невыполнимых ею требований в отношении указанных двух конфессий было бы достаточно абсурдно. Члены «СФ», по определению, не

[5] См.: Иудаизм. Минск: Книжный дом, 2006. Гл. «Пища – компонент святости». С. 341–351.

могут приготовить ни кошерную пищу, ни пищу халаль. А регулировать изъятие тех или иных продуктов из пищи, предлагаемой частной благотворительной организацией, с целью недискриминации каких-то лиц было бы тоже сопряжено с массой неразрешимых противоречий. Если же доводить ситуацию до абсурда, то можно заметить, что приготовление супа на основе говядины будет исключать, то есть дискриминировать, правоверных индусов, а на основе мяса птицы – будет исключать вегетарианцев и борцов за права животных, и т. д., и т. п. Соблюдать в светской жизни запреты всех имеющихся в мире религий просто невозможно[6]. Отдавать предпочтение каким-то отдельным вероисповеданиям – значит дискриминировать остальные. Но ведь Франция – государство светское, и если еще само государство обязано в определенной мере ориентироваться на вероисповедальные практики своих граждан, учитывать эти их особенности при принятии тех или иных решений, то вряд ли уместным будет приписывать подобные обязанности частным лицам и организациям.

Следует заметить, что религия и вера – есть частное дело, есть результат свободного выбора каждого человека, и поэтому тот, кто добровольно уверовал, тот добровольно принимает на себя те или иные обязанности и запреты, вытекающие из его религиозной принадлежности. Понятно, что дискриминация по религиозным причинам должна быть запрещена в современном цивилизованном обществе, но как можно обязать всех и каждого, кто не верует вообще (либо не верует в данную религию, а верит в другую), жить с оглядкой на частные привязанности и вкусы любых третьих лиц? Свобода совести – это личное дело каждого, и всегда будет дискриминировать всех остальных.

Совсем иное дело, когда в ситуации изменившегося этнического, религиозного, культурного и прочего состава страны демократически избранный парламент, репрезентатирующий своих избирателей, примет другие законы, которые запретят употребление

[6] Эта же мысль звучала на другом судебном процессе, возбужденном по жалобе ряда мусульманских организаций Франции на сатирический еженедельник Charlie Hebdo за публикацию им в 2006 г. карикатур на пророка Мухаммеда. Редактор еженедельника Ф. Вал сказал: «Если бы необходимо было, чтобы все соблюдали запреты всех религий мира, как бы мы смогли тогда жить?» (P. Robert-Diard. Au procus des caricatures: tension, fureur et fous rires // Le Mond. 9.02.2007.).

тех или иных слов, отменят старые и введут новые праздники (блюда, продукты и т. п.), переименуют города, улицы и площади именами новых героев, запретят старую музыку, снимут с постановки любимые кем-то оперы[7], и т. д., и т. п. Правда, до того как будут приняты такие законы, политическая и правовая корректность достаточно сильно изменит лингвистический, кулинарный и прочий культурный «пейзаж» «политкорректных» стран. Так, например, во Франции, США, Великобритании, Испании и Германии накануне Рождества из лексикона постепенно – год за годом – исчезает само это слово «Рождество», так как оно контоминирует с рождением Иисуса Христа, основателя христианской религии – религии, которая, кстати говоря, лежит в фундаменте современной западной культуры. Вместо Рождества Христова используются термины «праздник зимы», «праздник конца года», «радостный» или даже «люминесцентный» праздник, и прочее, прочее. Исключение из лексикона названий и символов христианства связано с боязнью доставить неудовольствие представителям других религий и желанием избежать рисков шокировать чувствительность лиц, верующих в других Богов (мусульман и индусов, в частности), которые в результате миграционной политики прошлого и настоящего веков составляют сегодня значительный процент населения в странах Запада. Правда, закон, запрещающий использование упомянутых слов, пока еще не принят[8].

Рассматриваемое в данной статье судебное дело будет не просто понять, если не сделать краткий абрис той политико-правовой атмосферы, которая сложилась сегодня во многих странах Европы и особенно во Франции. Один небольшой пример. 19 сентября 2006 г. французский профессор философии Роберт Рэдекер опубликовал в газете «Фигаро» статью «Перед лицом исламистских

[7] Из репертуара Берлинского оперного театра осенью 2006 г. накануне первой в Германии исламской конференции была снята постановка знаменитой оперы В. А. Моцарта «Идоменей». Снята в результате самоцензуры по причине страха перед исламистами, которые были недовольны тем, что в финале оперы демонстрируются отрубленные головы Будды, Христа, Мухаммеда и Посейдона – сцена, которая, по мысли режиссера, символизирует свободу человека от произвола богов. См., например: Redeker R. Il faut tenter de vivre. Paris: Seuil, 2007. P. 41.

[8] Henri Tincq. Faudra-t-il un jour dйbatiser Noлl? // Le Mond. 23 dйcembre 2006.

угроз, что должен делать свободный мир?»[9], в которой отметил, что жизнеописания пророка Мухаммеда в Коране повествуют о нем как о безжалостном, жестоком и грабительском военачальнике, убийце и многоженце (в т. ч. педофиле). Автор констатировал, что Коран – книга, где имеется немало сцен насилия, и поскольку именно на ней воспитываются все мусульмане, то это дает определенное направление развитию данной культуры, а также сравнивал ислам с коммунистической (в прошлом) угрозой Западу, ибо идет основательное наступление исламских религиозных и культурных обычаев на стиль и образ жизни во Франции (требование введения особых дней в публичных бассейнах, когда их разрешено посещать только мусульманкам, ношение вуали, запрет на «минимальные» женские купальники – «стрингеры» на пляже Парижа из страха вызвать неудовольствие у мусульман и проч.). Эти мысли Рэдэкера не понравились исламистам, и они приговорили его к убийству (что отчасти напоминает ситуацию с Салманом Рушди, которому исламским духовным лидером в 1989 был вынесен официальный приговор о смертной казни – «фетва» – за его книгу «Сатанинские стихи»). И теперь Рэдекер вынужден прятаться и скрываться во Франции в «подполье», под охраной жандармерии и французской службы безопасности. Газета «Фигаро» принесла мусульманам извинения за публикацию и сняла статью из архива газеты, размещенного на своем сайте.

Разумеется, в статье (которая была откликом на выступление папы Бенедикта XVI) не было никаких оскорблений и ненависти – были лишь размышления о культурной и политико-правовой ситуации в стране и ее будущем. Однако за свободное выражение своих мыслей, цитирование Корана и также иные размышления, которые не понравились исламистам, автора осудили министр образования Франции, указавший, что надо быть «осторожным и умеренным во всех ситуациях», Лига прав человека (LDH), отметившая, что размышления автора несут «ненависть и представляют собой посягательство на гражданский мир», а руководитель Движения против расизма – за дружбу между людьми (MRAP) пригрозил

[9] Redeker R. Face aux intimidations islamistes, que doit faire le monde libre? // Le Figaro, 19 septembre 2006. Статью сегодня можно найти (кроме печатного текста газеты) на других сайтах: http://www.denistouret.net/textes/Redeker.html#islamistes, http://archquo.nouvelobs.com/cgi/articles? ad= societe/20061003.OBS4398.html&host=http://permanent.nouvelobs.com/

автору тем, что обратится против него в суд (видимо, за дискриминацию и расистские, с его точки зрения, высказывания против мусульман). Никто из них не осудил высказанные джихадистами угрозы убийства[10]. Видимо, для значительной части политико-правового истэблишмента Франции угрозы убийства за свободу мыслей и слова не являются посягательством на гражданский мир и согласие в обществе.

Сегодня во Франции господствует жестко поддерживаемая властями атмосфера отслеживания и уничтожения под предлогом дискриминации и расизма любых попыток посягательства на критику тех сообществ, которые со ссылками на свои культурные и религиозные пристрастия открыто заявляют (либо могут, по мнению властей, заявить по аналогии с какими-то предшествующими случаями) о своих обидах и о своем несогласии с некоторыми порядками, давно сложившимися в данной стране (например, с тем объемом свободы вообще и свободы слова в частности, который сложился исторически в Европе). Причем не просто открыто заявляют, но и применяют насилие к тем, кто, по их мнению, нарушил святыни мусульманской веры – имеется в виду не только угроза убийства Рэдекеру, но и насилие, применяемое некоторыми мусульманами по отношению, например, к врачам-гинекологам, акушерам мужского пола за оказанную ими женщинам-мусульманкам врачебную помощь[11], и т. д., и т. п. Религиозные деятели открыто вмешиваются в политику и пытаются даже диктовать свои правила и свою публичную повестку, в частности, на предстоящие во Франции (в текущем, 2007 г.) президентские выборы. Так, Французский совет мусульманского культа (CFCM), созданный исключительно для заботы о вопросах религиозных и церковных (отделенных от государства еще законом 1905 года), потребовал недавно исключить из президентских дебатов обсуждение проблемы «ислам во Франции», чтобы не «политизировать излишне данный вопрос»[12] (скажем прямо, чтобы не мешать исламу спокойно завоевывать все новые и новые рубежи в политической, правовой и духовной жизни Фран-

[10] Redeker R. Il faut tenter de vivre. Paris: Seuil, 2007. P. 50–53. Тема «государство и религия» широко обсуждается сегодня во Франции и в Европе. См.: Ternisien X. Йtat et Religion. P.: Odile Jacob, 2007; Barnavi Й. Les religions meurtriires. P.: Flammarion, 2006.

[11] См.: Cojean A. Нфpital Lапcitй et intйgrisme s'affrontent // Le Mond. 28 janvier 2007.

[12] Fourest C. Ощ en est l'«islam de France» ? // Le Monde. 1er fйvrier 2007.

ции). Те же культурные и религиозные сообщества (христианские, например), которые проявляют терпимость и соглашаются с имеющимися в обществе свободами, с критикой, в частности, их ценностей и идеалов, – они, естественно, не подпадают под указанную юридическую и правовую защиту (это хорошо показал и известный конфликт по поводу карикатур на пророка Мухаммеда на рубеже 2005–2006 годов, ибо за карикатуры против Христа и Будды суды не рассматривали никаких исков и, соответственно, не выносили никаких штрафов и предписаний).

Рассматриваемое судебное дело должно быть, естественно, помещено в указанный политико-правовой контекст. Итак, если бы пункты питания для бедных были организованы государственными структурами (и, соответственно, на публичные средства), то ответственные должностные лица, безусловно, должны были составить такое меню, которое устроило бы представителей всех слоев населения (не забывая и о меньшинствах), так как в противном случае получалась бы дискриминация в распределении публичных средств. Но что касается благотворительности частных лиц и организаций, то она, как и любая благотворительность вообще, – есть акт, по сути своей, избирательный, ибо помочь всем невозможно по определению, и, следовательно, частное лицо само выбирает, кому оно будет оказывать свою добровольную помощь, используя свои собственные средства (люди оказывают помощь одним, но не оказывают ее по каким-то причинам другим – и это, по-видимому, не может считаться дискриминацией тех, кому помощь не предоставляется). Надо сказать, что даже для публичной благотворительности невозможно полностью, раз и навсегда избежать этой избирательности: всегда можно сказать, что кто-то нуждается в помощи больше остальных, ибо такие квалификации, по сути своей, исключительно субъективные, оценочные и эмоциональные.

Благотворительность – это по своей экономической сути договор дарения или пожертвования, и никто не вправе заставлять дарителя выбирать одаряемого, и вряд ли в этой ситуации выбор одного одаряемого и отказ другому в даре уместно рассматривать как дискриминацию последнего. Если кто-то делает взнос в одну организацию, но не делает в другую, то как можно в этом случае говорить о дискриминации тех лиц, взнос в благотворительную организацию которых не сделан? А если некто прямо и открыто заявляет, что он не делает взносы, например, в фонд помощи больных

СПИДом на том основании, что совершенно не согласен с образом жизни большинства людей, болеющих этой болезнью (при этом нет смысла ссылаться на реальную статистику этиологии СПИДа, так как статистика нередко опровергает ряд распространенных предубеждений по поводу причин данного заболевания, – важно здесь то, что данное утверждение дарителя есть манифестация его мнения, есть мотив его социально полезной деятельности, которая не запрещена законом, но, напротив, должна бы им поощряться как увеличивающая количество добра в мире, и было бы, наверное, абсурдно принуждать дарителя любить и всех остальных, на том основании, что кто-то считает, что даритель «ошибается» в своей нелюбви к тем или иным лицам)? Сделав такое заявление, даритель оказывает помощь одним и не оказывает ее другим лицам, которые, конечно, тоже в ней нуждаются. Можно ли запретить это последнее поведение (оказание помощи избранным лицам по причине нелюбви к другим – отвергаемым по каким-то основаниям) на том основании, что отвергнутые лица подвергаются дискриминации (расовой, религиозной, языковой, сексуально ориентированной, половой, возрастной, политической и тому подобной)? Думается, что запрет на благотворительность вообще в таком случае вызывает некоторые сомнения.

Важен, скорее, другой вопрос: можно ли указанное выше заявление рассматривать как дискриминацию людей по какому-то признаку (например, по признаку их сексуальной ориентации)? Если нет, то тогда, по аналогии, и заявление «СФ» о том, что они предпочитают коренных французов вновь прибывающим гражданам, нельзя рассматривать как дискриминационное. Члены «СФ» не утверждали, что вновь прибывающие граждане с неевропейской культурой – плохие или неполноценные люди. Такое утверждение, бесспорно, есть уже состав достаточно тяжкого преступления. Они заявляют только, что отдают предпочтение прежде всего одним – «своим», а не другим – «чужим», правда, если к ним за помощью обращаются «другие», то они и им в этой помощи не отказывают (противоположных этому последнему утверждению фактов властями в суде ни первой, ни последней инстанции предоставлено не было). Если же открыто публикуемые ассоциацией «СФ» мотивы и предпочтения считать дискриминационными в отношении тех лиц, в своей любви которым они отказывают, то тогда, по аналогии с этим, надо считать дискриминацией и взносы в одни благотворительные фонды в обход других. И тогда надо требовать создания

одной-единственной благотворительной организации, которая будет стараться помогать всем нуждающимся пропорционально их затруднениям (что оценить точно и объективно вряд ли возможно), чтобы избежать всяческой дискриминации.

Следует подчеркнуть, что вопрос о приоритетах в предоставлении помощи нуждающимся – крайне деликатный и далеко не простой. Если какая-то организация или лицо открыто заявляют о своей ненависти по отношению к представителям одной расы, национальности, религии, языка, убеждений и т. д. и потому оказывают помощь представителям другой расы, национальности, религии, языка, убеждений и т. д., то преступление содержится именно в первом заявлении, а не во втором действии. Не следует путать эти две плоскости: необходимо привлекать к строгой, в том числе уголовной, ответственности за первые заявления и действия, но нет смысла запрещать вторые – саму помощь какой-то категории нуждающихся лиц.

Благотворительность – это, по-видимому, абсолютное добро. Хотя ее абсолютность не лишена исключений и поэтому в некоторых ситуациях может быть поставлена под сомнение: если некто оказывает помощь одним голодающим и отвергает при этом других, то это – один из самых извращенных и худших видов дискриминации и расизма. Похоже, что в рассматриваемом деле официальные власти исходили из недоказанных подозрений наличия у «СФ» именно таких намерений, которых, с одной стороны, не могло быть в принципе (ибо всем, кто голодает, их религия позволяет нарушать пищевые запреты), а с другой стороны – власти не представили в суд никаких иных доказательств дискриминации в распределении супа. Запрет последнего состоялся, таким образом, на основе официального осуждения мыслей, **могущих, вероятно, возникнуть в головах благотворителей** исходя из их политических и прочих пристрастий, а также из возможной, по мнению властей, реализации этих идей на практике в случае их возникновения. Что было бы уже, с позиции властей, злоупотреблением своими свободами. Хотя вопрос о злоупотреблении правом тоже не простой, так как, оказывая избирательную помощь, лицо не злоупотребляет правом, как мы привыкли использовать данный термин, но нарушает уголовно-правовой запрет на дискриминацию. Здесь имеет место два разнонаправленных действия (идеальная совокупность, когда одним и тем же действием нарушаются два запрета, здесь невозможна).

Если государство прямо или косвенно вменяет (или, возможно, будет вскоре это делать) в обязанность частным ассоциациям и лицам модифицировать, например, свою кухню, язык, названия праздников и тому подобные культурные особенности по причине создания комфортных условий вновь прибывающим в ту или иную страну гражданам, то не будет ли это дискриминацией тех, кто привык к историческому и культурному наследию своей страны? Если считать, что дискриминировать можно только лиц, находящихся в меньшинстве, то подобный вопрос непременно встанет тогда, когда нынешнее большинство станет меньшинством. Однако будет ли будущая политическая и правовая культура, идущая на смену европейской, достаточно толерантной, чтобы уважать завтра меньшинства, составляющие сегодня культурное большинство в Европе?

Пока власти предпочли лишить помощи голодающих бездомных – представителей коренной европейской культуры – на том основании, что эта помощь может задеть чувства иных культурных и религиозных групп Франции, ибо устроители организуют благотворительные акции не с целью помощи бедным (что они фактически делали все эти годы), а с целью, как посчитала власть, демонстрации своего негативного отношения к другим культурам и вероисповеданиям, то есть с целью манифестации своей нелюбви к третьим лицам. Поскольку фактов дискриминации – отказа в раздаче супа каким-то лицам – не было и поскольку способ или продукты, из которых готовился суп, не могут представлять фактической дискриминации, то осуждены были только мотивы – мотивы оказания предпочтения одним в ущерб другим (по отношению к которым вовсе не было никакой юридической обязанности оказания помощи организаторами акции). С юридической точки зрения власти отнеслись к действиям ассоциации «СФ» как если бы они квалифицировали их в качестве злоупотребления ею своими правами и свободами, хотя прямо об этом никто из властей не говорил.

И в заключение несколько слов о политкорректности самой по себе. Быть корректным, вежливым, деликатным, доброжелательным и законопослушным в жизни вообще и в реализации политической власти в частности – абсолютно естественно для цивилизованного мира, это – всегда хорошо. Почему же тогда сегодня так часто говорят о политкорректности? Видимо, потому, что под ней понимают явные преувеличения, выход за рамки здравого смысла, разумности, меры, нормы, логичности и обоснованности

принимаемых решений, которые переходят в результате в свою противоположность. Другими словами, если политическая и правовая корректность по форме своей состоит из умолчаний, намеков, недомолвок, эвфемизмов и тому подобных формул, то по содержанию и по сути своей она практически всегда есть ложь, смещение либо искажение и извращение здравых смыслов и ценностей.

Будучи таковой по своей сути, политкорректность может иметь и другие грани: например, в данном случае возможно (как гипотеза), что это не совсем эффективная самозащита западной цивилизации от происходящих на ее глазах изменений в культуре, праве, ментальности. Эти изменения составляют переход от одного, прежнего состояния в иное, новое, и их можно оценить как изменения очень глубокие, как мы привыкли говорить в таком случае, – революционные. Изменения эти есть результат мультикультурализма, вхождения новых культурных и религиозных составляющих в традиционную культуру Запада. Классическое выражение одной из основ политической и правовой культуры и ментальности западного мира в прошлом можно было описать коротко знаменитой фразой Вольтера: «Мне ненавистны ваши взгляды, но я умру за то, чтобы у вас было право выражать ваши взгляды». И эта ментальность способствовала невиданному прогрессу культуры, развитию прав и свобод человека. Иное, новое, частично уже сложившееся сегодня состояние ожидает лишь своего укрепления в будущем при косвенной поддержке государственно-правовых институтов – при помощи политической и правовой корректности. Это новое состояние повлечет за собой, скорее, регресс в правах и свободах человека, чем что-либо иное. Это новое состояние можно будет описать при помощи того же, но несколько перефразированного высказывания Вольтера: «Мне ненавистны ваши взгляды, и я убью вас, если только вы посмеете высказать их вслух!»

И теперь власти рассматривают в качестве угрозы публичному порядку и запрещают в первую очередь не сами по себе призывы к убийству (их, получается, запрещают во вторую очередь), а те мысли, высказывания и действия, которые в сложившейся культурной ситуации могут привести к подобным угрозам со стороны экстремистских представителей некоторых неевропейских культур (и в том числе вероисповеданий) и даже реальным убийствам носителей этих идей. А экстремистских представителей власти терпят, затыкая рот всем остальным, потому что быть толерантным сегодня – политически и юридически корректно.

М. В. Снегирева*

Целесообразность принятия закона о предотвращении насилия в семье

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (1, с. 5). Эта статья Конституции Российской Федерации часто и широко цитируется, отчасти стала общим местом. Вместе с тем в России существуют проблемы, требующие скорейшего правового решения. Крайне неприятно признавать, но и в XXI век Россия вошла с позорнейшим явлением – с насилием в семье.

По оценкам социологов, психологов и криминалистов, явление это весьма распространенное во всем мире. В календаре 25 ноября отмечен как Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин. Но подлинной борьбы с этим злом в Российской Федерации не наблюдается. По данным МВД России, до 80 % всех преступлений, связанных с насилием, совершаются дома, милицейская статистика уточняет: «из 170 тысяч ежегодно совершаемых семейно-бытовых преступлений в 93 % случаев жертвы насилия – представительницы слабого пола. 93 % – это, ни много ни мало, почти 160 тысяч женщин. При этом 60–70 % женщин, подвергающихся домашнему насилию, не обращаются в правоохранительные органы» (2, с. 27). Как видим, имеют место нескончаемые трагедии, «невидимые миру слезы». В телевизионной передаче «Москва. Инструкция по применению» (от 5 декабря 2006 года) прозвучала следующая цифра: 14 тысяч женщин ежегодно погибает от рук мужей и любовников.

К сожалению, свидетелями и участниками домашних баталий очень часто бывают дети, чья психика подорывается с ранних лет. Психолог-консультант О. Калина подчеркивает, что для того,

* ***Мария Васильевна Снегирева*** – ст. преподаватель кафедры правового и документационного обеспечения государственного управления Института педагогической юриспруденции Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).

© М. В. Снегирева, 2007

чтобы справится с агрессией родителей, ребенок сам начинает разрушать. Либо окружающий мир, либо свой собственный.

Российская семья сегодня деформирована, на нее негативно повлияли самые разные факторы, социальные, экономические, политические. Разрушаются семейные ценности, способные удержать членов семьи друг подле друга, обеспечивающие поддержку, любовь, взаимопомощь. Сегодня, когда семейные ценности ни во что не ставятся, а браки не всегда заключаются, многие люди имеют смутное представление о своих корнях, бабушках-дедушках по материнской и отцовской линиям; не всегда понимают, каких они кровей, какими должны быть отношения в нормальной, нравственно здоровой семье.

Практический психолог О. Калина разъясняет: «Откуда же берутся родители, столь жестокие к своим детям? Это те взрослые, которых в собственном детстве не уважали и не любили, а семейные нормы и ценности в их домах были искажены и перевернуты. Они выросли, завели семью, детей. И теперь, не отдавая себе в этом отчета, вновь и вновь повторяют ту же схему взаимоотношений. Объясняется все просто: так они росли и считали это нормальным, по-другому они не умеют» (3, с.14).

Семейное насилие необходимо остановить, так как цифры потерь слишком велики для России, и без того находящейся в глубоком демографическом кризисе. Следует подчеркнуть, что жертвами в семье бывают и старики, и дети, и мужчины, но чаще всего ими оказываются женщины.

В России нет точной статистики по насилию в семье, но цифры могут поразить воображение самого стойкого человека. Криминальные хроники любой газеты переполнены страшными фактами преступлений.

По мнению Г. Брынцевой, «семейное насилие – это система поведения, целью которой является получение власти и контроля над зависимыми членами семьи. Являетесь ли вы женщиной, над которой совершается насилие? Да, если близкий человек (муж, бывший муж, партнер) систематически:

• оскорбляет и унижает вас;
• не позволяет видеться с подругами и родственниками;
• угрожает побоями;
• заставляет вас заниматься сексом против вашей воли;
• не хочет, чтобы вы работали или даже искали работу, настаивая на формуле «жена должна сидеть дома»;

• утверждает, что вы не вправе распоряжаться семейными деньгами;
• критикует за повседневные мелочи, такие, как приготовление пищи, манеру одеваться или отсутствие повседневного макияжа;
• угрожает, что лишит вас денег или жилья, отберет у вас детей и т. д.;
• бьет вас...

Вы чувствуете себя одинокой и изолированной от мира.

Вы чувствуете себя запуганной, не решаетесь настаивать на собственном мнении, потому что боитесь неадекватной реакции» (2, с. 27).

Закрепляя во 2 статье Конституции РФ положение о ценности человека, его прав и свобод, необходимо разработать закон о предотвращении насилия в семье. Мировой опыт свидетельствует, что эти действенные правовые меры приводят в чувство самых отъявленных буянов. В 1996 году в США был принят федеральный закон о насилии в семье, после которого число убийств на «семейной» почве сократилось в 4 раза.

Российское общество должно быть нетерпимо к любым проявлениям насилия и агрессии. Современной России, стремящейся к социально-экономическому росту, необходимо в самое ближайшее время решать острые демографические проблемы. Законодателям и рядовым гражданам нужно понять, что насилие в семье – фактор, снижающий демографическое развитие нашего государства. Подготовив и приняв закон о предотвращении насилия в семье, Федеральному Собранию, Президенту, как гаранту Конституции, необходимо тем самым защитить семьи от домашних деспотов, а женщинам и детям предоставить правовую, экономическую и социальную поддержку. Свои усилия должны объединить русская православная церковь, государственные органы (в том числе правоохранительные), общественные объединения, работа должна вестись планомерно, комплексно, среди всего населения, на всей территории Российской Федерации.

Роль женщины в нашем обществе недооценена, женщина не поставлена на ту высоту, где она должна находиться. Государством и обществом еще не востребованы в должной мере ее ум, способности, возможности, не созданы условия для раскрытия ее духовно-нравственного потенциала. Недопустимо принижать женщину в быту, ограничивать круг ее интересов, оказывать физическое, моральное и психологическое давление. «Еще в Древней

Греции было сказано, что тот народ, в котором женщина – рабыня, никогда не будет свободен. Ибо рабыня может воспитать только раба. Угнетенная, психологически угнетенная женщина, невостребованная, которая ощущает свою неполноценность, не может воспитать спокойного, уверенного, обусловленного изнутри идеей добра и свободы человека, будь он мужчина или женщина» (4, с. 226).

Современные правовые механизмы способны повлиять на человеческие ценности, на улучшение духовно-нравственных отношений в обществе и, в частности, на отношения в семье.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Новосибирск: Изд-во Сиб. унив., 2006. 48 с.

2. *Брынцева Г.* Муж бьет? Значит, сядет! // Российская газета. 2005. № 265 (25 ноября).

3. *Калина О.* Насилие в семье // Первое сентября. 2006. № 19 (14 октября).

4. *Весельницкая Е.* Женщина в мужском мире. Импакс. СПб., 1993.

П. Ю. Соболев*

Теоретико-правовые аспекты гендерных исследований

Понятие и социальные предпосылки возникновения гендера. Гендер – понятие, рассматриваемое современной социологией как противоположное понятию биологического пола человека. Отличие состоит в том, что биологический пол «выдается» человеку еще до рождения, и изменить его невозможно, если только с помощью хирурга. Гендер же – это весь поведенческий комплекс, присущий мужчинам и женщинам. Гендер может меняться в ходе исторического развития общества. Само понятие «гендер» возникло, когда ученые обнаружили, что биологический пол мало влияет на социальные роли мужчин и женщин. В итоге появилось определение гендера – совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. И мужчины, и женщины, живущие в обществе, должны выполнять свои гендерные роли, которое им приписало это общество. Естественно, в разных обществах и роли будут разными. Таким образом, гендер – это социальная модель человека, которая определяет его положение в обществе.

Но всему есть своя историческая подоплека, и формирование определенных норм поведения (дозволенного) у мужчин и женщин явилось результатом первичного распределения труда, которое исходило исключительно из утилитарных соображений. Способность воспроизводить жизнь, присущая только женщине, стала причиной неравного распределения социальных ролей между мужчиной и женщиной. За мужчиной было закреплено право на «внешнюю» деятельность – освоение мира и господство над ним, а за женщиной – право на рождение и воспитание детей, обустройство быта[1].

---

* ***Павел Юрьевич Соболев*** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Айвазова С.* Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Изд-во «Эслан», 2001. 80 с.

© П. Ю. Соболев, 2007

Тот факт, что женщина и мужчина биологически отличаются друг от друга, не является проблемой сам по себе. Проблема заключается в том, что:

• биологические различия берутся в основу социального неравенства, то есть когда женщины не могут полноценно пользоваться условиями жизни и получать выгоду наравне с мужчинами;

• некоторые группы мужчин и женщин превалируют над другими;

• женщины и мужчины не могут полностью реализовать свой потенциал как homo sapiens.

Поэтому основной целью гармоничного (правового и культурного) развития современного общества является достижение гендерного равенства, чтобы женщины и мужчины могли получать равную выгоду, и это необходимо для обеспечения устойчивого человеческого развития.

Гендер и право. Анализ возможностей потенциала общеправовой науки в изучении гендерной проблематики дает основания выделить несколько аспектов понятий права и гендера, обращение к которым является одной из важных задач современной правовой теории.

Первое. Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.)

Второе. Гендерное равенство – составная часть общего принципа равенства как принципа демократического построения общества. Принцип равенства всеобъемлющ, он отсекает дискриминацию по любому основанию, будь то происхождение, религия, социальный статус, пол и т. д.

История становления равенства имеет многовековые традиции, которые отражают историю становления демократии в обществе. Равенство по признаку пола совсем недавно (чуть более столетия назад) вошло в каталог всеобъемлющего принципа равенства граждан и не может быть исключено из общего процесса развития общества, становления идеологии и практики его реализации.

Третье. Именно с целью ликвидации гендерного неравенства на протяжении многих лет ведутся международные дебаты и принимаются различные конвенции и декларации.

В 1979 году Генеральная Ассамблея ООН приняла «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

3 сентября 1981 года она стала международным договором. Конвенция представляет собой не только международный билль о правах женщин, но и программу действий для стран с тем, чтобы гарантировать эти права, в том числе и право женщины избирать, быть избранной и занимать государственные или политические должности. Учитывая, что без специальных действий невозможно кардинально улучшить ситуацию с правами женщин, в статью 4(1) «Конвенции» был специально включен принцип «позитивной дискриминации» в отношении женщин. Он основывается на признании, что для достижения соответствующего баланса должны быть временно предприняты шаги, компенсирующие дискриминацию, от которой женщины de facto страдают[2].

Четвертое. Особый интерес теории права вызывает направление, называемое «феминистской юриспруденцией». Термин «феминизм» возник почти на сто лет позже, чем само явление. Его ввел в оборот Александр Дюма-сын, автор знаменитого романа «Дама с камелиями». Он изобрел его в конце XIX века, когда феминизм окреп, стал общественно значимым фактом.

Феминистская юриспруденция – это своего рода «квинтэссенция» союза права и гендерных/феминистских исследований: при всем разнообразии своих направлений, феминистская юриспруденция дает представление о специфике гендерных отношений применительно к правовой науке и практике, характеризует правосубъектность женщин и мужчин и различных гендерных категорий субъектов права, выявляя «неполноценную», «неполную» или «ущербную» правосубъектность женщины[3].

С позиций гендерных исследований различные школы юридического феминизма представляют неподдельный интерес. Это связано с тем, что уже первые шаги феминистской юриспруденции характеризуются практическими действиями женщин в разных сферах жизни и стремлением обобщить первый опыт. Речь идет, в частности, об оценке с позиций особенностей «женского мышления» и «женского сознания» степени справедливости тех или иных норм права, которые, по мнению сторонников феминизма, не дают женщине возможности свободно развивать все свои индивидуальные

---

[2] *Поленина С. В*. Права женщин в системе прав человека. Международный аспект. Гендерный калейдоскоп. М., 2001 С. 258–271.

[3] *Зуйкова. Е.М., Ерусланова. Р.И.* Феминология. М., 2001.

задатки и способности и занимать в обществе то положение, которое она могла бы завоевать своими личными силами.

Так или иначе, но эта проблема, равно как и вся гендерно-правовая тема, в наше время должна стать объектом пристального внимания правовой науки и теории права в особенности.

Е. С. Соколова*

«От варварства к цивилизации»: образ императорской России в политико-правовых концепциях французского просвещения

В новейшей литературе, посвященной изучению русско-европейских культурных связей эпохи Просвещения, неоднократно отмечалась хорошая теоретическая информированность большинства философов и историков, трудившихся на ниве мифологизации образа Восточной Европы. Воображаемая модель России является одним из наиболее красноречивых, но не единственных примеров формирования умозрительной концепции на основе разрозненных частных свидетельств субъективного свойства, которые насильственно водворяются в прокрустово ложе общепризнанного дискурса. Ш. Л. Монтескье искренне видел в российской истории исчерпывающее доказательство решающего влияния климата на «природу нации». Пример методологического схематизма применительно к построению «ментальной карты» содержится в статьях «Энциклопедии», посвященных истории отдельных стран и конструированию общих политико-правовых понятий. Сочинения Вольтера и Монтескье на российскую тему послужили одним из источников для Л. де Жокура при работе над сравнительно-исторической характеристикой России и Франции. Центральной частью его рассуждений о специфике национального характера различных народов стал тезис Вольтера, согласно которому «климат и почвы сообщают людям… низменные черты; те же черты, что зависят от государственного строя, религии, воспитания, подвержены переменам». В результате величие северных галлов передалось французам, предки которых были «самыми просвещенными» из германских племен, «а в более цивилизованное время остались образцом вежливости для соседей».

* ***Елена Станиславовна Соколова*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры истории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

© Е. С. Соколова, 2007

Иная ситуация сложилась в России, на большей части которой «климат чрезвычайно холодный», с преобладанием снега и льда, низкими урожаями и лесами, «полными дичи и зверей, пригодных для выделки дорогих мехов и кож». Де Жокур не отрицает принадлежность русского народа к христианской Европе, несмотря на то что до Петра Великого Россия «по своим… нравам была ближе к Азии», а «правительство походило на турецкое» из-за опоры на стрелецкое войско, которое мало чем отличалось от янычар.

На страницах «Энциклопедии» де Жокур не раз утверждает, что деспотия противоречит принципам естественного права, карикатурно искажая их, поскольку все люди там равны в своем рабстве и зависимости от прихоти суверена. Классические черты деспотии вполне применимы и к России: в стране практически «отсутствуют гражданские законы о собственности на землю,… только государь имеет право наследовать. Его исключительное право торговать с некоторыми странами делает бесполезными любые законы о торговле». В статье, посвященной истории России, Жокур бегло набрасывает ироничную сцену торгов китайскими редкостями на петербургской бирже, доход от которых, по его словам, «идет на булавки императрицы». Подобные факты ведут к ослаблению власти, «делая несчастными и самого государя, и подданных», ибо там, где существует «стремление воспитать хорошего раба», нет ни образования, ни Просвещения.

Схожее мнение было высказано в философских произведениях Г. Б. Мабли, посвященных проблеме специфики «законной монархии» в рамках естественно-правового дискурса. В своих «общих рассуждениях» о должных пределах власти европейских государей аббат не раз сопоставлял Россию и Францию, пытаясь выявить те нравственные качества обоих народов, которые способны при благоприятных геополитических условиях повлиять на «природу» и образ правления. По мнению Мабли, российский тип самовластия граничит с варварским деспотизмом, основанным на «древних преданиях, законах и предрассудках». Европеизация политической системы России носит поверхностный характер: подобно французам, «русские согласны в том, что государь есть верховный законодатель». Тем не менее, российская монархия не стремится к признанию аксиологического значения принципа свободы: «Сенат… счел бы себя повинным в оскорблении Его Величества», если бы «осмелился изменить или отвергнуть» закон, предложенный императорской властью. Русское духовенство, потерявшее со времени Петра I независимость в религиозно-церковной практике, не способно смягчить неограниченность законодательной власти царя. Властолюбие российских монархов не встретило препятствия и со стороны дворянства, которое «никогда не обладало ни властью, ни влиянием… и носит наименование свое лишь как предмет пустого тщеславия».

Истоки российского деспотизма Мабли ищет не только в древних традициях, порожденных природным стремлением отдельных народов к подчинению грубой силе. Он полагает, что «опустощенность» народной души может стать следствием чрезвычайных обстоятельств, к числу которых относится деятельность отдельных исторических лиц. В России подобную роль сыграло правление Петра I, природные дарования которого счастливо преодолели все препятствия, порожденные «окружавшим его со всех сторон» невежеством и «грубыми страстями». Мабли воздает должное созидательному уму Петра, но его вряд ли можно отнести к числу пылких почитателей первого российского императора. В деяниях Петра Великого он склонен видеть возможный пример для подражания применительно к тем европейским государям, «кои полагают, будто слава приобретается так же легко, как о том твердят льстивые наперсники». Сам же Петр, вопреки обширности своих замыслов, оказался в плену политических стереотипов западноевропейской цивилизации, основанных на предрассудках старины и имеющих мало общего с естественно-правовым идеалом.

Ошибка Петра заключалась в том, что он оказал «слишком большую честь» европейским «каналам и плотинам», но не заметил духа тех стран, где выше всего ценится свобода личности и создаются ее правовые гарантии. Пренебрежение правами сословий погубило все достижения Петра: «после стольких трудов… русские достигли лишь того, что восприняли некоторые из наших пороков», сохранив к тому же и свои собственные. В итоге петровские преобразования ввергли Россию в еще более глубокое варварство, так как «славный» государь «не воспользовался одержанными… успехами… ради утверждения нового правления в своем государстве».

Размышления Мабли о «закрытости» России для реформ в духе гражданских ценностей «законной монархии» фактически ставили точку в одной из самых горячих дискуссий европейского Просвещения. Определяя понятие «гражданин» применительно к политическому праву нового времени, Д. Дидро предлагал учитывать

наличие или отсутствие свободы в обществе и государстве. Под пером просветителя монарх приобретал черты «высшего морального существа», то есть суверена, строящего договорные отношения с народом не столько на своих природных правах, сколько на добродетельном признании тех обязательств, которые общественный договор возлагает на лицо, облеченное верховной властью. Дидро особо подчеркивал тот факт, что наименование «гражданин» не подходит к живущим в подчинении...; рабы совсем не могут рассматриваться в качестве граждан». Очевидное несоответствие признаков гражданства с политической системой Российской империи бросалось в глаза любому заинтересованному наблюдателю за обсуждением проблем «России», не говоря о ее прямых участниках. Концепция имперской России как государства, лишенного «исторической глубины» и варварского по своей сути, надолго стала путевым ориентиром для европейских политиков и дипломатов при разработке внешнеполитического курса.

Н. Ю. Старикова*

Становление охранительной функции правовой культуры (на примере архаических мифов)

Земные порядки, согласно архаическим мифам, неразрывная часть общемировых, космических порядков, имеющих божественное происхождение. В русле такого понимания освещается в мифе тема земной жизни людей, их общественного и государственного устройства, их взаимоотношений между собой и с богами, их прав и обязанностей – словом, всего того, что им позволено и что запрещено. Иными словами, в рамках мифов возникают зачатки двух основных функций правовой культуры – регулятивной и охранительной. В силу синкретизма мифологического сознания очень часто эти функции неотделимы друг от друга, однако уже в рамках ранних мифологических традиций достаточно четко прослеживаются сюжеты, связанные с нарушением норм общежития и наказанием за него. Так, в шумеро-аккадском мифе об Анзуде явно прослеживается тема нарушения нормы, поединка за ее восстановление и наказания нарушителя. Анзуд (в шумеро-аккадской мифологии – огромная птица, представляемая в виде гигантского орла) украл инсигнии Энлиля (лат. «insignia» знаки (signum) высшей власти) и Таблицы судеб, чтобы стать могущественнее всех богов. Из-за этого нарушились все божественные законы. Богиня-мать Нинмах отправляет против Анзуда бога войны Нинурту (Нингирсу), который также является богом-покровителем порядка на полях, каналах и устанавливает справедливость. Бог настигает Анзуда и в процессе борьбы одолевает птицу. Порядок и гармония восстанавливаются ([1]. С. 83).

Мотив нарушения божественных законов очень явственно звучит и в мифах, где главным действующим лицом выступает Эрра – в аккадской мифологии бог войны и чумы. Семерка злых демонов

---

* ***Наталья Юрьевна Старикова*** – ст. преподаватель кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© Старикова, 2007

подстрекают Эрру на злобные дела. Ишум, советчик Эрры, пытается умилостивить его и удержать от преступлений, но Эрра решает уничтожить людей, ибо те забросили его культы. Обманным путем он отбирает власть у «отца богов» Мардука – тот временно передает власть Эрре, уверенный, что он не допустит никаких злоупотреблений. Но Эрра нарушает слово и несет на землю чуму, хаос и разруху ([2]. С. 668).

Необходимо отметить, что негативные последствия нарушения правил и обычаев наступают не только в случае совершения преступлений, направленных против божественной власти, но при нарушении клятвы или договора. В мифе об Этане – герое аккадского предания, легендарном правителе города Киша – рассказывается, как орел, заключив союз о дружбе со змеей, нарушает его, пожирая одного из ее детенышей, за что несет кару как нарушитель «клятвы Шамаша» (судьи и хранителя договоров). Змея, по совету Шамаша, прячется в туше быка и нападает на орла, прилетевшего к туше. Она швыряет его в яму, ощипав перья и пух, «чтобы умер он жадной и голодной смертью». Правда, Этана спасает орла по совету все того же Шамаша, который, видимо, посчитал достаточным возмещением то, что змея ощипала у орла перья и пух и швырнула его в яму. Однако идея возмездия за нарушение клятвы является здесь одной из основных ([2]. С. 671).

Аналогичные сюжеты мы можем найти и у других народов. Например, очень показательной является история Сигурда – культурного героя скандинавского эпоса, победителя первобытного хаоса, открывшего людям тайны врачевания, человеческой речи, мудрости и правильного поведения. Дав клятву верности прекрасной деве Брюнхильд, Сигурд ее не сдержал. В результате, не смотря на все свои заслуги перед людьми, он был предан позору и погиб ([2]. С. 433).

Но, пожалуй, наиболее объемно идея нарушения и наказания представлена в рамках мифов о царстве мертвых и загробном суде. Классическим примером этого сюжета является египетская мифология. Напомним, что в Египте существовало представление о месте, где пребывают умершие, – это преисподняя «совсем глубокая, совсем темная и бесконечная» – Дуат. Дуат отождествляется с горизонтом, то есть местом, где заходит солнце (запад). Райский загробный мир – Иару – находится на восточном небе, откуда восходит солнце Ра (согласно Текстам пирамид). С конца 3 тыс. до н. э. поля Иару считаются местом пребывания всех

«блаженных», то есть тех, кто оправдан на суде Осириса. Каким образом происходит сама процедура загробного суда? Об этом идет речь в 125-й главе «Книги мертвых». Суд состоял из эннеады (9 богов) и возглавлялся Осирисом. Как царь загробного мира, он являлся верховным судьей загробного мира. Перед Осирисом происходит взвешивание сердца умершего на весах, уравновешенных страусовым пером, символом истины, «закона и справедливости», называемом Маат. Бог мудрости с головой ибиса – Тот – заставляет человеческую душу свидетельствовать о жизни умершего и его поступках, выступает обвинителем, а также записывает результат взвешивания сердца. Если весы уравновешивались и жизнь умершего признавалась праведной, то суд выносил приговор: «Нет позволения, чтобы чудовище Амемет (Амт) – Пожирательница овладело им; пусть дадут ему хлеб… и земельный участок в одну десятину в Полях Удовлетворения (Иару)». Если весы не уравновешивались, то умершего пожирало чудовище Амемет (Амт) – лев с головой крокодила ([2]. С. 268, 522).

Здесь мы видим сразу несколько идей – основ будущих правовых категорий. Это и идея справедливости, и идея неотвратимости ответственности (возмездия) за совершенные нарушения, и концепция самой судебной процедуры, связанная с принципами равенства всех перед судом, соразмерности наказания, учета доказательств.

Не менее показательным является и китайский миф о подземном царстве Юду, которое также устроено по образу судебного учреждения. Подземное царство состоит из десяти палат. Каждый умерший попадает сначала в первую палату, где он оказывался перед Зеркалом Зла (в котором видел отражение всех своих дурных дел) и где решали, какое наказание он понесет. Затем его определяли в одну из следующих восьми палат, где в зависимости от тяжести нарушений происходило исполнение приговора. В десятой палате, опять же в зависимости от праведности земной жизни умершего, определялось будущее перерождение его души (святого, человека, животного, демона и т. д.) ([3]. С. 109).

Похожие сюжеты и боги-судьи присутствуют и в других мифологических системах. Достаточно вспомнить и шумеро-аккадский миф о владычице и судье подземного царства Эрешкигаль, под властью которой находились семь (иногда больше) судей подземного мира – ануннаков, определяющих людские судьбы и защищающих людей на загробном суде. В ведийской мифологии при-

сутствует бог смерти Яма, который также является и богом правосудия, подобно египетскому Осирису. Внешность бога устрашающа: могучий муж с диадемой на голове, красными глазами, черным ртом, в сияющих одеждах. Его атрибуты – аркан и жезл (данда) – символы правосудия. Задача Ямы – наказывать грешников.

Таким образом, в мифологической форме человечество уже на заре своей истории осознает не только окружающую его природную и социальную действительность, но и самое себя, правила своей жизнедеятельности, учится отличать дозволенное от запрещенного, влекущего не только весь род, но и весь окружающий мир к гибели ([4]. С. 88). При этом в мифах можно проследить зачатки как базовых правовых категорий (таких, как преступление, вина, наказание), так и процедур восстановления порядка, разрешения спора, ответственности. Иными словами, всех тех ментальных средств, с помощью которых человек осознает нормативность и упорядоченность жизни, делающих возможным само его существование, защищающих его от дисгармонии и хаоса.

Литература

1. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т 1.

2. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т 2.

3. *Садовская И. Г.* Мифология: Учеб. пособие. М.: ИКЦ «МарТ», 2006.

4. *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА: Изд-во Гуманитарного университета, 1996.

Н. Ю. Старикова*

Становление регулятивной функции правовой культуры (на примере архаических мифов)

Правовая культура является основой эффективности и действенности права. Сегодня правовая культура представляет собой сложный социальный институт, включающий правовые идеалы, ценности, образцы мышления и деятельности в сфере правоотношений. Понятно, что такой нормативный комплекс складывался тысячелетиями вместе с развитием социальной, хозяйственной, политической сфер человеческого общества, вместе с осмыслением людьми принципов и механизмов социального взаимодействия.

Традиционно становление правосознания и правовой культуры, ее основных функций связывают с периодом раннегосударственного развития и появления первых письменных источников права. В этом подходе есть своя логика. Действительно, государство, право, правосознание системно можно изучать именно с момента их институционального оформления. Однако правовые феномены возникают не на пустом месте. Как справедливо отмечает А. П. Семитко, «правовое сознание и правовая культура, по-видимому, “нанизываются” на некоторые достаточно давно существующие поведенческие и мыслительные, культурные формы и образцы, встраиваются в уже существующую или вырастают из уже существующей у архаических людей нерасчлененно-целостной системы мысленно-чувственного восприятия и обобщения действительности, называемой мифологией. Последняя уходит своими корнями в общинно-родовую, или первобытнообщинную формацию и теряется в бездне тысячелетий» (4, с. 85).

В мифологии многих народов с достаточно развитой культурой обнаруживается большое количество сюжетов и мотивов, свя-

* ***Наталья Юрьевна Старикова*** – ст. преподаватель кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© Н. Ю. Старикова, 2007

занных с осознанием человеком таких фундаментальных основ своего социального бытия, которые могут быть описаны при помощи категорий (весьма близких к поздним правовым понятиям) равномерности, соразмерности, равенства, меры, границы, нормы, эквивалентности воздаяния за деяние, справедливости, гармонии, порядка, его нарушения и восстановления и т. д. Следовательно, глубинные истоки правовых представлений, в особенности в той их части, в которой происходит осмысление нормального, повторяющегося, равномерного и справедливого в сложившемся порядке общественных отношений, в производстве и распределении материальных и иных благ, можно искать еще в мифологии (4, с. 87–88).

Первую группу предправовых идей можно обнаружить уже в рамках космогонических (и теогонических) мифов, объясняющих возникновение Вселенной. Сфера космогонического для мифопоэтического сознания очень широка, поскольку оно отождествляет (или по крайней мере связывает, чаще всего однозначно) природу (макрокосм) и человека (микрокосм). Будучи подобием Вселенной, человек – один из элементов космологической схемы. Сфера социального, структура и механизм деятельности человеческого общества («мезокосма») также определяются с точки зрения мифопоэтического сознания в большой степени космологическими принципами и аналогиями, которые являются фактически внутренними характеристиками социума. Переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу составляет основной внутренний смысл космогоний, содержащийся уже в архаичных мифах творения. При этом речь идет о происхождении не космоса в целом, а тех или иных явлений природы, обычаев и т. п., то есть, так или иначе, о достижении природной и социальной упорядоченности.

Уже в самых ранних, шумерской и египетской мифологических традициях отчетливо прослеживается идея необходимости порядка в жизни и защиты людей от сил хаоса. Так, шумерская мифология, а затем и литература наполнены сюжетами о сотворении божеств, которые должны следить за земным порядком, заботиться о распределении божественных обязанностей, об установлении божественной иерархии. Главное действующее лицо здесь бог-творец – Энки – «владыка земли», «владыка низа», бог мудрости и заклинаний, владыка божественных сил *Ме*, очень часто – защитник людей перед богами. В мифе «Энки и Шумер» («Энки и мироздание») Энки выступает как устроитель мирового порядка. Он приносит земле благоденствие, создает плуг, мотыгу, форму для

кирпича. От него зависит плодородие полей, садов и стад. Энки составляет божественные законы, управляющие Вселенной, и следит за их действием (3, с. 662).

Идея порядка, его нарушения и дальнейшего восстановления очень органично входит в космогоническую доктрину египетской мифологии. Согласно этой доктрине из первозданного водного хаоса, олицетворявшегося изначальным космическим божеством Нун, произошел Атум. Атум родил двух богов-близнецов: воздух – Шу и влагу – Тефнут, от которых произошли земля – Геб и небо – Нут. Их дети – Осирис, Сет, Исида и Нефтид. Между сыновьями Осирисом и Сетом зашел спор о праве на власть. Поскольку, как правило, царская власть передавалась от отца к старшему сыну, постольку царствовал на земле Осирис. Он отучил людей от дикого образа жизни, научил сеять злаки, сажать виноградники, выпекать хлеб, изготовлять вино, а также добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Он обучил людей врачебному искусству, строительству городов, учредил культ богов. Однако его младший брат Сет, желавший править вместо него, убил Осириса.

Сын Осириса – Гор решает отомстить за своего отца и восстановить нарушенное право на престол. Характерно, что согласно мифологическому сюжету Сет – олицетворение злого начала – божество пустыни, убийственной жары, бог чужеземцев, Осирис же предстает, как мы видели, покровителем производительных сил природы, подателем культурных благ и, соответственно, богатства людей. Именно поэтому в ситуации, когда Сет одолевает Осириса, в мире устанавливается засуха, торжествует злое начало, беспорядок. Но после поединка Гора с Сетом и победы Гора порядок восстанавливается (3, с. 267).

Аналогичный сюжет о происхождении порядка мы находим и в индийской мифологии Вед. Самым популярным персонажем Вед является Индра – «царь богов», «царь всей Вселенной». Индра, в первую очередь, великий, неодолимый воин, бог битвы, совершивший множество подвигов. Самая знаменитая победа Индры над драконом Вритрой может быть истолкована как борьба света и тьмы, которая приводит к победе космоса над хаосом, рождению солнца, неба и зари. Важной чертой мифологического облика Индры является его связь с плодородием. Он приносит процветание, урожай, долголетие, богатство, олицетворяет силу, посылающую дождь, пробивает каналы, вершит человеческие судьбы (2, с. 533).

Подобный герой существует также и в китайской мифологии. Это первопредок Фу-си, который научил людей охоте и рыболовству, показал, как готовить пищу на огне, создал восемь гадательных триграмм и иероглифическую письменность (3, с. 573).

Вторая группа предправовых идей представлена в этимологических мифах, поясняющих происхождение на земле законов, правил поведения, норм деятельности самого разного характера. Например, в шумеро-аккадской мифологии на этот вопрос отвечает сюжет об Инанне, Энки и *Ме* (божественных законах, управляющих миром). В Египте функцию создания правил выполняет, как мы уже видели, Осирис. В Индии второе после Индры божество – Варуна – является стражем миропорядка, определяет пути Солнца и Луны, отвечает за разграничение добра и зла, защищает богов и людей от злого начала. И, конечно, огромное количество предправовых идей, связанных с установлением порядка, норм и правил поведения, демонстрирует нам греческая мифология. Только в образе Зевса встречается сразу несколько «законодательных» идей и мотивов. Порождая различных богов, Зевс постепенно преобразует изначально неупорядоченный мир (например, дочерьми Зевса являются Эвномия («благозаконие»), Дике («справедливость») и Ирена («мир»)), вносит в него закономерную периодичность, устанавливает законы и нормы морали. Именно Зевс вложил в людей стыд и совесть – качества, необходимые в социальном общении.

Таким образом, уже в первых мифопоэтических сюжетах о происхождении мира осмысляется необходимость порядка, специальной организации деятельности людей, необходимость покровительства и защиты общественной (культурной) жизни. При этом происхождение законов и правил связывается с божественной волей центрального божества пантеона (или с первопредком), что подчеркивает особый регулятивный характер установлений. Необходимо также отметить, что данные установления не были просто культовыми интерпретациями процесса творения мира, но имели и прикладной характер, связанный с нормами непосредственного социального взаимодействия, разрешения споров, судебными функциями. В связи с этим характерно, что практически во всех мифологических традициях существуют боги – покровители справедливости, правосудия, отвечающие за верность договору или клятве, а также защитники обиженных.

Так, в шумеро-аккадской мифологии такими богами выступают Уту и Шамаш (Уту – шумерский бог света; Шамаш – аккадский солнечный бог), впоследствии отождествленные. Как бог солнца и света, а следовательно, всевидящее божество Уту-Шамаш является хранителем справедливости и истины, а также выполняет функцию судьи. Кроме того, Уту также бог – защитник и податель оракулов, отвечающий за пророчества и решения споров (3, с. 552, 639). А шумерская богиня Ишхара – «владычица справедливости и суда» выступала как покровительница прочности договоров и верности клятве. В рамках египетской мифологии регулятивной властью наделены верховный бог Ра, который видит все, что делается на земле, разбирает жалобы, отдает распоряжения, а также бог Амон – защитник угнетенных. Во время праздника Амона из его храма выносили статую, и воплощенное в ней божество изрекало в этот день свою волю, вещало оракулы, решало спорные дела (2, с. 71).

Отметим, что подобные божества были известны не только народам Востока. Так, в германо-скандинавской мифологии известен бог Тюр (Тиу) – покровитель закона и рационального мышления, знающий меру всех вещей. Предполагается, что изначально он был небесным богом в первоначальном германском пантеоне, этимологически близким греческому Зевсу и римскому Юпитеру, однако с течением времени оказался вытеснен Одином. Вместе с тем, его функции не были утеряны. Как отмечает И. М. Дьяконов, «важную роль в синкретическом стирании Тюра сыграло то обстоятельство, что «tyr» стало означать бог вообще, и поэтому мифологемы, первоначально связанные с ним, легко переносились на Одина» (1, с. 144).

И наконец, целую иерархию божеств – покровителей справедливости, разума, правосудия – мы находим в греческой мифологии и литературе. Это и Зевс, и его жена Фемида (Темида, Темис) – богиня справедливости, порядка, обычая и правосудия, и Афина – богиня мудрости и справедливой войны, защитница общественного порядка и покровительница афинской государственности, и многие другие.

Итак, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что уже в рамках архаичного мифопоэтического мышления достаточно четко осознавалась потребность в социальных регуляторах, организующих и направляющих общественную жизнь. Конечно, с оформлением социальных, политических, экономических инсти-

тутов, с появлением особой культурной и государственной традиции (началом «исторической эпохи») проблема правовых принципов и норм становится уже областью рационального мышления. Но и за пределами архаической эпохи мифопоэтическое мировоззрение и совокупность выработанных в его пределах операционных приемов продолжает оказывать сильное влияние на способ интерпретации действительности и сохраняет значение образца и модели.

Литература

1. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Изд-во «Едиториал УРСС», 2004.

2. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1.

3. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2.

4. *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА: Гуманитарный университет, 1996.

Т. В. Сысоева*

Объективная сторона убийства, совершенного в состоянии аффекта

Объект посягательства имеет большое значение для определения обьективной стороны преступления.

Объективная сторона рассматриваемого преступления складывается из аффектированного действия виновного и его общественно опасного последствия (смерти потерпевшего), причинной связи между аффектированным действием виновного и наступившим последствием.

Убийство в состоянии аффекта может быть совершено только путем активного действия. Это объясняется тем, что аффективное состояние индивида и состояние покоя являются взаимоисключающими: И. Кант сравнивал аффект с водой, прорвавшей плотину.

Аффект всегда имеет разрядку в подавлении источника, вызвавшего аффектированное состояние. Данная категория преступления отнесена законодателем к преступлениям с материальным составом, когда необходимо наступление смерти потерпевшего.

Одним из обязательных признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений является причинная связь.

В данном случае подлежат доказыванию причинно-следственные связи двух порядков. Во-первых, что аффективная реакция и совершенные на ее основе действия были причинно обусловлены хотя бы одним из отрицательных действий потерпевшего, указанных в диспозиции статьи 107 УК РФ. Во-вторых, что инкриминируемые последствия – смерть потерпевшего – находились в причинной связи именно с аффективными действиями виновного, а не с совершенными в ином эмоциональном состоянии (стресса, фрустрации и т. д.).

Однако одного установления аффекта для привлечения виновного в убийстве к уголовной ответственности по ст. 107 УК

* ***Татьяна Владимировна Сысоева*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Т. В. Сысоева, 2007

РФ недостаточно. Аффект как конструктивный элемент состава данного преступления непосредственно связывается с определенным отрицательным поведением потерпевшего. К ним закон относит: насилие; издевательство; тяжкое оскорбление; иные противоправные действия (бездействия) потерпевшего; аморальные действия (бездействия) потерпевшего; систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего.

Непосредственным поводом возникновения у виновного аффекта в большинстве случаев выступает насилие.

К насилию теория и практика относят противоправное физическое воздействие на человека, а также угрозу его применения. Насилие может быть различным по степени своей интенсивности: вред здоровью любой степени тяжести, побои, истязание и др.

Практика и доктрина уголовного права исходит из того, что насилие должно носить противоправный характер.

Если насильственные действия были применены потерпевшим правомерно, ст. 107 УК РФ не может быть применена. Однако противоправное насилие может вызвать не только состояние аффекта, но и создать ситуацию необходимой обороны для подвергшегося нападению. Если лицо, находящееся в состоянии аффекта, в момент отражения насилия превысит пределы необходимой обороны и убьет посягающего, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Совершение преступления при наличии двух смягчающих обстоятельств, отраженных в разных нормах, должно квалифицироваться по статье, предусматривающей менее строгое наказание. Вторым поводом, способным вызвать аффект, является тяжкое оскорбление. В судебной практике оно встречается значительно реже, чем насилие.

Под тяжким оскорблением, которое может вызвать состояние аффекта, понимается грубое, циничное, глубокое унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Тяжесть оскорбления – понятие оценочное, вопрос о том, какое оскорбление считать тяжким, – это вопрос факта, решаемый в каждом отдельном случае с учетом всех конкретных обстоятельств дела.

Полагается, что при оценке тяжести оскорбления необходимо руководствоваться общепринятыми нормами морали, но надо учитывать и индивидуальные особенности личности самого виновного (болезненное физическое и душевное состояние, беременность и т. п.). Нередки случаи, когда отдельные жесты, слова и выражения при наличии определенной обстановки и обстоятельств могут расцениваться виновным как тяжкое оскорбление и глубоко унизить его человеческое достоинство. Издевательство, в отличие от оскорбления, осуществляется в пристойной форме. Оно может быть выражено в глумлении над физическими недостатками человека, насмешке и др.

Аффект может возникнуть под влиянием иных противозаконных действий (бездействий) потерпевшего. Данные поведенческие акты, хотя и не являются насилием, издевательством и оскорблением, но вместе с тем характеризуются грубым нарушением прав и законных интересов виновных или других лиц.

Этот повод возникновения аффекта встречается в судебной практике сравнительно редко. К таковым можно отнести: дерзкое самоуправство, причинение смерти или вреда здоровью не в результате насилия, шантаж, клевету, повреждение или уничтожение имущества, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, невозвращение крупной суммы долга, заражение венерическим заболеванием, надругательство над могилой, кражу, мошенничество и прочее.

Характерным примером совершения иных противозаконных действий является дело по обвинению С., И., Д. по п. «Г» ст. 102 УК РСФСР.

Потерпевший С. систематически на протяжении ряда лет пьянствовал, вступал в ссоры с соседями, скандалил в семье. Он угрожал расправой.

И. писал на него и на Д. порочащие ложные сведения, которые адресовал начальнику милиции и прокурору. В день происшествия потерпевший, находясь в доме у Д., вновь затеял скандал с И., угрожал расправой, а затем, уйдя от Д., поджог дом И. Прибежав на пожар, И. и Д. видя, что дом спасти уже нельзя, стали избивать потерпевшего С. От полученных многочисленных телесных повреждений С. умер. Судебная коллегия в определении указала, что И. и Д. совершили убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконными действиями самого потерпевшего.

Аффект может быть спровоцирован не только отрицательными действиями потерпевшего, но и бездействием. К формам бездействия можно отнести случаи, когда, например, должностное лицо не выполняет законных требований виновного: «невыплата длительное время заработной платы, неоказание помощи больному лицом, обязанным ее оказывать, оставление в опасности и

т. д.». К аморальным поступкам можно отнести супружескую измену, предательство, обман.

Не подлежит сомнению, что измена, нарушение верности, может быть сильнейшим провоцирующим фактором, порождающим аффект и преступление. Для того, чтобы констатировать наличие привилегированного состава, необходимо установить все требования диспозиции соответствующей статьи Уголовного Кодекса, в том числе и то, что именуется провокацией со стороны потерпевшего, в данном случае должно быть аморальным поведением потерпевшего.

Проиллюстрируем это положение примером из практики одного из районных судов г. Екатеринбурга. А. выпивал вместе с женой и знакомым Б. После этого, когда А. находился в доме, его жена и Б. вступили в половую связь в его присутствии.

А., возмущенный этим, стал кричать на них, а когда Б. выбежал, взял нож и ударил жену, от чего последняя скончалась. Народный суд признал А. виновным по части 2 ст. 108 УК РСФСР.

В кассационной жалобе адвокат, оспаривая квалификацию, писал, что потерпевшая спровоцировала подсудимого на преступление своим аморальным поведением.

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловской областного суда переквалифицировала действия А. на ст. 104 УК РСФСР, указав в определении, что поведение потерпевшего являлось аморальным, что вызвало сильное душевное волнение у подсудимого.

Законодателем допускается возможность постепенного нагнетания психотравмирующей ситуации, вызванной противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

На практике достаточно часто встречаются ситуации, когда аффект возникал в результате переполнения «чаши терпения» у лица, длительное время подвергавшегося оскорблениям и издевательствам.

В этом случае сказывается воздействие истощающих психику факторов вследствие затяжного решения конфликта, которые отрицательно влияют на сдерживающую силу коры головного мозга и облегчают возникновение аффективного состояния. Так, С. с 1993 года регулярно злоупотреблял спиртными напитками. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, С. систематически высказывал тяжкие оскорбления и издевательства в адрес своей супруги В., периодически причинял ей побои. 12.02.99 г. С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, стал вновь выражаться в адрес

супруги грубой нецензурной бранью, а затем заявил, что ребенка она родила не от него, обозвал ее шлюхой. Последняя фраза, произнесенная потерпевшим, сыграла роковую роль: В. в состоянии аффекта убила своего мужа.

Это типичный пример аккумуляции аффекта, когда вся предшествующая аморальная жизнь потерпевшего способствовала накоплению эмоциональных переживаний, и в критический момент произошла их разрядка в форме аффективной реакции.

Таким образом, как показывает практика, аморальные безнравственные действия потерпевших являются сильным раздражителем, способным генерировать аффективное состояние у субъекта преступления.

Психотравмирующая ситуация учитывается как смягчающее обстоятельство, только если она была вызвана противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Поэтому, например, убийство жены в связи с тем, что она через суд добилась выселения мужа из квартиры и этим поставила его в тяжелое положение, нельзя квалифицировать по ст. 107 УК РФ. Таким образом, по смыслу закона аффект признается оправдательным лишь в том случае, если он спровоцирован одним из отрицательных поводов, указанных в диспозиции ст. 107 УК РФ. Следовательно, если аффективное состояние у виновного возникло по иной причине, квалификация по ст. 107 УК РФ исключается.

М. Фейар*

Защита прав инвалидов на жизнь: французский опыт

В современном мире основной ценностью правовой жизни любого общества является право на жизнь, особенно если речь идет о праве на жизнь лиц с ограниченными возможностями. В мире давно назрела необходимость принятия, наряду с международными стандартами прав человека ООН, стандарта, посвященного именно инвалидам.

После пятилетних согласований, Генеральная Ассемблея ООН 13 декабря 2006 года одобрила первый всеобъемлющий международно-правовой документ, направленный на защиту прав лиц с различными видами физических, умственных и сенсорных расстройств, – Конвенцию о правах инвалидов.

На сегоднящный день число инвалидов во всем мире составляет 650 миллионов человек, то есть приблизительно 10 % населения мира. Во многих странах их основные права давно закреплены в Конституции или/и законодательстве, либо посредством положений общего характера и основнополагающих принципов прав человека (право на жизнь, право на честь и достоинство), либо в положениях, касающихся непосредственно прав инвалидов. Но, как подчеркивает Верховный Комиссар по правам человека ООН Луиза Арбур, оказывается, что существующая система прав человека хоть и призвана поощрять и защищать права инвалидов, однако не в состоянии обеспечить надлежащую защиту инвалидов в конкретных случаях.

К проблеме защиты прав инвалидов внимание французского общества было в недавнем прошлом приковано в связи с делом Перрюше, которое заставило по-новому взглянуть на проблемы соотношения права и политики, права и нравственности.

* ***Мари Фейар*** – международный волонтер МИД Франции, преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Мари Фейар, 2007

В ноябре 2000 года Высший апелляционный суд Франции (Кассационный суд) постановил выплатить материальную компенсацию Николасу Перрюше, подростку, родившемуся с серьезными психическими и физическими нарушениями, за то, что его матери в свое время не была предоставлена возможность сделать аборт. Во время беременности мать Николаса перенесла краснуху. По ее словам, если бы диагноз был поставлен правильно, она бы сделала аборт. Согласно постановлению суда, так как ошибки, которые были совершены врачом и лабораторией в выполнении заключенного с госпожой Перрюше договора, лишили ее возможности осуществить прерывание беременности, чтобы избежать рождения ребенка-инвалида; ребенок имеет право на возмещение ущерба. Такое постановление было подвергнуто резкой критике многими юристами, Ассоциацией защиты прав инвалидов и вызвало негативную реакцию общественного мнения.

С юридической точки зрения постановление Высшего суда Франции ставило сложный вопрос о врачебной ответственности и о причинной связи между медицинской ошибкой и ущербом, который был нанесен ребенку[1]. Действительно, чтобы привлечь врача к ответственности, суд основывался на принципе, изложенном в статьях 1382 и 1383 Французского Гражданского кодекса, согласно которому «какое бы то ни было действие человека, которое причинило ущерб другому, обязывает того, по вине которого произошел ущерб, к возмещению этого ущерба».

Итак, из решения суда следует, что физические и умственные недостатки ребенка явились следствием ошибки в диагнозе, из-за чего мать Николаса не воспользовалась возможностью прервать беременность. Тем не менее, если действительная ошибка врача заключалась в ненадлежащем исполнении его обязанности сообщить диагноз матери, то возмещение имущественного и морального вреда родителям за то, что они не были готовы к рождению инвалидного ребенка оправдано. Однако трудно утверждать, что существует причинная связь между врачебной ошибкой и недостатками ребенка, раз эти недостатки являлись следствием неизлечимой болезни матери независимо от всякой ошибки в диаг-

[1] Pourvoi n° 9913701, Cour de cassation, Assemblйe plйniire, Arrкt du 17 novembre 2000 (dit «arrкt Perruche»): Rapport de M. Pierre Sargos, Conseiller a la Cour de cassation.

нозе[2]. Согласно этому рассуждению оказывается, что уничтожение больного ребенка было единственным способом избежать болезнь.

Итак, признанием права ребенка на компенсацию ущерба, на пленарном заседании Кассационного суда по сути было утверждено, что существуют «вредные» жизни, которым не стоит жить, и фактически закреплено право инвалидного ребенка «быть не рожденным» и требовать от врачей компенсации за то, что те не настояли на аборте. Это вызвало серьезную полемику о праве инвалидов на жизнь, об их месте во французском обществе. По мнению многих юристов, философов и Ассоциации защиты прав инвалидов решение Высшего суда было неприемлемым; оно, по их мнению, было негуманным и аморальным в своей основе, потому что компенсируя ущерб инвалида за то, что он родился, оно обесценивало жизнь больных людей и отрицало основное право каждого на честь и достоинство. Некоторые даже видели в этом начало развития евгеники – процесса поиска «совершенного ребенка».

Но мотивация суда и сторонников постановления по делу Перрюше была совсем другая: решение не отрицало основные права инвалидов. Человеческое достоинство осуществляется через возможность иметь достаточные материальные ресурсы для приличной жизни. Итак, путем возмещения ущерба суд позволял ребенку получать достаточно средств для того, чтобы достойно жить, независимо от материальной поддержки своих родителей.

Следовательно, главная суть проблемы являлась социальной и политической: возмещение ущерба врачами через их страховые компании фактически позволяло компенсировать недостаток и несовершенство государственной помощи инвалидам. Хотя такое объяснение тоже опровергли, ведь привлечение врачей к ответственности не должно восполнять недостатки государства.

Под давлением общественного мнения французский парламент принял так называемый закон «анти-Перрюше» от 4 марта 2002 г. о «правах больных и о качестве системы здравоохранения». Первая статья закона ставит точку на этом прецеденте, постанавляя, что «никто не может утверждать, что ему был нанесен ущерб лишь фактом его рождения». Родители по-прежнему смогут подавать в суд в случае «вопиющих ошибок» врачей. Но ущерб, нанесенный

[2] *J.Sainte-Rose.* Rйparation du prйjudice de l'enfant empkchй de ne pas naotre handicapй. Paris. Dalloz 2001. jur. P. 332.

ребенку тем, что он родился инвалидом, не может быть компенсирован путем гражданской ответственности. Возмещение ущерба ребенка должно осуществляться государством через механизм национальной солидарности.

Тем не менее, в двух постановлениях от 6 октября 2005 г. Европейский суд по правам человека осудил Францию за ретроактивное применение закона «анти-Перрюше» в делах, которые уже были текущими на момент принятия Парламентом закона. Согласно решению Европейского суда, это лишило ребенка-инвалида значительной части требований о выплате компенсации, на которую заявители могли правомерно рассчитывать (если бы французские суды использовали прецедент Перрюше). К тому же Европейский суд подчеркивал, что правительство Франции нарушило свое обещание материально поддержать инвалидов, заставляя их жить в зависимости от родителей. В связи с этим возникает редкий парадокс: прецедент «Перрюше», несмотря на его недостатки, был более выгодным для инвалидов, в то время как закон, который претендовал защищать их достоинство, лишал нескольких из них права получить компенсацию за своих физические и умственные недостатки.

Французский пример – это не единственный пример несовершенства системы защиты прав инвалидов. Обзоры целей Десятилетия ООН в 1987 и в 1992 годах показали, что несмотря на все усилия, во многих странах инвалиды так и не получили равных возможностей и остаются изолированными от общества. Если, по мнению Генеральского секретаря ООН Кофи Аннана, одобрение Конвенции о правах инвалидов открывает начало новой эры, в которой инвалиды будут иметь равные со всеми права и возможности, то прежде всего государствам необходимо ее ратифицировать. А также нужно разрабатывать и в соответствии с этими международными стандартами осуществлять конкретную национальную политику для того, чтобы принимать законодательные и административные меры обеспечения прав инвалидов и отменить существующие законы, постановления и практику, которые дискриминируют инвалидов.

*А. И. Холобудовская**

Русское учение о праве собственности конца XIX–начала XX в.в.

§ 1. Собственность как краеугольный камень гражданского порядка Б. Чичерина

Б. Чичерин как наиболее представительная фигура русского либерализма второй половины XIX в. видел источник права собственности в «существе человеческой личности и ее основных отношениях к природе»[1], а не в законе или государстве, от которого исходит данный закон, то есть понимал собственность как право естественное. Это не означает, что собственность как позитивное установление существует помимо закона, это означает, что «узаконивая собственность…, государство освящает только то, что вытекает из природы человека и что составляет неизменное требование правды»[2].

Основание и назначение права собственности лежит в отдельной личности, «творческой и вечно деятельной»[3]. В то же время для Б. Чичерина собственность является своеобразным условием свободы, поскольку «свободная воля лица составляет источник всякой человеческой деятельности», и в этом смысле собственность «образует законную область его деятельности, чем оно может располагать по своему изволению». В собственности лицо находит «и точку опоры, и орудия, и цель своей деятельности»[4]. Поэтому именно собственность лежит в основе гражданского порядка, являясь его «краеугольным камнем» – «все, что колеблет собственность, подрывает самые основы гражданского порядка»[5], потому что любое посягательство на собственность – это посягательство и на личность, и на ее свободу, и на ее деятельность. «Гражданский порядок весь зиждется на праве собственности и без него обойтись не может», а «свободная собственность при свободном труде составляет идеал всякого гражданского быта»[6].

* ***Анна Игоревна Холобудовская*** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство // Русская философия собственности. С. 113.

[2] Там же. С. 114.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 115.

© А. И. Холобудовская, 2007

§ 2. Собственность как продолжение личности в вещах В. Соловьева

Политико-правовая философия В. Соловьева, ставшая поворотным этапом в развитии русской консервативной мысли, формировалась в эпоху, когда общая идея права переживала свое полное угасание. Два крупнейших правоведа, один из старшего поколения (Б. Чичерин), другой из нового (Л. Петражицкий), единодушно заявили о разложении современного им правосознания. В это смутное время В. Соловьев выступил с обоснованием религиозной сущности права. Два мотива привели философа к новой для него проблематике: разрыв со славянофильскими иллюзиями о ненужности права для «благословенных Богом народов» и критика учения Л. Толстого, утверждавшего, что право всегда и при всех условиях вредно и безнравственно[7].

В системе В. Соловьева явно превалирует этика. По мнению философа, понятие собственности само по себе «более принадлежит к области права, нравственности и психологии, нежели к области отношений хозяйственных»[8], однако вместе с тем собственность не имеет нравственного значения в том смысле, что «имущественное положение лица не является нравственным вопросом»[9].

Собственность для В. Соловьева – это «идеальное продолжение личности в вещах, или ее перенесение на вещи»[10]. В этом определении четко прослеживается взаимосвязь вещей как объектов собственности с личностью их собственника.

Философскую мысль всегда интересовал вопрос основания права собственности. Существуют три классические теории основания права собственности – труд, завладение и договор[11]. Автор

[6] *Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 115.

[7] *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России. XI–XX вв. М., 1995. С. 276.

[8] *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 432.

[9] Там же. С. 355.

[10] Там же. С. 428.

[11] *Terre F., Simler P.* Droit civil, Les biens. 5-e ed. 1998. P. 88.

классической трудовой теории Дж. Локк считал, что по «закону разума» «разрешается, чтобы вещи принадлежали тому, кто затратил на них свой труд, хотя до этого все обладали на них правом собственности»[12]. В результате этого посредством труда человек «как бы отгораживает» свою собственность, прежде всего земельный участок, «от общего достояния»[13]. Однако со временем из-за тесноты и недостатка земли люди стали устанавливать границы, отгораживаться и, «таким образом, путем договора и соглашения утвердили собственность»[14]. Договор в этом случае – факт сугубо произвольный и ничего не добавляющий к содержанию самой собственности.

Представителем теории завладения является Барбейрак, полагавший, что право собственности принадлежит лицу, первому завладевшему вещью, в силу того, что оно прежде, нежели все другие, «в какой бы то ни было форме выразило свое намерение присвоить вещь»[15].

Основание собственности в договоре можно встретить у Гегеля. Договор – это «опосредованная форма» собственности[16]. «Лицо, отличая себя от себя, относится к другому лицу, и оба обладают друг для друга наличным бытием только как собственники. Их в себе сущее тождество получает существование посредством перехода собственности одного в собственность другого при наличии общей воли и сохранении их права в договоре»[17]. Собственность «есть лишь для воли другого лица… Это опосредование, заключающееся в том, что я обладаю собственностью уже не только посредством вещи и моей субъективной воли, а также посредством другой воли и, следовательно, в некоей общей воле, составляет сферу договора». «Договор предполагает, что вступающие в него признают друг друга собственниками…момент признания в нем уже содержится и предполагается»[18]. В договоре собственность обнаруживается как полная, бесспорная и совершенная, становится

[12] *Локк Дж*. Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 278.
[13] Там же. С. 279.
[14] Там же. С. 288.
[15] Introduction generale au droit. 1998. P. 137.
[16] *Гегель Г. В. Ф*. Философия права. М., 1990. С. 94.
[17] Там же. С. 99.
[18] Там же. С. 128–129.

собственностью для всех, правом собственности, так что договор – это основание и форма собственности.

В. Соловьев находит новое основание собственности, основание неотъемлемое и идеальное, которое заключается в самом существе человеческой личности. Однако единичная личность не может существовать сама по себе, «последовательно утверждать свою отдельность или обособленность было бы для лица даже физическою невозможностью»[19]. Безусловное значение, достоинство и ценность человеческой личности, а также основание ее неотъемлемых прав заключается в возможности совершенствования, означающей возможность входить в «живое единство со всем»[20]. Для В. Соловьева совершенствование каждого человека никогда не может быть отделено от общего, и в этом смысле «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное общество»[21].

Философ отвергает труд как реальное основание собственности, поскольку труд не производит вещей. Он производит только «полезности в вещах, но полезности, будучи только отношениями, а не реальностями, не могут быть предметом собственности», «труд, производящий не вещь, а только некоторое частное свойство в ней, неотделимое, однако, от целой вещи, не может давать права собственности на то, чего он не производил и что от него не зависит»[22]. Трудившийся имеет право собственности только на то, что им заработано.

В отношении завладения В. Соловьев отмечает ограниченность его значения, поскольку завладение в собственном смысле, то есть без всякого социального труда, вытекающее из захвата как простого акта воли, «создает особое право собственности, или “право первого занимающего” (ius primi occupantis), только в тех исключительных и все реже встречающихся случаях, когда захватываемое есть предмет никому не принадлежащий (res nullius)»[23].

Личность, а следовательно и собственность, неразрывно связана с категорией свободы. Участие каждого во всем, то есть в

[19] *Соловьев В. С.* Оправдание добра // Русская философия собственности. СПб., 1993. С. 166.
[20] Там же. С. 165.
[21] Там же. С. 166.
[22] Там же. С. 171.
[23] Там же. С. 170.

существовании человечества и целого мира, должно быть «вольным, сознательным и свободным, т. е. действительно – личным, чтобы…исполнять общее дело, как свое собственное»[24]. Именно таким образом осуществляется значение личности, переходя из возможности в действительность.

Рассуждая о собственности, В. Соловьев затрагивает вопрос свободного распоряжения предметом собственности и приходит к выводу, что несмотря на то, что «личность, согласно нравственному началу, имеет безусловные и неотъемлемые права, никак не следует, чтобы всякий акт ее воли был выражением такого неприкосновенного права», так как воля, нарушающая всякое право, не оставляет никаких неотъемлемых прав. Поскольку осуществление любого права, в том числе и права собственности, возможно только при обеспечении его обществом, личное злоупотребление правом, идущее вразрез с «общим благом, или общественной правдой»[25], должно быть ограничено.

В концепции В. Соловьева можно проследить логическую цепочку, связывающую категории личности, собственности и свободы: собственность – это «материализованная», «овеществленная» личность, которая, будучи частью единого общего целого, свободно реализует себя и свои права в рамках, установленных обществом как органическим соединением индивидов.

§ 3. Обоснование частной собственности И. Ильина

Для И. Ильина как продолжателя неоконсервативной традиции 30–40 гг. XX в. право частной собственности связано с духовным пониманием человека как творческого существа с бессмертною душою. Продолжая и развивая в своей концепции идею В. Соловьева о продолжении личности в собственности, И. Ильин утверждает, что частная собственность вложена в человека природой, поскольку для того чтобы жить, человек должен «заниматься вещами, приспособлять их к своим потребностям, посвящать им свое время, отдавать им свой труд, совершенствовать их, вкладывать в них себя и свои ценности; как бы «облекаться» в них, – словом, превращать их в объективное выражение и продолжение собственной личности»; «хозяйствуя, человек не может не сживаться с

[24] *Соловьев В. С.* Указ. соч. С. 171.
[25] Там же. С. 172.

вещью, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь»[26]. И. Ильин подчеркивает естественное происхождение права собственности, которое есть «индивидуальный способ жизни, данный человеку от природы»[27].

Человеку, как существу творческому по природе, необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей. И у И. Ильина собственность непосредственно связана со свободой, ведь свобода «выражается в творческом, отличном от мертвого механизма вещей»[28]. «Частная собственность есть свобода»[29]; хозяйственный процесс без «начала инстинктивной самодеятельности, начала личного интереса, начала духовной свободы и начала доверчивого самовложения в вещи»[30] (самодеятельность инстинктивна – это означает, что свобода как творчество присуща человеку от природы) невозможен.

Ценность, важность свободного соединения личности с вещью, а значит и рамки этой свободы, положенные в вещи, не могут быть несущественными для субъекта, а поскольку речь идет о рамках, границе, по другую сторону которой свобода ограничена другими, право собственности – это «естественное право человека, которое…должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью»[31].

И. Ильин выдвигает шесть постулатов, обосновывающих необходимость и духовный смысл частной собственности: частная собственность соответствует способу индивидуального бытия, заложенному в человека природой; частная собственность побуждает в человеке хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; частная собственность дает собственнику чувство уверенности и доверия ко всему и ко всем; частная собственность нравственно воспитывает человека «любить труд и землю, свой очаг и родину».

[26] *Ильин И. А.* О частной собственности // Русская философия собственности. С. 125.
[27] Там же. С. 129.
[28] *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства // Русская философия собственности. С. 227.
[29] *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 132.
[30] Там же. С. 127.
[31] Там же. С. 126.

1. Частная собственность способствует правовому воспитанию человека, приучая его к различению «своего» и «чужого», приучая к уважению чужих полномочий, воспитывая чувство гражданской самостоятельности и верный подход к политической свободе.

2. Частная собственность воспитывает в человеке хозяйственную солидарность, не нарушающую хозяйственную свободу[32].

§ 4. Концепции собственности представителей политического синдрома «Вех»

После революции 1905 г. политический консерватизм стал приобретать новые черты. Программным документом для интеллигенции, повернувшей к консерватизму, стали «Вехи», авторы которых (С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Струве, С. Франк и др.) предлагали отказаться от идеи доминирования социального над духовным. Кризис интеллигенции определяется в «Вехах» как кризис не коллективного, но индивидуального сознания: «То фанатическое пренебрежение ко всякому эгоизму как личному, так и государственному, которое было одним из главных догматов интеллигентской веры, причиняло нам неисчислимый вред. Эгоизм, самоутверждение – великая сила»[33].

Авторы «Вех» видели только один выход из сложившейся духовной ситуации – в отказе от нигилистического морализма и переходе к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму. Основным противопоставлением, которое они внесли в общественное сознание, стало противопоставление внутреннего – внешнему, духовного – социальному, индивидуального – коллективному[34].

Неслучайно тема собственности привлекает пристальное внимание веховцев. Именно собственность представляет собой самый яркий пример антитезы индивид – коллектив, которую представители синдрома «Вех» анализируют с духовно-идеалистических позиций.

4.1. Духовное начало собственности Н. Бердяева

Для Н. Бердяева в индивидуальном отношении лица к предметам материального мира существует духовная ценность и нравственный смысл. Поэтому «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только

[32] *Ильин И. А*. Указ. соч. С. 127–128.

[33] Вехи. М., 1909. С. 95–96.

[34] *Исаев И. А., Золотухина Н. М*. Указ. соч. С. 323–325.

потребление материальных благ, но и более преемственную духовную жизнь личности…Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским»[35].

В концепции Н. Бердяева также можно проследить триаду личность – собственность – свобода: основание собственности философ видит в человеке: «Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время…начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой и после его смерти»[36].

Свобода лежит в основе эсхатологической философии Н. Бердяева, поскольку в процессе мучительно медленного развития «должен до конца совершиться нейтральный прогресс очеловечения человечества, элементарного освобождения человеческих сил»; «задача истории – в творческой победе над источником зла… Для свободы выбора человечество должно: 1) стать на ноги, укрепить свою человеческую стихию и 2) увидеть царство правды и царство лжи, конечную форму обетований добра и обетований зла. Первое условие достигается нейтральным гуманистическим прогрессом, элементарным освобождением человечества»[37]. В материальном мире личность Н. Бердяева существует свободно, что предполагает «свободу хозяйствования, свободные и ответственные акты человека в отношении к материальной природе». Лицо, как «органический член иерархического хозяйственного организма, свободно». «Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности»[38]. И, a contrario, отрицание права собственности «есть рабство личности у стихийных сил природы»[39], и в этом смысле попытки упразднения собственности суть попытки не допустить «элементарного освобождения» человека.

[35] *Бердяев Н. А*. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русская философия собственности. С. 303–304.

[36] Там же. С. 304.

[37] *Бердяев Н. А*. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 175–176.

[38] *Бердяев Н. А*. Философия неравенства. С. 302–304.

[39] Там же. С. 304.

Однако для Н. Бердяева собственность не абсолютна, «она должна быть ограничена и подчинена более высоким началам…, связанным с космической жизнью»[40].

4.2. Религиозно-философское обоснование собственности С. Франка

Для С. Франка право собственности не имеет непосредственного морального основания, поскольку в его религиозной концепции «никакое вообще человеческое право (в субъективном смысле) не имеет первичной, имманентной, моральной силы. Смысл человеческой жизни не может заключаться в эгоизме… он заключается только в служении Богу и людям»[41]. Кроме того, С. Франком отрицается право собственности как прирожденное и абсолютное право личности: «Собственник есть не абсолютный самодержец «Божьей милостью» над своим имуществом, он есть как бы уполномоченный – правда, несменяемый и достаточно прочно обеспеченный в своем положении – управитель вверенного ему достояния, которое онтологически, в последней своей основе, есть «Божье» достояние и верховный контроль над которым принадлежит общественному целому», поэтому «как всякое субъективное право, право собственности имеет лишь функциональное, служебное значение»[42]. Примечательно то, что это «служебное значение» права собственности для философа заключается в осуществлении практически кантовской функции[43] «единственного условия реальной свободы личности»[44]. Снова налицо знакомая логическая связь трех неразрывных звеньев: личность – собственность – свобода.

В концепции С. Франка эта взаимозависимость особенно очевидна. «Непосредственная связь с человеческой личностью» собственности проявляется в том, что собственность «по своему имманентному, внутреннему существу есть необходимое расширение тела как органа духовной активности на внешнюю, ближайшую человеку природную среду»; «…эта непосредственная власть человеческой воли над окружающей средой, эта интимная связь человеческого «я» с определенной сферой внешнего мира и есть подлинное существо собственности»[45].

Собственность же – это единственное условие реальной свободы человека. Поэтому вне права собственности – «лишь абсолютный деспотизм тех, кто…распоряжается источниками материальных благ, над абсолютно порабощенной массой людей, лишенных собственности». Значение собственности для свободы личности С. Франк объясняет так: «Суть дела заключается не в том, что собственность материально обеспечивает человека и тем его освобождает…Суть дела состоит в том, что право частной собственности, создавая вокруг человека сферу материального мира, ему принадлежащего, с ним непосредственно связанного, тем самым ограждает его свободную личность». Поэтому, по мнению философа право собственности для человека, по сути, является «правом на неприкосновенность личности – прежде всего на телесную неприкосновенность, поскольку вещи оказываются простым продолжением его тела…, и затем на неприкосновенность душевную и духовную».

Такое понимание права собственности, не взирая на религиозно-нравственное отрицание его абсолютности, нисколько не умаляет его значения. «Право же частной собственности есть по существу право на свободу, на свободное самоопределение личности, вне которого нет реального “субъекта права”, а потому нет и правового порядка»[46].

---

[40] *Бердяев Н. А*. Философия неравенства. С. 305.

[41] *Франк С. Л.* Собственность и социализм // Русская философия собственности. С. 312.

[42] *Франк С. Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 428.

[43] У И. Канта собственность «как условие человеческой свободы». См.: Kant. Metaphysique des moeurs. Premiere partie. Doctrine du droit. Trad. franc. 1971 / par A. Philonenko. P. 136.

[44] *Франк С. Л.* Собственность и социализм. С. 318.

[45] *Франк С. Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию. С. 430.

[46] *Франк С. Л.* Собственность и социализм. С. 318–319.

*Е. А. Холобудовская**

Значение электронных средств правового информирования в формировании правовой культуры российского общества

Начало XXI в. – это очередной этап НТР, связанный со становлением информационного общества, ускорением темпов развития техники, автоматизацией обработки информации, созданием новых интеллектуальных технологий, превращением информации в важнейший глобальный ресурс человечества. Эти факторы ведут к кардинальному, многоуровневому изменению правовой жизни общества, делают проблему правового регулирования бытия информации одной из основных в научных исследованиях правоведов.

В настоящее время наметилась тенденция изменения характера информационного взаимодействия общества и государства, выражающаяся в расширении прав граждан путем предоставления моментального доступа к разнообразной информации, увеличении возможности людей участвовать в процессе принятия политических решений и следить за действиями правительств, предоставлении возможности активно производить информацию, а не только ее потреблять, обеспечении средств защиты частной жизни и анонимности личных посланий и коммуникаций. Уже сейчас существует много разных методов для повышения участия граждан в управлении на всех уровнях. В их числе проявление инициативы, проведение референдумов, участие в голосовании на дому и др. Данные изменения стали возможны во многом благодаря международной телекоммуникационной сети Интернет, позволяющей организовать прямую и обратную связь между государственными органами и населением на качественно ином уровне, приблизить

* ***Елена Александровна Холобудовская*** – аспирантка, помощник декана по общим вопросам, преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Е. А. Холобудовская, 2007

органы государственного управления к гражданам, улучшить работу с населением, повысить внутреннюю эффективность и сократить затраты на содержание госаппарата.

На сегодняшний день электронные средства правового информирования представляют собой достаточно динамично развивающийся организм, быстро реагирующий на текущую ситуацию, что объясняется двумя основными факторами – жесткой конкуренцией и возможностью сверхоперативного обновления размещенной информации.

Выделим основные возможности современных информационных и телекоммуникационных технологий:

1) электронные библиотеки правовой информации;
2) информационные сайты органов государственной власти;
3) юридические консультации;
4) дискуссионные клубы;
5) поисковые системы правовой информации;
6) юридические интернет-журналы.

Правовая информация, полученная путем обращения к указанным выше средствам информационных и коммуникационных технологий, изменяет в определенном смысле те или иные элементы сознания индивида, его правовую культуру, посредством чего изменяет общественное сознание, правовую культуру общества в целом. Причем сначала это взаимодействие может быть практически неощутимым, процесс идет подспудно, путем количественного накопления, а затем количественное накопление уступает место качественным изменениям.

Переход от одного уровня или типа правовой культуры к другому во многом зависит от качества и количества имеющихся ресурсов, то есть запасов и источников, необходимых для формирования и функционирования гражданского общества и правового государства. При этом существенное место среди них занимают именно информационные ресурсы.

Анализ процесса трансформации правовой культуры в современных условиях показывает, что наблюдается повышение значимости справочных правовых систем в формировании правовой культуры информационного общества.

Компьютерная справочная правовая система (СПС) – это программный комплекс, включающий в себя массив правовой информации и программные инструменты, позволяющие специалисту работать с этим массивом информации (производить поиск кон-

кретных документов или их фрагментов, выводить информацию на печать и т. д.).

Наиболее известны в России следующие продукты и разработавшие их компании:

- КонсультантПлюс (АО «Консультант Плюс»);
- ГАРАНТ (НПП «Гарант-Сервис»);
- «Кодекс» (Центр компьютерных разработок).

В числе систем, созданных государственными предприятиями для обеспечения потребностей в правовой информации государственных ведомств, следует прежде всего назвать: «Эталон» (НЦПИ при Министерстве юстиции РФ), «Система» (НТЦ «Система» при ФАПСИ).

Кроме того, на российском рынке представлены системы ЮСИС (фирма «Интралекс»), «Референт» (ЗАО «Референт-Сервис»), «Юридический Мир» (издательство «Дело и право»), «Ваше право» и «Юрисконсульт» (фирма «Информационные системы и технологии»), системы «1С:Кодекс», «1С:Гарант», «1С:Эталон» (компания «1С»), система «Законодательство России» (Ассоциация развития банковских технологий) и некоторые другие.

Степень распространенности продуктов той или иной компании на российском рынке весьма различна, и в настоящее время абсолютно точно оценить ее не представляется возможным, а данные, иногда публикуемые самими компаниями, могут быть достаточно субъективными.

Интеллектуальные технологии работы с информацией предназначены для использования прежде всего в информационно-аналитических службах различных сфер деятельности (государственного управления, бизнеса, средств массовой информации). Так, компьютерные справочные правовые системы «Гарант» и «Консультант Плюс» получили признание профессионалов как универсальный инструмент, помогающий принимать решения по правовым вопросам органам власти и управления, крупнейшим международным корпорациям, промышленным предприятиям и коммерческим структурам, финансовым компаниям и адвокатским бюро.

СПС позволяют даже далекому от законодательства и нормативных актов человеку быстро получить все необходимые сведения и узнать свои законные права и обязанности.

Вместе с тем они способствуют формированию в большей степени «мозаичных» правовых знаний у гражданина, не позволяющих ему в полной мере получить представление о праве в целом,

свободно ориентироваться и применять его в повседневной жизни.

Таким образом, условиями обеспечения доступности правовой информации посредством СПС являются материальные и интеллектуальные составляющие инфраструктуры информатизации. К ним относятся наличие соответствующих отраслей и подотраслей производства, услуг, науки и технологий, а также их продукции, бюджетное финансирование и другие формы инвестиций, наличие соответствующих специалистов, организационные и правовые механизмы, а также информационно-компьютерное просвещение граждан, рост их доходов, позволяющих получить доступ к справочным правовым системам.

Повышение правовой культуры российского общества средствами СПС – задача, которая может быть разрешена только на основе взаимодействия всех заинтересованных субъектов, начиная с уровня органов власти и управления РФ. На государственном уровне необходимо четко сформулировать: цели создания и развития системы распространения правовой информации; важнейшие условия, обеспечивающие эффективность системы распространения правовой информации; четко определить роль государства и возможные методы государственного участия в развитии системы распространения правовой информации; определить перечень необходимых нормативных актов, технических стандартов и иных регламентов, необходимых для эффективного функционирования системы распространения правовой информации; разработать и обсудить эти документы с участием всех основных специалистов в данной сфере.

Стратегии повышения правовой культуры профессиональных и непрофессиональных пользователей справочными правовыми системами, используемые в настоящее время компаниями – разработчиками соответствующих услуг, нуждаются в углублении и дальнейшем развитии. Это стратегия сотрудничества с органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, которая может развиваться в направлении принятия постановлений о передаче нормативных документов и судебных решений для размещения в базах «Гарант» и «КонсультантПлюс» всеми субъектами государственной власти и управления в РФ.

Стратегия развития учебных центров справочных правовых систем должна получить развитие в направлении расширения учебных центров фирм – производителей – информационных услуг за

счет максимально широкого охвата сотрудников органов государственной власти и управления в регионах России.

Потенциал развития стратегии взаимодействия компаний – производителей СПС с образовательной системой России состоит в максимально широком участии в реализации программы подготовки специалистов-юристов с использованием в учебном процессе СПС государственных вузов (академий, университетов, институтов); негосударственных (коммерческих) вузов; академических институтов (системы РАН и др.); учебных центров подготовки и переподготовки кадров; институтов повышения квалификации.

Что касается непрофессиональных пользователей СПС, то представляется, что реализация стратегии по обеспечению доступа граждан к правовой информации на базе библиотек является основным путем решения проблемы построения правового государства на базе повышения правовой культуры.

Г. В. Цуба*, Т. В. Филипповская**

Теневая экономика: экономические экстерналии и правовая ничтожность

Мнения экономистов и правоведов о ценности теневой экономики весьма противоречивы. Экономистов интересует, как предотвратить негативные экстерналии от фактического присутствия явления, которое можно определить как «параллельная экономика». А правоведов чаще всего интересуют издержки общества – финансовые последствия «теневой» деятельности субъектов экономики. Последнее не удивляет, так как право отражает и обеспечивает выполнение фундаментальных социальных норм. А экономическая теория в некотором смысле оказывается здесь в стороне от правовых ценностей.

Обоснуем это в рамках понятийного аппарата. Существует немалая путаница в употреблении терминов: теневую экономику отождествляют то с неформальной, то с криминальной. Между тем важно их «развести», поскольку они обозначают разные сегменты рынков.

Наиболее широкое понятие в этом ряду – неформальная экономика, представляющая собой совокупность хозяйственных отношений, которые не отражаются в официальной отчетности и формальных контрактах. Она состоит из двух частей. Одна из них находится «на свету» и включает сегменты, вписывающиеся в действующее законодательство или, по крайней мере, не противоречащие ему. Другая часть – собственно теневая экономика – не только не отражается в официальной отчетности и формальных контрактах, но и вступает в противоречие с законодательными установлениями[1].

---

* ***Галина Валентиновна Цуба*** – студентка факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** ***Татьяна Владимировна Филипповская*** – канд. педагог. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *РадаевВ.* Теневая экономика в России: изменение контуров. – http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_22_4_00_1te.htm; *Дмитриев В.* Плюсы

© Г. В. Цуба, Т. В. Филипповская, 2007

В свою очередь, не все, что находится в «тени», криминально. Важный сектор теневой экономики вполне легален по своим целям и содержанию, однако по характеру используемых средств периодически вступает в противоречие с законом. Отождествлять этот сектор с преступностью нет оснований, если мы не хотим впасть в пафос безапелляционных характеристик типа «вся экономика России насквозь криминальна и иной быть не может».

Криминальная экономика в собственном смысле – это часть теневой экономики, сопряженная с заведомым нарушением закона как по средствам, так и по целям деятельности, то есть с производством и распределением продуктов и услуг, запрещенных законом.

Можно предложить следующую классификацию неформальной экономики по степени легальности хозяйственных операций:

1. ***Легальная (неофициальная) экономика*** – экономическая деятельность, которую не фиксируют в отчетности и контрактах; однако она не нарушает ни действующих законодательных норм, ни прав других хозяйственных агентов (пример – натуральное производство домашних хозяйств).

2. ***Внеправовая экономика*** – экономическая деятельность, нарушающая права других хозяйственных агентов, но не регламентированная действующим законодательством и находящаяся тем самым во внеправовых зонах. Пример – финансовые пирамиды середины 90-х годов, которые лишь использовали «дыры» в законодательстве, но от их деятельности пострадали миллионы людей. Сюда же следует отнести нарушения экологической безопасности и т. п.

3. ***Полуправовая экономика*** – экономическая деятельность, по своим целям соответствующая законодательству, но периодически выходящая за его пределы по характеру применяемых средств. Прежде всего, она связана с разными способами уклонения от налогов, включая использование «черного нала», бартерные обмены, работу без патента и лицензии, трудовой найм без оформления и т. д.

4. ***Нелегальная, криминальная экономика*** – экономическая деятельность, запрещенная законом и по своей сути нарушающая закон: наркобизнес, незаконное производство оружия и незаконная

теневой экономики, как это ни странно. http://dp.penza.net/dpn/art/archives/00001067.htm

торговля им, крупная контрабанда, проституция, торговля людьми, рэкет и применение силы. Это «черные рынки».

Таким образом, первый и второй сегменты неформальной экономики в принципе не являются теневыми, а поэтому как правонарушение ничтожны. Тогда как третий и четвертый являются и теневыми, и с точки зрения права наказуемыми.

Однако учитель, работающий репетитором, с точки зрения права – нарушитель, а с точки зрения экономики – индивид, пытающийся доступными средствами нейтрализовать отрицательные экстерналии неэффективной социальной политики государства.

Теневая экономика почти всегда – прямо или косвенно – сопряжена с уходом от налогов. Однако в советское время это в первую очередь касалось нелегалов. Сегодня уход от налогов превратился в стержень теневой политики хозяйствующих субъектов, и, главное, в эту политику наряду с явными нелегалами вовлечена основная масса обычных, вполне «законопослушных» предприятий и рядовых граждан. Теневые сегменты все теснее переплетаются с нетеневыми. Это явление стало поистине всеобщим.

Но главное, отказ перечислять государству в полном объеме причитающиеся ему средства считают морально вполне оправданным и предприниматели, и общество. Сегодня такие действия обосновываются ссылками на тяжелую жизнь, тяжелое налоговое бремя, нелегитимное налогообложение и грабительскую сущность российского государства. Обман государства выглядит если и не доблестью, то, по крайней мере, широко признанной нормой.

Весомая часть теневой экономики всегда была связана с материальным самообеспечением широких групп населения. Но в советский период речь шла, как правило, о дополнительных источниках материальных ресурсов, о добавке к семейному бюджету в условиях всеобщего дефицита. В постсоветский же период теневая активность служит главным источником средств существования для многочисленных социальных групп. А работа в теневой сфере становится для многих основной формой занятости.

Теневой бизнес является важнейшим источником доходов для многих групп населения, в том числе социально незащищенных (учителей, врачей и т. д.). Как бы наши соотечественники ни относились к теневым предпринимателям, большинство из них предпочтет приобрести «пиратский» диск за 100 руб., а не платить 15 долларов за диск лицензионный. Следовательно, теневая экономика может вести к повышению благосостояния потребителей.

Получается, что в реальной практике некоторые правовые ценности становятся ничтожными. Люди, которые привыкли, что государство их обманывает, полагаются не на законы, которые должны их защищать, а на свои силы, зная, что, если придет беда, никто не придет им на помощь. Эта мысль надолго поселилась в нашем сознании. Получается, что сама суть теневой экономики заключается в протесте граждан против собственного государства, в отказе от него в том виде, в каком оно существует. Граждане в неявном виде не согласны с ценой, которую они должны платить за государственные услуги ничтожного качества и практически заявляют о своей «неплатежеспособности». Но вместе с тем этот протест не является публичным[2]. Однако, переходя в сферу теневой экономики, не разрушают ли экономические субъекты саму сферу публичности, не отказываются ли от общественного мира в пользу ситуации «каждый против каждого», «все против всех»?

Если по официальным оценкам объем теневой экономики в России составляет 40–60% всей экономики, то и объем «публичности», то есть нормативно-правовой инфраструктуры бизнеса, также не превышает половину требуемой нормы. Но что здесь первично, а что – вторично? Объем теневой экономики – результат деструкций нормативно-правовой сферы бизнеса, или наоборот? Не выглядит ли экономический фундамент рассуждений о теневой экономике настолько отталкивающим, что принятие его правовой системой недопустимо?

Тогда кто и что может изменить сложившийся парадокс правовых и экономических ценностей?

[2] *Игошин И.Н.* Институциональные искажения в российском обществе. М.: Изд-во Директмедиа Паблишинг, 2003. С. 62–63.

Д. А. Ягофаров*

Ценность категории оптимального в праве и проблемы оптимизации образовательного нормотворчества

В праве, как и во всякой иной сфере человеческой жизни, есть и должна быть гармония: гармония сущего и должного, положительного и отрицательного, формального и содержательного, нормотворчества и нормоприменения… Без такой гармонии просто невозможны ни само право, ни жизнь права (правовая жизнь) как таковые.

Казалось бы, простота и абсолютная точность такого посыла вряд ли кого удивит. И тем не менее, во все времена и при всяких обстоятельствах приходится вновь и вновь обращаться к этой теме.

Если внимательно приглядеться, как тема гармонии видоизменяется в зависимости от того, о какой конкретной сфере жизнедеятельности идет речь и какую познавательную технологию использует конкретный исследователь, то оказывается, что в первую очередь трансформируется термин «гармония», приобретает иное словесное звучание и прикладное значение, тогда как, и это исключительно важно, сущностное значение от этого не меняется. В качестве синонимических терминов выступают «баланс», «равновесие», «органичное сочетание» и т. п. Особое место в этом ряду отводится термину (и одноименному понятию) «оптимальность» («оптимум»), выступающему одним из центральных понятий общей теории управления и, естественно, теории оптимальности (оптимологии), которой в последнее время уделяется исключительное внимание.

Представляется, что общая теория права, тесная корреляция которой в контексте особой близости юридической практики и социального (государственного) управления с теорией социального управления и важнейшим ее разделом – теорией принятия решений,

* ***Дамир Асхатович Ягофаров*** – канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Д. А. Ягофаров, 2007

может и должна обратить пристальное внимание на понятие и в целом проблематику оптимального в сфере правового регулирования в его управленческих аспектах (прежде всего, речь идет, разумеется, о сферах правотворчества и правоприменения). Казалось бы, такое внимание уже обозначено представителями общеправовой теории[1]. Однако, как показывает анализ, авторы, в частности А. В. Ильин, к сожалению, ограничиваются самыми общими представлениями о том, что такое оптимальность (оптимизация) в сфере правотворчества и как ее, оптимальности, достигнуть. Создается впечатление, что исследователь как бы «испугался» излишней и, тем самым, недопустимой – с преобладающей пока еще догматической точки зрения на цели и задачи общеправовой теории – «технологизации» понятия оптимального при адаптировании его к правовому материалу.

На наш взгляд, подобная боязнь совершенно необоснована, однако в данной статье не ставится задача детально аргументировать это утверждение автора; вполне достаточным будет ограничиться представлением авторского видения возможностей приложения категории оптимального к сфере правотворчества и, в частности, образовательного нормотворчества (законотворчества), проблема оптимизации которого в условиях реформирования отечественного образования стоит как никогда остро.

На стадии общего осмысления проблемы оптимизации образовательного нормотворчества со всей очевидностью актуализируются выработка и хотя бы краткий анализ исходных понятий и проблем, представляющих собой систему общих и, вместе с тем, целевых посылок для последующих вполне конкретных и исключительно важных в теоретическом и практическом отношении исследований.

Категория оптимального: возможность, необходимость и особенности приложения ее к образовательно-правовой проблематике. В литературе по проблемам законотворчества, в том числе в сфере образования, тема оптимальности, как уже было сказано, звучит редко, чего не скажешь, например, об исследованиях в области экономики или социального управления[2]. Юристы говорят, как правило, об эффективности законотворчества и особенно эффективности (и, соответственно, качестве) законодательного акта, оценке этого качества и оценке эффективности их принятия[3]. Редко встретишь определения «оптимальный закон» (что синонимично выражению «оптимальное правотворческое решение»), «оптимальное качество закона» и т. п., да и в них, как показывает содержательный и лингвистический анализ, термины-понятия «эффективность» и «оптимальность», по сути дела, отождествляются.

Не проводя развернутый сравнительный анализ этих понятий, ограничимся двумя утверждениями:

во-первых, понятие оптимальности (оптимального) не отождествляется с понятием эффективности применительно к деятельностным процессам и к характеристике качества (качественности) ее продукта, хотя между ними немало общего;

во-вторых, понятие оптимальности гораздо более значительно, точнее, потенциально конструктивнее, чем эффективность.

Известно, что понятие оптимального (оптимума) (от лат. *optimus* – наилучший) впервые было введено в научный обиход выдающимся математиком Г. Лейбницем. Этимологически это слово-понятие восходит к имени древнеримской богини урожая и плодородия (позже – и богатства) Опс (или Опа) – жены бога времени Сатурна и матери главного бога древних римлян Юпитера. Богиня изображалась обычно с рогом изобилия в одной руке, а в другой – с весами, которые символизировали измерение и решение. Позже в латинском языке появляются слова «оптабилис» (желательный, желаемый), «оптацио» (желание), «оптатус» (желанный, приятный) и «оптимус» (наилучший»). Г. Лейбниц впервые вложил главный смысл в понятие оптимума – «лучший из реально возможных»[4].

Что касается эффективности (в данном случае речь идет, конечно, об эффективности социальной, или эффективности социального управления), то в социологической науке, закономерно уделяющей большее внимание именно этой проблематике, это понятие

[1] См., например: *Ильин А. В.* Оптимизация правотворческой деятельности в современной России (вопросы теории и практики). СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2005.

[2] Об этой ситуации в литературе говорилось еще в 80-х годах прошлого столетия (см.: *Бестужев-Лада И. В.* Предвидение оптимальных нормативных ситуаций // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 35).

[3] Оценка законов и эффективности их принятия: Материалы Международного семинара 16–17 декабря 2002 г., г. Рязань). М.: Издание Государственной Думы, 2003.

[4] Подробнее об этом см.: *Бестужев-Лада И. В.* Нормативное социальное прогнозирование. Возможные пути реализации целей общества: опыт систематизации. М.: Наука, 1987. С. 68, 69.

до сих пор четко не определено. Так, И. В. Бестужев-Лада в упомянутой статье приводит распространенную в отечественной социологии (в 80-х гг.) точку зрения, согласно которой главным критерием социальной эффективности является степень решения назревших социальных проблем при минимальных сроках и материальных затратах, хотя и считает такой подход весьма дискуссионным[5]. Об этом же говорит сегодня Г. В. Атаманчук, полагая, что «определить результат управления (то есть управленческой деятельности. – Авт.) и оценить приносимый им эффект весьма сложно. Нужны известные критерии, на основании которых можно было бы измерить объективацию управления… Это тем более необходимо, поскольку в обществе, среди людей весьма распространенными являются субъективистские («вкусовые») подходы к государственно-управленческим явлениям»[6].

Об отсутствии единого подхода к понятию не только социальной эффективности (эффективности социального, в том числе государственного, управления), но в целом эффективности говорится и в экономико-математической литературе. Как свидетельствует «Экономико-математический словарь», «эффективность – одно из наиболее общих экономических понятий, не имеющих пока, по-видимому, единого, общепризнанного определения»[7]. Но исходя из активно употребляемых в научной (и не только экономической) литературе понятий «эффективность экономического (социального) развития», «эффективность производства» и т. п., общее понятие эффективности все же можно определить как одну из возможных (важнейшую, но не единственную) количественных и особенно качественных характеристик некоторой системы с точки зрения соотношения цели (целей), затрат на ее (их) достижение и полученного результата[8].

При внимательном сравнении понятий оптимума и эффективности можно проследить, что в понятии оптимального (оптимума) имманентно присутствует то, чего нередко не хватает в эффективности. Если последняя ориентирует субъектов деятельности на достижение (принятие) вполне понятного по своему содержанию и последствиям результата, на средства достижения коего нередко мало обращается внимания (если не сказать более резко – главное, чтобы частное от деления результата на цель имело как можно больший (высокий) показатель[9]), то в случае оптимизации ситуация складывается иная. Здесь внимание обращается (и, подчеркнем, должно обращаться!) именно на средства и способы, на их такое содержание и соотношение (сочетание), следовательно, что особенно существенно, на состояние системы (процесса деятельности), которое и обеспечивало бы максимально полное и всестороннее достижение поставленных (стоящих) перед субъектом деятельности целей. Иными словами, если в понятии эффективности значительный удельный вес занимает «сухая» математико-прагматическая составляющая (это отражается, в частности, в статистических данных о той или иной деятельности), то в понятии оптимальности смыслообразующим его элементом выступает баланс, гармония соотношения, прежде всего и главным образом (но не единственным) инструментальных составляющих этой деятельности (средств и способов, а также условий осуществления), обеспечивающих также ее состояние, при котором достигается наилучшее при данных обстоятельствах решение задач.

Несмотря на то, что природа понятия оптимальности (оптимума) тоже имеет непосредственное отношение к математике (с точки зрения математики, оптимальная функция есть такое экстремальное значение этой функции, которое больше всех других значений – либо абсолютный максимум, либо абсолютный минимум), оно представляется значительно более удобным, приемлемым для исследований в области совершенствования законотворческой деятельности как разновидности социального (государственного) управления. В более общем виде термин «оптимум» несет в себе несколько смысловых значений, соответствующих таким понятиям:

1) наилучший вариант из возможных состояний системы;
2) наилучшее направление изменений (поведения) системы;
3) цель развития, когда говорят о «достижении оптимума».

---

[5] *Бестужев-Лада И. В.* Предвидение оптимальных нормативных ситуаций. С. 36.

[6] *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: Курс лекций. 2-е изд. доп. М.: Омега-Л, 2004. С. 480.

[7] *Лопатников Л. И.* Экономико-математический словарь. М.: Наука, 1987. С. 484.

[8] См., например: *Лопатников Л. И.* Указ соч. С. 484.

[9] Хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае нами используется несколько упрощенный подход, что оправданно, на наш взгляд, с точки зрения четкости различения рассматриваемых понятий в их существенных моментах.

Что касается *критериев* оптимальности (оптимума) применительно к нормотворческой деятельности, то эта тема по-прежнему практически нераскрыта как в теоретическом, так и в практическом (прикладном) отношении. В этой связи можно предложить следующие основные шаги в ее изучении:

1. Проведение комплексного (теоретико-правового, социолого-правового, экономического, организационно-управленческого и др.) анализа состояния всех уровней (федерального, регионального, муниципального, локального) образовательного нормотворчества в России. Выявление, классификация и характеристика основных тенденций нормотворческой деятельности.

2. Разработка теоретических аспектов проблемы экстраполяции потенциала оптимологии (науки об оптимальности) к образовательно-правовой материи в целом и образовательному нормотворчеству в частности. Разработка понятий и проведение анализа возможностей моделирования оптимального процесса образовательного нормотворчества применительно к различным его уровням: федеральному, региональному, муниципальному, локальному.

3. Выработка понятия и определение признаков (критериев) оптимального нормотворческого решения как разновидности социально-управленческого решения; характеристика особенностей оптимального нормотворческого акта в сфере образования. Разработка стратегии и научно-практических рекомендаций по созданию оптимального нормотворческого акта на различных уровнях нормотворчества и для различных его субъектов (от федерального законодателя до субъектов принятия локальных нормативных правовых актов).

Общий подход к созданию системы критериев оптимизации нормотворчества. Предложенный алгоритм изучения проблемы оптимизации нормотворческого процесса предполагает выработку достаточно стройной системы критериев такой оптимизации. Импульсом для дальнейшего конструктивного анализа, думается, могут служить следующие соображения.

Во-первых, состояние оптимальности всякой системы, процесса (деятельности) всегда носит относительный, точнее сказать, временный характер. То, что в данный промежуток времени и для данной ситуации может оцениваться как оптимальное, уже через какое-то время, в силу естественной динамики общественных отношений, изменения содержания, характера, силы воздействия различных факторов и условий, перестанет быть таковым. Другими словами, состояние оптимума нуждается в постоянной поддержке посредством корректировки самых разных составляющих воздействия на систему: политических, идеологических, психологических, правовых, материально-технических, организационно-управленческих и т. д. Достижение оптимума, тем самым, не может рассматриваться как достижение конечной цели. Поддержание, сохранение такого оптимума требует значительных усилий со стороны активных элементов системы (субъектов деятельности). Другое дело, что оценка оптимальности состояния (равно как и эффективности деятельности) носит, как правило, субъективистский (повторим выражение Г. В. Атаманчука – «вкусовой») характер, что и вызывает различного рода последствия в виде принимаемых уполномоченными органами и лицами радикальных (революционных) либо реформистских (или квазиреформистских) мер в той или иной области. В этом плане вызывает интерес как сама такая оценка, так и процесс ее принятия теми или иными субъектами, принимающими соответствующее управленческое решение.

И еще один момент: то, что сегодня может рассматриваться не оптимальным, не лучшим в условиях «здесь и сейчас», может оказаться оптимальным через какое-то время и в иных условиях. В этом плане можно говорить о процессе опережающей конструктивной оптимизации, что, в частности, встречается и в сфере нормотворчества, когда принимаемые законы или иные нормативно-правовые акты, в том числе в области образования, в данное время трудно оценить как оптимальные, но через какой-то промежуток времени, когда произойдут некие перемены в экономике, политике, политическом и правовом сознании населения, этот акт окажется «тем, что нужно», то есть оптимальным. Таким образом, и фактор времени может и должен занимать в числе элементов системы критериев оптимальности достойное место.

Во-вторых, разработка всей системы критериев оптимальности требует, как было сказано, специальных и относительно долговременных научно-практических усилий, а ядром всей этой системы, как представляется, должна выступать категория интереса, применительно же к сфере правотворчества – законного интереса. Именно баланс, наилучшее соотношение (сочетание) законных интересов всех основных участников как самого правотворческого процесса, так и адресатов его главного результата – нормативного правового акта, и является «мегакритерием» оптимального пра-

вового нормотворчества. Все иные критерии – от политических (в том числе международных) до технико-юридических – выступают по отношению к нему вторичными, вспомогательными, хотя в каждом сегменте нормотворчества они могут и выступают в качестве основных.

Выделение законных интересов как своеобразного, динамично меняющегося и многогранного синтеза права и интереса, личных и общественно значимых устремлений любого из участников соответствующего правоотношений и результатов их действий в сопоставлении с интересами других[10] имеет исключительно важное значение. Ведь помимо основной проблемы собственно оптимизации законных интересов возникает не менее, если не более, значимая проблема – определение содержания самих этих интересов и их носителей. Более того, в данном случае, как показывает практика, вступает «в игру» еще одна важная правовая категория – «автономия воли», имеющая сложное правовое содержание. Это: а) способность субъекта права к добровольному выбору варианта собственного правового поведения, б) возможность избрания сторонами гражданского правоотношения закона того или иного государства – lex voluntaris (в международном частном праве) и в) возможность одной стороны, находящейся в негражданско-договорных отношениях с другой (как правило, речь идет об административно-правовых отношениях), пользоваться (точнее будет сказать – злоупотреблять) своим особым положением для принятия решений, причиняющих определенный ущерб другой стороне.

В сфере законотворчества, регулирующего вопросы образования, можно привести немало примеров, когда законодатель принимает решения, не являющиеся оптимальными. Так, есть достаточно веские основания утверждать, что известный «122-й закон» вряд ли можно назвать оптимальным с точки зрения основного его содержания и направленности.

Оптимальность, эффективность и качество: общее и особенное в законодательстве вообще и образовательном законодательстве в частности. В исследованиях проблем оптимизации (трактуемой как процесс приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние) в области управления, а следовательно

[10] См. подробнее: *Малько А. В., Субочев В. В*. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 26 и след.

и законотворчества как разновидности государственного управления, неизбежно адаптирование познавательного инструментария теории принятия оптимальных управленческих решений, а также относительно недавно сформировавшейся оптимологии – общенаучной и трансдисциплинарной области знания, объектом которой является описание и анализ понятия, критериев, способов, средств обеспечения оптимальных процессов и управленческих решений[11] – к области законодательства (законодательной деятельности, ее продукта – законодательных актов, а также к политике в сфере законодательства как направления правовой политики в целом).

Важным элементом работы в области оптимизации в сфере законодательства является выделение следующих основных направлений.

А. Разграничение понятий «оптимальность», «эффективность» и «качество» в процессе их экстраполяции на сферу права и, в частности, применительно к вопросам правотворчества.

Как уже отмечалось, понятие эффективности так или иначе всегда корреспондирует с понятием конкретной цели и соответствующего конкретного результата. Однако в сфере социального управления, в том числе правового регулирования в целом и правотворчества в особенности, существует множество разнонаправленных и разных по содержанию целей, одновременное достижение которых как часто планируется, практически невозможно. Критерии эффективности, имея четко персонифицированную привязку, вряд ли способны дать целостную картину будущего состояния системы (результатов деятельности). В этом отношении оптимальность и ее критерии имеют несколько другое предназначение: в самом понятии оптимальности – и это самое важное – присутствует указание на необходимость достижения (обеспечения) баланса, гармонии всех составляющих процесса управления, развития или элементов системы, и что особенно важно – как объективных, так и субъективных. В данном случае мы, по меньшей мере, избавляемся от важного и отрицательного фактора, заключающегося

[11] См.: *Разумовский О. С*. Оптимология. Ч. 1: Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск ИДНИ, 1999; *Рапопорт Б. М*. Оптимизация управленческих решений. М.: ТЕИС, 2001; *Пирожков В. А*. Проблемы оптимизации управленческих решений. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987.

в давлении различных заинтересованных лиц, настаивающих на приоритете (преимуществе), соотносимом с личными критериями при определении эффективности (ее прогнозировании, моделировании).

Что же касается понятия *качества,* под которым в сфере социального управления понимается совокупность свойств объекта (предмета, вещи), обусловливающих его способность удовлетворять потребности в соответствии с назначением, то оно не совпадает ни с эффективностью, ни с оптимальностью, хотя тесно связано с ними. И тем не менее (это едва ли не самое существенное в различии понятий эффективности и оптимальности), именно оптимальность органично включает в себя категорию качества уже по одной причине: отсутствие качественных параметров (то есть параметров, характеризующих требуемую степень полезности, социальной (образовательной, в частности) ценности системы, применяемых средств и методов деятельности) есть свидетельство отсутствия оптимума. Следствием того будет установление такого состояния (результата), которое не будет иметь конструктивного характера для соответствующей области общественных отношений. Иначе говоря, оптимальность выступает существенным, можно даже сказать, смыслообразующим стержнем комплексной характеристики качества. В сфере права (правового регулирования как особого вида государственного управления) о качестве, равно как и об оптимальности, можно и нужно говорить применительно ко всем структурным компонентам этой деятельности – от качества целеполагания и качества субъектов, осуществляющих это регулирование, до качества самих принимаемых решений и качества их юридических и фактических последствий.

Б. Экстраполяция данных понятий, и прежде всего понятия и критериев оптимизации к нормотворческой (особенно законотворческой) деятельности, структурно-содержательным компонентам законодательного акта, правовой политике, а также, что особенно существенно, к социально-правовым последствиям действия принятого закона.

В данном случае речь идет о необходимости выделения и учета всех мажорантов (ведущих, системообразующих элементов) механизма правового регулирования системы образования. При этом особое внимание должны привлечь такие, как:

а) государственно-общественная политика в области образования;

б) научная (образовательно-правовая) обоснованность законотворчества как общественно-государственной управленческой деятельности.

В. Характеристика понятия, содержания, критериев, процесса и субъектов оценки оптимальности все составляющих законодательства (законотворчества).

Первое. Это касается установления критериев и параметров (показателей) оптимальности всех этих составляющих, особенно соотносимых с качеством (оптимальностью) самого закона и последствиям его действия.

Второе. В обсуждении и решении проблем оптимизации в сфере законотворчества важно разграничивать понятия «оптимальность законодательного акта», «оптимальность законотворческой деятельности» и «оптимальность законотворческой (в целом правовой) политики». Однако общим (единым) для всех этих понятий и соответствующих им социально-правовых явлений и процессов является понятие «социально-правовые последствия». При этом содержание каждого из названных понятий будет различным[12].

Для *оптимального закона* речь идет о таких социальных и правовых последствиях, которые он вызовет (вызывает) и которые могут быть оценены как объективно, так и субъективно (обществом, в первую очередь) «здесь и сейчас» как оптимальные.

Для *оптимизированной (оптимальной) законотворческой деятельности* – это выработка и принятие оптимального закона. При этом, однако, нужно иметь в виду, что система критериев оптимального (прежде всего, с точки зрения качества целей и содержания) закона еще требует своей разработки. Заметим лишь, что эта система не совпадает полностью с системой критериев самого законотворческого процесса, как не совпадают понятия «статика» и «динамика».

Для оптимальной правовой политики, выступающей, несомненно, важнейшим условием оптимальности законотворческой деятельности и законодательства в целом, главной задачей является выработка такой системы государственно-общественных отношений в области законотворчества, которая обеспечивала бы баланс общественных, государственных и личных (индивидуальных) интересов как в процессе законотворчества, так и в принимаемых законах и тем самым оправдывала бы соответствующие сбалан-

[12] См об этом подробнее: *Ильин А. В.* Указ. соч.

сированные (оптимальные) ожидания, т.е. интересы всех субъектов правовых отношений.

В законодательстве (в широком смысле) можно выделить ряд сфер, к которым необходимо приложение понятия «оптимальность» («оптимизация»):

- законодательная методология;
- техника законодательства;
- лингвистический аспект подготовки законопроектов;
- издание (опубликование) принятых законов;
- законодательная процедура;
- менеджмент законодательных проектов;
- социология законодательства;
- теория законодательства.

Экстраполяция категории оптимального в сфере законодательства должна учитывать общее и особенное (в том числе национальное, внутригосударственное), что особенно важно в компаративистском контексте.

Кодификация образовательного законодательства как критерий оптимизации законотворческого процесса. Исключительное значение, по-прежнему имеет проблема оптимальной кодификации образовательного законодательства. В настоящее время объективно возрастает потребность в разработке новой концепции (с учетом имеющегося законотворческого опыта) кодифицированного акта об образовании.

Представляется (в концептуальном отношении), что именно Кодекс об образовании как единый в масштабах страны законодательный и системообразующий (для образовательной системы) акт сможет и, по всей видимости, должен стать оптимизирующей привязкой для всего образовательного нормотворчества на всех уровнях – от регионального до муниципального. Причем такой акт не должен быть эклектичным, сложносоставным, что характерно для современных законов об образовании, а должен быть действительно гармоничным, оптимальным во всех смыслах. Новая Концепция такого Кодекса, к разработке которой, по нашему мнению, следует приступать незамедлительно, и одновременно разработка *новой Концепции Национальной доктрины об образовании* позволят достичь тех результатов, которые необходимы российской системе образования, для того чтобы адекватно ответить вызовам современной эпохи.

И. Д. Ягофарова*

Категория «мера» и ее место в правовой жизни и правовых исследованиях

«Чувство меры и границ – вот что потребно просвещенному обществу»
Б. Н. Чичерин

Категория «мера» и нередко используемое как равнозначащее понятие «предел (пределы)», столь часто употребляемые в различных сферах человеческой жизни, особую актуальность и ценность приобретают в философско-правовом поле. Это обусловлено, прежде всего тем, что они касаются наиболее болезненных проявлений жизни людей, и особенно ее правового сегмента («правовой жизни»), поскольку ими выражаются, с одной стороны, различного рода ограничения человеческой деятельности и, с другой, – обоснование таких ограничений. В сфере права непосредственными выразителями мерности поступков или принятых правовых решений являются, как правило, либо рациональные ее показатели («критерии меры»), либо показатели, имеющие психологическую природу («чувство меры», «ощущение меры (достаточности)» и т. п.). Если рациональные показатели более характерны для научных исследований (что вполне естественно в силу природы научного познания), то в сфере правовой жизни обычно преобладают показатели психологические и прежде всего так называемое и однозначно неопределяемое «чувство меры», которое не только у разных индивидов, но даже у разных народов далеко не одинаковое. Так например, характеризуя особенности менталитета русского народа, известный философ права Б. Н. Чичерин отмечал, что «отличительное свойство *русского ума* состоит в отсутствии понятия о границах. Всякое понятие является нам в

* ***Инара Дамировна Ягофарова*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного и международного права НОУ ВПО Уральский институт коммерции и права (г. Екатеринбург).

© И. Д. Ягофарова, 2007

форме безусловной. (…) Оттого русскому человеку западный часто кажется ограниченным, и действительно, немец, француз, англичанин вращаются иногда в слишком тесной среде. Но эта ограниченность не что иное, как обратная сторона того драгоценного смысла места, меры и границ, без которого едва возможно жить образованному человеку и которого мы по большей части лишены. У нас, как у восточных народов, все расплывается в бесконечность»[1].

Ограничиваясь данным высказыванием только лишь как иллюстрацией и не давая ему более или менее развернутую критическую оценку, отметим, что, действительно, понимание меры представляется нам достаточно абстрактным и условным, поэтому прежде чем говорить об установлении меры, особенно в части ограничения свободы человека какими-либо правовыми средствами, необходимо разобраться с данной категорией в теоретическом плане.

«Мера» – понятие разновекторное, приобретающее определенный смысловой оттенок в зависимости от исследуемого вопроса. «Мерой», например, обозначается средство (средства) для осуществления чего-либо[2], как правило, имеющее властный характер, применительно к правовой сфере, действие (или совокупность действий) с использованием материальных, организационных, психологических и/или иных средств, осуществляемое, как правило, уполномоченными государственными или негосударственными органами, организациями, учреждениями, лицами для достижения определенных целей экономического, политического, правового, организационного и иного характера.

Кроме того, значение слова «мера» носит и философский характер, что придает ему (слову) и ей (мере) категориальный характер. Мера здесь выступает как одна из важнейших философских категорий, выражающая собой важнейшую ступень в развитии познания (А. М. Минасян)[3]. Следует отметить, что теория познания рассматривает два основных аспекта категории «мера»: нормативный и метрический.

При нормативном подходе мера предстает как некоторая соразмерность, как некое отношение между различными количественными характеристиками в границах одного и того же качества, удовлетворяющее тем или иным человеческим (социальным) потребностям (имманентная, внутренняя мера). В «метрическом» измерении мера предстает как «количество-эталон» для других количеств, а ее функция состоит в измерении (внешняя мера)[4].

Существенно важным в контексте исследуемой проблемы представляется еще один аспект познания категории «мера». В работе В. П. Кузьмина, посвященной всестороннему анализу данной категории, выделяется три уровня проявления меры: *простая (непосредственная) мера, системная (субстанциональная) мера и реальная мера*[5].

Простая (непосредственная) мера выражает собой различные варианты сочетания количественных и качественных параметров предмета, с которым соотносится данная категория, что находит свое отражение в известных терминах «масштаб», «мерило», «мерность», часто встречающихся в языке юридической науки и практики.

Системная (субстанциональная) мера есть выражение существенной определенности явления, его системности, обнаруживаемое в соотношении с другими системными явлениями и предметами. Такая мера есть не что иное, как один из существенных признаков природы познаваемого явления, причем глубина и объективность такого познания зависят от метода и характера сопоставления данного предмета с сущностными параметрами других предметов.

Реальная мера, выступающая завершающей стадией познания явления, определяется уже не субстанционально (абстрактно), но через качественные характеристики системы, ее законы и закономерности, *конкретно-исторически*, то есть как с учетом всей совокупности действующих условий и отношений, так и опираясь на естественное, причинное объяснение их качественной определенности, их происхождения и тенденций развития[6]. Другими словами, именно эта – конкретная – мера предоставляет реальную возможность обнаружить некоторые исходные моменты для оп-

---

[1] *Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 1998. С. 402.

[2] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. С. 297.

[3] *Минасян А. М.* Диалектический материализм. Ростов н/Д., 1972. С. 116.

[4] Диалектическая логика: Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986. С. 329, 330.

[5] *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966. С. 44–87.

[6] *Кузьмин В. П.* Указ соч. С. 76, 86, 87.

ределения меры практической деятельности того или иного рода и, тем самым, конкретных критериев этой меры. К основным таким критериям можно отнести, в частности: а) знание объективных закономерностей природы, общества, их взаимоотношений; б) знание и учет конкретно-исторических условий осуществления конкретной практической деятельности; в) учет фактора потребностей и интересов (объективных обстоятельств); г) проверка в процессе общественно-исторической практики идеальных мерок, то есть идеальных предварительных мер, предшествующих действиям людей и результатам самой практической деятельности[7].

Для теоретико-правового анализа особый предметный интерес представляет именно «нормативная» мера, являющаяся мерой в собственном смысле слова, то есть действительной мерой. Под «нормативной» мерой мы предложили бы понимать, с одной стороны, меру ограничений внешней свободы волеизъявления, определяемых теми или иными социальными, в том числе правовыми нормами, и, с другой стороны, меру, чьи критерии содержания и объема также определяются нормативно. Такая мера предстает перед наблюдателем уже не только и не даже не столько как количество-эталон, а как *оптимальная соотнесенность* качественной и количественной определенностей предмета, как *соразмерность,* критерии которой определяются, устанавливаются и оцениваются нормативно.

Оценка оптимальности соотношения свободы и ограничения в действиях людей (иначе, оптимальной меры) имеет исключительное значение в двух аспектах: субъективном (имманентная мера) и объективном (внешняя мера). Имманентная мера есть мера над-метрическая (над-нормативная), для ее действительного установления нужна глубоко содержательная работа субъектов определения и установления меры свободного, элементом которой является то, что называют «чувством меры». С точки зрения внешней меры становится возможным установить и оценить внешние акты-действия, нарушающие нормативный оптимум: такие акты могут устанавливать либо *чрезмерные меры ограничения свободы,* либо *полумеры,* точнее, *меры, по своему содержанию и объему недостаточно ограничивающие* в определенных целях свободу тех или иных субъектов в той или иной области жизнедеятельности.

[7] *Кузьмин В. П.* Указ соч. С. 210.

Высказанные суждения дают, на наш взгляд, основания для выделения по меньшей мере трех смысловых пластов категории «меры» применительно к сфере правовых исследований.

Первое. Мера представляет собой элемент системы выработанных обществом, его институтами материальных и нематериальных средств и способов, с помощью которых осуществляется ограничивающее воздействие на различные формы проявления внешней свободы индивидами.

Второе. Мера есть соразмерность (оптимальное сочетание) формальных и содержательных компонентов права? как специфической разновидности социальных регуляторов и свободы? как внешнего проявления волевой активности личности, активности, направленной на удовлетворение и обеспечение этой личностью ее потребностей, интересов и целей. Поиск и установление такой соразмерности есть важнейшая и одновременно труднейшая задача, стоящая перед механизмом правового регулирования, трактуемого в самом широком смысле.

Третье. Мера может и должна рассматриваться как элемент системы (механизма) юридических гарантий законности правовых ограничений свободы человека. В этом отношении понятие меры немногим отличается от мер в первом смысловом аспекте.

Меры, существующие в обществе и ограничивающие свободу действий субъекта, отражают бесконечное множество зависимостей человека от самых разных обстоятельств и условий, определяющих его материальное и духовное бытие в социуме. В свою очередь, все эти меры, независимо от того, осознаются они индивидом или нет, находятся в системной взаимосвязи друг с другом, то есть образуют достаточно сложную систему, под которой понимается множество взаимодействующих элементов[8].

[8] *Аверьянов А. Н., Базалин Б. Г.* Современные представления о категориях «система» и «элемент» // Материалистическая диалектика: В 8 кн. Кн.1: Материалистическая диалектика как научная система. С. 212–215. Эти же авторы отождествляют категорию «система» с категорией «совокупность». Не вдаваясь в детали философского анализа соотношения этих двух категорий, мы тем не менее считаем, что более строгий формально-логический анализ не дает оснований говорить о полном тождестве данных категорий уже по одной только той причине, что в таком случае придется игнорировать важнейшую составляющую содержания понятия «система» – взаимовлияние и взаимообусловленность образующих ее элементов.

Множество и разнообразие мер, ограничивающих свободу человека, обусловливают возможность и необходимость их классификации по самым различным основаниям в зависимости от: природы их происхождения (естественные, искусственные, смешанные); природы социальных норм, выступающих ограничителями свободы (обычаи, традиции, нравственные, религиозные, политические, правовые нормы; особое место здесь занимают технические, экономические, экологические нормы и нормативы); срока действия ограничения (срочные (временные), бессрочные (постоянные или длительного действия); степени «жесткости» ограничения (жесткие, гибкие); характера ограничения (прямые, опосредованные); субъектов выработки и применения ограничительных мер (общественные и/или государственные институты, институты международного сообщества, должностные лица, вообще любые властеносители и т. д.); форм и средств выражения и реализации (обязанности, дозволения, запреты, требования, условия и т. п.); и др. Рассмотрение указанных видов мер ограничительного характера является интересным и актуальным, поскольку при анализе выявляется немало проблемных моментов.

В заключение хотелось бы отметить, что в теоретико-правовой литературе пока отсутствует предметный интерес к системной характеристике категории меры, ее сущности, научной и практической ценности. Данное понятие рассматривается главным образом представителями различных философских течений[9]. Полагаем, что правовая наука, и прежде всего общая теория права, учитывая напряженность методологической ситуации, в которой она находится в последние время, должна повысить свое внимание к правовым граням категории меры. Теоретическую и особенно практическую актуальность и ценность таких исследований трудно будет подвергнуть сомнению.

---

[9] *Аверьянов А. Н., Базалин Б. Г.* Современные представления о категориях «система» и «элемент» // Материалистическая диалектика: В 8 кн. Кн.1.; *Минасян А. М.* Диалектический материализм. Ростов н/Д., 1972; *Тер-Григорьян Е. О.* Содержание и форма // Материалистическая диалектика: В 8 кн. Кн.1: Материалистическая диалектика как научная система. М., 1983.

Раздел второй

Человеческий капитал как фактор экономического роста

*Л. М. Адиева**

Образование как главный фактор инвестиций в человеческий капитал

Согласно теории человеческого капитала качество рабочей силы является одним из основных факторов экономического роста.

В свою очередь, качество рабочей силы определяется уровнем человеческого капитала, который включает в себя способности, знания, умения, компетенцию, присущие индивидам, важнейшими формами которого являются формальное образование, повышение квалификации и трудовая миграция. При этом затраты на образование и профессиональную подготовку работников следует относить к прямым инвестициям, а затраты на медицинское обслуживание и уход за детьми, на их воспитание (затраты, связанные с воспроизводством материальных носителей человеческого капитала) – к сопряженным. Прямые вложения в человеческий капитал увеличивают его объем; сопряженные – продлевают срок его «эксплуатации», улучшают условия его функционирования, повышают отдачу, сокращая заболеваемость и смертность.

Состояние современной системы образования во многом предопределяет развитие страны на ближайшие десятилетия. В связи с этим актуальным становится выявление того, что препятствует или, напротив, стимулирует воспроизводство человеческого капитала.

Ценность работника как носителя человеческого капитала и уровень его оплаты существенно зависят от качества полученного образования, и даже от того, какое конкретно учебное заведение он окончил.

В последние годы отечественный рынок образовательных услуг существенно расширился: увеличилось количество как государственных, так и негосударственных вузов, число специальностей и направлений подготовки специалистов. Вместе с тем ужесточаются требования рынка к качеству обучения и уровню квалификации выпускников. Поэтому вполне естественно, что молодежь, готовясь к поступлению в тот или иной вуз, гораздо серьезнее, нежели прежде, задумывается о своей будущей (после его окончания) конкурентоспособности на рынке труда.

* ***Лилия Махаметьяновна Адиева*** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Л. М. Адиева, 2007

Многие специалисты в области высшего образования отмечают явный дисбаланс (как количественный, так и качественный) между количеством выпускаемых дипломированных специалистов и реальными потребностями в них. Подготовка в высшей школе регулируется федеральным министерством образования, запросы же рынка носят стихийный характер и недостаточно изучены.

В начале текущего года в прессе прошла информация, что, по словам Министра образования и науки РФ Андрея Фурсенко, его министерство готово внести в Госдуму законопроект об обязательном 11-летнем образовании. Данное мероприятие способно оказать влияние на воспроизводство человеческого капитала, а в конечном итоге – и на экономический рост страны, но современная система образования просто не приспособлена для такого быстрого перехода ко всеобщему полному среднему образованию. И принудительными методами проблему нехватки квалифицированной рабочей силы не решить.

Разработанная также правительством среднесрочная программа социально-экономического развития до 2008 г., хотя и содержит ряд важных мер, направленных на развитие человеческого капитала (реформирование образования и здравоохранения), не нацеливает на решение принципиально важных стратегических задач, включая обновление всей системы трудовых отношений.

Между тем очевидно, что достижение цели экономического роста невозможно без резкого повышения качества труда. С учетом демографического спада эффективное использование трудовых ресурсов в ближайшей перспективе станет единственно возможным фактором увеличения национального ВВП.

Состояние здоровья населения, и особенно его трудоспособной части, выдвинулось в число специфических ограничителей экономического роста, который в сложившихся условиях возможен только на основе интенсификации. Последняя же требует улучшения состояния здоровья людей, способных выдерживать повышенные нагрузки при работе на современном оборудовании по новым технологиям. Между тем у бизнеса, впрочем, так же как и у государства, сохраняется потребительское отношение к здоровью населения.

Для того чтобы состояние трудового потенциала не вступило в конфликт с необходимостью обеспечения высокой динамики ВВП, необходим переход к инновационной модели развития. Она ориентирована на постоянное наращивание инвестиций в разработку и внедрение новой техники, прогрессивных технологий, научные исследования, а также на принципиальное обновление всей системы трудовых отношений. Реализация такого варианта связана с формированием новой экономики и, соответственно, с подготовкой или «выращиванием» специалистов и работников новых поколений, обладающих высокой квалификацией, способных генерировать новые методы труда и управленческие решения.

Следует также отметить, что оценка эффективности вложений в человеческий капитал упирается, в первую очередь, в измерение профессиональной ценности работника, которая со временем изменяется. Определяя профессиональную полезность работника при найме, надо иметь в виду, что данная величина непостоянна, и, проводя аналогию с основным капиталом, можно сказать, что она подвергается физическому и моральному износу. При этом моральному износу подвержен сам человеческий капитал, физическому – его носитель.

Существует также аналогия между износом основного и человеческого капитала. Физический износ человеческого капитала связан преимущественно с «амортизацией» его носителя – старением работника, возрастным снижением его работоспособности. Однако существует и отличие в процессе износа человеческого капитала от износа средств труда. В течение трудовой деятельности без каких-либо инвестиций протекает процесс, противоположный физическому износу, а именно – приобретаются новые знания, новые навыки, повышающие ценность работника.

Моральный износ человеческого капитала связан, прежде всего, с научно-техническим прогрессом и является важнейшей причиной вынужденной структурной безработицы. Появление принципиально новой продукции и снятие с производства устаревшей, рождение современных технологий, вытесняющих старые и сокращающих рабочие места, – все это обесценивает определенные блоки знаний и навыков, что и приводит к моральному износу человеческого капитала. Процесс этот неизбежен, но он предсказуем. Вытеснение старого изделия новым и замена устаревших технологий происходят отнюдь не мгновенно. Идеи современных конструкций, изделий и технологий появляются задолго до их внедрения в производство. Поэтому прогнозирование инноваций в национальной экономике позволяет не только предвидеть появление новых безработных, но и определить направления инвестиций, предназначенных на воспроизводство кадрового потенциала, таким образом, чтобы предотвратить отрицательные последствия морального износа человеческого капитала. Обязательным элементом воспроизводства человеческого капитала в наше время становится подготовка и переподготовка работников, в частности руководителей и специалистов, в течение всей их трудовой карьеры.

Идеи, заложенные в теории человеческого капитала, оказали серьезное воздействие на экономическую политику государства. Благодаря ей изменилось отношение общества к вложениям в человека. В них научились видеть инвестиции, обеспечивающие производственный, причем долговременный по своему характеру, эффект. Это обеспечило теоретическое обоснование для ускоренного развития системы образования и подготовки высококвалифицированных кадров.

*А. А. Аношкин**

Корпоративная культура в исследовательских проектах Гарвардской Школы Бизнеса

Настоящая работа посвящена анализу последних тенденций в гарвардской традиции изучения организационной культуры. Автор ставил целью представить основные идеи, высказанные в 2003–2006 годах исследователями Гарвардской Школы Бизнеса, изучающими корпоративную культуру.

Работа основана на материалах электронного издания HBS Working Knowledge (HBSWK). HBSWK предлагает читателям статьи, посвященные новым концепциям, разрабатываемым исследователями ГШБ.

Мы выделяем два направления в работах ГШБ о корпоративной культуре. В первом случае авторы исследуют культуру взаимоотношений работника и работодателя: идентификацию сотрудника с компанией, идентичность сотрудника на работе, вознаграждение наемного работника. Вторая группа исследований посвящена вопросам стилей управления в компании: бюрократия, принципы корпоративного управления, принятие решений.

В рамках данной статьи мы рассмотрим первое, выделенное нами, направление исследований.

Взаимоотношения работника и работодателя драматически менялись в XX–XXI веках. Исследователи Гарвардской Школы Бизнеса акцентируют внимание на том, что эффективное управление в современных условиях должно базироваться на взаимовыгодном обмене в духе теории Адама Смита: «дай мне то, что хочу я, и ты получишь то, что хочешь ты».

Прежде всего, необходимо признать, что взаимоотношения работодателя и работника носят временный характер, и каждый из контрагентов преследует свои цели. L. Johnson считает, что современная «лояльность» сотрудника компании не обязательно измеряется десятилетиями, сотрудник вполне может быть «лоялен» корпорации на определенном промежутке своей жизни и карьеры (один из интервьюируемых Johnson сравнил такую «лояльность» со «свиданием») [4].

* ***Артем Александрович Аношкин*** – аспирант кафедры культурологии Пермского Государственного Технического Университета (г. Пермь).

© А. А. Аношкин, 2007

Не надеясь на естественный процесс ассимиляции работников в компании, работодатель должен прилагать усилия для достижения временной идентификации работника с предприятием: совмещать карьерные цели работников и цели корпорации; предлагать работу с большим количеством разнообразия и автономии; обрисовывать связь между целями работников и миссией корпорации [4].

Вознаграждение наемного работника должно быть адекватно тем результатам, которые от него ожидаются.

J. Heskett, исследовавший формальные корпоративные бонусы (отпуск для молодых отцов, корпоративный детский сад, социальный пакет и т. п.), предположил, что чем больше бонусов, высвобождающих личное время сотрудников, корпорация учреждает, тем больше времени сотрудники тратят на работу [3].

M. Anteby исследует феномен «несунов», людей, использующих корпоративные возможности в личных целях, и приходит к выводу, что такая практика не всегда оказывается губительной, иногда она приводит к повышению производительности труда, «чем больше корпорация дает своим сотрудникам, тем больше получает взамен» [8].

Компании должны способствовать формированию открытой внешнему миру корпоративной культуры, стимулируя общение сотрудников с коллегами из других компаний и отраслей.

Профессор L. Fleming исследовал процесс распространения инноваций и пришел к выводу, что инновации не рождаются внутри одной команды инноваторов. Инноваторам необходимо общаться с людьми из других стран, с людьми из конкурирующих компаний, с коллегами по бывшей работе. Компании и организации, ограничивающие общение своих инноваторов, сильно тормозят процесс развития инноваций [2].

Культура корпоративного управления (управления в интересах владельцев и акционеров) также должна стать более открытой. R. Khurana замечает, что сегодня сформировался своего рода «закрытый клуб», куда входят люди, претендующие на должность исполнительного директора в «корпоративной Америке». Не существует настоящего рынка труда исполнительных директоров [6].

Корпоративная культура не должна быть «монолитом», считают исследователи Гарвардской Школы Бизнеса.

Во-первых, компаниям следует поощрять разнонаправленность идентификации сотрудников, идентичность которых не должна быть связана только со статусом внутри корпорации. Корпорациям лучше быть мультикультурными, говорят профессора D. Thomas и R. Ely, чем более разнообразна среда внутри компании, тем больше шансов, что эта среда окажется «здоровой». В корпорации должны быть представлены этнические, сексуальные, религиозные и другие меньшинства [7, 9].

Во-вторых, корпоративная культура должна быть менее конформной. A. Edmondson и J. Deteret обращают внимание на то, что далеко не всегда сотрудники корпорации смело высказывают идеи и замечания, которые у них имеются. Люди просто «не решаются чего-нибудь сказать». M. Roberto отмечает, что американским компаниям не хватает здоровой дискуссии, все оказываются слишком склонными соглашаться друг с другом. По мнению Roberto, нежелание людей спорить, открыто не соглашаясь с мнением коллег и руководителей, мешает правильно оценивать идеи и бизнес-инициативы, стимулируя ошибки [1, 5].

Тенденции, оказывающие влияние на корпорации в современном мире: глобализация, развитие «новой экономики», появление нового типа работника, мало привязанного к определенному месту работы, – оказывают значительное влияние на исследования корпоративной культуры в Гарвардской Школе Бизнеса.

Сегодня исследователи ГШБ призывают уделять больше внимания фундаментальным различиям в целях и мотивации работодателя и наемного работника. Корпорации должны прилагать усилия для достижения временной идентификации работника и работодателя, основанной на пересечении интересов и взаимовыгодном сотрудничестве.

Корпоративная культура должна быть скорее «мозаичной», чем монолитной, а корпорациям необходимо оставаться открытыми для влияния внешнего мира.

Литература

1. Gilbert S.J. Do I Dare Say Something? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/5261.html

2. Grant S. Caves, Clusters, and Weak Ties: The Six Degrees World of Inventors [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/4516.html

3. Heskett J. Work-Life: Is Productivity in the Balance? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/4243.html

4. Johnson L.K. Rethinking Company Loyalty [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/5000.html

5. Lagace M. Don't Listen to «Yes» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/4833.html

6. Lagace M. The Irrational Quest for Charismatic CEOs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/3095.html

7. Lagace M. Racial Diversity Pays Off [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/4207.html

8. Silverthorne S. Homers: Secrets on the Factory Floor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/5035.html

9. Thomas D.A. IBM Finds Profit in Diversity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hbswk.hbs.edu/item/4389.html

К. А. Бармина, Е. Б. Мицек***

Мотивация и компенсация труда работников

Деньги – это наиболее очевидное средство вознаграждения труда работников. Противоречивые оценки количества денег, необходимого для мотивации эффективных действий, восходят еще к временам зарождения теории человеческих отношений. Сторонники этой теории утверждают, что важнейшее значение имеют социальные потребности людей, в то время как сторонники теории научного управления стоят на том, что вознаграждения материально-экономического характера обязательно ведут к усилению мотивации.

Хотя Фредерик Герцберг и пришел к выводу о том, что большинство людей относят оплату только к гигиеническим факторам, обеспечивающим отсутствие неудовлетворенности, тем не менее, многие бихевиористы считают, что деньги в определенных ситуациях могут служить мотивирующим фактором. Один из них, в частности, писал, что «применение теории потребностей Маслоу к заработной плате позволяет сделать вывод о том, что она удовлетворяет многие потребности различного типа – физиологические, потребности уверенности в будущем и признании. В одной из своих ранних работ Герцберг допускал, «что заработная плата, надлежащим образом связанная с результатами труда сотрудника, может становиться мотивирующим фактором результативности труда..., т. е. обычно зарплата не связана непосредственно с результативностью и является гигиеническим фактором».

Этот вывод получил поддержку исследователей-бихевиористов, изучавших теорию ожидания. Они установили, что только при наличии определенных условий рост зарплаты стимулирует повышение производительности труда. Первое из них состоит в том,

* ***Ксения Алексеевна Бармина*** – преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** ***Елена Борисовна Мицек*** – канд. экон. наук, завкафедрой менеджмента Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© К. А. Бармина, Е. Б. Мицек, 2007

что люди должны придавать зарплате большое значение. Второе заключается в том, что люди должны верить в существование четкой связи между зарплатой и производительностью, и конкретно в то, что увеличение производительности обязательно приведет к росту зарплаты. Очевидно, что для персонала желательно наличие связи между зарплатой и достигаемыми трудовыми результатами.

Исследования показали, однако, что хотя большинство менеджеров и провозглашают свою приверженность оплате труда по конечному результату, но на практике они компенсируют затраченные работником усилия в соответствии со стажем и проведенным на работе временем, а вовсе не по характеристикам достигнутых результатов.

Для того чтобы установить взаимосвязь между зарплатой и достигаемыми в итоге трудовой деятельности результатами, Эдвард Лоулер предложил следующее объяснение:

Зарплата любого работника может быть разбита на три компоненты. Одна часть зарплаты выплачется за выполнение должностных обязанностей, и все, кто занимается в данной организации аналогичными обязанностями, получают за это одинаковое вознаграждение. Вторая часть зарплаты определяется выслугой лет и факторами стоимости жизни. Все сотрудники фирмы получают эту компоненту зарплаты, но ее величина автоматически ежегодно регулируется. Наконец, выплата третьей компоненты происходит не автоматически. Она варьируется для каждого работника и ее величина определяется достигнутыми им результатами в предшествующий период. Плохой работник скоро увидит, что эта компонента его зарплаты минимальна, а хороший поймет, что у него она, по крайней мере, столь же велика, сколь первые две компоненты вместе взятые. Эта третья компонента не будет, однако, автоматически нарастать. Из года в год она может меняться в зависимости от результатов, достигнутых работником в предшествующем году. Увеличение оклада может происходить только в связи с изменением масштабов ответственности, возлагаемой на работника, выслуги лет и ростом стоимости жизни. Реально заслуженная и заработанная конкретным человеком часть зарплаты может меняться, и весьма резко, так что если результативность труда работника падает, то упадет и зарплата посредством урезания ее переменной части. Смысл этой системы состоит, прежде всего, в увязывании зарплаты работника с результатами в текущий

период. Таким образом, производительность «влечет за собой большие изменения в оплате».

Теоретически в системе частного предпринимательства должна быть однозначная связь между тем, что и как вы делаете и сколько за это получаете. Оплата и производительность должны быть связаны между собой. Общество ориентировано на конечные результаты деятельности, и в основе всего лежит предположение, что полная компенсация за затраченные усилия, включая зарплату, должна в разумной степени отражать вклад каждого работника или еще более конкретно то, насколько эффективно он работал.

Доктор Ричард А. Гендерсон отмечает в этой связи:

«Необходимо обязательно иметь в виду, что мотивация работника, в конце концов, сопряжена с общей системой вознаграждений данной организации, которая может обеспечить почти неограниченное их разнообразие, «подключая» к системе интенсификации труда. В то же время, в организации может происходить бесчисленное множество таких событий, которые будут «отключать» работников. (Некоторые из них могут контролироваться организацией, а некоторые – нет.) Для того чтобы деятельность организации была высокопроизводительной, необходимо, чтобы степень воздействия «подключающих» событий была значительно более мощной, чем «отключающих». Один из наиболее мощных инструментов «подключения», имеющийся в распоряжении организации – это программа оплаты и стимулирования труда.

Каждый, кто работал с людьми, знает, что имеется практически неограниченное количество факторов и способов воздействия на мотивацию конкретного человека. Более того, тот фактор, который сегодня мотивирует конкретного человека к интенсивному труду, завтра может способствовать «отключению» того же самого человека. Никто точно не знает, как действует механизм мотивации, какой силы должен быть мотивирующий фактор и когда он сработает, не говоря уже о том, почему он срабатывает. Все, что известно, это то, что работник трудится ради денежного вознаграждения и комплекса компенсационных и поощрительных мер. Работник может в определенной степени распорядиться полученными деньгами по своему усмотрению. Денежное вознаграждение и другие компоненты компенсации обеспечивают необходимые условия выживания, развития работника, проведения им досуга в настоящем, а также уверенность в будущем, развитие и высокое качество жизни в расчете на перспективу.

Эти компоненты компенсации, конечно, никоим образом не могут удовлетворить всех потребностей работника. Вместе с тем, организация обеспечивает своим работникам буквально сотни других вознаграждений, которые могут временами существенно усиливать и дополнять программу оплаты и стимулирования труда и зачастую удовлетворять те потребности, которые не по силам этой программе».

В неменьшей степени сводная программа мер компенсации какой-либо организации способна охарактеризовать и то, как данная организация оценивает значимость работы, порученной данному человеку и достигнутые им результаты. В этой связи бесспорным является тот факт, что ценность какого-либо вида деятельности и ценность человека, работающего в этой должности, – две совершенно разные вещи.

А. А. Воротников, Г. В. Дорощенко***

Трудовые ресурсы как фактор экономического роста агропромышленного комплекса

Высокоэффективный аграрный сектор экономики – основа материального и социального благополучия общества, без которого невозможно его устойчивое развитие, своего рода гарант обеспечения и сохранения национальной безопасности страны. Однако стабильное развитие данной отрасли невозможно без полного изучения всех имеющихся в ней ресурсов.

Сельское хозяйство занимает особое положение как в системе АПК, так и в экономике нашей страны в целом. От темпов и степени устойчивости развития сельского хозяйства зависят темпы экономического роста, макроэкономические показатели. Сельское хозяйство в настоящем и будущем останется основным поставщиком продуктов питания, которые другие отрасли не могут ни заменить, ни произвести [1, с. 260].

В настоящее время в сельскохозяйственном производстве выделяют четыре вида производственных ресурсов: трудовые, материальные, финансовые и природные. Из них определяющими и наиболее активными являются трудовые ресурсы, представляющие собой способное к общественно полезному труду население. В процессе производства они приводят в «движение» все остальные виды производственных ресурсов во имя достижения поставленных перед сельскохозяйственным производством экономических и социальных целей [3, с. 91–92].

Согласно [2, с. 226] под трудовыми ресурсами принято понимать часть трудоспособного населения, обладающего физическим развитием, умственными способностями и знаниями, которые необходимы для работы в народном хозяйстве. Критериями для выделения из общей численности населения трудовых ресурсов являются верхняя и нижняя границы трудоспособного возраста, которые устанавливаются государством с учетом социально-экономических условий. Верхняя граница трудоспособного возраста одновременно является началом пенсионного возраста, хотя по отдельным видам работ пенсионный возраст устанавливается на 5–10 лет раньше (например, в сельском хозяйстве механизаторы и мастера машинного доения имеют право на досрочное пенсионное обеспечение в связи с особыми условиями труда).

* ***Александр Алексеевич Воротников*** – студент Белорусского государственного университета (г. Минск).

** ***Григорий Васильевич Дорощенко*** – студент Белорусского государственного университета (г. Минск).

© А. А. Воротников, Г. В. Дорощенко, 2007

К трудовым ресурсам в сельском хозяйстве относится та часть населения, которая обладает необходимыми физическими данными, знаниями и навыками труда в сельскохозяйственном производстве. Достаточная обеспеченность сельскохозяйственных предприятий трудовыми ресурсами, их рациональное использование, высокий уровень производительности труда имеют большое значение для увеличения объемов продукции и повышения эффективности производства. В частности, от обеспеченности сельхозпредприятия трудовыми ресурсами и эффективности их использования зависят объем и своевременность выполнения всех работ, эффективность использования оборудования, машин, механизмов и как результат – объем производства продукции, ее себестоимость, прибыль и ряд других экономических показателей.

В настоящее время, при формировании обеспеченности сельского хозяйства трудовыми ресурсами, особую остроту приобретают демографические проблемы формирования трудового потенциала, так как дальнейшее развитие агропромышленного комплекса будет происходить в условиях количественной несбалансированности рынка труда. Это связано с серьезными изменениями в экономической, политической, социальной сферах, что сказывается на формировании и использовании рынка рабочей силы. Количество трудовых ресурсов определяется исторически сложившимися природно-экономическими условиями и демографическими особенностями воспроизводства населения данного региона и не зависит непосредственно от объема производства продукции. В результате в сельском хозяйстве, как правило, в производстве занято столько людей, сколько имеется в данном хозяйстве, а не сколько нужно для выполнения работ в лучшие агротехнические сроки. Правильная оценка обеспеченности рабочей силой дает возможность осуществления рациональной занятости. Оценка трудового

потенциала проводилась для хозяйств Лунинецкого района Брестской области. При проведении оценки обеспеченности сельхозпредприятий трудовыми ресурсами весьма эффективным является использование геоинформационных технологий, которые позволяют создать комплекс различных картографических и статистических материалов. Данный комплекс материалов позволяет проследить изменение обеспеченности сельскохозяйственных организаций трудовыми ресурсами как в пространстве, так и во времени. С помощью ГИС-технологий были построены картограммы обеспеченности сельскохозяйственных организаций трудовыми ресурсами, а также проведен грид-анализ трудового потенциала сельских населенных пунктов Лунинецкого района Брестской области. В результате проведенных исследований были получены следующие результаты. Корреляционный анализ показал, что наибольшее влияние на выход валовой продукции оказывает трудообеспеченность (коэффициент парной корреляции равен 0,89), что подтвердило тот факт, что трудовые ресурсы являются определяющими среди всех производственных ресурсов в сельском хозяйстве. Далее по силе воздействия идут энергооснащенность и качество обрабатываемых земель (коэффициенты парной корреляции равны 0,67 и 0,41, соответственно). Более слабо на выход валовой продукции сельского хозяйства влияет фондооснащенность (коэффициент парной корреляции равен 0,35). Индекс трудообеспеченности изменяется по району от 0,65 до 1,64 (по отношению к среднерайонному уровню). Почти во всех хозяйствах исследуемого района наблюдается несоответствие между площадью обрабатываемых сельскохозяйственных земель и имеющимися трудовыми ресурсами, что сказывается на результате их работы. Для повышения эффективности работы сельскохозяйственных организаций района необходимо произвести перераспределение земель в соответствии с имеющимися трудовыми ресурсами. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что перераспределение земель в соответствии с имеющимися трудовыми ресурсами позволить повысить экономическую эффективность использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве.

Литература

1. *Клюня В. Л.* Агропромышленный комплекс Республики Беларусь в условиях переходной экономики: проблемы и пути решения.

Избранные научные труды Белорусского государственного университета: В 7 т. Юриспруденция. Экономика. Международные отношения / Отв. ред. В. Н. Годунов. Мн.: БГУ, 2001. Т. 3.

2. Словарь-справочник землеустроителя / Под ред. А. С. Помелова. Мн.: Учеб. Центр подгот., повышения квалификации и переподг. кадров землеустроит. и картогрофо-геодез. службы, 2004.

3. Экономика предприятий и отраслей АПК: Учебник / Под ред. П. В. Лещиловского, Л. Ф. Догиля, В. С. Тонковича. Мн.: БГЭУ, 2001.

*С. Г. Гартман**

Влияние человеческого капитала на финансовые результаты деятельности организации

В последние годы XX века менеджмент полагал, что люди, а не деньги, здания или техника – решающий отличительный признак успешного предприятия. По мере движения в новое тысячелетие и существования в условиях экономики, основанной на знаниях, становится невозможным отрицать, что именно люди – источник прибыли.

Во многих школах экономической теории понимание человека ограничено так называемым «экономическим человеком». Марксистская политэкономия провозгласила человека главной производительной силой общества и конечной целью развития производства.

Человеческие ресурсы – понятие, отражающее главное богатство любого общества, процветание которого возможно при создании условий для воспроизводства, развития, использования этого ресурса с учетом интересов каждого человека. Понятие «человеческие ресурсы» более емкое, чем «трудовые ресурсы» и «персонал», так как содержит в себе совокупность социокультурных характеристик и личностно-психологических свойств людей. Специфика человеческих ресурсов в отличие от всех других видов ресурсов (материальных, финансовых, информационных и др.) состоит в следующем:

• люди наделены интеллектом, следовательно, их реакция на внешнее воздействие (управление) – эмоционально-осмысленная, а не механическая; процессы взаимодействия между субъектом управления и людьми являются двусторонними;

* ***Светлана Геннадьевна Гартман*** – аспирант, старш. преподаватель экономики Современной Гуманитарной Академии (г. Москва) Барнаульский филиал (г. Барнаул).

© С. Г. Гартман, 2007

• вследствие обладания интеллектом люди способны к постоянному совершенствованию и развитию, что является наиболее важным и долговременным источником повышения эффективности любого общества или отдельной организации;

• люди выбирают определенный вид деятельности (производственной или непроизводственной, умственной или физической) осознанно, ставя перед собой определенные цели.

Одной из основных причин экономического спада в России является дефицит управленческих навыков и умений. Инвестиции в совершенствование управления занимают промежуточное положение. Связано это с тем, что при неэффективном управлении все преимущества новых технологий будут нивелированы. Так, бессмысленно приобретать гибкое оборудование для выпуска фиксированного ассортимента продукции. Недостаточно подготовленные сотрудники также не смогут использовать все возможности нового оборудования.

За последнее время произошли многочисленные научно-технические революции. Среди них особо следует отметить информационную, компьютерную, электронную и телекоммуникационную революции. Одновременно вследствие интеграции национальных рынков в общемировые ожесточилась конкуренция. Все это снизило характеристики среды. Значительно возросли ее сложности, нечеткость, неопределенность, динамичность и турбулентность. Значительное увеличение турбулентности среды совместно с ужесточением конкуренции привело к требованию наиболее полного раскрытия творческого потенциала сотрудников.

Различным аспектам реструктуризации в основных областях и особенно в области работы с персоналом посвящено множество постоянно обновляющихся материалов. Большинство из них – ежегодные обзоры, проводимые консультационными компаниями. В значительной степени ценность этих материалов заключается в определении основных тенденций. К сожалению, они переполнены советами относительно того, что следует делать специалистам по работе с персоналом, и описанием распространенных методик.

Результаты изысканий показали, что для большинства отделов по работе с персоналом необходима новая модель поставки услуг, которая одновременно позволит улучшить обслуживание клиентов, обеспечит консультирование по стратегии бизнеса и снизит расходы на администрирование работы с персоналом. Подобно тому как ведомость поступлений показывает одновременно прибыль и рас-

ходы, можно сказать, что затраты на человеческий капитал сопровождаются различными расчетами прибыли и стоимости. Основные расходы на человеческий капитал – это зарплата и выплаты по льготам сотрудников, оплата временных рабочих, убытки от отсутствия работников и от текучки кадров. Комбинация зарплаты, льгот, временных работников, отсутствия работников и текучести кадров составляет общий расход организации на человеческий капитал.

Расходы на персонал являются основой для разработки производственных и социальных показателей организации. Доля расходов на персонал в себестоимости продукции имеет тенденцию к росту, что обусловлено: отсутствием прямой зависимости между производительностью труда и затратами на персонал; внедрением новых технологий, предъявляющим более высокие требования к квалификации персонала, который становится более дорогим; изменением законодательства в области трудового права, появлением новых тарифов, повышением цен на товары первой необходимости. Таким образом, по мере развития рыночных отношений появляется необходимость учитывать новые виды затрат, связанные с участием работников в прибылях и капитале организации.

Отношение инвестиций в человеческий капитал к рентабельности можно увидеть при помощи коэффициента, вытекающего из формулы добавленной стоимости человеческого капитала. Коэффициент окупаемости инвестиций в человеческий капитал относится к коэффициенту окупаемости инвестиций в смысле отношения дохода к деньгам, потраченным на выплату зарплат и льгот сотрудникам. Из анализа следует, что расходы на человеческий капитал могут быть намного больше, чем обычно считается. Важно, однако, независимо от того, какой величины расходы или как они изменяются, отношение человеческого капитала к производительности и рентабельности было с определенностью установлено.

Особую значимость планирование расходов на персонал приобретает потому, что в условиях рынка единственным товаром, который будет неуклонно дорожать, является рабочая сила. Анализ показал, что в организациях, где установился высокий уровень заработной платы, расходы на персонал в расчете на год на одного работополучателя эквивалентны стоимости трех новых легковых автомобилей среднего класса. К тому же приходится учитывать и влияние изменений в численности персонала на величину побочных расходов: на обеспечение работополучателей спецодеждой,

на организацию и оснащение дополнительных рабочих мест, на оборудование и отопление служебных помещений.

Человеческий, сырьевой и энергетический капитал, а также оборудование и условия работы инвестируются в процессы. Все руководители хотят знать с некоторой долей уверенности, насколько актив человеческого капитала повлиял на результат деятельности организации. С одной стороны, это очевидно, поскольку все другие формы капитала пассивны. Только действие работника вызывает результат.

Социально-экономическое положение страны оценивается, прежде всего, по тому, находится ли она в данный момент на подъеме, в расцвете сил либо переживает спад, кризис и испытывает усиление социальной напряженности. В то же время события, происходящие в любой стране, являются неотъемлемой частью человеческой цивилизации в целом, выражением общих для мира тенденций.

Всегда, а на современном этапе общественного развития особенно, успешная деятельность любой организации зависит от высокой результативности труда занятых в ней работников, от их квалификации, профессиональной подготовки и уровня образования, от того, насколько условия работы и быта благоприятствуют гуманизации труда, удовлетворению материальных, социальных и духовных потребностей людей, разностороннему проявлению личности.

В нашей стране в условиях рынка и конкуренции создана система показателей по труду, опирающаяся на зарубежный опыт и учитывающая особенности отечественной экономики. Подобная система показателей позволила организациям осуществлять анализ и планирование своей деятельности на научной основе, на базе широкой и достоверной информации о конкурентах.

Литература

1. *Аналоуи Ф., Карами А.* Стратегический менеджмент. М., 2005.
2. *Фитц – енц Я.* Рентабельность инвестиций в персонал. М., 2006.
3. *Тренев Н. Н.* Стратегическое управление. М., 2002.

П. Глазков, Т. В. Филипповская***

Риски развития человеческого капитала в современной России

Согласно экономической теории, при принятии управленческих решений выделяются три возможных среды их принятия: определенности (детерминированности), риска (вероятностной определенности) и неопределенности. Среда определенности характеризуется известными ведущими состояниями системы или, другими словами, известными возможными исходами реализации решения. Риск определяется как опасность, возможность убытка или ущерба. Следовательно, риск относится к возможности наступления какого-либо неблагоприятного события. Под риском принято понимать вероятность возможных потерь части ресурсов, недополучения доходов, появления дополнительных расходов по сравнению с вариантом, предусмотренным проектом, или дисперсию вокруг предполагаемого результата. Среда неопределенности соответствует такой ситуации, когда известны только возможные исходы реализации проекта и не известны вероятности этих исходов.

С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть трансформацию социальной сферы России, происходящую в последние двадцать лет. Основным регулятором социальной сферы выступает социальная политика государства. Показателем эффективности социальной политики считаем уровень и качество развития человеческого потенциала.

Среди множества мнений экономистов о социальной сфере нашей точке зрения наиболее соответствует точка зрения Курта Флекснера, высказанная в его работе «Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом»[1] . По мнению К.Флекснера, клас-

* ***Павел Алексеевич Глазков*** – студент факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Татьяна Владимировна Филипповская – канд. педаг. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Флекснер К.* Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом. М.: Международные отношения, 1999. С. 120.

© П. А. Глазков, Т. В. Филипповская, 2007

сические, а также большинство неоклассических экономистов относились к процессу распределения богатства и собственности очень просто. Считая людей существами разумными, они рассматривали их с чисто экономической точки зрения. Это вызывает некоторые сомнения по ряду причин. Во-первых, политическая и социальная природа процесса распределения богатства в обществе требует таких оценочных суждений, которые бы не ограничивались экономическими подходами, характерными для традиционных экономистов. Во-вторых, чтобы правильно понять социальное значение дохода личности и богатства общества, необходимо определить его функции с точки зрения способности удовлетворять нужды и потребности людей в контексте выживания и качества жизни.

С нашим мнением созвучно высказывание К.Флекснера и о том, что судить о благосостоянии государства и качестве жизни общества по размерам валового национального продукта (ВНП), как это делается в наши дни, не только неразумно, но и неправильно. Оценивать ВНП, не принимая во внимание источники богатства и дохода, – значит оценивать явление экономической эффективности без учета потребностей общества, отдельного человека и окружающей среды. Однако именно это и происходит в наши дни, поскольку экономика, в том виде, в каком она существует на данном этапе, является скорее отражением абстрактного, количественно выраженного процесса, чем общественной наукой или искусством.

Если мы хотим, чтобы производство стало процессом сотрудничества, позволяющим добиваться высокой эффективности и заботиться об интересах людей и потребностях окружающей среды, то оно должно строиться на реалистичной теории распределения доходов. Качество жизни зависит не только от внешних факторов, но и от физического, умственного и эмоционального благополучия и здорового отношения к жизни. Однако экономисты судят об успехах экономики главным образом по количественным показателям, например объему потребления на душу населения или размерам ВНП.

Постиндустриальные вызовы с их демографическими проблемами привели к кризису традиционного «государства всеобщего благоденствия» и поставили перед многими странами задачу глубокой трансформации их социальной сферы. Иными словами, современная Россия столкнулась не с проблемами кризиса советской социальной системы, а с гораздо более глубокой проблемой, и потому поиск и создание новой модели социальной политики отно-

сятся не к области догоняющего развития, а к сфере, общей для всех развитых стран мира[2].

Вопрос о приоритетной роли человеческого капитала активно обсуждался политическим руководством и правительственными экспертами на протяжении примерно двух лет, в сентябре 2005 г. они были предложены В. Путиным в качестве «национальных проектов», а фактически национальных приоритетов развития страны. Речь шла о развитии образования, здравоохранения, жилищного строительства (внедрении ипотеки), а также о решении социальных проблем села. По мнению аналитиков Института экономики переходного периода (ИЭПП), в каждом из названных национальных приоритетов можно выделить две группы действий: с одной стороны, выделение дополнительных бюджетных ресурсов на повышение оплаты труда работников соответствующих отраслей и групп населения, с другой – осуществление структурных реформ в соответствующих секторах. Две названные группы действий неотделимы друг от друга. Было бы политически опасно и экономически неэффективно решать одну задачу при игнорировании другой. Однако риски такого развития событий весьма существенны.

Думается, что особое внимание следует обратить на мнения ученых ИЭПП, которые утверждают, что рост финансирования без структурных реформ может дать даже отрицательные результаты. Более высокая зарплата приведет не к обновлению персонала, а к консервации кадров, сохранению тех врачей и учителей, которые давно потеряли квалификацию и не станут лучше лечить и учить, даже если им поднять зарплату в 100 раз. Рост расходов на оборудование может обернуться тем, что закупаться оно будет по завышенным ценам, и не то, которое действительно необходимо, например для больниц и лабораторий. А увеличение финансирования жилищного строительства при нынешнем уровне монополизации рынка строительных услуг может привести лишь к взвинчиванию цен и обогащению кучки предпринимателей – локальных монополистов.

Словом, ученые считают, что деньги являются только первым – и не самым важным – шагом на пути подъема названных секторов. Необходимо одновременно активизировать усилия по проведению структурной реформы социальной сферы, особенно по ре-

[2] Российская экономика в 2005 году. Тенденции и перспективы.(Вып. 27. М.: ИЭПП, 2006. С. 646.

формированию бюджетных организаций. Итак, издержки проведения реформ в здравоохранении и других социальных отраслях очень высоки. И практически для всех субъектов внутри отрасли соотношение выгод и издержек при сохранении существующей ситуации лучше или, по крайней мере, не хуже, чем в случае ее изменения. Это является важнейшим фактором торможения реформ.

Препятствием служит и отсутствие в российском обществе достаточного широкого консенсуса в отношении целей и содержания необходимых преобразований. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что объектом ведущейся критики выступает не реальное, а мнимое содержание реформ. Это, по нашему мнению, отражает, во-первых, высокую степень недоверия к действиям государства, а во-вторых, наличие глубокого конфликта в российском обществе – расхождения требований эффективности и справедливости, предъявляемых к реформам со стороны правительства, региональных властей, отраслевых сообществ, населения.

К. Флекснер прав и утверждая, что проблема потребления значительно усложнилась из-за того, что человечество изобрело различные общественные институты, такие как корпорации и правительства. Воздействие этих институтов на потребление зачастую определяется факторами, отличными от целей удовлетворения потребностей человека и окружающей его среды. Это еще одна причина, почему гений человека и его стремление познать мир, нашедшие отражение в великих научных открытиях и социальных изобретениях, должны мудро и осторожно направляться человечеством, иначе мы потеряем контроль над этим процессом и станем марионетками, пляшущими под дудку сумасшедшего дудочника.

Н. А. Гончарова*

Кризис человеческого капитала в России

В последние 30–40 лет прогрессивно повышается роль человеческого капитала как главного двигателя экономического роста. Порожденные этим процессом изменения вызвали сдвиг качественного характера в экономическом развитии. Речь идет о становлении экономики, основанной на знаниях. Экономический рост не исчерпывается накоплением капитала и расширением масштабов производства – он измеряется увеличением объема знаний, используемых на практике. В экономически развитых странах предприятия по меньшей мере треть своих инвестиций вкладывают в основанный на знаниях нематериальный капитал, в профессиональное обучение кадров, патенты, лицензирование, проектирование, маркетинг.

В условиях экономики, основанной на знаниях, стал реальностью глобальный рынок человеческого капитала. Он представляет собой составную часть мирового рынка, который и определяет динамику перемещения квалифицированной рабочей силы. Эффективность развития экономики во многом определяется накопленным и реализованным в стране человеческим капиталом. В современных условиях знания и квалификация являются важными факторами экономического роста и социального прогресса общества. Главное богатство любого общества составляют люди, поэтому вопрос изучения проблем эффективности использования производительных основных сил, реализующихся в современных условиях в форме человеческого капитала, является актуальным. Благодаря развитию теории человеческого капитала изменилось отношение общества к вложениям в человека. В них научились видеть инвестиции, обеспечивающие производственный, причем долговременный по своему характеру, эффект, способствующий качественному экономическому росту.

---

* ***Наталья Алексеевна Гончарова*** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Н. А. Гончарова, 2007

Понятие «человеческий капитал» является достаточно сложным и многогранным, поэтому имеются различные его определения.

Категория «человеческий капитал» понимается как качественный аспект, характеризуемый уровнем образования, способностью повышать доходы и производительность работников, вносить вклад в общее экономическое развитие. Трудовую деятельность можно рассматривать как: а) труд регламентированный и б) труд творческий (интеллектуальный или инновационный).

Неоднородность интеллектуального капитала человека выражается, прежде всего, в том, что одна его часть неотделима и неотчуждаема от человека-владельца (она не может быть воспроизведена и передана другому), другая же, наоборот, может быть «скопирована» и отчуждена в пользу другого субъекта

В последние годы численность трудовых ресурсов России имеет тенденцию к сокращению. Снижается численность учащихся, растет численность трудоспособного населения, не занятого в народном хозяйстве страны.

Подобные процессы отрицательно влияют на социально-экономическое развитие страны. Такая ситуация существует и в Китае с его 1,3 млрд. населения. Ее обострение показывает, к чему может привести недооценка необходимости управления этой сферой, недооценка отдельных качественных характеристик человеческого капитала – образовательного уровня, профессиональной структуры, мобильности, способности к восприятию нововведений и т. д.

Важную роль в накоплении человеческого капитала играют транснациональные компании благодаря четкой стратегии, высокой эффективности производства, грамотному инновационно ориентированному менеджменту, способности человеческого капитала содействовать развитию инициативного, творческого труда, результат которого во многом определяется уровнем предпринимательской культуры, умением человеческого капитала компаний не только видеть и решать сиюминутные проблемы, но и определять конкурентную стратегию на перспективу.

Вообще в воспроизводстве человеческого капитала причудливо сочетаются как позитивные, так и негативные тенденции. К числу последних относятся: сокращение численности населения в трудоспособном возрасте; ухудшение здоровья населения; саморазрушительное поведение и связанный с ним рост числа инвалидов (в том числе из-за распространения наркотиков); падение трудовой морали и этики; «моральный износ» квалификации и образования;

отсутствие возможностей или желания повысить квалификацию или пройти переподготовку. В частности, программы подготовки стали рассматриваться как эффективное орудие борьбы с бедностью, возможно, более предпочтительное, чем прямое перераспределение доходов. Общепринятые оценки экономического неравенства, основанные на измерении текущих, а не пожизненных доходов, являются преувеличенными. Молодежь, инвестирующая в свое образование, сознательно отдает предпочтение низким текущим доходам, с тем чтобы получить впоследствии доступ к высокооплачиваемым рабочим местам

В этой связи для повышения качества человеческого капитала необходимо:

• осознание и законодательное закрепление целей и системы приоритетов в росте человеческого капитала, поскольку только устойчивый рост человеческого капитала способен обеспечить переход страны в постиндустриальную стадию развития;

• определение форм участия государства в процессах увеличения человеческого капитала. Для повышения качества человеческого капитала нужны и институты, обеспечивающие своевременную и адекватную реакцию экономики и общества на изменения профессиональной структуры рабочей силы и спроса на нее

Необходимо создавать информационно управляемую, высокоорганизованную систему, способствующую активизации человеческого фактора в экономике за счет устранения огромных различий в доходах и ценах, и одновременно осуществлять инновационно-структурное воспроизводство. Все это позволит удержать высококвалифицированный персонал в стране и устранить мнение большинства по поводу «утечки мозгов».

Экономическое и социальное развитие России в будущем в значительной степени зависит от отношений общества к процессам повышения качества человеческого капитала.

С. Ю. Лисовец*

Проведение оценки персонала как метод оценки человеческого капитала организации

Поскольку человеческий капитал является основным ресурсом организации, то невозможно успешно управлять людьми, не имея представления об их профессиональных и личностных качествах. Именно поэтому акционеры и топ-менеджеры заинтересованы в регулярной оценке персонала. Таким образом, оценка персонала – комплекс мероприятий, позволяющих определить, насколько сотрудник обладает характеристиками и знаниями, которые необходимы ему для решения производственных задач.

Некоторые руководители придерживаются мнения, что незачем тратить время и деньги на специальные процедуры, если любой менеджер и так знает, кто и как работает под его началом. Такой подход оправдан в небольших компаниях, но чем быстрее развивается организация, чем больше численность ее персонала, – тем выше необходимость оценки навыков и знаний работников как одного из возможных методов оценки человеческого капитала организации.

Оценку человеческого капитала организации можно проводить следующим образом: выделяются семейства принципиально важных должностей, профессий или групп работников, на плечи которых ляжет непростой груз реализации стратегии в ближайшие несколько лет. Для каждой должности составляется профиль компетенций идеального работника, проводится оценка де-факто готовности сотрудников к реализации выбранной компанией стратегии и разрабатываются целевые программы развития, обучения, удержания именно этих работников, количество которых, как правило, не превышает 10 % от общей численности персонала компании.

---

* ***Светлана Юрьевна Лисовец*** – канд. технич. наук, член РАЕН, доцент, директор НОУ Современная Гуманитарная Академия Барнаульский филиал (г. Барнаул).

© С. Ю. Лисовец, 2007

Рассмотрим подробнее процесс проведения оценки человеческого капитала. Первоначально сотрудник проходит оценочные процедуры на разных этапах работы в компании:

• В ходе отбора кандидатов на существующую должность. На этом этапе применяются такие методы, как биографическое интервью, анализ рекомендаций, структурированное интервью, профессиональные и личностные тесты.

• После окончания испытательного срока – проверить соответствие новичка занимаемой должности. Для этого применяются методы оценочного интервью, а также личностное и профессиональное тестирование.

• Регулярная оценка деятельности. Это наиболее часто встречающийся повод для проведения оценочных мероприятий. Применяются методы оценки по принципу «360 градусов», а также оценка результатов деятельности на основании управления по целям и ключевых показателей эффективности.

• В ходе ротации, повышения в должности или включения в кадровый резерв. Данные действия основываются либо на результатах проведенной регулярной оценки деятельности, либо применяется метод оценочного интервью.

• При принятии решения об увольнении сотрудника. Желая уволить сотрудника, работодатель должен привести доказательства его несоответствия занимаемой должности. Основания для увольнения сотрудника по результатам аттестации определены нормами трудового законодательства РФ, в т. ч. нормой статьи 81 ТК РФ.

Целями проведения оценочных мероприятий в компании являются:

• Выявление потребностей в обучении сотрудников, формировании учебного плана.

• Планирование карьерного роста сотрудников, создание индивидуальных листов развития.

• Формирование кадрового резерва на ключевые должности.

• Корректировка компенсационных пакетов сотрудников.

• Диагностика ситуации в компании в целом.

• Оптимизация организационной структуры и улучшение системы управления.

• Отбор кандидатов при приеме на работу.

Участие в оценочных мероприятиях дает сотруднику некоторые преимущества: гарантию того, что его достижения за прошедший период не останутся без внимания; ясное понимание поставленных задач и критериев успешности их выполнения; возможность диалога с непосредственным руководителем и получения от него обратной связи; возможность профессионального и карьерного роста.

Для проведения оценки следует определить цели, то есть иметь понимание того, зачем проводится оценка персонала. Нечеткое определение целей может привести к выбору некорректных методов, следовательно, и к получению недостоверных результатов.

Следующим этапом следует выбрать методы оценки персонала или их сочетание, которые могут применяться в зависимости от целей. Выбор методов оценки персонала зависит от уровня развития компании, ее задач и специфики корпоративной культуры. К ним можно отнести: биографическое интервью, тестирование, интервью по компетенциям, оценку по методу «360 градусов», решение бизнес-кейсов, ассессмент-центр, аттестацию, оценку по ключевым показателям эффективности. Следующим шагом является разработка инструментов оценки, к которым относятся: анкеты, бланки для наблюдений, экзаменационные вопросы, тесты и т. д.

Далее следует проведение оценочных мероприятий: формирование оценочной комиссии, обучение членов комиссии навыкам оценки (навыки постановки вопросов, реагирования на ответы аттестуемых, наблюдения за реакцией аттестуемых).

Последним этапом проведения оценки является анализ результатов и предоставление обратной связи. Эти мероприятия рекомендуется осуществлять сразу после завершения оценки аттестуемых, чтобы избежать потерь собранной информации.

В заключении необходимо выделить некоторые факторы, которые мешают развитию организации и выявление которых в результате оценки человеческого капитала поможет своевременно разработать комплекс профилактических мер. Вот они:

• неэтичное поведение;
• отсутствие индивидуального обучения;
• отсутствие коллективного обучения;
• отсутствие чувства собственной необходимости;
• отсутствие участия в капитале компании;
• отсутствие коммуникации;
• отсутствие душевного спокойствия;
• отсутствие внутренней заинтересованности;
• отсутствие преданности делу;
• отсутствие доверия;
• отсутствие удовольствия;
• отсутствие интеллектуального развития.

Е. А. Лукашова*

Человеческий капитал: социально-экономическая интерпретация

В экономической теории в качестве факторов, влияющих на экономический рост, рассматривается достаточно широкий набор переменных, которые можно объединить в следующие группы: физический и природный капитал (основные фонды, природно-сырьевые ресурсы), человеческий капитал, финансовые ресурсы, технический прогресс и эффективная организация экономики (эффективность функционирования институтов).

В современных условиях в любой сфере экономической деятельности человеческий капитал, его объем, качество и формы использования, выступает главным фактором экономического роста, конкурентоспособности и эффективности [1, с. 299].

Достижения человеческого разума, интеллектуализация производства на современном этапе привели к новому витку в развитии общества, создали более благоприятные условия для реализации творческих возможностей человека в политической, экономической, социальной и культурной жизни. Появилась возможность направить человеческую деятельность на решение новых задач, нацеленных не столько на удовлетворение потребностей в жизненно необходимых благах, сколько на повышение качества жизни.

В ряде научных публикаций [2, 3] человеческий капитал рассматривается как совокупность врожденных способностей, уровня общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, социального и физического здоровья, мотивов деятельности, побуждающих к созданию дохода. Основными сферами деятельности, формирующими человеческий капитал, являются научно-образовательный комплекс, система здравоохранения и отрасли, определяющие условия жизни.

* ***Елена Александровна Лукашова*** – студентка 2-го курса факультета экономики и менеджмента Донецкого национального технического университета (г. Харцызск).

© Е. А. Лукашова, 2007

Из множества инвестиций в человеческий капитал наиболее важными являются вложения в образование и здоровье. Образование является ведущей отраслью человеческого капитала, поскольку опосредованно способствует увеличению капитала здоровья человека. Улучшение его социального благополучия оно рассматривает как способ повышения доходов отдельного человека и как источник экономического роста. Общие последствия недостаточного инвестирования в человеческий капитал можно увидеть как на микро- , так и на макроуровне: это потеря трудового потенциала нации, связанная с катастрофическим ухудшением состояния здоровья всех слоев населения, повышением уровня смертности, заболеваемости [4, с. 181]. Наблюдаемый процесс деградации человеческого капитала имеет под собой определенную экономическую основу – бедность населения, т. е. состояние, когда совокупные доходы домохозяйств не обеспечивают даже простого воспроизводства рабочей силы.

Величина человеческого капитала страны зависит от двух основных факторов: демографической ситуации (общая численность населения, его структура, продолжительность жизни, рождаемость, смертность) и качества человеческого капитала.

Динамика качественных характеристик человеческого капитала определяется уровнем жизни, развитием и использованием знаний, профессиональной подготовкой, здоровьем, долей экономически активного населения.

Качество человеческого капитала во многом зависит от тенденций развития производства и экономики в целом. Увеличение человеческого капитала на 1% приводит к ускорению темпов роста ВВП на 1–3 % на душу населения [5].

Переход к новому качеству экономического развития государства предполагает достижение синергетического эффекта основных факторов развития, свойственных современной мировой экономике и обеспечивающих:

- формирование национальной экономики на основе развития человеческого капитала;
- использование достижений науки и техники для освоения более высоких технологий и создания конкурентоспособных производств;
- качественное изменение организации и управления в жизни общества;
- прирост на базе внутренних источников накопления;
- проведение экономической политики, содействующей созданию информационно-индустриального общества [2, с. 40].

Человеческий капитал в настоящее время является не просто новым восприятием человеческого фактора в экономике, он сам по себе гораздо более значим, поскольку представляет и движущую силу, и объект воздействия. Сочетая в себе двойственную природу социального и материального, человеческий капитал имеет преимущества перед материальным капиталом. Более того, в современных условиях все больше сторонников завоевывает точка зрения, что человеческий капитал – наиболее ценный ресурс современного общества, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство [6, с. 61]. Экономический рост все более понимается как качественный рост, когда приоритетное развитие человеческого капитала становится основой изменения не только структуры производства, но и качества жизни. Опыт последних десятилетий подтверждает, что на роль лидеров в социально-экономическом развитии всегда претендовали страны, имеющие наиболее высокий уровень человеческого капитала.

Литература

1. *Рудакова О. В.* Человеческий капитал в эпоху глобализации // Интеллектуальные силы человечества и гармония мирового развития. Материалы международной интернет-конференции. Вып. 1 / Под ред. А. В. Безгодова. НЦ «Планетарный проект». Орел: ОрелГТУ, 2006. 394 с.

2. *Погосов И. А.* Перспективы экономики России: предпосылки социально-инвестиционного развития // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3. С. 27–41.

3. *Смирнов В. Т., Сошников И. В., Романчин В. И., Скоблякова И. В.* Человеческий капитал: содержание и виды, оценки и стимулирование: Монография / Под ред. д.э.н., профессора В. Т. Смирнова. М.: Машиностроение-1; Орел: ОрелГТУ, 2005. 513 с.

4. *Семикіна М. В.* Економічна мотивація інвестування в розвиток людського капіталу підприємства // Актуальні проблеми економіки. 2004. № 5. С. 178–185.

5. *Гвоздева Е. С., Штерцер Т. А.* Человеческий капитал как фактор развития России // www.sibai.ru/index. php? option= com_ content&task=view&id=603&Itemid=720

6. *Колядин А. П.* Структурные элементы человеческого капитала // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 2. С. 61–65.

Г. С. Лушникова*

Человеческий капитал – основной фактор экономического роста

В современных условиях конкурентные преимущества экономики и возможности ее модернизации в значительной степени определяются накопленным и реализованным человеческим капиталом. Именно люди с их образованием, квалификаций и опытом определяют границы и возможности технологической, экономической и социальной модернизации общества. В то же время в России человеческому капиталу как фактору инновационного развития уделяется лишь незначительное внимание. Основной акцент ставится на развитие инновационной инфраструктуры, на формирование эффективных институтов и повышение эффективности национальной инновационной системы [1]. Необходимо отметить, что такой «технический» подход к проблемам российской экономики и недооценка роли человеческого капитала не способны обеспечить структурные сдвиги, необходимые для устойчивого развития российской экономики и перехода к инновационному развитию.

Переход к инновационному развитию означает, что инновации должны охватывать не только создание новых технологий, их внедрение в производство, но и продвижение продукции на рынке, адекватную коммуникационную инфраструктуру. Инновационным называется такое развитие современного общества, основой которого становится интеллектуальный капитал, определяющий конкурентоспособность экономической системы [2].

Анализ перспектив инновационного развития в России показывает наличие многих препятствий на этом пути. В исследовании эволюции новосибирской модели инноваций недостаток высококвалифицированных работников считается одним из главных барьеров для развития наукоемкого производства, особенно в перспективе. Нередки случаи, когда научно-технический персонал и

* ***Галина Сергеевна Лушникова*** – ст. преподаватель экономических наук, ст. бухгалтер НОУ Современной Гуманитарной Академии (Барнаульский филиал) (г. Барнаул).

© Г. С. Лушникова, 2007

руководство заинтересованы в новых технологических решениях, а менеджеры отвергают инновации, отчасти из-за того, что опираются на устаревший образ мышления, отчасти из-за недостатка знаний, боязни ответственности и появляющихся рисков [3].

Негативное воздействие оказывает и отдача «приоритета развитию сырьевого сектора, не сопряженному с развитием отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь наукоемких; ориентация на краткосрочные цели; значительная недооценка человеческого капитала; нарушение преемственности научных и технических знаний…» [4].

Понятие «человеческий капитал» не имеет однозначной трактовки и отражает производительные способности человека как капитальный товар. Отнесение человека к категории капитального товара небесспорно с этической точки зрения, но удобно для включения некоторых социальных категорий в экономический анализ. В широком смысле слова к человеческому капиталу относятся: накопленный уровень знаний, уровень образования и опыт работы на рынке труда (навыки, квалификация, профессиональный опыт), воплощенные в индивидах и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг [5]. Основными способами увеличения запасов человеческого капитала является формальное образование и накопление практического опыта.

Если рассматривать место, занимаемое человеческим капиталом среди факторов экономического роста, можно говорить о положительной связи между эффективностью труда и уровнем образования работников в России.

В экономической теории в качестве факторов, влияющих на экономический рост, рассматривается достаточно широкий набор переменных, которые можно объединить в следующие группы: физический и природный капитал (основные фонды, природно-сырьевые ресурсы), человеческий капитал, финансовые ресурсы, технический прогресс и эффективность организации экономики (эффективность функционирования институтов).

Начиная со второй половины XX века интерес к роли человеческого капитала в экономике возрос, что связано с объективными причинами: развитые страны перешли на новый путь социально-экономического развития, в котором человеческий капитал приобрел качественно новое значение. Изменение структуры национального богатства в сторону увеличения доли невещественных элементов (научных достижений, уровня образования населения и качества здравоохранения) приобрело первостепенное значение для обеспечения устойчивого развития [6]. Необходимость формирования национальной инновационной системы в России предъявляет особые требования к качеству и уровню человеческого капитала. Вместе с тем имеет место занижение стоимости рабочей силы высокой квалификации и недооценка человеческого капитала как ключевого элемента национального богатства. Качество человеческого капитала во многом зависит от тенденций развития производства и экономики в целом. В России происходит существенное истощение человеческого капитала. Проведенный сравнительный анализ России в сопоставлении с другими развитыми странами показал, что человеческий капитал имеет на сегодня минимальное практическое значение для России [7].

Человеческий капитал лежит в основе многих явлений, стимулирующих экономический рост (см. рис. 1). Типичные оценки говорят о том, что увеличение человеческого капитала на один процент приводит к ускорению темпов роста душевого ВВП на 1–3 % [8].

Рис. 1. Каналы влияния человеческого капитала на экономический рост

Необходимо отметить, что роль образования в повышении уровня человеческого капитала очевидна. Так же как и ведущая роль человеческого капитала в повышении производительности труда. В связи с этим можно сделать вывод, что успехов в экономическом развитии может добиться любой регион или любая стра-

на, где созданы благоприятные условия для накопления человеческого капитала. Впрочем, это также означает, что обострение конкуренции между регионами (странами) за человеческий капитал в условиях его дефицита также неизбежно.

Литература

1. *Гохберг Л.* Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003. – № 3. С. 26–44.

2. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / Под ред. С. Н. Бобылева. М.: Весь мир, 2004. С. 12.

3. *Евсеенко А. В., Унтура Г. А.* Эволюция новосибирской модели инноваций. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – С. 45–58.

4. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / Под ред. С. Н. Бобылева. М.: Весь мир, 2004. С. 12.

5. *Капелюшников Р.* Современные западные концепции формирования рабочей силы. М.: Наука, 1981. С. 16.

6. *Дж. Кендрик*. Совокупный капитал США и его формирование. М.: Прогресс, 1978.

7. *Горегляд В. П.* Инновационный путь развития / ЭКО. № 12. 2005. – С. 2–8.

8. Подробный обзор исследований, посвященных влиянию человеческого капитала, оцениваемого по уровню образования, приведен в Sianesi B., Van Reenen J. (2003) The returns to education, Journal of Economic Surveys, Vol. 17. No. 2. P. 157–200.

В. В. Миннуллина*

Место и роль системы ипотечного кредитования в социально-экономической политике

Ипотечное кредитование – широко распространенный в странах с развитой рыночной экономикой эффективный механизм, позволяющий мобилизовать свободные ресурсы на рынке долгосрочных заимствований и направить их в потребительский сектор. Система ипотечного кредитования, интегрирующая рынок недвижимости, финансовых услуг, фондовый рынок и ряд смежных рынков, служит трансформации частных сбережений в инвестиционные ресурсы и активизации конечного потребительского спроса, сглаживанию конъюнктурных колебаний и стабилизации рынков, обеспечению надежности и ликвидности инвестиционных вложений в реальный сектор и устойчивому экономическому развитию. Система ипотечного кредитования представляет собой комплекс институтов, механизмов, инструментов и технологий (основанных как на рыночном механизме координации, так и на административном), которые гармонично функционируют в рамках стабильной социально-экономической системы (и в какой-то мере обусловливают ее стабильность). В странах с развитой рыночной экономикой недвижимость составляет около половины стоимости материальных активов. Основное свойство недвижимости как актива – это высокая стоимость и длительный срок амортизации, т.е. затраты на ее приобретение несопоставимо выше рентных затрат за пользование данным имуществом. По этой причине ипотечный рынок – т. е. рынок заемных средств для финансирования сделок с недвижимостью – является одним из крупнейших сегментов рынка капитала и сопоставим по объемам с рынками государственного долга и рынком акций. Если на Западе система ипотечного кредитования успешно развивалась на базисе сложившихся рыночных от-

* ***Венера Валерьевна Миннуллина*** – аспирант АУ «ТИСБИ» (Республика Татарстан, г. Казань).

© В. В. Миннуллина, 2007

ношений и многовековых правовых традиций ипотеки, то в России ипотечные институты формируются заново, во многом «не благодаря, а вопреки» правовым и экономическим условиям. Потенциал ипотечного кредитования практически не используется: на выданные за несколько лет 40 тысяч ипотечных кредитов приходится мизерная часть товарооборота потребительского рынка, а процесс ипотечного кредитования пока не приобрел массового характера. Поэтому особого внимания заслуживает мировой (а также дореволюционный российский) опыт привлечения инструментов системы ипотечного кредитования к решению актуальных проблем социально-экономического развития. Рыночные преобразования социально-экономической системы требуют пересмотра роли государства, в частности, в финансово-кредитной системе, инвестиционных процессах и жилищно-социальной сфере. Развитие системы ипотечного кредитования в переходной экономике связано с формированием определенной модели хозяйственных отношений на рынках недвижимости, финансовых услуг, капитала и ряде смежных рынков. В то же время существует опасность, что политика государства, опирающаяся на рыночный механизм координации и конкурентный отбор моделей ипотечного кредитования, может замедлить формирование системообразующих связей, которые бы позволили уже в ближайшей перспективе решать задачи социально-экономической политики. Возникает проблема: какое место должно занять ипотечное кредитование в системе задач социально-экономического развития, в каком отношении в связи с появлением нового сегмента рынка и области инвестиций будут перераспределяться ресурсы экономической системы, в том числе находящиеся в непосредственном распоряжении государства? До недавнего времени ипотечное кредитование в Российской Федерации рассматривалось скорее как форма социальной поддержки граждан, нежели как рыночный механизм: разрыв между кредитными возможностями населения и требованиями спекулятивного фондового рынка казался неустранимым. Кроме того, изъяны в правовом регулировании и недостаток рыночной инфраструктуры делали риски предпринимательской деятельности в данной сфере избыточными. Вместе с тем ряд системных преобразований на государственном уровне – налоговая, пенсионная, банковская, жилищная реформы, а также совершенствование собственно ипотечных институтов – порождают факторы, привлекающие внимание к ипотечному кредитованию: инвесторов – как к устойчивому финансовому механизму, а государства – как к рыночному инструменту, способствующему решению задач государственной важности. В российской экономике институты ипотечного кредитования начинают развиваться на основе реформируемого фундамента правовых и экономических отношений. Становление ипотечного кредитования в России сильно осложнено тем, что сложившаяся ситуация не дает много времени «на раскачку»: все вопросы необходимо решать в крайне сжатые сроки и в очень сложных экономических условиях. Необходимо обоснование целенаправленной деятельности государства, на различных уровнях государственного управления, по формированию наиболее оправданной, с точки зрения приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации, модели ипотечного кредитования. Государство должно занимать активную позицию как инициатор процесса, содействовать комплексному развитию институтов и инструментов ипотечного кредитования. Принятые основополагающие законодательные акты в области ипотечного кредитования необходимо дополнить системой мер государственного регулирования на федеральном и региональном уровнях, направленных в первую очередь на формирование эффективного рынка ипотечных ценных бумаг, обеспечивающего долгосрочное финансирование ипотечного кредитования из внебюджетных источников, а также на внедрение и совершенствование других важных институтов: страхования кредитных рисков, государственных гарантий, налогообложения ипотечных сделок и операций с ипотечными активами. Формирование и устойчивое развитие системы ипотечного кредитования должно быть включено в систему стратегических задач социально-экономического развития Российской Федерации. В обсуждении проблем развития системы ипотечного кредитования в российской практике чаще всего встречаются формулировки «ипотечное жилищное кредитование», «система ипотечного жилищного кредитования», поскольку развитие долгосрочного финансирования связывается с проблемами жилищного комплекса. Данная конкретизация, хотя и привносит в системный анализ ипотечного кредитования специфику указанной сферы реального сектора экономики, по нашему мнению, не нарушает закономерности общих выводов. Более того, рассмотрение межотраслевых связей между финансовым и жилищным секторами позволяет охватить наибольший спектр социально-экономических отношений (необходимо подчеркнуть, что проблема не сужается до рассмотрения сугубо вопросов жилищного финансирования). Це-

лесообразность выделения ипотечного жилищного кредитования (т. е. кредитования под залог жилой недвижимости на цели ее приобретения) обосновывается следующими факторами:

1. Наибольший макроэкономический и социально-экономический эффект на данном этапе может быть реализован при условии концентрации кредитных ресурсов в жилищной сфере, так как рынок жилой недвижимости является одним из наиболее значительных по масштабу и в то же время наименее насыщенных потребительских рынков; жилье имеет высокую стоимость и требует значительных затрат при его приобретении, гораздо более высоких, чем реальные кредитные возможности населения. С учетом высокой степени износа жилищного фонда и его невысокого качества, потребность в жилье может быть удовлетворена только за счет качественного роста объемов инвестиций в строительство и активизации кредитно-финансовых механизмов.

2. Разрабатываемые заинтересованными организациями, в том числе участниками рынка и государственными структурами, на данном этапе процедуры и правила ориентированы прежде всего на ипотечное кредитование на цели приобретения жилья. Процедура ипотечного жилищного кредитования представляется более сложной, по сравнению с другими видами кредитования, поскольку связана с совершением одновременно двух юридических действий по отношению к одному объекту: передачей прав собственности на приобретаемое жилье и ипотекой (залогом) данного жилья. На основе разработанной и отлаженной схемы ипотечного жилищного кредитования возможно развитие других направлений ипотечного кредитования (в частности, кредитования под залог земельных участков, в случае развития рынка земли) без существенных дополнительных издержек на нормативно-методическое и организационно-экономическое обеспечение.

Несмотря на то что последнее десятилетие ознаменовалось активным интересом к ипотечному кредитованию и попытками внедрения механизмов и схем ипотечного кредитования в инвестиционный процесс (прежде всего, в жилищной сфере), практически нет фундаментальных работ, посвященных комплексному исследованию системы ипотечного кредитования, охватывающему ее институционально-правовые, организационно-финансовые, социально-экономические и иные аспекты. Такое исследование позволило бы дать адекватное понимание и определение системы ипотечного кредитования. При этом заслуживают системного рассмотрения

социально-экономические функции ипотечного кредитования и роль и место государства в становлении ипотечного кредитования. Такой подход позволит обосновать, с точки зрения системного анализа, комплекс мероприятий и организационные формы, необходимые для развития функционирования системы ипотечного кредитования в современных условиях.

С. А. Мицек*

Проблемы равновесия на рынке труда в России

Оценки макроэкономической производственной функции Кобба – Дугласа по экономике России показывают, что предельный доход от труда в течение 1995–2005 гг. примерно в два раза превышал валовую номинальную зарплату 1 работника. Если исключить из предельного дохода от труда долю косвенных налогов в ВВП (примерно 14 %), то превышение составит 1,7–1,8 раза. Это свидетельствует о том, что труд в России оплачивается недостаточно. Данный вывод подкрепляется результатами опроса общественного мнения, согласно которым 59 % респондентов беспокоит низкая зарплата, и лишь 1 % – безработица. Иными словами, респонденты полагают, что работу найти несложно, но она оплачивается неадекватно.

Косвенным подтверждением данного вывода может служить сравнение удельного веса зарплаты в ВВП в России и в США. В России он существенно ниже, чем в США.

Другим объяснением полученного результата может быть резкий, почти десятикратный разрыв в заработной плате между быстро растущими, работающими на экспорт отраслями (в первую очередь нефтедобывающей и газовой) и более медленно растущими и ориентированными в большей степени на внутренний рынок отраслями (например, швейной промышленностью).

Эти факты свидетельствуют о серьезном неравновесии в оплате факторов производства в России, и это неравновесие в пользу капитала. В то же время превышение предельного дохода от труда над заработной платой создает напряжение на рынке труда, может вызвать ускоренный рост зарплаты по сравнению с прошлыми периодами и, следовательно, рост издержек и снижение прибыли. А это, в свою очередь, приведет к снижению инвестиций и роста.

* ***Сергей Александрович Мицек*** – канд. экон. наук, декан факультета бизнеса и управления, Гуманитарного университета, завкафедрой финансов и кредита (г. Екатеринбург).

© С. А. Мицек, 2007

Динамика предельного дохода от труда и валовой зарплаты на 1 работника в *реальном* исчислении показывает, что:

• «нижняя точка» в динамике и предельной производительности труда, и реальной зарплаты имела место в 1998 г.;

• рост предельного дохода от труда в реальном исчислении начался лишь в 1999 г.;

• в 2005 г. он составлял 55 % от уровня 4-го квартала 1998 г.

• реальная зарплата падала после 1997 г.; лишь в 2002 г. ее уровень превысил уровень 1997 г.;

• рост реальной зарплаты к 2005 г. по сравнению с 4-м кварталом 1998 г. составил 48 %;

• динамика реальной зарплаты в 2004–2005 гг. явно отставала от роста предельной производительности труда. Это может быть следствием как искажения данных о зарплате (притом, что ФСГС учитывает «скрытую» зарплату), так и реального отставания вознаграждения труда от его производительности, о чем нами не раз говорилось выше.

Проведенные нами эконометрические оценки показывают также, что *динамика* оплаты труда существенно зависит от предельного дохода от труда. Это говорит о том, что классическая теория оплаты факторов производства верна и для России, если рассматривать *динамику* этих показателей, а не абсолютный уровень. Наличие такой зависимости было подтверждено и путем оценивания производственной функции по панельным данным по регионам России.

В уравнении зависимости зарплаты от предельного дохода от труда параметр при регрессоре существенно меньше 1. Это является еще одним свидетельством тезиса о недоплате за труд по сравнению с равновесным уровнем.

У России, как и у любой страны, состоящей из существенно отличающихся друг от друга регионов, имеется еще один важный фактор повышения совокупной производительности – более рациональное размещение производительных сил по регионам. Оптимальное размещение факторов производства достигается в точке равенства предельных доходов от каждого фактора производства по каждому объекту. В России имеются характерные ограничения на пути оптимального размещения факторов производства. Это проблемы с жильем, запрет на вывоз продукции из регионов, ограничения на инвестиции компаний из других регионов местными

органами власти и т. д., что приводит к снижению (или замедлению роста) совокупной производительности.

На основе производственной функции, оцененной по панельным данным по регионам, нами были проведены расчеты, характеризующие ситуацию оптимального распределения факторов производства по регионам. Они показывают наличие межрегионального неравновесия на рынке труда России. Так, наибольшее соотношение предельного дохода от труда и средней зарплаты наблюдается в Поволжском и Уральском федеральных округах, в первую очередь в таких нефтепроизводящих районах, как Тюменская и Самарская обл., Башкортостан и Татарстан. В то же время наибольшее положительное сальдо миграции в Центральном федеральном округе, в первую очередь в г. Москве. Одной из причин подобного неравновесия может служить тот факт, что при принятии решения о смене места жительства экономические соображения у россиян стоят не на первом месте, как показали недавние исследования.

Н. П. Неклюдова*

Трудовая иммиграция населения и проблемы сохранения и накопления человеческого капитала в России

Экономический рост, как известно, является центральной проблемой во всех странах. Одним из наиболее важных факторов, влияющих на экономический рост, является количество и качество трудоспособного населения.

На сегодняшний день демографическая ситуация в России обусловлена начавшимся с конца 1991 года процессом депопуляции населения. Через несколько лет в тот возраст, когда люди начинают работать, будет вступать очень малолюдное поколение. По последним данным ООН, к 2050 году в России будут проживать 111,5 млн человек против нынешних 143 млн. Однако самое главное – не количество населения, а его состав. По оптимальным российским прогнозам, к середине века из каждых 10 россиян четверо будут в возрасте 60 лет и старше. Это не только социальная проблема. В структуре национального богатства доля человеческого капитала, по оценке Всемирного банка, составляет 76 %. Рост смертности лиц трудоспособного возраста может уже в недалекой перспективе привести к дефициту трудовых ресурсов, что будет препятствовать созданию устойчивой финансово-экономической и ресурсной базы государства, росту ВВП, дальнейшему развитию России.

В XXI веке в России будет возрастать актуальность исследования проблем трудовой иммиграции и ее правового регулирования. Это обусловлено фактическим исчерпанием возможностей естественного прироста населения и трудовых ресурсов страны и ролью иммиграции как единственного источника поддержания и роста численности населения России.

---

* ***Наталья Павловна Неклюдова*** – аспирантка, преподаватель иностранного языка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Н. П. Неклюдова , 2007

Известно, что в предстоящий период развития экономики ожидается смещение наиболее эффективных производственных систем из сектора первичных отраслей хозяйственной деятельности к развитию высокотехнологичных производств. Такой переход от традиционной сырьевой модели к инновационной модели развития принципиально не может быть осуществлен без накопления достаточного человеческого капитала. Поэтому миграционная стратегия России должна учитывать возрастающую роль человеческого капитала в успешном социально-экономическом развитии страны.

Экономически безопасной и способствующей накоплению человеческого капитала можно считать такую трудовую иммиграцию, которая обеспечивает прирост национального богатства страны за счет более эффективного и рационального использования рабочей силы с учетом профессионального, интеллектуального, возрастного уровня. Нужен импорт качественного человеческого капитала и специально выстроенная применительно к этой цели селективная политика.

Для обеспечения управления миграционными процессами, таким образом, России необходимо решить две ключевые задачи: **максимально сократить нелегальный сектор миграции и сформировать систему селективной иммиграции**.

В настоящее время ооссийское правительство предпринимает меры для сокращения нелегального сектора миграции. Так, 15 января 2007 г. в России вступил в силу ряд законов[1], регулирующих учет иммигрантов, правовое положении иностранных граждан, а также постановление, в котором есть статьи, регулирующие работу иностранцев. Предполагается, что эти меры должны привести к

[1] 1) Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

2) Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

3) Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации».

тому, что иммигранту будет более выгодно зарегистрироваться, чем не зарегистрироваться, работодателю – использовать легальный труд, в отличие от нелегального, государству – сокращать нелегальный сектор мирными и более дешевыми методами, чем дорогостоящими и с применением силы.

Одновременно с масштабным сокращением нелегального сектора, необходимо принимать компенсационные меры для выравнивания квалификационного и демографического баланса.

На наш взгляд, осознание этой необходимости должно стимулировать особое внимание к проблемам улучшения качественных характеристик трудовых иммигрантов и целенаправленного достижения позитивных сдвигов в структуре человеческого капитала страны. Практически все государства мира регулируют процесс трудовой миграции населения, чтобы из общего потока потенциальных мигрантов получить для своей экономики нужных работников.

Большинство принимающих стран используют селективный подход при регулировании иммиграции. Его смысл заключается в том, что государство не препятствует въезду тех категорий работников, которые нужны в данной стране, ограничивая въезд всем остальным. Важной частью обеспечения селективной миграционной политики является формирование за пределами России потенциального миграционного потока нужного качества. Укрепление геокультурной периферии как возобновляемого источника такого ресурса, таким образом, имеет принципиальное значение. Инструментами для этого должна служить нормативная база и разработка новых механизмов привлечения «нужных» мигрантов в страну. Кроме того, в программе миграционной политики следует предусмотреть такое, пока никак не обозначенное, направление, как осуществление за рубежом агитации в пользу миграции в Россию и распространение информации о стране и правилах для потенциальных иммигрантов.

Говоря об иммиграционной политике, нельзя не коснуться вопроса о мере ее допустимого демократизма и либерализма. Одновременно с изменениями, имеющими технический характер, должен идти поиск базовых принципов иммиграционного законодательства. Можно не допустить иностранного рабочего на российский рынок труда. Но можно ли, допустив его на этот рынок, ограничить его конкурентные возможности на этом рынке? Скажем, закрыть для него некоторые профессии или ограничить его территориальную мобильность? Даже если оставить в стороне вопросы о правах

человека, это не пойдет на благо экономическому и социальному здоровью общества. За примером далеко ходить не нужно. Постановление об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников[2], спустя всего лишь неделю после вступления в силу, уже сопровождается угрозой массового закрытия рынков (что в дальнейшем может привести к росту цен и возникновению дефицита).

На сегодняшний день концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации не дает четких ответов на то, какова будет стратегическая линия миграционной политики страны на более или менее отдаленную перспективу. При чтении документов возникает ощущение, что она представляет собой какое-то механическое соединение нескольких идеологически разнонаправленных концепций. А ведь от того, насколько успешной и эффективной в плане воспроизводства и накопления человеческого капитала будет система регулирования иммиграционных процессов, во многом зависит и экономический рост страны.

[2] Постановление (см. предыдущую сноску, п. 3) ограничивает использование иностранной рабочей силы в розничной торговле алкогольными напитками и фармацевтическими товарами. Для всех хозяйствующих субъектов до 1 апреля 2007 года ограничено право использования иностранцев в розничной торговле в палатках и на рынках до 40 % от общей численности работников. С 1 апреля по 31 декабря 2007 года использование иностранной рабочей силы в этой сфере запрещено полностью.

К. В. Патырбаева*

Человеческий капитал и организации в глобальной инновационной экономике

Авторы одного из современных учебников по экономике, рассматривая эволюцию предмета экономической теории, среди «новых веяний» называют теорию человеческого капитала Т. Шульца и Г. Беккера [8]. Действительно, на сегодняшний день теория человеческого капитала является сравнительно новым, но приобретшим популярность в научных кругах и ставшим одним из приоритетных направлением исследований в экономической теории и научной философии. Актуальность проблемы определяется необходимостью выработки новой теории, адекватной изменениям, происходящим в мировой экономике в результате становления научного (творческого) труда. Последний формирует работников нового типа, «когнитариат» [2], «работников, владеющих знаниями» [4], определяемых сторонниками концепции человеческого капитала как важнейшие нематериальные активы, от эффективности использования которых зависит функционирование и развитие инновационных организаций [3].

Современная мировая экономика переживает метаморфозу, заключающуюся в повороте экономики к ценностям повседневности – человеческому фактору, в связи с качественными изменениями последнего. «Человека экономического» замещает «человек созидающий», обладающий новыми способностями, мотивируемый иными ценностями, создающий новый продукт. Человек новой экономики занят преимущественно созданием информационного продукта, который, соединяясь с традиционными средствами труда, приобретает форму инновации. Данная специфика детерминирует все большую интеллектуализацию и универсализацию труда в результате преодоления разделения на умственный и физический труд, что делает возможным диссимиляцию частичного работника и

* ***Ксения Вадимовна Патырбаева*** – студентка 5-го курса философско-социологического факультета Пермского государственного университета (г. Пермь).

© К. В. Патырбаева, 2007

рождение «творческого универсала» [2]. Последний в процессе труда – рождения нового знания – «вооружается» уникальными знаниями, умениями, навыками.

Уникальность индивидуального человеческого капитала отдельного работника рождает иллюзию всевозрастающей зависимости организации от своих работников вплоть до прекращения существования последней в случае потери наиболее уникальных кадров (возможность такой «когитальной» зависимости подробно излагает известный российский экономист В. Л. Иноземцев) [6].

Дальнейшее развитие теории человеческого капитала позволяет преодолеть возможные заблуждения на этот счет. Дело в том, что умения и способности работников организации, т. е. человеческий капитал, формируют социальный капитал – запасы и перемещение знаний, возникающие благодаря сети взаимоотношений внутри и вне организации [1] – в результате субъект-субъектных (межсубъектных) взаимодействий. Рассмотрение единичных, индивидуальных носителей человеческого капитала как открытой системы, обменивающейся информацией со средой, делает возможным формирование системы более высокого порядка – открытой самоорганизующейся системы или команды. В экономической литературе последних лет часто встречается определение команды как новой формы организации труда [7], отличной по ряду признаков (разделение полномочий и ответственности, возможность руководства для всех членов команды, высокая степень самоуправления и т. п.) от групповой работы, свойственной индустриальному типу труда [5]. На наш взгляд, команда, являясь формой организации труда, в то же время представляет собой форму организации человеческого капитала, а именно социальный капитал. Исследование команд как социального капитала (запас и перемещение знаний внутри команды, механизмы обмена опытом среди членов команды и способы его улучшения), на наш взгляд, должно стать одним из приоритетных направлений исследований экономической теории.

Не менее важна проблема формирования и эффективного функционирования организационного капитала, который, согласно ведущему западному экономисту М. Юндту, представляет собой «институализированное знание, которым владеет организация и которое хранится в базах данных, инструкциях» [1]. Наличие, пополнение и эффективное использование организационного капитала, формирующегося на основе человеческого и социального капитала, позволяет преодолеть «когитальную» зависимость организаций от уникальных знаний, умений, навыков своих работников как индивидуальных носителей человеческого капитала. Исследование механизмов формирования организационного капитала, его функционирования как открытой системы с обратными связями (влиянием на работников), выработка эффективных методов его производства и воспроизводства позволят, на наш взгляд, стабилизировать и повысить экономическую эффективность функционирования инновационных организаций и способствовать их дальнейшему прогрессу.

Все более детерминируемая интеллектуальными способностями человека, общением между людьми, глобальная инновационная экономика ставит перед учеными-экономистами все новые проблемы: то, что было повседневностью, становится ценным активом предприятия, возможно даже более ценным, чем традиционные факторы производства, такие, как земля и капитал.

Литература

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами: 8-е изд. / Перев. с англ. под ред. С. К. Мордовина. СПб.: Питер, 2004. 832 с.: ил. (Серия «Клиссика MBA»).

2. *Вильховченко Э.* Постиндустриальные модели труда: социоорганизационный прогресс на рубеже XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 56–65.

3. *Витцель М.* Корпорация знания // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. 1120 с.

4. *Витцель Морген.* Работники, владеющие знаниями // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. 1120 с.

5. *Еом Син Б.* Команды и командная работа // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. 1120 с.

6. *Иноземцев В. Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества: Научное издание. М.: Academia, 1998. 576 с.

7. *Патырбаева К. В.* Формирование НФОТ как условие прогрессивного развития и метод формирования человеческого потенциала // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2006. 299 с.

8. *Срика В*. Управление инновациями // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. 1120 с.
9. Экономическая теория: Учебник / Под. ред. В. Д. Камаева, Е. Н. Лобачевой. М.: Юрайт-Издат, 2006. 557 с.

К. И. Плотникова*

Инвестиции в человеческий капитал

Независимо от того,
какими материальными ресурсами
обладает система, сами по себе
они не приумножаются.
И государство, и фирма
развиваются энергией
и интеллектом составляющих
их людей.

Питер Дракер (Peter Drucker)

Долгое время существовало устаревшее представление о том, что социальная сфера не производит, а лишь потребляет национальный доход, так как в период существования СССР многие отрасли социального хозяйства не признавались частью реальной экономики, а оценка эффективности их деятельности осуществлялась путем суммирования затрат на функционирование, то есть сильно занижалась. В настоящее время практически во всех отраслях социального хозяйства существуют возможности организации деятельности в соответствии с принципами рыночной экономики, такими, как самостоятельность, самофинансирование, самоокупаемость, материальная ответственность и контроль за состоянием финансов.

Человеческий капитал – это форма выражения производительных сил человека на постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономикой рыночного типа.

Техника, создающая богатства, приходит в жизнь через технологические знания и организационные усовершенствования. И только опытная, квалифицированная рабочая сила способна управлять высокотехнологическим процессом.

---

* ***Ксения Игоревна Плотникова*** – аспирантка Гуманитарного университета, экономист ООО «ПромТехноЦентр» (г. Екатеринбург).

© К. И. Плотникова, 2007

С изменением роли трудовых ресурсов в процессе создания добавленной стоимости пересматривается и важность инвестиций в развитие трудовых ресурсов экономики. С экономической точки зрения, инвестиции в человеческий капитал – это затраты, произведенные в социальной сфере в целях будущего увеличения производительности труда и способствующие росту будущих доходов как отдельных носителей капитала, так и общества в целом. Поэтому общепринято использовать в анализе эффективности таких инвестиций показатели социально-экономического развития страны или региона.

Состав инвестиционных расходов несколько иной, хотя также включает три вида: расходы на образование, включая общее, специальное, подготовку на рабочем месте, повышение квалификации; расходы на медицинское обслуживание, создание бытовых условий и улучшение среды обитания, которые удлиняют срок жизни и повышают работоспособность; расходы на поддержание мобильности трудовых ресурсов, что обеспечивает их перемещение к месту потребности в них.

Таким образом, инвестиции в капитал здоровья являются базой для человеческого капитала вообще, так как продлевают трудоспособный отрезок жизни человека и, таким образом, замедляют физический износ человеческого капитала. Инвестиции в капитал образования формируют квалифицированные трудовые ресурсы. Замедление морального старения накопленного научно-образовательного потенциала происходит посредством инвестиций в переобучение и повышение квалификации. Что касается основного капитала, то продуктивность его использования зависит от квалификации и работоспособности персонала предприятия. Поэтому экономическая теория рассматривает вопрос инвестиционного поведения работодателя в отношении интеллектуального потенциала работников как источника экономической эффективности.

Один из ключевых тезисов теории человеческого капитала состоит в том, что в условиях информационного общества человеческий капитал является важнейшим фактором воспроизводства национального богатства и его необходимым элементом. Нобелевский лауреат Т. Шульц на примере экономики США доказал, что доход от инвестиций в человеческий капитал больше, чем от инвестиций в физический капитал. Отсюда следует вывод, что странам с низким уровнем реализации человеческих возможностей и низкими доходами особенно важно осуществлять инвестиции в

здравоохранение, образование и науку. Количественный анализ значительных массивов статистической информации с использованием экспертных компьютерных систем обеспечил практическую значимость исследований представителей теории человеческого капитала.

Таким образом, процесс воспроизводства человеческого капитала как части национального богатства страны невозможен без соответствующих инвестиций. На микроуровне инвестиции в человеческий капитал представлены такими статьями затрат, как повышение квалификации работников; оплата больничных листов нетрудоспособности; затраты на охрану труда; добровольное медицинское страхование, оплаченное фирмой; оплата медицинских и других социальных услуг за работника фирмы; благотворительная помощь социальным институтам и т. п.

На макроуровне роль инвестиций выполняют, во-первых, затраты домашних хозяйств на сохранение и восстановление человеческого капитала, во-вторых, государственные социальные трансферты и социальные налоговые льготы.

Можно заключить, что общий подход рассматриваемой теории к оценке инвестиций в человеческий капитал методологически однотипен оценке эффективности инвестиций в другие виды активов, прежде всего в основные производственные фонды. Вместе с тем, при более подробном исследовании данного вопроса приходится преодолевать определенные методологические затруднения. Они связаны, во-первых, с невозможностью однозначного определения номенклатуры затрат, классифицируемых как инвестиции в человеческий капитал; во-вторых, с разнообразием результатов профессиональной деятельности трудовых ресурсов; в-третьих, с наличием продолжительного лага между вложением средств и получением результата; в-четвертых, с трудностью определения, какие результаты соответствуют конкретным вложениям, учитывая, что в масштабе национальной экономики процессы вложения капитала в отрасли социальной сферы и процессы получения отдачи от этих инвестиций непрерывны; в-пятых, с дифференциацией отдачи капитала образования в зависимости от территории, стажа работы и прочих, непосредственно не относящихся к обучению факторов. Нужно также учитывать, что затраты на образование являются производительным капиталом в том случае, если содержание приобретенных человеком знаний соответствует спросу на рынке труда, другими словами, «соблюдается количественное

и качественное соответствие между структурными характеристиками совокупной рабочей силы и объективными потребностями общественного производства»[1].

Таким образом, для повышения эффективности инвестиций в человеческий капитал необходимо проведение анализа потребностей квалифицированных трудовых ресурсов среди предприятий – потенциальных работодателей, что позволит подойти к выбору будущей профессии более рационально.

[1] *Васильев Ю. С., Глухов В. В., Федоров М. П.* Экономика и организация управления вузом: Учебник / Под ред. В. В. Глухова. СПб.: Лань, 2001. С. 25.

С. И. Пономарева*, Л. А. Пьянова**

Человеческое богатство и экономический рост в условиях постиндустриализации

Человеческий фактор в современном постиндустриальном мире становится главным источником экономического роста. В наиболее развитых странах уже реально формируется новая информационная цивилизация, или «экономика, основанная на знании», где главными факторами производства будут информация и знания, а главным актором – свободный творческий индивид.

Подобные радикальные изменения были осознаны и в рамках экономической теории. Это относится прежде всего к пониманию основных универсальных категорий экономической теории, как то: прибыль, труд, работник, капитал, богатство. В частности, возрастающая роль человекотворческого начала в экономике нашла отражение в таких новых понятиях, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «интеллектуальный капитал», «человеческое богатство».

Введение в содержание экономической теории данных понятий знаменует признание многофакторности рыночной среды, оказывающей влияние на эффективность деятельности хозяйствующего субъекта, отказ от вульгарно-позитивистской трактовки капитала как исключительно материального физического феномена. Так, эффективность внутрифирменного управления связывается с такими отнюдь не экономическими факторами, как наличие высокопрофессиональной команды управленцев, ключевых фигур бизнеса, определяющих конкурентоспособность предприятия на определенных направлениях деятельности, эффективная организационная структура и корпоративная культура предприятия, целевое управление и наличие деловой стратегии развития бизнеса.

* ***Светлана Ивановна Пономарева*** – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории УрГЭУ (г. Екатеринбург).

** ***Людмила Андреевна Пьянова*** – канд. филос. наук, доцент кафедры экономики и права ИППК при Уральском государственном университете (г. Екатеринбург).

© С. И. Пономарева, Л. А. Пьянова, 2007

Существенные изменения привнесены и в понимание природы богатства. Общественное богатство – синтетический показатель экономической и социальной зрелости общества, его всеобщая качественная характеристика. Экономическое мышление долгое время вращалось в парадигме овеществленных отношений и, соответственно, воспроизводило концепцию богатства в его вещественно-материальной форме – как совокупность материальных благ и ценностей. Из содержания богатства исключался сам его источник – человек. Сведение человека к роли фактора производства определило диапазон человеческой деятельности с преобладающей ориентацией на тиражирование человека-исполнителя. Такой узкоэкономический подход к оценке механизмов воспроизводства привел к абсолютизации чисто ресурсных критериев экономического роста. Утрата социальной направленности механизмов воспроизводства богатства проявилась в технократическом подходе к человеку, в обеднении самого источника развития – творческих сил человека.

Обращение экономической науки к концепции «человеческого богатства» связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели будущего развития. В стратегическом смысле необходимо осознать, что снятие исторических пределов роста, обогащение источников развития возможно только на принципиально ином общественном базисе – базисе человеческого богатства. По своей сущности человеческое богатство есть процесс накопления творческих способностей человека в формах его предметной деятельности. Система человеческого богатства, основанная на приоритете «вложений в человека», социально и экономически наиболее рентабельна, так как направлена на обогащение не внешних предметных форм богатства, а на обогащение самого источника общественного развития. Эффективность нового типа богатства проявляется в усилении социальной ориентации экономического роста. Накопление человеческого богатства может быть охарактеризовано как социальное накопление, идущее не за счет вещественных факторов, а за счет развития производительной силы труда и ее общественных форм.

По своей структуре человеческое богатство лишается своей отрицательной определенности (эксплуатация, издержки производства, фактор производства, негативная полезность, отчуждение и т. п.), а феномен труда выводится за рамки чисто экономического измерения.

Сложившаяся сегодня в нашей стране ситуация значительно усилила прагматический подход к оценке и решению назревших проблем. Очевидно, что именно при выборе конкретных форм решения возникает наибольшая опасность отказа от стратегических целей развития и их полное искажение. Поэтому оформление подобного теоретического направления с ориентацией на решение тактических задач – явление, безусловно, прогрессивное, но имеющее совершенно определенные границы применения. За пределами этих границ подобный узкоэкономический прагматизм повсеместно воспроизводит теорию и практику овеществленных условий производства, продуцируя в силу своей односторонности некомплексность, несбалансированность развития, апологию вещных форм экономического роста.

Обращение к концепции человеческого богатства связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели дальнейшего развития. Сегодня крайне необходимо, помимо решения тактических задач, начать практическое стратегическое изменение наиболее глубинных базисных отношений. Перестраивать эти отношения на основе системы материального богатства – значит загонять все новации в старое прокрустово ложе. Действительно, хозяйствующий человек – это не только создатель материального богатства потребительских благ, он создатель собственно человеческого богатства продуктивных сил и их общественных форм существования. Не случайно, создавая образ современного экономического человека, мы вновь обращаемся к идеям Шумпетера о предпринимателе-новаторе, в чьем образе слились новаторство, риск, ответственность, самодеятельность, организаторские способности и стремление к лидерству.

Изменения, которые происходят в современной экономической науке, можно назвать радикальной сменой исследовательских парадигм. Изменяется смысл и содержание всех универсальных экономических категорий: богатства, труда, капитала, экономического человека. Трактовка данных понятий приобретает широкий гуманистический и социальный смысл: общественное богатство, человеческий капитал, творческий труд.

Новое содержание приобретает сама экономическая реальность, становясь объектом не только сугубо экономического, но и социально-философского, психологического и социально-культурного исследования.

Н. Г. Протас*

Исследование развития человеческого капитала в регионах Сибирского федерального округа

В настоящее время все большее внимание уделяется такому понятию, как «человеческий капитал». Изучение данного вопроса было начато еще в трудах В. Петти, А. Смита и К. Маркса. Основным периодом изучения человеческого капитала на современном этапе является конец 50-х – начало 80-х годов. Повышенный интерес в последние годы объясняется возросшей значимостью человеческого фактора в различных сферах экономики.

Рассматривая человеческий капитал, экономисты дают различные формулировки данному понятию и включают свои экономические показатели. В современной литературе чаще всего встречается определение человеческого капитала как имеющегося у человека запаса здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (заработков) [6]. По нашему мнению, человеческий капитал – это капитал, воплощенный людьми в форме их вклада в развитие производства. Чем выше эффективность человеческого капитала, тем больше возможности развития национальной экономики. Человеческий капитал как фактор экономического роста может быть рассмотрен через призму двух факторов производства: «труд», «предпринимательство».

Труд рассматривается многими экономистами как вклад в производство, сделанный людьми в форме непосредственного расходования умственных и физических усилий [1, 4].

В дальнейшем нами будет рассмотрен только производительный труд, так как именно он является компонентом человеческого капитала. Классическая экономическая теория считает труд производительным, если создается потребительная стоимость и воспроизводится капитал. В материальном производстве производительный характер труда является общепризнанным, так как он материализуется и накапливается [2].

* ***Нина Геннадьевна Протас*** – аспирантка Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск).

© Н. Г. Протас, 2007

К производительному труду относят:

- физический труд, включаемый в производственный процесс;
- умственный (интеллектуальный) труд.

Заработная плата труда не рассматривается как человеческий капитал, так как она является издержками капитала.

В статистике существуют разные показатели, с помощью которых можно проанализировать и оценить «труд», а соответственно и «человеческий капитал» в масштабах региона, страны: количество экономически активного населения, число населения, занятого в экономике региона, половозрастной состав, производительность труда и пр.

По предмету исследования был проведен анализ данных экономических показателей по Сибирскому федеральному округу (далее СФО). Было выявлено следующее: бо́льшей численностью экономически активного населения (13 %) располагают Красноярский край, Новосибирская и Иркутская области. Несмотря на преимущественную численность экономически активного населения перед другими регионами СФО, в Новосибирской, Кемеровской, Иркутской области численность экономически активного населения постоянно сокращается, что приводит к недостатку данного вида ресурсов. В некоторых регионах численность данной экономической категории возрастает, например в Алтайском крае, Томской области и Республике Алтай. Наличие наибольшего количества экономически активного населения – «человеческого капитала» приводит к экономическому росту региона и позволяет развивать в нем трудоемкие отрасли. К ним относятся добывающая промышленность, легкая промышленность, пищевая, сфера услуг, прежде всего торговля. В Новосибирской области наличие хорошей транспортной развязки, железнодорожного, автомобильного и воздушного сообщения позволяют развиваться различным видам услуг и пищевой промышленности.

Под вкладом фактора труда в экономический рост, как правило, подразумеваются услуги труда, предоставленные занятым населением. Самой простой оценкой затрат труда могут быть отработанные человекочасы [3]. На основе данных статистики, используя показатель количества отработанных человекочасов, была опре-

делена производительность труда по регионам СФО. Она рассчитана как отношение произведенного валового регионального продукта (далее ВРП) на душу населения к произведению количества отработанных человекочасов за неделю в среднем на одного занятого и общего количества недель в году. В расчетах использован индекс потребительских (сопоставимые цены).

На основе проведенного исследования были получены следующие выводы. Производительность труда во всех регионах выросла, наибольший рост произошел в Томской области: темп прироста составил 180,1 %. В Красноярском крае прирост составил 61 %. Чуть меньшими темпами увеличивалась производительность в Омской – 107,6 %, Кемеровской – 77,4 %, Иркутской – 39,9 % и Новосибирской области – 48,8 %. Рост производительности труда в регионах СФО положительно сказывается на развитии отраслей производства, но не соответствует запланированным темпам роста ВРП.

На основании изученных данных статистики нами была прослежена следующая зависимость. В регионах с большим количеством экономически активного населения и при высокой производительности труда одним из приоритетных направлений выступает промышленность (тяжелая, легкая, пищевая). При отдаленности от регионов определенных групп факторов, таких, как полезные ископаемые, плодородные почвы, единственно возможным представляется развитие в них (регионах) сферы услуг. Но, для того чтобы начать новое дело, следует интегрировать необходимые для этого факторы производства и динамизировать их. Человека, занимающегося этим, часто называют предпринимателем [4, 5]. А его желание и умение – предпринимательской способностью.

Фактор «предпринимательство» возникает стихийно, но под воздействием ряда внешних факторов: гендерного признака, наличия в регионе высших учебных заведений, а также центров переподготовки кадров и других элементов рыночной инфраструктуры.

Проанализировав основные показатели, оказывающие прямое или косвенное воздействие на развитие в регионах предпринимательства, было выявлено, что за четыре последних года в среднем по СФО количество организаций, созданных индивидуальными предпринимателями, увеличилось на 10 %. Количество исследовательских организаций сократилось в среднем по округу на 5 %.

Количество средних специальных учреждений и вузов по регионам СФО выросло. Еще одним из важных показателей, способствующих увеличению доли предпринимательства, является

оснащенность регионов средствами связи. Был рассмотрен показатель – наличие телефонных аппаратов в регионе, по данному показателю наблюдается увеличение абонентов по регионам СФО. В целом по регионам СФО наблюдается рост показателей, влияющих на наличие и развитие фактора «предпринимательство».

Факторы «труд» и «предпринимательство» находятся в причинно-следственной зависимости, вследствие чего человеческий капитал в рыночной экономике представляет собой интеграцию двух факторов – «труда» и «предпринимательства».

Литература

1. *Ивашковский С. Н.* Микроэкономика: Учебник. 3-е изд., испр. М.: Дело, 2002 .

2. *Козак В. Е.* Производительный и непроизводительный труд (очерк теории). Киев: Наукова думка, 1971.

3. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005. 278 с.

4. *Харвей Дж.* Современная экономическая теория: Пер. с англ. М.: ЮНТИТИ-ДАНА, 2003.

5. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.

6. Экономическая теория: Учебник для вузов / Под. ред. А.И. Добрынина, Л. С. Тарасевича. СПб.: Изд. СПбГУЭФ, «Питерком», 1999.

А. А. Субачев*

Влияние самоуправления на человеческий потенциал организации

В современных условиях все большее значение приобретает учет человеческого фактора в деятельности организации. Разрабатываются новые и совершенствуются уже существующие подходы к усилению влияния человеческого фактора на эффективность работы предприятия. Большое значение приобретает развитие института самоуправления в организации. Самоуправление в организации, в большинстве случаев, опирается именно на развитие и эффективное использование знаний и умений каждого отдельного работника. Предоставление работникам всех необходимых условий для раскрытия их творческого потенциала, переход организации от жесткой авторитарной системы управления к системе участия в управлении или полного самоуправления организацией работниками оказывает значительное положительное влияние на функционирование организации в условиях жесткой конкурентной борьбы. Эффективность таких преобразований многократно доказана. Существует множество положительных примеров, как на Западе, так и в отечественной экономике. При этом немаловажное значение имеет четкое соблюдение принципов самоуправления в организации как залог ее успешной деятельности.

В современной экономической литературе существует несколько подходов к формулировке принципов самоуправления в организации. Различные подходы к формированию данных принципов самоуправления представлены в работах Э. А.Смирнова, А. В. Бузгалина, В. В. Белоцерковского, А. И. Щиглика, Ю. А.Тихомирова, И. П.Ильинского и других авторов. Кроме того, принципы самоуправления в организации были сформулированы в статье 6 Закона СССР о государственном предприятии (1987 г.).

Анализ существующих подходов позволяет выявить их общие черты и дать синтезированный перечень принципов самоуправления. Условно принципы самоуправления в организации состоят из четырех крупных блоков. Это: принципы участия, принципы выборности, принципы информированности и обучения и принципы собственности. Первые три блока принципов отдельно характеризуют партисипативное управление (частичное самоуправление), а вместе с принципами собственности означает полное самоуправление в организации.

* ***Александр Александрович Субачев*** – аспирант 2-го курса Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (г. Кострома).

© А. А. Субачев, 2007

Принципы участия в управлении направлены на расширение возможностей работников и снятие барьеров, ограничивающих их творческий потенциал. Открытие доступа работнику к принятию решений, связанных с его функционированием в организации, мотивирует человека к лучшему выполнению своей работы. Качество работы начинает зависеть от добросовестности рядовых работников, от их заинтересованности в эффективном труде.

Участие в принятии решений приводит к большей отдаче, большему вкладу отдельного работника в жизнь организации, т.е. происходит более полное задействование потенциала человеческих ресурсов в организации [1, с.176].

Принципы информированности и обучения ориентированы на развитие интеллектуального потенциала работников и возможности быстро реагировать в изменяющихся условиях. Обладание полным объемом знаний о состоянии предприятия и умение правильно распорядиться ими позволяет эффективно контролировать свое руководство и увеличивать как доходность своего предприятия, так и свои собственные доходы [2, с.150], помогает работникам находить наилучшие решения, понять, как создается конкурентная способность предприятия и прибыль.

Принципы выборности направлены на поддержание всех необходимых условий для нормального функционирования самоуправления в организации. Следование данным принципам позволяет не допускать действий, направленных на возврат к жесткому, авторитарному управлению предприятием. Снижается риск злоупотребления властью со стороны руководителей и обеспечивается четкость выполнения поставленных целей и задач, направленных на обеспечение интересов всех работников предприятия.

Принципы собственности, так же как и принципы участия в управлении, формируют отношение работников к своей работе. Понимание того факта, что ты обладаешь не только возможностью участия в управлении, но и правом собственности на средства про-

изводства, дающие средства к существованию, формирует у человека добросовестное отношение к своей работе.

В заключение обзора всех упомянутых выше принципов самоуправления необходимо подчеркнуть, что все они могут дать эффект лишь будучи «упакованными в одном пакете», в совокупности, во взаимодействии между собой. Стоит опустить один из элементов, и вся система перестанет работать. Выполнение данных принципов представляется очень существенным, так как основывается на широком учете человеческого потенциала. Полное использование и развитие потенциала человеческих ресурсов оказывает благоприятное воздействие на деятельность предприятия, повышая ее эффективность. Обладая достаточной по объему и качеству информацией, необходимыми для ее использования знаниями и возможностью участия в управлении, имея твердую основу для их использования, чувствуя свою ответственность за общую политику предприятия, каждый работник организации способен добиться высоких результатов в своей деятельности, что в целом положительно скажется на всем предприятии.

Литература

1. *Виханский О. С., Наумов А. И.* Менеджмент: Учебник. 3-е изд. М.: Гардарики, 2001. 528 с.

2. От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление, или «третий путь» в экономике / Под. ред. С. Н. Федорова. М.: Слово, 2001. 416 с.

В. М. Танаев*

Человеческий капитал в экономике: типологическая парадигма

1. Экономика как вид «человеческой деятельности»

Среди классических оснований рыночной экономики – частная собственность, свобода предпринимательства и выбора, личный интерес как главный мотив поведения, конкуренция; опора на систему цен, или рыночную систему; ограниченная роль правительства (МакКоннелл К. Р., Брю С. Л., 1999), доминирует личный интерес предпринимателя, который и является главным мозговым центром всей этой системы.

Именно в качестве своеобразной движущей силы человеческий фактор наиболее полно реализует себя в экономике. В то же время он определяет и форму самореализации человека в экономике, такую как предпринимательство, управление и трудовая деятельность. Причем в двух последних ипостасях он приобретает характер человеческого капитала, участвующего в производстве прибыли.

Более того, все понятие экономики представляет собой «человеческую деятельность» (фон Мизес, 1949), т. е. своеобразное отражение человеческой личности – от базовой мотивации «благосостояния» и феномена предпринимательства до своеобразия «алхимии финансов», потребительского поведения и феномена менеджмента.

2. Парадигмы человеческого капитала в экономике

Классическая экономическая парадигма человеческого капитала является крайней формой выражения традиционного психологического подхода к человеку. Он подразумевает принципиальное равенство людей (все они действуют рационально экономически) и неограниченные возможности изменения их поведения

---

* ***Владимир Михайлович Танаев*** – преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© В. М. Танаев, 2007

(они не нуждаются в управляющих воздействиях, действуя автономно) – таковы основные черты homo oeconomicus.

Реальное поведение экономических субъектов оказалось весьма далеким от автономной реализации мотивации «благосостояния» (homo oeconomicus). А научное знание в сфере управления человеческим капиталом, проделав своеобразный круг от теории X («власть над…») до теории Y («власть вместе с…»), вернулось обратно к концепции мотиваций, признав их относительную множественность и типологичность.

Таким образом была подготовлена почва для более серьезного внедрения в экономическую практику типологической парадигмы человеческого капитала, основанной на концепции «информационного метаболизма».

В самом кратком виде этот типологический подход можно изложить следующим образом. Человеческий мозг воспринимает окружающий мир двумя основными способами: конкретным, чувственным, сенсорным (S), опираясь в основном на данные органов чувств, и образным, интуитивным способом (N), сразу же производя мыслительные операции с данными органов чувств и создавая образ, модель, по которой оценивается входящая информация. Также двояко принимаются и решения: объективно – логично и рационально (T) или с учетом невербальной, эмоциональной составляющей (F). Важна общая настроенность информационного потока: направленная на непрерывное восприятие окружающих сигналов (P) или же на активное освоение окружающего мира (J). Различные сочетания этих способов восприятия, оценки и воздействия на окружающую действительность, окрашенные экстраверсией (E) или интроверсией (I), образуют отдельные типологические ядра личности (Танаев В. М., 2003).

В отличие от классического подхода типологическая парадигма утверждает, что личностное ядро, являющееся основой экономического поведения, типично, устойчиво и не может быть откорректировано более чем на 20 %.

3. Типологические ядра предпринимательской деятельности: S- и N- типы бизнеса

Первая сфера реализации человеческого фактора в экономике – это предпринимательство, роль которого особенно резко возросла с периода появления бизнеса как «высшей формы самореализации рыночной экономики» (А. Смит, 1776).

Уже феноменология современного предпринимательства, представленная известными списками журналов Forbes (индивидуальные состояния – возглавляют представители т. н. «поискового» бизнеса) и Fortune (коллективные состояния – возглавляют компании, наиболее успешно реализовавшие т. н. «управленческий» бизнес), говорит о существовании двух типологических моделей бизнеса.

Успешная реализация поискового бизнеса связана с наличием в структуре личности признака N (образность, интуитивность) в любых сочетаниях: от стратегических прорывов ENTJ («Предприниматель» – Билл Гейтс, Михаил Ходорковский) до бизнеса «в стиле «фанк» » психотипа ENTP («Искатель» – Евгений Чичваркин, «Евросеть»).

В то же время управленческий бизнес, связанный с признаком S (конкретность), наиболее успешно реализуется психотипами ESTP («Маршал» – Роман Абрамович) и ESTJ «Администратор» – Игорь Ковпак, «Кировский»).

Особое значение в успешной реализации этих предпринимательских моделей имеет оптимальное сочетание S- и N- признаков личности в составе ядерной команды бизнеса, т. е. в тех двух-трех наиболее близких членах окружения бизнесмена, составляющих его управленческую команду.

Наиболее важной проблемой для N-типа бизнеса (поискового) является подбор адекватного менеджмента (S-признак).

А S-тип бизнеса (управленческий) имеет перспективу при наличии своеобразных стратегических и маркетинговых экспертов (N-признак).

4. Типологическая парадигма управления: SP- и SJ-типы менеджмента

Апофеозом личностного фактора становится менеджмент как «вид человеческой деятельности, заключающийся в удержании и увязке всех аспектов бизнеса».

Следует отметить, что менеджмент, являясь видом «человеческой деятельности» (Л. фон Мизес, 1949), особенно тесно связан с особенностями человеческой личности, что находит свое отражение в феноменологии менеджмента и приводит всех к убеждению, что «менеджером надо родиться».

В соответствии с типологическим подходом, основной психологической характеристикой т. н. «менеджерского ядра личности»

является признак «конкретности» (S), в отличие от признака «образности» (N), который наиболее характерен для категории «экспертов».

Два типологических темперамента (SP и SJ) отвечают за эмпирический и регулярный типы менеджмента.

Для **эмпирического (SP) стиля управления** характерны:

«Активность и свобода действий; повинуясь личным порывам, в работе они склонны уделять внимание тому, чего можно достичь здесь и сейчас. Они уважают героизм и мастерство, им нравится переходить от одной сложной задачи к другой.

Эмпирики ясно видят суть происходящего и оперативно используют представляющиеся возможности. Они прекрасно осознают практические проблемы, а при их решении проявляют гибкость, смелость и умение распоряжаться имеющимися ресурсами. При необходимости они не испугаются риска или импровизации.

Эмпирики нередко бывают непредсказуемы. Часто они действуют, пренебрегая тщательным предварительным обдумыванием. Они проявляют мало интереса к теоретическим, абстрактным, концептуальным вопросам и могут не увидеть важных закономерностей, взаимосвязей между событиями. Случается, что эмпирики падают духом после того, как решающая стадия миновала. Стремясь сохранить за собой свободу выбора, они не всегда следуют установленному порядку, иногда изменяют своим обязательствам и планам. Их худшие черты – безответственность, ненадежность, ребячество и импульсивность» (П. Тайгер, Б. Бэрон-Тайгер, 2005).

Регулярный (традиционалистский) стиль управления (SJ) отличает «преданность, потребность в служении и стремление к правильному поведению. Они (традиционалисты. – В. Т.) ценят стабильность, упорядоченность, сотрудничество, упорство и надежность; они серьезны и трудолюбивы. На работе они предъявляют к себе высокие требования и ожидают такого же подхода от других.

Плюсы. Традиционалисты практичны, организованны, вдумчивы, систематичны. Они придают значение нормативам, установкам, договорам, ритуалам, временным рамкам. Они отлично справляются с задачами, связанными с опекой, контролем, регулированием. Традиционалисты предпочитают иметь дело со свершившимися фактами и умеют использовать их для того, чтобы способствовать достижению целей, стоящих перед организацией.

Способность поступить правильно как в новой, так и в знакомой ситуации – их гордость. Они хорошо разбираются в том, какие вопросы требуют внимания, используют для надлежащего выполнения своих функций все доступные источники. Взявшись за дело, традиционалист всегда идет до конца. Традиционалисты на высоте там, где требуются солидность, положительность, надежность.

Потенциальные минусы. Традиционалисты не очень интересуются теорией, абстракциями. Будущее занимает их меньше, чем настоящее. Долгосрочное планирование не относится к числу их сильных сторон. Порой традиционалисты принимают решения чересчур поспешно. Они разделяют мир на белое и черное, не замечая полутонов. Бывает, что они оказываются не готовы быстро перестроиться, адаптироваться к ситуации. Они неохотно прибегают к новым, нетрадиционным, неопробованным подходам. Им кажется, что решение принесет плоды, а оно между тем еще недостаточно обдумано. Худшие качества традиционалистов – негибкость, догматизм, недостаток воображения» (П. Тайгер, Б. Бэрон-Тайгер, 2005).

5. Некоторые типологические эффекты в экономике

Среди многих других сфер реализации человеческого фактора в экономике, как минимум в двух, типологическая парадигма приводит к качественному (прогностическому) скачку в описании действительности.

Во-первых, это особая роль внутренних (т. н. базовых) мотиваций как работника, так и потребителя. Само изучение личности в менеджменте – от первых исследований в Хоторне (20-е годы XX века) до разнообразных теорий мотиваций (А. Маслоу, 1954; Д. Макклелланд, 1961; К. Алдорфер, 1972) – происходило в сфере мотивационного поведения личности.

Типологическая парадигма, описывающая четыре базовые мотивации: «благосостояние», «власть (статус)», публичное признание «уникальности» и подтверждение личностной «самодостаточности», наиболее адекватно описывает весь спектр экономического поведения – от homo oeconomicus («благосостояние») и менеджерских моделей поведения («власть (статус)», «благосостояние») до N-лидерства в бизнесе («уникальность») и трудностей работы с некоторыми типами потребителей и работников («самодостаточность»).

Во-вторых, это решение вопроса о влиянии этнических и цивилизационных факторов на эффективность ведения экономической деятельности.

Углубленное изучение феноменологии экономической эффективности в последние 200 лет показало наличие четкой этнической дифференциации (Е. Гайдар, 2005), не имеющей отношения к сегрегационным предрассудкам и не лежащей в плоскости «лучше-хуже», а имеющей значение «другого» в данный период развития мировой экономики.

Наиболее адекватной моделью, описывающей суть этих различий, на взгляд автора является концепция этномонад (этнодиад) (Танаев В. М., 2006), которая связывает этнические различия в экономике с типологическим составом населения (преобладание ядер ST, SF, NT или NF) и структурой этнопсихологического поля, воспроизводящего и поддерживающего оптимальную этническую модель поведения (например: русская этнодиада ESTP (Маршал) – INFP (Лирик); основное этноядро Pax Americana – ENTJ (Предприниматель); японская модель ISTP (Мастер) – ISFJ (Хранитель) и т. д.).

Именно такой подход позволяет объяснить разный размер транзакционных издержек, снижение которых является главной сутью бизнеса.

Само отношение к реализации мотивации «благосостояние», различное соотношение N- (поискового) и S- (управленческого) признаков среди участников экономической деятельности, особенности командообразования и сложности в подборе персонала и управления им – все это имеет отношение к конечной экономической эффективности этноса.

В то же время именно адекватный учет этих факторов позволяет найти оптимальное место этноса в международном разделении труда.

Т. В. Филипповская*

Противоречивость экстерналий образовательного менеджмента

Важнейшим условием эффективного воспроизводственного процесса являются положительные характеристики совокупного человеческого потенциала общества. Основополагающим институтом здесь выступает система образования.

Данные исследований уровня развития учащихся (PISA) свидетельствуют о неэффективности образования. Она определяется социально-психологическим компонентом, основанным на следующих признаках: низком уровне развития общеучебных навыков и умений, снижении мотивации учащихся к самообразованию и саморазвитию. Все это непосредственно сказывается в дальнейшем на качестве трудовых ресурсов, их мотивированности, например, на повышение квалификации. То есть, «образовательным тупиком» становится неспособность совокупного человеческого потенциала к инновациям и восприятию новейших технологических достижений, сформированная в результате неэффективной социальной политики и, как следствие, – педагогической практики.

Однако данные мониторинга образования, проводимого аналитиками Высшей школы экономики (ВШЭ), на первый взгляд, свидетельствуют об обратном явлении.

Таблица[1]

Оценка нынешних выпускников руководителями предприятий разных отраслей

	опрос 2005 года	опрос 2006 года
Оценка уровня профессиональных знаний...		
выпускников вузов последних 2 лет	3,6	3,7
выпускников ссузов (техникумов, колледжей) последних 2 лет	3,6	3,4

Окончание табл. см. на след. стр.

* ***Татьяна Владимировна Филипповская*** – канд. педагог. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] http://isek.hse.ru/

© Т. В. Филипповская, 2007

Окончание таблицы

выпускников учреждений НПО (ПТУ и т. д.) последних 2 лет	3,4	3,4
Оценка уровня обучаемости (усвоения новых знаний и новых навыков)...		
выпускников вузов последних 2 лет	4,1	4,1
выпускников ссузов (техникумов, колледжей) последних 2 лет	3,9	3,8
выпускников учреждений НПО (ПТУ и т. д.) последних 2 лет	3,7	3,6

* (средняя по пятибалльной шкале, где 1 – низшая, а 5 – высшая оценка)

Основным ограничением найма нынешних выпускников являются невысокие оценки, даваемые работодателями их профессиональной подготовке. Среди работодателей существует устойчивое мнение, что по уровню профессиональных знаний выпускники вузов и ссузов последних 2 лет, принятые на работу, определенно уступают остальным работникам, уже работающим на данном предприятии. Отставание выпускников учреждений начального профессионального образования (ПТУ и т. д.) от нынешних работников предприятий еще более значительно. Преимущество же новых работников из числа выпускников последних лет видится руководителям в их способности обучаться (осваивать новые знания, приобретать трудовые навыки).

По оценкам работодателей, для «среднестатистического» вновь принятого работника требуется около 1 месяца «дообучения». Более длительной оказывается «доводка» квалифицированного рабочего – 0,8 месяца, «дообучение» служащего требует примерно полмесяца. Не требовали «дообучения» из вновь принятых 62 % функциональных и 54 % линейных специалистов, 62 % служащих и только 45 % квалифицированных рабочих. В финансовом плане более затратными для предприятий, нанимавших новых сотрудников, оказывается «дообучение» новичков-специалистов: его приходится оплачивать как за услуги внешних организаций, так и более опытных сотрудников на самом предприятии. Но если функциональные специалисты чаще обучаются на курсах переподготовки/повышения квалификации вне предприятия, то линейные специалисты чаще проходят дополнительное обучение именно на самом предприятии, так как для этой категории специалистов в первую очередь требуются знания и навыки, связанные с деятельностью конкретного предприятия.

«Доучивание» вновь принятых служащих и квалифицированных рабочих связано с меньшими прямыми финансовыми затратами, их «дообучение» чаще всего происходит непосредственно на рабочем месте (в ходе работы) через прикрепление к более опытному работнику (15 % и 29 % соответственно) или самостоятельно (2 % и 4 %).

Сказанное свидетельствует об очевидном противоречии. С одной стороны, по критериям образовательного менеджмента экстерналии обученности субъектов рынка труда «оставляют желать лучшего». С другой стороны, по оценкам работодателей это не совсем так. Для исследователя, пытающегося выявить истинную картину, нет ответа на вопрос о том, какой мотив является основополагающим для тех работников, стремление к «дообучению» которых положительно оценивают работодатели. Прежде всего, нет ясности, в какой сфере квалифицированного труда и рабочего, и функционального специалиста складывается исследованное аналитиками ВШЭ соотношение «учить – не учить». Не исключено, что речь идет о кратковременном периоде, когда доминирует рациональная мотивация «закрепления» нанятого на новом месте работы. А вот на долгосрочную перспективу очевидным «минусом» для работодателя как раз и станет нежелание и несформированная способность работника к саморазвитию. И здесь открывается интересное поле деятельности не только для аналитика-экономиста, но и для педагога.

И. Е. Якимова*

Старая теория и социальный мир

В труде П. Бурдье, известном как «манифест теории практик», говорится, что теория собственно экономических-практик образует лишь частный случай общетеоретической экономики практик[1]. Даже когда практики являют собой все признаки бескорыстия, ускользают от логики узко «экономического» интереса и ориентируются на цели нематериальные и трудно квантифицируемые, они все равно продолжают подчиняться экономической логике. В связи с этим и соответствия между разными видами капитала и связанных с ними способами обращения заставляют отбросить дихотомию экономического и неэкономического. Она мешает рассматривать науку об «экономических» практиках как частный случай науки, способной трактовать все практики вообще. Это касается и тех практик, которые стремятся к бескорыстию и безвозмездности, свободе от «экономии». Впрочем, так же, как и практики «экономические», ориентированные на максимизацию материальной либо символической прибыли.

Центральной операцией процесса перераспределения благ является обратная конверсия экономического капитала в капитал символический, порождающая отношения зависимости. Эти отношения в основе своей экономические, но скрытые под покровом моральных отношений. Сама операция перераспределения схожа и в образовании политической власти, и в функционировании племенной экономики, где цикл «накопление–перераспределение» выполняет примерно те же функции, что и государство и общественная казна.

Следует обратить внимание на утверждение П. Бурдье о том, что, рассматривая один лишь частный случай обменов, направленных на «освящение» симметрических отношений, а в асимметрических отношениях учитывая только их экономический эффект,

* ***Ирина Евгеньевна Якимова*** – соискатель ученой степени кандидата экономических наук, ассистент кафедры экономической теории РГППУ (г. Екатеринбург).

[1] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 239–240.

© И. Е. Якимова, 2007

мы рискуем забыть о таком эффекте кругооборота (в котором и порождается символическая прибавочная стоимость), как легитимация произвола, покрывающая собой асимметричное силовое отношение.

В другой работе П. Бурдье подчеркивает, что социальный мир постоянно поддерживается и формируется за счет действий по конструированию и реконструированию структур, причем эти действия зависят, в основном, от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит. Любое общество держится на отношении между двумя указанными динамическими принципами. Они имеют разное значение для разных обществ. И «вписаны» по-разному: один – в объективные структуры или, точнее, в структуру распределения капиталов и механизмы, обеспечивающие их воспроизводство, другой – в диспозиции агентов относительно воспроизводства. Именно отношение этих двух принципов определяет различные способы воспроизводства и, особенно, характерные стратегии воспроизводства[2].

Теоретические положения, представленные П. Бурдье, основаны на результатах целой серии конкретных исторических исследований стратегий, реализуемых в разных обстоятельствах и разными агентами. Так называемые этнологические исследования, проводившиеся им в Кабилии и Беарне, постоянно направляли внимание ученого на образовательные стратегии, используемые сегодня во всех развитых обществах представителями различных социальных групп для воспроизведения своей позиции в социальном пространстве. Среди **стратегий биологических инвестиций** наиболее важными представляются автору стратегии деторождения и профилактики. Профилактические стратегии направлены на сохранение биологического наследства. Они обеспечивают постоянную или периодическую заботу о сохранении здоровья и предотвращение болезней, а в более общем виде – разумное распоряжение телесным капиталом. **Стратегии наследования** призваны гарантировать передачу материального наследства от поколения к поколению. Эти стратегии принимают различные формы в соответствии с тем капиталом, который необходимо передать, т. е. в соответствии со структурой наследства. Для нас же наибольший интерес представляют предложенные П. Бурдье **обра-**

[2] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 98–100.

зовательные стратегии, особым видом которых являются школьные стратегии семей или обучающихся детей. Они представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся, как полагает экономика «человеческого капитала», к экономическому или денежному измерению[3]. В действительности они, прежде всего, направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы и, в свою очередь, передать их группе. Особенно это верно в случае «этических» стратегий, нацеленных на внушение индивидам необходимости подчинения себя и своих интересов верховным интересам группы и выполняющих таким образом фундаментальную функцию, поскольку гарантируют воспроизводство, прежде всего, семьи, которая сама является субъектом стратегий воспроизводства.

Стратегии экономических инвестиций в широком смысле слова ориентированы на сохранение или увеличение капитала в самых разных его видах. К стратегиям экономических инвестиций в узком смысле слова необходимо добавить стратегии **социального инвестирования**, направленные на установление и поддержание долгосрочных и краткосрочных, непосредственно используемых и мобилизуемых социальных отношений. Другими словами – на конверсию этих отношений в долговременные обязательства, гарантированные субъективно (признание, уважение и т. п.) или институционально (в виде права). Речь идет об инвестициях в социальный или символический капитал, осуществляемых с помощью своего рода алхимии обменов (деньгами, работой, временем и т. д.) и специфической работы по поддержанию отношений. Стратегии воспроизводства образуют систему и поэтому лежат в основе функциональных замещений и компенсаторных эффектов, связанных с комплексностью системы.

Внутри поля власти, и даже внутри поля экономической власти, сегодня можно наблюдать противостояние агентов, которые, в соответствии со структурой имеющихся капиталов, ориентируются на стратегии воспроизводства, опирающиеся либо на инвестиции в экономику, либо на инвестиции в образование.

Итак, по П. Бурдье, главное достоинство понимания способа воспроизводства как отношения между системой стратегий воспроизводства и системой механизмов воспроизводства состоит в

[3] *Бурдье П.* Социология социального пространства. С. 103.

том, что такой подход позволяет сконструировать и понять как единое целое феномены, принадлежащие очень разным социальным универсумам. Отсюда и причина противоречий в толковании теории «человеческого капитала». Одни предлагают, как в старой классической теории, анализировать ситуацию на основе подхода «затраты-выгоды». Другие акцентируют внимание на значении наследуемых способностей и характеристик социальной среды, в которой воспитывался человек, а также обучения на работе и всевозможных случайных факторов.

Эмпирические исследования показали, что глубинные, биологические факторы, развитые образованием как посредником, имеют решающее влияние на дифференциацию заработков. На втором месте стоит собственно образование, способствующее развитию природных способностей людей. Третье и последующие места, по их влиянию на дифференциацию заработков, занимают социальное происхождение (воспитание, мотивации и т. п.), обучение в процессе работы и случайные факторы[4]. С этим можно соглашаться или нет, однако совершенствование методик оценки эффективности растущих вложений в социальную сферу – актуальнейшая задача. Сегодня основными критериями таких оценок являются сопоставление «текущей ценности потока будущих доходов» человека с инвестициями в него и расчет «внутренней нормы отдачи», которая для эффективных инвестиций должна превышать банковскую ставку процента по долгосрочным займам.

С нашей точки зрения, методика расчетов должна быть откорректирована с учетом теории П. Бурдье, предлагающей учитывать реальные диспозиции субъектов экономики относительно стратегий и механизмов воспроизводства, вероятностный компонент вертикальной мобильности индивидов в данном месте и в данное время и т. д.

[4] *Корицкий А. В.* Введение в теорию человеческого капитала. Новосибирск: СибУПК, 2000. С. 61.

Раздел третий

Ценности повседневности в управлении человеческими ресурсами

И. С. Бусыгина, В. Н. Задорожный***

Черты российского менталитета в российском бизнесе

Проявления российского менталитета, анализ составляющих психологии российского народа нечасто попадают в фокус внимания исследователей.

История любого народа показывает, что в процессе его формирования складывается определенный психический тип со стойкими чертами, как результат восприятия обычаев, привычек, жизненного уклада, традиций прежних поколений, общения с соседями и т. д. Это психологическое образование принято называть «душой народа», или национальным характером. Мы рассмотрим черты именно российского менталитета и их проявления в современном бизнесе.

В течение тысячелетнего существования Русского государства, когда формировались русские архетипы (коллективное бессознательное) и складывался традиционный менталитет, этот процесс сопровождался воздействием ряда условий, влияющих на скорость, направления и специфику процесса.

Первый и, пожалуй, наиболее яркий фактор российского менталитета связан с *историей крепостного права*. По переписи конца XIX века, в России более 80 % населения составляли крестьяне. А в течение почти тысячелетия до этого в России существовали различные формы крепостничества, которое со временем изменялось только в сторону ужесточения. Если посмотреть по своей сути, то жизнь крестьянина делилась на две неравные части: большую часть рабочего времени он трудился на помещика, остальное время – работал на самого себя. Если крестьянин хорошо выкладывался, работая на хозяина, то ему не оставалось сил так же качественно работать и на себя. Поэтому в менталитете четко

* ***Инна Сергеевна Бусыгина*** – канд. педагог. наук, доцент, зав. кафедрой управления персоналом Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** ***Владимир Николаевич Задорожный*** – д-р эконом. наук, профессор (г. Екатеринбург).

© И. С. Бусыгина, В. Н. Задорожный, 2007

закрепилось разделение между «работой на себя» и «работой на хозяина». Фактически, эту тему в свое время поднимал в философии и экономике небезызвестный немецкий философ Карл Маркс, который ввел понятие отчуждения от средств и результатов труда.

В итоге качество реализации бизнес-проекта зависит от того, как участник проекта воспринимает своей проект. Если он считает свое участие в проекте работой на себя, то его отношение к средствам производства, к организации проекта и результатам проекта становится позитивным. Когда участник проекта воспринимает свою деятельность в проекте как «работу на хозяина», то его мотивация и ответственность резко снижаются, а все эффекты отчуждения в его случае становятся явными. В этом случае у него может развиваться потребительское отношение к проекту и руководству проекта и материнской организации.

Влияние *природно-климатического фактора* на специфику русской истории отмечали практически все исследователи. Суровый климат с резкими колебаниями делал цикл сельскохозяйственных работ очень коротким; русский крестьянин находился в жесточайшем цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями.

Природно-климатический фактор во многом определял уклад жизни: в период сельскохозяйственных работ – максимальная затрата сил, после уборки урожая – спад. Многие историки, а позднее и психологи, сочли, что подобный уклад напрямую отразился на психологии русского народа. Речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно длительный период времени всей своей физической и духовной энергии. Вместе с тем дефицит времени, веками отсутствующее соотношение между качеством земельных работ и урожайностью хлеба не способствовали выработке привычки к тщательности, аккуратности в работе.

В современной бизнес-среде можно отследить влияние этого фактора: наши бизнесмены больше осмотрительны, чем предусмотрительны, умеют больше замечать следствия, чем ставить цели. Это уменье и есть то, что мы называем «задним умом». Отечественный бизнесмен может, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть русское «авось».

Политический фактор. Весьма неоднозначное отношение сложилось у историков к монголотатарскому игу. По мнению не-

которых исследователей, «ига» как постоянного массового физического угнетения вообще не было. Психологически это был фактор постоянной зависимости от внешних врагов. Фактор унижения и, одновременно, фактор их вынужденного почитания. Вследствие этого у людей возникал вполне естественный страх перед нашествиями, который заставлял селиться вместе, постепенно формировал психологию групповой самообороны. Все это способствовало формированию особого чувства общности «мы» – людей, вынужденных противостоять внешним противникам «они». И действительно, в современной российской бизнес-среде можно увидеть большое число группировок, которые превалируют над индивидуальными бизнесами. Ощущение «мы» сплачивает группу, понижает уровень тревоги человека и защищает слабое «Я», делая его сильнее.

Религиозный фактор. Если рассмотренные выше факторы сформировали темперамент, навыки и привычки русского народа, то религия – православие – воспитала их душу.

Православие оказало значительное влияние на формирование отношения к счастью у русского человека, в целом удовлетворенность жизнью. Счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели, и прежде всего за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за лишения и страдания в земной жизни. А потому это состояние практически недостижимо в жизни. Вот почему в бизнес-среде не принято говорить об успехах, зато принято обсуждать проблемы, застревая на них, блокируя варианты развития бизнеса.

Итак, ученые, писатели, историки, поэты обращали внимание на эти специфические черты. Так, основными чертами характера русского человека А. И. Солженицын называл следующие:

• доверчивое смирение с судьбой: русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых;

• сострадательность: готовность помогать другим, делясь своим насущным; способность к самопожертвованию;

• вообще вера как главная опора характера. Отсюда и пословицы, подобные таким: «Бедность – не порок», «Больше горя – ближе к Богу», «Терпение лучше спасения»;

• «не погоня» за внешним жизненным успехом, за богатством, довольство умеренным достатком. Характеризуют пословицы вроде: «Кто малым не доволен, тот большого не достоин».

• естественная непринужденность, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);

• юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы;

• широта характера, размах решений: «Чем с плачем жить, так (лучше) с песнями умереть».

В отечественном менталитете можно выделить систему базовых метафор, превалирующих в российской культуре.

Что такое базовая метафора? Вся информация, которую воспринимает человек, разделяется на два основных вида. Первый вид – базовые метафоры – это те действия и понятия, которые человек понимает непосредственно. Например, идти, прыгать, есть и так далее. Эти действия и понятия человек способен понимать в возрасте до 3–5 лет. Все остальное человек понимает не непосредственно, а через сопоставление с уже известным и понятным для него. Например, такое мрачное и неуловимое понятие, как «смерть», человек осмысляет в сопоставлении с базовым понятием «рождение» или «переход». А передачу знаний человек воспринимает (в русском языке) как факт передачи из рук в руки чего-либо от одного человека к другому.

Естественно, базовая метафора накладывает отпечаток и на более сложное понятие. Так, в ситуации с передачей данных важно понимать, что в базовой метафоре при передаче предмета, у передающего в руках ничего не остается. Отсюда у человека подсознательно возникает ощущение, что при передаче знаний он сам тоже чего-то лишается. Неудивительно, что в результате это ощущение негативно сказывается на эффективности коммуникаций. Таким же образом фактически все принятые в культуре базовые метафоры являются своего рода источником подсознательных суеверий, на которых в итоге базируется национальный или культурный менталитет.

Чтобы более тонко прочувствовать специфику российского менталитета, попытаемся выделить несколько ведущих базовых метафор в российской культуре.

Метафора «выращивание». Российская культура по своей природе тесно связана с сельским хозяйством, которое в нашей стране всегда относилось к категории рискованного. Если засеять поле раньше времени – заморозки могут все сгубить, если слишком поздно – урожай не успеет вызреть. Отсюда большая зависимость от внешних явлений и ситуаций и неготовность в полной мере брать ответственность на себя.

При выраженном умеренном и континентальном климате всё зависит от одного урожая в году, и поэтому есть два периода в году, когда работа идет практически без сна и отдыха (посевная и

жатва), а зимой главное – минимально расходовать запасы и по возможности беречь силы до весны.

Отсюда в русском языке множество сельскохозяйственных метафор: «сеять доброе, светлое, вечное», «посадить в тюрьму», «окучивать клиентов», «вырастить новое поколение (или смену)» и так далее.

Особенности менталитета, имеющие истоки в метафоре «выращивания», по отношению к задаче управления таковы:

• внешний локус контроля: состояние, когда человек склонен искать и находить причины собственных неприятностей, удач и провалов во внешнем мире, а не в себе и своих способностях, когда человек ищет причины для бездействия вместо того, чтобы искать конструктивный выход из положения;

• неравномерность в исполнении работ, неровный график работоспособности, авральное решение задач, которое перемежается с длительными периодами «раскачки» или сниженной работоспособности;

• готовность ожидать наступления более благоприятных условий для реализации работ проекта, стремление приостанавливать или переносить исполнение работ, если внешние условия не располагают к их выполнению;

• способность находить «объективные» причины отсутствия любых результатов;

• способность в сжатые краткие сроки выполнять неимоверный объем работ, иногда даже без ущерба для качества;

• подсознательная уверенность, что начатая однажды работа, в конце концов, может закончиться и «без моего участия»: растет же трава сама собой;

• равнодушие к тому, кто выполняет следующую операцию или работу, поэтому человек может качественно выполнить свою часть работы, например завинтить болт, но так, что потом будет сложно выполнить очередной технологический шаг: например, завинтить так, что потом его уже никак не развинтить.

Для того чтобы данную метафору использовать в интересах проекта, нужно стараться формулировать распоряжения, письма и указания с опорой на слова и словосочетания из данной метафоры. Например, можно попросить «пропахать» неосвоенный рынок, хорошенько «попахать» в выходные и так далее.

Метафора «путь». Эта метафора особенно популярна в российской политике всех времен. Даже у нынешнего президента страны – В. В. Путина – однокоренная фамилия. В советское время метафора светлого пути к коммунистическому будущему смотрела на граждан практически со всех сторон. Да и основная экспрессивная форма выражения негативных эмоций в нашей культуре связана с тем, что обидчику рекомендуется проследовать в определенном направлении. Но что такое путь в российской культуре? Наши расстояния даже в древности не могли не внушать уважения. Тот же легендарный Илья Муромец по дороге из Мурома в Киев не только преодолел расстояние почти в четыре Бельгии, но и по дороге сразился с Соловьем-разбойником, подвигов совершил немало. Учитывая, что постоянные, специально построенные дороги в России укоренились в основном при Петре Первом, а до этого дорога каждый год по весне могла «менять свое русло», можно предположить еще об одной трудности в пути – бездорожье.

Получалось, что если человек отправлялся в путь, то на это нужно было отводить сравнительно много времени, в пути его подстерегали всяческие опасности. Поэтому сам по себе путь становился отдельным независимым мероприятием, оторванным от своего истока и своих целей. Отсюда – сравнительно высокий уровень ориентации на процесс, а не на результаты. Основные следствия данной метафоры, которые желательно учитывать в управлении персоналом проекта:

• высокая степень увлеченности процессом выполнения работы или операции проекта;

• способность «забывать» о причинах, побудивших выполнять отдельную работу или операцию;

• способность «забывать» о сроках и иных характеристиках цели работ, если об этом не напоминать специально;

• способность самоотверженно и аскетично выполнять те виды работ, которые вызывают наибольший интерес;

• опасность подмены основной цели работы некоторой скрытой или промежуточной целью, когда вместо того, чтобы сформировать план маркетинговых мероприятий по результатам исследования, сотрудник концентрирует все внимание на деталях отчета о маркетинговом исследовании.

Если сопоставить в несколько ироничной форме сочетание двух первых базовых метафор, то прослеживается ответ на один из вечных российских вопросов. Представьте себе ситуацию, когда человек посеял урожай и отправился в путь. Поскольку путь длинный и трудный, то к тому моменту, когда пришла пора собирать урожай,

человек может оказаться вдалеке от своего поля. И что остается ему делать? Он собирает урожай там, где находится. И поэтому у нас в стране зачастую прав не тот, кто засеял поле, а тот, кто собрал на нем урожай. Отсюда – сравнительно неуважительное отношение к собственности, на чем в свое время и сыграли большевики, отнимая собственность у тех, кто ею обладал.

Метафора «борьба». Поскольку российские этносы вместе составляли сравнительно большую общность, окруженную относительно мелкими народами, то еще древние россияне вполне могли себе позволить такую роскошь, как борьба и война с соседями. Первый российский президент Б. Н. Ельцин, например, еще со времен своего партийного руководства в Екатеринбурге отличался приверженностью к данной метафоре: разгонял всех и вся. Тому, как Борис Николаевич канонически следует метафоре борьбы, была даже посвящена дипломная работа известного российского специалиста в области базовых метафор Л. Ю. Литовкина аж в теперь уже далеком 1990 году.

Какие основные следствия данной метафоры желательно учитывать при управлении проектами?

• Стремление находить некоего врага, препятствующего исполнению основных работ, создающего негативные условия для реализации проекта. Особенно популярно в нашей стране в качестве такого «общего врага» упоминать органы государственной власти.

• Стремление рассматривать мелкие внутренние неприятности и неточности как результат действия внутреннего врага. Поиск «козла отпущения».

• Повышение активности и инициативы персонала в ситуации, когда возникает внешняя или внутренняя угроза процессу реализации проекта.

• Способность даже явные проявления агрессивной активности объяснять исключительно как вынужденные оборонительные меры. Например, по принципу: «Я же предупреждал, а Вы даже не обратили внимания, поэтому пришлось от слов перейти к действиям».

Таким образом, за много лет традиционные особенности отечественного менталитета стали своеобразными архетипами, которые следует учитывать при организации бизнес-процессов. Эти же особенности необходимо иметь в виду при привлечении инвесторов, при управлении персоналом и при сотрудничестве с носителями как западного, так и восточного менталитетов, развитие отношений с которыми становится все более интенсивным.

Е. Ф. Власова*

Корпоративная культура как фактор социальной адаптации новых работников

С середины 80-х годов Россия вступила на путь реформ и преобразований. Изменились политические, экономические и социальные аспекты жизни. Кризисные ситуации 1991-го, 1993-го и 1998-го годов привели россиян в состояние дезориентации. Возникло состояние, которое Дюркгейм назвал аномией: «…общественное состояние, при котором отсутствует четкая моральная регуляция поведения людей, а большинство членов общества относится к существующим социальным нормам негативно и равнодушно»[1]. «Аномия – это, прежде всего, моральный кризис, когда в результате социальных потрясений перестает нормально функционировать система общественного регулирования потребностей человека. Аномия возникает тогда, когда социальные функции в обществе не приспособлены друг к другу, между ними существует «разлад»»[2].

Эмпирические исследования, проведенные в последние годы Н. И. Лапиным и Г. В. Осиповым, показывают, что успешность проводимых в стране реформ зависит от социальной адаптации населения к переменам.

Одной из важнейших структур, через которую реализуется процесс жизненной адаптации людей, является организация, в более общем понимании – корпорация.

В кризисном обществе, где старые духовные ценности утрачивают свое значение, а новые еще находятся в процессе медленного и противоречивого формирования, корпоративная общность жизненно необходима для обеспечения внутренней стабильности го-

* ***Елена Федоровна Власова*** – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета, зам. генерального директора по управлению человеческими ресурсами ООО «ПРОФИС Групп» (г. Екатеринбург).

[1] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд: пер. с фр. СПб.: Союз, 1998. С. 496.

[2] *Зборовский Г. Е.* История социологии: Учебник. М.: Гардарики, 2004. С. 608.

© Е. Ф. Власова, 2007

сударства. Корпоративность является одним из структурообразующих элементов современного общества. Это определяет причины, направления и подходы к исследованию корпоративности как социальной и психологической закономерности и феномена, как фактора социальной адаптации в кризисном обществе.

Механизмом социальной адаптации работника выступает корпоративная культура предприятия. Это – образ действия, характерный для работников организации. Он включает в себя признаваемые всеми ценности, идеалы, обычаи, ритуалы и т. п.

Предназначение корпоративной культуры непосредственно связано с решением ключевых задач выживания предприятия в социально-экономической среде и внутренней интеграции поведения персонала для достижения поставленных целей.

Актуальной проблемой, стоящей перед исследователями, представляющими различные научные направления, является преодоление так называемого «внутриведомственного» подхода к изучению корпоративной культуры. Она является традиционным объектом исследования ряда наук, каждая из которых вырабатывает свой инструментарий, свои методы, в том числе при рассмотрении различных аспектов адаптации нового человека в организации.

Однако корпоративная культура, как фактор адаптации нового работника, с социологических позиций специально не рассматривалась. Но значительный потенциал научных достижений в сфере культурологии, права, социологии, теории организации, социальной психологии позволяет обобщить полученные результаты и создать новые предпосылки для частных исследований этого феномена.

Корпоративная культура является живой, изменяющейся системой. В ней происходит непрерывный двусторонний процесс взаимодействия человека и организации, который приводит к взаимным изменениям культуры, образцов ролевого поведения и методов работы, присущих человеку и организации.

Хотя носителями корпоративной культуры являются люди, она представляет собой некоторую самостоятельную сущность, и ее параметры обычно не совпадают с индивидуальной культурой отдельных членов организации. Корпоративная культура подвержена изменениям на протяжении всей жизни организации под воздействием как внешней так и внутренней среды.

Поэтому требует изучения проблема адаптационной приоритетности определенных, значимых факторов корпоративной культуры, которые соответствуют определенной стадии (фазе) развития предприятия.

Актуален также вопрос об адаптации нового сотрудника к организации с определенным характерным типом корпоративной культуры. Здесь представляется интересным поиск универсального механизма адаптации, направленный на развитие нового сотрудника.

Теоретической основой исследования могут служить: учение о корпорации как первоначальной форме политической совместной жизни Ф. Тенниса, теория бюрократии М. Вебера, анализ организационной культуры Г. Хофстеде; К. Кэмерона и Р. Куинна, типология организационных культур Э. Шейна, социально-антропологический подход в управлении Г. Десслера, А. Стрикленда и А. Томпсон.

Проблема адаптации человека к условиям окружающей среды сложна и многообразна. Ее изучением занимаются представители разных областей знания, отражая одну из сторон адаптации и используя с этой целью присущий только данной отрасли методологический подход: естественно-научный, социологический, психологический.

Взгляды Ч. Дарвина легли в основу так называемого «адаптациогенеза», объясняющего эволюцию живой природы, что нашло отражение в теории дарвинизма, теории отбора, вероятностной теории адаптации.

Первым среди социологов обратился к проблеме адаптации Г. Спенсер, который распространил на общество законы биологической адаптации. Он предложил теорию равновесия, где адаптация понимается как устойчивое равновесие организма (индивида) со средой (обществом).

Значительный вклад в раскрытие понятия социальной адаптации внес Ф. Знанецкий, который рассматривал процесс адаптации через усвоение личностного социального опыта. Он показал, что процесс адаптации *всегда социален*. Понимание адаптации как рациональности нашло отражение в работах М. Вебера, П. Линдсея. Рациональный подход расширяет рамки социальной адаптации, включая в нее потребностно-мотивационную сферу личности. М. Вебер рассмотрел вариативность моделей поведения человека и доказал, что способ достижения цели побуждает человека к активным творческим действиям. Именно активность личности и порождает необходимость адаптации, развивает социальные нормы. Взгляды М. Вебера положили начало *прагматическому подходу* в понимании адаптации.

Взгляды Т. Парсонса легли в основу *гомеостатического подхода* в понимании адаптации: адаптация – это равновесие и стабилизация, общественное спокойствие, полезное и для индивида, и для социума.

Р. Мертон утверждал, что адаптация человека *индивидуально-типична.* Социальные законы, нормы и помогают, и мешают человеку в достижении адаптации. По существу, Р. Мертон понимал адаптацию как усвоение индивидом условий социальной среды, что соответствовало ламарковскому прямому приспособлению.

Поиск социально-психологических черт адаптации позволил прийти к установлению ряда важных положений:

а) социальная адаптация качественно отличается от приспособительных механизмов в животном мире. В основе этого различия лежит высшая форма проявления активности материального мира, выражающаяся в человеческой приспособительной деятельности;

б) основными ее формами являются приспособление и приспосабливание, содержание которых и динамика находятся в прямой зависимости от того, выступает личность объектом или субъектом адаптации;

в) в общественной жизни адаптация личности является существенным фактором оптимизации и регуляции общения, условием и предпосылкой человеческой деятельности, повышения стабильности социальной ситуации развития той или иной общности людей.

Социально-психологический уровень адаптации понимается как включение индивида в систему межличностных отношений. В таком случае социальная адаптация рассматривается как приспособление индивида к группе, к взаимоотношениям в ней, как выработка собственного стиля поведения.

Можно констатировать, что адаптация как социальное явление связана с обеспечением условий развития личности, а главным результатом, целью развития является повышение уровня социальной организации общества и интеграция, развитие культуры и созидание. Интегрирование личности в сложившейся системе социальных отношений предполагает выработку стереотипов поведения, которые отражают систему норм и ценностей, определяющих поведение в данной культурной группе, а также развитие, приобретение умений и навыков межличностного общения. Таким образом, социальная адаптация личности – это непрерывный процесс взаимодействия, в котором люди, приспосабливаясь друг к другу, вырабатывают новые способы взаимодействия с различными структурными элементами социальной среды.

Общая социальная адаптация характеризуется следующими показателями: уровнем профессиональной ориентированности,

уровнем участия личности в общественной деятельности, объективными условиями жизни и быта. Наиболее значимыми показателями адаптированности могут служить те из них, которые в большей степени способствуют формированию образцов поведения, требуемых для выполнения профессиональной роли.

Важным фактором адаптивного механизма является корпоративная культура.

Адаптация к корпоративной культуре содержит соответствующие приоритеты, цели, установки, символы, традиции, которые формируют направленность личности нового сотрудника. Сумма этих составных частей определяет содержание частных адаптивных стратегий. Успешная адаптация возможна, если идеология государства совпадает с ценностной ориентацией населения. Поэтому роль социально-культурного фактора огромна. Этот фактор следует рассматривать в контексте интеграции как целенаправленную деятельность государства и общественных институтов.

Развитие корпоративной культуры в организации – это создание комплексной, постоянно действующей программы формирования корпоративной культуры компании, разворачивающейся в двух направлениях.

Первое направление предусматривает работу с корпоративной идеологией организации; формулировку, утверждение и внедрение ее основополагающих компонентов. Созданные, внедренные, используемые сотрудниками и проверенные жизнью основополагающие корпоративные идеи создают благоприятную микро- и макросреду для организации.

Вторая задача в рамках корпоративной программы – создание системы постоянного взаимодействия с персоналом компании, и особенно – с новыми сотрудниками.

Таким образом, успешной и эффективной можно считать такую организацию, в которой корпоративные ценностные ориентации не только широко заявлены, но и стали повседневной необходимой потребностью существования как руководства, так и всех сотрудников разных уровней организации.

Сущность социальной адаптации нового сотрудника к корпоративной культуре заключается в обеспечении условий развития его личности в корпоративной среде, а главной целью развития, результатом является повышение уровня социальной организации общества, интеграция, развитие культуры и сознания. Это имеет особое значение в условиях российского общества.

Е. Г. Дьякова*

Переход к информационному обществу и сохранение ценностей повседневности: роль институтов гражданского общества

Переход к информационному обществу и порожденный этим переходом «информационный раскол» являются особенностью современного этапа развития во всех странах мира. Хотя информационная революция в России по ряду причин началась с запозданием, эти тенденции характерны и для нашей страны.

По данным социологических исследований, российские «информационно богатые» – это в первую очередь мужчины с высшим образованием в возрасте от 20 до 40 лет, проживающие в больших городах. Это – представители того слоя населения, который больше всего выиграл от разрушения закрытой советской экономической системы и оказался конкурентоспособным в новой рыночной экономике. Подчеркнем, что российские «информационно богатые» очень похожи на «информационно богатых» в развитых странах Европы. Как отмечает Пиппа Норрис, «именно молодое поколение, располагающее образовательными навыками и финансовыми ресурсами для выхода в Сеть, извлекло больше всего преимуществ из возможностей, которые предоставляет Интернет»[1] и другие современные средства коммуникации.

«Информационно бедные» – это, напротив, те, для кого информационная революция XX века так и не началась. Считается, что самыми «нищими» в информационном плане в России являются пожилые сельские жители (и особенно жительницы), которые имеют ограниченный доступ даже к традиционным СМИ. Если в больших городах в постсоветский период произошло заметное обогащение информационного пространства, то в сельской местности имело место оскудение этого пространства и даже его деградация: многие информационные ресурсы, доступные в советское время, стали недоступными (невозможность выписывать центральные газеты и журналы, ограниченный набор телевизионных программ, отказ от радио и т.п.).

Очевидно, что качество жизни «информационно богатых» и «информационно бедных» несопоставимо: если во втором случае ценности повседневности остаются во многом традиционными, то в первом они существенно обогащаются за счет новых возможностей, создаваемых информационной революцией и связанных прежде всего с преодолением ограничений на коммуникацию и доступность информационных ресурсов.

Особенность России состоит в том, что между информационным богатством жителей мегаполисов и информационной нищетой жителей российского села существует множество промежуточных вариантов. В России имеются богатые регионы, тем не менее являющиеся информационно бедными, и наоборот – экономически депрессивные регионы, для которых характерен высокий уровень доступа к современным ИКТ (наиболее яркий пример – Дальний Восток). В одних регионах унаследованная с советских времен система средств массовой коммуникации сохранилась практически в неприкосновенности, в других – полностью разрушена.

В результате в стране существует множество локальных информационных пространств, в каждом из которых доминирует свой образ повседневности. Они сравнительно слабо связаны между собой и объединены только центральным телевещанием. Таким образом, информационно-компьютерные технологии скорее усиливают тенденцию к локальности, чем ослабляют ее.

В принципе такая ситуация вполне объяснима. Какой бы эффективной ни была деятельность бизнеса и государства в сфере информатизации, она направлена в основном на решение задачи доступа к ИКТ, т. е. повышения уровня обеспеченности соответствующим оборудованием и программами. Иными словами, занимаясь информатизацией, и государство, и бизнес в первую очередь озабочены проблемами технического и технологического порядка: что строить, как строить, как повысить эффективность использования ИКТ. В то же время вопрос: для кого строить? – зачастую остается в стороне. А между тем это и есть вопрос о внедрении

* ***Елена Григорьевна Дьякова*** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, член Общественной палаты РФ, руководитель Рабочей группы ОП РФ по развитию информационного общества в России (г. Екатеринбург).

[1] *Norris P.* A Virtuous Circle. Political Communications on Postindustrial Societies. Cambridge, 2000. P. 133.

© Е. Г. Дьякова, 2007

информационной революции в повседневность и адаптации ее в этой повседневности.

Готовность к информационному обществу предполагает развитие человеческого фактора: соответствующим образом мотивированных и обученных пользоваться возможностями, предоставляемыми ИКТ, людских ресурсов. Поэтому участия бизнеса и государства в формировании информационного общества недостаточно. Для решения проблемы перехода информатизации «вглубь» необходим приход в эту сферу институтов гражданского общества.

Эта постановка вопроса также не является специфически российской: то, что без «третьего сектора» проблему информационного раскола решить невозможно, сейчас осознано и на международном уровне. Не случайно на девяностой Ассамблее ООН в резолюции № 56/183 о созыве Всемирной встречи по информационному обществу (2001) был сделан особый акцент на необходимости участия в подготовительных этапах Встречи и на самой Встрече неправительственных организаций. Всемирная встреча по информационного обществу стала первым международным саммитом, на котором был применен так называемый «акционерный подход» («multi-stakeholder approach»): сделана попытка собрать вместе представителей государственной власти, бизнеса и гражданского общества для выработки общей перспективы будущего информационного общества.

В процессе работы гражданским активистам удалось прийти к консенсусу по вопросу о том, каким образом должны управляться процессы информатизации, что позволило принять «Декларацию гражданского общества», отражающую взгляды представителей гражданского общества на глобальную информатизацию. Если представители государственных структур, участвовавших во Встрече, стремились как можно четче описать уровни управления и основных агентов информатизации (включая неправительственные организации), взаимодействующих на международном и региональном уровне, и делали акцент на эффективности их деятельности, то в «Декларации гражданского общества», наоборот, просматривалась тенденция к тому, чтобы сделать информатизацию «общим делом», в котором должны участвовать «все», и акцент делался именно на полноте участия, на диалоге и на возможности влиять на принятие решений, т. е. на гуманистических ценностях.

Ситуация, сложившаяся в России, отличается от общемировой тем, что пока участие гражданского общества в решении проблем информатизации носит даже не лоскутный, а «очаговый» характер. Российский третий сектор пока находится в стороне от информационной революции, а эффективная система взаимодействия трех секторов в сфере информатизации ныне в России отсутствует, что порождает множество проблем. В частности, общественная экспертиза остро необходима при решении задач раскрытия информации о деятельности органов государственной власти и предоставления населению государственных услуг on-line.

Как известно, еще в 2003 г. было принято Постановление правительства РФ № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», в котором содержится перечень информации, которую органы власти обязаны предоставлять гражданам и рекомендации по созданию официальных сайтов органов власти и управления.

Однако возникает вопрос: а смогут ли граждане пользоваться этой информацией и насколько полезной для себя они ее сочтут? Вполне возможна ситуация (и нам приходилось с ней сталкиваться), когда информация, имеющая определяющее значения с точки зрения государственных органов, оказывается бесполезной с позиций граждан, и наоборот – то, что кажется крайне важным и полезным гражданам, не воспринимается в качестве такового чиновниками. Иными словами, ценности государственного управления и ценности повседневности радикально не совпадают.

Даже первое приближение к анализу продуктов, предназначенных непосредственно для граждан, таких, как, например, сайты органов власти (сейчас их имеют почти все федеральные структуры и большинство региональных и муниципальных органов власти), сразу же порождает множество вопросов. Сейчас сайты российских органов власти, как правило, представляют собой «электронную книгу», т. е. совокупность публикаций и баз данных при полном или частичном отсутствии интерактивных сервисов. Низкая интерактивность официальных интернет-представительств органов исполнительной власти свидетельствует о недостаточной ориентированности на рядовых пользователей как потребителей государственных услуг.

Как показывает мировой опыт, для повышения интерактивности необходим переход к проблемно-ориентированным инфор-

мационным ресурсам, которые не требуют от пользователя специальных знаний[2].

Для того чтобы среда электронного взаимодействия начала работать на горизонтальные связи, а не воспроизводить вертикальные, необходимо вывести проблему информатизации в пространство публичного обсуждения. Пока в России информатизация во многом остается делом профессионального сообщества и обсуждается в основном внутри данного сообщества. Выход за его пределы и публичное заинтересованное обсуждение проблем информатизации будет способствовать повышению качества принимаемых решений и более активному вовлечению граждан в их реализацию.

Вторая функция гражданского общества как связующего звена между государством, бизнесом и гражданами состоит в его способности не просто вывести проблему в сферу публичного обсуждения, но организовать ее общественную экспертизу, т. е. дать оценку результатов информатизации с позиций общественных (именно общественных, а не государственных или частных) интересов. Большую роль здесь может сыграть Общественная палата РФ. Думается, что создание Рабочей группы по вопросам развития информационного общества в России позволит нам сделать важные шаги в объединении усилий специалистов по информатизации, экспертов и представителей общественных организаций и создать площадку для общественной экспертизы и публичного обсуждения имеющихся проблем.

Переход к информационному обществу заключается не только в создании возможностей доступа граждан к информационно-коммуникационным технологиям, внедрении новых технологических процессов в государственное управление и бизнес с целью повышения их эффективности, противодействии угрозам использования потенциала информационно-компьютерных технологий для нанесения ущерба интересам страны и граждан. Такой переход требует еще и активного процесса формирования «электронных граждан», способных эффективно взаимодействовать с «электронным государством» и использовать имеющиеся возможности. Только в этом случае среда электронного взаимодействия превратится из среды воздействия государства на граждан в гуманистическую среду подлинного интерактивного взаимодействия, растворенную в структурах повседневности.

[2] На сегодняшний день примером проблемно-ориентированного государственного информационного ресурса общепризнанно считается сингапурский портал E-citizen.

М. Е. Иванова*

Организационная культура как форма отражения социальных ценностей

Идея культуры как чего-то отличного от цивилизации или материального окружения человека получила особое значение в начале XX века в связи с появлением СМК, когда число получаемых сообщений в обществе стало превышать число посылаемых сообщений. Согласно молевской интерпретации социодинамики культуры, продукты интеллектуального творчества, возникая в сознании индивидов, стали распространяться вначале в микросреде, а затем по каналам СМК транслироваться в макросреду, где они становились частью социокультурной таблицы общества и впоследствии использовались для создания новых идей.

Такое понимание культуры как части социальной системы обусловливает формирование в ходе социогенеза личных ценностей, определяющих тенденции развития индивида, выступающих регуляторами его поведения и влияющих на его профессиональные интересы и цели.

В современном постиндустриальном обществе в эпоху развития коммуникаций и информационных технологий, организации представляют собой открытые системы и рассматриваются как субкультуры, в которых отражаются все элементы культуры общества, что подразумевает существование детерминированных связей между культурой организации и культурой общества.

Данный подход позволяет рассматривать организационную культуру как устойчивую субкультуру в контексте национальной культуры, имеющую определенную иерархическую структуру, основным элементом которой являются ценности, – структуру, создаваемую руководством, с одной стороны, и работниками – с другой. Она достаточно жестко определяет поведение сотрудников и используется руководством для управления человеческими ресурсами, однако она способна изменяться в результате трансформации

* ***Мария Евгеньевна Иванова*** – аспирантка Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа).

© М. Е. Иванова, 2007

социально-экономических условий, вызывающих изменения культуры на макроэкономическом уровне, а также в результате неизбежно возникающих естественных различий ценностных ориентаций руководства и сотрудников, особенно остро проявляющихся в периоды смены поколений.

Нами было проведено исследование состояния и тенденций развития организационной культуры на примере ряда предприятий в г. Уфе. В процессе осуществленной нами работы было изучено влияние ценностей на управление человеческими ресурсами, а также были сделаны прогнозы относительно развития организационных культур в современном российском обществе.

Социологическое исследование проводилось методами анкетирования, а также методом изучения документов в феврале–марте 2006 года среди специалистов коммерческих и государственных организаций. Было опрошено 600 человек в возрасте от 23 до 65 лет. Цель исследования состояла в анализе состояния и выявлении современных тенденций развития организационной культуры специалистов.

В результате анализа полученных данных мы пришли к следующим выводам:

1. К критериям, по которым специалисты выбирают место работы, относятся зарплата (53,7 %), социальная защищенность (34,3 %) и возможность карьерного роста (29,1 %).

2. Понятие организационной культуры в сознании большинства специалистов не связано с общечеловеческой культурой макроуровня, а ограничивается лишь вторым и третьим уровнями культуры, т. е. заявленными организационными ценностями (88,9 %), миссией (79,4 %) и целями (84,6 %) организации, а также традициями, ритуалами (27,4 %) и совместными мероприятиями (15,1 %).

3. Основную роль в формировании организационной культуры играет руководство (71 %), однако обычно оно не закрепляет организационные ценности в корпоративных документах (только 15 % сотрудников получили информацию об организационной культуре из письменных источников).

4. В сознании сотрудников успешность организации описывается двумя признаками – масштабами деятельности организации (25 %) и наличием сильного управленческого звена (24 %), но не характеризуется наличием сильной организационной культуры, а также различных форм социальной защиты.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие общие выводы:

1. Изменение культуры на макроуровне, вызванное изменением социально-экономических условий, влечет за собой изменение ценностных ориентаций индивидов, что находит свое отражение в индивидуальной, а затем – в организационной культуре.

2. Организационная культура, будучи фактором управления персоналом, используется руководством организации.

3. Решение об изменении организационных культур принимает руководство после анализа состояния и тенденций развития национальной культуры, при учете экономического развития общества, однако без изучения индивидуальной культуры специалистов.

4. В силу нестабильного экономического развития российского общества организационные ценности лежат, в основном, в плоскости материальных ценностей и учитываются работодателями при привлечении специалистов.

5. В обществах, характеризующихся нестабильным экономическим положением индивидов, организационные культуры включают в себя ценности масловской пирамиды более низкого порядка, касающиеся не анализа настоящей ситуации и прогнозирования перспектив, а характеризующие данный момент жизни индивида и его потребности.

6. Решение наиболее актуальных экономических и социальных проблем общества позволит организационной культуре выйти на новый виток развития и воплотить в себе новые ценности, способствующие всестороннему проявлению профессиональных навыков и индивидуальных талантов специалистов.

7. Рост экономического благосостояния общества обусловливает трансформацию макро- и микрокультур, способствует возникновению новых организационных ценностей, которые отражаются в сознании специалистов, а также работодателей и используются последними в управлении человеческими ресурсами с целью улучшения профессиональной деятельности сотрудников.

Ю. Б. Казакевич*

Проблемы управления имиджем организации

В 90-х гг. XX столетия резко возросла озабоченность компаний тем, как они воспринимаются общественностью. В то же время в практику повседневной жизни стал входить термин «имидж», в начале в основном в политологической области в контексте «имидж политика» («у него имидж мудрого политика», «у этого политика хороший имидж»). Сегодня термин «имидж» используется не только применительно к политикам, не только к человеку вообще, но и к иным объектам («имидж данного продукта», «имидж страны», «имидж организации»).

Имидж организации определяется совокупностью характеристик, дающих представление о ее деятельности. Имидж организации – это представления о профиле, виде деятельности фирмы, о том, что и как делает фирма, о качестве ее товаров и услуг, их особенностях. Имидж организации – довольно трудноопределимое понятие вследствие того, что комплекс свойств, которыми обладает организация, невозможно представить в качестве зрительного образа. Имидж фирмы включает в себя торговую марку, рекламную символику, личный имидж руководителя и т. д. Имидж организации – это отражение ее культуры, как корпоративной, так и организационной, выраженной в фирменном стиле. Имидж организации можно рассматривать как существующую в сознании людей систему представлений (образов) и оценок, объектом которых она является. Цель создания имиджа организации состоит том, чтобы у субъектов, находящихся вне и внутри организации, сложился образ данной организации, способствующий достижению стоящих перед нею целей и задач. Чтобы имидж действительно работал на организацию, надо не только создать его, но и управлять им. В процесс управления имиджем входит его формирование, планирование, организация и контроль.

---

* ***Юлия Борисовна Казакевич*** – аспирантка (г. Екатеринбург).

© Ю. Б. Казакевич, 2007

Имидж организации есть целостное восприятие (понимание и оценка) организации различными группами общественности, формирующееся на основании хранящейся в памяти информации о различных сторонах ее деятельности. Осуществляя управление корпоративным имиджем, необходимо иметь четкие представления об особенностях психологических и социальных процессов формирования организационного имиджа. Здесь важнейшими составными частями является формирование:

1) «внутреннего» имиджа предприятия, в который входят культура самой организации и социально-психологический климат коллектива;

2) социального имиджа – это социальная деятельность организации;

3) «бизнес-имиджа» (деловая репутация и показатели деловой активности);

4. имиджа товара.

Формирование и внедрение имиджа – это совокупность всех коммуникаций, исходящих от предприятия и его руководства. Причем такие коммуникации должны быть направлены как непосредственно на сотрудников предприятия (поддержание и улучшение социального климата в организации), так и на формирование общественного мнения вообще. Именно этот комплекс мероприятий создает благоприятное отношение к предприятию и его руководству (то есть имидж) как у сотрудников самого предприятия, так и у населения города, района и т. д., где расположено данное предприятие.

Важным компонентом формирования благоприятного имиджа организации является ее соответствие ожиданиям общественности, что определяет доверие или недоверие к данной организации. Требуется длительное время и большие усилия, чтобы изменить представления людей, так как человек всегда идет по пути достижения максимальной внутренней согласованности. Поэтому очень важно, чтобы каждый элемент структуры имиджа был информационно заполнен самой организацией. В противном случае, массовое сознание, в силу определенных стереотипов, наполнит содержанием недостающий элемент самостоятельно, что не всегда может пойти на пользу организации: в дальнейшем, внедряя в массовое сознание новую информацию, придется преодолевать барьер уже существующей установки.

Г. В. Клименков, Т. В. Филипповская***

Качество жизни как категория стратегического менеджмента и основа подготовки управленцев

Миссия администрации любого уровня состоит в решении проблем социально-экономического развития территории, при этом главной задачей необходимо считать повышение качества жизни (жизнедеятельности) населения, где человеческая жизнь, ценности повседневности, «экология человека» осознаются основными ограничителями и регуляторами устойчивого развития.

В соответствии с действующими в мире представлениями об оценке устойчивого развития территории, любые социокультурные программы должны разрабатываться исходя из определенных целевых установок, ресурсов и ограничений, которые вводятся в управление, критериев оценки, мониторинга развития. Это касается, в первую очередь, учебных программ, практик в курсах подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, за счет которых формируются ЗУНы, компетенции (функциональная готовность) и компетентность (функциональная активность). В числе других (социальная, экономическая, институциональная) в современных условиях на приоритетные позиции выходит гуманитарная, экологическая ценность и безопасность. Гуманитарные, экологические ограничения определяют внутренние и внешние ресурсы (потенциал) – территориально-административные, технологические, финансовые, природные, интеллектуальные, трудовые (кадровые, человеческие). Эти же ограничения влияют на формирование и развитие инфраструктуры (социальной, экологической, экономической, институциональной, инновационно-инвестиционной и т. п.), а в дальнейшем – и на совершенствование системы управления, нормативно-правовую деятельность, ведение научно-методической, кадровой работы, материально-техническое и финансовое обеспечение, построение системы финансового менеджмента в регионе, развитие местного самоуправления и т. п.

* ***Геннадий Владимирович Клименков*** – канд. техн. наук, доцент, зав. сектором инновационной политики и развития Пермского филиала Института экономики УрО РАН (г. Пермь).

** ***Татьяна Владимировна Филипповская*** – канд. педагог. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Г. В. Клименков, Т. В. Филипповская, 2007

Система разрабатываемых программ, проектов, подпрограмм и подпроектов, с одной стороны, формирует систему проектной деятельности и проектной культуры разработчиков и реализаторов Программы, систему развивающих и развивающихся отношений, рефлексивно-деятельностной развивающей среды, а с другой стороны, в контексте программно-целевого подхода выстраивает развитие сфер, отраслей, альянсов для достижения ожидаемых результатов (социальных, экономических, институциональных, экологических).

Вся совокупность работ укладывается в два контекста: 1) изменения, совершенствования содержания и технологий работы на всех уровнях, 2) формирование рефлексивно-деятельностной развивающей среды в регионе. Первый контекст предполагает две целевые установки: а) формирование взаимообусловленного поведения как жизненной необходимости (прежде всего с гуманитарных, экологических позиций) и б) построение «поведенческой профилактики» (структуры и системы отношений) на всех уровнях. Второй контекст также предполагает две целевые установки: а) формирование среды (когда на всех уровнях определена зона ответственности, содержание и технология работы) и б) формирование и развитие системы мониторинга (регламентация деятельности в соответствии с зонами ответственности с позиции условий, процесса и результата).

Вышеперечисленное описывает суть работы со специалистами управления на региональном уровне с позиции качества жизни (жизнедеятельности). Качество жизни проявляется в легкости или затрудненности удовлетворения потребностей и наличия возможностей для достижения целей как индивидом, так и группами людей. Качество жизни определяется двумя взаимообусловленными категориями: состоянием здоровья и видами благополучия. Состояние здоровья описывается характеристиками: «здоров», «болен» и «предболезнь». Виды благополучия – соматическое, психическое, социальное и духовное благополучие[1]. С позиции инди-

[1] Более подробно взаимосвязь видов благополучия и состояний здоровья описана в нашей монографии «Основы здоровьесберегающей жизнедеятельности». Пермь, 2002.

каторов социально-экономического развития, для повышении качества жизни (качества жизнедеятельности) возможны различные подходы к наполнению содержания. Тем не менее анализ показал, что следует добиваться троякого повышения уровня:

• жизнедеятельности в производственной и непроизводственной сфере;

• жизни граждан (через доходы и расходы населения) по объективным и субъективным показателям;

• индивидуального и общественного здоровья и репродуктивной деятельности.

Решение проблемы реального улучшения качества жизни требует изменения содержания и технологий работы административных органов и формирования «развивающей» среды.

В соответствии с качеством жизнедеятельности на территории муниципального образования определяются приоритетные направления функционирования и развития, как «золотые звенья цепи», за которые можно будет «вытягивать» решение большинства имеющихся проблем, что позволило нам выстроить и совершенствовать систему программно-целевого управления социально-экономическим развитием Пермского края.

Осуществление программ предполагает, во-первых, концентрацию в муниципальном образовании ресурсов и, во-вторых, составление и реализацию соответствующих программ на более низких уровнях управленческой иерархии, которые, в свою очередь, выступают подпрограммами программ более высокого уровня. Эти условия можно предусмотреть заранее, в частности путем формирования системы балансов (натуральных, стоимостных, трудовых и финансовых), позволяющих выявить источники пополнения ресурсов и определить комплекс мер повышения эффективности работы субъектов хозяйствования. С учетом этого должны строиться и программы подготовки, переподготовки, повышения квалификации специалистов-управленцев.

В рамках работы нашего Пермского филиала (директор филиала – д. э. н., проф. Пыткин А. Н.) в составе ИЭ УрО РАН (директор – д. э. н., академик РАН Татаркин А. И.) ведутся фундаментальные, поисковые и прикладные исследования в области экономики (аспекты адаптации институтов общества, отраслей, сфер, предприятий к рыночным условиям), которые напрямую связаны с управлением качеством жизни. Ведется разработка и сопровождение программ социально-экономического развития, основанной на измерении и повышении социальной ответственности бизнеса, государства, региональной и муниципальной власти. В совместной работе с муниципальными образованиями и корпоративными структурами проводится подготовка квалифицированных системных аналитиков, которые впоследствии будут принимать участие в разработке и реализации инновационных стратегий развития регионов разных масштабов. Например, подобные работы в настоящее время ведутся в Пермском районе Пермского края, в Березовском районе Свердловской области, в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа –Югра (всего – более 27 территорий по РФ).

Разработанны Экспертные Системы Ситуационного Управления (ЭССУ). Системы достаточно широко апробировались как для решения практических задач, так и для обучения управленцев. Особую роль здесь играет банк моделей проблемных ситуаций, который постоянно пополняется. Союз науки и практики показал: системы полезны как непосредственно для поддержки принятия решений менеджерами муниципальных образований, так и для их обучения навыкам системного, проблемного мышления, что оказывается весьма важным для стратегического планирования повышения качества жизни.

Н. В. Лазуренко*

Социальная защита детства в контексте управления человеческими ресурсами (на материалах г. Белгорода)

С целью изучения общественного мнения по вопросам эффективности социальной защиты детей в г. Белгороде автором проводился опрос граждан, имеющих несовершеннолетних детей, опрос работников социальных служб, муниципальных служащих, студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», «Социальная педагогика» и «Государственное и муниципальное управление».

Нами был задан вопрос: «Каково, по Вашему мнению, основное назначение социальной защиты?» Большая часть опрошенных основное предназначение социальной защиты видит в оказании комплексной помощи только нуждающимся. За оказание избирательной помощи кругу остро нуждающихся со всемерной поддержкой индивидуальной инициативы по развитию социальной самозащиты с опорой на личностные ресурсы и потенциал высказалась *четвертая часть* управленцев и более трети остальных респондентов. Обращает на себя внимание тот факт, что за оказание материальной помощи *всем* гражданам территории высказалось наименьшее количество респондентов.

Эта тенденция заслуживает положительной оценки: забота о человеке вообще, абстрактном человеке, характерная для предыдущих десятилетий, переходит в заботу о конкретных людях [1,32]. Видимо, психология патернализма уходит постепенно в прошлое и массовое сознание эволюционирует, «или, скорее, дрейфует в сторону ценностей рынка» [2,151]. При этом большинство респондентов считает, что переход к рыночной экономике серьезно обострил ситуацию в сфере управления социальной защиты населения из-за *низкого уровня индивидуальной социальной ответственности* у большинства населения (так считают 82,3 % муниципальных служащих, 72,8 % специалистов социальных служб и 69,9 % студентов).

* ***Наталия Вячеславовна Лазуренко*** – ассистент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета (г. Белгород).

© Н. В. Лазуренко, 2007

При опросе нами был поставлен вопрос о том, какие группы населения нуждаются в приоритетной социальной защите. В ответах на него прослеживается не только отношение респондентов к различным социальным группам с точки зрения необходимости их социальной поддержки, но и определенные ценностные ориентации и их человеческие измерения. Наибольший разброс мнений наблюдается по таким группам, как беженцы, временные переселенцы, пенсионеры, молодежь и дети из неполных семей, в то время как по другим группам различия по позициям не так велики. В итоге общепризнанным является то, что наиболее нуждающимися в социальной защите оказываются молодые семьи и дети-сироты, а на противоположном полюсе – беженцы, безработные, уволенные по сокращению из рядов РА кадровые военнослужащие, и дети из неполных семей. Видимо, на ответы влияние оказала не только личностная социализация респондентов, но и традиционный российский менталитет, проявляющийся в отношении населения к определенным нуждающимся социальным группам, а также СМИ, так как в последнее время широкую известность получили такие целевые программы, как «Дети-сироты», «Молодежь Белгородской области» и другие.

Самоорганизация местного сообщества в целях собственной социальной защиты, упорядочения социального обслуживания населения основывается, прежде всего, на осознании собственных проблем. Глубина такого осознания и определяет адекватность предпринимаемых действий, а также уровень активности [1,25]. По данным опроса населения, экспертов и студентов, наибольшую тревогу вызывает жилищная проблема у студентов (61,1 %) и населения в целом (44 %), проблема алкоголизма и наркомании, а также образование и воспитание детей у муниципальных служащих (по 52,9 %) и специалистов социальных служб (60,6 %). Причем эти цифры отражают мнение не относительного, а абсолютного большинства респондентов. На второе место студенты (35,4 %) и население в целом (42,0 %) ставят проблему образования и воспитания детей, а муниципальные служащие (35,5 %) и специалисты социальных служб (45,5 %) – жилищную проблему. Третьей по значению для большинства опрошенных является проблема преступности. Ее в общей выборке отметили 31,8 % респондентов.

Подавляющие большинство респондентов считает, что дети могут рассчитывать прежде всего на помощь со стороны семьи, в какой то степени местных органов власти, государства и церкви. Интересен тот факт, что муниципальные служащие вообще не отметили местные органы власти, а специалисты социальных служб в качестве дополнительного ответа не отметили систему социальных служб. Видимо, и управленцы, и специалисты считают, что при сохраняющейся ситуации в сфере социальной защиты детства самую действенную помощь может оказать детям только семья. Что касается населения в целом, то оно традиционно не доверяет органам власти. Это подтверждают и ответы на вопрос: «К кому чаще всего Вы обращаетесь за помощью в решении Ваших жизненных проблем?» Чаще всего население обращается за помощью в решении своих жизненных проблем к родственникам (64,3 % опрошенных) и знакомым (40,7 %) или рассчитывает на собственные силы (47,3 %). В администрацию обращаются только 5 % респондентов, в службу социальной защиты – 3,7 %.

Причину недостаточной эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальные служащие видят в оторванности представителей власти от нужд населения, несовершенстве законодательной базы, отсутствии или недостаточном финансировании работы органов местной власти; специалисты социальных служб – в оторванности представителей власти от нужд населения, общей ситуации в стране, отсутствии или недостаточном финансировании работы органов местной власти, студенты – в непорядочности и бездушии некоторых представителей власти.

Что касается помощи, которая необходима муниципальному служащему для повышения эффективности их деятельности, сами они ответили так: повышение статуса службы (52,9 %), существенное повышение заработной платы (41,2 %), *совершенствование федеральной и региональной нормативно-правовой базы* в области социальной защиты населения (35,3 %), создание эффективной системы повышения квалификации (23,5 %), более тесное сотрудничество с исследовательскими центрами, занимающимися социальными проблемами (17,6 %).

Всем группам респондентов задавался открытый вопрос: «Какие проблемы детства городским властям и социальным службам следует решать в первую очередь?» Анкетирование выявило следующее: единодушия в ответах нет ни по одной позиции, однако наибольшее количество ответов получено в пользу увеличения детских пособий, развития образования, здравоохранения, повышения материального благополучия граждан, организации воспитания и досуга детей.

Таким образом, содержание и динамика преобразований в области управления социальной защитой населения, в том числе детства на уровне муниципального образования, детерминируются трансформационными процессами в экономической и социально-политической сферах российского общества. В настоящее время организация и, соответственно, управление системой социальной защиты детства носит несистемный характер с выраженной несогласованностью деятельности административных структур, отличается непоследовательностью действий.

Литература

1. *Шеденков С. А.* Социальная защита в условиях местного самоуправления. Белгород, 1997. С. 32.

2. Социальная политика в постсоциалистическом обществе: Задачи, противоречия, механизмы. М.: Наука, 2001. С. 151.

В. П. Лимушин*

Ответственность как системообразующий элемент модели человесеского капитала: управленческо-аксиологический аспект

Фактор буквально означает «делающий», «прозводящий», это *причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные черты.*

Понятие «человеческий капитал» в контексте фактора производства (деятельности) не отодвигает фундаментальных понятий «личность» и «индивидуальность». Оно дает принципиально новое знание об интегрированной роли личности в системе общественных отношений, в воспроизводстве важнейших социально-экономических процессов – эффективности деятельности, активности, производительности и т. п. Это управленческий термин.

Уточняя данное определение, подчеркнем, что человеческий капитал в контексте фактора производства (деятельности) – это все виды отношений, в которых человек или группа производят себя в качестве субъекта деятельности. А если субъект – значит, тот или те, кто принимают решения, ориентируясь на какой-либо результат, несут ответственность. Следовательно, речь идет об источнике самых разнообразных процессов и явлений – различных видов активности, эффективности, производительности, ускорения или торможения.

Несмотря на сложность и наукоемкость содержания данного понятия, его можно представить в виде простой модели:

Решение → Результат
Ответственность

Модель достаточно информативна и «срабатывает» везде, где включается человеческий капитал, где проявляет свой потенциал субъект деятельности. На любом рабочем месте, на любом уровне управления надо принимать решения, добиваться какого-то результата, нести ответственность и за принимаемые решения, и за результат. От того, какое *по качеству прнимаемое решение* (радикальное, смелое, инновационное или все то же, но с приставкой *не*), на *какой результат оно ориентируется* (личный – общественный, долгосрочный – среднесрочный – близкий, крупный – мелкий и др.), и *какая последует ответственность* (материальная, юридическая, административная, политическая, моральная и др.), зависит практически все, что делается на любом уровне реализации человеческого капитала в контексте фактора производства. *И самое главное – эффективность деятельности, суть любых микро- и макропроцессов, производимых им.*

«Закольцевание» трех основных элементов модели человеческого капитала в контексте фактора производства с теоретических позиций означает, что перед нами – бесконечный цикл без начала и конца, своего рода истинная бесконечность, где одно превращается в другое, определяет его, превращает в третье и т. д.

Чтобы определетить, какой из элементов интерпретируемой нами модели является «первым среди равных», обратимся к их содержанию.

Как правило, в литературе по управлению основным элементом работы руководителя считается управленческое решение. Именно в этом видится предназначение руководителя – разрабатывать и принимать решение. В то же время системное видение управленческого решения как *выбора оптимального способа действия из множества вариантов* делает его производным от процесса выбора.

Выбор – это такое действие, которое придает всей деятельности целесообразность. Именно в процессе выбора, как нам представляется, про*является востребованность ответственности как детерминирующего фактора, условия целесообразной деятельности, подчиняющего себе практически все иные элементы, весь управленческий цикл.*

Ответственность по своей природе есть прежде всего *социально-психическое* явление. И если юридически ответственность – это «элементарная» вещь, определенная в строках кодексов, постановлений, инструкций, то в социально-психологическом аспекте здесь бездна альтернатив.

Казалось бы, условия, в которых принимаются решения на всех уровнях иерархии управления, для всех одинаковы, но как разнообразны стереотипы мышления руководителей, принимающих

* ***Виктор Павлович Лимушин*** – доцент СУНЦ УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© В. П. Лимушин, 2007

решения! На любом уровне управления можно встретить руководителя – *фанатика решений*, который даже малозначительному сбою придает слишком большое значение и считает его поводом для принятия решения *(не будучи озадаченным анализом, поиском истинной причины сбоя)*. Другой тип руководителя – поверхностный, внутренне *нерешительный* человек, который не знает, какой вариант решения надо выбрать, у него нет твердой линии поведения. Есть руководитель, который, когда не решена какая-либо проблема, постоянно собирает совещания, планерки, требует немедленного принятия решения. *Противоположный ему тип* – руководитель, не видящий никаких проблем, считающий, что у него всегда все в порядке, все хорошо. Он не любит людей, которые «вдруг» находят какую-либо прблему. Есть *импульсивный* тип руководителя, который чаще всего решения принимает в состоянии аффекта, сразу, вдруг, необдуманно; он импульсивно выбирает случайный вариант, показавшийся ему сегодня правильным. Встречаются руководители, решающие трудные проблемы по интуиции (*интуитивный тип*). Они избегают систематического рассмотрения проблем, у них есть всегда в запасе несколько, как они считают, «*наверняка правильных*» вариантов решения. Можно встретить даже *суеверный* тип руководителя, поддающийся плохо объяснимой магии цифр, различных показателей, их параметров. Его трудно переубедить, если в цифрах он «уже увидел» результат. Есть педанты, которые не могут справиться с процессом анализа информации и предпосылок для решения, ибо этот процесс поглощает все их рабочее время, так что дело не доходит до принятия решения.

Руководитель, действующий по аналогии (*аналоговый тип*), стремится внедрить то, что где-то себя оправдало, где-то проверено, причем без учета конкретных условий, организационных возможностей, по нехитрому принципу: там получилось, авось и у меня выйдет. Наконец, встречаются руководители, систематически избегающие риска и ответственности, не имеющие веры в собственные силы и способности. Чтобы не жертвовать ничем, но сохранить все позитивные позиции, они не принимают никакого решения, стараются уйти от трудной проблемы (1).

Сказанное позволяет сделать вывод, что и управленческое решение, и его производное – результат нельзя признать «первым» элементом в рассматриваемой модели триады взаимодействующих понятий. Оба они очень часто оказываются *производным от* более сложного явления – *ответственности.*

Ответственность – это потенциал ожиданий, переживаний, опасений, ориентиров, это текущие, возникающие сегодня эмоции, и те, которые надо обязательно ожидать, готовить себя к ним. Это постоянная поведенческая готовность принять удар или поощрение – как для себя, так и для коллектива, которым руководишь. Это ограничитель, который сдерживает желание действовать, и в то же время генератор действий.

Среди факторов, ограничивающих развитие *социально-этического менеджмента и маркетинга* в России, можно назвать и противоречивость российского менталитета в целом и экономического в частности. В части экономического менталитета наблюдается *сочетание труда на себя и труда на фирму*, что создает *двойственность мотивов трудовой деятельности как руководителей, так и наемных работников*, не характерное для организационной культуры фирм, работающих в развитых рыночных условиях. Другими словами, *одним из резервов экономического роста России сегодня необходимо признать разрешение проблемы стереотипов восприятия и управления человеческим капиталом.* Только выработка *нового* стереотипа может существенно снизить функциональное влияние старого восприятия алгоритма взаимодействия «решения – результата – ответственности» (с доминантой на первый элемент, а не на ответственность), постепенно «погасить» его влияние, стать основой для качественно иного поведения (стиля руководства).

Литература

1. *Чичилимов В. В.* Перестройка деятельности хозяйственных руководителей. Кишинев: Картя Модовеняскэ, 1989. С. 41–42.

В. П. Лимушин*

Вспоможение как смыслообразующая ценность деятельности Свердловского отделения СТД РФ (ВТО) по возвращению традиций организации

«Вспомощевать, содействовать ... вспоможнье – действие по глаголу, а также самый предмет, то, в чем состоит поданная помощь» – такие смыслы деятельности в создаваемое 130 лет тому назад Всероссийское театральное общество (ВТО), согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. Даля (1), вкладывали благородные люди, которых волновали положение бедствующих артистов и судьба русского театра.

По существу, цели у СТД РФ (ВТО) никогда не менялись, и сегодня они формулируются, как и прежде: первое – помочь свим братьям по искусству, второе – содействовать развитию театрального дела в России.

Современный мир меняется стремительно и радикально. В такой ситуации нельзя решать возникающие проблемы, реагируя на них привычным, традиционным образом. Представители многих отраслей, в особенности в сфере экономики и политики, были вынуждены пересмотреть свои цели, понятия и процедуры. Вспомним хотя бы о крушении абсолютных категорий «левого» и «правого» в политике или переходе от индустриальных систем к системам, основанным на информации, в экономике.

По отношению к институтам культуры сказанное проявляется, как минимум, в следующем: (а) повышении роли рынка как арбитра в вопросах ценности и вкуса; (б) развитии индустрии развлечений; (в) становлении экономики, базирующейся на знаниях; (г) стремлении многих групп, относящихся к широкой публике, участвовать в определении общественных целей и ценностей; (д) проблематизации многих канонических форм знания и размывании интеллектуальных границ; (е) изменении представлений о месте, времени, темпе жизни, вызванное, прежде всего, появлением новых технических возможностей; (ж) переосмыслении представлений о самобытности на местном, региональном и общенациональном уровнях и др. (2).

****Виктор Павлович Лимушин*** – доцент СУНЦ УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© В. П. Лимушин, 2007

Как следствие, на рубеже XX и XXI веков в постоянном взаимодействии стали функционировать четыре разновидности культуры: (1) *традиционно понимаемая культура* как средство просвещения народных масс; (2) *авангардная, или высокая, культура*, которая, начавшись с эстетизма конца XIX века и пройдя через несколько трансформаций, стала прославлять художника как бунтаря и светского святого; (3) *народная, или популярная, культура*, значительно укрепившая позиции благодаря развитию массового общества и превратившаяся в независимую силу, питаемую интересами и возможностями коммерции и основанную на новых технологиях звукозаписи, кино и радиовещания; (4) *инструментальная культура*, предполагающая видеть принципиальную ценность культуры в ее способности служить различным политическим целям и стратегиям, направленным на общественное развитие или решение социальных проблем.

Нельзя забывать, что *данное взаимодействие происходит на фоне доминирования рыночной экономики начала XXI века, имеющей ряд отчетливых особенностей.* Ее главным принципом является стремление к материальному благополучию, а задействованные в ней люди страются любыми способами увеличить свою безопасность, комфорт и независимость. *Всякое взаимодействие в рамках этой экономики предполагает непрерывный переговорный процесс, продажу и определение требований рынка. Важнейшими понятиями рыночной экономики нашего времени являются гибкость, подвижность, портативность, проницаемость, прозрачность, интерактивность, одновременность и соучастие.*

Именно осознание подверженности действию названных внешних «предлагаемых обстоятельств» инициировало со стороны Отделения разработку двух стратегических проектов: для развития помощи своим собратьям по искусству в новых экономических обстоятельствах – образование «Театрального фонда «Общество вспоможения», для содействия развитию театрального дела – «Комплексной программы по совершенствованию организационно

– творческой деятельности Свердловского отделения Союза театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийского театрального общества), направленной на активизацию государственной и общественной поддержки театральной жизни Свердловской области «Театральная панорама Свердловской области».

В разделе «Цели создания и задачи фонда» прописано семнадцать форм вспоможения, объединенных целью «разработки и реализации собственных творческих и социальных программ, а также поддержки деятельности Свердловского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общество) с целью активизации его истоического потенциала». Наряду с традиционными формами вспоможения (например, организация финансовой, гуманитарной, социальной и медицинской помощи и организации досуга социально незащищенных членов СО СТД РФ, а также создание и финансирование (полностью или частично) учреждений социального обеспечения, отдыха и туризма, лечебные, санаторно-курортные и оздоровительные (Дома ветеранов театральной сцены), а также свободные сценические площадки), Фонд берет на себя обязательства, востребованные новыми социально-экономическими обстоятельствами: «осуществляет издательскую деятельность, публикует мемуары, исследования в области истории и теории театрального искусства и театральной критики, информационно-буклетную продукцию ... организует симпозиумы, семинары, тренинги и конференции по актуальным проблемам благотворительности и спонсорства... осуществляет мероприятия по увековечению памяти выдающихся театральных деятелей, в том числе ритуального характера... организует и проводит региональные, общероссийские и международные фестивали, смотры, конкурсы, выставки, выставки-продажи, лотереи, аукционы...»

Дополнительным стимулом к новому стратегополаганию в «Комплексной программе «Театральная панорама Свердловской области» стало рассмотрение 9 декабря 2005 года на Коллегии Министерства культуры Свердловской области вопроса «О роли творческих союзов в формировании социокультурного пространства Свердловской области»: именно пункты второго раздела постановляющей части решения Коллегии (с учетом специфики творческого союза) приобрели конкретность в целях, средствах и формулировке ожидаемого результата (см. таб. 1).

Таблица 1

Соотнесенность мероприятий Комплексной программы СО СТД РФ «Театральная панорама Свердловской области» рекомендациям Коллегии Министерства культуры Свердловской области от 9 декабря 2005 года «О роли творческих союзов в формировании социокультурного пространства Свердловской области» (извлечения)

Стратегия и методы реализации, описание проекта	Рекомендации Коллегии Министерства культуры Свердловской области
Раздел 1. "Мониторинг театральной жизни Свердловской области", включающий, в частности, проведение в театральном сезоне 2006/2007 года социологического исследования "Состояние и перспективы развития зрительских аудиторий театров Свердловской области"	"2.4. При разработке творческих проектов учитывать приоритетность направлений культурной деятельности на территории Свердловской области: - приостановка деградации и формирование культурных потребностей населения"
Раздел 2. "Образовательные и методологические проекты": 2.1. Студенческий клуб "Школа театрального критика"; Периодически действующий семинар для молодых арт-менеджеров с темой 2007 г. "Творческие индустрии в жизни культуры и жизни города"; Семинары и тренинги по технике сценической речи и по сценическому движению под руководством педагогов ЕГТИ; Семинар "Основы делопроизводства в театральной деятельности"; 2.3. Научно-практическая конференция "Театральное образование и театральная практика российской провинции" (2007)	"2.4. При разработке творческих проектов учитывать приоритетность направлений культурной деятельности на территории Свердловской области: - повышение конкурентноспособности руководителей и специалистов организаций культуры и искусства на рынке предоставления услуг. Накопление кадрового потенциала"
Раздел 3. Многофункциональный проект" Мир сценографии" нацелен на знакомство, исследование, развитие, анализ ряда актуальных профессиональных проблем одной из составляющих театрального искусства - искусства сценографии	
Раздел 4. "Творческая командировка": целью проекта является помощь в творческом совершенствовании и повышении квалификации работников театров Свердловской области, а также поддержка и поощрение молодых талантов	
Раздел 5. "Творческие отчеты, Вечера памяти, Творческие циклы и самостоятельные актерские работы в клубном формате Дома актера"	"2.2. Разработать комплекс мер по привлечению в творческие организации молодежи, профессионально работающей в сфере художественного творчества

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

Стратегия и методы реализации, описание проекта	Рекомендации Коллегии Министерства культуры Свердловской области
Раздел 6. "Информационно-издательская, просветительская и аналитическая деятельность"	2.4. При разработке творческих проектов учитывать приоритетность направлений культурной деятельности на территории Свердловской области: - выравнивание уровня обеспеченности населения Свердловской области услугами организаций культуры. - обеспечение повышения доступности культурных благ; - приостановка деградации и формирование культурных потребностей населения"

В основу *перевода деятельности Отделения* из режима функционирования *в режим развития* был положен управленческий ресурс, который, в первом приложении, может быть определен *как сочетание аналитических, координационных и организаторских способностей субъектов управляющей подсистемы управления организации.*

При этом в качестве *аналитического ресурса* рассматриваются: (а) способность руководителя и сотрудников к восприятию информации; (б) умение извлекать ее из прямых и косвенных источников на основе реализации методологии SWOT и PEST анализов; (в) навык понимания существа происходящих событий применительно к текущей ситуации в части как предпосылок ее возникновения, так и возможности прогнозирования дальнейшего развития.

Координационным ресурсом обозначается способность субъектов управляющей системы (в нашем случае это относится к Председателю, его заместителям, руководителям подразделений и служб Отделения) проводить в жизнь принятые решения. На сегодняшний день данный ресурс в Отделении имеет правовую основу в форме «Регламента деятельности СО СТД РФ (ВТО)», в котором прописана система разработки, принятия, реализации, оценки и снятия с контроля принимаемых решений. Одним из элементов названной системы стал переход на унифицированное документоведение (на основании требований ГОСТ Р 6.30–2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требование к оформлению документов»).

Организационный ресурс Отделения – это его сумма связей, знакомств, доброжелательности или недоброжелательности, которую сам управленец и вверенный ему процесс порождает в окружающей организационно-деятельной среде, побуждая ее фигурантов к поддержке или препятствию управленческому процессу. Этот важнейший ресурс организации обозначает в самом общем виде способность руководителей высшего и среднего звена управления к получению поддержки, а также к ее оказанию. В первом случае это будет держатель организационного ресурса, а во втором – лицо, располагающее такого рода ресурсом. На сегодняшний день поддержку в развитии форм и методов вспоможения членам СО СТД РФ (ВТО) оказывают семь членов Попечительского совета Благотворительного театрального фонда «Общество споможения», в том числе Ю. Ф. Кузьмин, руководитель Областного медицинского Центра на базе Первой областной клинической больницы, доктор медицинских наук, профессор; А. А. Безумов, директор Уральского Столичного кредитного товарищества; В. И. Виницкий, председатель президиума Свердловской областной коллегии адвокатов. А новым видом организационного ресурса Отделения стал Общественный совет Дома актера Отделения, который призван обеспечить взаимодействия и коммуникации Дома актера с театральными коллективами и организациями, работниками театров (независимо от их членства в СТД), творческими союзами и объединениями, органами государственной и муниципальной власти, средствами массовой информации, представителями бизнеса и различных общественных элит через клубные формы организации общения, используя уникальные возможности здания Дома актера – памятника истории конца XIX века, имеющего в обществе признанный имидж «Дом, покоряющий сердца».

Прогнозируемый Отделением *синергетический эффект* взаимодействия элементов управленческого ресурса сопряжен с переходом на новый принцип планирования своей деятельности, который можно обозначить как «демократию участия». «Участие» в данном контексте предполагает, что Отделение (в лице его руководства) желает управлять организацией «по заявкам» его членов.

Желая быть лидером в социокультурном пространстве области, Отделение стремится реализовывать *стратегию визионеров*, которая не только предполагает увлекать и вести за собой, быть подлинным агентом перемен, но и требует использовать потенциал

принципиально новых идей и легко переступать через рутинные споры, идущие в профессиональном сообществе.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что:

• различие и разнообразие, так же как диалог, будут ключевыми проблемами XXI века, и, соответственно, для культурных институтов и культурных программ одной из ключевых задач становится создание пространств взаимодействия и общения различных сообществ и групп;

• отделение адекватно оценивает *ценность вспоможения как системообразующего элемента своей деятельности*: если мы владеем какими-либо ценностями, мы должны интерпретировать их для нашего времени; если мы видим свой путь служения общественному благу, мы должны на нем настаивать;

• выбор СО СТД РФ (ВТО) вспоможения как смыслообразующей ценности деятельности по возвращению традиций организации способствовал осознанию условий для перехода его из режима функционирования в режим развития;

• выбор сопровождался разработкой целевых программ и проектов, в основании которых лежат новые методологические подходы (которые в данной статье мы обозначили синтетическим понятием «управленческий ресурс») к стратегополаганию и планированию, организации и координации, контролю и оценке собственной деятельности посредством обратной связи с членами Отделения, государственными и муниципальными органами власти и институтами гражданского общества.

Литература

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1: А–З. С. 269.

2. Подробнее см.: *Пахтер М., Лэндри Ч.* Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке: Пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2003.

Л. А. Можаева*

Профессиональная культура в практиках повседневности

Под профессиональной культурой личности можно понимать систему ценностей, установок, стилей поведения, эмоциональных реакций, опосредованных профессией и отраженных в сознании личности.

Профессиональная культура рождается, живет и реализуется в живой деятельности человека, в его повседневных практиках и представляет собой качество деятельности в определенной, строго ограниченной области его профессии. Поле профессиональной культуры образовано профессиональными ценностями, значениями и понятиями как «силами», обеспечивающими образование профессиональной культуры на пересечении личности, сознания и деятельности (Шевцова Е. В. Взаимосвязь профессиональной и коммуникативной культуры личности будущего. Ставрополь, 2003. С. 5).

Стремясь овладеть профессией, то есть участвуя в какомлибо виде трудовой деятельности, человек одновременно с этим приобщается и к общей культуре. В этом слиянии, соединении профессионализма и общей культуры появляется на свет и культура профессиональная, которая служит мерой, степенью и качеством самой деятельности человека, объективным показателем участия его в общественном развитии. Как субъект деятельности участвует в прогрессе общества, так и культура (общая и профессиональная) способствует интеллектуальному росту самого индивида, подъему его сил и способностей.

Профессиональная культура является объективным качественным индикатором формирования и субъекта деятельности, и среды его обитания. По характеру профессиональной культуры можно в целом судить и о самом обществе, и о составляющих его элементах. Для поддержания высокой профессиональной культу-

---

* ***Лариса Александровна Можаева*** – психолог-консультант психологического центра «Точка опоры» (г. Екатеринбург).

© Л. А. Можаева, 2007

ры необходимы соответствующие учебные заведения, дающие образование, институты и лаборатории, студии и мастерские и т. п.

Одним из главных показателей профессиональной культуры является культура общения как средство обеспечения эффективности трудовой деятельности, взаимопонимания, соблюдения общего и служебного этикета, норм и правил человеческого общежития и поведения. Социальное и профессиональное общение отражает уровень состояния культуры, ее достижения и недостатки.

К примеру, профессиональная культура учителя включает в себя культуру речевого общения: не только умение строить монологическую научную речь, но и владение педагогической риторикой в целом, профессиональную коммуникативную культуру, включающую культуру чувств, эмоций, мышления, речи, формы выражения, умение слушать, навыки рефлексии, способность понимать ситуацию, оценивать, ориентироваться в ней, управлять ею. Реализуются эти способности через тон речи, оправданную использованность оценочных суждений, манеру общаться с учащимися, отвечать им через характер мимики, жестов, движений, сопутствующих речи. Это важные элементы профессиональной культуры учителя. Высокопрофессиональный учитель – это всегда коммуникативный лидер, который способен приковать внимание монологом, организовать диалог и вести его в соответствии с нормами речевого этикета. Учитель должен выходить из нестандартных ситуаций общения, уметь вступить в творческое взаимодействие на основе взаимной заинтересованности педагогов и учащихся

Профессиональную культуру понимают и определяют по-разному, в зависимости от дисциплинарного, т. е. свойственного данной научной отрасли, характера и интереса (См.: Модель И. М. Профессиональная культура муниципального депутата. Екатеринбург, 1993. С. 26–27). И.М. Модель рассматривает профессиональную культуру как подсистему общей культуры, нацеленную на обеспечение функционирования непосредственно практической деятельности в условиях общего и специального разделения общественного труда. Профессиональная культура отсюда выступает категорией, характеризующей степень овладения профессиональной группой, ее представителями специфическим видом трудовой деятельности как меру и способ реализации сущностных сил и творческих способностей в процессе и результатах профессиональной деятельности.

Поскольку профессиональная культура представляет собой совокупность теоретических знаний, практических умений и навыков, присущих определенному виду труда, то в ней, как в любой другой отрасли культуры, действуют два начала: консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и созидающее новые ценности.

Консервативные, или традиционные, элементы, такие, как нормы, правила, традиции, являются интегрирующим механизмом профессиональной культуры и позволяют сохранять специфику профессии. Традиционные элементы призваны обеспечить преемственность профессиональной культуры. С их помощью, на их основе происходит трансляция ценностей, осуществляется коммуникация работников.

Кроме того, коммуникационная культура включает разнообразные модели поведения ее носителей, включая творческие и инновационные. Творчество, характерное для человека, является сутью культуры, в том числе и такой ее отрасли, как профессиональная культура.

Современная профессиональная культура может и должна быть открыта внешним идеям, это культура диалога, полилога, в русле которых формируется личность профессионала (Шевцова Е. В. Указ. соч. С. 2).

Тенденции развития современного общества находят отражение и во внутренней структуре профессионального мира, формируя, помимо специфических, некие новые общие требования профессиональной культуры к работникам информационных, научно-технических и иных сфер труда. Информация становится все более доступной бесконечному числу пользователей, большие объемы знаний устаревают в кратчайшие сроки либо теряют свою актуальность. В связи с этим статусность, должностная иерархия по степени своей важности и востребованности в профессионально-трудовой сфере все чаще уступают место компетентности.

Появляются новые требования к участнику трудового процесса: такие, как высокая квалификация, умение работать в команде, личная ответственность, креативность и способность к постоянному обучению. Необходимы и такие качества личности, как готовность принимать решения и действовать, уверенность, стойкость к депрессии, неопределенности. Также имеет большое значение компетентное и ответственное обращение со знаниями –

понимание, оценка и обработка знаковых систем, умение справляться с существенными противоречиями воспринимаемой информации, мыслить абстрактно, проводить экспертизу и принимать тщательно обдуманное решение.

В заключение отметим, что профессиональная культура, несущая в себе признаки социальной компетентности специалиста, его способности активно действовать и грамотно использовать имеющийся потенциал, сегодня является не просто желательным, но и жизненно необходимым условием успешной деятельности квалифицированного специалиста.

Б. В. Орлов*

Корпоративные ценности в аспекте брендинга

1 Брендинг рассматривается нами как основной ценностный инструментарий корпоративной (организационной) культуры, позволяющий достичь высокой степени уникальной идентичности (сплоченности и отличия) организации (общности) и осуществить реализацию всего позитивного потенциала индивидуально-личностной самоидентификации типа «Я из …!».

2. Реформирование бренда (как элемент брендинга наряду с созданием и управлением) исходит из анализа состояния его составляющих, имеющегося в корпорации на данный момент времени. В целом исходная базовая модель внутрикорпоративного брендинга как основа создания эффекта привлекательности компании для сотрудников, то есть как основа разных вариантов ее имиджа, представляет собой сумму переменных внешних составляющих корпоративного бренда работодателя, взятых в нескольких измерениях.

По линии «Бизнес»: стабильность (возраст, позиция на рынке, клиенты и продукты), перспективы развития (перспективность отрасли и направлений деятельности, конкуренция на рынке), образ первого лица (известность, репутация).

По линии «Менеджмент»: структура и прозрачность бизнеса (ясная структура управления, описание бизнес-процессов), стиль менеджмента (прецеденты, корпоративные ценности).

По линии «HR-практики» (человеческие ресурсы и отношения): карьерный рост (наличие кадрового резерва, процент менеджеров, получивших продвижение, случаи быстрого карьерного продвижения), профессиональное развитие (корпоративная система обучения, затраты на обучение сотрудников, практика стажировок и ротаций,

* ***Борис Викторович Орлов*** – канд. филос. наук, руководитель Центра дополнительного образования Гуманитарного университета, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© Б. В. Орлов, 2007

инновационные проекты, наличие “звезд”), уровень компенсаций в компании (уровень зарплат, ясность бонусных схем, корпоративный социальный пакет), условия труда в компании (офис и другие помещения (местоположение, состояние и сервисные возможности); оборудование, уровень информатизации; командировки; текучесть персонала; взаимоотношения сотрудников (формальные и неформальные, по вертикали и горизонтали).

Поскольку мнения руководителей и подчиненных по этим параметрам расходятся, а идентичность предполагает достижение общности мнений, необходимо проведение анонимных опросов и учет их данных для коррекции всех аспектов организационной культуры в целом и реформирования внешних составляющих внутрикорпоративного бренда в выявленных критических точках.

3. В локальном и более глубоком смысле «ядро бренда» связано с внутренними составляющими собственно корпоративной культуры и, прежде всего, представляет собой как сознательно, так и в основном бессознательно выраженные и используемые в поведении, так или иначе стилизованные и оформленные, ключевые корпоративные ценности. С этих позиций, самоидентификация с организацией означает личное внутреннее признание каждым сотрудником позитивных корпоративных ценностей и отказ от негативных, а также трудовую деятельность и поведение, в пределах корпоративных интересов, на основе принципов и норм, производных от принятых корпоративных ценностей в благоприятной знаково-символической среде, соответствующей успешной идентификации.

4. Расхождение сознательного и бессознательного уровней существования корпоративной культуры как системы духовных ценностей организации с необходимостью учитывается в брендинге и прежде всего предполагает обязательный анализ реальной, уже имеющейся данности архетипов (базисных структур) коллективного бессознательного. Поскольку эти архетипы изменить сознательно очень сложно, то следует определить как положительные, так и негативные (теневые) архетипы и сознательно работать как с теми, так и с другими, находя оптимальные креативные и управленческие варианты адекватного брендинга. Выявленные архетипы и успешные методы работы с ними могут создать нужную основу «корпоративной религии», когда корпоративный дух схватывается интуитивно на основе веры в архетипические ценности как первооснову самоидентификации.

5. Архетипические ценности образуют код бренда (или бренд-код), и поэтому именно его в первую очередь и следует определять. В самом простом варианте нахождение бренд-кода означает отыскание самых точных, емких, незатертых ключевых слов, схватывающих уникальную специфику основных корпоративных ценностей, отличающих данную организацию от других и в сумме представляющих собой разные варианты «слоганов»-«заклинаний».

6. Нужно понять, что полное описание и уточнение составляющих сильного, то есть по-настоящему ценного бренд-кода, а также определение их приоритетности предполагает не столько командные административно-волевые решения, сколько постоянную обратную связь с культурной средой, в которой произрастают, формируются и культивируются корпоративные ценности. Выявление правильного и эффективного бренд-кода – креативный процесс, интуитивная вербализация «души» и «тени» корпорации, ее «живого» и «мертвого» начал – сверхзадача деятельности бренд-мэйкеров, способных к полному самопогружению в коллективную сознательно-бессознательную жизнь организации. Открытие своего бренд-кода, его признание и самоутверждение – общее дело самой организации, ее перспективное озвученное самосознание на данном этапе развития. В этом аспекте, бренд-мейкеры могут лишь подсказать варианты бренд-кода, а выбирают, корректируют и принимают конечное – самое эффективное – решение репрезентативные представители организации (всех ее субкультур). Только в этом случае возможно движение в направлении подлинной (а не придуманной) корпоративной идентичности и создания сильной корпоративной культуры.

7. После открытия «формулы» удачного, то есть сильного, бренд-кода необходимо его теоретическое обоснование как «корпоративной философии» в привязке к деятельности корпорации в целом с учетом ее миссии, стратегии и принципов, а также в привязке к другим компонентам полного брендинга корпорации (с учетом бренда для клиентов и бренда для партнеров).

Для успешной практической реализации и продвижения внутрикорпоративного бренда необходимо разработать и внедрить систему «корпоративной самоидентификации», которая в идеале должна работать как самоорганизующаяся система и доминировать в этом системном качестве.

8. В первом приближении ее состав и процесс создания видятся так.

На основе установленного бренд-кода соответственно всем его составляющим креативно создаются идеологемы-слоганы («заклинания») в дополнение или взамен уже имеющихся (от серьезных до умеренно веселых). На этом фоне ведется поиск самой емкой и влиятельной сверхценностной идеологемы. Сверхидеологема значима не только тем, что вербально и концептуально учитывает профессиональную специфику деятельности корпорации, но в большей степени тем, что проявляет глубинное общечеловеческое, то есть экзистенциально-смысловое, начало, раскрывая в вербальной форме смысл корпоративного бытия.

Подо все отобранные идеологемы создается кодекс – «апокриф», в котором в не очень обременительной форме прописываются соответствующие им «нормативы»-«заповеди» и даются пояснения по возможностям их реального личного применения в корпоративной жизнедеятельности с учетом прецедентов из истории компании.

Кодекс доводится до каждого сотрудника, и с ним заключается соглашение (это может иметь ритуальный характер) о признании конвенции и следовании корпоративно признанным ценностям.

Для лучшей адаптации к заданному ценностному уровню корпоративной культуры возможно проведение семинаров-тренингов и других форм обучения в перспективе создания «корпоративного университета» в том или ином его виде. Для адаптации также необходимы внутрикорпоративные культурные акции, адекватные позитивному бренд-коду и осуществляющие профилактику «выплескивания» негатива.

Решающая роль в предлагаемой системе отводится самоконтролю над идентификацией с положительным образом бренд-кода корпоративных ценностей и над отклонениями в сторону теневого, негативного бренд-кода. В связи с этим необходимо создание подсистемы, функционально поддерживающей и усиливающей самоконтроль каждого сотрудника. В этой подсистеме собирается, анализируется, обобщается и передается информация (в тех или иных пределах) о состоянии самоидентификации; рассматриваются, оцениваются и коллекционируются случаи-прецеденты; проводятся аттестации и конкурсы, поощряются позитивные тенденции и осуждаются негативные.

Для усиления влияния знаково-символических аспектов культурной среды необходимо создание свода требований по соблюдению корпоративного фирменного стиля (бренд-бука) и полного набора дизайна адаптационно-презентационно-сувенирных артефактов (бренд-кейса), а также – их активное внутрикопоративное использование.

9. Основная проблема, которая в перспективе создания адекватного инструментария быстро актуализируется, – проблема инициативного, организационного и материального укрепления всех ветвей «власти бренда» – «законодательной», «исполнительной», «судебной», «информационной» и «денежной». В аспекте организационной инициативы основная роль должна отводиться создаваемым внутрикорпоративным общественным организациям «по интересам», которые своим «самовластием» позволили бы выразить интересы всех субкультур и гармонизировать их взаимоотношения, укрепляя тем самым социокультурный статус бренда корпорации, а значит, максимально усиливая и его собственную ценность.

О. Е. Попкова*

Социокультурные предпосылки профессиональной успешности личности в условиях повседневных практик

В современной России остро стоит проблема занятости, связанная с конкурентной борьбой за престижные рабочие места, требующие профессионализма, знаний и мастерства. В этих условиях процесс профессионального становления личности выступает как борьба за социальный статус и материальное благополучие, что является неотъемлемой частью ее социальной и профессиональной успешности.

Под социальной успешностью мы понимаем органическое вхождение в социальное окружение и участие в жизни общества, тогда как под профессиональной – развитость универсальных трудовых и практических умений, готовность к выбору профессии и профессиональной реализации своего потенциала.

Сегодня в России большое внимание уделяется вопросу о профессиональной успешности. Изменение социально-экономических условий в нашей стране сделало актуальным стремление к достижению индивидуального успеха в профессиональной сфере деятельности, поскольку для каждого человека стал ощутимым эффект от успешности его деятельности.

С другой стороны, появилась и стала укрепляться тенденция, под влиянием которой складывается общественное мнение относительно профессиональной успешности и материального благополучия (богатства). Эти два понятия становятся тождественными и неотделимыми друг от друга. Более того, «быть профессионально успешным» становится необходимым, человек сегодня обязан быть успешным, это норма.

Данное явление мы рассматриваем в русле социокультурных феноменов и предпосылок. Возрастает интерес к культуре, многие

* ***Оксана Евгеньевна Попкова*** – аспирантка ГУ, преподаватель ГУ (г. Екатеринбург).

© О. Е. Попкова, 2007

исследователи занимаются ее проблемами. Более того, изменяется само понимание культуры и ее роли в различных социальных процессах. Это уже не столько пассивное отражение реального поведения, сколько его активная трансформация.

Культура сегодня часто опережает то, что происходит в реальности и оказывает важнейшее, а порой и решающее воздействие на окружающую социальную действительность. Именно в культуре и через культуру осуществляются многие процессы, происходящие в обществе, и становление профессиональной успешности в частности.

Мы предполагаем, что существуют объективные и субъективные социокультурные предпосылки, которые оказывают существенное влияние на профессиональную успешность личности. К первым мы можем отнести религию, образование, традиции, обычаи, которые воздействуют на деятельность индивидов и групп, культурно-поведенческие стереотипы людей. Ко вторым мы относим ориентации индивидов в обществе, их нравы, чувства, отношение населения к повседневным практикам, а также жизненные ценности и установки, потребности, мотивы, удовлетворенность жизнью в целом.

Нас больше будут интересовать индивидуальные субъективные предпосылки, которые мы в целом обозначаем как направленность личности.

Сравнивая, на основании проведенного нами пилотажного исследования в 2006 г. среди жителей города Екатеринбурга (выборка 150 человек), группы профессионально успешных и неуспешных людей по субъективной компоненте, мы можем заключить, что профессионально успешные индивиды социально увереннее, нежели неуспешные. Это может быть связано с тем, что успешные имеют достаточно материальных ресурсов для продолжительного планирования своей социальной жизни. На основании этих данных мы можем предположить, что социальное бытие человека напрямую зависит от его профессиональной успешности и, как следствие, – материального благополучия.

Успешные индивиды считают, что важным показателем их повседневных практик являются работа, карьера и занимаемая должность. Возможно, это связано с тем, что уровень карьерных достижений напрямую обуславливает материальное благополучие, обладание предметами роскоши и т. д.

Можно также утверждать, что и для успешных и для неуспешных индивидов наиболее значимым является удовлетворение материальных и социальных потребностей, а лишь потом – эстетических и познавательных.

Профессионально успешные люди, по сравнению с неуспешными, более склонны к упрощенным способам существования, ориентированы на более радостную, легкую и счастливую жизнь, они больше склонны к душевному комфорту. У них также ощутимо выражена потребность в выполнении работы, они больше, чем неуспешные, направлены на достижение поставленной перед ними цели, более того, для них это является жизненно важным показателем.

Необходимо заметить, что профессионально успешным людям в большей степени, чем неуспешным, свойственно рисковать. Склонность к риску характеризует выраженную потребность в действенном, активном преодолении трудностей, умение пробиваться к поставленной цели через все препятствия. У профессионально неуспешных выражена потребность ориентироваться на других, причем не обязательно значимых, ярко прослеживается тенденция думать о других в ущерб себе. Профессионально неуспешные люди больше стремятся к честности, справедливости, совершенству, развитию, самоопределению.

Среди профессионально успешных людей нет таких, которые отрицали бы значимость для себя материальных благ и материальных ценностей. Этот факт является закономерным, особенно в связи с тем, что большой процент успешных имели ориентацию на обладание, они рассматривали получение собственной профессии как непосредственный залог, «ключ» к успешной жизни.

Профессионально успешные индивиды в значительной степени нацелены на конструктивную коммуникацию и взаимодействие, по сравнению с неуспешными, следовательно, одними из важнейших потребностей для них являются потребности в общении и дружбе. Это является залогом их успешности в бизнесе, карьере и социальных связях. Тем не менее, успешные индивиды более, чем неуспешные, склонны думать только о себе, потакать собственным желаниям, даже в ущерб другим людям. Профессионально успешный индивид может поддержать других, но лишь в крайнем случае, при том условии, что не будут затронуты его собственные интересы.

Подводя итог, мы можем констатировать, что существует прямая связь между социокультурными предпосылками и профессиональной успешностью личности. Факторы социальной культуры влияют на карьеру, успешность и профессиональное становление личности.

Остается без ответа множество вопросов: о степени значимости социокультурных факторов для динамики профессиональной успешности и карьеры личности, об иерархии факторов, оказывающих влияние на становление профессиональной карьеры, и т. д. Но это является предметом дальнейшего анализа данной проблемы.

С. А. Поспелова*

Власть и лидерство в организации

Нередко приходится встречаться с утверждением, согласно которому власть и лидерство выступают как синонимы. Однако это далеко не так, эти понятия нельзя рассматривать как тождественные.

Анализируя сущность власти, необходимо отметить следующие обстоятельства. Во-первых, власть дает возможность действовать, используя ресурсы для достижения поставленных целей (применительно к любой организации это прежде всего человеческие ресурсы). Во-вторых, власть всегда предполагает определенное взаимодействие между людьми. Таким взаимодействием являются отношения начальника и подчиненного. В-третьих, власть означает способность субъекта навязывать свою волю группам, массам, организациям, индивидам.

Власть – это возможность и способность оказывать определяющее воздействие на поведение других людей. Каждый раз власть предстает как двустороннее отношение, в котором одна сторона побуждает к действию (часто насильственным способом), а вторая реагирует на побуждение с той или иной степенью интенсивности. Власть проявляется там, где существуют организованные структуры взаимодействующих людей. В общем смысле власть – это форма социальных отношений, характеризующаяся способностью влиять на характер и направление деятельности посредством экономических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью насилия, авторитета, традиций. Если обратиться к различным трактовкам понятия «власть», то сущностью власти являются отношения руководства, господства и подчинения. *Существенным элементом власти выступает насилие и навязывание собственной воли.* Носителями власти могут быть как отдельные лица, так и социальные структуры.

---

* ***Светлана Алексеевна Поспелова*** – педагог-психолог школы № 220 (г. Екатеринбург).

© С. А. Поспелова, 2007

Такой подход к власти тесно связано с понятием «лидерство». Лидерство можно рассматривать как соотносительное положение определенной личности в группе, которое характеризуется способностью занимающего его лица оказывать решающее влияние на других людей, организовывать и направлять их коллективные действия в определенных социальных группах. Лидерство имеет место в тех случаях, когда один член группы может изменять побуждения других. Значит, можно сделать вывод*: цель лидерства* – добиться выполнения поставленных задач, используя собственный авторитет, методы убеждения, и если необходимо – давления. Лидерство – это умение вести за собой, используя элементы власти и убеждения, авторитет и доверие.

Лидеры используют власть как средство для достижения групповых целей. Однако воздействие лидера может основываться на принятии людьми его требований и без явного или прямого проявления власти. Таким образом, по нашему мнению, власть и лидерство представляют собой «пересекающиеся» понятия, объем одного из них не исчерпывает объем другого.

Лидер в организации может быть формальным и неформальным. Процесс влияния на людей с позиции занимаемой в организации должности называется *формальным* лидерством**.** Процесс влияния через способности и умения или другие ресурсы, необходимые людям, получил название *неформального* лидерства.

Быть руководителем в организации еще не означает автоматически считаться лидером, так как лидерству в значительной мере свойственна неформальная основа. Другими словами, носитель власти не обязательно может являться лидером.

Руководитель – это носитель функций и субъект регулирования институциональных отношений в рамках социальной организации, лидер же связан прежде всего с выражением, регулированием внутригрупповых отношений, носящих неинституциональный характер.

Очевидно, что сосуществование руководителя и неформального лидера порождает определенные проблемы в организации. Однако мы полагаем, что эти проблемы не могут оцениваться как однозначно негативные. Действительно, с одной стороны, если между руководителем и неформальным лидером в организации нет понимания или существует негласная борьба за влияние, то такая ситуация может привести к расколу в коллективе, развалу рационально построенной структуры организации. Но, с другой сто-

роны, искажение структуры власти вследствие существования неформальных лидеров не всегда приводит к деструктивным результатам. При определенных условиях возможно устранение недостатков этой структуры. Кроме того, неформальные лидеры могут успешно дублировать деятельность неэффективного руководителя, особенно в небольших организациях.

На наш взгляд, данная проблема пока не нашла должного отражения в социологической литературе, и здесь нужны дополнительные теоретические и конкретно-социологические исследования.

Т. В. Прикуль*

Поколение NEXT

«Они молоды и умны. Они могут ходить по офису в домашних туфлях и слушать на рабочем месте MP3-плеер. Они часто совершают покупки в интернет-магазинах и питаются быстрорастворимой пищей. Они любят свою работу и готовы взять на себя большую ответственность – однако они не желают, чтобы их жизнь состояла только из карьеры»

Так американские эксперты описывают «поколение Y», к которому в настоящее время только в США относится порядка 70 миллионов человек. Сегодня его представители начинают работать в компаниях самого разного профиля. Это поколение, возникшее на стадии перехода из индустриального в информационное общество и еще не достигшее 30-летнего рубежа, во многом коренным образом отличается от предыдущего. В России больше принято называть это поколение – поколением NEXT.

Новое поколение сотрудников приходит на рынок труда в эпоху серьезных демографических изменений, когда большинство западных, да и отечественных компаний сталкиваются с проблемой старения кадров. Теперь 20-летние работают вместе с 60-летними. Зачастую выпускники университетов получают должности, предусматривающие руководство сотрудниками, которые по возрасту могли бы быть их родителями. Все это создает серьезные проблемы для работодателей, стремящихся привлечь и удержать талантливый персонал.

Что же такое это «поколение Y», «поколение NEXT»?

Эксперты еще не пришли к единому мнению по этому вопросу. В широком смысле, этими словами называют людей, родившихся в период с 1977-го по 2002 год. Предыдущее поколение – «поколение X» – появилось на свет в период с 1965-го по 1976 год. Согласно другому, более узкому определению, в «поколение Y» входят те,

---

* ***Татьяна Владимировна Прикуль*** – студентка 4-го курса факультета социальной психологии ГУ (г. Екатеринбург).

© Т. В. Прикуль, 2007

кому сегодня от 16 до 27 лет, то есть родившиеся в период с 1978-го по 1989 год. Таким образом, представители нового поколения уже сейчас составляют крупный сегмент на рынке труда.

Легче всего опознать представителей поколения next по внешним признакам. Для них характерна особо яркая, дерзкая цветовая гамма в одежде (металлик, хаки, бордовый, серый и грязно-рыжий). Они не боятся выделяться из толпы, быть не как все. В связи с этим неизбежны конфликты на почве пресловутого дресс-кода. Лексика – неправильный родной с многочисленными элементами иностранного. Что касается линии поведения носителей данной субкультуры, то здесь выделяются две главные особенности. Первая: они чувствуют себя дома, как в гостях, а в гостях – как дома. То есть везде одинаково комфортно. И вторая: режим дня в их жизни отсутствует «как класс», и потому жизнь их гораздо сложнее, насыщеннее, чем всех прочих поколений.

Обозначим основные особенности и отличия этого поколения. *Высокие ожидания*. Они ставят перед собой более высокие цели и стремятся достичь их быстрее, чем представители остальных возрастных категорий. *Постоянное обучение.* Они стремятся решать задачи, требующие творческого подхода, рассматривая своих коллег как неисчерпаемый источник знаний и опыта, для них является нормой задавать много вопросов. *Немедленная ответственность*. Они хотят принимать важные решения уже в первый день работы. *Ориентация на достижение цели*. Они хотят выполнять небольшие задачи в жестких временных рамках, чтобы полностью контролировать процесс их выполнения. *Независимость и креативность* рассматриваются ими как большая ценность.

Эти особенности, в первую очередь, важно знать менеджеру по персоналу, если он хочет видеть этих ярких, энергичных, целеустремленных людей в числе служащих своей организации. Необходимо учитывать интересы нового поколения, пришедшего на рынок труда, чтобы иметь возможность грамотно и своевременно разработать и внедрить соответствующую систему привлечения и мотивации труда.

В отличие от представителей предыдущих поколений, нынешние молодые люди с самого раннего детства росли и обучались в условиях огромного разнообразия профессий и видов деятельности. Многие из них разбираются в самых разных темах и добиваются

высочайших показателей в работе. И самое главное, они знают себе цену, не разменяются по мелочам.

Представители «поколения Y» не стремятся задерживаться на одной работе – и даже в одной сфере деятельности – надолго. Относятся к такому понятию, как преданность работодателю, скептически. Им не нравится работать над долгосрочными проектами. Это поколение «многозадачников», способных одновременно отвечать на электронные письма, разговаривать по мобильному телефону и заниматься поиском нужной информации в Интернете. Они уверены, что их знаний и навыков достаточно для того, чтобы изменить организацию, в которой они работают. В этом они похожи на представителей предыдущего поколения, известного независимым мышлением и стремлением к переменам. Представители «поколения Y» приходят в компанию с высокими требованиями как к себе, так и к коллегам и руководителям, соответственно внося существенные изменения в сложившийся внутренний уклад.

Безусловно, при таких разных позициях и взглядах неизбежны конфликты. Они могут разгореться по самым разнообразным причинам, в том числе и вокруг стиля управления. В то время как предыдущее поколение привыкло к ежегодным процедурам оценки эффективности труда, сотрудники «нового образца» требуют постоянной обратной связи от руководителей. В то же время они могут спорить со своими старшими коллегами, ставя под сомнение знания последних. Поэтому работодателям приходится искать новые способы подбора и удержания персонала, поддержания командного духа и здоровой атмосферы в коллективе, вводить для новых сотрудников гибкий график работы и другие схемы взаимодействия, в которых раньше не было необходимости.

В заключение отметим, что каждое новое поколение по-своему уникально. Бессмысленно пытаться подстроить его под старые уклады и принципы. Это все равно, что гладить кошку против шерсти. Необходимо осознать простой факт: каждое следующее поколение привносит что-то неординарное, актуальное, оно острее и четче видит многие проблемы современности.

Ф. И. Семяшкин*

Сущность и содержание планирования карьеры

Планирование карьеры – это создание условий для непрерывного преодоления человеком новых уровней (Одегов Ю. Г., Журавлев П. В. Управление персоналом).

С. В. Шекшня дает следующее определение планирования карьеры: *планирование карьеры* состоит в определении целей развития карьеры и путей, ведущих к ним. Пути реализации целей развития карьеры представляют собой последовательность должностей, в которых необходимо проработать, прежде чем занять целевую должность, а также набор средств, необходимых для приобретения требуемой квалификации, – курсов по профессиональному обучению, стажировки иностранного языка и т. д. Исследования последних лет подтверждают выявленную закономерность: если работник не видит перспективы роста, у него начинается спад активности. Именно этот период должен быть положен в основу должностного продвижения.

Когда человек не видит перспектив своего должностного роста и еще за 20 лет до выхода на пенсию знает, что даже с требуемыми профессиональными способностями и стремлением у него не будет шансов на повышение в должности, то у него начинает вырабатываться безразличие к выполняемой работе. Он превращается в равнодушного человека, механически выполняющего свои функции, не способного и не желающего вырабатывать и осуществлять новые идеи. Работая в одной и той же должности, специалист ограничивает свой кругозор рамками одного участка работы. Он свыкается с недостатками, перестает обогащать свою деятельность новыми методами и формами, в его работе преобладают шаблоны и штампы.

Смена места работы (даже в рамках одной организации) существенно влияет на его профессионализм. Он имеет возможность

* ***Филипп Иванович Семяшкин*** – д-р эконом. наук, профессор ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

© Ф. И. Семяшкин, 2007

сравнивать ситуации и находить наилучшие решения, быстрее адаптируется к новым условиям деятельности, сохраняет свою потенциальную мобильность.

Наиболее распространенные последствия длительной задержки в одной должности это: сживание с занимаемой должности, снижение трудовой активности, разрушение управленческого потенциала, «убивание чувства» здорового карьеризма

Современные кадровые решения (ИТ-решения) предусматривают набор инструментов для планирования карьеры сотрудников. По сути, речь идет о применении методов бизнес-планирования к карьере, а также о соответствии личным целям и потребностям работника. К ним относятся материальное благополучие и степень удовлетворенности выполняемыми обязанностями. В то же время руководству главным образом важна эффективность работы персонала. В идеальном случае интересы сотрудника и компании совпадают, то есть сотрудники при прогнозировании возможных карьерных шагов задумываются не только о своей выгоде, но и о потребностях бизнеса.

Данный вариант предпочтителен для работодателя, так как надолго обеспечивает компанию квалифицированными кадрами и решает проблему профессиональной удовлетворенности сотрудника.

Таким образом, планирование карьеры напрямую связано с созданием кадрового резерва. Фактически это один и тот же процесс, потому что кадровый резерв опирается именно на просчитанные перспективы развития наиболее важных сотрудников компании.

При этом не только внутриорганизационная, но и профессиональная карьера должна обязательно приниматься во внимание. Это связано с тем, что карьерные планы и возможности находятся в прямой зависимости от этапа профессионального развития конкретного сотрудника.

Что?

Планирование деловой карьеры – составление плана горизонтального и вертикального продвижения работника по системе должностей или рабочих мест, начиная с момента принятия работника в организацию и кончая предполагаемым увольнением с работы.

Кто?

Проектирование карьерного плана входит в обязанности специалиста по планированию карьеры. Это специалист службы управления персоналом, который составляет графики должностных передвижений работников вплоть до пенсии.

Как?

В график включаются: повышение заработной платы, повышение образовательного уровня, сохранение квалификации, переквалификация.

Главной задачей планирования и реализации профессиональной карьеры является обеспечение взаимодействия профессиональной и внутриорганизационной карьеры. Это взаимодействие предполагает выполнение ряда задач, как то:

- достижение взаимосвязи целеполагания предприятия и отдельного сотрудника;
- обеспечение направленности планирования карьеры на конкретного сотрудника с целью учета его специфических потребностей и ситуаций;
- обеспечение открытости процесса управления карьерой;
- устранение «карьерных тупиков», в которых практически нет возможности для развития сотрудника;
- повышение качества процесса планирования карьеры;
- формирование наглядных и воспринимаемых критериев служебного роста, используемых в конкретных карьерных решениях;
- изучение карьерного потенциала сотрудников;
- обеспечение обоснованной оценки карьерного потенциала сотрудников с целью сокращения нереалистичных ожиданий;
- определение путей служебного роста, использование которых удовлетворит количественную и качественную потребность в персонале в нужный момент времени и в нужном месте.

Все мероприятия по планированию и профессиональной карьеры не должны быть неподвластной стихией, они нуждаются в *менеджменте профессиональной карьеры*.

В качестве методологических оснований менеджмента профессиональной карьеры исследователи рассматривают три общенаучных подхода: а) сферный, разработанный философами как частный случай системного подхода; б) деятельностный, разработанный психологами; в) информационно-коммуникационный, созданный в русле информологии.

Историческим основанием менеджмента профессиональной карьеры, на наш взгляд, является динамика социально-профессиональной группы в конкретной стране, включающая ряд этапов. Каждый из этапов отличается своеобразием целей и средств управления профессией. Первоначально в силу углубляющегося разделения труда появляются отдельные индивидуумы, занятые исключительно тем или иным трудовым процессом. Постепенно эта группа растет, институционализируется, усложняется ее структура. То, что недавно было одной профессией, сегодня может представлять собой набор уже слабо связанных самостоятельных процессов деятельности. Одни процессы поглощаются другими, третьи вообще могут отмереть. Ситуация меняется постоянно и требует конкретно-исторического изучения.

Процесс построения профессиональной карьеры, который может быть идентифицирован с процессом ее планирования, можно рассматривать как процесс приобщения субъекта к соответствующей профессиональной культуре, к ее идеалам. И успешность профессиональной карьеры будет оцениваться по степени приближения к идеалам соответствующей профессиональной культуры.

В. М. Танаев*

Ценности «повседневности» в управлении человеческим ресурсом (типологический подход)

1 Менеджмент как вид «человеческой деятельности»

Среди классических оснований рыночной экономики, таких как частная собственность, свобода предпринимательства и выбора, личный интерес как главный мотив поведения, конкуренция; опора на систему цен, или рыночную систему; ограниченная роль правительства (МакКоннелл К. Р., Брю С. Л., 1999), особое значение имеет личный интерес предпринимателя, который и является главным мозговым центром всей этой системы.

Особенно роль личности в экономике усиливается с появлением бизнеса (вторая половина XVIII в.) как «высшей формы самоорганизации рыночной экономики».

Апофеозом личностного фактора становится менеджмент как «вид человеческой деятельности, заключающийся в удержании и увязке всех аспектов бизнеса».

Следует отметить, что менеджмент, являясь видом «человеческой деятельности» (Л. Фон Мизес, 1949), особенно тесно связан с особенностями человеческой личности, что находит свое отражение в феноменологии менеджмента и приводит к убеждению, что «менеджером надо родиться».

Теоретическое осмысление менеджмента, начатое еще в начальный период изучения экономики бизнеса (XVIII в.), основывалось на концепции Homo oeconomicus, что подразумевало экономически рациональное поведение, т. е. фактически не предполагало необходимости управляющего воздействия на участников экономических отношений.

---

* ***Владимир Михайлович Танаев*** – магистр частного права, ст. преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© В. М. Танаев, 2007

Дальнейшее развитие HR-менеджмента прошло сложный путь от теории X («власть над…») до теории Y («власть вместе с…»), и, фактически совершив полный круг, опять же пришло к убеждению в необходимости учета автономного поведения личности, но теперь уже с учетом всей его сложности, несводимой только к рациональному экономическому действию.

2. Типологическая парадигма менеджмента: SJ- и SP-типы менеджеров

Эмпирическое убеждение, что «менеджером надо родиться», отчетливо подтверждает, что классическая парадигма психологии личности, говорящая о принципиальном равенстве психологических структур личности и о возможности их широкого и глубокого изменения, явно недостаточна при рассмотрении поведения людей в бизнесе.

Более адекватно личность в бизнесе и управлении описывается в рамках типологической парадигмы.

В самом кратком виде этот типологический подход можно изложить следующим образом. Человеческий мозг воспринимает окружающий мир двумя основными способами: конкретным, чувственным, сенсорным (S), опираясь в основном на данные органов чувств, и образным, интуитивным способом (N), сразу же производя мыслительные операции с данными органов чувств и создавая образ, модель, по которой оценивается входящая информация. Так же двояко принимаются и решения: объективно – логично и рационально (T) или с учетом невербальной, эмоциональной составляющей (F). Важна общая настроенность информационного потока: направленная на непрерывное восприятие окружающих сигналов (P) или же на активное освоение окружающего мира (J). Различные сочетания этих способов восприятия, оценки и воздействия на окружающую действительность, окрашенные экстраверсией (E) или интроверсией (I), образуют отдельные типологические ядра личности (Танаев В. М., 2003).

В соответствии с типологическим подходом основной психологической характеристикой т. н. «менеджерского ядра личности» является признак «конкретности» (S), в отличие от признака «образности» (N), который наиболее характерен для категории «экспертов».

Два типологических темперамента (SP и SJ) отвечают за эмпирический и регулярный типы менеджмента.

Для **эмпирического (SP) стиля управления** характерны:

«Активность и свобода действий; повинуясь личным порывам, в работе они склонны уделять внимание тому, чего можно достичь здесь и сейчас. Они уважают героизм и мастерство, им нравится переходить от одной сложной задачи к другой.

Эмпирики ясно видят суть происходящего и оперативно используют представляющиеся возможности. Они прекрасно осознают практические проблемы, а при их решении проявляют гибкость, смелость и умение распоряжаться имеющимися ресурсами. При необходимости они не испугаются риска или импровизации.

Эмпирики нередко бывают непредсказуемы. Часто они действуют, пренебрегая тщательным предварительным обдумыванием. Они проявляют мало интереса к теоретическим, абстрактным, концептуальным вопросам и могут не увидеть важных закономерностей, взаимосвязей между событиями. Случается, что эмпирики падают духом после того, как решающая стадия миновала. Стремясь сохранить за собой свободу выбора, они не всегда следуют установленному порядку, иногда изменяют своим обязательствам и планам. Их худшие черты – безответственность, ненадежность, ребячество и импульсивность» (П. Тайгер, Б. Бэррон-Тайгер, 2005).

Регулярный (традиционалистский) стиль (SJ) управления отличает «преданность, потребность в служении и стремление к правильному поведению. Они ценят стабильность, упорядоченность, сотрудничество, упорство и надежность; они серьезны и трудолюбивы. На работе они предъявляют к себе высокие требования и ожидают такого же подхода от других.

Плюсы. Традиционалисты практичны, организованны, вдумчивы, систематичны. Они придают значение нормативам, установкам, договорам, ритуалам, временным рамкам. Они отлично справляются с задачами, связанными с опекой, контролем, регулированием. Традиционалисты предпочитают иметь дело со свершившимися фактами и умеют использовать их для того, чтобы способствовать достижению целей, стоящих перед организацией. Способность поступить правильно как в новой, так и в знакомой ситуации – их гордость. Они хорошо разбираются в том, какие вопросы требуют внимания, используют для надлежащего выполнения своих функций все доступные источники. Взявшись за дело, традиционалист всегда идет до конца. Традиционалисты на высоте там, где требуется солидность, положительность, надежность.

Потенциальные минусы. Традиционалисты не очень интересуются теорией, абстракциями. Будущее занимает их меньше, чем настоящее. Долгосрочное планирование не относится к числу их сильных сторон. Порой традиционалисты принимают решения чересчур поспешно. Они разделяют мир на белое и черное, не замечая полутонов. Бывает, что они оказываются не готовы быстро перестроиться, адаптироваться к ситуации. Они неохотно прибегают к новым, нетрадиционным, неопробованным подходам. Им кажется, что решение принесет плоды, а оно между тем еще не достаточно обдумано. Худшие качества традиционалистов – негибкость, догматизм, недостаток воображения» (П. Тайгер, Б. Бэррон-Тайгер, 2005).

3. «Повседневность» как основное социологическое наполнение управленческого труда

Понятие «повседневность», введенное А. Шюцем и его последователями как термин социальной феноменологии для описания социальной реальности, имеет самое прямое отношение к трудовой деятельности, в том числе и к управленческому труду.

Основные признаки «повседневности» (Никитин С. А., 2004) наиболее соответствуют управленческому ядру SJ: специфическая напряженность сознания (бодрствующее, напряженное внимание к жизни, к ее самоочевидной и непреодолимой фактичности); особенное отношение к эпохе, предполагающее воздержание от всяких сомнений в существовании мира; преобладающая трудовая форма активности («трудоголики»); специфическая форма личной вовлеченности (отсутствие саморефлексии; «Я – начальник» – всегда целостное, нефрагментированное ощущение); особая форма социальности (интерсубъективно типизированный мир, освобожденный от психологического, личностного акцента); своеобразное переживание времени (время управленца – это стандартное время, понимаемое как пересечение космического времени, временных циклов природы и внутреннего времени), основной смысл которого сводится к потребности максимально эффективно заполнить его, часто в угоду эффективности его использования (SJ-тип тайм-менеджмента).

4. «Взорванная повседневность»: от SP-типа менеджмента до «конечных смысловых сфер» NT- и NF- ядер личности

Как уже описывалось выше, эмпирический тип менеджмента (в отличие от регулярного) склонен «взрывать» повседневность,

испытывая в этом глубокую внутреннюю потребность, и характеристики его «повседневности» практически обратны классическим и более соответствуют понятию «конечных смысловых сфер» (У. Джеймс), в которых обычное течение жизни подвергается рефлексии, переоценке и «переформатированию».

Такое поведение менеджеров-эмпириков позволяет им приблизиться к положению лидеров N-бизнеса (поискового характера) – ENTJ (Предприниматель).

Крайнее выражение этот стиль рационального «взрывания повседневности» находит у представителей ядра NT («ученые»), образуя NT-тип «конечных смысловых сфер»: науку (особенно теоретическую), N-бизнес поискового характера и NT-искусство (абстрактное).

В то же время представители ядра NF («гуманитарии») «взрывают повседневность» эмоционально, наиболее адекватно воплощая себя в сфере гуманитарного и психологического знания и классического искусства.

В связи с этим особое значение приобретает проблема самореализации персонала, которая может быть эффективно решена только в случае совпадения базовых личностных мотиваций (власть, благосостояние, публичное признание уникальности, потребность во внутреннем самоутверждении) и профессиональной ориентации, учитывающей особенности личностных ядер.

И. В. Тесленко*

Профессионализм глазами современного работодателя

Глобальные изменения в политической, культурной, экономической жизни современной России послужили толчком для формирования новых требований работодателей к своим работникам. К сожалению, публично озвученные требования руководителей компаний, представленных на российском рынке, говорят о том, что единого подхода к пониманию специфики высококвалифицированного профессионала на сегодняшний день нет.

О. Легойда, управляющий директор коммуникационного агентства «Правила игры», в качестве основного требования к высококвалифицированному специалисту выдвигает умение «гореть» на работе ради общего дела. Кроме этого, она склонна выделять уверенность, отсутствие страха у потенциальных кандидатов на должность. Причем главное – это наличие уверенности: страх читается в любой попытке человека уйти от какой-либо темы, а уверенность в себе, отсутствие страха в сочетании с хорошим профессиональным опытом – это не только большой плюс для соискателя, но и, фактически, гарантия будущего успеха.

Управляющий партнер юридического бюро «Альтор» О. Дмитриева в понимание профессионализма включает доброжелательность, хорошее воспитание, обладание способностью принимать смелые решения и готовность отвечать за них, а также креативность мышления как характеристику человека, способного двигаться вперед.

Генеральный директор компании «Градстрой» О. Кайева придерживается установки привлекать студентов последних курсов, которые «лет через 10 вырастут в ценных и незаменимых сотрудников», сочетающих в себе профессионализм и порядочность.

А. Бережной, директор «Торгового дома ТАГАЗ», официального представительства Таганрогского автомобильного завода, це-

* ***Ирина Владимировна Тесленко*** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

© И. В. Тесленко, 2007

нит в кандидате личность, ответственность и серьезность, доброжелательность, вежливость, самодисциплину.

Очевидно одно: традиционная трактовка профессионализма как высокой подготовленности к выполнению задач профессиональной деятельности, проявляющейся в систематическом повышении квалификации, творческой активности, способности продуктивно удовлетворять возрастающие требования общественного производства и культуры, не отвечает современным требованиям. Традиционно под профессионализмом понималась способность достигать значительных качественных и количественных результатов труда при меньших затратах физических и умственных сил на основе использования рациональных приемов выполнения рабочих заданий.

Генеральный директор «Нижфарм» Андрей Младенцев говорит: «Самое сильное положительное впечатление во время собеседования на меня производит наличие в человеке внутренней энергии. Если она есть, то ее всегда можно почувствовать. Это проявляется в том, как соискатель ведет себя, как общается, что говорит, как светятся его глаза. Но внутренняя энергия – положительная или отрицательная – всегда восхищает. А негативное влияние на меня оказывают мелочность, трусливость и необразованность. Надо понимать, что профессиональные навыки в человеке можно развить, а вот нормы морали должны прививаться родителями еще в детстве».

Компания ANCOR Energy Services, которую возглавляет Константин Борисов, в качестве ключевого требования, предъявляемого к любому соискателю, выдвигает умение добиваться результата. Вторит ему Антон Калабин, директор компании «Камео» и «Школы харизматических лидеров», принимая на работу людей, имеющих определенные целевые установки. А. Калабин говорит: «Мне не нужны люди без целей. Необходимо, чтобы соискатель чего-то хотел. Тогда я могу опереться на это желание и показать, как, достигая нужных ему результатов, он может достичь и нужных мне. Следовательно, сотрудник будет работать с полной отдачей, абсолютно добровольно и эффективно. Если же человек ни к чему не стремится, то это не ко мне. Может быть, кто-то из моих людей им заинтересуется, но не я. Само собой разумеется, что важны и профессиональные качества, но это уже очевидно. Никогда не возьму на работу тех, кто не способен меняться… Необходимые человеческие качества сотрудников у нас четко обозначены и даже

вынесены на корпоративную символику. Это два наших корпоративных стандарта: честность и обязательность. Остальное зависит от должности и от условий работы…»

Михаель Хергезелль, генеральный директор страховой акционерной компании «Альянс», созданной в 1990 году и входящей в состав Allianz Group, высказывается более кратко: «Если у человека есть четко очерченные цели, то у него есть и потенциал».

Сейчас работодатели желают видеть в своем персонале интегративность, умение осознавать себя как субъекта социально-профессиональной деятельности, самобытную, активную личность и индивидуальность; сегодня котируется работник с высоким уровнем образованности, воспитанности, профессиональной обученности.

Студенты различных специальностей указывают на недостаток знаний в области психологии общения[1]. С точки зрения самих студентов, молодежь не умеет правильно и четко говорить, вести себя в обществе, преподнести себя окружающим и заинтересовать их, не обладает лидерскими качествами. Даже в процессе обучения, не говоря уже о проблемах, возникающих при трудоустройстве, умение четко и логично излагать свои мысли, умение держать себя и в отдельных ситуациях «выгодно себя продать» приходится приобретать путем собственных проб и ошибок.

На студенческой скамье слабо развиваются коммуникативные и лидерские качества, навыки ораторского искусства; явно недостаточно практических занятий в условиях конкретных предприятий; практически отсутствует профессиональное общение со студентами других учебных заведений, обучающихся по аналогичным специальностям; не хватает разнообразных точек зрения по одному вопросу. Во многом это отталкивает современного студента и от ведения научной деятельности.

Более половины респондентов указывает на нехватку занятий по психологии общения, каждый второй желает развить лидерские качества, каждый третий хочет приобрести навыки публичных выступлений и овладеть ораторским мастерством, каждый седьмой мечтает познакомиться с культурой других стран, 80 % – хотят расширить свой круг общения, при этом более всего заявляют о

---

[1] На основе результатов социологических исследований студентов ВПО (1998–2006 гг.) и студентов СПО г. Екатеринбурга (2003–2004 гг.), проведенных кафедрой социологии и социальных технологий управления УГТУ–УПИ.

желании общаться с профессионалами в своей области знаний и о стремлении наладить международные контакты.

Учитывая большое значение для современного работника надпрофессиональных качеств личности – компетентности, самостоятельности, ответственности и мобильности, системного и аналитического мышления, информационной, правовой и экологической культуры, предпринимательской и творческой активности, готовности к постоянному обновлению знаний, – ориентация на личность обучающегося, развитие психолого-педагогического сопровождения студентов и их социальная поддержка становятся необходимыми условиями современного учебно-воспитательного процесса.

В новых экономических условиях России выпускник профессионального учебного заведения должен быть конкурентоспособной личностью, обладающей качествами (личностными и профессиональными), обеспечивающими решение задач во всех видах деятельности (как профессиональной, так и личностно-бытовой) и отвечать за эти решения. В этом случае интересы работодателей и работников будут согласованы.

Н. В. Фатеева*

Общество потребления и производства возможностей

С начала перемен 90-х гг. Россия вступила в новый этап развития, характеризующийся нестабильностью жизнедеятельности всех сфер общественного бытия, хаотичностью, развалом системы ценностей, общим упадком нравов. Как отмечено М. Эпштейном, проекты будущего, построенного на четких и явных шагах настоящего, на определенном пути вступления в это будущее с подробным планом и разработанной системой «что нужно делать», провалились. Времена пятилеток для России закончились. Наступает конец метафизическому производству истории, когда идеи, сначала отвлеченные от реальности, затем реализуются в ней. В связи с этим встают вопросы: чем же руководствуется современное общество при планировании жизни, каковы новые методы и способы построения картин будущего и каковы возможности для реализации проектов будущего?

Номинально личные ценности уже давно преобладают над общественными (точкой отсчета можно предположить эпоху Возрождения). При этом очень часто нами не осознается, чем же они определяются и не диктуются ли они тем же обществом, в котором мы живем, через СМИ и модели поведения, распространенные в обществе. В конечном счете мы перестаем видеть связь между личным и общественным, индивидуальным и коллективным, между Я и Мы. И нам кажется, что наше благополучие, успех, состоятельность определяются лишь собственной волей и что они никак не связаны с социальной ситуацией, с благополучием целого.

Очевидно, что в сознании происходит размывание понятия *общественное*. И вместе с тем растет уверенность, что каждый индивид выстраивает свою индивидуальную систему ценностей, которой он якобы только и руководствуется в своей жизни. Каждый – сам за себя в борьбе за место под солнцем. Забота о своих интересах стирает всякое представление о понятиях милосердия,

* ***Наталья Валерьевна Фатеева*** – магистрант II курса УрГУ им. А. М. Горького (г. Первоуральск).

© Н. В. Фатеева, 2007

бескорыстия и альтруизма. Как итог – полное пренебрежение к общему благу, отсутствие заботы о ближнем, разобщенность и отчужденность. Современная государственная политика в социальной сфере лишь усиливает эти тенденции, ибо все проекты сводятся к возможности извлечения сиюминутной прибыли, и мало кто во властных структурах понимает, чем может обернуться политика, не проектирующая ***социальное будущее*** и оценивающая всю социальную сферу как тяжелое бремя, от которого надо во что бы то ни стало избавиться, надеясь, что рынок все расставит по своим местам и решит все проблемы.

Ценность человека сегодня определяется не столько его собственно *человеческими* качествами, сколько тем, как он «состоялся» в мире, где главенствует принцип «человек человеку волк», и его состоятельность исчисляется в денежном эквиваленте как наиболее адекватной форме оценки. Каждый человек имеет свою цену и продает себя по той цене, за которую его готовы купить в условиях нынешней конъюнктуры рынка. Все превращается в товар, и вся человеческая активность вплетается в логику товарно-денежных отношений. А в ситуации неустойчивости и неопределенности рынка ценность и состоятельность человека оказывается величиной весьма непостоянной и относительной, т. е. *условно-возможной*.

Время четко спланированных проектов будущего на десятилетия прошло. А что мы получили взамен этой системы? Эпштейн предполагает, что в данной ситуации метод, а вернее, модель непрестанного порождения новых возможностей, которые не требуют реализации, которые самоценны и действенны, оставаясь возможностями, находит свое место.

Известно, что возможность наказания – более мощный фактор предотвращения преступлений, чем суровость актуальных наказаний. Возможность безработицы, нищеты, болезни часто вызывает страх несравнимо больший, чем сами эти состояния. У страха, как и у надежды, глаза велики, и человек так устроен, что многие его реакции усиливаются по мере перехода явлений в разряд возможных. В темноте мы боимся появления незнакомца; когда он появляется, мы боимся, что он заговорит с нами; когда он заговаривает, мы боимся, что он ударит нас; когда он наносит удар, мы боимся, что он нас убьет; и лишь когда он убивает нас, мы уже ничего не боимся.

«Возможное» и «возможность» есть результаты этого процесса «овозможения», который непрерывно происходит в основах бытия и делает возможным само бытие.

Можно ли говорить, что возможность быть безработным, например, и возможность приобретения чего-либо – это одно и то же? В любом случае, речь идет о некотором приобретении опыта. Мы испытываем страх перед осуществлением негативных возможностей, но мы также совершаем действия для реализации возможностей, которые влекут за собой положительные для нас, как нам кажется, следствия. Но кто же все-таки проектирует человеческую жизнь и определяет его возможности в качестве положительных или отрицательных? Сам ли он конструирует свое будущее, реализуя *свои* возможности, или же он собой, своей жизнью, осуществляет чей-то чужой проект, превращая *чужие* возможности в *чужую* реальность?

Возможность купить себе новый телефон (с опять-таки новыми, небывалыми возможностями), новую шапочку или новую шоколадку («с еще большим количеством орехов») и т. д… Если обратиться к другим сторонам социальной действительности, погоня за возможностями выражается во все большем стремлении жить в кредит. Возможность приобрести вещь здесь и сейчас. Возможность расплатиться позже. Возможность выбрать то, что при покупке за наличность позволить себе мы не можем. И, в конце концов, возможность оставаться адекватным своему социальному статусу, имея те же возможности и системы их реализации, что и другие. Мы живем под лозунгом **«*возможно все*».** Возможность оказывается синонимом реальности: между ними стирается грань, и потому современный человек обнаруживает себя в ситуации *возможной реальности*, которая может существовать, а может и нет, и то, что вокруг нас, может быть фикцией, такой же как наше бытие. Идивид уже не задается вопросом, а зачем нужна ему та или иная вещь и нужна ли она ему вообще. Понятие *возможность* определяется нами как некое условие осуществления, синоним реализации. Безусловно, катализатором реализации возможного очень часто являются деньги, но если они есть, невозможного уже практически нет.

Я полагаю, что предложенный Эпштейном метод непрестанного порождения новых возможностей, которые не требуют реализации, которые самоценны и действенны, несколько извратился при попытке их реализации. Мы утратили ценность самой идеи. Вместо того чтобы ждать, когда вино настоится и будет ценно с течением времени, гадая о его качествах, мы маниакально выпиваем его, но получаем ли мы наслаждение от вкуса, букета? И что остается нам в опыте?

*О. В. Фролов**

Управленческая оценка результатов трудовой деятельности персонала организации как аксиологический феномен

Современная практика управления организацией зачастую характеризуется отсутствием объективной оценки руководителем результата труда работника вследствие несовпадения ценностных отношений к предмету совместной деятельности.

Оценка, по мнению профессора А. В. Кирьяковой, являясь компонентом сознания, сложившимся под влиянием практической управленческой деятельности, формирует субъективную способность руководителя, с помощью которой определяется ценность работника как личности, способной заключать в себе универсальное и потому быть соотнесенной как организации, так и обществу в целом.

Оценка служит познанию нравственного мира людей (работников), а также самопознанию нравственных критериев руководителя, формирующих в совокупности психологические подходы к влиянию на управляемых. Одобрение или осуждение руководителем трудовых поступков работников основано на соответствии их нормам и требованиям особого порядка, в котором оценка соединяет нормативное поведение с конкретной ситуацией и мотивом трудового поведения.

Оценка руководителем результатов деятельности работников всегда обусловлена собственными знаниями (профессиональными, педагогическими, психологическими, экономическими, юридическими и т. д.), применяемыми в управленческой деятельности, и императивностью, то есть обязательностью выполнения конкретной функции.

* ***Олег Викторович Фролов*** – профессор кафедры теории менеджмента и управления персоналом Оренбургского государственного института менеджмента (г. Оренбург).

© О. В. Фролов, 2007

Рассматривая оценку как аксиологический феномен, поскольку объективная сущность ценности только в процессе оценки делается понятной объекту управления как ценность, исследователи (В. Брожик, Р. И. Тидикис) выделяют в оценке две ступени. Первая ступень характеризуется сопоставлением объекта управления с эталоном (при этом необходимо отметить, что образец формируется руководителем на основе собственных сложившихся ценностей, идеи «для меня» (В. Брожик), вторая – формированием значимости объекта (работника) для субъекта (руководителя)).

Значимость оценки для управления персоналом как важной функции организованной системы заключается в реализации специфического процесса, характеризующегося тем, что, в конечном итоге, ценности актора корреспондируют ценностям объекта управления.

Достижение органической ценностной связи между субъектом и объектом управления формирует активную установку на совместную практическую творческую деятельность.

По нашему мнению, правильная (объективная, насколько это возможно) оценка руководителем личностного смысла работника способствует подъему объекта управления до уровня ценностных ориентаций самого руководителя.

С этой точки зрения актуальным становится оценочное управление персоналом, которое объединяет возможности аксиологического подхода и практические достижения управления персоналом, а также стимулирует усилия сторон процесса управления в достижении целей организации, их практическую деятельность, трудовое поведение или препятствует, нейтрализует их намерения и замыслы.

Оценочный подход к управлению персоналом на основе совпадения ценностных позиций субъекта и объекта предоставляет руководителю организации преимущества в части реализации управленческих инициатив в сфере управления персоналом, при принятии производственных решений и с учетом изменений внешней среды.

Результаты анализа взглядов исследователей на сущность и содержание управления персоналом организации дают основания полагать, что управленческая оценка существует для работника как самостоятельная ценность, стимулирующая самосознание и трудовое поведение.

Объективная и своевременная оценка руководителем личностных качеств работника, его стремления к эффективному, производительному и качественному труду формируют активное, деятельностное начало в жизни коллектива организации. И наоборот, необъективная оценка способствует разрушению ценностных образований личности, порождает индифферентное отношение к ценностям как коллектива, так и руководителя, формирующим их и проводящим «ценностно-протекционистскую» политику, не побуждает к положительным формам субъективных проявлений в трудовой деятельности.

Под оценочным управлением персоналом мы понимаем особый вид управленческой деятельности, ориентированный на сближение повседневных ценностей руководителя и работников с целью обеспечения достижения организационных целей.

Для оценочного управления персоналом особый интерес представляет утверждаемый в аксиологии подход к человеку как наивысшей социальной ценности. Человек (работник) является центром ценностных отношений в организации. Человек как ценность формируется управленческим суждением, связанным с оценкой человека человеком и человека коллективом, человека – обществом. Оценочная стратегия руководителя влияет на личностные ценности работников: осознанные и осознаваемые, пережитые и переживаемые ими в течение трудовой жизни. По мнению профессора В. А. Ядова, только тогда, когда общественное бытие человека рассматривается в аспекте объект-субъектного отношения, фиксируется явление ценности.

Действенность и своевременность компетентной и справедливой оценки результатов труда работника и его личности проявляется в трудовом поведении и деятельности. Эти компоненты обусловлены такими ценностями, как профессиональные знания, навыки и профессиональные способности. Оценка «переводит» имеющиеся ценностные отношения на принципиально новый уровень: личность готова к тому, чтобы избрать стиль трудового поведения и направления деятельности, основываясь как на личном опыте, так и на опыте руководителя, принять (в целом или в части) его систему ценностей, ориентироваться на его цели, активизировать творческую активность, актуализировать процесс успешности профессионального познания.

Вместе с тем необходимо отметить, что в эпоху социальных и экономических перемен содержательная сторона ценностного

ориентирования персонала организаций в значительной степени свидетельствует об игнорировании приоритета общечеловеческих ценностей. Фрагментарность оценочного управления не способствует преодолению того, что Н. А. Бердяев назвал «оргией хищнических инстинктов». С присущей ему прямотой великий философ признал: «Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских. Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной… Западный человек творит ценности, созидает цветы культуры… Для русского человека творчество ценностей всегда немного подозрительно».

Оценочная деятельность руководителя организации в сфере управления персоналом будет продуктивна лишь тогда, когда она будет соответствовать логике саморазвития объекта, логике взаимодействия сил и тенденций, условиям перевода ценностного отношения персонала к внешнему миру (в сфере знания, труда, общения) на ценностный (высший принципиально возможный) уровень, побуждающий к продуктивному действию в настоящем и в будущем.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 81–83.
2. *Кирьякова А. В.* Теория ориентации личности в мире ценностей: Монография. Оренбург, 1996. С. 185.
3. *Rosenstiel L.* Motivation in Betrieb. Munchen, 1972. S. 15–18 u.a.

*И. Г. Шевелева**

Проблема трудовой мотивации работников государственных организаций

Многие российские государственные организации сегодня столкнулись с серьезной проблемой – отсутствием эффективной системы управления. Практически более полутора десятка лет назад старые советские предприятия в условиях централизованного планирования народного хозяйства не нуждались в создании открытых систем управления, в выработке способности к адекватной реакции на изменения условий хозяйственной деятельности. Однако в настоящее время, под давлением внешних и внутренних изменений, трансформирующих общество, под влиянием различных социокультурных факторов, государственные организации часто теряют управляемость и несут финансовые и кадровые потери. Иногда эти потери увеличиваются в сотни раз по причине зависимости отдельных предприятий от центральных министерств и ведомств.

Государственное управление заключает в себе заметный материальный и человеческий риск, связанный с высокими затратами, неэффективностью, отсутствием должного авторитета чиновничества в глазах общественности. Если посмотреть еще глубже, то можно увидеть за высокими стенами государственных структур отдельного человека, чья ошибка или заранее продуманное противоправное действие (или бездействие) может вызвать большие осложнения во множестве подчиненных организаций. Данная ситуация может возникнуть и в результате недостатка профессионализма у чиновников всех уровней государственного аппарата.

В современном российском обществе сложилось представление о незначительности отдельного сотрудника государственной организации. Но именно на этом уровне происходят нарушения

* ***Ирина Геннадьевна Шевелева*** – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Березовский).

© И. Г. Шевелева, 2007

принципа стимулирования, ответственности и дисциплины, четкости исполнения принятых решений, строгого контроля и санкций, корпоративной этики, и это нередко заставляет действовать человека, работающего в госсекторе, в собственных интересах, забыв о целях организации, потребностях региона, страны.

Исходя из этого, проблема совершенствования трудовой мотивации в системе государственных организаций сегодня продолжает оставаться актуальной.

Решение этой проблемы, по нашему мнению, должно идти через поиск правильного понимания базовых принципов мотивации указанных работников. Во времена СССР ведущая роль в трудовой мотивации отводилась идеологии. С ее помощью формулировались и ставились сверхзадачи отдельной государственной структуре, передавался «внутренний дух» организации. Сегодня идеологический фактор отвергнут, а что взамен? В чем смысл деятельности работников государственных организаций? Движение по пресловутой «карьерной лестнице»? Социальные гарантии? Деньги? Альтруизм? Патриотизм? Что приводит людей в государственные органы? Что нужно сделать, чтобы государственные организации, их сотрудники постоянно совершенствовались в профессиональном и личностном плане, а отдача от их деятельности увеличивалась?

Ответы на эти вопросы должна дать общественная наука, и прежде всего социология.

Рассматривая существующие сегодня различные теории мотивации к труду, исследователи отмечают следующее:

1. Ни одна из теорий не является всеобъемлющей, но при этом каждая раскрывает те или иные важные аспекты трудовой мотивации. Очевидно, что способ мотивации сильно зависит от типа личности, от внутренних установок конкретного индивида, от этапа развития, на котором он находится, а также от ситуации, наблюдаемой в организации и в обществе в целом, т. е. от социокультурного контекста.

2. Теории мотивации к труду, как правило, не снабжены механизмом включения в определенную социальную ситуацию повседневности, т. е. в них не заложен четкий научный метод определения, применима ли данная концепция в данной ситуации.

3. Недостатком практически всех указанных теорий является то, что они рассматривают личность без учета ее социально-психологического состояния, обусловленного влиянием социального окружения.

Таким образом, необходимость продолжения теоретического осмысления рассматриваемого вопроса налицо.

На наш взгляд, сегодня можно выделить в качестве одной из важнейших проблем, представляющих научный интерес, – *влияние социокультурных факторов на формирование мотивации к труду работников государственных организаций.* Исследование этой проблемы требует:

• выявления влияния современного общества на развитие отдельного работника и государственных организаций в целом;

• определения места и роли исследуемой социальной группы в новой формирующейся системе общественных отношений;

• рассмотрения, с учетом существующих теорий мотивации к труду, мотивационных предпосылок у индивидов к занятию данной деятельностью;

• выявления совокупности факторов, позитивно или негативно воздействующих на оценку обществом работников государственных организаций.

Отметим, что практическая значимость анализа данной проблемы связана с необходимостью повышения эффективности системы управления и мотивации персонала, а также улучшения имиджа работника государственных организаций, укрепления его социальной значимости в обществе.

Раздел четвертый

Ценности повседневности как базис сферы туризма и услуг

Е. А. Батюта*

Социокультурный смысл новейших потребительских практик

Реальности последнего времени обнаруживают любопытное соответствие между «повседневной» культурой потребления и условиями, в которые ставит индивидов современность. Именно это сочетание позволяет сохранять преемственность, которую другие общественные институты больше не в состоянии обеспечивать. Возникают новые формы потребления, связанные с переходом от господства функциональных потребностей к диффузии, пластичности и непостоянству желаний. Принцип неустойчивости стал приметой современной жизни и призван создать иллюзию духа стабильности в общей ситуации недостатка устойчивости.

М. Монтень вспоминает античный миф о крайне честолюбивом царе Пирре, который не знал покоя, пока не добивался исполнения своих мечтаний, и о его слуге Цинисе, который советовал царю расслабиться и получать удовольствие от достигнутого. Все несчастья проистекают из одного – неумения людей успокаиваться на достигнутом. Как говорит тот же Монтень, «из всех удовольствий, которые мы знаем, погоня за удовольствием – самое приятное».

Двумя столетиями позже Роберт Льюис Стивенсон отметил: путешествовать лучше, чем приезжать, настоящий успех путешествия заключается в трудах, которые мы на него затратили. К этому утверждению позже присоединяется еще один исследователь сложностей человеческой ситуации, Серен Кьеркегор. Он считает, что искать обходные пути, чтобы противостоять судьбе – признак безнравственной или развращенной жизни, патология характера. В этой испорченности нет неизбежности, и с неправильной жизнью можно и нужно бороться. Пример рассматриваемой Кьеркегором патологии являет собой персонаж моцартовского Дон Жуана. Для него удовольствие не обладать женщиной, но соблазнять ее. Ему неинтересны женщины, которых он уже покорил. В момент триумфа удовольствие уходит. Дон Жуан живет, чтобы поддерживать желания, а не просто удовлетворять их.

* ***Екатерина Анатольевна Батюта*** – ст. преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Е. А. Батюта, 2007

Однако ни Монтень, ни Кьеркегор не могли предвидеть приход общества потребления, которое изменило саму суть желаний, превратив индивидуальный путь спасения от судьбы в нечто, конструируемое социально. То, что заставляет человека добиваться цели и начинать все сначала, – больше не признак чудовищности человека, а всеобщий образ жизни, пожалуй единственно возможный сегодня.

Современники Паскаля и Кьеркегора, конечно, потребляли, как и во все времена. Им необходимо было потреблять, чтобы поддерживать жизнь, а еще они должны были потреблять, чтобы поддерживать человеческое, а не только животное состояние. Жить по-человечески означает не только иметь биологические желания, но и сочетать их с социальными стандартами достоинства, приличия, «хорошей жизни». Эти стандарты постоянно растут, и в прошлом набор потребляемых предметов для удовлетворения человеческих потребностей был более или менее постоянным и фиксированным: он имел «верхний» и «нижний» предел. Люди имели четко определенное количество «потребностей», которые необходимо «удовлетворить», чтобы выжить. Потребление было слугой потребностей и оправдывалось и узаконивалось посредством внешних для него условий, а не само по себе. Выживание, биологическое и социальное, было целью потребления, и когда цель (удовлетворение потребностей) была достигнута, дальнейшее потребление лишалось смысла. Потребление ниже уровня «приличия» считалось вопросом этики и показателем этического уровня общества в целом, в то время как «неприлично большое» потребление рассматривалось не только как общественное зло, но и с точки зрения личной вины потребителя. Потворство удовольствиям плоти, обжорство и злоупотребление спиртным осуждались как смертный грех, и Т. Веблен уже в преддверии потребительской эпохи скорбел по поводу «показного», или демонстративного, потребления, служащего только для хвастовства и самодовольства.

Отличительной чертой потребительского общества и его потребительской культуры является не потребление, как таковое, и даже не рост объемов потребления. Членов общества потребления отличает от предшественников «э*мансипация* потребления», уход

от его инструментальной роли в обществе (где для него были установлены четкие пределы), уничтожение прежней нормативной регуляции потребления и пластичность потребностей, освобождающая потребление от границ и избавляющая от необходимости оправдываться какими-либо условиями, кроме собственного удовольствия потребителя. В таком обществе у потребления свои собственные цели и собственные движущие силы.

Ортодоксальная психология определяет потребность как состояние напряженности, которое рассеивается и исчезает, когда потребность удовлетворяется. Потребность у члена общества потребления, наоборот, требует постоянного сохранения напряжения и даже его усиления. Наши предшественники сказали бы, что удовлетворение откладывается во времени. Потребительское общество провозглашает невозможность удовлетворения и измеряет свой прогресс растущим спросом.

Может быть, было бы лучше следовать за изменением характера потребления и отказаться от понятия «потребность», признавая тем самым, что консюмеризм не связан с удовлетворением потребностей и даже не касается сублимирования потребностей в идентификации (принадлежности к группе) или в самоутверждении, как степени адекватности обществу. Движущей силой потребительской активности служит не набор четких, фиксированных потребностей, а *желания* – нечто более произвольное и эфемерное, мимолетное и капризное. Желание – неопределяемый феномен, самозарождающийся и самосохраняющийся мотив, который не требует обоснования в области объектов, причин и следствий. Несмотря на то что изредка и всегда на короткий срок желания материализуются, по сути они нарциссичны: высшей целью желания выступает оно само, и по этой причине остается неудовлетворенным, а вокруг него скапливается постоянно растущее множество физических и психических объектов, оставшихся как отметки и следы прежних желаний. Современное потребление нужно не для выживания тела или социальной идентичности потребителя, а для выживания самого желания, которое и создает потребителя, – желания потреблять. Для возникновения желания требуется время, усилия, существенные финансовые вливания, и еще большие труды для того, чтобы довести желание до необходимой «температуры» и пустить его в нужном направлении.

Но и этого недостаточно. Потребителя с определенными желаниями нужно «производить», причем каждый раз нового и с большими затратами. Сотворение потребительской жадности занимает неприлично большую часть всей стоимости производства, распределения и продажи, и в этой сфере конкуренция все усиливается. Однако, как замечает Харви Фергюсон, консюмеризм в современной форме не полностью базируется на стимуляции желаний, он, скорее, основан на высвобождении потребительских фантазий. Отвратительно ограниченные «потребности» отжили свое как основной мотив потребления, но желания, пришедшие к ним на смену, не накопили еще достаточно мощности, чтобы поддерживать локомотив общества потребления в движении. Давая определение желания, Фергюсон отмечает: «Оно связывает потребление с понятиями вкуса, самовыражения и различия (уникальности) потребителя». Индивид самовыражается через предметы потребления. Для развитого капиталистического общества с постоянным ростом производства, самовыражение индивида – всего лишь ограниченные психологические рамки, которые, в конце концов, приводят к возникновению своеобразной «психологической» экономики. Предметные желания сменяются желаниями-мечтами в качестве движущей силы потребления.

Возможности выражения свободного полета потребительской фантазии принимают формы новых потребительских практик. Традиционное «потребительское» чтение превращается в «буккроссинг», когда книга «выпускается» в путешествие, анонс которого публикуется в Интернете, и будущему читателю нужно пережить некие приключения, чтобы найти и прочесть ее. Знаменитым девичьим альбомам, в которые записывались «полезные» вещи от косметических рецептов, изображений принцесс до поздравительных стишков и лирических историй а-ля «Бедная Лиза», пришли на смену «аниме» и «манга» – создание собственных нравоучительных мультфильмов, содержание которых подозрительно напоминает набор историй из альбома. Походы в лес и прогулки по городским улицам превращаются в «геокэшинг» и «паркур» – игровые формы поиска кладов и преодоления городских препятствий. И, наконец, «чиндогу» и «моддинг» – пожалуй, господствующие сегодня потребительские практики, лучше всего выражающие принципы нового потребительского творчества. Чиндогу – это бесполезные изобретения, не приносящие прибыли и служащие только для самовыражения потребителя, такие, как «тюнингованные» автомобили или велосипеды. Моддинг – улучшение окружающих вещей, от украшения мобильных телефонов стразами до «переделки» людей, чрезвычайно модной ныне в телевизионных шоу.

Новые практики потребления показывают: сегодня и понятие «желание» пережило свою полезность. У современного потребителя нет больше основательных и постоянных желаний. Возникают новые, более мощные и более универсальные стимуляторы потребительского поведения. Попытка запереть человеческие желания в клетке «набора потребностей» противоречит природе современного человека, и «творческий» потребительский подход – разрешение этого противоречия.

О. С. Кособокова*

Изменение стереотипов в потребительском поведении россиян

Каждому периоду истории присущи определенные нормы, традиции, мода, и др. Российское общество в течение 90-х годов XX века претерпело ряд серьезных изменений, что отразилось на разумных сферах жизни людей. И сегодня это проявляется в изменении ценностей, их образе жизни и практике поведения. Эти изменения сопровождаются и изменением практик, которые имеют отношение к потреблению.

Несомненно, советское общество оказало влияние на то, каким образом формируется культура потребления в современной России. Условия советского общества характеризовались определенными трудностями: дефицитом товаров, их однотипностью, что ограничивало свободу человека в приобретении товаров, к процессу приобретения их подталкивала лишь необходимость и неудовлетворенные потребности. Т. е. человек не мог приобрести себе то, что он хотел, так, как он хотел, и тогда, когда он хотел.

Одним из способов приобретения товаров было «доставание», «блат» или «взаимозачет». Здесь играли роль связи (знакомые или родственники, работающие в магазинах, на базах). Эти связи давали возможность в приобретении нужного товара, и наличие этих связей давало некое преимущество перед другими – обладание «модными» товарами. Мода в тот период была обусловлена дефицитом, т. е. товар, которого не было, считался модным. Ограниченность рынка вынуждала людей запасаться товарами, даже ненужными в данный момент, с надеждой в будущем удачно его использовать.

При этом в советские времена материальное благосостояние позволяло большей части населения приобретать необходимые товары.

---

* ***Оксана Сергеевна Кособокова*** **–** бренд-менеджер ОАО Концерн «Калина» (г. Екатеринбург).

© О. С. Кособокова, 2007

Таким образом, потребление в советский период характеризовалось тем, что возможность потреблять товары была основной сложностью, заключающейся в затрудненности доступа к этим товарам.

Современные условия жизни позволяют вступать человеку в процесс потребления в любое время, при этом он имеет значительную свободу выбора среди многообразия и разнообразия товаров. Единственная проблема сегодня – это проблема наличия денег. Но и в этой ситуации потребителю предлагается выбор – широкий ценовой диапазон товаров, возможность приобретения в кредит. Товар в современном мире наделен большим количеством функций, нежели это было в советский период. Помимо традиционной функции – удовлетворения потребностей – товар становится индикатором материального благосостояния человека, а также способствует идентификации человека в обществе, помогает проявить свою индивидуальность. Еще одно отличие современного товара от советского – это серьезность предъявляемых требований: качество, цена, известность марки/бренда, престижность – все это оказывает колоссальное влияние на выбор товара.

Назначение товаров расширилось по сравнению с советским периодом и стало обеспечивать удовлетворение большего количества потребностей человека. Возможности приобретения теперь индивидуальны, и напрямую зависят от желания человека. Все это показывает, что практика потребления советского периода коренным образом отличалась от современности. При этом нетрудно посчитать, что эти изменения произошли в короткие сроки. Да, экономические, политические изменения можно совершать в короткие сроки, в течение нескольких лет, однако переход одних ценностей, стереотипов, привычек, моделей поведения к совершенно другим может занять десятилетия.

Стереотипы выступают некими устойчивыми формами, которые мы используем в повседневной жизни для объяснения процессов, происходящих вокруг нас.

Именно такой переход социокультурных ценностей наблюдается в сегодняшней действительности. Эти изменения очень остро переносят люди старшего поколения, находящегося в условиях кризиса, в котором процесс современного потребления оказывается для них сложнее, проблематичнее, чем это было в советское время.

А. Е. Бойко*

Эволюция ценностей повседневности как базис для развития туризма

На рубеже XX–XXI вв. туризм начинает играть все более значительную роль в реализации ценностей личности. Трансформация всех сторон жизни общества привела к изменению ситуации в области туризма. На смену статичному стереотипу жизни, когда основная масса населения годами не покидала своего дома, приходит новый, динамичный стереотип жизни: смена обстановки становится в современных условиях бурного городского ритма жизни крайне необходимой. У человека появилось больше свободного времени и средств для того, чтобы выделить их часть на отдых и путешествия.

В настоящее время туризм, представляя собой многогранное явление, является объектом изучения многих наук: экономики, менеджмента, социологии, психологии. Это связано с тем, что туризм охватывает не только экономику разных стран, но и их культурное наследие, традиции, религию и ремесла.

Можно ли однозначно ответить на вопрос, что включает в себя такое понятие, как «туризм»? У одних туризм ассоциируется с пройденными километрами, с палаткой, с песнями у костра, для других – это поездки по историческим местам, для третьих – путешествия по зарубежным странам. И все они правы, поскольку туризм чрезвычайно разнообразен.

Понятие «туризм» является доступным каждому из нас, так как все мы совершали куда-нибудь поездки, читали в газетах статьи о туризме, смотрели телепередачи о путешествиях, а планируя свой отпуск, пользовались консультацией и услугами туристских агентств. В настоящее время преобладает туризм, который является разновидностью путешествий и охватывает собой лиц, путешествующих и пребывающих в местах, находящихся за пределами их обычной среды, с целью отдыха, в деловых или иных целях.

* ***Анна Евгеньевна Бойко*** – ФГОУ ВПО «Сибирская академия государственной службы» (г. Новосибирск).

© А. Е. Бойко, 2007

Туризм во все большей степени начинает способствовать увеличению общественного богатства за счет восстановления трудовых ресурсов. Туризм стал одним из факторов культурной деятельности человека и развития его жизненных сил. Туризм – это наилучший способ знакомства с другой культурой. Он обладает значительными возможностями для развития личности, повышения ее творческого потенциала, расширения горизонта знаний. Знакомство с культурой и обычаями другой страны обогащает духовный мир человека.

В качестве признака, позволяющего классифицировать путешествия по видам туризма, можно использовать мотивационные факторы. При такой классификации следует исходить из основного мотива, побудившего человека отправиться в поездку. Хотя мотивы не всегда определяются однозначно, можно выделить следующие преобладающие виды туризма:

- туризм с целью отдыха;
- культурный туризм;
- общественный туризм;
- спортивный туризм;
- экологический туризм;
- экономический туризм;
- политический туризм.

Мотив – это целепобуждающий и целеопределяющий выбор определенной деятельности индивидом, связанный с удовлетворением его потребности (в том числе для получения определенных благ). Мотив выполняет функцию смыслообразования: он придает смысл отдельным действиям, целям, условиям их достижения. В реальной жизни на поведение индивида воздействуют все виды мотивов, определяющие уровень его активности. Активность характеризует деятельностную форму поведения индивида, в том числе и его потребление.

Оптимальный уровень активности потребления невозможен без изучения особенностей потребителей и их реакции на те или иные виды мотивов. Для этого необходимо обратить внимание на систему факторов, характеризующих потребности и мотивы. Эти факторы могут быть представлены двумя группами: социокультурные и личностные. Социокультурные факторы подразделяются на макросоциальные и культурные, а личностные – на микросоциальные и психологические. Каждая из этих групп факторов содержит более конкретные характеристики. Так, под макросоциальными понимаются: экономическое положение в обществе, регионе, образ жизни, стандарты качества жизни. Факторы культуры объединяют систему ценностей и ценностные ориентации, в том числе культуру потребления, моду, эстетические предпочтения. Под микросоциальными факторами понимают социальный статус (образование, профессия, возраст, пол) и социальные роли. Психологические факторы – это тип личности, восприятия, усвоения и убеждения. Этот перечень содержит характеристики потребителя, которые слабо поддаются контролю, но их необходимо брать в расчет, так как они оказываются полезными для выявления потенциальных потребителей.

Применительно к сфере туризма можно сказать, что принадлежность туристов к разным социальным группам (демографической, возрастной, экономической) формирует их специфические интересы, что позволяет выделять категории потребностей. Так, природные и климатические преобладают у населения больших городов, культурные – свойственны всем потенциальным туристам, экономические – оказывают влияние на формирование количества туристов со средним доходом, психологические мотивы зависят от индивидуальных особенностей личности и формируют ее уникальные туристские предпочтения. Важными факторами, от которых зависит выбор отдыха, являются возраст, образование, социальная принадлежность, доход, семейное положение, а также профессия туриста.

Говоря на языке маркетинга: анализ ситуации на рынке туристских услуг предполагает его сегментирование, а сегментация рынка исходит из того, что каждый клиент имеет индивидуальные потребности.

Туристские компании, пользующиеся опросами, адаптируют свои рыночные программы к потребностям и желаниям четко определенного географического, демографического, психологического или поведенческого сегмента рынка.

Необходимо тщательное изучение моделей поведения человека в различных ситуациях, мотивации принятия решений, выбора (предпочтений) вида отдыха, главных и сопутствующих целей, направления путешествия, выбора партнера и турфирмы. Без изучения и понимания мотивации желаний клиента невозможно правильно построить тур и предложить его на рынке потребителя, а главное – удовлетворить желания клиента, обеспечив ему положительную гамму эмоций.

Можно подвести итог, сказав, что потребитель туристских услуг XXI века – более информированный, независимый, раскрепощенный, критически и взыскательно относящийся к предлагаемым ему товарам и услугам, избалованный их обилием и разнообразием, жаждущий калейдоскопа впечатлений и удовольствий, активный и самостоятельный субъект.

Н. Л. Девятова*

Парки: между повседневностью и праздником

Значительную роль в сфере рекреации, организации досуга в туризме играют сады и парки. Они могут быть самыми разнообразными: дендрологическими, тематическими, мемориальными, развлекательными, аквапарками, зоопарками, парками культуры и отдыха и др.

Сады и парки являются частью повседневной жизни людей и одновременно способом выхода за рамки повседневности. Как это возможно?

Повседневность можно определить как то, что происходит каждый день, как некую схему действий человека в существующих условиях. Человек в определенной степени воспроизводит ту схему, которая задается его окружением: социальной группой, обществом, но вместе с тем он вырабатывает индивидуальную схему – собственные, удобные и необходимые стереотипы действий. То есть каждый человек одновременно существует в общей и в своей повседневности, где есть время труда и досуга, время будней и праздников.

Если рассмотреть историю садов и парков с самых древних времен, то можно увидеть, как в них сочетаются повседневность и праздник.

Сады и парки всегда были тесно связаны с культурой определенного периода и являлись ее отражением. Изменялись, реконструировались, появлялись и исчезали в соответствии с изменяющимися культурными ценностями и взглядами. Так, в первобытных обществах природное пространство преобразовывалось для совершения религиозных обрядов и культов, которые играли важную роль и служили цели «вымаливания» у богов благополучия в охоте и собирательстве. Это были самые простые формы освоения территории, но уже здесь прослеживается, как «сад» становится местом и для постоянных, каждодневных обрядов, и для специальных ритуалов, совершаемых в определенное время.

* ***Наталья Леонидовна Девятова*** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Н. Л. Девятова, 2007

В дальнейшем человек начинает культивировать растения, и появляются огороды, в которых для получения урожая он вынужден много работать. Тогда сад-огород выступал основой существования, и повседневность людей того времени заключалась в ежедневной работе в садах и огородах.

С появлением возможности культивировать растения в огородах, начинается и история сада как территории, предназначенной для эстетического наслаждения и отдыха. Первое упоминание о таких садах можно встретить в истории Древней Греции. Это были насаждения с прогулочными аллеями и бассейнами. Первые сады для отдыха строились только возле дворцов царей, дворян, знатных и богатых людей.

Спустя некоторое время стали появляться прогулочные сады и парки вокруг богатых усадеб. Это были закрытые парки, в которых гуляли хозяева и их гости. В таких парках устанавливались скамейки, беседки, качели, устраивались спектакли и так далее. Хозяева каждый день прогуливались по аллеям своих парков, любуясь природой. В таких парках проходили будни хозяев и праздники со спектаклями и развлечениями.

Далее появляются городские прогулочные парки, сначала частично свободные для посещения, потом – открытые для всех. Богатые люди, у которых было достаточно свободного времени, проводили досуг в таких садах.

В это время повседневность разных групп людей складывается по-разному. Одни имели возможность отдыхать и гулять в парках, другие (крестьяне) вынуждены были работать в огородах и садах. Но, и у тех и у других парк-сад занимал основную долю времени в их повседневной жизни.

С развитием садово-парковой культуры появился тип развлекательного парка как место праздника и выхода за рамки повседневности, место получения новых экстремальных ощущений, впечатлений, эмоций. В развлекательных парках устраивались концерты, шоу, устанавливались аттракционы и т. д.

Сегодня существует огромное разнообразие садов и парков, создаваемых для разных целей и удовлетворения различных потребностей, они встроены в сложное, многоуровневое пространство повседневности и в различных пространственно-временных условиях становятся элементом жизни каждого отдельного человека, группы или общества.

С. Ю. Каменский*

Ценность археологического наследия как товара

Повседневная жизнь «оседает», остается нам в виде археологического наследия. Относясь к периодам глубокой древности, оно остается важным в современной жизни, предоставляя в наше распоряжение образцы человеческого поведения в иных социальных, культурных, экономических, технологических условиях.

В связи с включением историко-культурного наследия в сферу одной самых прибыльных и быстроразвивающихся индустрий современности – индустрии путешествий – меняется само понимание наследия и его роли в развитии общества и культуры на современном этапе. В Европе и США к настоящему времени сложилась так называемая «постмодернистская» трактовка, тесно связанная с концепцией «товаризации» наследия. Тому, что дает рыночный подход в применении к археологическому наследию, и посвящена предлагаемая статья.

Прежде всего, поставим такой специфический вопрос: что представляет собой «археологическое наследие» как товар на современном рынке услуг? Если рассматривать данный продукт с точки зрения получаемого потребителем эффекта или пользы, то речь, очевидно, может идти о продаже суммы ощущений, образов, знаний, удовольствия от игры. В частности, таких продуктов, как «живое соприкосновение с прошлым», «опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры», «осознание длительности и сложности исторического процесса», «возможности самоидентификации», «опыт переживания времени», «эксперимент воскрешения прошлого», «детективные ощущения» и т. д. Все это вполне могут предложить современные программы, включающие представление памятников археологии и исторической реальности: от классических экскурсий по осмотру памятников, сопровождающихся сегодня применением современных мультимедиа-технологий, до анимационных и интерактивных программ по «оживлению» человека прошлого, реализации диахронного диалога и превращения его в своеобразную экзистенциальную игру. Примечательно, что в большинстве случаев памятники археологии предоставляют нам информацию о таких вещах, которые часто упускаются из вида, но весьма интересны для изучения. Речь идет об истории маленького человека, об истории его повседневной жизни, быта, веры, искусства и т. д. Помимо этого, археологическое наследие вполне способно дать ценную информацию для сторонников экологического движения, которое набирает все больший вес в постиндустриальном обществе[1], поскольку именно там, в «седой» древности, обильно представлены образцы гармоничного отношения человека к природе.

Однако имеются также «недостатки» археологического наследия, снижающие его конкурентоспособность и стоимость. Прежде всего, ограничены его возможности как средства культурного диалога в связи с тем, что представленные памятники и артефакты относятся к мертвым культурам. Во-вторых, такой востребованный сегодня продукт, как возможность для поиска себя, самоидентификации, получение или укрепление чувства принадлежности[2], также часто отсутствует, поскольку археологическое объекты, имеющие приличный возраст, не могут быть привязаны не только к конкретному народу или его региональной группе, но часто даже к языковой семье. Таким образом, в этом случае можно говорить только о специфической идентификации на уровне ЧЕЛОВЕКА и КУЛЬТУРЫ. Наконец, археологические источники в большинстве случаев молчат о мыслях и чувствах, о ценностях, огорчениях и радостях Человека прошлого, рассказывая больше о материальной стороне его жизни.

Рассматривая изменения в развитии «индустрии наследия» в конце XX – начале XXI века, можно отметить, что все больше внимания уделяется формированию развлекательной, интерактивной стороне продукта, что связано с возрастающей конкуренцией на рынке досугового, образовательного и туристского предложения, а также с изменением спроса в постиндустриальной экономике (одним из столпов которой станет «индустрия ощущений»[3]).

* ***Сергей Юрьевич Каменский*** – мл. научный сотрудник УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

© С. Ю. Каменский, 2007

[1] *Каган М. С.* Лабиринты современной культуры // Хрестоматия по культурологии. СПб., 2000. Т. 2: Самосознание русской культуры. С. 477–478.

[2] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2001. С. 336–350.

[3] Там же. С. 251.

При этом остается открытым вопрос: можно ли вообще эффективно продавать прошлое в обществе, для которого его ценность постоянно снижается, а опыт предшественников становится бесполезным (ссылка на Маргарет Мид, Тоффлера)?[4] И не объясняется ли успешность продажи прошлого прежде всего формой, в которой оно презентуется покупателю, тогда как сама тема/содержание относится далеко не к самым кассовым?

Применение рыночного подхода к наследию ограничено некоторыми исходными условиями. В анализируемой ситуации продаваемый продукт изначально для продажи не предназначается (за исключением, конечно, разнообразных фальсификаций), и поэтому речь может идти не о целенаправленной разработке продукта для имеющейся потенциальной аудитории, но о ВЫБОРЕ и приспособлении / интерпретации уже имеющихся объектов и фактов истории. Таким образом, негативное воздействие рыночного подхода к наследию не распространяется на сам археологический продукт, но касается, прежде всего, выбора из существующего ассортимента памятников. Но что из прошлого будет востребовано в настоящем и будущем? Этот вопрос, сам по себе вполне нормальный и естественный, в рамках рыночного подхода приобретает особый оттенок. Механизмы выбора МЕНЯЮТСЯ. Кто должен определять право прошлого на будущее (и может ли вообще кто-то это делать)? В рамках рыночного подхода ответ вполне однозначен: платежеспособный спрос.

В условиях современного рынка все большее значение в цене продукта начинают играть не его реальные качества, а сам образ этого товара и его производителя, то есть бренд. Особенно значительна «добавочная стоимость» имиджевой части продукции в сфере услуг. При этом конкурентная сила и соответственно цена товара, в том числе такого, как «наследие», может повышаться или, наоборот, понижаться искусственными по своей природе, надстроечными методиками маркетинга. Так, например, за ценностью Аркаима и иных памятников страны городов стоит, прежде всего, процесс долгосрочной и целенаправленной акции по продвижению этих объектов. Точно так же Троя ценнее и прибыльнее, например, древностей Новгорода, прежде всего за счет того, что в структуре

[4] *Тоффлер Э.* Указ. соч. С. 33, 404; *Мид М.* Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Хрестоматия по культурологии. СПб., 1999. Т. 1: Самосознание русской культуры. С. 216.

ее стоимости высок «удельный вес» бренда. Стоит отметить, что механизмы формирования разной ценности объектов историко-культурного наследия как на уровне массового сознания, так и на уровне профессиональных оценщиков (искусствоведов, археологов и др.) значительно сложнее, нежели в случае с созданием бренда компании либо товара. Тем не менее, параллели с экономическими моделями вполне возможны и нужны. Они предупреждают о том, что, как доказывает современный шоу-бизнес, продаже поддается даже продукт относительно низкого качества. Таковы реалии современной экономики. В отношении памятников культуры такой подход пока еще непривычен и вызывает протесты, но стоит заметить, что он вполне реализуем.

В заключение отметим, что пока в реальной практике превращению наследия в товар, в «продукт потребления» серьезно противостоит широко распространенная в умах концепция святости наследия (хотя «товаризация» сегодня в большинстве случаев оказывает на наследие позитивное влияние, способствуя привлечению средств на реконструкцию объектов культуры и повышая интерес к ним общества), а также серьезный контроль этой сферы со стороны государства и общественных организаций. Тем не менее, несмотря на все препятствия, «товаризация» наследия уже достаточно мощно «работает» в странах Европы, США и набирает ход в России.

*С. А. Рыбин**

Деловой туризм как феномен повседневных практик

Ни для кого не секрет, что туризм представляет собой одно из наиболее значимых социальных явлений последнего времени. Индустрия туризма входит в число трех крупнейших отраслей мировой экономики. По данным ВТО, к 2010 г. количество туристских поездок достигнет 937 млн. На сферу туризма приходится около 6 % мирового валового национального продукта, 7 % мировых инвестиций, каждое 16-е рабочее место, 11 % мировых потребительских расходов.

Сфера туризма очень разнообразна и включает множество различных видов. Одним из наиболее распространенных видов туризма является деловой туризм. Многие специалисты относят деловой туризм к одному из выдающихся феноменов современности. Деловой туризм охватывает практически все сферы жизни общества: коммерцию, политику, промышленное производство, образование, культуру и досуг. Именно поэтому представляется возможным осмысление его как повседневной практики. Первоначально туризм был локальной социальной практикой, применявшейся ограниченной социальной общностью. Однако, начиная со второй половины XX века, туризм, достигший глобальных масштабов и вовлекший в себя глобальные людские ресурсы, затрагивает многие стороны общественной жизни, значительно влияя на ее социальные аспекты. Становлению массового туризма как одного из наиболее динамично развивающихся феноменов современности способствовал целый ряд факторов, таких, как социально-демографические, институциональные, этнокультурные, развитие непроизводственной сферы экономики, рост свободного времени, качественное изменение проведения досуга.

---

* ***Степан Александрович Рыбин*** – аспирант специальности «Социология культуры, духовной жизни», менеджер отдела маркетинга ОАО «Уральский завод РТИ» (г. Екатеринбург).

© С. А. Рыбин, 2007

Современной деловой поездке присущи жесткие временные рамки и регулярность. Деловой туризм как повседневная практика носит регулярный характер не только для туристов и людей, вовлеченных в нее в силу своей профессиональной деятельности, но и для сотрудников транспортных, торговых, промышленных, банковских, страховых и др. компаний. Если учесть тот факт, что большинство людей во всем мире ежедневно отправляются в командировки, то нетрудно представить себе масштабы делового туризма. Командировки являются видом практик делового туризма и охватывают поездки людей, связанные со служебной необходимостью. Командированные сотрудники включаются в сферу делового туризма независимо от их вкусов и предпочтений, в отличие от путешествующих в развлекательных или лечебно-оздоровительных целях, когда поездки могут зависеть от выбора того или иного направления, маршрута. В повседневные практики туризма вовлекаются целые города – конгрессные центры, курорты, обладающие уникальными туристскими ресурсами.

Если посмотреть на деловой туризм с формальной стороны, то его можно определить как поездки с целью участия в съездах, конгрессах, конференциях, форумах, семинарах, ярмарках, выставках, а также с целью проведения переговоров и заключения контрактов. Кроме того, деловой туризм – это индустрия, которая включает в себя целый комплекс предприятий и организаций, прямо или косвенно в ней задействованных. В качества примера можно привести гостиницы, выставочные и конгресс-центры, авиакомпании, турагентства, рестораны и т. д. Существование делового туризма в современном его понимании возможно только при постоянном взаимодействии его элементов и связанных с ним отраслей.

Деловой туризм нельзя рассматривать как просто поездку или отдых. Это понятие намного шире и представляет собой совокупность отношений и единство связей и явлений, которые сопровождают человека в путешествиях. Деловая поездка не ограничивается только деловой составляющей – посещением конгрессов, выставок, конференций, – так как она включает множество других видов туристской деятельности. В качестве примера можно привести культурно-познавательные программы (экскурсии, посещение музеев, достопримечательностей, памятных мест и др.), посещение деловыми туристами развлекательных заведений, оздоровительных и спортивных центров. Таким образом, туристские практики вовлекают человека в ее разнообразные аспекты и обо-

сновываются различными дискурсами. В связи с этим необходимо подчеркнуть значимость рекреационной функции, когда представление о деловой поездке становится неотделимым от представления о путешествии. Традиционно, путешествие, как занятие свободного образованного человека, не обремененного службой и финансовыми проблемами, не связывалось с представлением об отдыхе, а являлось, скорее, особым периодом в жизни, проведенном вне дома. Если маршрут и планировался заранее, то он в любой момент мог быть нарушен, сообразно с желаниями путешественника или новыми обстоятельствами.

Еще одним аспектом делового туризма как социальной практики может служить внесезонность, т. е. независимость деловых поездок от сезонных факторов, характерных для других видов туризма. Если туристские поездки с лечебно-оздоровительными и рекреационными целями, как правило, носят сезонный характер и зависят от экономической, политической и социальной стабильности и других условий, то деловые поездки осуществляются вне зависимости от факторов сезонности, тем самым являясь частью повседневной жизни современного человека.

Ю. Н. Голубчиков*

Режиссура имиджа России как фактор развития национального туризма

В зарубежных СМИ все последние годы преобладает поток негативной информации о России. По предвзятости он даже превышает тот, что был в годы «холодной войны». По многим международным рейтингам Россия попадает в первую десятку стран столь же неблагоприятных для туризма, как Бурунди, Гвинея, Нигерия, Ботсвана и Зимбабве, следуя сразу же за Ираком, Афганистаном и Гаити. Ни Киргизстан, ни Таджикистан, ни Узбекистан в этот список опасных стран в 2006 г. не попали. Даже Грузия оказалась менее опасной для путешествий, чем Россия. И тому есть ряд причин. Вспомним, например, неулыбчивые лица наших продавцов и официантов или состояние наших общественных туалетов.

Однажды сложившуюся отрицательную репутацию преодолеть трудно. Раз уж мы попали в число стран неблагоприятных для туризма, то надо из этого делать выводы и искать свои выгоды. Прежде всего, не следует возлагать слишком большие надежды на международный туризм и строить пятизвездочные отели. Гораздо важнее переориентировать туристские потоки бывшего постсоветского пространства на внутренний российский рынок туризма и оставить, тем самым, вывозимые сегодня с ними десятки миллиардов долларов России. География туристских потоков показывает, что люди в основном путешествуют внутри своего историко-географического поля. Когда житель Мельбурна или Дели посещает Лондон, или житель Джакарты едет в Амстердам, то это сопоставимо с посещением Москвы жителем Киева или Бишкека. Таких посещений у нас не меньше, просто далеко не всегда они регистрируются как туризм.

---

* ***Юрий Николаевич Голубчиков*** – кафедра рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

© Ю. Н. Голубчиков, 2007

Из сложившегося положения России на мировом туристическом рынке следует извлечь для себя и другие уроки. Необходима серьезная режиссура позиционирования страны на нем. Начинать ее надо не столько с рекламных роликов, сколько с учебных планов туристических специальностей вузов. Достойное место должна занять в них такая комплексная дисциплина, как «отечествоведение», – но не как смесь физической и экономической географии, а как наука, нацеленная на рекламное, информационное и имиджевое продвижение России на туристическом рынке.

Надо учить взгляду на свою страну глазами японца, китайца, поляка, немца, американца и неназойливому обращению возможного у них ментального негатива в позитив. Тут есть что-то общее с методами психологической обработки противника, преподаваемыми в наших военных вузах, и у них тоже можно поучиться наиболее эффективным приемам межкультурных коммуникаций. Лучшее, что мы можем сделать для развития туризма в нашей стране и укрепления ее безопасности, – это прививать любовь к ней.

А любовь начинается с интереса. Россия овладела самой крупной континентальной глыбой мира. И надо этим гордиться. Образ ковбоя в джинсах и шляпе стал предметом безудержной гордости Штатов, а мы как будто стесняемся своих завоеваний.

Занимая самый центр земной суши, Россия соприкасается со всеми главными мировыми цивилизациями. Здесь соприкасаются самые главные мировые религии в своем исконном, автохтонном местоположении. Нигде в мире не найти, к примеру, такой территории, как Алтай, где ареал самого эсхатологичного православного мировоззрения соседствует с областью распространения буддизма с его циклическим восприятием времени, в котором каждое живое существо вновь и вновь возрождается к жизни через свою кармическую активность. Тут же, с казахстанской стороны, подступает самый монотеистический и фатально мыслящий ислам. Наряду с этим сохранился шаманизм, а еще недавно над всем Алтаем довлело коммунистическое учение. И все это в своем коренном исконном облике и своей среде обитания, а в не в нью-йоркском «котле». Только в России можно познакомиться с широчайшим разнообразием исконных мистических технологий, которые, по мнению многих, будут означать для человечества будущую революцию, следующую за информационной сегодняшнего дня.

Россия – геополитический продолжатель самых крупных в истории межконтинентальных держав гуннов, Чингисхана, сохранившая многие символы Империи и Союза. Через наследницу Эллады – Византию наша страна связана с первичным средиземноморским очагом европеизма. Сама формула «Москва – Третий Рим» напоминает о верности России первоначальным канонам христианства. Она могла бы стать в этом отношении «Меккой» православия, к которому в мире пробуждается все больший интерес.

В силу своего высокоширотного и макроконтинентального положения территория России сильно подвержена вторгающимся из глубин Вселенной космическим воздействиям известной и неизвестной природы.

Россия должна быть интересна мировому рынку даже своими невыгодами. Спору нет, многие наши города и поселки замусорены и неприглядны. В мировых СМИ постоянно указывается на нерадивость и бесхозяйственность в использовании российских пространств. Ставится вопрос об ограничении прав государств, неспособных распорядиться выпавшими на их долю природными богатствами «нашего дома – космического корабля Земля». Густонаселенные и цивилизованные страны, мол, имеют на них свои права. На деле, ни одна из стран мира не сохранила такого огромного пространства со столь еще не разрушенной и богатой природной средой, как Россия. Почти половина ее пространств не отягощена антропогенной и техногенной нагрузкой. Это значит, что, пролетая над ними на самолете или рассматривая их аэрокосмические снимки, невозможно обнаружить никаких следов человеческой деятельности – населенных пунктов, дорог, водохранилищ, линий электропередач, возделанных полей. В Европе таких площадей эколог Н. Н. Клюев насчитывает всего 2,8 %.

Вероятно, цивилизацию всё ускоряющегося распада и всё расширяющегося потребления неизбежно подстерегают опасности и кризисы неизвестной еще природы. А то испытание бытом, которое предлагала человеку наша страна, сделала его самым выживаемым и самым уживчивым.

Россию постоянно обновляла бурная история катастроф. Следы их повсюду открываются непредвзятому взгляду. «В мире нет истории страшней, безумней, чем история России», – писал Максимилиан Волошин.

Хотя весь современный образовательный процесс покоится на эволюционном учении о прогрессе, все яснее вырисовывается роль гигантских катастроф в истории нашей планеты. Появились интересные альтернативные построения, связывающие геологи-

ческую историю с быстротекущими и грандиозными флювиальными процессами. Среди все большего числа педагогов набирает силу мнение, что идущая на смену «униформистской», катастрофическая модель мироздания вскоре послужит новым, точнее, «хорошо забытым старым», компасом научно-философского и образовательного поиска. В ее свете совершенно новый смысл обретают экскурсионная работа в природе, научный туризм, технологии культурно-досуговой и краеведческой деятельности. Важно расширить образовательную базу туризма за счет включения в нее альтернативных моделей генезиса окружающей нас природы.

А. В. Щербакова*

Ценность общения как фактор формирования субкультуры туризма

Туризм представляет собой сложную систему, в которой тесно переплетаются интересы экономики и международных отношений, безопасности и экологии, гостиничного бизнеса и транспортных организаций. Ориентируясь на социально-культурные ценности, туризм становится формой культуры. Приобретая массовый характер, туризм становится особой, специфической субкультурой.

Под субкультурой понимается особая сфера культуры, целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами. В рамках субкультуры нормы, ценности, представления, а также стереотипы базовой культуры общества интерпретируются. Массовая культура оказывает давление на личность, что способствует возникновению субкультур. Для любой субкультуры существует обязательный набор характерных черт: специфический стиль жизни и поведения; свойственные данной социальной группе своеобразные нормы, ценности, мировосприятия; наличие инициативного центра, генерирующего идеи. Для того чтобы выявить элементы субкультуры туризма, необходимо обратиться к истории.

В середине XX века туризм развивается и становится массовым явлением. На Западе в середине XX в., в эпоху роста радикальных настроений, «студенческих бунтов» в Европе возникает субкультура хиппи. Членами этой субкультуры была молодежь, происходившая преимущественно из среднего класса: студенты-гуманитарии, богема. Термин «хиппи» относится к достаточно широкому спектру субкультур, основное ядро которых составляет молодежь, оставившая высшее образование и занятое поиском путей «исхода» из технократического, материалистического общества. К таким путям относились попытки возрождения пасторальной не-

* ***Анастасия Владимировна Щербакова*** – студентка 5-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© А. В. Щербакова, 2007

винности, что и явилось фактором развития самодеятельного туризма. Сами хиппи и стали особой группой туристов.

Советское индустриальное общество в 50-х годах XX века бурно развивалось, преодолевая урон, нанесенный Великой Отечественной войной. Широко внедрялись научные достижения, которые опирались на успехи военно-промышленного комплекса. Основой повседневной жизни человека становится построение и развитие техногенной цивилизации, а состояние человека уходит на второй план. Это порождает в человеке желание уйти от техногенного мира, от идеологизации, бюрократизации, официальной массовой культуры. В России, как и на Западе, тоже появились туристы – «люди с рюкзаками».

В этот период времени именно самодеятельный и спортивный туризм получает широкое распространение, становится массовым явлением и особой, специфической субкультурой, которая формируется на основе ценностей повседневности.

Одной из основных ценностей повседневности становится искреннее, непосредственное общение, которое раскрывается, в первую очередь, в турпоходе. Он позволяет выйти за рамки давления городской массовой культуры, искреннее и задушевнее общаться с единомышленниками за пределами цивилизации. Турпоход открывает перед человеком возможности активного отдыха, оздоровления и физического воспитания, личностной самореализации, может давать незабываемые ощущения, которые испытывает человек, взобравшись на лыжах на горную вершину или пробиваясь сквозь огромные валы горных речек. Большое значение имеет некий психологический климат турпохода, который формируется благодаря общности интересов, единству целей туристов, доброжелательности и готовности прийти на помощь друг другу.

Ради искреннего общения создаются туристские клубы, к задачам которых относятся организаторская и учебная работа, подготовка туристов, составление маршрутов туристских походов, разработка массовых туристских мероприятий. Туристские клубы осуществляют свою деятельность и по сей день, активно поддерживая и развивая самодеятельный туризм.

В турпоходе реализуется ценность общения с природой, когда после обычного походного дня появляется возможность уединиться на берегу какого-нибудь безлюдного горного озера или скалистой реки у костра.

Туристская субкультура способствует творческой реализации личности. В середине XX века рождается самодеятельная туристская песня как культурное явление. Песни сочинялись и исполнялись стихийно, в узком кругу – у костра. Именно они были наиболее популярны в повседневной жизни в противовес официальным песням, именно они были средством исповеди и объединения людей. Туристская песня в период идеологической оттепели породила феномен бардовской песни.

Во второй половине XX века туризм интенсивно развивается, в процессе развития мода в туризме изменяется. С 80-х годов туризм приобретает коммерческую форму, но по-прежнему остается особой субкультурой, границы которой заданы на начальном этапе становления.

В. В. Беляков*

Валеологические аспекты активного туризма

Активный туризм – это самое надежное и доступное средство физического самосохранения, профилактики заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы, закалки и оздоровления в любом возрасте.

Оздоровительный туризм влияет на ряд систем и органов человека. В первую очередь он вырабатывает у человека устойчивое психическое и эмоциональное состояние. Так, в процессе трудовой деятельности неизбежно наступает нервно-психическое переутомление. Поэтому среди задач по профилактике переутомления и снятия стресса должны быть ведущими мероприятия неспецифических методов воздействия и включение факторов физической и природной терапии. В основе механизма воздействия на психическое состояние человека лежат сложные нервно-рефлекторные реакции, приводящие к уравновешиванию основных нервно-психических процессов, улучшающие адаптивные, защитные и компенсаторные механизмы, способствующие уменьшению или ликвидации болезни, особенно в стадии функциональных нарушений.

Правильно организованное и хорошо проведенное путешествие укрепляет здоровье человека, закаляет организм, развивает все физические качества: силу, быстроту, выносливость, ловкость и гибкость. Туристические путешествия проводят в форме походов выходного дня, многодневных путешествий (во время отпусков и каникул), учебно-тренировочных сборов туристических экспедиций.

В зависимости от способа путешествия выделяют пешеходные, горные, водные (на гребных или моторных судах), лыжные, велосипедные, комбинированные, а также автомобильные и мотоциклетные.

Большое значение для проведения путешествия имеет физическая подготовка туриста. Она должна обеспечивать:

* ***В. В. Беляков*** – канд. мед. наук, кафедра социально-культурных технологий УГЛТУ (г. Екатеринбург).

© В. В. Беляков, 2007

1) общую физическую подготовку;
2) специальную физическую подготовку;
3) закаливание организма – его сопротивляемость заболеваниям при охлаждении, перегревании, повышенной влажности, сухости воздуха и недостатке кислорода.

Общая физическая подготовка служит основой специальной подготовки. Без поддержания ее на постоянно высоком уровне невозможно добиться успехов в усвоении и совершенствовании техники различных видов туризма. В процессе общей физической подготовки важно всесторонне развивать основные физические качества. Если одно из них отстает в развитии, следует дополнительно применять средства, благотворно воздействующие на это качество.

Специальная физическая подготовка **обеспечивает** овладение специфическими навыками, техникой какого-либо туризма; одновременно в процессе ее должны развиваться и те физические качества, которые особенно важны для данного вида туризма. Так, для туриста-пешехода и велосипедиста особенно важны сила и выносливость ног. А для лыжника, кроме того, нужна и сила рук. Каждому туристу, предпочитающему двигаться активно, необходимо глубокое и равномерное дыхание. Поэтому нужно «поставить» дыхание, причем для различных видов туризма эта задача решается по-разному.

Закаливание организма достигается путем длительного, постепенного и систематического приспособления его к необычным условиям. Процесс закаливания должен быть постоянным и беспрерывным. Для того чтобы приучить себя к ночлегу на снегу, в мешках, нужно заранее во время тренировки привыкнуть переносить холод и известные неудобства сна в палатке, в снежной пещере и т. п. По мере закаливания турист перестает чувствовать необычные раздражения и спит в таких условиях лучше, чем дома.

Физическая подготовка туриста должна быть непрерывной и круглогодичной. Она складывается из утренней гимнастики, специальных занятий и походов выходного дня. Каждый, занимающийся туризмом, обязательно должен три-четыре раза в год проходить медицинский осмотр и систематически вести дневник самоконтроля, где должен фиксировать самочувствие, состояние сердечно-сосудистой системы (частоту пульса, уровень артериального давления), частоту дыхания – как в покое, так и при нагрузке.

Утреннюю гимнастику следует проводить ежедневно, в любую погоду и желательно на свежем воздухе. Интенсивность и продолжительность утренней гимнастики каждый турист регулирует в зависимости от своего самочувствия. При подготовке к походам

с ночевкой и длительным путешествиям продолжительность утренней гимнастики должна увеличиваться до 30–40 минут. Лучше утреннюю гимнастику проводить группой, в этом случае она проходит более эмоционально. Занятия на свежем воздухе позволяют включать бег на короткие дистанции, медленный бег с ускорениями по нескольку десятков метров; равномерный бег рекомендуется сочетать с быстрой и спокойной ходьбой. Очень важно научиться дышать глубоко, без задержки, с полным выдохом.

Тренировочные занятия в течение недели и по выходным дням проводят в спортивных залах, на площадках, на стадионах и на открытой местности. Специально подобранные упражнения и элементы соответствующих видов спорта помогают развить те или иные физические качества, в первую очередь нужные туристу: выносливость и силу. Турист, который не готовит себя физически, рискует оказаться самым слабым в группе и стать обузой для товарищей. Расстояние, проходимое начинающими туристами за день, – 10 километров. Здоровые, тренированные люди с рюкзаками среднего веса проходят за день 20–25 км, по пересеченной местности – 12 км. С облегченными рюкзаками, в горах и тайге, втянувшиеся в походную жизнь туристы идут по 18–20 км, а подготовленные, опытные туристы проходят до 30 километров.

Специальная физическая подготовка зависит от способа передвижения и степени подготовленности каждого туриста, в процессе ее совершенствуется техника, используются возможности для изучения, подгонки и освоения специального инвентаря. Туристы должны не только знать основы тренировки бегуна, лыжника, велосипедиста, но и по мере необходимости использовать эти элементы в своем тренировочном процессе.

Нужно помнить, что только подготовленный турист может в полной мере насладиться познанием многообразия окружающего мира. Природа щедра, и любознательному туристу она полностью раскроет свои тайны. Необходимо не только знать, что в каждый конкретный момент целесообразнее всего делать, но и иметь навыки рационального использования даров природы, всего ее богатства, которым она так щедро делится с нами.

Литература

1. *Драгачев С. П.* Туризм и здоровье. Знание, 1984. С. 30.
2. *Маринин М. М.* Туристические формальности и безопасность в туризме. М: Финансы и статистика, 2004. С. 144.
3. *Савенко Е. В.* Путешествие по Уралу. Екатеринбург, 2004. С. 48.
4. *Биржаков М. Б.* Введение в туризм. СПб.: Герда, 2000. С. 310.

А. В. Калитвянская*

Проблемы развития туризма в ООПТ

Сегодня, с ростом числа транспортных средств, автоматизации производства и повсеместной компьютеризации как нельзя остро встала проблема рекреации (от латинского recreatio – «восстановление сил человека»). Современный горожанин все больше удален от природы, лишен возможности дышать чистым воздухом, пить нехлорированную воду, питаться экологически чистыми продуктами. Кроме того, современная городская среда крайне агрессивна: нескончаемый шум моторов, суета, вечная спешка – все это негативно сказывается на психике человека. Что же касается физического здоровья, то здесь все обстоит еще сложнее. В мегаполисе большая часть населения занята на работе, не связанной с какими-либо физическими нагрузками. Без дополнительных занятий спортом человек в городе лишен двигательной активности, необходимость в которой заложена от природы. Как писал известный специалист, член-корреспондент Академии медицинских наук Г. И. Косицкий, «природа приспособила нас к гигантским физическим нагрузкам, но современная жизнь не требует умения им противостоять. Наоборот, она предрасполагает к гиподинамии, двигательной пассивности, и мышечная система, занимающая сорок процентов веса человеческого тела, ослабляет нервную и сердечно-сосудистую системы, которые ее обслуживают».

Что же может восполнить «дефицит», который создает образ жизни горожанина? Ответ напрашивается сам собой – активный отдых: передвижение в пространстве, новые впечатления, общение с природой.

К сожалению, даже в такой стране, как Россия, с ее огромными территориями, сегодня остро стоит вопрос антропогенного воздействия человека на природу. Все меньше и меньше остается уголков природы, которых еще не коснулась человеческая деятельность. Лес вырубается, берега озер застраиваются базами

* ***Анна Валерьевна Калитвянская*** – ст. преподаватель кафедры СКТ УГЛТУ (г. Екатеринбург).

© А. В. Калитвянская, 2007

отдыха и коттеджами. Это привело к тому, что природа в первозданном ее виде сохранилась там, где человек сознательно оберегал ее от собственного воздействия, т.е. на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Вот почему сегодня так много внимания уделяется развитию туризма в ООПТ как возможности сохранить связь человека с природой.

В связи с ростом интереса к экологическому туризму на плечи сотрудников ООПТ легла еще одна важнейшая задача – организация, внедрение и продвижение туристического продукта (т. е. ООПТ выступает как туроператор). В эту работу входит: выявление рекреационного потенциала; выявление целевых групп клиентов; выявление и привлечение партнеров по развитию туризма; создание системы мониторинга мнений клиентов; разработка стратегии рекламной деятельности и т. п. Но практика показывает, что большая часть ООПТ не в состоянии самостоятельно провести эту работу в силу отсутствия квалифицированных кадров и опыта работы по данному направлению. Долгое время экологический туризм в нашей стране носил стихийный, самодеятельный характер, поэтому такая функция ООПТ, как рекреационная, выполнялась сама собой, практически без вмешательства в этот процесс со стороны администрации. Сейчас ситуация меняется коренным образом, появляется большой пласт потребителей, заинтересованных в данном виде отдыха, но не способных или не желающих организовываться самостоятельно. Растет спрос на туристические предложения экологического характера, и растет значительно быстрее, чем предложения в этой сфере. ООПТ, как производители туристического продукта, экологические туроператоры еще не выработали отлаженной схемы создания, внедрения и реализации туристического продукта. Самостоятельные же туроператоры не могут заниматься проектированием экологических туров, так как специфика этого вида туризма подразумевает научную составляющую, которая находится вне их компетенции. Поэтому туроператоры пока могут только включать в туры предложения, подготовленные национальными парками. Складывается парадоксальная ситуация: одни могут, но не умеют, другие умеют, но не могут. И в связи со всем вышесказанным, организованный туризм в ООПТ развивается медленно, слабо, стихийно.

Кроме того, существует ряд существенных проблем, связанных с различием в статусе тех или иных особо охраняемых природных территорий.

Туризм в заповедниках. Вопрос о целесообразности организации туризма в заповедниках был открыт в 70-х годах, и до сих пор на него не нашли однозначного ответа. Одна часть научного сообщества склоняется к абсолютно закрытому статусу данного вида ООПТ, аргументируя тем, что любая деятельность, даже щадящая, негативно отразится на природе. Противники, наоборот, склоняются к смене природоохранного статуса в силу изменений экономической ситуации в стране. Дискуссия, длящаяся более 30 лет, привела к тому, что был принят ряд документов федерального уровня, позволяющих проводить деятельность по организации туризма в буферной зоне заповедников.

Таким образом, заповедники получили возможность развивать туризм на собственной территории, но при этом данный вид деятельности не вменяется им в обязанность, т. е. быть или не быть туризму в заповеднике – этот вопрос находится исключительно в компетенции его администрации. Это привело к тому, что за последние несколько лет, 80 из 100 заповедников проявили интерес к туристической деятельности. Но при этом можно отметить, что туризм на территориях заповедников развивается в крайне ограниченных масштабах, так как вся туристическая деятельность может разворачиваться только в буферной зоне.

Туризм в национальных парках. В отличие от заповедников, национальным паркам туристическая деятельность вменяется в обязанность. Но, так как национальный парк – для России явление молодое, здесь также существует ряд существенных проблем. В первую очередь, это отсутствие развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, опыта работы с туристическими фирмами. Существуют проблемы в области законодательства. Кроме того, сеть национальных парков в стране не развита и не способна удовлетворить спрос на экологический туризм. По мнению заслуженного эколога РФ В. Б. Степаницкого, потенциал лишь национальных парков не сможет даже в перспективе удовлетворить потребности населения видеть многообразие дикой природы в различных физико-географических регионах, при этом заповедников в стране в три раза больше. Нет национальных парков в Арктике, на Дальнем Востоке и в дельте Волги, – как и во многих других регионах, где уже существует развитая сеть заповедников.

Туризм в природных парках. В отличие от системы национальных парков, не пополнившейся за последние 6 лет ни одним новым, сеть природных парков в последние годы развивается срав-

нительно интенсивно и способна внести достойный вклад в развитие познавательного туризма. В то же время и здесь имеет место ряд существенных проблем, связанных с отсутствием централизованного финансирования. Кроме того, природные парки не являются хозяевами своей земли, что осложняет процесс заключения договорных отношений как с инвесторами и арендаторами, так и с туристическими фирмами.

Сегодня существует ряд проблем, тормозящих развитие познавательного туризма, которые являются общими и для заповедников, и для национальных парков России. К их числу можно отнести:

• отсутствие ощутимых экономических стимулов сотрудников ООПТ для развития познавательного маршрутного туризма;

• отсутствие в ООПТ специалистов по туризму (основную часть персонала составляют выпускники лесохозяйственных, биологических и т. п. специальностей);

• отсутствие четкой схемы ценообразования на туристический продукт ООПТ;

• отсутствие качественной инфраструктуры, подъездных путей, дорожно-тропиночной сети, т. е. отсутствие комфорта;

• недостаток информации. В частности, лишь 32 из 135 заповедников и национальных парков могут похвастаться собственным интернет-сайтом. Реклама для ООПТ – дорогостоящее удовольствие, которое может позволить далеко не каждый. А специальной статьей в бюджете эти затраты не предусмотрены.

С. В. Кощук*

Праздник повседневного шоппинга

В силу многоликости и противоречивости феномена повседневности как доминантной сферы реальности каждого отдельного человека ее определение в высшей степени проблематично и с неизбежностью ведет к рассмотрению в соотнесении с ее противоположностями. Существующие исследования повседневности предлагают различные перечни и классификации неповседневного. Каждое из антиномичных повседневности явлений, будь то деятельность, событие, сфера (реального, виртуального, условного) или внутреннее человеческое переживание (мистическое или духовное), представляют собой в той или иной степени выход за рамки повседневного бытия с его рутинностью, регулярностью, рассудочно-деловым отношением к миру и логикой здравого смысла.

Среди всех многочисленных способов «взрывания» повседневности особо выделяется феномен праздника, потому как праздник является легитимным многофункциональным формообразованием самой культуры, ее необходимостью. Самая очевидная дефиниция праздника – это его противоположность будням, хотя, безусловно, внутренняя сущность этой особой сферы человеческого бытия отнюдь не исчерпывается лишь таким противопоставлением.

Праздник располагает особыми, присущими только ему символическими механизмами преодоления повседневности, рутинности существования. К ним относятся *пир* и *дар*, которые конституируют совершено отличное от повседневного потребление – потребление праздничное.

Праздник в противоположность повседневности свободен от утилитарно-практического смысла. В пространстве праздника нет места никакой материальной пользе и производству вещей (а лишь производству радости, удовольствия). Напротив, праздник есть растрата средств, изобилие, избыточность. Согласно теории всеобщей

---

* ***Светлана Валерьевна Кощук*** – соискатель кафедры философии УрГЭУ (г. Санкт-Петербург).

© С. В. Кощук, 2007

экономии Ж. Батая [3] всеобщая экономика не может и не должна быть экономной, но только расточительной, так как производимые излишки энергии могут быть лишь потеряны без цели и смысла. Эта бесполезная и бессмысленная потеря есть «суверенность», которая у автора символизирует высшую независимость субъекта, и достигается посредством «трансгрессии».

Е. К. Краснухина [2, с. 54–55] пишет, осмысляя трансгрессивность пира: «Вокруг растраты как ключевого термина конституируется дискурс пира. Пир уже не связан с чередованием, ритмом труда и отдыха, будней и праздников… т. е. с порядком социальности. Он стал одним из актов трансгрессии… Философия трансгрессивности пира не есть философия рационального питания, рационального отдыха, рационального философствования… Трансгрессивный пир не удовлетворяет ни духовных, ни телесных потребностей. Он есть чистая манифестация бессмысленной и нерациональной растраты ресурсов. Ценность такого пира заключается в его безрезультатности и неплодотворности».

Исходя из вышесказанного, можно говорить о смене парадигмы, установки: пир есть переход от экономии и бережливости к растрате и транжирству. И в этом смысле природа пира родственна природе дара. Дарить не значит избавляться от ненужного, дарение – исключительно добровольный акт превращения денежных единиц в объекты, наделенные особым смысловым значением, зачастую – сакральным. Деньги же сами по себе являются атрибутом повседневного, профанного бытия.

Таким образом, можно сказать, что такие символы праздничной избыточности, как пир и дар, есть механизмы прерывания и преодоления ежедневного, рутинного, утилитарно-функционального повседневного потребления, объекты которого – обычные продукты питания, одежда. Положительные эмоции повседневного потребления традиционно связаны с удовлетворением простейших потребностей: утолением голода, защитой от холода.

Однако в современной ситуации, в эпоху «общества потребления», человек отчужден в сфере трудовой деятельности и дистанцирован от духовного производства. «С разрушением традиционных социальных связей жизнь утрачивает прежний смысл. И чуть ли не единственный смысл обнаруживается в том рассогласовании между наличным и возможным, которое с готовностью предоставляет шоппинг…» [1, С. 257]. При этом шоппинг посредством рекламной пропаганды образа иного мира превращается в

смысловую систему, компенсируя отсутствие утраченных смыслов в процессе модернизации общества. Прогрессирующее потребление, традиционно сугубо практичное и утилитарное, в конечном итоге приходит к статусу избыточности, когда уже не важно, что покупать, главное – покупать, а положительные переживания связываются в первую очередь с приобретенными предметами. Таким образом, потребление, покупательская активность и, собственно, сам процесс посещения магазина занимают особое место в мире экономической повседневности настоящего.

То есть современный шоппинг есть не что иное, как растрата средств, зачастую бессмысленная и бесполезная. А процесс покупки не только облегчает идентификацию с миром, вызывает ощущение успеха, но и приносит то удовольствие, которое само по себе сродни некогда неповседневному праздничному потреблению с его гипертрофированностью.

Современный человек, потребляя без меры, организует таким путем сам себе интимный праздник души, делая подарки самому себе, так как «праздничное» состояние – это необходимость, потребность в нем всегда была и будет. Шоппинг для современного человека своего рода трансгрессия, укрытие, в котором он может спастись от неудач, скуки, монотонности, бессмысленности, неполноценности повседневной жизни. Но если праздник как таковой – кратковременная форма человеческого бытия, то шоппинг ограничен лишь наличными средствами потребителя. В таком контексте шоппинг становится праздником повседневного потребления.

Литература

1. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. М., 2004.

2. *Краснухина Е. К.* Трансгрессивность пира // Философия пира. СПб., 1999.

3. *Кропотов С. Л.* Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург, 1999.

*Н. Б. Лагарева**

Особенности организации производственной практики «Туристические ресурсы» студентов специальности «Социально-культурный сервис и туризм»

Процесс подготовки специалиста практически в любой сфере деятельности обусловлен, как минимум, решением двух стратегических проблем: углубленного изучения профилирующих дисциплин (дисциплин специализации) и умения применить эти знания на практике.

В современных условиях особые требования предъявляются к уровню сформированности практических навыков работы у выпускников высших учебных заведений, готовящих кадры для сферы социально-культурного сервиса и туризма. В соответствии с Государственным образовательным стандартом и учебным планом, студенты, получающие образование по специальности «Социально-культурный сервис и туризм», в течение всего цикла обучения проходят следующие виды практик: учебную – на 1 и 2-м курсах; производственную – на 3 и 4-м; преддипломную – на 5-м курсе.

Роль практики в учебном процессе велика, поскольку при изучении профессиональных дисциплин студенты получают только академические знания, практические же навыки они приобретают лишь на предприятиях. В данном случае приоритетной является ориентированность специалистов на работу туристических фирм, занимающихся внутренним и въездным туризмом.

Производственная практика «Туристические ресурсы» проходит после завершения процесса обучения на 3-м курсе и позволяет закрепить знания, полученные после изучения дисциплины «Техника и технология в социально-культурном сервисе и туризме». Особенностью практики «Туристические ресурсы» является ее прохождение в туроператорских или турагентских фирмах города, что существенно отличает ее от других видов практики, местами прохождения которых могут быть любые предприятия сферы сервиса и услуг.

* ***Наталья Борисовна Лагарева*** – ст. преподаватель кафедры социально-культурных технологий Гуманитарного факультета УГЛТУ (г. Екатеринбург).

© Н. Б. Лагарева, 2007

В качестве основной темы для написания отчета по практике предлагается разработка тура по определенному маршруту. Географический регион тура определяется самостоятельно, как правило в пределах Свердловской области. При разработке тура необходимо принять во внимание тот факт, что тур проектируется для студентов данной специальности и обязательно должен быть апробирован. Цель путешествия – знакомство с туристскими ресурсами и индустрией туризма как фактора развития региона. При проектировании данного тура должны быть учтены следующие требования: самоорганизация, невысокая стоимость, добровольность выбора направлений и маршрутов в рамках заданных направлений, максимальный показ потенциальных объектов.

После завершения студентами прохождения практики составляется и сдается отчет о проделанной работе, в следующем виде:

Содержание отчета.

Введение.

Актуальность маршрута, обоснование выбора региона на основе маркетингового анализа рынка туруслуг, в том числе и по выбранному направлению.

Раздел 1. Туристско-рекреационный потенциал региона и маршрута.

1.1. Инфраструктура региона.

1.2. Описание туристских объектов выбранного маршрута.

Раздел 2. Анализ инфраструктуры региона и технологические характеристики маршрута.

2.1. Характеристика транспортных средств.

2.2. Характеристика средств размещения.

2.3. Характеристика предприятий питания, анализ организации процесса питания на маршруте.

2.4. Анализ экскурсионных программ.

2.5. Составление проекта программы обслуживания на туре с обозначением следующих аспектов:

- маршрут;
- перечень турпредприятий поставщиков услуг;
- период предоставления услуг каждым предприятием;

• состав экскурсий и достопримечательностей;
• комплекс досуговых мероприятий;
• продолжительность пребывания в каждом пункте маршрута;
• количество туристов, участвующих в путешествии;
• количество и виды транспорта для внешних и внутренних поездок;
• потребность в гидах, экскурсоводах, переводчиках, инструкторах.

2.6. Результат проектирования тура, заполнение туристской документации от листа бронирования до анкеты туриста.

2.7. Анализ имеющихся рекламных материалов (проектирование собственных материалов).

2.8. Фотосессия, видеорепортаж по маршруту.

2.9. Организация анимационных программ.

Заключение.

В заключении кратко формулируется обобщающий результат работы. Приводятся выводы о рентабельности тура и оценивается каждый этап подготовки и проведения туристского путешествия.

Приложение.

В приложении дается фото- и видео материал, рекламные проспекты, технологическая и финансовая документация и раскладки фактической и проектируемой стоимости тура.

Система заданий, предлагаемых студентам программой практик, направлена на оптимизацию приобретения профессиональных навыков в условиях предприятий туризма и сервиса. Выполнение каждого конкретного практического задания максимально активизирует теоретические знания о деятельности любого предприятия туриндустрии.

М. В. Логиновских*, А. М. Логиновских**

Постсоветские праздники начала XXI века

Одним из элементов культуры как системы ценностей являются праздники. Обязательными составными частями праздников являются миф, обряд и культурный герой.

Распределение праздников по временам года (сезонам) имеет объективно-природную основу – это первый слой. Важнейшими событиями в этом смысле являются летний и зимний «солнцевороты» 22–25 июня и 22–25 декабря, а также весеннее и осеннее равноденствие. Эти даты и являются основой народных (языческих) праздников.

Вторым слоем для возникновения праздников является ритм хозяйственной жизни (у земледельческих народов это начало и окончание полевых работ; в нашей культуре – это весенние и осенние праздники).

Третий слой. Важнейшие религиозные (православные) праздники распределены равномерно в течение года и «накладывается» на первые два слоя. (Рождество Христово на 25 декабря и т. п.).

Следующий, четвертый, слой праздников имеет событийно-историческую основу. В то же время должна учитываться и ритмика. Раз в сезон, 4 раза в году нужны периоды «карнавала» (отдыха от обычного течения жизни («Святки», Проводы русской зимы» и т. д.)).

Наша страна переживает очередной переходный период. Система советских праздников была четко отлажена, они были равномерно распределены по сезонам и кодифицированы по мифам, обрядам и культурным героям.

Главные из них: 7 ноября – День Великой Социалистической революции в календарях считался началом Новой эры (отсчет велся с 1917 года) и соперничал с Новым годом (от Рождества Хрис-

---

* ***Михаил Викторович Логиновских*** – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии РГППУ (г. Екатеринбург).

** ***Анна Михайловна Логиновски***х – студентка философского факультета ОмГУ (г. Екатеринбург).

© М. В. Логиновских, А. М. Логиновских, 2007

това). 1 мая – День Международной солидарности трудящихся отражал интернациональный характер идеологии марксизма.

Сценарий их был четко прописан и основан на мифе, обряде и культурных героях (Ленин и Ко). Ритуал включал в себя: речь-поздравление первого лица, военный парад (демонстрация мощи и уверенности), демонстрацию трудящихся. И, наконец, семейное застолье, где первый тост был за Великих Вождей (культурных героев).

Постсоветский российский праздничный календарь бессистемный.

Во-первых, государственными праздниками являются Рождество 7 января и Пасха (переходный весенний праздник Воскресения Христа). И это в светском государстве, где около 20 % населения даже «культурно» не христиане!

Во-вторых, сами даты. Празднование Нового года трудно совместимо с постом по православному календарю.

В-третьих, длинные «Рождественские каникулы» явно великоваты (хотя есть и миф и обряды, и культурный герой Дед-Мороз (он же Санта-Клаус)).

В-четвертых, встает проблема трансформации 9 мая – Дня Победы, так как парады ветеранов скоро кончатся в силу естественного ухода их из жизни. А фигуры Сталина и Жукова уходят в тень. На наш взгляд, естественным развитием обрядов этого праздника могут стать молодежные шествия «нашистов» – антифашистов.

В-пятых – летний праздник 12 июня, День Независимости России, не имеет ни мифа, ни обряда, ни культурных героев (нельзя же ими считать Бурбулиса и Ко).

В-шестых, непонятно, что и как праздновать 4 ноября? Сама дата изгнания польских интервентов и окончания Смутного Времени весьма условна. (Устраивать инсценировку изгнания поляков из Кремля просто смешно. Польша и без этого смеется!) Есть только два культурных героя, но и они именуются по-разному: «Гражданин Минин» и «Князь Пожарский».

Образование вакуума естественно заполняется так называемым «Русским маршем» националистов, поскольку не только природа, но и культура «не терпит пустоты». 7 ноября инсценируется теперь уже не как революционный, а как праздник «парада 1941», когда ополченцы уходили с Красной площади Кремля в бой (идти было недалеко!).

В-седьмых – больше всего «повезло» праздникам молодежной субкультуры, заимствованной у Запада, – осеннему Хэллоуинну с его страшилками и весеннему Дню Св. Валентина с его подарками и открытками. При этом Праздник Влюбленных явно коммерциализируется.

И, наконец, в-восьмых, – кровавые события 3–5 октября 1993 года (расстрел Белого Дома), картинку которого весь мир смотрел по каналу Си-Эн-Эн со злорадным комментарием типа «Русские стреляют в русских!», отмечаются (не празднуются!) левой оппозицией.

Власть стыдливо «забыла» об этом, так же как и живые «герои» тех событий: Б. Ельцин, Р. Хазбулатов, А. Руцкой и др. И этот вакуум будет уродливо подпольно заполняться!

А ведь именно эти события, надеемся, означали настоящее окончание современной Смуты. И о таких событиях писал Т. Джефферсон: «Дерево свободы должно время от времени освежаться кровью патриотов и тиранов – это есть естественное удобрение».

Все сказанное позволяет говорить о непродуманности механизмов сохранения ценностей культурного наследия новейшей истории России. По крайней мере, в части общенациональных праздников.

Раздел пятый

Влияние информационных технологий на повседневную жизнь человека

А. В. Агеносов*

Персональный компьютер в нашей жизни, или Upgrade[1] ящика Пандоры

Реклама возможностей персонального компьютера (ПК), доступность его приобретения, отсутствие контроля над распространением программного обеспечения, простота управления этим достижением человека – всё это привело к активному проникновению вычислительной техники в повседневность. ПК стал инструментом социальных связей на немыслимых по объемам и расстояниям уровнях.

В начале 80-х годов на предприятиях появились лозунги, призывающие к поголовной компьютерной грамотности. Это предполагало автоматизацию расчетов, отчетов, научное обоснование прогнозов, повышение эффективности управления. Появление и широкое распространение персональных компьютеров в девяностых годах произвело революцию в решении научно-технических, управленческих и производственных задач.

ПК внедрился в повседневную жизнь чуть ли не каждого из нас. Приобретая ПК, многие толком не представляют, зачем это нужно: чтобы дети учились, в Интернете что-нибудь найти, письмо написать. Поэтому большинство начинающих пользователей стартуют с общепринятого набора: Word, Paint, для продвинутых – Excel, и, конечно, для отдыха (мы уже устали!) какие-нибудь «игрушки». Вскоре, нередко, количество полезных задач уменьшается до нуля. При этом никаких особых навыков в управлении компьютером не приобретается: включение ПК, вызов нужной программы, три кнопки на «мышке»… Компьютер в семье плавно превращается в аппарат, обеспечивающий развлекательную сторону жизни. Фильмы, музыка, фотографии. Но по динамике, накалу страстей, степени участия это уступает даже несложным игровым

* ***Александр Васильевич Агеносов*** – канд. технич. наук, старший научный сотрудник, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] Upgrade (англ.) – усовершенствование.

© А. В. Агеносов, 2007

программам. Доступный интерфейс. Понятные правила. Отсутствие физических усилий. Отсутствие опасности при любых катаклизмах и в любых катастрофах. Неуязвимость. Комфортные условия. Иллюзия мощи собственного разума, иллюзия собственного величия. Супермен и властелин мира, не покидающий рабочего стола.

Послеигровое похмелье для взрослого человека преодолевается предстоящими заботами. Для наших детей, не отличающихся особой самоорганизацией даже в студенческом возрасте, возврат в реальную действительность после непродолжительного сна – это пытка, отягощенная детским непониманием своих социальных обязанностей. Молодой организм физически справляется с нагрузками. Но ради чего? Закончатся эти занятия, и можно окунуться в сказку, в которой ты летчик-истребитель, Шумахер, Шакил О'Нил и страстный поклонник госпожи Андерсон. Перетерпеть пугающую и безнадежную для многих реальность, и снова – за монстров различных уровней.

Исчезает самоощущение, исчезает разница между добром и злом, отпадает необходимость в понимании этих категорий, ибо не осуждается ни одно действие играющего, подглядывающего, участвующего в немыслимых фантазиях создателей игровых программ. Человеческие ценности не играют роли – есть только цель, «за нее и держись»!

При анализе роли компьютерных игр возникает ощущение, что человечество начинает попадать под влияние некоего «надчеловека», всецело подчиняющего мозг и душу, исключающего творческое развитие и индивидуальность, формирующего непредсказуемые реакции и действия даже в ординарных случаях. Появилось много невольных служителей этого монстра – инженеров, системных специалистов, программистов, профессиональных игроков. Появились свои чемпионаты, в которых побеждают быстрота реакции и пальцев. Общение с такими профессионалами, особенно с игроками, оставляет двоякое ощущение. Это организованная, логически мыслящая личность, где-то там даже победитель, но как реальный студент, он не может разобраться в сложной математической структуре технической науки.

Самая распространенная ошибка, которую допускают в сложной ситуации, – запретить негатив. Но даже этот проверенный нашей страной страусиный метод уже не сможет повлиять ни на что. Из досконально изученного ящика Пандоры выбралось не

замеченное ранее чудовище, которое при умелом менеджменте решит проблемы управления населением, примирит его с реальной действительностью и подчинит любой власти.

Каким видится хотя бы *приблизительный* выход из назревающей трагедии? В частности, в нашей заметно отстающей в этой области стране есть время для перестройки сознания. Напомню, *зачем* создавался компьютер. Это – космические полеты, имитация ядерных взрывов, объединение людей через Интернет, реализация работы государственных служб, различных программ развития и сотрудничества, организация быта наконец.

Итак, красивая сказка: впустив в дом «расчетливое совершенство», загрузите его домашними проблемами и досугом. Поверхностное изучение программы Excel, – и ваш семейный бюджет обретет табличную и графическую наглядность. Вы сможете оценить потери и преимущества вкладов, подводные камни и динамику выплат по банковским кредитам. Неоценимую помощь окажет электронное расписание вашей деятельности.

Вы сможете навести порядок в вашей большой библиотеке. Программа Access обеспечит создание базы данных, которая позволит вам, по-крайней мере, иметь полную информацию о наличии книг, их движении, прочтении. Неограниченные возможности открываются для любителей фотографий: вместо пыльных, объемных и вечно разваливающихся альбомов вы приобретете современную фотогалерею невиданного объема. Добавьте записи видеокамер и участвуйте в монтаже видеофильмов…

Программа PowerPoint удивит вас своей простотой и необыкновенными возможностями при создании поздравлений друзьям и знакомым. Болельщики создадут таблицы интересующих их чемпионатов. Начинающие и опытные композиторы смогут творить, записывать музыку и одновременно слушать свои произведения,

В жизни невозможно без информационной сети. В Интернете вы найдете оперативную информацию по любой проблеме, организуете любые контакты, создадите свою страничку: весь мир может удивляться вашим достижениям. Через E-learning при определенном уровне вашего развития вы сможете получить даже новое образование.

Что дальше? Вам надоест быть пассивным пользователем, и вы начнете потихоньку программировать. Сначала это будут макросы и их анализ. Потом, быть может, какой-нибудь язык программирования. Не для того, чтобы опередить Microsoft, но чтобы почувствовать себя полноценной творческой личностью.

А как же игры? Что делать с вечным стремлением человека имитировать невозможные победы, т.е. просто фантазировать? Разделим игры на развивающие и отупляющие. Особенностью первой группы является отсутствие примитивного азарта и динамических целей (догнать, уничтожить) и, с другой стороны, наличие конструктивных целей (рассчитать, собрать, проанализировать). Вторая группа развлечений имеет право на существование, но должна быть реализована через лозунг «потехе час». При описанной «занятости» домашнего компьютера на пустышки останется не много времени.

НО на эту *красивую сказку* нужно еще поработать. Я смотрю на немолодых женщин, которые несколько лет назад не знали слова компьютер. Их свободное время занято компьютерными играми. Вспоминаю фильм Киевской киностудии 1965 года «Семь шагов за горизонт»: живая мышка погибает, не в силах оторваться от кнопки. Вижу, как в человек после работы садится в мягкое кресло, включает компьютер и комфортно устраивается в … «Феррари»: поехали! Ящик Пандоры оказался подверженным обычному Upgrade, выражаясь компьютерным языком.

*Д. О. Голованов**

Разработка web-системы автоматизированного управления информацией

Одной из основных целей при создании данной системы являлось предоставление максимально полезного и функционального набора возможностей для создания, поддержки и развития web-сайтов любой сложности. При этом необходимо было разработать удобный пользовательский интерфейс администратора сайта и максимально наглядную схему представления данных.

Возможности данной системы позволяют за короткие сроки создать сайт любой сложности и управлять информацией, содержащейся на сайте: редактировать страницы, добавлять на страницы графические элементы, создавать таблицы. Управление ресурсами хостинг-провайдера и многое другое автоматизировано системой и не требует от пользователей специальных знаний в области программирования и дизайна.

Верстка и редактирование страниц осуществляется с помощью дружелюбного пользовательского интерфейса, аналогичного интерфейсу текстового процессора MS Word, при этом редактирование страниц происходит непосредственно в режиме On-line, а все страницы хранятся на удаленном web-сервере. При редактировании страниц абсолютно не нужно знать структуру сайта, так как работа с физическим расположением информации на сервере, а также учет логики web-приложения выполняются системой автоматически.

Основной концепцией построения системы является блочное разделение кода. Благодаря такому подходу, система имеет возможность поддержки нескольких видов дизайнов сайта и их подключения (то есть полного изменения вида сайта) простым

* ***Д. О. Голованов*** – студент 3-го курса факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Д. О. Голованов, 2007

переходом по ссылке. Система позволяет одновременно хранить до 10 шаблонов сайта и подключать любой из них.

Модульная структура системы позволяет структурировать и наглядно преподнести все возможности системы в удобном для пользователя виде. При проектировании системы заранее учитывалась возможность ее расширения, то есть наращивания функциональных возможностей системы и пользовательского интерфейса. Модульная структура позволяет также дорабатывать систему в соответствии с пожеланиями заказчика.

О. А. Иванов*, Т. В. Филипповская**

Экстерналии ценовой дискриминации и дискриминации социальной

Дж. Робинсон, основоположник теории несовершенного рынка, отмечала, что в условиях несовершенной конкуренции возможна ситуация, когда монополисту представляется возможным и выгодным назначать на один товар разным покупателям разную цену[1]. Причина этого явления связана с тем, что продавец ведет торговлю на нескольких рынках, отделенных друг от друга. Теоретическую актуальность для современной экономической ситуации работы Дж. Робинсон можно подтвердить утверждением: продаваемую на сравнительно дешевом рынке продукцию нельзя купить у монополиста, чтобы перепродать на рынке, где цены выше. Это может также случиться, когда постоянные покупатели сравнительно дорогого рынка не в состоянии стать клиентами дешевого рынка, чтобы выиграть, покупая по низким ценам.

В условиях совершенной конкуренции ценовая дискриминация неосуществима даже в том случае, если рынок может быть легко разделен на отдельные части. На каждой такой части рынка спрос будет характеризоваться абсолютной эластичностью, и всякий продавец неизбежно предпочтет продать всю свою продукцию на той части рынка, где он сможет получить за нее наивысшую цену. При несовершенной конкуренции можно утверждать, что ценовая дискриминация осуществляется, когда единственный продавец данной продукции не участвует в конкуренции, в которой силы соперников практически равны, или когда конкурирующие продавцы заключили между собой соответствующее соглашение.

---

* ***Олег Александрович Иванов*** – студент заочного отделения факультет компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Татьяна Владимировна Филипповская – канд. педагог. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] *Робинсон Дж.* Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986.

© О. А. Иванов, Т. В. Филипповская, 2007

Самый типичный пример ценовой дискриминации – непосредственное предоставление частных услуг, когда «передача» их с одного рынка на другой невозможна. Так, хирург ставит гонорар за свой труд в зависимость от состояния здоровья пациента. Железная дорога также может установить различные тарифы за перевозку товаров из хлопка и за перевозку угля, и при этом не возникает опасений, что кто-то будет именовать кипы хлопка партиями угля, чтобы платить по более низкому тарифу[2].

Совершенно одинаковые по существу товары, на которых стоят различные марки, могут продаваться как товары разного качества, товары разных наименований и под разными этикетками, что побудит богатых покупателей-снобов выделиться среди покупателей сравнительно бедных и приобретать дорогостоящие товары. Таким образом, рынок окажется разделенным, и монополист получит возможность продавать один и тот же по существу товар по разным ценам.

Нечто подобное происходит и на рынке программного обеспечения. И в современных условиях производители товаров охотно пользуются тактикой дискриминации цен.

Нельзя сказать, что это дает только отрицательный эффект. Из всего программного обеспечения для примера положительных сторон дискриминации цен лучше всего взять компьютерные видеоигры, так как, в отличие от программ, цены на них более или менее фиксированы (на отдельно взятых рынках). Почти все диски с играми западных производителей в Европе стоят около 50 долларов. В России лицензионный диск с западной игрой стоит 10, реже 15–20 долларов[3].

Опыт прошлых лет, когда нам везли диски по тем же ценам, что и на западных рынках, показал, что покупать мы их не будем. Причина здесь – крайне низкая покупательная способность россиян, которые действовали по принципу: «Лучше возьмем «пиратское барахло» за 2 доллара». Сейчас же подавляющее большинство россиян пользуется «легальными» играми. Это связано с тем, что крупные производители программного обеспечения (такие, как Microsoft) согласны продавать нам свои игры за 20 долларов. Но программы поставляют за те же деньги, что и по всему миру. Неудивительно, что даже у самых крупных предприятий России на ком-

---

[2] *Робинсон Дж.* Указ. соч.

[3] *Вербицкий М.* Скажи лицензии «нет» // Хакер. 2006. Май.

пьютерах установлены «пиратские» версии программ Windows или Microsoft Office.

В итоге страдает и сама фирма, не захотевшая снизить цены для России, реально оценивая покупательскую возможность ее граждан, и мы, так как лишены постоянной поддержки установленных у нас программ.

Дискриминация цен была, есть и, скорее всего, будет, так как она – неотъемлемая часть мировой экономики. Иногда – «вредная» (разве рядовому американцу не обидно, что он платит за продукт американского производства больше, чем россиянин?), иногда – «полезная» (зато нам приятно)!

У Дж. В. Робинсон, описавшей проблему ценовой дискриминации, нам не удалось найти мнения уважаемого автора на этот счет. Мы знакомимся с обыкновенными признаками и фактами дискриминации.

Однако события последнего времени позволяют сравнить дискриминацию ценовую с дискриминацией социальной.

Речь идет о том, что за 10 дней до Нового года по инициативе Республиканской партии США была открыта новая страница истории Глобальной сети. Именно в этот день в Америке был представлен план действий новых борцов за свободу в Интернете – сформированной Госдепом США в феврале 2006 года структуры GIFT (в переводе с английского «подарок»), которой предстоит «воевать» со всеми проявлениями цензуры в Сети[4]. «Подарок» этот расшифровывается как «Оперативная группа по глобальной свободе в Интернете» (Global Internet Freedom Task Force). Не менее глобален и документ, которым этот «подарок» собирается руководствоваться в своей борьбе с цензурой. Называется этот труд «Акт о глобальной свободе в Сети». Суть его сводится к нескольким позициям. Во-первых, GIFT будет заниматься мониторингом «интернет-свободы» во всех без исключения странах мира. Второе поле деятельности «подарка» – это, собственно, ответные действия, направленные против ущемления свобод интернет-пользователей. Третий пункт – это увеличение числа пользователей Сети за счет предоставления возможности подключиться к Интернету большему количеству людей.

Уже в первой редакции «Акта о глобальной свободе в Сети» приводится небольшой список нарушающих права интернет-пользователей стран (традиционно – Китай и Корея), примеры нарушения прав сторонников сетевой демократии, недопустимые действия со стороны американских компаний, наказание, которое можно понести за эти нарушения. Логику авторов законопроекта понять можно: не так давно были зафиксированы десятки прецедентов, когда крупные интернет-компании, базирующиеся в США, помогали властям стран, в которых ущемляется свобода слова, в цензурировании онлайн-контента и предоставляли правоохранительным органам персональные данные не согласных с их политикой пользователей.

[4] lenta.ru

Итог может быть весьма плачевен: достаточно вспомнить недавний отчет «Комитета по защите журналистов», работники которого насчитали в тюрьмах мира полсотни онлайн-журналистов, и это – не считая многочисленных блоггеров, которые позволяли себе излишне фривольные высказывания в странах, где такое не приветствуется. Причем оскандалились не самые мелкие компании: данными с властями делились и Google, и Yahoo!, и MSN. Если «Акт о глобальной свободе в Интернете» будет одобрен конгрессменами и подписан президентом США, то даже таким гигантам придется пересмотреть свое отношение к сотрудничеству с другими странами. Вопрос лишь в том, насколько борьба «подарка» с американскими компаниями повлияет на общую ситуацию с цензурой в Сети. Скорее всего, тому же Google придется уйти с китайского рынка и оставить его «на откуп» местному поисковику Baidu, на который американский «Акт» не распространяется – никого из сотрудников «Байды» за помощь отечественным властям не посадят и не оштрафуют.

Многие российские аналитики относятся к ценовой дискриминации отрицательно, но с позиции: «пусть пиратское, но дешево». Что теперь они будут говорить о дискриминации социальной?

А. А. Майоров*, Д. М. Бакеев**

Интерактивные учебные пособия для проведения занятий по математике

Авторами разработана методика построения графиков и проведения символьного дифференцирования функций. Результаты могут быть использованы для преподавания математики на начальных курсах различных вузов, в том числе и гуманитарных.

Решение задачи было реализовано в среде визуального объектно-ориентированного программирования Delphi. Если с прорисовкой графиков на языке Object Pascal в целом проблем не возникло, то при разработке алгоритма символьного дифференцирования возникли трудности. Все попытки разработать «с нуля» свой алгоритм заканчивались неудачей: надо было учесть все правила взятия производной, в том числе и сложной функции. Оптимальное решение помогла найти книга известного программиста, профессора Стэнфордского университета Дональда Э. Кнута. В первом томе своего труда «Искусство программирования» он подробно разобрал способ обхода дерева на примере алгоритма символьного дифференцирования.

Алгоритм поиска производной некоторого выражения как функции от *x* относится к алгоритмам алгебраических преобразований. Программы алгебраического дифференцирования, которые появились еще в 1952 году, были одними из первых программ для символьных вычислений.

На примере процесса дифференцирования можно проиллюстрировать многие методы алгебраических преобразований, к тому же он имеет большое практическое значение для выполнения теоретических расчетов в различных областях науки и техники.

---

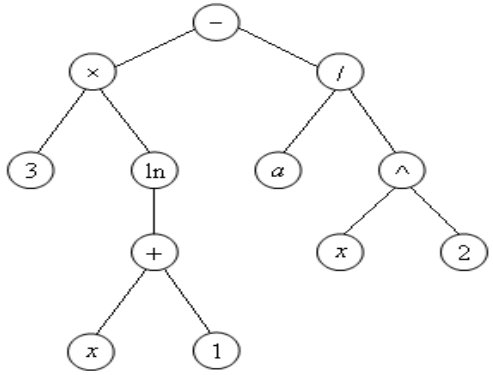
* ***Алексей Анатольевич Майоров*** – студент 2-го курса факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** ***Денис Марсович Бакеев*** – студент 2-го курса факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© А. А. Майоров, Д. М. Бакеев, 2007

Можно выделить следующие этапы процесса разработки алгоритма.

Во-первых, это преобразование введенной пользователем аналитической записи в польскую систему обозначения, выполнение обхода узлов дерева в обратном порядке (постфиксное обозначение). Польская запись впервые была использована логиком Яном Лукасевичем. Чтобы человек, не знакомый с математикой, понял, о чем идет речь, рассмотрим данный процесс на конкретном примере. Например, формулу $y = 3\ln(x+1) - a / x^2$ можно представить в виде дерева таким образом:



На рисунке показано обычное (не бинарное) дерево, в котором бинарные операторы +, –, Ч, / имеют по два поддерева соответствующих им операндов. Унарный оператор ln имеет одно поддерево, а переменные и константы являются концевыми узлами. Программы для выполнения алгебраических операций можно было бы создать непосредственно на основе бинарных деревьев, то есть на основе так называемого трехадресного кода (three-address code) представления алгебраических формул. Однако на практике при использовании древовидного представления алгебраических формул применяются некоторые упрощения, поскольку обход дерева в обратном порядке выполняется проще в обычном дереве.

При обходе узлов дерева в обратном порядке, представленного на рисунке, получим:

3 *x* 1 + ln Ч *a x* 2 ^ / -

Вторым этапом можно считать непосредственно дифференцирование.

Основная идея такого алгоритма заключается в обходе дерева в обратном порядке с вычислением производной каждого посещаемого узла до тех пор, пока не будет вычислена производная всего выражения. Использование обратного порядка обхода означает, что узел оператора (например, «+») посещается после того, как будут продифференцированы его операнды. Правила взятия производной подразумевают, что рано или поздно каждая подчиненная формула будет продифференцирована, а потому дифференцирование можно выполнять в обратном порядке обхода дерева.

Единственный недостаток такого алгоритма состоит в том, что необходимо делать копии поддеревьев в отдельные переменные. На языке Object Pascal это было реализовано при помощи массивов.

Еще одна немаловажная особенность – это использование технологий синтеза речи и виртуального помощника. Речевые синтезаторы – это устройства или программы, предназначенные для воспроизведения человеческой речи. В жизни мы часто встречаемся с такими устройствами. В их число входят различные обучающие системы, телефонные информационно-справочные службы, говорящие устройства, встраиваемые в дверные замки, детские игрушки и так далее. В свою программу мы тоже хотели добавить интерактивность, но подключить просто речевой движок – этого мало. Поэтому вместе с технологией SpeechAPI мы используем технологию MSAgent – модуль для ОС Windows, реализующий анимированных персонажей, которые и будут читать текст. Персонажи MSAgent воплощают в себе идею человеческого общения пользователя с компьютером. Интерфейс MSAgent устроен таким образом, что позволяет управлять поведением анимированных персонажей, а также вводом и выводом информации. Сами персонажи отображаются в собственных прозрачных окнах, что обеспечивает максимальное удобство работы с ними на фоне других программ, запущенных на компьютере. Персонажи MS Agent обладают способностью говорить через динамики (синтез речи), распознавать команды через микрофон (распознавание речи). Совместное использование этих двух модулей позволило обеспечить:

1) понятный для обычного пользователя интерфейс;

2) использование обучающего режима в контексте с программой;

3) красивое оформление приложения.

Следует отметить, что именно эти технологии позволили реализовать нестандартную презентацию для программы, то есть они решили задачу: как во время выступления не пользоваться пакетом Microsoft PowerPoint?

В данном проекте используется речевой движок от фирмы «Digalo», носящий название «Николай», а персонаж создавался при помощи инструментов Macromedia Flash и компилировался в специальной программе Microsoft Agent Character Editor.

Совмещение современных способов оформления приложения и мощных математических алгоритмов позволяет создавать довольно изящные продукты, которые очень успешно можно использовать в образовательных целях. Ведь интерактивность добавляет в приложение ту изюминку, которой обычно не хватает многим математическим пакетам.

К. М. Маршания*

Влияние Интернет-технологии в образовательном процессе

В современном обществе проблема получения высшего образования актуальна и требует новых подходов и методов. В связи с этим, невозможно представить область человеческой деятельности, где бы не использовались информационные технологии. Данные нововведения затронули и сферу образования. Наиболее популярной технологией, внедряемой в высшие учебные заведения на сегодняшний день, является интернет-технология.

Посредством Интернета многие университеты предлагают информацию о своем вузе, различные курсы, где можно найти тексты с интересующей темой по предмету, просмотреть видеозаписи с лекциями профессоров (даже в режиме реального времени), а также сдать контрольные тесты, экзамены.

С использованием интернет-технологии в процессе получения высшего образования появились новые формы обучения, которые невозможны без квалифицированной поддержки преподавателя. Преподаватели должны не только владеть знаниями самого предмета, но и практически уметь:

- работать с информационными технологиями;
- оказывать консультативную помощь;
- обновлять содержание и структуру учебных дисциплин;
- устанавливать и поддерживать «сетевое» сотрудничество.

Преподаватели используют электронную почту для оказания поддержки студентам заочного отделения в течение семестра, для контроля работ, выполняемых студентами. Электронные публикации академиков, профессоров, доцентов широко используются студентами при подготовке докладов для участия в научных конференциях. Интернет-технология также способствует формированию уровня компетенции самих преподавателей, давая возможность постоянно обновлять и расширять свой интеллектуальный потенциал.

* ***Кристина Михайловна Маршания*** – ассистент кафедры иностранных языков Тюменского Государственного Нефтегазового Университета (г. Тюмень).

© К. М. Маршания, 2007

Следует отметить, что эффективное внедрение интернет-технологии в педагогическую практику зависит от умения применять интернет-технологии в целях:

- преподавания содержания предмета;
- поддержания связи и контактов;
- проведения научных исследований.

Опыт показывает, что внедрение интернет-технологии в процесс обучения позволяет получить образование на новом уровне – более качественном и эффективном.

*Т. Н. Сиротинская**

Информационные технологии в деятельности и повседневной жизни человека

Информационные технологии – это не только компьютеры, но и информация, технологии ее обработки, способы хранения, средства передачи. Информационные технологии включают системы распознавания данных, технологии коммуникаций, автоматизацию предприятий и другие средства и услуги. Мысли, идеи, знания – вот главные информационные процессы и технологии, которые будут оказывать влияние на деятельность и повседневную жизни человека.

Информационные технологии помогают изменять способы осуществления деятельности компаний. Происходит изменение всего процесса производства товаров и услуг, появляются новые сферы бизнеса. Под влиянием информационных технологий меняются правила конкуренции между компаниями. В конкуренции побеждает тот, у кого современная, полная и оперативная информация. Очень важно оценить не только интенсивность поступающей информации, но и выбрать на основе этой информации верную стратегию, которая поможет компании среагировать на любые изменения так, чтобы прибыль и выгода компании были максимальны. Информация помогает компаниям достигать огромного конкурентного преимущества. Главное для компании – располагать информацией о потребностях рынка в большей степени, чем конкуренты.

Информационные технологии – это мощный стимул, который помогает достичь конкурентного преимущества и контроля последовательности действий в достижении этой цели. Под влиянием информационных технологий, происходит изменение структуры отрасли, создаются товары и услуги, полностью соответствующие запросам потребителя. Внедряя информационные технологии, можно добиться снижения издержек на производство и дифференциацию компании, а также расширить границы конкуренции.

* ***Татьяна Николаевна Сиротинская*** – ведущий специалист по информационно-техническому обеспечению НОУ СПО Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

© Т. Н. Сиротинская, 2007

Успешная конкуренция на рынке обеспечивается не только наличием информации, но и ее уникальностью. Такая информация относится к категории «коммерческой тайны». Современные информационные технологии способны обеспечить конфиденциальность информации.

Чтобы информационные технологии стали максимально эффективны, необходимо осознавать и тот факт, что технологии требуют инвестиций как в программное, так и в аппаратное обеспечение. Вполне возможно, что руководству компании потребуется произвести различного рода организационные изменения, под влиянием информационных технологий.

Многие из нас пользуются сотовыми телефонами, используют в своей работе компьютер, бытовая техника становится все более интеллектуальной. Все это достигается благодаря грамотному использованию информационных технологий в производстве. Однако не все компании спешат использовать в своей работе такие технологии. Возможно, они еще не до конца осознали преимущества, с помощью которых достигается конкурентное превосходство.

Быть информированным и уметь эффективно использовать имеющуюся информацию сегодня хотят не только компании, но и любой из нас. Прежде чем принять окончательное решение, порой приходится переработать большие объемы информации, и все чаще это невозможно выполнить без привлечения специальных технических средств.

Информационные технологии представляют для человека большой интерес в плане его развития. Современное и будущее общество все больше заинтересовано в людях, которые могут самостоятельно решить разнородные возникающие проблемы. Даже в повседневной жизни необходимо обладать творческим и критическим мышлением. Жизнь заставляет людей гибко адаптироваться в меняющихся жизненных условиях. Нам всем требуется умение самостоятельно приобретать необходимые знания и умело применять их на практике для решения разнообразных возникающих проблем, искать пути рационального их решения, а главное, уметь грамотно работать с информацией.

Важнейшая составляющая информационных технологий – это люди. С момента появления Интернета любой человек, который создает, передает, распространяет и хранит знания, сам становится частью отрасли информационных технологий. Он одновременно и производитель, и потребитель. Сама жизнь заставляет человека невольно становиться создателем информационных технологий.

Люди очень быстро привыкают к новым технологиям. Они становятся неотъемлемой частью нашей жизни, и мы уже не обращаем на них внимания, но в полной мере чувствуем на себе все плюсы и минусы технологической эволюции.

Кроме положительных моментов, все изыски информационных технологий способны приносить и вред. Неграмотное использование технологий может привести к неоправданно большим затратам на их содержание и дальнейшее развитие. Очень важно научиться грамотно управлять огромными потоками информации.

Вряд ли кто-нибудь будет пытаться оспорить важность влияния информационных технологий на деятельность и жизнь человека. Главное, информационные технологии помогают нам увидеть, задуматься и решить какими мы хотим быть.

Е. Л. Шорох*

Особенности использования информационных технологий для CRM-систем

Одним из важных источников минимизации издержек и затрат предприятия и оптимизации методов ведения бизнеса, в соответствии с текущей рыночной ситуацией, являются информационные системы (ИС). **Информационная система (ИС) –** система сбора, хранения, накопления, поиска и передачи информации, применяемая в процессе управления или принятия решений. ИС включает: информационно-справочный фонд, язык обработки информации, носители информации и комплекс моделей.

В настоящее время проблема выбора информационной системы из специфической задачи превращается в стандартную процедуру. Сейчас, с увеличением конкуренции на рынке, каждое предприятие старается различными способами привлечь новых клиентов и удержать старых.

Именно на эту основу и направлена методология CRM. Предприятия разрабатывают и внедряют данные системы для того, чтобы взаимоотношения с клиентами были еще лучше, чтобы иметь как можно больше постоянных клиентов.

CRM (Customer Relationship Management) — это стратегия управления и оценки взаимоотношений с клиентами, которая предполагает, что центром всей философии бизнеса является клиент, а основными направлениями деятельности будут меры по поддержке эффективного маркетинга, продаж и обслуживания клиентов. Приложения CRM позволяют повысить эффективность управления взаимоотношениями, а также предоставляют всю необходимую для этого инфраструктуру [1].

Входной информацией для системы CRM являются, с одной стороны, данные, характеризующие клиента: история контактов

---

* ***Екатерина Леонидовна Шорох*** – студентка 5-го курса Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Е. Л. Шорох, 2007

(покупки, запросы на обслуживание, информационные запросы, жалобы и так далее), его профиль (возраст, доход, наличие детей, профессия, место проживания и прочее), история покупок (что и сколько купил, способ оплаты, наличие задолженности и так далее). А с другой стороны – данные об организации (структура продаж, параметры текущего состояния бизнеса и так далее) [2].

На выходе можно получить целый набор агрегированных данных и показателей, а также новые знания и выводы – всё то, что может быть использовано для оптимизации работы компании в целом и ее отдельных работников в частности.

Три составляющие CRM:

Клиент – это единственный источник, приносящий компании прибыль и уверенность в дальнейшем развитии. CRM здесь выступит тем самым катализатором, который сможет выстроить маркетинговую концепцию компании, основываясь на реальной клиентской информации.

Взаимоотношения – система отношений между компанией и ее клиентами, подразумевающая продолжительную по времени двунаправленную систему коммуникаций и взаимодействия. К примеру, модель поведения при покупке авиабилета может зависеть от цели его приобретения (для поездки в отпуск всей семьей или с целью поездки в командировку). CRM должен направить эти взаимоотношения на путь прибыльности и взаимной выгоды. Оценка продолжительности клиентских взаимоотношений – понятие, одновременно являющееся и контрольным инструментом для измерения этих взаимоотношений.

Управление – полученная о клиенте информация, аккумулируемая в систему знаний компании, которая, в свою очередь, оказывает стимулирующее воздействие на маркетинг и информационные возможности компании. В свою очередь CRM потребует внесения изменений в организационную структуру и личностные отношения внутри компании [3].

Программные решения, направленные на совершенствование управленческих процессов, как правило, включают следующие модули:

- территориальные подразделения;
- систему оформления заказов и выставление счетов в режиме on-line;
- электронные каталоги и управление ими;
- аналитический и маркетинговый программные модули.

Преимущества CRM-концепции, выражаемые в материальных результатах, можно охарактеризовать следующим образом:

- в результате роста чувства удовлетворенности у клиента увеличивается и размер выручки у поставщика;
- снижаются расходы на обслуживание продаж;
- снижаются расходы на клиентское обслуживание [4].

Тактические приемы применения CRM-концепции:

- повышение чувства удовлетворения у клиента через оптимизацию процедуры продажи;
- снижение расходов на сопровождение продаж и дистрибуцию посредствам грамотной рекламной компании, в том числе через Интернет;
- снижение расходов на клиентское сопровождение за счет повышения квалификации сотрудников отделов обслуживания и автоматизации call-центра.

Тенденции развития российского рынка CRM-решений

Решения класса CRM становятся все более популярными на российском рынке, так как позволяют реализовать одну из наиболее эффективных маркетинговых концепций – автоматизировать управление взаимоотношениями с клиентами. Внедрение такой концепции, которую правильнее было бы назвать идеологией работы с рынком, в целом направлено на повышение долгосрочной устойчивости компании за счет улучшения качества работы с клиентами и, как следствие, усиления лояльности клиентов и их долгосрочной стоимости для компании. Под долгосрочной стоимостью традиционно понимается сумма денег, которую клиент готов заплатить за товары и услуги компании, за все время, в течение которого он является ее клиентом.

Говоря об особенностях сегодняшней ситуации на этом рынке, можно отметить значительный рост бюджетов, выделяемых заказчиками на CRM-проекты. Но говорить о долях, которые занимают на российском рынке различные CRM-вендоры, достаточно сложно, так как отсутствуют объективные аналитические исследования при обилии «заказных».

Говоря о динамике развития бизнеса различных CRM-игроков на российском рынке, ожидают, что в 2007 году наибольшего роста достигнет от Microsoft (продукт Microsoft CRM). Microsoft CRM – относительно молодой продукт, его продвижение в России идет мощными темпами. Сегодня продукт работает в России – как в небольших компаниях, так и в организациях, где его используют

10 тыс. пользователей. Следом за ним идет компания Oracle с продуктом Oracle Siebel CRM. В России насчитывается несколько десятков клиентов, использующих данный программный продукт. В основном это банки и страховые компании. В числе заказчиков также – фармацевтические компании и российские представительства западных клиентов Oracle Siebel CRM [5].

Сегодняшняя ситуация такова, что, несмотря как на положительные отклики на CRM-концепцию, так и на голоса против, практика управления клиентских взаимоотношений продолжает свое развитие в поле рыночной экономики.

Литература

1. *Bob Thompson*. Словарь терминов [Электрон. ресурс] / Bob Thompson. – 2000. – Режим доступа: http:// www.frontlinehg.com.

2. *Соломатин Е.* Как вытащить рыбку из пруда / Е. Соломатин, А. Драница // Компьютерра. 2004. № 476. С. 7–15.

3. *Воронин Б.* CRM – новая стратегия со старыми принципами / Б. Воронин // Технологии CRM. – 2004 – Электрон. версия печ. публикации.

4. *Bob Thompson.* CRM isn't sitting still [Электрон. ресурс] / Howlett, Dennis // 1999. – Электрон. версия печ. публикации.

5. Информация с сайта http://www.cnews.ru/

Е. Ю. Щербина*

Влияние информационно-технологической революции на модель современного специалиста

Для развития человеческого общества необходимы материальные, инструментальные, энергетические и информационные ресурсы. Настоящее время – это период, характеризующийся небывалым ростом объема информационных потоков. Это относится как к экономике, так и к повседневной жизни человека. В последние десятилетия говорят о переходе от «индустриального общества» к «обществу информационному». Происходит смена способов производства, мировоззрения людей, межгосударственных отношений. Все чаще используются такие понятия, как «информация», «информатизация», «информационные технологии», «информационно-технологическая революция».

Принципиальное отличие информационно-технологической революции от ее исторических предшественников состоит в том, что если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно захватывают все пространство. По мнению М. Кастельса, это означает «немедленное применение к своему собственному развитию технологий, которые технологическая революция создает, связывая мир через информационную технологию».

Современные технологии обладают важным свойством: они существенно повышают роль человека в производственном процессе, так как возрастает значение творческого, научного и информационно-емкого труда. Возрастает масштаб издержек в результате неправильных действий работника, увеличивается «цена ошибки».

---

* ***Елена Юрьевна Щербина*** – зам. декана факультета компьютерных технологий Гуманитарных университет (г. Екатеринбург).

© Е. Ю. Щербина, 2007

Возникает вопрос о ключевых личностных качествах работников в информационных технологиях, в том числе в глобальной информационной экономике:

• готовности и подготовленности к инновационной деятельности;

• подготовленности к обработке и оценке информации как постоянной составляющей трудовой деятельности;

• инициативности;

• включенности в систему непрерывного образования и повышения квалификации;

• профессиональной и квалификационной подвижности;

• компетентности как степени выраженности присущего человеку профессионального опыта в рамках компетенции конкретной должности.

Потребность в использовании информационных технологий в профессиональной деятельности и развитие перечисленных личностных качеств могут быть развиты в процессе преодоления противоречия между желанием применить уже усвоенные методы и приемы деятельности и необходимостью постоянно находить новые способы, методы и приемы решения профессиональных задач с использованием информационных технологий.

Изучение литературы и опыта работы вузов показало, что, несмотря на многочисленные исследования проблемы информатизации образования, действующая система профессионального образования не обеспечивает сегодня формирования у будущих специалистов необходимого уровня компетенции, позволяющего использовать информационные технологии в будущей профессиональной деятельности. В связи с этим возникает необходимость поиска оптимальных путей совершенствования работы вуза в этом направлении, в т. ч. и разработки модели будущего специалиста. Особенность современного социального заказа состоит в том, что он понимается не в узком смысле, как комплекс директивных указаний, а как совокупность общественных и личностных потребностей.

Один из вариантов построения модели специалиста предусматривает использование так называемого компетентностного подхода. В его основе лежит понятие качества образования, являющегося характеристикой содержания. Результат профессиональной подготовки может быть описан с помощью понятия «профессиональная компетентность». Под ней понимается интегральная характеристика, определяющая способность специалиста решать профессиональные проблемы и задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта. Применительно к обучению студентов предметам, связанным с информационными технологиями, учитывая их быстрое развитие и короткие сроки сменяемости поколений технических средств и программного обеспечения, построение деятельностной модели специалиста оказывается весьма затруднительным. При компетентностном подходе содержание образования должно рассматриваться в контексте возможностей оказывать влияние на качество осведомленности, знаний, опыта и умения. Как отмечает Н. С. Веселовская, «компетентностный подход – это подход, при котором результаты образования признаются за пределами системы образования». Компетенции определяют то, что надо освоить, а компетентность – меру освоения компетенции. Компетентность используется в виде характеристики, определяющей меру освоения той или иной компетенции студентом.

К сожалению, применительно к экономическим специальностям разработка профессиональных компетентностей не проводилась, но, учитывая влияние информационно-технологической революции на модель современного выпускника вуза, можно рассматривать подготовку в области информационных технологий как необходимую составляющую фундаментальной и специальной подготовки.

Идеальным продуктом современного образования должен стать компетентный специалист в области информационных технологий, независимо от приобретенной специальности.

Литература

1. *Веселовская Н. С.* Компетентностный подход в образовании – основа подготовки высококвалифицированного специалиста / Образовательный портал Auditorium.ru.

2. *Макарова Н. В., Степанова А. Г.* Информатика в системе непрерывного образования. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2005.

3. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Раздел шестой

Современная одежда между идеалами и повседневностью: проблемы проектной культуры нового века

*О. А. Бакеркина**

Избыток предложений рынка моды и дефицит независимых специалистов

«По одежке встречают» – эта истина в настоящее время выходит на первое место в общении и самоутверждении человека в обществе. Этой ситуацией умело пользуется индустрия моды. Средства массовой информации – телевидение, пресса, а также произведения киноискусства – умело формируют некий идеальный образ внешнего вида человека, обитающего в той или иной социальной среде. Нельзя не учитывать и серьезную психологическую зависимость людей от рекламы.

Все новые и новые торговые центры, открывающиеся не только в мегаполисах, но и за их пределами, предлагают огромное количество разнообразных товаров, позволяющих создавать внешний образ человека и среду его обитания.

Не нужно забывать, что телепередачи, освещающие достижения вещевого рынка, модные глянцевые журналы, кишащие информацией о направлениях моды, являются, как правило, коммерческими и, следовательно, преследуют цель увеличения продаж освещаемой продукции, с учетом менталитета и покупательной способности населения, на которое направлена информация.

Налицо несоответствие между потребностью личности в создании собственного комфортного внешнего имиджа, соответствующего занимаемой общественной ступени, внутреннему психологическому типу индивида и желанием «модного бизнеса» получить наибольшую выгоду от реализации выпускаемой модной продукции и услуг, через создание искусственного, идеального визуального образа.

Особенно сильно это противоречие заметно в России, в силу исторически сложившегося стремления внедрять все новое революционным путем. Первый решающий шаг на этом поприще сделал еще Петр I, насильственно внедрив европейские правила этикета в поведении и в одежде в быт России, без учета развития общества на тот момент, национальных традиций и генной памяти.

* ***Оксана Артуровна Бакеркина*** – ст. преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© О. А. Бакеркина, 2007

После Октябрьской революции была попытка вообще устранить правила этикета и культуры одежды за ненадобностью, так как человек рассматривался лишь в качестве производителя общественных благ, зачастую недоступных ему самому. Лозунг «не выделяться» за семьдесят лет прочно укоренился в обществе.

Следующий революционный этап, потрясший сознание культурно ослабленного российского обывателя, – «перестройка». На Россию хлынуло такое количество информации извне, ранее закрытой для обывателя, в том числе и информации о достижениях модной индустрии, что многие существующие догмы перевернулись с ног на голову.

При этом понятия культуры поведения и культуры одежды, которые на Западе внедряются в сознание уже на раннем этапе развития и воспитания человека, в России настолько слаборазвиты, что обычный потребитель «съедал» информационный или рекламный образ, не задумываясь об индивидуальности, примеряя его на себя буквально. Очень часто это выглядит нелепо.

Нельзя не учитывать и то, что российский потребитель, в силу отсутствия опыта и образования в сфере моды, часто не способен оценить и качество предлагаемого товара, из-за чего рынок заполнился далеко не лучшей, а часто пиратской, подпольной продукцией. Деятельность консультантов и стилистов торговых центров, бутиков и стильных салонов направлена прежде всего на продвижение и рекламу, способствующую реализации товара тех фирм, оборот которых оплачивает их труд. Следовательно, их рекомендации не могут считаться независимыми и направленными на благо индивидуального потребителя. Кроме того, эти специалисты, как правило, обладают поверхностными знаниями в вопросах стиля и имиджа, ограничиваясь лишь заучиванием рекламной информации той продукции, на реализацию которой направлена их деятельность.

Слава Богу, позади те времена, когда посещение культурно-массовых мероприятий предполагало наличие в гардеробе костюма «ADIDAS». Российский потребитель, как всегда «через тернии к звездам», прорвался через информационную пену и сознательно готов к потреблению знаний о формировании индивидуального образа, помогающего самоутверждению в обществе и достижению поставленных целей.

Если рассматривать Екатеринбург, то опыт показывает, что население практически всех слоев общества испытывает потребность в получении квалифицированной помощи в подборе гардероба, выборе стиля, создании имиджа, изменении образа и т. д., что создает, на мой взгляд, благоприятные предпосылки для возникновения независимых консультационных центров по вопросам моды.

Такой центр вполне может быть организован на базе высшей школы, готовящей специалистов в сфере дизайна одежды, так как налицо система подготовки квалифицированных кадров и имеются специалисты, обладающие не только знаниями в сфере модной промышленности, но и знаниями индивидуальных особенностей строения человеческого тела и способами приведения их к гармонии «золотого сечения» – путем создания внешней оболочки, одежды. Просветить потребителя в вопросах культуры, этикета, психологии поведения и общения не только внутри коллектива, но и за пределами России могут специалисты смежных гуманитарных профессий.

И. В. Баранова*

Экология проектирования и экология производства современной одежды

В семидесятых годах XX века, когда впервые заговорили о реальной угрозе экологической катастрофы, появился «экологический подход» в проектировании, ставший откликом на негативные последствия технической революции. В конце 1970-х гг. появился «экологический стиль» в проектировании одежды.

Одной из причин экологического кризиса является неумеренное потребление «цивилизованного» человека. Это отчасти провоцируется модой, ориентирующей проектирование на создание одежды с заведомо быстрыми сроками физического и морального старения. Потребителя побуждают тратить деньги на приобретение все новой и новой «более совершенной» одежды. Однако бесконечный рост потребления невозможен, поскольку есть «пределы роста». Необходима новая система ценностей, которая бы ориентировала на превосходство качества жизни над количеством потребляемых благ.

Кто сегодня не слышал слово «экология»? Оно звучит с телеэкранов, не сходит со страниц газет и журналов, мы говорим об экологии дома и на улице. Рассмотрим точку приложения экологии в человеческой деятельности в сфере проектирования одежды.

Планетная система Земли включает в себя три взаимодействующие части. Центр этой системы – человек, который является частью природы, но живет он в обществе, строит производственные отношения, преобразует материальный мир за счет переработки сырьевых ресурсов в готовый продукт. Так появляется искусственный мир (мир, не свойственный природе) – техносфера, которая включает в себя и одежду.

Технологическая среда оказывает не только положительное, но и отрицательное воздействие на естественную природу, человека

* ***Ирина Васильевна Баранова*** – студентка 6-го курса з/о ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© И. В. Баранова, 2007

и общество. К техногенным опасностям относятся: радиация, ядерные излучения, вибрация, шум, вредные примеси и многое другое. Темпы развития техники и технологий опережали становление технологического мышления и этики. В результате мир и человек оказались на грани экологической катастрофы.

Важной проблемой современного общества является формирование экологического сознания. Оно связано, прежде всего, с изменением сознания и отношения человека к миру, признанием главенства экологических ценностей, поддержанием экологического равновесия и охраной природы, развитием творческого потенциала.

Все эти процессы не могли не отразиться в общих концепциях проектирования, в том числе и одежды.

Одним из направлений экологического дизайна в одежде становится ориентация на многофункциональность, которая выражается в универсальности одежды, предусматривающей минимальный гардероб. Проектирование многофункциональной одежды – это создание универсального стиля, который, будучи научно обоснованным, целесообразным и гармоничным, был бы способен удовлетворить утилитарные и эстетические потребности людей. Универсальная одежда может заменить собой множество других. Большие возможности для создания такой одежды дает эклектизм современной моды, использование многообразия стилей, форм и образов, которые способствуют различному комбинированию элементов костюма, новым сочетаниям, соединению в костюме традиции и новаторства.

От экологизации потребления зависит экологизация производства. Это направление решает проблемы, связанные с технологическими процессами изготовления одежды, которые касаются экономии природных ресурсов, новыми технологиями, повторным использованием сырья. В проектировании эта проблема решается путем отказа от синтетических материалов, которые негативно влияют на здоровье человека, вызывая дискомфорт из-за неспособности обеспечить заданные характеристики пододежного микроклимата. Наблюдается возврат к традиционным натуральным материалам с прекрасными гигиеническими качествами, гарантирующими комфорт и экологичность в эксплуатации (хлопок, лен, шерсть, шелк). Появилось совершенно новое поколение материалов с удивительными свойствами, которые дали проектировщикам уникальные идеи для создания «звучащей» одежды, одежды, реагирующей на изменения температуры или освещенности.

Решению экологических проблем способствует и развитие мелкосерийного производства, поскольку именно при таком способе производства можно учесть потребности небольших групп людей. Дело в том, что дифференциация проектирования, ориентированного на малую группу, будет более экологичной, чем единообразие массового производства, при котором избыточность неизбежна.

Экологическая тема может проявлять себя самым неожиданным способом, иногда в виде протеста, вызова, с помощью которого дизайнеры пытаются акцентировать внимание общества на проблеме экологического кризиса. Так появилось направление «Мусорный дизайн». В качестве примера можно привести коллекции «Гринпис», представляющие одежду из использованных упаковок, бутылочных пробок, банок из-под напитков, пластиковых бутылок, полиэтиленовых пакетов, старых газет, коробок из-под стирального порошка, текстильный лоскут.

Таким образом, проблемы экологии проектирования и производства одежды могут решаться на путях:

- ограничения потребления путем проектирования многофункциональной одежды;
- ориентации на экологически чистые материалы;
- разработки и использования безвредных и безотходных технологий в производстве одежды;
- развития мелкосерийного производства, способного учитывать многообразие потребностей и производить то, что действительно необходимо.

Ф. Г. Васюк*

Особенности проектирования современной одежды экологической направленности

В проектировании современного костюма сегодня актуальна проблема связи человека, природы, одежды. Мода – явление социальное, в ней, как в капле воды, отражаются все особенности современной жизни и настроение в обществе. Мода выступает как сторона культурно-исторической жизни, а также как механизм самовыражения отдельного человека. Возникает интерес к особенностям формирования стиля в образной структуре моды. Возникает вопрос об экологичности и психологичности моды, что предполагает новый взгляд на проектирование одежды. Одежда должна быть комфортна не только эргономически, но и психологически. Экологичность диктует новые отношения к материалам, а пробудившееся экологическое сознание творит чудеса в проектировании одежды. Традиционная мода переплетается с местной экзотикой и фольклором и дает возможность дизайнерам экспериментировать с формами, цветом, рисунками, почерпнутыми из разных культур, интерпретируя их по-новому и создавая из них новые вариации, что говорит о высокой проектной культуре современного дизайна одежды.

Переплетаются черты индийской одежды, арабской, испанской, южно-американской, среднеазиатской, одежды Японии и Китая. Российские идеи всегда будоражат дизайнеров. Новый этностиль – это мультикультурная тенденция с неограниченными возможностями. Природные, натуральные волокна снова на пике моды: лен, хлопок, ткани из конопли и рами (китайской крапивы) пользуются большой популярностью.

В оформлении тканей преобладает этнический декор и ностальгические воспоминания о детстве. Самые популярные летние рисунки – деревенские цветочки, бабочки, насекомые. Новые современные технологии, дающие возможность производить искусственные волокна из бамбука, соевых бобов, вытесняют с рынка ткани из химических волокон.

* ***Фаина Григорьевна Васюк*** – доцент кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Ф. Г. Васюк, 2007

Народное творчество всегда было настоящей кладовой идей для дизайнеров по костюму. Народный костюм является неиссякаемым источником, способствующим обогащению современного костюма.

В проектировании современной одежды большое значение имеет функциональность. Это требование является одним из условий создания грамотного, продуманного гардероба.

Функциональность одежды выдвигает ряд эксплуатационных требований, связанных с безопасностью использования одежды, гигиеническими и эргономическими нормами.

Эргономика служит взаимодействию между костюмами и человеком, утверждая принципы удобства, легкости в обращении и эксплуатации костюма.

Гигиенические требования предполагают защиту от воздействий окружающей среды.

Все эти условия тесно переплетаются, когда речь идет о современной проектной культуре в области костюма.

Одежда должна быть не только эргономична, но и психологически комфортна. Ношение одежды превращается в творческий процесс. Поэтому возникает интерес к трансформации, создающей то или иное настроение. Диффузный стиль, индивидуальность, стремление к творчеству, вызов стандартам – определяющие черты сегодняшнего потребителя. Дизайнер не диктует сегодня, а реагирует на влияние «улицы», черпая идеи из окружающего мира, общения с людьми, из разнообразных видов искусства, событий, происходящих ежедневно.

Е. Ю. Жарникова*

Анализ методик оценки конкурентоспособности швейных изделий

Для швейного предприятия оценка конкурентоспособности его товаров – задача первостепенной важности, так как в конечном счете цель любой коммерческой организации – это получение прибыли, а обеспечить высокий уровень прибыльности можно лишь за счет стабильных и эффективных продаж. Стабильность и эффективность продаж достигается всем комплексом маркетинговой деятельности – и хорошей рекламой, и налаженной работой с точками сбыта, и гибкой системой цен, но центральное место в этой системе занимает все же ***конкурентоспособный товар.***

Можно ли заранее оценить, насколько желаемой окажется продукция предприятия, как ее примут потребители? Для того чтобы ответить на этот вопрос, пришлось, прежде всего, задуматься о содержании понятия конкурентоспособности. В связи с этим было рассмотрено несколько общих методик оценки конкурентоспособности, предложенных отечественными и зарубежными исследователями. Большинство из них основано на том или ином способе предварительной оценки производителем проектируемого товара по некоей балльной шкале, выбираемой в зависимости от конкретной задачи. При этом заметим, что многие авторы неявно отождествляют ***качество*** товара и его ***конкурентоспособность***, что совершенно неправильно. Дело в том, что в отличие от цвета, размера, веса или запаха, – конкурентоспособность не является неотъемлемой и постоянной во времени характеристикой товара. Конкурентоспособность – это комплексная характеристика товарного продукта, определяющая его способность быть выбранным ***потребителем*** из ряда продаваемых продуктов-аналогов и обеспечить производителю ожидаемую выгоду.

* ***Елена Юрьевна Жарникова*** – директор ООО «Технология плюс» (г. Екатеринбург).

© Е. Ю. Жарникова, 2007

Отметим наиболее важные отличия понятий ***конкурентоспособности товара*** и ***качества продукции.***

Качество	Конкурентоспособность
1. Формируется	
производителем	рынком
2. Проявляется	
при потреблении, использовании	при продаже
3. Сравнивается	
только у однородных товаров (юбка ↔ юбка)	может у разнородных (юбка ↔ брюки)
4. Определяется	
нормативно	запросами потребителя
5. Во времени	
не меняется	зависит от того, когда товар выведен на рынок

Можно утверждать, что для потребителя качество является обязательной характеристикой, но недостаточной для принятия решения о приобретении товара. Другими словами, конкурентоспособность определяется не просто отличным качеством товара, а его привлекательностью для клиента. Поэтому мы считаем, что любая методика оценки производителем конкурентоспособности проектируемого товара должна основываться, прежде всего, на тщательном анализе выбранного целевого сегмента рынка – на изучении поведения целевого потребителя, его потребностей, ценностей, механизмов принятия решения о покупке и т. д.

Экономическая практика, однако, уже давно показала, что потребители на рынке не выступают единым целым – они по-разному реагируют даже на один и тот же товар с одними и теми же свойствами, и объясняется это, в первую очередь, специфическими чертами рынка. Они существенны для построения прогнозных оценок конкурентоспособности швейных изделий. Прежде всего, это рынок массовый с точки зрения количества потребителей, ведь одежду носит и покупает множество людей. Эта черта важна для нас бесконечным разнообразием индивидуальных потребностей.

Кроме того, он массовый и с точки зрения количества производителей. Даже если не брать в расчет индпошив, включая и сети ателье, и тех, кто шьет на дому, – при всем при этом количество фирм, шьющих «массовку», очень и очень велико. Это говорит о бесконечном разнообразии предложения швейной продукции, отличающейся используемыми конструкциями, модельными особенностями, материалом, фурнитурой, технологией и качеством исполнения.

На рынок одежды большое влияние оказывает быстрая информационная проницаемость современного мира. Свежие веяния мира высокой моды приходят к потребителю с экранов телевизора быстрее, чем ежемесячный модный журнал. А это приводит к тому, что производитель, желающий «ухватить» модную тенденцию, должен реагировать на ее появление и исчезновение практически мгновенно.

Современная мода перестала быть занятием кутюрье-одиночек из европейских столиц. Ее лицо формируют десятки и сотни профессионалов разных стран, национальностей, возрастов и вероисповеданий. А это ведет к одновременному существованию множества направлений, течений, стилей в современной моде. Отсюда – принципиальная невозможность придумать одежду «для всех» и закономерный уход швейной промышленности в мелкосерийное производство.

Следуя потребностям покупателя, рынок одежды можно разбить на крупные сегменты в соответствии с ее функциональным назначением: рабочая, форменная, бельевая, спортивная группы одежды, одежда для повседневной носки, нарядная одежда и т. д.

В первых трех сегментах мы видим сравнительно ограниченное разнообразие, так как функциональность определяет выбор материалов, покроя, цвета. И это хорошо: ведь потребитель руководствуется здесь при выборе прежде всего рациональными, а значит, прогнозируемыми и предсказуемыми мотивами. Таким образом, конкурентоспособность швейных изделий в этих сегментах сравнительно легко просчитывается по любой из приведенных методик.

Сегменты повседневной и нарядной одежды существенно иные. Функциональность здесь отступает на второй план, а на передний выдвигается задача выражения индивидуальности человека. В этом случае требуется дальнейшая сегментация, где следует применять прежде всего демографические переменные: возраст, род занятий, затем – доход. Из значимых психографических переменных можно выделить две группы факторов: первая связана с воспитанием и заложенным с детства представлением о вкусе, вторая – с психологией человека и его представлением о себе. Из поведенческих факторов можно выделить привязанность клиентов к одной товарной марке (т. е. статус постоянного клиента) и степень консерватизма или новаторства, импульсивность при покупке.

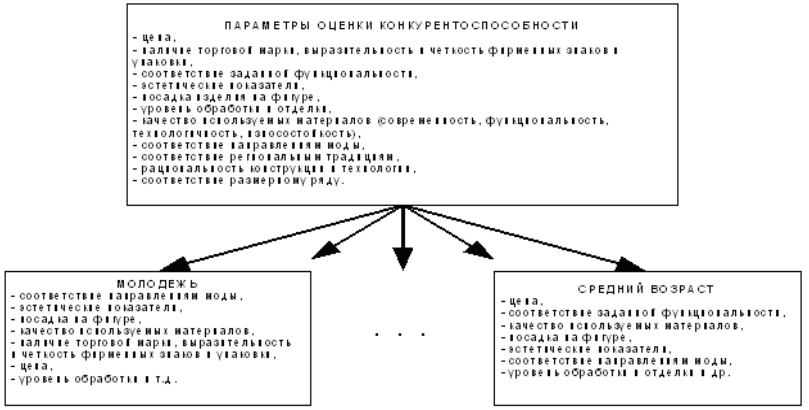
Проведенное таким образом сегментирование и анализ ассортиментного спроса на каждом сегменте выявил объективные показатели существенных характеристик конкурентоспособности швейной продукции.

Кроме того, интересными были формально обобщенные результаты социологического опроса, проведенного по методике «фокус-группы», которые определили ряд установок, мотивирующих выбор. Одежда должна: 1) выглядеть «дорого» (отсюда пристрастие к логотипам, люрексу, ярким блестящим аксессуарам, дорогим материалам), 2) быть универсальной, «и в пир, и в мир», отсюда непреходящая любовь к классической деловой и джинсовой одежде, 3) быть натуральной, но чаще это декларативно, так как побеждает идея практичности, 4) быть практичной, что определяют и материалы, и ассортимент, и степень «модности», 5) быть качественной в смысле прочности материала, обработки швов и аксессуаров, 6) сочетаться с другими предметами гардероба, так как россияне обычно не склонны обновлять свой гардероб полностью, отсюда скептическое отношение к маркам с ярко выраженным индивидуальным стилем, 7) не быть экстравагантной, отсюда неприятие вещей, которые «еще никто не носит», 8) подчеркивать половую принадлежность (яркий тому пример – популярность костюмов «Том Клайм»).

Но что же все-таки важнее для наших женщин?

При применении общих методик оценки конкурентоспособности, после проведенного анализа целевого сегмента должна составляться ранжированная система показателей с весовыми коэффициентами для каждого из них. Значения коэффициентов должны быть выставлены эмпирически и «отлажены» на характерных товарах, уже производившихся и продававшихся фирмой и ее конкурентами.

Построенная таким образом система показателей может быть применена к проектируемым товарам. Полученные результаты должны лечь в основу маркетинговых решений о позиционировании и размещении товаров.



Математические модели, по которым проводятся оценки, во всех методиках схожи и, как правило, представляют собой расчет суммарного балла, выставленного в соответствии с разработанной ранжированной шкалой критериев.

Полученные в результате исследований знания о возможностях и предпочтениях потребителя позволили разработать такую шкалу для своего целевого покупателя.

№ п/п	Показатель	Весовой коэффициент	
		сегмент умеренной цены	сегмент средней цены
1	Цена	10	8
2	Наличие торговой марки, фирменные знаки и упаковка	7	6
3	Функциональность	9	10
4	Эстетические показатели	8	9
5	Посадка изделия на фигуре	5	6
6	Качество обработки и отделки	5	5
7	Качество используемых материалов	3	7
8	Соответствие направлениям моды	4	5
9	Соответствие региональным традициям	5	2
10	Рациональность конструкции и технологии	2	3
11	Соответствие размерному ряду	1	1

Проведено практическое исследование, в ходе которого по модели Розенберга рассчитана итоговая оценка по четырем конкретным изделиям, производимым нашим предприятием, и при этом выполнен расчет для двух сегментов рынка – для сегмента ***средней цены*** и для сегмента ***умеренной цены***.

На основании полученных данных было принято решение о позиционировании наших изделий для определенного покупателя и размещении их для продажи в магазинах соответствующего уровня. По окончании сезона практика показала, что позиционирование и размещение товара в соответствии с выданными рекомендациями дало положительные результаты и товар был успешно продан.

Несмотря на то что результаты расчетов дали конкретную цифру итогового балла, к сожалению, ее нельзя использовать для численных прогнозов по объемам продаж, так как там нет функциональной зависимости. На основе подобных расчетов можно строить только сравнительные оценки и принимать рациональные решения о выборе ценовой ниши и размещении товаров.

Учитывая большое многообразие личных потребностей в сегментах повседневной и нарядной одежды и большое влияние моды,

мы пришли к осознанию принципиальной невозможности и практической бесполезности оценки конкурентоспособности отдельно выбранного швейного изделия, так как необходимо постоянно учитывать множество быстро меняющихся факторов.

Этот «печальный» вывод, однако, не должен обескураживать. Дело в том, что конкурентоспособность на рынке повседневной и нарядной одежды является уже в большей степени не характеристикой конкретного товара, а скорее характеристикой производителя и его торговой марки. Конкурентоспособность здесь невозможно «запланировать» тщательной разработкой продукта, она формируется ежедневной и скрупулезной работой производителя в области маркетинга.

Рассмотренные в работе теоретические аспекты оценки конкурентоспособности и разработанные параметры анализа швейной продукции могут быть применимы к ***тактическим прогнозным*** оценкам конкурентоспособности женской одежды. А эффективное управление конкурентоспособностью требует более масштабных маркетинговых мероприятий.

Т. В. Захарова, Л. В. Лухтан***

К вопросу о проектной культуре модельера-конструктора

Проектная культура модельера-конструктора определяется умением адекватно оценивать предлагаемые методики конструирования, проводить сопоставительный анализ имеющихся приемов конструктивного моделирования одежды, выбирать оптимальные методы и самостоятельно разрабатывать новые методики. При этом подразумевается широкое использование знаний и умений инженерной графики, начертательной геометрии, антропологии, математики, инженерных методов проектирования, компьютерных технологий в сочетании с САПР и пр.

На современном этапе развития индустрии моды существует несколько проблем.

Одна из них заключается в несоответствии потребностей рынка одежды возможностям формирующихся в России специалистов. Мы сравнительно хорошо готовим специалистов для промышленности. Однако уже сейчас возник определенный слой потребителей, которых не всегда удовлетворяют даже хорошо выполненные промышленные изделия.

Следующая проблема: модельеры, как правило, разрабатывают одежду для молодежи, а покупать дорогую и стильную одежду может состоятельный человек среднего возраста. Однако и этот потребитель далеко не всегда понимает, что эксклюзивная одежда стоит значительно дороже.

И, наконец, сегодня наблюдается несоответствие между свободой выбора стиля и культурой восприятия одежды, между разнообразными предложениями модельеров и консерватизмом потребителя, который не умеет быстро реагировать на их новые идеи.

* ***Татьяна Васильевна Захарова*** – д-р хим. наук, профессор кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** ***Лия Вадимовна Лухтан*** – ст. преподаватель кафедры дизайна одежды и прически РГППУ (г. Екатеринбург).

© Т. В. Захарова, Л. В. Лухтан, 2007

Совершенно очевидно, что назрела необходимость в подготовке интегрированного специалиста, который может успешно работать как в высокой моде и промышленности, так и с индивидуальными заказчиками.

Если мы научим студента при моделировании и конструировании одежды пользоваться только теми сведениями, которые описаны в учебной литературе, то молодому специалисту потребуется немало времени, чтобы самому методом проб и ошибок выйти на умения более высокого уровня. Поэтому целесообразно при его подготовке по конструктивному моделированию одежды использовать не только традиционные методы, но и информацию, появляющуюся в периодической печати, а самое главное – научить анализировать ее и самостоятельно принимать решения.

Существует множество разных методик конструирования. В каждой из них автор предлагает свою последовательность построения, свои формулы для расчетов, свои принципы распределения прибавок *без обоснования этих рекомендаций*. Специалист в конструировании одежды, владеющий несколькими методиками, в своей повседневной практике часто создает свою собственную, беря из известных методик то, что соответствует его видению конструкции: он может заложить свои прибавки, распределить прибавки в другом соотношении, уменьшить или увеличить количество снимаемых мерок и т. д.

Однако далеко не каждый начинающий конструктор владеет конструированием на таком высоком уровне. Поэтому при подготовке специалистов современной формации надо обучить их обоснованно принимать конструкторские решения.

В традиционной промышленной практике при создании эталона-образца, как правило, выполняют три примерки. Почему? Потому что в применяемых методиках конструктивного моделирования, с нашей точки зрения, учтены не все факторы, отражающие особенности даже стандартной фигуры. При проектировании же индивидуального изделия этих неучтенных факторов еще больше. Существующие методики дают общий принцип создания модельных конструкций без конкретных размерных рекомендаций. И это правильно. Однако насколько точно будет выполнена модельная конструкция на конкретное изделие, зависит от умения видеть эти факторы. Если бы то, о чем мы говорим, можно было описать словами и размерами, это было бы сделано давно. А опытный конструктор на основе опыта, знаний и, что немаловажно, интуиции

может столь точно рассчитать модельную конструкцию, что сложнейшее изделие «сядет» сразу, без примерки. Стать конструктором-асом, может быть, даже сложнее, чем признанным дизайнером.

В профессиональной деятельности задача модельера-конструктора заключается, как правило, в претворении замыслов (т. е. «идеалов»), как своих, так и кутюрье, в одежду повседневного спроса. Поэтому необходимо научить модельеров-конструкторов «работать с подиумными изделиями» как можно раньше.

Каждый этап в моде предлагает не только новый модный образ и манеру носить одежду, но и новые приемы создания его: материалы, технологию изготовления и, конечно, модельные конструкции. Сегодня, например, все больше появляется одежды, которая по разным причинам имеет нетрадиционно малое количество швов. Для этого есть несколько причин. Например, при проектировании одежды из тканей в полоску, клетку необходимо по замыслу художника изменить направление рисунка за счет складок или драпировок. Роскошно-широкие юбки часто выполняются без швов на основе конической формы. Или: центром композиции изделия является эксклюзивный рисунок. Целесообразно использовать как можно меньше швов при проектировании изделий из трикотажных полотен. И так далее. Такие изделия заставляют вносить изменения технологической последовательности их сборки.

Конструктивное моделирование, предназначенное для создания более точной формы, является особенно актуальным сегодня, когда в моду вновь вошла одежда прилегающего силуэта. Известно, что в 80-х годах прошлого столетия была модной «свободная» одежда, поэтому при конструировании такой одежды отпала, например, необходимость в плечевой вытачке. Сегодня, при появлении одежды полуприлегающего и прилегающего силуэта, все вытачки давно уже «вернулись на свои места». Однако многие до сих пор разрабатывают конструкцию спинки по старым методикам, что приводит к появлению «набегания» ткани на спинке под горловиной.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что традиционные знания не всегда быстро приводят к желаемому результату, поэтому необходимо использовать не только традиционные подходы к созданию современных модельных конструкций.

Предлагаемая нами методика основана на том, что студент учится создавать модельные конструкции изделий признанных мастеров моды, представленных на показах в Париже, Лондоне, Милане, Нью-Йорке и Москве. Сегодня самые последние тенденции

моды приходят в Россию без опозданий, буквально на следующий день после их показа на ведущих подиумах мира.

Зачем этим надо заниматься? Хорошо известно, что технологический процесс создания коллекции ведущими модельерами мира оберегается мастерами, как один из самых важных коммерческих секретов, и поэтому вряд ли мы можем с уверенностью судить о том, как именно они создают свои шедевры. Лишь немногие модельеры делятся своим секретами» и, как правило, раскрывают их спустя много лет после появления коллекции на подиуме. А мы хотим быстро войти в моду, поэтому должны найти решение сами, проявить догадку в работе.

Поставленная задача решается в следующей последовательности:

• Выполняется технический рисунок выбранной модели.

• На основе базовой конструкции наносятся модельные линии, которые все изделие разбивают на самые простые, хорошо известные элементы.

• Модельная конструкция каждого элемента разрабатывается отдельно. Обосновывается выбор величин всех элементов этой конструкции. Например, сегодня на подиуме много изделий с завышенной талией. Реализация такой конструкции одежды требует изменить по линии подреза размер нижней вытачки. Можно пойти по традиционной методике: самый большой раствор нижней вытачки поднять на линию подреза. А можно показать с помощью геометрических построений, как эта величина рассчитывается для конкретной фигуры.

• Каждый этап работы отображается на отдельном чертеже. Это делается потому, что при разработке сложных модельных конструкций невозможно одновременное изображение на одном чертеже базовой и модельной конструкций, как это традиционно происходит при конструкторской разработке простых изделий.

• Для получения итогового чертежа ведется соединение полученных элементов (деталей конструкции) между собой, при этом часто возникают различные варианты модельных конструкций.

Мы считаем такую методику наиболее удачной. Опыт показывает, что четкое соблюдение предложенной этапности в решении задачи позволяет создать точные и сложные модельные конструкции, которые требуют минимального количества примерок.

Таким образом, современный специалист, умеющий сравнивать различные предложения, выбирать оптимальные решения, успешно трансформировать «идеалы» в одежду класса прет-а-порте, будет удовлетворять требованиям «рынка».

*Л. Б. Лаврова**

Формообразование одежды в условиях современных тенденций проектирования

На протяжении нескольких десятилетий ощущается особенный интерес к теоретическому осмыслению дизайна как особого вида проектировочной деятельности. Основой проектирования в дизайне является конструирование и комбинирование – те же монтаж, коллаж, цитатность, а также диалог. Дизайн, прежде всего, – явление прикладное, поскольку здесь имеют место четко выраженные утилитарные функции, а также художественное, связанное с феноменом «высокой моды», и даже мировоззренческое, затрагивающее проблемы экологии, отчуждения человека и т. д. Таким образом, в теории современного проектирования актуализировались социальные, идейно-содержательные, утилитарно-прикладные и сугубо функциональные аспекты.

Основой современного проектирования одежды являются принципы художественного проектирования, такие, как композиция, конструкция, символика декоративного убранства, цвета, а также основные формообразующие элементы – ритм, пропорции, членения, пластика, материал в их соотношениях и взаимосвязях, подчиняющихся определенному стилю или их сочетаниям.

Стиль организует, оформляет предметно-пространственную среду, окружающую человека. Стиль устойчив, его черты достаточно стабильны в рамках общего круга проявлений в культуре. Приводя к единству предметы разного назначения, в том числе и одежду, из хаоса вещей он выстраивает нечто целостное, законченное. Поэтому одежда выражает не только свою функцию, но и «дух» создавшей ее эпохи.

Проявления стиля в одежде связано с феноменом моды. На протяжении многих веков мода, принадлежащая визуальной культуре, которая реализует себя в эстетических ценностях времени,

* ***Людмила Борисовна Лаврова*** – ст. преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Л. Б. Лаврова, 2007

демонстрировала отражение общих стилевых установок эпохи. Понятие стиля, таким образом, является ключевым среди категорий культуры и собственно определяет внутреннюю сущность, духовность, мировоззрение эпохи, позволяет структурировать ее конкретные исторические проявления и является более общим инструментом познания, чем феномен моды. С изменением стилевых установок эпохи в моде появлялось все большее и большее разнообразие форм; это позволяет утверждать, что эпоха формировала стиль, а мода и, следовательно, частный случай ее реализации – костюм – подчинялись общим законам стиля.

Формообразование одежды подчиняется общим тенденциям процесса формообразования, но имеет свои особенности, обусловленные спецификой костюма, являющегося не только результатом деятельности проектировщика, но и складывающимся под влиянием традиций художественного и прикладного искусства. Можно сказать, что одежда в визуальной и чувственной форме фиксирует особенности развития общества в определенный исторический период, выражая самые общие черты стиля эпохи.

В одежде мы сталкиваемся с ассоциативными представлениями об определенных явлениях или предметах. Для упорядочения «костюмо-образа» прибегают к определенным константам: материалу, композиционным и конструктивным элементам и др. Стремление отразить в одежде действительность, «вписаться» в окружающую среду, интерьер, архитектуру, отразить природные формы, порой даже имитировать их, – является одним из важнейших свойств одежды. Одежда образует свой собственный язык, свою знаковую систему, которая служит средством информации и визуального общения людей.

Одежда всегда несет двойную функцию: как знак, обозначающий принадлежность к обществу, и как знак, отражающий личные качества индивидуума, она может характеризовать группу с определенной идеологией и выражать моральные и религиозные категории.

Технический прогресс, ускоряемый новыми изобретениями и возрастающими общественными требованиями, ставит перед проектировщиками все более ответственные задачи. Проектирование новой формы одежды стало объектом деятельности нескольких специалистов: дизайнера, конструктора, технолога и исполнителя. Понятие «форма» оказывается более емким, более широким, чем «пространственная форма». Это новая система средств, вызванная

к жизни новыми конструкциями, новыми материалами, технологиями, новым отношением к пространству.

Современная проектная культура отошла от основного принципа функционализма – принципа «трех Ф» – «форма следует функции». Понятие «хорошей формы» в проектировании заменено неопределенным понятием «открытой формы». Новый дизайн отказался от информационной функции формы в значении однозначного послания и утверждает многозначность форм.

Тенденция к комбинированию, использованию принципов монтажа и коллажа стала важной приметой современного проектирования одежды: можно «вычислить» характерные признаки стиля нашей эпохи. Это потеря стилистических границ, избыточность необжитых, неосвоенных форм костюма и высокая степень комбинаторики стилей, в результате которой подавляющее большинство рождающихся образов костюма выглядит конгломератом форм, родственно связанных между собой.

Современная ситуация такова, что перед обществом стоят трудноразрешимые проблемы: сомнение в идее прогресса и правильности пути развития цивилизации, угроза самоуничтожения и иные глобальные проблемы, кризис идентичности отчужденной личности и т. д. В этих условиях гротескные формы неминуемо должны были появиться в дизайне одежды, как порождение «кризиса идентичности», наряду с демократизмом, эклектизмом, многообразием стилей и образов, из которых каждый может выбрать то, что подходит именно ему.

Кроме того, существующее национальное, стилевое, функциональное разнообразие в одежде дает богатый материал для воплощения самых смелых и оригинальных художественных идей. Разнообразие современной одежды позволяет покупателю комбинировать вещи на свой вкус, делая его «соавтором» проектировщика. Действительно, для такого утверждения есть все основания, так как именно одежда, в отличие от других предметов и форм культуры, во-первых, универсальна в использовании и легко изменяется; во-вторых, как символ легко обозревается и позволяет выражать тонкие различия в положении людей; в-третьих, одежда доступна массам «имитаторов моды», в отличие от некоторых других «модных» проявлений жизни.

Функциональная структура формы одежды материализуется в конструкции. Конструкция определяет материальную структуру одежды, а также технологию ее производства. Возможна ситуация,

когда не только материал определяет технологию, а сама технология определяет и создает материал по заранее заданным параметрам. Материалы ведут к существенным изменениям пластического формообразования, вырабатываются новые тектонические и масштабные представления, изменяются и модифицируются принципы формообразования и т. д. Конструкция, таким образом, есть средство технического решения функции, ее материализация в форме, и одновременно – выразительный язык формы. Понятие о технологической конструкции позволяет более глубоко понять сущность целостного процесса проектирования одежды.

Резюмируя вышеизложенные позиции, можно заключить, что формотворческая деятельность в проектировании одежды – это синтетическая деятельность, которая включает:

- художественное формообразование как создание «образа» одежды;
- конструктивное формообразование как перевод художественного образа на технический язык расчетных формул и чертежей;
- практическое формообразование как воплощение художественного образа в конкретном материале.

*Л. В. Мержиевская**

Инновационные тенденции формотворчества в образном моделировании костюма

В новых социокультурных условиях, провозглашающих приоритеты человеческих ценностей, отечественная культура проектирования одежды в своем становлении и развитии находится на рубежном этапе. Стереотипы новой проектной культуры еще не сформированы, а устоявшиеся приемы уже не столь результативны. Настоящая статья является попыткой проникновения в грядущий мир авторского сочинения целостного костюмного образа в едином стилевом и геометрическом решении. В частности, освещены некоторые аспекты геометрического формотворчества как базовой модели рождения образа.

На начальном образовательном этапе существует серьезная проблема, которая заключается в приведении к единому знаменателю знаний и навыков студентов, не отягощенных начальным художественным образованием, и воспитанников реалистической художественной школы. Для них непросто перейти на условный геометризированный язык, непросто свести к нулю стойкое убеждение в том, что чистые формы и их производные довольно невыразительны и скучны, как и сам процесс формотворчества.

Умения и навыки репродуктивного воспроизведения предметного мира превалируют в начальных работах. Объединение с принципами формообразования качественно детализированного реалистичного или же стилизованного образа не всегда удачно. Это рутинный, заведомо тупиковый путь, «метод» проектной деятельности ушедшего века. В ходе ознакомления с основами композиционного структурирования формы и приемами гармонизации ее элементов постепенно отступает страх перед высокой степенью абстрагирования от предметных объектов.

* ***Любовь Владимировна Мержиевская*** – преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Л. В. Мержиевская, 2007

С этой целью автором разработаны и апробированы серии композиционных заданий, в которых узнаваемые прототипы чистого или авторского стиля, образцы силуэтов по форме букв придают образному моделированию мотивированный характер.

Инновационным критерием данного практического цикла служит принципиальная схема моделирования знакомых геометрических фигур с учетом композиционных закономерностей на начальной стадии эскизирования, без последующей стилизации. Дальнейшим этапом проектной деятельности служит перевод геометрической схемы в форму одежды, т. е. материализация графического образа в конкретный костюм.

Этот проектный подход предоставляет ряд преимуществ креативного характера, дающих возможность:

- прогнозировать чистоту силуэтных и конструктивных линий;
- чувствовать пропорции масс и способы их взаимодействия;
- выявлять некоторое постоянство признаков, позволяющих работать вариативно, с перспективой выхода на авторское творчество;
- работать со всеми студентами в едином результативном скоростном режиме, независимо от уровня их начальной художественной подготовки.

В качестве практических результатов апробации представленного композиционного метода предлагаю ознакомиться с двумя композиционными заданиями.

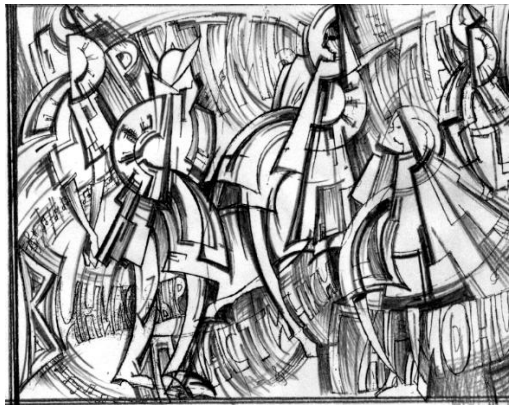


Рис. 1

Рис. 2

Совершенно особое композиционное звучание приобретают авторские находки в творческом задании на совмещение буквообразных силуэтов одежды (рис. 1). Мягкое проникновение текучей пластики «S» в остроугольную прямолинейность «А» конструктивно зафиксировано единой композиционной осью, роль которой выполняет позвоночник фигуры.

Многообразие видоизменений первоначального эскизного решения приблизили автора к потребности расположить вариативные модели в едином формате. Этим действием закрепляются способы компоновки и регулирования масштабно-пропорционального строя единой композиции. Классификация силуэтов по очертаниям латинских букв нацелила автора на усложнение фигуративной композиции прихотливой изогнутостью динамических шрифтовых осей в том же геометрическом ключе. В результате графического манипулирования формой родилась самодостаточная творческая работа – коллекция осенней одежды под девизом «Алфавитный каприз». Она вполне удовлетворяет критериям целостности и выразительности, характерной для грамотной композиции.

Личные впечатления от жесткой геометрии в стиле авангарда 20-х годов прошлого века, возвысившей до культа «Его Величество Квадрат», вдохновили автора на творческую работу «От «Черного квадрата» до…» (рис. 2). Она интегрирует дух постреволюционной эпохи и тенденции деконструктивизма в современном дизайне одежды, рожденные под влиянием достижений модернизма начала XX века.

Смысловую и геометрическую нагрузку композиции несет черный квадрат в белом паспарту, прочно удерживая множественные элементы дизайна одежды. Идея черного квадрата звучит в аксессуарах костюма. Модель демонстрирует авангардный стиль одежды. Пара туфель, перчаток, фрагменты шарфа, шляпа-бейсболка угадываются в общей геометрической структуре. Все эти аксессуары еще и вариативны.

Гармоничны и целостны сложные линейные и тоновые переплетения авангардных мотивов в агрессивной треугольной геометрии. Вертикально-горизонтальный каркас усложняется угловыми 30- и 60-градусными направлениями. Геометрическое единство сохраняется даже при введении еще одного композиционного средства – контрастов по размерам и расположению на формате. Мера абстрагирования всех форм настолько тождественна, что легко вплетается в сложную структурную канву.

Механизм восприятия данной композиции срабатывает не мгновенно: зритель, блуждая в лабиринтах черного квадрата, постепенно обнаруживает вышеперечисленные детали костюма и в последнюю очередь – четыре остроугольные буквы: мода. Сила зрительской активности определяется не только визуальным воздействием, но и активным подключением к восприятию чувств и разума.

Средства гармонизации, постигаемые в процессе графического моделирования, придают содержательную ценность геометрической схеме модели. Параллельно с этим происходит образное насыщение формы. Композиционно-смысловая точность замысла обеспечивается формально-геометризированными признаками, которые служат своеобразным «модулем» для творца. На выборе узнаваемых прототипов стилевые, образно-эмоциональные и графические составляющие обеспечивают гармоничное единство творческой работы.

Грамотное соединение характерных признаков формы и способов их организации одухотворяют творческий процесс, выводя его на уровень эвристического. Так из художественно мотивированной идеи рождается авторская композиция. «Прямое обращение к форме как инструменту в реализации творческого процесса», «использование механизма предметного манипулирования формой», гласят пропедевтические установки Д. Л. Мелодинского, прививают студентам черты креативной личности, так необходимые для приобретения специальности модельера.

Литература

1. *Ватерман Г. , Цингель Ф.* Ваш неповторимый стиль. Словакия: Фалькен, 1994.

2. *Мелодинский Д. Л.* Архитектурная пропедевтика. М.: Эдиториал; УРСС, 2000.

3. *Степанов А. В.* Объемно-пространственная композиция: Учеб. пособие. М.: Стройиздат, 1993.

*Н. А. Оносова**

Рынок одежды больших размеров: спрос и предложение

Пластика и объем нашего тела, особенности фигуры и то, как мы облачаем себя в те или иные одежды, в существенной степени определяют характер восприятия нашей индивидуальности окружающими и то, на какое внимание с их стороны мы можем рассчитывать.

Изменить внешний вид легче, чем фигуру, но и здесь возможны некоторые варианты. Сегодня модно быть стройным, и женщины готовы пойти гораздо дальше в использовании разного рода диет, чтобы только уменьшить объемы своего тела.

Впрочем, немало и тех, кто воспринимает эти «потуги» как нелепые и смехотворные. И все же попыткам изменить объем и пропорции собственного тела есть вполне понятное объяснение.

С изменением фигуры меняется характер восприятия вас со стороны других людей. Сумевшие сбросить лишний вес нередко утверждают, что их социальная жизнь пошла в гору. Похожего результата можно достичь, просто подобрав соответствующий гардероб, который скрывает имеющийся избыточный вес.

Несмотря на то что рынок предлагает большое разнообразие одежды, он не в полной мере учитывает спрос на одежду для полных женщин. По оценкам специалистов, женщины, превышающие стандартные размеры, составляют от 27 % до 33 % от общего количества, которое в свою очередь составляет практически треть населения. Индустрия готовой одежды явно смещена в сторону «стройных» размеров.

В настоящее время издается очень много журналов, посвященных моде, которыми пользуется большинство женщин, в том числе и полных. Но только лишь небольшой процент журналов учитывает потребности данного типа людей. Просматривая журналы, полные женщины хотят быть в курсе событий, идти «в ногу» с течением модного направления, предполагая при этом, к чему должен привести их поиск. Конечно, не стоит отрицать, что производители задумались над этим вопросом и все-таки делают какие-то шаги. Но это до сих пор остается проблемой, которую нужно решать.

Что еще служит причиной появления этой проблемы? В наше время все люди без исключения стремятся выглядеть моложе, стать стильными, привлекательными, успешными. Так и полные женщины, и без того «заметные», хотят выглядеть современными, элегантными и соответствовать модному образу.

У полных особое отношение к моде. Многие полные люди вообще не обращают внимания на лидеров моды и совсем не интересуются модой. У них другие цели в жизни, у них другое мышление по поводу одежды. Но есть люди, которые просто изначально, принципиально отвергают практически все веяния моды, исходя из социального состояния-противостояния всему обществу, пытаясь таким образом выделиться из толпы и намекая этим на свою «особость». Есть и те, которые следят за модой, разделяя позицию «лидеров моды».

Еще десять лет назад молодая женщина, обладающая размером одежды больше пятидесятого, доведенная общественным мнением до комплекса неполноценности, была обречена прикрывать свое тело просто одеждой, лишенной всяких затей. Ни о какой причастности к модным тенденциям нечего было и мечтать.

Но сегодня Госпожа Мода почти готова подвинуть на пьедестале своего прежнего кумира – худощавую женщину-подростка. Полная женщина уже не замыкается в рамках одного стиля, она носит и классическую одежду, и спортивную, она хочет выглядеть ультрамодно и по-деловому серьезно, она делает карьеру и заботится о семье, с заинтересованностью смотрит на окружающий мир и открыта ему.

Однако современная индустрия женской одежды продолжает упорно игнорировать интересы женщин, носящих одежду больших размеров. Модные тренды по-прежнему рассчитаны на стройных красавиц, хотя в России потенциальные потребители одежды больших размеров составляют почти треть всего населения.

По данным журнала «Модный magazin», верхний сегмент рынка plus size поделен между крупными западными игроками, такими,

* ***Наталья Александровна Оносова*** – студентка 5-го курса ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Н. Оносова, 2007

как итальянские марки MARINA RINALDI, KATYA RICCIONELLI, ELENA MIRO. Заметны также немецкие производители с характерным для них стилем business casual и чуть меньшими ценами: HIRSCH, EUGEN KLEIN, STEILMANN. Однако львиная доля одежды больших размеров продается на массовом рынке, и этот сегмент поделили между собой российские и турецкие производители.

Если в стандартных размерах предпочтение потребителей однозначно склоняется в сторону европейских марок, то парадоксальным фактором рынка больших размеров является приверженность российского покупателя отечественной продукции. Секрет прост: отечественные производители лучше знают специфику крупных фигур россиян. Кроме того, линейка западных производителей редко перешагивает за 60-й размер.

Наиболее заметными российскими компаниями, специализирующимися на одежде plus size, являются «С-Стар», «Стиль КР», «Берклаин», «Лешар», «Серебрянная нить», «Зарина плюс», «Ева», «Элен Грин». У каждой из этих марок есть собственная история, свой имидж, желание работать и расти в своем сегменте. Рынок одежды больших размеров переживает стадию бурного развития, и все российские марки растут и определяются вместе с рынком, постепенно «нащупывая» свою нишу. Эти марки во многом схожи.

Лидером среди российских компаний оказалась марка EVA COLLECTION. Антропометрический идеал, на который ориентируется фирма, это женщина размером 120–90–120. Здесь предлагаются смелые идеи и отвергается большинство надуманных запретов. Основной лозунг – «Одежда должна быть сексуальной, яркой, модной, смелой». В моделях используют тонкие ткани, глубокие вырезы, не боятся открытых рук, белого цвета и крупных рисунков. Табу осталось, пожалуй, только на мини-юбки и короткие топики, открывающие пупок.

Чтобы развеять миф о том, что крупным женщинам обязательно нужно прятать фигуру под необъятной одеждой, сотрудники компании настоятельно рекомендуют выбирать модели из фактурного трикотажного полотна, которое очень хорошо скрывает любые недостатки фигуры, а чтобы сделать какую-либо часть фигуры зрительно меньше, рекомендуется декорировать модели объемными деталями.

В России первая одежда для толстушек под маркой «Зарина plus», специально подогнанная под разные типы фигур, появилась

лишь пять лет назад благодаря усилиям «Первомайской зари» (Санкт-Петербург). Успех их заключается в том, что им удалось «посадить» элегантный костюм на нестандартную фигуру россиянки. Так был создан их фирменный стиль – «нарядная классика». Они говорят, что «создание одежды больших размеров сродни искусству. Нужно чувствовать фигуру, представлять себе, как «сядет» изделие, как оно будет вести себя во время телодвижений, не будет ли стеснять своего обладателя».

В Екатеринбурге изготавливается мало одежды для среднего класса. Подавляющее большинство екатеринбургских дизайнеров либо шьют одежду «на дому», либо работают в формате дизайн студии и ателье, ориентированных на индивидуальных и (или) корпоративных клиентов, и прямого выхода к широкому покупателю не имеют. Существует мелкосерийное производство, которое работает по заказам специализированных магазинов. Примером является предприятие ООО «Технология плюс», специализирующееся на выпуске готовой одежды бытового назначения для полных женщин. Одежда здесь изготавливается серийным способом, она призвана удовлетворить спрос своего потребителя и частично нацелена на решение проблемы рынка.

В чем состоит основная проблема? Наверное, в том, что нет никакой связи между покупателем и производителем. Производители не имеют информации о потребностях покупателей, о том, что пользуется спросом. Они не знают того, что нужно полным женщинам. А им нужно ровно столько, сколько нужно обыкновенной, «земной», красивой женщине. И для решения этой проблемы нужна прямая связь с клиентом. А это возможно путем проведения специальных исследований. Конечно, у каждой фирмы есть свои представления о том, как надо работать. Но то, что необходима разнообразная одежда, – это факт. Сказать, что сейчас нет вещей больших размеров, нельзя. Они есть, но в массе своей скучные, не модные, сделаны из синтетики и «неправильно скроены». Надо рассматривать позиции этой целевой аудитории, отходя от стереотипов, от того стандарта мышления, к которому мы все привыкли, а это самое сложное.

Проблема касается и подбора ткани и фурнитуры. Как бы красиво ни выглядел костюм 44-го размера, но 60-й размер из той же ткани, с той же фурнитурой может смотреться совсем по-другому. Проектировать и производить одежду больших размеров действительно сложнее. Фигуры небольшого размера обычно близки

к стандартным, а полные фигуры очень специфичны. «Чтобы удовлетворить спрос большинства, приходится делать сложные конструкции, в которых женщина почувствовала бы себя комфортно. И задача конструктора – продумать форму так, чтобы она была деликатна и не подчеркивала полноту», – говорит Елена Каталаева («Лешар»).[«Бизнес журнал» № 21]

Выйти на рынок одежды больших размеров сейчас непросто. Еще лет пять назад новые имена производителей появлялись, чуть ли не каждый месяц, но, столкнувшись со всеми специфичными проблемами этого бизнеса, они быстро исчезали. Спрос в этом сегменте очень капризен. Он не падает и не растет – скорее, происходит эскалация требований покупателей к качеству изделий и тканей, из которых они изготовлены. Люди стали значительно грамотнее тратить свои деньги и готовы заплатить дороже, но только в том случае, если им будет предложена более качественная и более модная одежда.

Е. М. Пичугова*

Проблемы построения графических разверток поверхности одежды в условиях САПР

Разработка конструкций одежды осуществляется, как правило, на основе художественного или технического эскиза модели, не имеющего математического описания. Конструкторская задача заключается в переводе информации, содержащейся в эскизе, в графическую модель развертки поверхности реального изделия. При этом основные требования к развертке поверхности заключаются в обеспечении хорошей посадки будущего изделия на фигуре человека, удобства в статике и динамике, высокой технологичности за счет рационального способа формообразования, гарантирующего логическую взаимосвязь между формой, конструкцией и материалом.

Анализ достигнутого уровня автоматизации проектирования разверток поверхности одежды позволяет выделить три существующих подхода к организации этого процесса:

1) плоскостное проектирование конструкций одежды приближенными методами (2D);

2) трехмерное проектирование, включающее создание трехмерной (объемно-пространственной) формы одежды и перевод ее в двухмерную систему чертежей лекал деталей одежды (3D→2D);

3) комбинированное проектирование, объединяющее процессы построения конструкции на развертке поверхности типовой фигуры человека (сетке) по специально разработанной методике автоматизированного конструирования, визуальную оценку объемного изображения модели, «надетой на фигуру», корректировку, при необходимости, в интерактивном графическом режиме модельных линий и конструктивно-декоративных элементов с возвратом на плоскость (2D→3D→2D).

---

* ***Елена Михайловна Пичугова*** – преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Е. М. Пичугова, 2007

При первом подходе построение конструкции новой модели осуществляется либо «с нуля» по любой методике конструирования, либо методом градации на все размеры и роста на основе имеющейся базовой конструкции после ввода ее в компьютер. При этом качество разрабатываемой конструкции зависит от уровня профессионализма конструктора гораздо в большей степени, чем от уровня программного обеспечения. Поэтому системы автоматизированного проектирования, базирующиеся на этом подходе, требуют высокой компетенции специалиста.

Суть второго подхода состоит в том, что на объемное изображение манекена накладывается в интерактивном графическом режиме изображение конструируемой поверхности (объемно-пространственной формы изделия), а затем строится развертка деталей по трехмерному изображению с учетом деформации ткани. Такое трехмерное проектирование целесообразно использовать для традиционных по форме швейных изделий типа мужских пиджаков, брюк, женских юбок, а также для решения задач конструирования одежды, выполняемой по индивидуальным заказам. Этот процесс чрезвычайно сложен в реализации при разработке САПР из-за необходимости перевода трехмерного изображения одежды в двухмерное изображение ее деталей, который сопровождается множеством технологических тонкостей. К тому же при трехмерном проектировании наиболее востребованными становятся способности конструктора к восприятию композиционного строя модели изделия. А качество конструкции целиком зависит от искусственного интеллекта, математическая модель которого должна обеспечить точность шаблонов деталей, их технологичность, что в случае с одеждой практически недостижимо. Профессиональный же конструкторский опыт остается наименее востребованным.

Комбинированный подход в компьютерном проектировании одежды имеет оригинальные отличительные особенности, сочетая достоинства двух рассмотренных выше. Это прежде всего касается:

- использования возможностей трехмерной графики для визуальной оценки полученной внешней формы и ее корректирования на объемном макете;
- более точного учета и построения декоративных элементов, обеспечиваемых методикой автоматизированного конструирования одежды на плоскости.

Комбинированный подход позволяет широко использовать накопленные знания и мировой опыт, что является гарантией качества создаваемых конструкций.

Есть и еще одна проблема. Большинство применяемых САПР (отечественных и зарубежных) рассчитаны, как правило, на специалистов высокой квалификации. На практике это не всегда оказывается возможным, поэтому качество разработанной конструкции не всегда может обеспечить конкурентоспособность швейного изделия.

Следовательно, на современном этапе, автоматизации проектирования одежды должна предшествовать глубокая проработка предметной области, при разработке САПР необходимо использовать такие экспертные компоненты, как профессиональные знания высококомпетентных специалистов, оптимизация проектных процедур, интеллектуальный интерфейс и т. д.

Применение баз знаний, созданных на основе обобщения мнений экспертов, сокращает возможные варианты решения задач интуитивным путем, исключает субъективные ошибки, обеспечивает высокое качество конструкций одежды.

Во многих современных методах САПР предусмотрены четыре основных взаимосвязанных этапа, которые дают возможность автоматизировать конструкторскую подготовку САПР без помощи программиста:

1) разработка базовых конструкций (БК) расчетно-аналитическим методом, который основан на методике конструирования, представляющей собой общепризнанные конструкторские решения и полученные эвристические зависимости;

2) создание модельных конструкций (МК) путем модифицирования базовых в интерактивном графическом режиме, что позволяет наиболее полно проявить достоинства эвристических методов конструктивного моделирования;

3) корректировка модельных элементов на объемном изображении модели с последующим автоматическим изменением чертежей конструкции;

4) разработка лекал на все типоразмеры расчетно-аналитическим методом.

И все же, несмотря на постоянное совершенствование автоматизированного проектирования одежды, в настоящее время виртуальная геометрическая модель не всегда в достаточной степени отображает композиционную и конструктивную структуру изделия.

Затруднения связаны с распознаванием структуры материала и адекватным ее прочтением в конструкции деталей, а затем в реальном материале. Таким образом, система не в полной мере решает одну из самых важных технологических задач – достижение идеальной посадки одежды на фигуре человека.

Именно в этом направлении ведутся активные поиски и определяются направления совершенствования автоматизированных систем проектирования одежды.

Н. С. Попова*

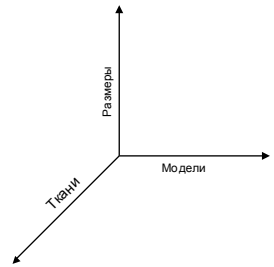
Формирование рациональной структуры промышленной коллекции на основе потребительского спроса

Перед каждым швейным предприятием стоит задача максимального удовлетворения спроса со стороны своего целевого потребителя. Поскольку материальные ресурсы любого предприятия не безграничны, даже при самом горячем желании оно не в состоянии произвести столько изделий, чтобы удовлетворить всех потенциальных покупателей. Кроме того, модная одежда – товар скоропортящийся, и ошибки в планировании объемов выпуска могут дорого стоить предприятию. Поэтому задача формирования структуры промышленной коллекции – это предмет постоянного внимания со стороны руководителя швейного предприятия.

Математик определил бы структуру промышленной коллекции как функцию от 3 переменных:

F(м, т, р),

где ***м*** – модель, ***т*** – ткань, фурнитура и другие исходные материалы для изготовления одежды, ***р*** – размерные характеристики изделия. Значениями такой функции являются *количества изделий* с заданными характеристиками модели, ткани и размера. Задача состоит в том, чтобы суммарных затрат. правильным образом построить такую функцию при заданных ограничениях **T** – времени и **S** – суммарных затрат.



Исходной информацией для проектирования коллекции являются:

- текущие и перспективные направления моды,
- творческая концепция фирмы-производителя,

---

* ***Наталья Серафимовна Попова*** – главный специалист ООО «Технология плюс» (г. Екатеринбург).

© Н. С. Попова, 2007

• доступный ассортимент тканей и фурнитуры,

• данные исследований о предпочтениях целевого покупателя.

Рассматривая вопрос формирования ***рациональной структуры*** промышленной коллекции, мы предполагаем, что основополагающие моменты создания коллекции (для кого шьем, из каких типов тканей шьем, какую одежду шьем, какую маркетинговую задачу хотим решить и т. д.) уже определены.

Формирование структуры коллекции, в принципе, можно начинать с любого параметра, например с ткани. Это даже удобно, поскольку именно ткань является для коллекции ограничивающим ресурсом. В выборе вариантов моделей и конструкций художник-модельер абсолютно свободен, но реальный ассортимент доступных тканей сразу ограничивает набор моделей, годных к реализации. Кроме того, именно на закупку ткани и фурнитуры ложатся основные финансовые затраты.

Определяя набор тканей для будущей промышленной коллекции, производитель должен ориентироваться на предпочтения покупателей. Инструментом для выявлений таких предпочтений является маркетинговое исследование. Оно может быть проведено как в форме опроса потенциальных покупателей в местах продажи, с предъявлением образцов тканей для получения оценки, так и в виде анализа уже произошедших продаж – какие ткани, каких расцветок пользуются спросом.

Результаты исследований должны пройти статистическую обработку и дать ответ на следующий вопрос: какие материалы и в каком ***процентном соотношении*** должны быть приобретены для производства промколлекции?

Следующий этап построения рациональной структуры коллекции – это принятие решения о том, какие модели будут изготавливаться из выбранных тканей. Изучение потребительских предпочтений проводится также методом опроса. Можно применять для этого специальные карточки по основным и дополнительным художественно-конструктивным признакам.

Обработка результатов исследований может выполняться поэтапно различными методами. Сначала выстраивают ранжированную систему критериев, по которым целевой покупатель оценивает исследуемые модели. Для всех моделей, прошедших оценку, рассчитываются итоговые балльные оценки. Полученные результаты анализируются статистическими методами, и в конечном итоге формулируется помодельный состав коллекции, выраженный матрицей процентных соотношений.

После двух последовательных этапов рациональная структура коллекции уже выглядит примерно следующим образом:

	Ткань	Арт. 02-01	Арт. 02-02	Арт. 02-03	Арт. 02-04	Арт. 02-05	Арт. 02-06	…
Модель		10 %	15 %	20 %	5 %	12 %	8 %	…
301	7 %	0,70 %	1,05 %	1,40 %	0,35 %	0,84 %	0,56 %	…
302	12 %	1,20 %	1,80 %	2,40 %	0,60 %	1,44 %	0,96 %	…
303	4 %	0,40 %	0,60 %	0,80 %	0,20 %	0,48 %	0,32 %	…
304	18 %	1,80 %	2,70 %	3,60 %	0,90 %	2,16 %	1,44 %	…
305	22 %	2,20 %	3,30 %	4,40 %	1,10 %	2,64 %	1,76 %	…
306	10 %	1,00 %	1,50 %	2,00 %	0,50 %	1,20 %	0,80 %	…
…	…	…	…	…	…	…	…	…

Следующий этап – наложение на эти данные антропометрической информации о целевом клиенте. В качестве основы могут быть взяты как обобщенные характеристики, опубликованные в материалах периодической печати, так и данные специальных исследований.

Конечный результат – это трехмерная таблица в координатах *модель, ткань, размер*, в каждой ячейке которой стоит некое число, определяющее процентную долю изделия с конкретными характеристиками в общей структуре коллекции.

Зная производственную мощность предприятия, от процентных соотношений легко перейти к конкретным количествам изделий заданных характеристик. Следует просто умножить процентные доли на общий объем выпуска и округлить полученное значение.

А после этого, зная нормативный расход материала на производство той или иной модели, рассчитывают необходимый для закупа объем материалов и сверяют его с заложенными в самом начале бюджетными ограничениями.

Номер и описание модели	**Размеры**							
Артикул ткани	**50**	**52**	**54**	**56**	**58**	**60**	**62**	**…**
Модель 307. Жакет полуприлегающего силуэта, рукав втачной одношовный, воротник стояче-отложной								
Твид синий	2	2	6	6	4	4	3	…
Твид бордо	3	3	8	8	7	6	4	…
Твид бежевый	1	1	3	3	2	2	2	…
…	…	…	…	…	…	…	…	…
Модель 309. Жакет полуприлегающего силуэта, рукав втачной двухшовный, без воротника								
Твид синий	2	3	5	5	3	2	2	…
Твид бордо	2	3	4	4	4	3	1	…
Твид бежевый	1	1	2	2	2	2	2	…
…	…	…	…	…	…	…	…	…

При расчете структуры коллекции необходимо учитывать и взаимосвязи между различными линейками одежды. Так, если используются ткани-компаньоны, количество выпускаемых блузок в общем должно соответствовать суммарному количеству юбок и брюк.

Таким образом, можно получить точные количественные данные по рациональному составу коллекции, даже в какой-то мере основанные на анализе потребительских предпочтений. Однако реальный рынок одежды устроен намного сложнее, и при проектировании состава коллекции необходимо учитывать корреляционные зависимости между этими *(м, т, р),* казалось бы независимыми параметрами. Выявление такого рода корреляционных зависимостей и становится основной задачей маркетинговых исследований на целевом рынке.

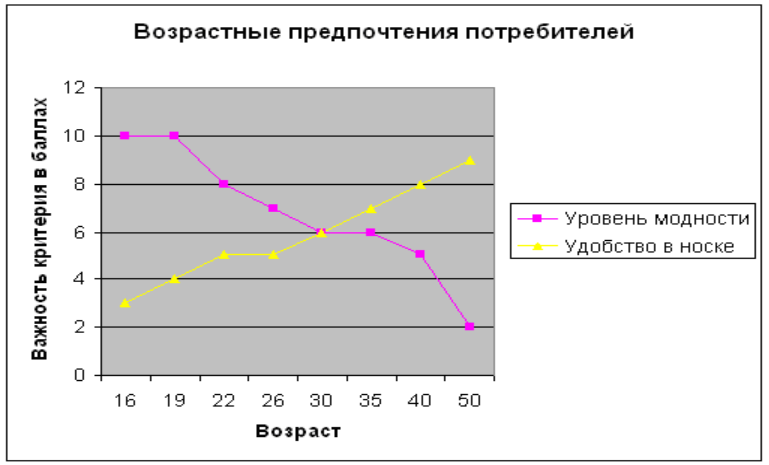
Наше предприятие занимается производством повседневной и нарядной женской одежды больших размеров. У нашего целевого покупателя есть свои специфические предпочтения, которые мы выявляем в процессе опросов, на опыте продаж и используем при планировании состава своих коллекций.

1. Например, картина спроса в нашей размеро-ростовочной группе выглядит следующим образом: наиболее востребованы размеры 54 и 56-й, в меньшей степени 50–52-й, что объясняется наличием предложения таких размеров на общем рынке одежды. Зато в размерах от 60-го и выше, ввиду дефицита готовой одежды таких параметров, – продается практически все, независимо от модели и расцветки.

2. Среди наших покупательниц женщины старшего возраста чаще выбирают юбки черного цвета средней длины (до середины голени), а молодые предпочитают длину «макси» и короткую (даже выше колена) гораздо чаще, чем среднюю длину.

3. Плечевые изделия полуприлегающего силуэта пользуются большим спросом, чем прямого.

4. Молодые покупательницы при выборе швейных изделий оценивают в первую очередь уровень модности, а женщины постарше предпочитают яркость расцветки и удобство в носке.



Результаты анализа потребительского спроса, безусловно, должны учитываться при формировании ассортимента, и производить и продавать следует то, что хотели бы носить целевые покупатели. Однако плох тот производитель, который постоянно плетется позади своего клиента

Стремление стать лидером в своей нише характерно для любого предприятия, потому что позиция лидера позволяет не пассивно следовать за покупателем, а воспитывать его культуру потребления, ориентируя, что носить и что покупать, тем самым помогая предприятию решить его основную задачу – получение максимальной прибыли.

*И. Н. Ревега**

Методика группировки моделей коллекции одежды по признакам однородности на основе выявленных потребительских предпочтений

Поскольку анализ отдельно взятой модели не дает исчерпывающей информации о ситуации, сложившейся вокруг стилевого решения в одежде, то целесообразно, с нашей точки зрения, сформировать оптимальные по совокупности группы моделей соответствующего ассортимента. Такие группы моделей, на наш взгляд, следует сформировать с учетом требований однородности по ряду признаков: типологических, конструктивных, технологических, технико-экономических. Имея совокупность отличающихся друг от друга моделей одежды, далее необходимо разделить ее на частные подсовокупности. Для выделения частных подсовокупностей мы использовали методы группировки, основанные на понятии однородности. Поскольку в данном случае речь может идти лишь о достижении разумной степени однородности всей совокупности (такой, при которой обеспечивалась бы достаточная для данного исследования точность требуемых видов), то необходимо оперировать понятием относительной однородности. В качестве показателя степени однородности может выступать показатель «близости», «похожести». Г. М. Гамбаров и другие авторы понятие однородности в «широком» и «узком» смысле считают близко к делению на качественную и количественную однородность. Под первой, по их мнению, понимается однородность, определяемая по признаку однокачественности, а под второй – однородность группы единиц совокупности, определяемая на основе количественных признаков. При этом оба понятия диалектически взаимосвязаны, причем количественная однородность имеет смыл только при наличии однокачественности явления. Мы разделяем

* ***Ирина Николаевна Ревега*** – ст. преподаватель кафедры прикладной экономики РГППУ (г. Екатеринбург).

© И. Н. Ревега, 2007

их точку зрения, и поскольку при типологической группировке выделяются типо-группы однокачественных объектов, то задача выделения типов из общей совокупности решается сравнительно просто только в тех случаях, если различия их очевидны и устойчивы и могут быть описаны одним или несколькими признаками. Однако на практике это бывает редко, принадлежность группируемых объектов к общей совокупности приводит к появлению у них некоторых общих особенностей, маскирующих различие между типами. По способу формирования типологических групп М. Р. Ефимов рекомендует различать две основные системы классификаций. При первой используется способ последовательного разделения совокупности на одинаковые значения классификационных признаков. При второй – способ многомерной классификации, при котором объекты, образующие группы, могут иметь различные значения классификационных признаков. Первый способ более ранний исторически. Типичный пример его реализации – комбинационная группировка, при которой формирование группы производится путем последовательного разделения совокупности сначала по одному признаку, потом по другому, при строгом соблюдении иерархии групп. Второй способ классификации заключается в формировании групп на основе близости объектов одновременно большому числу признаков. Он получил широкое применение вместе с разработкой методов распознания образов и появлением программного обеспечения на ЭВМ. Учитывая приведенные выше понятия и определения, есть основания отнести формирование в настоящем исследовании группы моделей одежды к типологическим комбинационным группировкам с последовательным способом разбиения, поскольку описываемый процесс состоит в выделении типов из общей совокупности с их поэтапным разбиением по ряду признаков, первый и основной из которых носит качественный характер.

Таким образом, весь процесс классификации объектов, результаты которой отвечали бы указанным выше требованиям, основан на выделении из общего числа ассортиментных позиций таких наборов моделей, которые соответствовали бы ряду условий однородности, в дальнейшем называемые критериями однородности или признаками-определителями степени общности моделей.

Несмотря на разнообразие внешнего вида швейных изделий, они имеют большое количество родственных признаков (конструктивных, размерных, технологических и др.), что облегчает возможность классификации.

Теорией и практикой выработаны общие и основополагающие принципы, обязательные для любой системы классификации: постоянство точки зрения; полнота охвата; взаимное исключение. Система классификации не может быть универсальной. Все попытки разработать универсальные системы оказались неудачными. Чтобы создать эффективную систему классификации, необходимо учесть сложившиеся производственные условия и ограничиться определенной задачей. Основным требованиям при разработке надежной системы классификации, на наш взгляд, является ясное представление о ее назначении.

В отраслях легкой промышленности проведены работы по созданию общеотраслевых классификаторов продукции. В основном все указанные классификаторы являются конструкторскими, то есть основаны на конструктивных признаках изделия. Однако для полного анализа однородности объектов не менее важна их технологическая общность. Следовательно, для решения задач исследования однородности ассортиментных позиций необходимо разработать особые системы классификации, основанные, главным образом, на общности конструктивно-технологических признаков. Конкретной задачей предложенной нами классификации является приведение всего многообразия моделей в стройные ряды (группы), характеризующиеся индивидуальными, конструктивно технологическими особенностями. В связи с этим возникает необходимость формирования набора признаков-определителей степени однородности (общности) моделей.

Поскольку значимость различных признаков-определителей неодинакова, нужно, на наш взгляд, определить иерархию признаков, то есть расположить их по степени уточнения принадлежности той или иной ассортиментной позиции к соответствующей группе. При этом используем рекомендации С. И. Овчинникова и Ю. И. Позднякова, которые утверждают, что модели, имеющие одинаковое значение признака-определителя только первой степени, обладают минимальной степенью общности. А если эти группы образованы из моделей, имеющих одинаковые значения признака-определителя всех ступеней, степень общности таких моделей, а соответственно и групп, будет максимальной. Кроме того, в указанную иерархию признаков-определителей необходимо включить, на наш взгляд, помимо конструктивно-технологических признаков и технико-экономические для придания всей системе полноты, законченности и эффективности.

Таким образом, предлагаемая нами методика группировки однородных моделей представляет собой ряд этапов:

1 – укрупненный анализ всего набора коллекций моделей за определенный, интересующий нас период времени и соотнесение каждой из коллекций к соответствующему ей периоду (осень – зима, весна – лето);

2 – группировку моделей коллекций по признаку конструктивной однородности;

3 – уточнение однородности групп по технологическим признакам;

4 – уточнение однородности групп по технико-экономическим признакам.

И. Н. Ревега*

Проектирование одежды на основе группировки моделей исследуемого ассортимента по признакам однородности и потребительским предпочтениям

Стратификация общества на различные социально-демографические группы населения, психологические, экономические и социальные характеристики которых определяют специфику их потребностей и спроса, объективно требует учитывать особенности запросов при организации производства, принимая решения в области проектирования одежды. В рамках предлагаемой нами методики изучения и прогнозирования спроса на продукцию швейного производства проведен укрупненный анализ всего набора коллекций моделей за интересующий нас период времени на конкретном предприятии. Затем произведена группировка «семейств» однородных моделей по конструктивной, технологической и технико-экономической однородности и анализ правильности формирования ассортиментных групп ПП.

Согласно данным результатов опроса, проведенного в ходе исследования, покупательские предпочтения сформировали формы одежды и ее стилевое решение. Проанализировав полученные данные опроса, нами сформированы 7 групп потребительских предпочтений.

Соблюдая интересы потребителя и производителя, из всего многообразия моделей демисезонного пальто сформировано 7 групп моделей по принципу их конструктивной однородности (рис. 1).

При формировании групп однородных моделей демисезонного пальто учитывались следующие параметры: силуэт, покрой рукава, воротник, застежка, наличие или отсутствие капюшона и пояса, длина, отделочные детали.

* ***Ирина Николаевна Ревега*** – ст. преподаватель кафедры прикладной экономики РГППУ (г. Екатеринбург).

© И. Н. Ревега, 2007

Рис. 1. Эскизы моделей 7 групп женского демисезонного пальто, сформированных по потребительским предпочтениям

Опишем выделенные нами группы потребительского предпочтения.

1-я: прилегающий и полуприлегающий силуэт, втачной рукав, центральная или смещенная застежка, может быть капюшон;

2-я: прямой силуэт, строгий стиль, без пояса, рукав втачной, центральная застежка, пиджачный воротник;

3-я: прямой силуэт, пояс, втачной рукав, центральная застежка, удлиненное;

4-я: прямой силуэт, без пояса, рукав реглан или полуреглан, воротник отложной или стойка, шарф;

5-я: прямой силуэт, без пояса, рукав со спущенной проймой, воротник отложной или с капюшоном;

6-я: прямой расширенный книзу силуэт – трапеция, рукав втачной, реглан, полуреглан, застежка центральная – супатная, воротник умеренно отложной или стойка, удлиненное;

7-я: прямой расширенный книзу силуэт-трапеция, втачной рукав, капюшон, удлиненное, без воротника.

Критерием однородности групп ПП в сформированных рядах моделей может выступать показатель удельного веса материалов и основной заработной платы в структуре переменных затрат, одинаковый для всех соответствующих групп ПП.

Количество полученных групп потребительского предпочтения (ПП) в большей степени обусловлено требованиями потребителей, а не условиями технологичности, так как в случае соблюдения исключительно последних количество созданных групп было бы меньше.

Так, например, получены две группы моделей пальто прямого силуэта с втачным рукавом и рукавом реглан соответственно, но наличие пояса предполагает детализацию полученных групп, поскольку наличие пояса у прямого силуэта позволяет изменить силуэт, сделать его полуприлегающим, что изменит мнение потребителя о модели, а значит, и о покупке. Форма и размер воротника также влияют на силуэтные формы одежды.

И. Н. Ревега*, Ж. А. Ким**

Исследование особенностей развития рынка товаров швейной промышленности

К наиболее существенным социально-экономическими особенностям развития швейной отрасли можно отнести:

• рынкообразующий характер продукции отрасли;

• короткий цикл оборота капитала и возврата инвестиций;

• существование предпосылок для восстановления конкурентного производства (наличие кадров, оборудования);

• возможности санации бюджета и внешнеторгового баланса.

Однако перечисленные предпосылки благоприятного инвестиционного климата в отрасли были в значительной мере дезавуированы изменениями во внутренней среде предприятий и отрасли, вызванными макроэкономической политикой последнего десятилетия. Наиболее значимые изменения, повлиявшие на возможность осуществления инвестиций швейными предприятиями, сводятся к следующему:

• сокращение емкости рынка продукции отрасли и присутствия на нем отечественных предприятий;

• сокращение объемов производства и уровня загрузки производственных мощностей;

• состояние финансовой системы предприятий;

• дезорганизация и диверсификация источников инвестиций.

По мнению макроэкономических аналитиков, не приходится ожидать быстрого и существенного повышения инвестиционной активности именно из-за отсутствия значительных ресурсов. Скромные бюджетные средства будут направляться на поддержку потенциально конкурентоспособных на внешних рынках секторов экономики и наукоемких технологий, социально значимых проектов или объектов жизнеобеспечения и экономической безопасности страны. Хотя легкая промышленность своей продукцией тоже

* ***Ирина Николаевна Ревега*** – ст. преподаватель кафедры прикладной экономики РГППУ (г. Екатеринбург).

** ***Ж. А. Ким*** – студентка РГППУ (г. Екатеринбург).

© И. Н. Ревега, Ж. А. Ким, 2007

участвует в обеспечении экономической безопасности, но вряд ли она сможет рассчитывать на инвестиционную поддержку из бюджета ввиду тотальной приватизации предприятий. Доступ к ресурсам финансового рынка ограничен невыгодностью инвестиций в реальный сектор экономики (акций предприятий отрасли на фондовом рынке отсутствуют), высокими инвестиционными рисками и страхующими их кредитными ставками.

Надежды, возлагаемые макроэкономистами на иностранные инвестиции, для легкой промышленности иллюзорны не только из-за колебаний платежеспособного спроса, но и потому, что вложения в техническое перевооружение предприятий отрасли существенно повысит их конкурентоспособность относительно зарубежных производителей, контролирующих значительную долю отечественного рынка товаров.

Финансовое состояние предприятий крайне сложное. Практически нет собственных оборотных средств, что при отсутствии субсидирования из бюджета ставок по кредитам резко снижает прибыль в отрасли.

Отсутствуют финансовые средства для технического переоснащения производства, без чего нельзя снизить затраты на производство и повысить качество продукции. Следует отметить, что до сих пор отсутствуют продуманная промышленная политика и система, регулирующая привлечение инвестиций.

Таким образом, при таких условиях, на наш взгляд, обеспечить рост производства в легкой промышленности весьма проблематично.

Л. В. Росновская*

Проблемы проектирования одежды в контексте диалога «проектировщик – потребитель»

Одежда как продукт проектирования является частью предметной среды. В этом качестве она несет информацию, помогающую устойчиво поддерживать типы поведения и закрепляющую традиции культуры. В ней воплощаются образы, которые отражают социальные и нравственные идеи времени, она выражает и вместе с тем формирует идеальные представления людей об окружающей действительности, их отношение к ней. Эти отношения определяются вкусами, привычками, пристрастиями, идеалами, установками, т. е. теми ценностями повседневной жизни, где человек осуществляет свою деятельность в пространстве и времени, подчиняясь тому или иному жизненному сценарию.

Ценностный срез позволяет конкретизировать и раскрыть проблемы проектной культуры, показывая свой продукт (одежду) не как «вещь в себе», которая подчиняется своей внутренней логике и живет по своим законам, а как «вещь для человека», вовлеченную в социальные и производственные процессы, взаимодействующую со своим владельцем и его окружением, вызывающую к себе активное, заинтересованное отношение[1].

Здесь уместно напомнить о том особом месте, которое занимает одежда в современной культуре. Находясь между искусством и техникой, между сферами материального и духовного производства, одежда обязывает рассматривать процесс ее проектирования в широком социокультурном контексте. Одежда способна принимать множество значений, причем ровно столько, скольким

---

* ***Людмила Валентиновна Росновская*** – канд. пед. наук, зав. кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

[1] Эстетические ценности предметно-пространственной среды / А. В. Иконников, М. С. Каган, В. Р. Пилипенко и др.

© Л. В. Росновская, 2007

человеческим потребностям и отношениям она способна удовлетворять.

Утилитарно-техническая значимость одежды для потребителя определяется ее соответствием биологическим характеристикам человека, природным и функциональным (практическим) условиям его существования. Для проектировщика это связано, прежде всего, с реализацией эргономических, эксплуатационных и технико-экономических качеств одежды. Эргономические качества рассматриваются на уровне системы «человек – одежда – среда» и включают антропометрический, гигиенический и психофизиологический аспекты. Эксплуатационные свойства отражают необходимый запас работоспособности одежды в процессе эксплуатации, ее формоустойчивость, износостойкость деталей и технологических узлов одежды. Технико-экономические характеристики одежды обеспечивают целесообразность ее производства. Все перечисленное находит выражение в функциональности одежды – максимальном соответствии ее практическому назначению, конструктивном совершенстве. Функциональной четкости не может быть без максимально рациональной, научно обоснованной и технически проработанной конструкции и технологии[2].

Социальная ценность одежды отражает ее способность удовлетворять социальным характеристикам и отношениям человека. Ее можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: знаково-информативном и коммуникативном. Первый из них связан со способностью одежды нести информацию о человеке, его статусной позиции (принадлежности к социальному слою, сообществу людей), о его возрасте, доходе, профессии, вкусе, настроении, общем уровне культуры и т. д. Второй – с ее способностью быть посредником в процессе общения людей. Социально-утилитарная функция позволяет рассматривать тектонические, композиционные и цветовые отношения, пропорции, ритм, силуэт, фактуру как особый пластический язык. На этом языке можно эмоционально «рассказать», т. е. выразить и передать, информацию о создателе и носителе (потребителе) одежды, их обществе и культуре (в частности, о вкусах, потребностях, системе ценностей). Все это создает условия для диалога между создателем и обладателем одежды, с одной стороны, и этим последним и его социальными партнерами-реципиентами – с другой.

[2] *Коблякова Е. Б.* Основы проектирования рациональных размеров и формы одежды. М.: Легпромбытиздат, 1984.

Эстетическое совершенство одежды гармонизирует отношения с миром сознания человека через самоценно-выразительную организацию формы и чувственно-гедонистическое воздействие на психику. Эстетическая ценность одежды определяется, во-первых, ее архитектоникой, т. е. целостностью формы, соразмерностью частей и целого, организацией внутренней структуры изделия; во-вторых – пластической выразительностью, обусловленной четкостью и изяществом всех конструктивных элементов; в-третьих: тектоникой, т. е. конструктивной логичностью и взаимосвязью формы, конструкции и свойств материала.

Художественная значимость одежды отражает ее способность быть носительницей художественного образа, выражающего определенное мироотношение и создающего иллюзию некой реальности. Художественный образ в одежде обеспечивает гармоничное единство образа человека и одежды в определенной среде. Он строится с помощью специального художественного языка, передающего эстетически значимое соотношение пластических элементов, наделяющего одежду тем или иным образным, идейно-эмоциональным, поэтическим смыслом, т. е. выразительностью[3].

Одежда как предмет проектирования и потребления реализуется в двух направлениях. С одной стороны – деятельность проектировщиков и производственников, которые разрабатывают и производят одежду, с другой стороны – потребление и потребитель с определенным стилем поведения, эстетическими установками, вкусом, ценностными ориентациями. Каждая сторона руководствуется своими целями и интересами, для каждой характерны свои условия и механизмы принятия решений. Поэтому неудивительно, что диалог в системе «проектировщик – потребитель», где средством коммуникации выступает одежда, часто оказывается столь трудным.

На уровне проектирования одежда создается с использованием профессиональных категорий композиции, конструкции и технологии, но функционирует одежда в той или иной ситуации потребления. Одна и та же одежда, с точки зрения разных потребителей и в зависимости от характера сложившихся условий, может вызвать самые разные реакции, стать носителем разных значений и смыслов. Перед проектировщиком стоит проблема создания не просто

[3] *Пармон Ф. М.* Рисунок и мода-графика. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004.

объекта (одежды) или комплекса объектов (коллекции моделей), но и предполагаемой ситуации. Восприятие потребителем ценности одежды опирается, в конечном счете, на стихию индивидуальных переживаний, уникальных сочетаний установок восприятия и оценки формы, мотивы выбора и предпочтения, присущие отдельной личности. Глубина и характер погружения в эту стихию довольно условны и опосредованы личностью проктировщика. Какой бы замечательной ни была одежда на взгляд ее создателей, реальная ценность одежды выявляется в процессе ее использования человеком в тех или иных жизненных ситуациях, в смысловом поле реальной предметно-пространственной среды. Отсюда основное противоречие между ожидаемой (идеальной) и фактически значимой (реальной) одеждой. Острота этого противоречия зависит как от индивидуальной установки потребителя, так и от тенденций культуры потребления.

Образ желаемой одежды формируется в сознании потребителя под влиянием предметной среды, духовной культуры и состояния коллективной психологии. Проектная культура одежды по-своему конкретизирует общие тенденции мироощущения, создавая собственные идеалы, программы их реализации, собственную образность. Но опыт показывает, как часто возникает столкновение замысла, его практической реализации и последующей интерпретации потребителем. И здесь актуальна проблема адекватного «прочтения» содержания, которое закладывает дизайнер в свой объект – одежду.

Проблема проявляет себя уже на стадии технического проектирования при распознании и перекодировании художественного образа модели, т. е. перевода по сути эмоционального содержания на абстрактно-геометрический язык технического проекта. Художественный образ (эскиз) привязан к знаковому материалу, через который он выражен, перекодировка ведет к разрыву этой связи, к потере эмоциональной нагрузки (хотя частично она сохраняется в характере и напряженности линий чертежа). Вторичная перекодировка, связанная с переходом от графической развертки поверхности модели к пластическому языку реальной формы в материале, может привести к иному формообразованию, новой пластической выразительности, иному эмоциональному смыслу, существенно отличающемуся от первоначальной идеи проектировщика.

На уровне потребителя проблема адекватного «прочтения» содержания возникает при восприятии визуальной формы одежды

и связана с владением образными языками визуальной культуры, многообразием художественных кодов, способов прочтения формы и последующей интерпретации.

Возможна и другая ситуация, когда вещь переоценивается в процессе эксплуатации, что связано с неполным ее соответствием функциональным и эргономическим нормам. Одежда может быть переосмыслена и на уровне сугубо индивидуальных ассоциаций в ходе ее освоения и обживания. Здесь возможна ситуация как потери смысла, так и нового его усвоения. Авангардная одежда быстро теряет свой смысл, стареет с точки зрения моды. Напротив, универсальная, многофункциональная, трансформируемая одежда может актуализировать множество смыслов, в зависимости от желаний владельца и ситуации, в которой она используется.

Наверное, бесполезно говорить о диалоге проектировщика и потребителя, когда образная и техническая сторона проектируемой одежды превращается в профессиональную самоцель, объект, самодостаточный с точки зрения формальных критериев. Претензия на создание одежды по своей воле или только на основе идеалов, сформированных в сфере профессионального сознания, не способствует такому диалогу, а, скорее, разрушает его, равно как и другая крайность – «работа на потребителя», намеренное проектирование на основе привычных стереотипов, которое нередко приводит к проявлениям обыкновенного кича. Последнее имеет место, если обратная связь с потребителем реализуется только через спрос в системе торговли.

Ясно одно: сегодня недостаточно опоры на личный опыт профессионала, необходима осознанная ориентировка на моделирование состояний человека в ситуации потребления одежды, что, в конечном итоге, означает моделирование (или, как принято говорить у современных гуманистов, конструирование) развитой культуры потребления. Потребитель должен участвовать в процессе создания одежды и ее образа в той степени, в какой проектировщик моделирует, с одной стороны, его реальные потребности, эстетические установки, вкус, принятый им язык визуальных форм, а с другой – осознанные проектировщиком возможности и тенденции их развития, то, что «должно и может быть».

Авторские концепции обычно не существуют вне общих тенденций развития проектной культуры. Кроме того, проектирование может осуществляться в рамках разных подходов: ценностного, системного, средового, культурологического и др. Они по-разному

относятся к функциям одежды, прибегают к разным способам формообразования, адресуют свою одежду разным людям или типологическим группам. Очевидно, что и модели потребления будут рассматриваться с разных позиций.

В частности, ценностный подход рассматривает проектирование как деятельность по артикуляции и воплощению ценностей (смысловых значений), связанных с образом жизни как отдельного человека, так и общества в целом и, соответственно, с типом личности, ее социальными и личностными нормативами. Отсюда – большие возможности для гармонизации всех ценностно-смысловых сторон одежды сообразно модели ее потребления, основу которой составят ценностные ориентации личности или отдельной типологической группы потребителей.

Таким образом, проектную задачу можно рассматривать с трех позиций: 1) моделирование способа использования и восприятия одежды потребителем в возможном разнообразии ситуаций; 2) согласование взращенных жизнью и культурой ее ценностно-смысловых сторон; 3) осмысление факторов, влияющих на композиционное и конструктивное формообразование одежды как таковой. В этом случае становится возможна общность направления двух взаимосвязанных процессов – процесса созидания одежды дизайнером и процесса освоения ее потребителем, что и будет условием продуктивного диалога в системе «проектировщик – потребитель».

Л. В. Степанченко*

«Умные» ткани, «интеллигентная» синтетика: проблемы комфорта и экологизации современных материалов

При проектировании одежды большое значение имеет выбор пакета материалов. Выбирая материал для изделия, необходимо знать свойства материала и правила ухода за ним в процессе эксплуатации одежды: его сминаемость, информацию о стирке, химчистке, сушке. Ответы на все эти вопросы легко получить, зная, из какого волокна выработан данный материал.

Если бы десяток лет назад вам сказали о том, что скоро появятся ткани, способные, например, в жару – охлаждать, в мороз – греть, защищать от дождя и ветра, наверняка вы всему этому не поверили бы и, отмахнувшись рукой, заявили бы что-то вроде: «Ну, это фантастика» или «Об этом можно только мечтать». Ведь всем нам, как правило, до недавнего времени были, по большому счету, знакомы только вещи из хлопка, шерсти, шелка и соответствующего трикотажа.

Но времена меняются, и в современных магазинах мало-помалу стали появляться вещи, которым высокие технологии придают целый комплекс ценных свойств: износостойкость и гигроскопичность, формостойкость, водоотталкивающие свойства, лучшую отстирываемость, пониженную загрязняемость. Именно поэтому теперь на свитерах перестали появляться катышки даже после сорока стирок, рубашки не сминаются. Более того, носки научились впитывать пот и автоматически смазывать пятки питательным кремом, а пловцов – защищать от солнца и при этом пропускать ультрафиолет.

Безусловно, большинство из вещей, обладающих этими качествами, выполнены с добавлением химических волокон, но это

---

* ***Людмила Васильевна Степанченко*** – ст. преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Л. В. Степанченко, 2007

не должно пугать. Хотя бы потому, что они уже не те, что были раньше. Именно поэтому, даже дорогой трикотаж или костюмы, формально маркируемые как 100-процентный хлопок или чистая шерсть, все равно могут содержать до 5 % синтетики, чтобы материал был износоустойчивым и не сминался. Да и в спортивной одежде хлопок в чистом виде теперь тоже практически не используется, так как у него есть три серьезных недостатка: он не любит стирку, быстро вытягивается и теряет цвет.

Все это, безусловно, очень приятно, однако вряд ли мы сможем получить от покупки истинное удовлетворение, если не будем иметь четкого представления о том, из каких волокон она создана и на что при этом можно рассчитывать. В осеннюю погоду, когда частые дожди перемежаются со снегом, всем нам совершенно естественным образом хочется облачиться не только в нечто комфортное и красивое, но еще и теплое и совершенно непромокаемое. Как раз этим-то и обладает ряд современных материалов.

Главной движущей силой технического прогресса является постоянное желание человека улучшать условия своего существования. Стремление людей к комфорту и уюту заставляет ученых и инженеров создавать все новые и новые материалы, способные удовлетворять самым взыскательным требованиям потребителей, и разрабатывать новые технологии, позволяющие удешевлять производство конечного продукта. В области легкой и текстильной промышленности воплощением технологической новизны стало появление высокотехнологичных синтетических волокон.

Благодаря техническому прогрессу в области химических волокон и текстиля на их основе, наряду с классическими видами волокнистых материалов создаются новые, базирующиеся на использовании новых или модифицированных традиционных волокон.

Совершенно новыми являются гидратцеллюлозные волокна, известные под общим торговым названием лайоцелл (Lyocell). Их получают путем прямого растворения целлюлозы в органических соединениях. Волокна превосходят по прочности, упругости вискозные, не уступая им в гигиенических свойствах. Производство этих волокон, в отличие от вискозных, безвредно и экологично.

Благодаря фибрилляции – способности индивидуальных волокон расщепляться вдоль поверхности – материалы из лайоцелла имеют микрофибриллярный ворс, напоминающий кожу персика.

К снижению фибрилляции может привести увеличение доли аморфной составляющей волокна, что увеличит деформационную

способность и устойчивость к механическому истиранию. Проектируется разновидность волокон с низкой фибрилляцией Lyocell LF (low fibrillation). Это открывает новые возможности применения, получения материалов с шелковым грифом, гладкой и блестящей поверхностью.

Другим современным волокном является тактель (Tactel) фирмы Дюпон. Это разновидность полиамида 66, в отличие от полиамида 66 (капрон) тактель имеет большую прочность, упругость, термостойкость. Материалы, получаемые из этого волокна, более легкие, эластичные, с хорошим влаго- и воздухообменом.

Разработаны нити семейства тактель, разнообразные по форме поперечного сечения и различно отражающие световой поток, в результате получаются материалы, отличающиеся по внешнему виду и свойствам. Например, материалы из нити тактель диаболо имеют мягкий блеск, шелковистость, гладкость, хорошую драпируемость, тактель мультисофт – матовую поверхность. Тактель страта представляет смесь нитей с различной формой поперечного сечения (круглого и трилобального). Благодаря этому материалы имеют двухтоновый меланжевый эффект.

Сегодня невозможно представить современные материалы без применения эластановых нитей. Первая в мире эластановая нить, получившая торговую марку лайкра, производится фирмой Дюпон с 1962 года. Незначительное вложение эластана (2–4 %) кардинально изменяет свойства материала: повышается несминаемость, растяжимость, комфортность и улучшается внешний вид. Появляется возможность получать материалы с различными поверхностными и объемными эффектами.

С появлением эластичных нитей произошли изменения не только в ассортименте материалов, но и в технологии производства одежды. Получила развитие бесшовная технология, в которой на входе оказывается нить, а на выходе готовое изделие, имеющее идеальное облегание. Благодаря отсутствию швов, не остается следов на коже, швы не перетягивают полотно, отсутствуют складки и замины. За этой технологией будущее.

В результате технического прогресса в области химических волокон и текстиля на их основе, наряду с классическими видами волокнистых материалов создаются совершенно новые или модифицированные традиционные.

Широкое распространение получают модифицированные волокна для создания высокотехнологичных материалов, «дружественных» человеку, так называемых «shin-gosen».

Обычно «дружественными» человеку считались натуральные материалы, особенно льняные, обладающие хорошими бактерицидными свойствами. Прекрасными качествами обладают и ткани из натурального шелка, поэтому их производство продолжается, несмотря на высокую стоимость и значительную долю ручного труда. В последнее время созданы химические волокна и материалы на их основе с улучшенными свойствами. Например, бактерицидные, огнезащитные, антистатичные материалы. Создан ряд модифицированных полиэфирных волокон, в частности микроволокна или волокна с высокой поверхностной гидрофильностью. Материалы на их основе обладают хорошими гигиеническими свойствами. Полипропиленовые волокна и нити для бельевого и спортивного трикотажа также позволяют получать гигиенические материалы.

Другое направление получения материалов с улучшенными свойствами – это создание смесовых материалов с вложением в них взаимодополняющих волокон. Это направление не является абсолютно новым, но дает огромные возможности для получения новых материалов с заданными свойствами.

Так, сочетание пропиленовых гидрофобных нитей во внутреннем слое и гидрофильных нитей во внешнем слое двухслойного трикотажа позволяет получать гигиенические изделия, в которых пропиленовый внутренний слой способствует отводу пота, а внешний гидрофильный его поглощает. Такие материалы используют для термобелья.

Введение биологически активных веществ в смески позволяет защитить изделия от биоразрушения. Введение в смески электропроводящих волокон позволяет создать малоэлектризующиеся или неэлектризующиеся синтетические материалы и т. д.

Новые материалы обычно разрабатываются для специальных целей: одежда профессиональных спортсменов, специальная одежда для работы в тяжелых экстремальных условиях и т. д. Затем, по мере развития и совершенствования технологии их производства, эти материалы начинают применять и для производства бытовой одежды.

Перечисленные волокна – это только малая часть того, что предлагает современная текстильная промышленность. Современные материалы, содержащие новые волокна, обладают специфическими свойствами, поэтому утверждены официально специальные пиктограммы (условные обозначения материалов нового поколения), которые используются для обозначения типа материала.

Достаточно посмотреть на значок, чтобы узнать, какими специфическими качествами обладает тот или иной продукт. Пиктограммы применяются для обозначения материала на карточке-паспорте.

К сожалению, волокна нового поколения для производства текстильных материалов предлагают в основном зарубежные фирмы-производители. Проблема отечественной текстильной промышленности заключается в несоответствии материально-технической базы уровню исследований, необходимому для разработки и получения волокон с заданными свойствами, обеспечивающими комфорт и экологию современных материалов.

Н. В. Страхова*, О. Н. Макарова**

К вопросу об истории моделирования одежды в СССР

Мода представляет собой специфическую форму социальной регуляции, обуславливающую периодическую смену и циклический характер развития образцов массового поведения. Постмодерн переосмысливает сложившиеся стереотипы 20–30-х гг.: стереотипы поведения, одежды, интерьера, мебели и т. д.

В рамках данной работы попытаемся проследить разработки советских модельеров 20-х гг., поскольку этот период развития советской моды стал во многом определяющим. Разработки, которые были сделаны в 20–30-х гг. XX века, сейчас очень популярны, в первую очередь в профессиональной среде модельеров и дизайнеров, и востребованы широким слоем населения. Современные модели органически связаны с дизайнерскими разработками эпохи НЭПа, что признают ведущие модельеры современности. Конструктивизм 20-х гг. XX века привел к тесной связи изобразительного искусства и производства одежды. Благодаря блестящим модельерам Н. Ламановой, Н. Макаровой, В. Мухиной, Е. Прибыльской, А. Экстер сформировались принципы нового костюма, сохранившиеся по сей день.

Источниковой базой данной работы стали, прежде всего, воспоминания самих модельеров 20–30-х гг. (Н. Макарова, Н. Ламанова), а также писателей (К. Чуковский, А. Ахматова, И. Одоевцева, З. Гиппиус), поэтов, актеров (А. Ваганова), режиссеров театра и кино (Е. Вахтангов, К. Станиславский, В. Мейерхольд), так как они непосредственно сталкивались с проблемами моды. Мы также не обошли вниманием работы крупнейших отечественных авторов, занимавшихся проблемами моды и повседневной жизни: Т. Стриженовой в журнале «Декоративное искусство», Р. Кирсановой и Н. Лебиной, а также энциклопедические словари.

* ***Наталья Вячеславовна Страхова*** – канд. истор. наук, ст. преподаватель кафедры музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова (г. Ярославль).

** ***Оксана Николаевна Макарова*** – студентка 4-го курса отделения «Музеология» исторического ф-та (г. Ярославль).

© Н. В. Страхова, О. Н. Макарова, 2007

После революции 1917 г. проблемам моды не уделялось внимания, лишь в период НЭПа были восстановлены прерванные связи с парижской модой. Появляются французские журналы, начинают издаваться отечественные: в 1922 г. «Новости мод. Художественный ежемесячный журнал последних парижских мод», в 1923-м – «Последние моды. Журнал для женщин», в 1924-м – «Моды».

Именно в 20-х гг. были сформированы принципы нового костюма, рождались гениальные по своей прозорливости проекты массовых форм одежды, намечались конкретные пути претворения творческих эталонов в массовую промышленную продукцию. Блестящее творчество пионеров нового костюма – Надежды Ламановой, Веры Мухиной, Александры Экстер, Любови Поповой, Варвары Степановой, Надежды Макаровой, очень разных по своим индивидуальностям, но стремившихся к осуществлению одной цели, заложило прочный фундамент теории и практики советского костюма. Все они участвовали одновременно в работе разных областей искусства: в проектировании одежды, текстильных рисунков, оформлении празднеств и спектаклей, стремясь воплотить идею слиянии искусства со стихией жизни. Главная цель творчества художников костюма – работа над созданием одежды, обладающей высокими художественными достоинствами; должно было быть достигнуто сочетание существующего направления европейской моды с национальными особенностями русского искусства.

В мирной обстановке, с укреплением производственной базы, потребовались вполне конкретные проекты нового костюма. При тресте «Москошвей» в 1923 г. открывается «Ателье мод», которое рассматривалось как центр искусства моделирования бытового костюма – своего рода прообраз будущего «Дома моделей одежды».

Постепенно сформировались две тенденции в советской моде: массовая и элитарная. К индивидуальной моде можно отнести платья «птичьего» силуэта – узкие, удлиненных пропорций, сшитые из дорогих материалов – шелка, парчи, меха. Сходство с птицей усиливалось в облике женщины благодаря короткой стрижке и шапочке, плотно облегавшей голову, а иногда закрывающей лоб и один глаз. Узкая остроконечная обувь с перепонками – застежками дополняла этот ансамбль. Подчеркнутая дороговизна и роскошь такого туалета очевидна, он демонстрирует эти качества, откровенно адресуясь узкому кругу покупателей.

Резкий контраст составляли простые и дешевые, сшитые из х/б тканей платья рабочих женщин, полосатые майки и короткие,

прямые или слегка расклешенные юбки девушек. В то же время существовали длинные юбки, доходившие почти до земли, их предпочитали носить пожилые женщины. Основной массовой формой обуви стали спортивные тапочки.

Первыми модельерами страны Советов стали: Ламанова – модельер-дизайнер, Мухина – известный скульптор, Экстер – живописец, представитель декоративного кубизма, Прибыльская – знаток и специалист в области народной вышивки, Макарова – ставшая впоследствии первым руководителем Московского дома моделей одежды. В 1925 г. их пригласили участвовать на Всемирной выставке в Париже. Они завоевали высшую награду «Гран при» «за костюм, основанный на народном искусстве».

Наряду с элитными моделями эти модельеры предлагали проекты прозодежды, т. е. производственной одежды, спортивного и служебного покроя платья, строгих форм, удобных и практичных. «...Костюм широкого потребления, – настаивали они, – должен состоять из таких простейших геометрических форм, как прямоугольник, квадрат, треугольник; исполненные в самых простых материалах (холст, сатин, шелк, шерсть), одежды, легко видоизменяясь, не могут надоесть…»

В заключение можно сделать следующие выводы:

В 20-х гг. в СССР выделяются два основных направления в конструировании одежды: массовое производство и создание элитарной одежды. При этом массовые модели также разрабатываются ведущими дизайнерами страны.

Конструктивистские установки приводят к установлению четкой связи между изобразительным искусством и модой, дизайн одежды воспринимается как работа над произведением искусства.

В период НЭПа работают известные модельеры – Н. Ламанова, Н. Макарова, А. Экстер, В. Мухина, Е. Прибыльская, заявившие о себе на международной арене. Благодаря «Ателье мод» СССР завоевывает высшие награды на международных выставках.

В целом следует отметить, что большинство тенденций современного дизайна одежды тесно связаны с разработками 30-х гг. Прежде всего это обращение к массовой одежде и ее оригинальному решению, тесная связь отечественных модельеров с мировым модельным делом. Мы можем говорить о переосмыслении опыта 20–30-х гг. прошлого века современными русскими дизайнерами.

Н. Г. Сумина*

Конструкция одежды: функциональность, эргономичность, комфортность

Современная одежда представляет собой совокупность технологических приемов, связанных между собой одной целью – созданием предмета, предназначенного для эксплуатации его человеком в условиях окружающей среды. Одежда образует своеобразную оболочку вокруг тела человека и должна обеспечивать ему нормальное физиологическое и психологическое состояние, его безопасность. В свою очередь, любое изделие – это технический объект, и притом системный, состоящий из отдельных элементов (деталей), находящихся в определенных отношениях и связях, образующих целостную единую структуру – конструкцию.

Конструкция является формообразующим фундаментом пространственной композиции, основой трехмерной формы костюма, своеобразным «скелетом» и одновременно его душой. Современная конструкция любого объекта должна демонстрировать, прежде всего, взаимосвязь эстетического и полезного. А поскольку конструкция одежды определяет ее образный строй – статичный или динамичный, то она, как правило, представляет функциональную, эстетически и художественно значимую форму. Поэтому современная одежда должна обладать высоким уровнем технологии изготовления и служить своеобразным эталоном качества. Знаком научно-технического прогресса. Таким образом, важнейшим аспектом проектирования одежды является разработка эталона формы, в котором гармонично сочетаются ее функциональные и эстетические свойства.

Функциональные свойства обусловлены несколькими составляющими: назначением изделия, способом его эксплуатации, воплощением изделия в конструкции, характером функциональных связей. Поэтому необходимо проектировать изделие, форма кото-

* ***Наталья Геннадиевна Сумина*** – ст. преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© Н. Г. Сумина, 2007

рого будет не только отвечать требованиям потребителя с точки зрения красоты, надежности, безопасности, но и обеспечит оптимальные условия для выполнения человеком основных функций.

В настоящее время при проектировании одежды особую актуальность приобрели вопросы, связанные с эргономическими свойствами как частью функциональных качеств одежды. Это продиктовано необходимостью освоения человеком новых сред обитания, расширения сфер производственной деятельности, освоения новых профессий, видов активного отдыха и спорта.

Появляются новые материалы и фурнитура для одежды. Они обладают комплексом новых физических, гигиенических и технологических показателей. Это приводит к изменению кроя современного костюма, способствует появлению новых форм одежды. Высокоэластичные материалы (такие, как поллартек, спандекс, флис и др.) при необходимости позволяют значительно сократить число деталей кроя в одежде и повысить ее эксплуатационные свойства. К ним относятся не только износостокость материалов и элементов конструкции, несминаемость, но и устойчивость конструкции (формы) одежды. Это означает, что из огромного разнообразия материалов следует выбирать только те, которые своими физико-механическими свойствами смогут обеспечить постоянство этой формы.

Говоря о появлении новых видов активного отдыха и спорта, нельзя не отметить появление массового интереса к занятиям верховой ездой. Исследования ассортимента одежды для верховой езды показали, что данный вид одежды пользуется большим спросом. На примере этой ассортиментной группы можно проследить структурные связи в системе «человек – одежда». Данный вид одежды должен разрабатываться с учетом всех видов нагрузки и кинематики движения, которое испытывает тело человека в процессе верховой езды. При этом необходимо учитывать единую взаимосвязанную систему «лошадь – всадник», что обязывает особый акцент сделать на эргономические и гигиенические факторы.

Организм человека является биологической тепло- и саморегулирующейся системой, которая очень чутко реагирует на характер внешних воздействий. Поэтому при проектировании одежды необходимо учитывать такие эргономические показатели, как соответствие одежды антропометрическим характеристикам тела человека в статике и динамике. Эти показатели определяют качество посадки изделия на фигуре. При оценке качества конструкции швейного изделия наиболее удачными являются понятия «удобство» и «комфорт». Идеальная конструкция должна обеспечить нормальную терморегуляцию у человека путем создания оптимального пододежного микроклимата и защиту тела от неблагоприятных климатических воздействий, загрязнений, повреждений.

Для создания идеального пододежного микроклимата необходим выбор рациональных значений прибавок на свободное облегание. Последние зависят от таких факторов, как форма проектируемого изделия, его назначение, а также от структуры и волокнистого состава материала. Одежда, спроектированная без учета этих требований, повышает вероятность травматизма, быстрого утомления, ухудшения состояния здоровья. Один из примеров тому: появление такого специфического заболевания, как «джинсовый дерматит», у потребителя плотно облегающих джинсов. Поэтому в процесс проектирования технической структуры одежды должны быть заложены основополагающие принципы системы «человек – одежда – окружающая среда», такие, как комфортность и безопасность.

Научное издание

Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках

Материалы X международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 5–6 апреля 2007 года

Том второй

Редакторы:
Е. В. Головина, А. В. Гоштейн, С. В. Фельдман
Компьютерная верстка:
Т. В. Архипова, В. В. Курьянович

Подписано в печать 12.03.2007. Формат 60x90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 250 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0329 от 13.10.2000

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.